

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

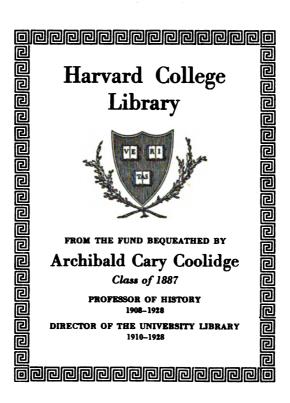
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

L Soc 3983.29

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

втораго отдъленія

императорской академии наукъ.

RHUFA IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

PRINTED IN RUSSIA.

ученыя записки.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

втораго отдъленія

императорской академіи паукъ.

Редакторъ: Академикъ ш. ш. Срезисискій.

RHMIA IV.

GAHKTHETEPSYPF'S.

въ типографіи императорской академіи наукъ

PARYARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 22 февраля 1858 года.

За Непремъннаго Секретаря К. Веселовскій.

СОДЕРЖАНІЕ

четвертой книги

УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРАГО ОТДЪЈЕНІЯ АКАДЕМІЙ НАУКЪ.

I.	ABTOUNCH	BTOPATO	отдъленія	императорской	AKAAEMIN	наукъ.
1. Отчеть Императорской Академіи Наукъ по Отдыс- нію Русскаго языка и словесности за 1856 годъ. А. В. Никитенка						
2. Приложеніе въ Отчету: Церковно-Славянскій Словарь А. Х. Востокова, издаваемый въ «Матеріалахъ для словаря и грамматики». И. И. Срезневскаго хіх — хілі						
		II. PA	жужденія,	изслъдованія и оче	PKN.	
1. Высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Өеодоровича. <i>К. И. Арсеньева</i>						
 Очеркъ дитературной исторіи старинныхъ пов'єстей и сказокъ Русскихъ. А. Н. Пыпина						1 — 360
NUMBERO ASSESS TO LECKARD II A. Japaneckaro						4 _ 50

лътописи

втораго отдъленія

императорской академіи наукъ.

OTTETЪ

императорской академіи наукъ

OI OTABLEHIEO

РУССВАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

24 1856 годъ.

(OPA. AKAA. A. B. HBRUTBHRO).

Милостивые государи!

Дъятельность Втораго Отдъленія Императорской Академіи Наукъ въ истекающемъ году продолжалась въ томъ же направленіи, какъ и въ годахъ предшествовавшихъ. Направленіе это было преимущественно филологическое. Отдъленіе старалось, сколько отъ него зависьло, приводить въ извъстность памятники какъ нашего Старославянскаго, такъ и Русскаго языковъ; старалось уяснять и обсуживало свойства, богатство и духъ послъдняго со всъми его мъстными и другими видоизмъненіями, чтобы такимъ образомъ собрать большее число матеріаловъ и приготовить способы къ полному историческому и теоретическому его уразумъню. Трудъ этотъ огроменъ и конечно не можетъ быть совершенъ иначе, какъ долголътними усиліями многихъ лицъ. Но кто же изъ васъ, мм. гг., усомнится въ важности и необходимости его? Можно ли, при нынътнемъ состоя-

74. 8AH. — NH. 1V. — OTA. 1.

ніп филологической науки, построить прочное зданіе языковкабнія безъ этого внимательнаго и упорнаго анализа всёхъ данныхъ, какія выработались національнымъ духомъ и улеглись въ составъ языка въ слъдствіе безпрерывно движущейся живой мысли народа, ничего не созидающаго безъ естественныхъ и сильныхъ побудительныхъ причинъ? Время произвольныхъ шаткихъ ученій о языкъ прошло, и должно надъяться, для блага истинной науки, прошло невозвратно. Это было время то отвлеченных умозрѣній, не основанных на разнообразных в фактахъ языка и на сравненіи ихъ съ фактами другихъ, какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ языковъ; то систематическаго установленія правиль, которыя извлекались изъ образцевь одного литературнаго выраженія мыслей, далеко неисчерпывающаго всей глубины, силы и средствъ языка всенароднаго, языка всехъ эпохъ народной жизни, всехъ степеней образованности, нуждъ, состояній и містностей страны. Второе Отдъление постоянно стремилось къ своей филологической цъли. Оно не устрашалось кажущейся незначительности или сухости предметовъ, поступавшихъ въ кругъ его изследованій; оно понимало, что назначение его не въ томъ состоитъ, чтобы наслаждаться плодами истины, а въ томъ, чтобы возделать для нихъ почву, безъ чего плоды невозможны. Въ области науки, какъ и въ жизни, существуютъ многія и различныя назначенія: иныя изъ нихъ блистательне и счастливее, но все достойны уваженія, коль скоро представляють возможность служить дізлу истины в добра. Отделеніе, смемъ сказать, мужественно проникало въ пустыни, неоживленныя цв тами изящныхъ произведеній слова; ступало по пескамъ и обломкамъ кое-какихъ уціавшихъ словъ, полуисчезнувшихъ ветхихъ формъ, чтобы дойти до смысла, нѣкогда ихъ оживотворявшаго, до значенія, нередко проливающаго светь на самый быть и исторію народа, до закона, который управляль отжившимъ явленіемъ и все еще состоить въ таинственной, непрерывной связи съ современнымъ движеніемъ языка, а потому необходимъ въ его взученів.

Второе Отафленіе однако очень хорошо понимаєть, что эти историко-филологическія операціи составляють только поло-

вину его назначенія и что ему предстоить другой, не менъе важный подвигь - ученое содъйствіе движенію и успъхамъ литературы изящной и литературнаго языка. Мы говоримъ ученое, мм. гг., и готовы дать объяснение этому слову, не совстыть, по видимому, согласующемуся съ общепринятымъ понятіемъ о литературь. Нътъ сомивнія, что задача и способы ея рышенія въ литературъ иныя, нежели въ наукъ. Тамъ и здъсь дъйствують единый, всецёлый и нераздельный духь человеческій; но въ наукъ онъ является могуществомъ разумънія, въ литературъ могуществомъ творчества. Въ одной настойчивымъ, всеразлагающимъ, неумолимымъ анализомъ онъ преследуетъ явленія, допытываясь отъ нихъ закона, дающаго имъ бытіе и смыслъ; въ другой тотъ же духъ человеческій, запечатлевая дознанные имъ предметы синтетическимъ своимъ воззръніемъ, вводитъ вхъ въ кругъ новыхъ соотношеній — соотношеній ихъ со всеобщею жизнію и съ потребностями человіческаго сердца, преобразуеть ихъ согласно съ этимъ двойственнымъ началомъ. Литература, какъ сила преимущественно синтетическаго происхожденія, предается свободно, иногда своенравно, своимъ стремленіямъ и начинаеть свое развитіе ранве, нежели наука. Но когда познающая, анализирующая способность духа, начинаетъ свои неизбежныя действія и наука вступаетъ въ свои права, тогда литература невольно подклоняется подъ ея охравительное благотворное иго. Какъ выражение закона и законности во всемъ существующемъ въ природ в и творимомъ въ человвчествв, она предлагаетъ литературв свои опыты и наблюденія и надъ тімъ, что сія послідняя предпринимаеть изображать, и надъ самыми способами изображенія. Отъ этого столь естественнаго и прекраснаго союза съ наукою, литература становится плодотворные, возвышенные въ своихъ видахъ, тверже в благонадежные въ своихъ основныхъ убъжденіяхъ, -- словомъ, она почерпаетъ въ наукт вовыя силы, и уже за-одно съ нею, бодрствуетъ надъ преуспанніемъ человака во всемъ, что укращаетъ его жизнь и возвышаетъ его достоинство. Вотъ въ какомъ смыслф мы понимаемъ содфиствіе литературф и литературному языку со стороны тъхъ, кои посвящаютъ себя имъ съ учеными цълями, и въ этомъ, конечно, мм. гг., заключается

одна изъ обязанностей нашего Отд вленія. Спеціальныя изслыдованія о разныхъ вопросахъ, касающихся основныхъ началъ и исторіи отечественной изящной литературы, о разныхъ видоизміненіяхъ и требованіяхъ литературнаго языка, должны обратить на себя его внимание. Это значитъ къ труду обширному и многосложному, ныи занимающему Отделеніе, присоединить трудъ новый и столь же многосложный. Отделеніе конечно и не помышляетъ уклониться отъ него, тъмъ боле, что оно вполнъ сознаетъ его важность для нашей юной и неокръпшей литературы. Всякое серьезное, на началахъ основанное сужденіе, всякое изысканіе, ведущее къ уразумінію и проясненію истинныхъ для нее основаній, къ очищенію вкуса, не можетъ не быть желаемо и необходимо. Но вы знаете, мм. гг., что метода и последовательность въ труде, заключающемъ въ себъ столь многія требованія, суть одни изъ главныхъ ручательствъ за благія его посл'адствія. Въ дель науки бывають работы предварительныя и неотложныя, не исполнивъ которыхъ, нельзя съ полною върою въ успъхъ предпринять другихъ, какъ бы онъ ни казались существенными. Такими предварительными, и въ особенности, неотложными работами мы считаемъ именно работы филологическія. Что можно сказать объ изящныхъ литературныхъ явленіяхъ глубокаго и върнаго, достойнаго науки и эпохи ея, когда самый языкъ со встми изумительными его богатствами представляется ей еще въ какомъ то тускломъ отдаленія, какъ громадное в великолівное зданіе, врата въ которое отперты немногимъ даже изъ дъятелей литературныхъ, когда далеко не всв его сокровища, накопленныя въками, и не всъ законы ихъ употребленія приведены въ извъстность, когда почіющія въ цихъ народныя возэртнія на вещи и первоначальныя стихіи народнаго чувства, народнаго вкуса не извлечены изъ него, чтобы быть надежными стражами и хранителями нашей литературной самобытности? Не соединены ли, мм. гг., теснейшими узами самые драгоценные интересы нашей народности съ историческими судьбами и движениемъ нашего языка, и можно ли въ настоящее время разсуждать о литературъ, не нося въ сердиъ своемъ живыхъ върованій, священныхъ преданій народности, и следовательно, не стремясь

сдълать себъ доступнымъ вездъ и все, что можетъ прибавить къ нимъ хоть каплю силы и ясныхъ удостовъреній? Стараясь въ основныхъ понятіяхъ науки о языкв не быть ниже требованій въка и не откладывая возможнаго для себя примъненія ея указаній, потому что въкъ не ждеть и наука не терпить на своихъ страницахъ пробъловъ, Второе Отдъленіе, и въ настояшій періодъ своей діятельности, не отділяеть себя отъ вопросовъ чисто-литературныхъ, отъ началъ и видовъ вкуса, отъ всего, чъмъ проявляется эстетическое творчество; - напротивъ, оно постоянно простирало къ нимъ заботливый взоръ, какъ къ высшимъ цёлямъ, для которыхъ трудится языковъдёніе. Отдъленіе идетъ къ нимъ на встрічу, неся въ дань совміншающему ихъ въ себъ литературному образованію отечества, можетъ быть, недостаточные по массв, но, смвемъ думать, нелишенные пользы по направленію и сущности плоды своихъ усилій, которыхъ литературное образованіе не отвергнетъ, потому что авло языка, въ какомъ бы то ни было отношеніи, оно не можетъ не считать своимъ леломъ.

Позвольте же, мм. гг., кратко представить снисходительному и просвъщенному вниманію вашему результаты этихъ усилій за истекшій годъ. Считаемъ нужнымъ предварительно напомнить вамъ о составъ Отлъленія. Лицъ, призванныхъ къ академической дівятельности, находится въ этомъ Отдівленіи 16 съ званіемъ Ординарныхъ Академиковъ, 2 Экстра-ординарныхъ и 2 Адъюнкта. Къ нимъ принадлежить, сверхъ того, 12 Корреспондентовъ внутри имперіи и вив ел 5. Вновь избрано въ сіи последніе изъ отечественных в ученых в литераторов 7, изъ иностранных 2. Настоящая действующая сила Отделенія заключается въ наличныхъ въ Санктпетербургв находящихся Членахъ; нестіе на себъ всъ труды его, принимавтіе постоянное участіе въ академическихъ засъданіяхъ Члены сіи суть: Председательствующій въ Отделеніи И. И. Давыдове, Преосвященный Епископъ Винницкій Макарій, К. И. Арсеньево, П. Е. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ (до отъ взда своего въ маћ мъсяцъ за границу), И. И. Срегневскій, А. В. Никитенко, М. А. Коркуновъ, Я. К. Гроть и П. П. Дубровскій.

Отделеніе, приводя себе на память все имевшее благопріятное вліяніе на судьбу его, не можетъ не остановиться здёсь съ чувствомъ глубокой признательности къ своему высокому Президенту, Его Сіятельству Графу Д. Н. Блудову. Онъ постоянно напутствоваль в одушевляль насъ на нашемъ попришь своимъ сочувствіемъ, своею жаркою любовію къ отечественной словесности, которыя расцвыли въ немъ вмысть съ лучшею эпохою нашей литературной славы и которыя умблъ сохранить онъ во всей ихъ свёжести среди важныхъ государственныхъ заботъ. Отделение считаетъ при семъ долгомъ своимъ выразить также живъйшую благодарность за теплое, просвъщенное содъйствіе въ трудахъ его Высокопреосвященному Митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому Григорію, Преосвященному Епископу Харьковскому Филарету и Его Высокопревосходительству Барону Модесту Андреевичу Корфу.

Мы понесли также и прискорбную утрату кончиною одного изъ нашихъ достойныхъ Почетныхъ Членовъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михаила Өедоровича Соловьева, бывшаго много лѣтъ профессоромъ химіи въ здѣшнемъ университетѣ и оставившаго по себѣ памятъ отличнаго педагога в благороднѣйшаго человѣка. —

Вамъ извъстно, мм. гг., что удовлетворительные словари составляють одно изъ важныхъ свидътельствъ и вмъстъ условій правильнаго хода встхъ филологическихъ начинаній. Настоятельная потребность отечественнаго языковъдънія, безъ сомительная потребность отечественнаго языковъдънія, безъ сомительная потребность отечественнаго языковъдънія, безъ сомительная потребность общемъ словарт — этомъ великомъ хранилищъ матеріальныхъ богатствъ языка. Но не менте необходимы, хотя не столь важны по значенію своему и объему, и словари спеціальные. Отдъленіе, приготовляя постепенно матеріаль и средства къ составленію общаго словаря, который, по громадности своей, требуетъ немало времени и соотвътственныхъ себъ усилій и способовъ, прилагало попеченіе и о второстепенныхъ пособіяхъ этого рода. Любителямъ отечественной филологіи извъстенъ изданный уже Отдъленіемъ «Словарь областныхъ словъ Великорусскаго языка». Само собою разумъется, что это изданіе составляеть только какъ бы вступленіе въ

полный обширный словарь областныхъ словъ, которое должно расширяться и возрастать по мара вновь добываемых в матеріаловъ. Этихъ дополненій, разсмотрвиныхъ въ засъданіяхъ Отавленія, отпечатано нынь, подъ редакціей Ординарнаго Академика А. Х. Востокова, 14 листовъ, до буквы Н. До сихъ поръ слова областныя, эти многоразличные и сочные отпрыски общаго народнаго языка, были недоступны наукв и литературв; а безъ нихъ можно ли вполнъ обнять всю многосторонность, гибкость и своеобразіе отечественнаго языка? И сколько поучительнаго для филолога заключается въ построеніи и склад' сихъ словъ, въ отношеніяхъ ихъ къ мѣсту ихъ родины и самыхъ уклоненіяхъ отъ языка общенароднаго! Здёсь видимъ мы, какъ смыслъ народный, охватываемый отвсюду въ предълахъ извъстнаго пространства, то вліяніями природы, то судьбами и событіями окружающей его среды общественной, отодвигается, такъ сказать, въ сторону отъ широкаго движенія общей мысли народа, и не переставая однако быть темъ же Русскимъ смысломъ, силится проявить въ звукахъ, иногда совершенно вовыхъ и неожиданныхъ, свои насущныя понятія, свои воззрѣнія на вещи, свой оригинальный юморъ и даже поэтическую игру своей фантазіи. Отдівленію принадлежить та заслуга, что оно первое устремилось на эти раскидывающиеся далеко проселочные пути Русского слова, которые хотя разными направленіями, но вст ведуть къ одной прекрасной цтая — къ уразумівнію нашей великой народности въ одномъ изъ ощутительнейшихъ ея проявленій — въ языкь. Желая сколь возможно поливе совершить это филологическое предпріятіе, Отдъление обратило внимание и на цълыя наръчія, образовавшіяся въ средъ Русскаго народа вліяніемъ разныхъ историческихъ событій: оно пріобрало въ истекающемъ году насколько значительныхъ матеріаловъ для Словарей Малорусскаго и Бълорусскаго, которые, по тщательной ихъ поверке и разсмотрении, будутъ изданы. Начато также печатаніе Словаря Болгарскаго, составленнаго г. Геровымъ. Но важи вішій лексикологическій подвигъ, долженствующій занять почети вішее місто въ літописяхъ Втораго Отделенія, есть Словарь Церковно-Славянскаго азыка, составленный знаменитымъ нашимъ филологомъ Ординарнымъ Академикомъ А. Х. Востоковымъ. Словаря сего отпечатано уже 10 листовъ. Излишне было бы распространяться
о достоинствъ подобнаго труда: его названіе и имя его виновника достаточно ручаются за то, какое драгоцьное пріобрьтеніе найдутъ въ немъ всь занимающіеся отечественною филологіей. Скажемъ только, что это плодъ глубокихъ триднатильтнихъ изысканій и изученія, обнимавшихъ письменные и печатные памятники древньйшаго церковно-Славянскаго языка.
Одно количество источниковъ, изъ коихъ неутомимый лексикографъ черпалъ матеріалы, приводитъ въ изумленіе: къ нимъ относятся рышительно всь нечатныя книги и 130 рукописей.
Академикъ И. И. Срезневский внесъ въ Отдъленіе приготовленный имъ къ печати разборъ, гдь съ обычнымъ ему знаніемъ
льла представляетъ полную и подробную оцьнку этого монументальнаго ученаго созданія.

Начатаго г. Косовичемо Санскрито-Русскаго Словаря въ нынъшнемъ году отпечатано 13 листовъ.

Возможное усовершенствование грамматическаго изучения отечественнаго языка служитъ предметомъ постояннаго вниманія и заботъ Втораго Отделенія. Вамъ известно, мм. гг., что глубокія и всестороннія ученыя изслідованія о происхожденіи, составъ и сродствъ языковъ, сдъланныя въ послъднее время преимущественно въ Германіи, привели къ весьма важнымъ результатамъ въ ихъ изученіи. Оказалось, что для полнаго уразумвнія языка недостаточно познаній настоящаго его состава п законовъ установившагося употребленія, но что для этого надобно знать весь ходъ его постепеннаго развитія и образованія и объяснять законы эти законами народной исторической жизни и мысли, потому что въ языкъ все отъ нихъ исходитъ и все къ нимъ обращается; а чтобы поставить себя на точку зрѣнія, на которой бы можно утвердиться окончательно въ синтетическомъ воззрвніи на языкъ, надобно понять его место въ группв не только сопредельныхъ ему, но и отдаленныхъ другихъ языковъ и опредълить какъ историческія ихъ соотношенія, такъ и ть вычныя начала, какія дыйствують во всых языках в, исходя изъ общихъ законовъ человъческаго ума. Такимъ образомъ естественно въ изучении языка пришли къ методъ историко-сравнительной, — къ методъ, объщающей самыя благія послъдствія з не только для языковъдънія, но и вообще для исторіи человъчества. Наше отечество не могло быть чуждымъ всеобщаго движенія въ кругу столь важныхъ предметовъ науки, — и Второе Отделеніе съ живейшимъ участіемъ приняло вызовъ одного изъ достопочтенныхъ своихъ Сочленовъ заняться опытомъ примъненія началь сравнительнаго изученія къ Русской грамматикъ. Плодомъ этого ръшенія была Общесравнительная Грамматика И. И. Давыдова, напочатанная первымъ изданіемъ 1852 года и после еще два раза вновь изданная 1853 и 1854 годовъ. Но дабы въ самое преподавание внести начала новой методы, Отделеніе въ нынешнемъ году возложило на него же г. Давыдова составить сокращение изъ этой Грамматики, удобоприлагаемое къ потребностямъ учащихся. Въ этотъ новый трудъ войдуть тв необходимыя пополненія и изміненія, которыя вызываются дальнъйшимъ опытомъ самого составителя Грамматики и наблюденіями людей, занимающихся постоянно наукою отечественнаго языка и нечуждыхъ современныхъ ея успъховъ и требованій.

Вы позволите намъ, мм. гг., выразить, въ присутствів вашемъ, чувство нѣкотораго довольства, естественнаго въ дѣлѣ труда, не вовсе лишеннаго общеполезности, что первый шагъ на пути систематическаго усовершенствованія въ методѣ изученія роднаго языка сдѣланъ въ средѣ Отдѣленія.

Въ ознаменованіе совершившагося стольтія Русской грамматики въ 1855 году, Отдівленіе положило приготовить новое изданіе первой Русской грамматики безсмертнаго Ломоносова, вапечатанной 1755 года. Оно хотівло изданіемъ симъ торжественно почтить память родоначальника нашей науки и литературы и показать важность его грамматическаго труда и вліяніе на послідующіе успівхи языкоученія. Въ предисловіи, написанномъ, по порученію Отдівленія, Предсідательствующимъ И. И. Давыдовымъ, послів историческаго очерка сочиненій, какими пользовались предки наши при изученіи языка своего до Ломоносова, показаны достоинства и значеніе его грамматики и тіз улучшенія, какія произошли въ грамматикахъ, послів него изданныхъ въ теченіе стольтія. Грамматика Ломоносова, подъ набаюденіемъ Адъюнкта Академін П. П. Дубровскаго, перепечатана буквально съ перваго изданія.

Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, Второе Отдівленіе имівло счастіє посвятить свое изданіе Его Императорскому Высочеству Государю Наслівдінику.

Върное стремленію изследовать языкъ по всевозможнымъ источникамъ, какіе представять счастливый случай или любознательная ревность сотрудниковъ Отделенія, оно и въ текущемъ году продолжало подвергать тщательному разсмотрѣнію замѣчательнѣйшіе изъ памятниковъ Славяно-Русской филодогім. Світавнія объ этихъ памятникахъ и описанія ихъ вносимы были въ засъданія превмущественно Ординарнымъ Академикомъ И. И. Срезневскимъ. Таковы между прочимъ: 1) Свъденіе о двухъ харатейныхъ Евангеліяхъ, изъ которыхъ одно XIV въка, а другое, писанное Глаголитскимъ письмомъ, принадлежить къ эпохъ еще древнъйшей. 2) Описаніе харатейной праздничной Минеи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекъ, и относимой, по палеографическимъ и другимъ соображеніямъ, къ XI или XII въку. 3) Извъстіе о древнемъ канонъ въ честь св. Вечеслава Чешскаго, найденномъ въ минеяхъ Синодальной и Софійской Новгородской Библіотекъ и сохранившемся въ спискахъ XII и XIII въка. Въ этихъ же минеяхъ приведенъ и другой любопытный канонъ первоучителямъ Славянскимъ Кириллу и Меоодію. 4) Академикъ И. И. Срезневскій также сообщилъ Отдълению изслъдование свое о редакціяхъ «Русской правды» и о порядкъ статей ея, къ которому присоединенъ сравнительно по лучшимъ спискамъ опыть чтеній этого драгоцівнаго памятника древностей и языка нашего, не вполнъ еще объясненнаго въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ.

Между свъдъніями, собранными знаменитымъ Славянистомъ Шафарикомъ и сообщенными Академиками Куникомъ и Срезневскимъ, найденъ одинъ замъчательный отрывокъ изърукописи XI въка, писанный Глаголитскимъ письмомъ, содержащій въ себъ такъ называемые свътильни, то есть заключятельныя пъснопънія всенощной, въ которыхъ часто повторяется слово: свъть. Академикъ Срезневскій обратилъ особенное вня-

маніе на этотъ древній памятникъ Церковно-Славянскаго языка, принадлежащій, по мифнію Щафарика, къ концу XI въка, и представиль объясненія свои, вифстф съ извлеченіями изъ писемъ, писанныхъ ему объ этомъ предметф Шафарикомъ же. Въ числф свфдфній о памятникахъ древне-Славянскаго языка, составляющихъ предметъ филологическихъ изслфдованій, находится внесенное Академикомъ А. Х. Востоковымъ описаніе харатейной рукописи XII въка, принадлежащей Академической библіотекф. Рукопись сія содержитъ стихиры избраннымъ святымъ и праздникамъ по порядку мфсяцеслова съ 1-го сентября по 31-е августа, къ чему присоединены ноты, писанныя крюками.

Отдъленіе, дорожа всъми источниками, откуда можно почерпать данныя для филологическихъ изысканій, и считая по справедливости харатейныя рукописи, по древности ихъ, главнъйшими въ этомъ случать, истребовало изъ Новгородской Духовной Консисторіи подлинную грамоту князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 года и подобную же грамоту преподобнаго Варлаама монастырю Хутынскому 1192 и 1193 годовъ. Онт переданы И. И. Срезневскому для снятія съ нихъ снижовъ и приготовленія къ изданію.

Какъ отрасль Академін — сего высмаго ученаго сословія виперіи, Второе Отделеніе естественно должно стремиться къ тому, чтобы расширить кругъ своихъ ученыхъ сношеній и стать для извъстнаго рода предметовъ какъ бы изкоторымъ средоточіемъ, куда притекали бы разные по вимъ изыскавія и опыты и гав бы достойные изъ нихъ находили и сочувствіе себъ и ободрение. Отдъление съ удовольствиемъ видитъ, что усилія его въ этомъ отношенія съ каждымъ годомъ становятся успѣшнѣе; многіе изъ дѣятелей на поприщѣ филологическомъ обращаются къ нему, предлагая на судъ его, или ввъряя его участію, плоды своихъ изысканій и наблюденій. До сорока подобныхъ приношеній оно подвергало въ настоящемъ году своему разсмотрѣнію. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались заслуживающими вниманія Отделенія и места въ его актахъ, другія приняты къ соображенію. Такъ учитель Новгородской гимназіи Купрівново сообщилъ поученіе св. Иларіона по списку Новгородской Софійской библіотеки, также собраніе пословицъ и поговорокъ, выписанныхъ имъ изъ рукописи XVI въка; попобиыя же собранія доставлены учителемъ Вятской гимназіи Москвинымо и священникомъ Козьмодемьянского увада Громовымъ. Профессоръ Московскаго университета И. Д. Бъляевъ доставиль слово Даніила митрополита Московскаго, вибств со своимъ разсужденіемъ, гдв онъ разсматриваетъ значеніе сего святителя какъ пастыря церкви и какъ знаменитаго проповѣдпика первыхъ годовъ XVII столетія. Г. Дестунись прислаль любопытныя заметки о следахъ Славянского языка въ языке Новогреческомъ. Заключающееся въ сихъ языкахъ сходство авторъ относитъ не къ вліянію ихъ другъ на друга, какъ думали нѣкоторые, а къ сродству сихъ языковъ во времена доисторическія, и объясняеть его единствомъ племеннаго происхожденія. Отъ него же полученъ переводъ Приска съ коментаріемъ, которые предположено напечатать въ Ученыхъ Запискахъ Отделенія. У чителемъ Юшкевичемо доставлены: сравнительный разборъ главныхъ свойствъ Литовскаго языка и разборъ Шлейхеровой грамматики сего языка. Корреспондентъ Отдъленія г. Бычково представиль записку о весьма замітчательномъ отрывкъ рукописи, сообщенномъ ему помъщикомъ г. Стрельбицкимъ. Отрывовъ этотъ содержитъ въ себе некоторыя изъ словъ Іоанна Златоустаго въ переводъ на Церковно-Славянскій языкъ, и принадлежитъ, по всемъ вероятностямъ, къ XI стольтію. Г. Бычковъ, сличивъ его съ Супрасльскою рукописью по изданію Миклошича, нашель, что онъ не извлеченъ изъ рукописи, досель бывшей неизвыстною, но составляетъ XVII и XVIII тетради Супрасльской рукописи, или начало второй ея половины, напечатанной г. Миклошичемъ по списку, снятому съ подлинника Копитаромъ, и которой место храненів было издателю неизвъстно. Г. Бычковъ свърилъ подробно текстъ рукописи съ изданіемъ г. Миклошича, и нашелъ, что руковись сія содержить въ себь нъсколько немаловажныхъ всправленій печатнаго текста.

Отъ кончившаго курсъ въ здёшнемъ университетъ кандидата Пыпина получено весьма важное и обширное сочиненіе, въ которомъ онъ съ большимъ знаніемъ дёла и искусствомъ, сдёлавшими бы честь опытному ученому, разработываетъ предметъ почти совершенно новый въ нашей историко-литературной критикъ — Русскую повъсть съ древивишихъ временъ до конца XVII стольтія. Сочиненіе это печатается въ Ученыхъ Запискахъ.

Независимо отъ постояннаго участія въ сужденіяхъ о всёхъ вышевзъясненныхъ предметахъ, Члены Отдъленія предлагаля еще на разсуждение его особенныя свои изследования, относящіяся къ разнымъ вопросамъ языка и словесности, не переставая въ то же время, каждый изъ нихъ, вит круга академическихъ занятій, другими трудами содействовать успехамъ избранной выт науки. Такимъ образомъ И. И. Давыдовъ читалъ въ нёскольких заседаніях свои изъясненія Русских синонимь. Въ Отделени давно определено было заняться этою важною отраслію языковідівнія, и въ ныпівшнемъ году положено этому начало. Председательствующій въ представленномъ имъ опыте сперва изложилъ вообще значение синонимъ; потомъ показалъ все, что извъстно лучшаго по этому предмету какъ въ литературахъ иностранныхъ, такъ и въ нашей, и привелъ несколько примъровъ Русскихъ синонимъ, изъясненныхъ по идеъ, подоженной имъ въ основание. Отделение, одобривъ прекрасный трудъ своего Председателя, изъявило желаніе, чтобы подобный анализъ синонимъ былъ продолжаемъ для изданія со временемъ сборника по образцу Мейерова сборника Нъмецкихъ сиионимъ.

Преосвященный епископъ Макарій представилъ обзоръ редакцій Кіевопечерскаго Патерика, преимущественно древнихъ. Изъ объясненій его оказывается, что Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого либо лица, но принадлежитъ тремъ писателямъ, обработывавшимъ его по частямъ, именно преподобному Нестору, Симону и Поликарпу. Изъ отдъльныхъ, составленныхъ ими жизнеописаній образовался общій патерикъ разныхъ редакцій, изъ коихъ древнійшія суть: Арсеньевская, Осодосьевская, Акакієвская и Кассіановская. Другимъ изслідованіемъ преосвященный Макарій объясняль весьма важный историко-литературный вопросъ о древнемъ знаменитомъ нашемъ проповідникъ св. Кириллів Туровскомъ, сочиненія кото-

раго въ исторіяхъ нашей литературы приводимы были весьма неточно. Авторъ со свойственною ему обширною и многостороннею ученостію разсмотрѣлъ всѣ извѣстныя намъ доселѣ сочиненія св. Кирилла, какъ печатныя, такъ и сохранившіяся въ рукописяхъ; опредѣлилъ, какія сочиненія его потеряны и какія несправедливо ему приписываются, и наконецъ начертилъ вѣрную характеристику отличительныхъ свойствъ его высокаго и плодовитаго краснорѣчія.

Ординарный Академикъ К. А. Арсеньев представиль Отдъленію сочиненіе свое: Правительственныя лица времень царя Михаила Осодоровича, замівчательное по живой характеристикъ многихъ историческихъ діятелей избранной имъ эпохи, упоминаемыхъ въ разрядныхъ книгахъ.

Неутомимой дівятельности Члена своего И. И. Срезневскаго в усердію его къ двлу науки Отделеніе обязано многими филологическими трудами и разысканіями, исполненными какъ по порученію сего последняго, такъ и по возбужденію безпрерывно возникающихъ новыхъ требованій науки. Между разными произведеніями подобнаго рода, мы упомянемъ о весьма зам'вчательныхъ объясненияхъ его одного изъ древнихъ в до него необъясненныхъ удовлетворительно памятниковъ нашей литературы — Путевых записоко Аванасія Никитина, и техъ, которыя находятся съ ними въ связи. Въ теченіе текущаго года въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ найдено старинное Русское стихотвореніе О горь злосчасти, драгопынное по сохранившимся въ немъ чертамъ чистой народной поэзін, ума, чувства и по красотв народнаго лиро-эпическаго изложенія. Г. Срезневскій внесъ его въ одно изъ засъданій Отдъленія со своими коментаріями. Желая ближе ознакомиться съ литературными памятниками, хранящимися въ Новгородской Софійской библіотекь, Отделеніе поручило ему же Срезневскому, во время летнихъ вакацій, осмотреть сію сокровищницу древней нашей словесности, сколько позволить ему время. Изъ представленнаго г. Срезневскимъ отчета видно, что внимание его преимущественно было обращено на тв памятивки, которые находятся въ ближайшемъ соотношени съ сказаніями літописей и грамоть и съ вопросами филологіи, и изъ нихъ изыскатель занимался исключительно болъе древними

пергаментными рукописями XI — XIV въка, прочиталъ изъ хранящихся въ библіотекъ 85-ти, 32 рукописи и съ каждой снялъ по нъскольку снимковъ, всего болъе ста. Въ сборникахъ XV — XVII въка, писанныхъ на бумагь, онъ нашелъ также много любопытнаго — ученый букварь, нёсколько Славянскихъ грамматикъ, списки путешествій, отчасти неизвістныхъ, въ Царьградъ, въ Римъ, Іерусалимъ, Египетъ и пр. Все это составляетъ богатыя данныя для разныхъ филологическихъ и историческихъ соображеній и выводовъ. Но право на особенную признательность Втораго Отделенія г. Срезневскій пріобредь какъ редакторъ издаваемыхъ симъ Отдъленіемъ Извъстій. Изданіе это обнимаетъ всю текущую дъятельность Отдъленія; результаты наблюденій, изследованій, сделанных в имъ совокупно въ своихъ собраніяхъ, или каждымъ Членомъ въ особенности, доводятся до всеобщаго сведенія посредствомъ сихъ Известій. Кромъ трудной обязанности приводить все это въ порядокъ и распредвлять въ срочномъ изданіи, Редакторъ следить зорко и внимательно за всеми замечательнейшими явленіями Славянской филологіи за границей и Славяно-Русской въ предълахъ отечества, и въ составляемыхъ имъ рецензіяхъ даетъ, смотря по важности предмета, то краткій, то болье подробный отчеть съ добросовъстностію и критическимъ тактомъ, достойными науки и истиннаго ученаго. На немъ также лежитъ и редакція Ученыхъ Записокъ.

Ординарный Академикъ М. А. Коркуновъ, завѣдывающій, между прочимъ, дѣлопроизводствомъ Отдѣленія, внесъ въ него изслѣдованіе свое о введенномъ бояринѣ великаго князя Іоанна III — Иванѣ Кондратьевичѣ Судиславѣ; оно служитъ къ объясненію времени нѣкоторыхъ грамотъ, доселѣ опредѣляемыхъ неточно. Къ этому должно присоединить весьма любопытное открытіе, сдѣланное г. Коркуновымъ по вопросу о мѣстничествѣ: первый случай мѣстничества, указываемый Карамзинымъ, принадлежитъ къ 1501 году (Истор. Карамз. томъ VI, 299); древнѣйшее изъ дѣлъ по этому предмету, изданныхъ г. Ивановымъ, относится къ 1579 году. Но г. Коркуновъ отыскалъ правую грамоту, данную Сабурову о мѣстномъ старшинствѣ его передъ Заболотцкимъ, XV вѣка. Актъ этотъ,

могущій служить важнымъ дополненіемъ къ исторіи о мѣстничествѣ, будетъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія».

Адъюнктъ Я. К. Гроть занимался грамматическими изысканіями по части Русскаго языка, плодомъ койхъ было любопытное замѣчаніе о глаюлахъ съ подвижными удареніями. Онъ продолжалъ также этимологическія сравненія Русскихъ словъ со словами языковъ Германскихъ, особенно Скандинавскихъ, а равно Финскаго и другихъ, и наконецъ приступилъ къ труду, долженствующему оказать значительную услугу при историческихъ розысканіяхъ — къ разсмотрѣнію географическихъ именъ Финскаго и Шведскаго происхожденія, употреблявшихся въ древней Руси.

Адъюнктъ П. П. Дубровскій читаль отрывки своего «Опыта народнаго Польскаго словаря», окончаніемъ коего онъ нынѣ занимается. Въ немъ преимущественно опредѣлены тѣ слова, которыя могутъ служить поясненіемъ древнихъ памятниковъ Русской письменности. Онъ же читалъ записку о Польскомъ сочиненіи Малиновскаго, касательно новаго изданія «Словаря Линде», печетаемаго во Львовѣ, и поясненія къ статьѣ профессора Лавровскаго объ особенностяхъ стариннаго и народнаго Польскаго языка.

Изъ Членовъ, находящихся вив Петербурга, Ординарный Академикъ М. П. Погодинъ прислалъ въ Отдъленіе Записку, въ которой излагаетъ свое мивніе, подавшее уже поводъ къ ученой полемикв, о томъ, что Русскій языкъ не есть особый, самостоятельный, но происходитъ отъ Церковно-Славянскаго — мивніе, отвергаемое большею частію филологовъ и которое самъ г. Погодинъ прежде не признавалъ за истину. Отдъленіе конечно останется при своемъ убъжденіи, согласномъ съ мыслію, принятою современною наукою.

Отъ Преосвященнаго Филарета, Епископа Харьковскаго, полученъ Обзоръ Русской духовной литературы, который войдетъ въ составъ третьяго тома Ученыхъ Записокъ Отдъленія. До сихъ поръ главнымъ пособіемъ при изученіи духовной нашей литературы служилъ извъстный словарь покойнаго митрополита Кіевскаго Евгенія. Трудъ Преосвященнаго Филарета, обогащенный совершенно новыми данными и изысканіями, есть драгоцвиное пріобретеніе для исторіи отечественной словесности.

Заключимъ сіе обозрѣніе фактовъ, составляющихъ итогъ занятій Втораго Отдѣленія въ настоящемъ году, указаніемъ на тѣ изданія, которыя служили, такъ сказать, органомъ и проводникомъ ихъ въ публику. Изданія сій суть:

- 1. Извъстія Академическія; вышло 6 тетрадей.
- 2. Ученыя Записки, коихъ печатаются 3-й и 4-й томы.
- 3. Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики; 3-й томъ оконченъ и 4-й печатается.
 - 4. Дополненіе къ Областному словарю.
 - 5. Памятники и образцы народнаго языка и словесности.

Не желая утомлять вниманія вашего, мм. гг., мы старались въ сжатомъ очеркъ представить вамъ скромные труды Втораго Отделенія Императорской Академіи Наукъ, принесенные на алтарь отечественнаго просвъщенія съ благоговъйнымъ усердіемъ и чистою любовію. Дібятельность, имісющая въ виду не объяснение какого нибудь частнаго предмета вауки, но всю науку совокупно, измфряется цфлыми періодами усилій, конхъ результаты становятся ясными только въ изображеній судьбы и успъховъ всей ея вполнъ. Такая дъятельность имветъ свои фазы, зависящіе от преобладанія всеобщей мысли, господствующей неотразимо въ каждой сферв знанія и потребностяхъ въка. Тутъ есть свой неизбъжный законъ, повелъвающій дівиствовать въ данную эпоху такъ, а не вначе, обращать внимание преимущественно на тъ, или другие предметы. Отделеніе будеть считать себя счастливымь, если подобная обязанность, не столько, можетъ быть, блестящая, сколько общеполезная и необходимая, окажется предъ вами, мм. гг., не совствъ невыполненною въ тъхъ фактахъ, какіе мы имъли честь изложить въ семъ отчетв. Будущее конечно даетъ Обществу большіе залоги пользъ, которыя сопрягаются для него со всякимъ ученымъ учреждениемъ. Смфемъ сказать, что мы не оскудвемъ, по крайней мърв, въ рвеніи къ этимъ пользамъ. Когда съ высоты Царскаго престола раздается голосъ, возбуждающій умы на благородный подвигъ мысли и науки, кто изъ насъ не отзовется встмъ сердцемъ своимъ на священный

XVIII A. B. HUKUTEHKO, OTYETT BTOP. OTA. MMI. AK. HAYKT.

призывъ и не захочетъ честно послужить этому дѣлу чести, составляющему первую потребность и лучшую славу отечества? Отдѣленіе понимаетъ свой долгъ; оно знаетъ, что хотя въ измѣненномъ видѣ, но все же оно составляетъ наслѣдіе Великой Екатерины, ту Русскую Академію, которой Монархиня завѣщала охранять драгоцѣннѣйшую святыню нашей народности — слово и содѣйствовать его обогащенію и успѣхамъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ОТЧЕТУ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ СЛОВАРЬ А. Х. ВОСТОКОВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ «МАТЕРІАЛАХЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ И ГРАММАТИКИ» ПРИ «ИЗ-ВЪСТІЯХЪ ВТОРАГО ОТДВЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ».

(ОРД. АКАД. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО).

I.

Кому не бываетъ нужно справляться хоть иногда, хоть гдівнобудь о значени или употребленіи того или другаго Церковно-Славянскаго слова или выраженія? Этотъ вопросъ тъмъ умѣстнье, что общее мнініе издавна остается убѣжденнымъ, что и всѣ памятники древней словесности Русской написаны на томъ же Церковно-Славянскомъ языкѣ; такъ что въ одномъ и томъ же пособіи словарномъ можетъ чувствовать нужду не только любитель духовнаго чтенія и филологъ, но и историкъ, юристъ, археологъ, литераторъ. Къ какому же пособію имъ обращаться?

Значеніе этого вопроса ранбе других поняль протоісрей Петръ Алексвевь, и за усердное рышеніе быль награждень должною признательностью: его Церковный Словарь пережиль четыре изданія (1773—1776, 1794, 1815—1818, 1817—1819 гг.). Кто его досталь, тоть дорожить имъ, хотя бы и зналь его недостатки, неполноту и ошибки. Неполнота его впрочемь не безотносительна, потому что на 80 печатных листахь онь заключаеть вь себь слишкомъ 20,000 объясненныхъ словь, постоянно со ссылками на книги Св. Писанія, цер-

ковныя, учительныя, историческія и пр., изъкоторыхъ эти слова извлечены. Недостатки его простительны тъмъ болье, что матеріала, прежде подготовленнаго, было у него немного: Алфавить XVI—XVII въка, Лексиконт Памвы Берынды, Лексиконъ Треязычный, Симфоніи на Псалтырь и на Новый Завътъ. Для того, кто не владъетъ ни однимъ изъ языковъ иностранныхъ, словарь Алексъева тъмъ важите, что въ него вошло много энциклопедическихъ объясненій о предметахъ древностей ветхозавътныхъ и христіанскихъ, судьбахъ Церкви, особенно православной, о предметахъ разныхъ наукъ и художествъ. Все это теперь отстало, кое-что и просто невърно; но замънить словарь Алексъева и въ этомъ отношеніи для большинства Русскихъ читателей нечъмъ.

Уважая общую нужду, или по крайней мъръ связи литературнаго Русскаго языка съ языкомъ Славянскимъ, Россійская Академія въ обоихъ словаряхъ, ею изданныхъ — и въ словопроизводномъ (1789—1794) и въ азбучномъ (1806—1822) — выразила заботливость объ объясненіи словъ Старославянскихъ; по нуждъ, кто можетъ, обращается и къ нимъ, особенно ко второму, и не всегда напрасно. Но иногда, впрочемъ довольно часто, Россійская Академія имъла въ виду не столько правильное объясненіе словъ языка Церкви, сколько искуственное обогащеніе Русскаго литературнаго языка этими словами, болъе всего производными и сложными.

Въ 1831 году появился общій Церковно-Словяно-Россійскій Словарь П. С. (Петра Ивановича Соколова). Авторъ воспользовался въ немъ и печатнымъ, и рукописнымъ матеріаломъ Россійской Академіи, дополнилъ его кое-чъмъ отъ себя, и далъ всему сбору однообразіе подручнаго пособія, довольно богатаго вопросами (въ него вошло слишкомъ 63,000 словъ) и очень сжатаго въ отвътахъ. Немногимъ увеличенъ въ немъ запасъ богатствъ языка Старославянскаго; но по пуждъ надобно было пользоваться и имъ, — и пользуются досель тъ, которые успълв пріобръсти его.

Спустя тринадцать лѣтъ, появился и еще одивъ словарь, по богатству запаса несравнимый ии съ однимъ изъ прежнихъ — Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составлен-

ный Вторымъ Отделеніемъ Императорской Академіи Наукъ, Отавленіе замвнило Россійскую Академію въ концв 1841 года, а въ 1842 году было уже положено начало двухъ первыхъ, въ 1843 — двухъ остальныхъ томовъ, и не прошло шести лътъ со времени образованія Отдівленія, какъ словарь, почти въ 250 довольно большихъ печатныхъ листовъ, былъ напечатанъ. Сколько было нужно разнаго рода усилій, чтобы его составить, ясно изъ того, что въ составъ его вошло около 115,000 словъ, изъ которыхъ около четвертой доли древнихъ, старинныхъ, обветшалыхъ, хотя отчасти и подновленныхъ во вифинемъ видф, во требованіямъ современнаго литературнаго языка, неръдко со ссы ками на книги Св. Писанія, церковныя и т. п., равно какъ и на наши Русскіе древніе и старинные памятники. Нельзя не назвать этого словаря явленіемъ необычайнымъ, удивительнымъ. Второе Отдъленіе Академіи не совершенно привело имъ къ желаемой цъли стремленіе Россійской Академія, по крайней мъръ доказало, что оно достижимо. Оно бы и было достигну- · то, если бы заранъе былъ заготовленъ списокъ книгъ, изъ которыхъ надобно было выбрать слова, и если бы однимъ и тъмъ же опытнымъ сотрудникомъ были подмъчены въ этихъ кни-, гахъ всё слова, которымъ надо дать место въ словаре, такъ чтобы, послъ выписки словъ съ выраженіями, редакторамъ осталось думать только объ опредвленіяхъ словъ, не развлекаясь ихъ отыскиваніемъ. Само собою разумѣется, что прежде всего надобно было позаботиться о томъ, чтобы ни въ одномъ изъ прежнихъ словарей не скрылось ни одного слова, не внесеннаго въ новый. Было ли дело делано такъ, это можно увидъть легко, слича Словарь Втораго Отдъленія напримъръ коть со Словаремъ Церковнымъ Алексћева. Такъ въ этомъ последнемъ находомъ сл \pm дующія слова, напр. на букву Γ , которыхъ нътъ въ словаръ Отдъленія: гажда, газаринь, газофилакія, галбань, галья, гапликь, гарбарь, гастримаргія, гебановый, ге-соль-уть, габатися, гиблю, гиблющій, главизныній, главогнитіе, главоотстьчень, главоуськаемый, главы Марковы, глаголаніе — въ смыслів насмѣшки, глагольский — въ смыслѣ словесный, гласное пъние, глась — въ значении срамоты, глась божий — въ смыслъ грома, глась дия, гласы — въ смыслв грохотанія грома, глаукь, гликизма,

люба, глубина крестная, глубокосмиренномудрів, глумство, глумы — въ значеніи игоръ, знилыя уста, гноеименитый, зноетезный, гной голубиный (хотрос περιστερών, 4 Цар. VI. 25), гнойствуемый, гнусности — въ спыслъ идолослуженія, гнусоименитый, гобзина, vofizeнie, говьйный — учтивый, говядарь, говядопаствинный, годственны, годство, годствуеть, гождати, голая ослята, голь вътвь, гомоля, гонзнутие и т. д. Возьмемъ еще примъръ изъ другаго мъста, напримъръ на букву Т. Въ Словаръ Втораго Отльленія ньть словь, отміченных в Алексвевымь: таборище, таверна, тавлія, таемница, таемный, тазоволжнованіе, тазоволиненіе, тайна благочестія, тайна безгаконія, тайная, таинникь ученикъ, посвященный въ тайны, тайноводительствовати, тайноизвъщатель, тайноградець, тайнословець, таинствоватися, тайноядець, тако ми Бога, тако ми солнца, и т. д. Почему словъ этихъ нетъ въ Словаре Академіи, можно объясивть только тъмъ, что словарь Алексвева не былъ подъ рукою редактора. • Гораздо трудиве понять, почему изъ общаго числа словъ какого нибудь цамятника Старославянской или Древнерусской письменности есть только иткоторыя, взятыя какъ будто случайно, то въ большемъ, то въ меньшемъ числъ. Развернемъ для примъра тъ же страницы словаря, что и прежде, - и не найдемъ въ нихъ сафдующихъ словъ, находящихся въ первыхъ трехъ томахъ Полнаго собранія летописей, хотя ссылки на нихъ въ словарѣ и очень часты: — галея, галія, галья (11. 125 н 28), гаты (II. 129), герцико-герцюко (II. 105), глаголати на — наговаривать (III. 12), глазоко (II. 4), гласохвальный (II. 105), гобино (І. 64, 75), годитися — случиться (ІІ. 123), годьно — угодно (II. 16, 142), голубыникъ (l. 25), юнити, гонитися (III. 52, 53), гонь — погоня (II. 171), гоньзнутися (II. 171, 173) и т. д.; та — да, и (II. 85), така (II. 171: така градъ). таль (II. 171), тамга (III. 56), таче II. 28: язъ тя безъ таче выпущаю), таче (1.58: таче кончавъ заутреню помолися), и т. л. Внимательные выбраны слова Св. Писанія: но и туть есть пропуски, напр. на тъхъ же страницахъ: — газаринь (Дан. II. 27; IV. 4; V. 7, 11, 15), гангрена (2. Тим. 1, 17), главни — горячее уголье, жаръ (leзек. XXIV, 11), глумити (Исх. X. 14), глумлятися (lob. XXII. 19), говядь — рогат. скотъ (Исх. LXV. 10), говяжий — принадлежащій или свойственный рогатому скоту, живому, а не битому (lea. IV. 15), годовый день (Вар. X. 14: ήμέρα χαιρ \tilde{e}), εολομε — иней (Πс. CXVIII. 6) и др. Рядомъ съпропусками встръчаются неожиданныя, совершенно случайныя ссылки, напр. при словь година, въ смысль часъ, помъщена ссылка на Реймское Евангеліе (Мато. Х. 3), — почему же на Реймское, когда и въ Остроміровомъ Евангеліи то же слово употреблено и въ этомъ мъстъ (268. а), и во многихъ другихъ, между прочимъ и въ классическомъ (lob. Xl. 9: не дъвъ ли на десяте годинь есте въ дьни), когда и въ современномъ чтеніи Новаго Завъта въ одномъ мъстъ читается то же слово (Лук. **XXII.** 53: но се есть ваша година — $\hat{\eta}$ $\hat{\omega} \hat{\rho} \alpha$)? Сколько помию, нътъ въ Реймскомъ Евангеліи ни одного слова, которое своею особенностью могло бы оправдать ссылку на него. Не столь случайною кажется выписка изъ Странника Даніилова — при словь голомя, тымъ не менье напрасно искать въ словарь словъ мокачный (Іерусалимъ мокаченъ, церковь мокачна, печерка мокачна, озеро мокачно), черство (верхъ стола черствъ), пупо земьный (создана надъ нимъ камора, а горѣ написанъ Христосъ мусіею), лукарево (ріжа Іорданъ быстра водою в лукарева вельми), силяжь (лоза к силяжи подобьна), и другихъ словъ, столько же замівчательных въ Странників Даніила. Случайно припомянутыхъ примеровъ, кажется, довольно, чтобъ видеть, что и Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, не смотря на все его богатство, не можетъ вполнъ удовлетворить тъхъ, которые обратятся къ его помощи для объясненія словъ Старославянскихъ, и тъмъ это грустиве, что другихъ пособій нътъ, кромъ развъ частныхъ, каковы: указатель А. Х. Востокова къ Остромірову Евангелію, выписки въ Матеріалахъ О. И. Буслаева, и тому под.

Но, скажуть, языкомъ Старославянскимъ занимались и западные Славяне, и у нихъ издано иѣсколько сборниковъ. Дѣйствительно, издано иѣсколько. Одинъ изъ нихъ напечатанъ даже въ Русскомъ переводѣ: это первая глава первой части Старославянской Грамматики аббата І. Добровскаго, заключающая въ себѣ систематическій перечень корней и коренныхъ словъ на 158-ми страницахъ слишкомъ. Для своего времени (1822 г.) этотъ перечень быль превосходенъ, хотя и для своего времены быль неудобенъ въ употребленіи, потому что расположенъ по особенному порядку буквъ, разбитъ на три доли по характеру корней, и притомъ не вездѣ равномѣренъ въ объясненіяхъ, такъ что многіе корни отмѣчены только какъ корни, а не какъ слова (напр. уй, ваб, ляд, роп, суп, и пр.), безъ всякихъ объясненій. Главный и почти исключительный источникъ его — переводъ Св. Писанія, не по древнѣйшимъ спискамъ, тѣмъ не менѣе въ большей части случаевъ указанный положительно, и этимъ давшій ему важность справочнаго пособія для изслѣдователей. Нужда можетъ заставить пользоваться имъ иногда и не изслѣлователей.

Перечнемъ Добровскаго воспользовался Копитаръ, увеличивъ его кое-чѣмъ отъ себя, еще болѣе сокративъ, опустивъ между прочимъ почти всѣ сличенія и ссылки, и для легкости употребленія передѣлавъ его по простому азбучному порядку. При словарѣ Копитара, какъ было сдѣлано и Добровскимъ, приложенъ переводъ Латинскій. Этотъ трудъ изданъ имъ подъ названіемъ Vocabularium linguae Slavorum sacrae, въ числѣ приложеній къ изслѣдованію Глаголической рукописи графа Клоца (Glagolita Clozianus, 1836, стр. 67—86). Самъ Копитаръ чувствовалъ его недостаточность, дополнялъ и исправлялъ его постоянно, давалъ пользоваться этими прибавками кое-кому изъ свояхъ знакомыхъ, но вторично уже не издалъ его.

Вмёсто втораго изданія Вокабулярія Копитарова явились въ 1845 году Radices linguae Slovenicae профессора Ф. Миклошича. Въ этомъ прекрасномъ трудё соединились достоинства трудовъ Добровскаго и Копитара, и прибавились новыя — по требованіямъ современной сравнительной филологіи; вмёсть съ тёмъ запасъ увеличенъ извлеченіями изъ разныхъ рукописей, въ томъ числё и нёкоторыхъ древнихъ (въ предисловіи отмёчено ихъ одиннадцать), и изъ нёкоторыхъ старопечатныхъ книгъ (въ предисловіи ихъ обозначено семь). Слова, въ него вощедшія, расположены въ азбучномъ порядкё корней и объяснены переводомъ Греческимъ и Латинскимъ. Ни одинъ изъ источниковъ не исчерпанъ вполнё; изъ всякаго впрочемъ взято въ книгу много любопытнаго, давшаго ей, въ сравненія съ прежде

изданными трудами, видъ богатства и полезности, если не для обыкновенныхъ читателей, нуждающихся только въ върномъ и обстоятельномъ опредъленіи значенія сколько можно большаго количества словъ, то по крайней мъръ для лингвистовъ, особенно для тъхъ, которые мало занимались древнимъ языкомъ Славянскимъ и мало знакомы съ его богатствомъ, и для изслъдователей, нуждающихся въ ссылкахъ на источники. Этими ссылками, особенно на книги Св. Писанія, Radices Мяклошича очень богаты, впрочемъ не замъняя собою вполнъ указаній Добровскаго.

Гораздо богаче словами и ссылками на разные источники Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti, изданный проф. Миклошичемъ въ 1850 году (въ 4-ку; XIV и 201 стр.). Словъ въ немъ болье 16,000; они извлечены изъ 30 рукописей, большею частію неизданныхъ, и 22-хъ старопечатныхъ книгъ. Ссылки на источники довольно часты, но почти исключительно глухія, безъ положительнаго означенія мість, гдв замічены слова. При словахъ, какъ и въ Radices, приложенъ переводъ Греческій и Латинскій; переводъ придуманъ самимъ авторомъ, и въ большей части случаевъ въренъ въ отношении къ коренному значенію словъ. Нельзя не назвать Лексикона Миклошича квигой очень полезной, книгой въ своемъ родъ, по времени появленія, первой; но вм'єсть сътьмъ, внимательно всмотр'явшись въ ея составъ, надобно сознаться, что авторъ не воспользовался въ ней вполет и тъми источниками, которыми пользовался съ видинымъ стараніемъ. Одинъ изъ числа самыхъ зам'вчательвыхъ источниковъ — Супрасльская рукопись, отнесенная къ XI въку, была предметомъ особенныхъ работъ Миклошича, и имъ самимъ издана сначала въ извлеченіяхъ, потомъ вполит; два другихъ, столь же важныхъ; Остромірово Евангеліе XI вѣка и Глаголические отрывки графа Клопа — можетъ быть того же времени -- изданы съ полными указателями; этими тремя памятниками, очевидно, Миклошичь могъ воспользоваться безъ особенныхъ усилій, а по ихъ важности и долженъ былъ. Въ книгъ его тъмъ не менъе многаго изъ нихъ недостаетъ. Отмътимъ для примъра кое-что, по прежнему, изъ словъ на буквы г и т: — глаголати въ значении далей (Остр. и Клоц.), глади вм.

клади (Супр. 78: повельвъ нозь кмоу въ гладоу въложити), гласовати (Клоц. 159: рече бо къ нему богъ гласоум), глашати въ смыслѣ хадеї (Остр. Іоан. Х. 3: свою овьца глашанть во имени), гильватися какъ переводъ еуехегу (Остр. Мар. VI. 19), гильет какъ переводъ цана (Клоц. 187. 493: иже дръжитъ гићвъ $\mu\nu\eta\sigma$ (хахос; срави. 537), ижсьно (Супр. 206), гобино (Супр. 296), говоръ въ значеніи δρύλλος (Клоц. 771), говъмньство (Супр. 435), говънин какъ переводъ епісіхега (Клоц. 442), 544), гонъти въ значеніи уважать (Супр. 65), говяждь (Супр. 85. 133), годити чему — снисходить къ чему (Супр. 226), гонажати (Супр. 334, 335), гоньгти (Супр. 37), горазьно (Остр. 294), τορε — χείρων (Остр. Io. V. 14, Mp. V. 26), τορυμο вм. горынь — скорбный (Супр. 22), горьнам орегуй (Остр. 280), горьница δρεινή (Остр. 216) и пр.; та (Супр. 140), таже (Супр. 229: таже игда ся съсяде матко и острви заградить пжть съсоу.... таже кгда забътии облакъ пришьдъ на оумъ слово стави. ср. 301), таибына какъ существ. женск. р. (Супр. 385: повъдая, таибым и не протавкоум не протавкованияго), таибы никъ (Супр. 147), таинъ какъ переводъ жехопищемос (Остр. 194), таканик (Супр. 466: конь приведе рищжитъ въ колъсыничьнъмъ такании), тако ми (Супр. 2: тако ми Богъ), таланто вакъ сущ. средн. р. (Супр. 280: кдно таланто имамъ), тапиви (Остр. 202. в.; 294. б.), таче (Супр. 150: таче въпрата Аклипиада Полемонъ), тварати (Супр. 283: насучи доушж тварати), творьць (Клоц. 267, 599, 930), творитися (Супр. 287: они лжками на о биннин намъ творяхжся) и пр.

Изъ этого перечня словарныхъ пособій по Старославянскому языку видно, что вопросъ, котораго рішеніе, годное для нашего времени, начато за восемдесять літь передъ симъ протоіереемъ Алексівевымъ, остается и до сихъ поръ вопросомъ далеко нерішеннымъ. Раскрыто довольно много новыхъ матеріаловъ, сділано нісколько попытокъ ихъ разработки, — и только. Требовать чего нибудь большаго отъ Западнославянскихъ ученыхъ даже невозможно, потому что почти всі главные памятняки Старославянскіе не въ ихъ рукахъ, а въ нашихъ, и потому что на западі не, можетъ быть такой нужды въ словарі Старославянскомъ, какъ у насъ. Мы, напротивътого, нуждаемся въ немъ,

какъ въ одной изъ самыхъ незамѣнимыхъ потребностей, — и все таки не имѣемъ его! Не странно ли это? Неужели нѣтъ у насъ человѣка, который могъ бы рѣшиться на такой трудъ, вовсе не неблагодарный? Ужели наши ученые, на эти дѣла способные, такъ отстали отъ современныхъ требованій, или такъ лѣнивы, что имъ не до того? Или въ этомъ нечаянно выразилась наша безпечность, въ силу которой самое необходимое появляется или не появляется у насъ совершенно случайно! Тяжело отвѣчать на эти вопросы, — впрочемъ не потому, что въ отвѣтахъ ва нихъ кроются всѣ причины несуществованія книги необходимой. Ихъ много, и между ними есть одна въ самомъ лѣлѣ уважительная.

Составленіе словаря Церковно-Славянскаго предполагаєть столько трудностей, что преодоліть ихъ всі сполна едвали кто пока можетъ. Чёмъ кто боліве способенъ къ такому труду, тімъ боліве понимаєть непреодолимость этихъ трудностей, и по неволів раніве или позже можетъ охладіть въ рішимости своей, если бы она и одушевляла его, привести свою работу къ концу, тімъ самоотверженніе можетъ помириться съ мыслію, что онъ въ силахъ только собрать большее или меньшее количество голнаго запаса для будущаго зданія, но не построить самое зданіе.

Во время Алексъева можно было считать достаточнымъ матеріаломъ для Церковно-Славянскаго словаря тѣ церковныя и вообще духовныя книги, которыя у насъ печатаются издавна. Успѣхи Славянской филологіи теперь доказали, что для словарнаго объясненія языка даже и этихъ книгъ нуженъ другой матеріалъ, болѣе богатый и разнообразный, болѣе важный по чистотѣ языка: это — рукописи, изъ которыхъ многія по времени написанія относятся къ XI — XIV вѣкамъ и въ которыхъ хранятся памятники не только этого, но и болѣе отдаленнаго времени. Не пользуясь этимъ матеріаломъ, нельзя и думать о составленіи Церковно-Славянскаго словаря; а пользоваться имъ, хоть и не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться вполнѣ — пользоваться хоть на сколько нибудь не отрывочно, не случайно, это такая трудность, которую преодолѣть, по крайней мѣрѣ до недавняго времени, было чисто не возможно. Румянцовскій му-

зей былъ еще недавно единственнымъ, довольно богатымъ хранилищемъ Славянскихъ рукописей, доступнымъ для тружениковъ науки. Императорская Публичная Библіотека стала доступна для нихъ только въ последние годы; другія книгохранилища если и отворялись и отворяются, то для очень немногихъ; иныя совершенно недоступны и даже неизвъстны. Такимъ образомъ изучение рукописей могло быть только случайное, и слядовательно не могло вести ни къ какой строго и основательно задуманной цели; не могло темъ более, что изучение какого бы то ни было памятника языка по рукописи предполагаетъ хлопоты съ вольными и невольными ошибками писцовъ. Чтобы воспользоваться рукописнымъ намятникомъ какъ следуетъ, надобно изучить его по насколькимъ спискамъ сравнительно. А какъ изучить, когда списки въ разныхъ местахъ, за сотни и тысячи верстъ одинъ отъ другаго. и когда на иные изъ нихъ, вногда на лучшіе, дадутъ только взглянуть, если только дадутъ? Притомъ же, если бы и удалось взяться за изучение памятниковъ по спискамъ, то сколько нужно употребить времени на каждый изъ нихъ? Пусть и по пяти памятниковъ въ годъ (на иной мало и пяти лътъ усильнаго, исключительнаго труда), то цълыя тридцать лътъ работы могутъ привести ученаго къ разработкъ только полутораста памятниковъ, - доли, конечно, важной въ общей массъ цамятниковъ, но все же только доли. Если бы даже и была возможность ускорить дёло при помощи сметливости и навыка, то все же не трудно ли решиться на дѣло, которое, при пожертвованій половины жизни и при самомъ счастливомъ расположении случайностей, все таки не можетъ быть приведено въ должному концу? Самая решимость, не говоря ни о чемъ другомъ, предполагаетъ въ человъкъ, ею одушевленномъ, необыкновенныя силы души.

Изученіемъ памятниковъ по рукописямъ не ограничиваются всё трудности приготовленія словаря Старославянскаго. Оно приведетъ только къ накопленію порядочнаго запаса словъ и выраженій: его надобно очистить критикой. Не маловаженъ трудъ простаго сведенія запаса въ одво систематическое цёлое при помощи одной критики здраваго смысла. Предположимъ, что въ набранномъ запасё находится только 20,000 словъ и

круглымь числомъ по 10 нарточекъ, т. е. по 10 выписокъ изъ наматичковь на слово; то и тогла будеть 200,000 карточекъ: на ихъ простой разборъ и сводъ мало года. Но одинъ здравый сиысль поможеть вь такомъ деле только тогда, когда инчто ему не будеть машать, и то въ такъ только случаяхъ, когда опредванть значение слова или выражения иначе нельзя, какъ по контексту. Кому не извъстно, къ какимъ неудачамъ приводить этоть способь опредъленія словь? Осторожный глоссаторъ всегда предпочтетъ способъ болье надежный, хотя и несравненно болье трудный; тымъ болье, что способъ этотъ самъ " собою вызывается памятниками Старославянского языка. Эти панятники — большею частью переводы съ Греческаго, иногда съ Еврейскаго, съ Латинскаго; надобно прибъгнуть къ подлинникамъ переводовъ, въ нихъ отыскивать смысла словъ и выраженій. Легко ли это? Легко ли всегла прінскать именно тотъ текстъ, съ котораго сделанъ переводъ, даже не только тотъ самый, но какой нибудь тексть? Легка ли работа сличенія? Она неразлучна съ хлопотами, столь мелочно-разнообразными, что идти скоро и ровно никакъ не можетъ; потребуетъ иногда по дию и болье на слово, и все еще не можетъ быть названа окончательною. Узнавъ Греческій или Еврейскій подлинникъ слова или выраженія Славянскаго, еще нельзя быть увігреннымъ, что это слово или выражение значить то именно и по-Славянски, что по-Гречески или по-Еврейски. Напротивъ, переводчикъ могъ и плохо понять значение поллинника и не дать себь отчета въ значени Славянского слова, имъ взятого для перевода, и даже нарочно перевести невърно. Необходима постоянная осторожность въ определеніяхъ смысла словъ и выраженій перевода по сравненію съ подлинникомъ, осторожность, вооруженная ученостью, не сонно самодовольною своей силою, а постоянно бодретвующею налъ темъ, что ей нужно. И тутъ мало учености чисто-филологической: помощь богословія, исторія Церкви, древностей и современнаго быта пародовъ Славянскихъ, естествословія, нередко необходимье всехь филологическихъ разсчетовъ. Мало обыкновенной учености; мало и силъ одного человъка. Безъ совитстнаго участія многихъ едва ли діло можетъ подвинуться впередъ съ желаннымъ успъхомъ; а едва ли

еще пока возможно у насъ совмъстное участіе многихъ, когда и отдъльные приготовительные труды. нужные для Старославянскаго словаря, появляются ръдко, и важны болье относительною новизною данныхъ, чъмъ поконченностью ихъ разбора. А между тъмъ, только въ слъдствіе отдъльнаго разбора всъхъ сколько нибудь важныхъ памятниковъ, на сколько нужно сравнительно съ подлинниками, съ которыхъ они переведены, можно будетъ приступить къ отчетливому составленію словаря Старо-Славянскаго, и то еще неполнаго ни по количеству словъ, ни по оттънкамъ ихъ значенія.

Такимъ образомъ, если все это справедливо. мы можемъ упрекать себя въ томъ что мало разработали матеріаловъ, что издали только часть того, что разработали, что работали и работаемъ отрывочно, сами не дорожа своей работой и не доводя ее до конца, ни даже по частямъ, и неръдко бросаемъ ее безъ пользы для себя и для другихъ, но не въ томъ, что никто изъ насъ не позаботился о составленіи словаря Старославянскаго. Нѣсколько тружениковъ науки занялись этимъ дѣломъ теперь, когда открылась возможность; это видно изъ печатныхъ изслъдованій, изъ словарныхъ ссылокъ въ няхъ на памятники печатные и рукописные; но возможность раскрылась для многихъ только очень недавно, - и потому появление въ свътъ начатыхъ трудовъ замедлитъ еще можетъ быть много лътъ. Изъ прежнихъ тружениковъ, пользовавшихся возможностью взяться за составленіе словаря, каковы были Тимковскій, Ермолаевъ, Калайдовичь, Строевъ, Розенкампоъ, Бередниковъ и др., ни одинъ исключительно не былъ преданъ лингвистическимъ трудамъ, и каждый принесъ важныя услуги на своемъ особенномъ поприщь, воспоминаемыя съ признательностію всякимъ, кто умветь цвинть заслуги другихъ.

Отъ одного только можно было ожидать Старославянскаго словаря, — и этотъ одинъ дъйствительно трудился; трудился слишкомъ тридцать лътъ усердно и настойчиво; трудился бы, въроятно, еще долго въ тиши своей кельи, если бы время и просьбы его почитателей не заставили его ръшиться остановить работу, какъ конченную. Этотъ одинъ, основатель и патріархъ Славянской филологіи — А. Х. Востоковъ.

Печатное начало его труда передъ нами; самый поверхностный взглядъ на него можетъ удостовърить всякаго сколько нвбудь знакомаго съ дъломъ, что это явленіе въ своемъ родѣ, въ сравненіи съ другими извъстными, удивительное, не неожиданное только потому, что давно уже было ожидаемо. Глядя на этотъ трудъ, мы уже не можемъ упрекать себя въ томъ, что никто изъ насъ не посвящалъ свой трудъ на выполненіе одной изъ важивйшихъ нуждъ Русской и вообще Славянской науки. Глядя на этотъ трудъ, приготовлявшійся для насъ, мы можемъ только радоваться за самихъ себя: приготовляя свое твореніе, Востоковъ долженъ былъ одушевлять себя мыслію, что трудът, худо приготовленный, не будетъ насъ достоинъ.

II.

Всматриваясь въ составъ Словаря А. Х. Востокова, невольно поражаемся количествомъ и разнообразіемъ источниковъ, изъкоторыхъ извлечены въ немъ слова и выраженія. Чтобы дать читателю какое-нибудь понятіе о громадности матеріальнаго труда автора и вмѣстѣ о важности содержанія Словаря, представляю перечень источниковъ рукописныхъ—не по списку ихъ, напечатанному въ предисловіи, а по самому Словарю ...

Изъ рукописей XI въка въ Словаръ указано восемь: Остромірово Евангеліе 1056—1057 года, Сборникъ 1073 г., Сборникъ 1076 г., XIII Словъ Григорія Назіанзина, Супрасльская рукопись по выпискамъ Бобровскаго и по изданію Миклошича. Относимъ сюда предположительно: Глаголическое четвероевангеліе В.И. Григоровича, изъкотораго выписки доставлены были

^{*)} Въкъ рукописей оставленъ тотъ самый, какой отивченъ у Востокова (кромъ двухъ глагольскихъ древивищихъ); это было твиъ необходимве, что многихъ няъ рукописей, которыми пользовался А. Х., я вовсе не разсматривалъ. Замътимъ впрочемъ, что Востоковъ оказалъ и палеографіи Славянской услуги почти столько же важныя, какъ и Славянской филологіи, что въ числъ палеографовъ нашихъ онъ издавна занимаетъ первое мъсто.

самимъ владътелемъ, и Глаголическій сборникъ графа Клоца, съ буквальной върностью изданный Копитаромъ.

Изъ рукописей XII въка — десять: Евангеліе 1144 г., Евангеліе 1164 г., Евангеліе Флоровское, двъ Псалтыри, два Стихираря, Минея мъсячная, Златоструй, Бестады Іоганна Лъствичника.

Изъ рукописей XIII въка восемнадиать: Евангеліе 1270 г., Евангеліе Холмское, Охридскій Апостолъ, два Паремейника: 1271 г. и 1281 г., Норовскій Псалтырь, Обихолъ Церковный, Пренесеніе нерукотворнаго образа, Музейный прологъ. Слова на Аріанъ Аванасія Александрійскаго, Бестады Іоанна Лъствичника, Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго, Шестодневъ Іоанна Экзарха 1263 г. въ отрывкахъ, напечатанныхъ Калайдовичемъ, Слова Кирилла Туровскаго, Грамота Смоленская 1229 г., Свнодальная Кормчая 1280 г. въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ 1-й части Русскихъ Достопамятностей, Кормчая Рязанская 1284 года, Кормчая Музейная.

Изъ рукописей XIV въка пятнадцать: Евангеліе 1317 г., Евангеліе Полоцкое, Евангеліе Красногельское, Четвероевангеліе Норовское, Апостолъ Шишатовецкій 1324 г. по изданію Миклопича, Апостолъ Публичной Библіотеки, Апокалипсисъ Музенный, Паремейникъ 1370 г., Измарагаъ, два списка Поученій Ефрема Сирина—одинъ 1371 г., Житіе Филарета Милостиваго, книга на ересь Латинскую, лѣтопись Манассіи 1350 года (по коціи), Лаврентьевская лѣтопись 1377 года.

Изъ рукописей XV въка слишкомъ тридцать: Евангеліе толковое Оеофилакта 1434 г., Апостолъ Норовскій, Пятикнижіе Пуб. Библіотеки, Музейный Псалтырь съ толкованіями Оеодорита, два списка Пророчествъ, изъ которыхъ одинъ переписанъ съ рукописи 1047 года, Каноны молебные, Минея общая, Минея январская 1441 г., Соборникъ, Прологъ 1431 г., Патерикъ Печерскій 1462 г., Житіе Варлаама и Іосафа. Житіе Св. Григорія Акрагантскаго, Житіе Св. Григорія Арменскаго, Житіе Іоанна Златоустаго, Хожденіе Іоанна Богослова 1419 г., Палея 1494 г., два списка Маргарита, поученіе Ефрема Сирина, Діоптра Филиппа, Словеса Исихія 1431 г., Уставъ церковный 1428 г., Кормчая, три списка Временника Георгія Амартола. Изъ рукописей XVI въка около тридцати: восемь рукописей разныхъ книгъ Ветхаго Завъта, толковое Евангеліе, Житія Святыхъ, Житіе Св. Стефана Пермскаго, Слова Василія Великаго, Ліоптра Филиппа, творенія Іоанна Дамаскина въ переводъ Іоанна Экзарха, Шестодневъ Іоанна Экзарха, Очи палейныя киръ Өеодора, Измарагдъ 1509 г., Маргаритъ 1530 г., Козма Индикопловъ, Пандектъ Антіоха, два списка Кормчей, два списка Судебника, Временникъ Амартола, Лътописецъ Русьскыя земли и др.

Изъ рукописей XVII въка болье двадцати: Алфавитъ въ тести спискахъ, Воинская книга, Грамматика, Странникъ Даніила, Похвала Богородицы Св. Епифанія, творенія Дамаскина, Исторія Іосифа Флавія, Лъчебникъ, Льтопись Никоновская, четыре списка Степенной книги и пр.

Всего болье 130 рукописей.

Тутъ означены рукописи, которыми Востоковъ воспользовался въ Словарѣ своемъ въ значительномъ количествѣ случаевъ. Множествомъ другихъ онъ пользовался менѣе или болѣе случайно, разсматривая ихъ для краткаго описанія или по другой подобной причинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что никто взъ Русскихъ не виѣлъ случая пересмотрѣть такого количества рукописей, по крайней мѣрѣ древнихъ, и воспользоваться ими въ лингвистическомъ отношеніи. Минуемъ обозрѣніе памятниковъ, напечатанныхъ вполнѣ или въ извлеченіяхъ со времени Екатърины ІІ до Александра ІІ; само собою разумѣется, что Востоковъ всѣ перечелъ, всѣми воспользовался, если не всѣми въ одинаковой мѣрѣ, то все же съ постоянною цѣлію обогатить свои запасы всѣми любопытными данными, какія только могли обратить на себя его вниманіе.

Пользуясь своимъ огромнымъ матеріаломъ, Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками Греческими и Латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредълять значенія словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая недревнему. Къ готовымъ пособіямъ онъ прибъгалъ только въ случаяхъ крайности, и потому, въроятно, нъкоторыя упустилъ изъ виду. Съ какою

FT. SAU. ← RH. IV. — OTA. I.

совъстанвостью было имъ это аблано, видно изъ того, какъ внесены имъ въ Словарь извлеченія изъ Лексикона Миклошича: они вписаны дословно. Эти выписки изъ Словаря Миклошичаесли позволено сказать откровенно — даже поражаютъ своею особенностью: самъ Востоковъ всегда опредъляетъ Славянское слово по Русски, во всёхъ нужныхъ случаяхъ приводитъ места изъ памятниковъ; къ мъстамъ изъ памятниковъ переведенныхъ большею частію присоединяеть подлинный тексть, иногда и свои соображенія; у Миклошича — переводъ Греческій и Лативскій, и у большей части словъ нітъ никакихъ ссылокъ, а у другихъ ссылки глухія безъ страницъ, безъ выписокъ выраженій. Странно смотръть на сухія строки Миклошича между полновъсными строками Востокова. Другой, на мъстъ Востокова, если бы и воспользовался Лексикономъ Миклошича, то передалъ бы заимствованное въроятно по своему, наприм. вмъсто «бескиижьнь аурациатос, illiteratus» написаль бы: «бескиижьнь неграмотный», и въ большей части случаевъ не почелъ бы нужнымъ упомянуть о заимствованів. Но Востоковъ, положивши правиломъ ручаться только за свое, въ следствіе этого правила не прикоснулся къ Миклошичеву труду ни на сколько, оставляя его и отвътчикомъ передъ читателемъ. Въ нъкоторыхъ маловажныхъ случаяхъ онъ не ссылается на пособіе, наприм. при пользованій статьею Часописи Чешскаго Музея (1852, св. І, стр. 109, и пр.), въ которой приведены были слова изъ Супрасльской рукописи, не вошедшія въ Лексиконъ Миклошича; но тогда смотрелъ самъ слова въ подлиннике, а свое определеніе подтверждаль выпискою изъ подлинника, иногда сличая эту выписку съ текстомъ Греческимъ.

Все это отличаетъ Словарь А. Х. Востокова отъ всёхъ другихъ въ такой степени, что в сравнивать ихъ можно развё только для того, чтобы доказывать разнообразное богатство его. Но отъ чего же, спросятъ, Востоковъ пользовался словаремъ проф. Миклошича? Читая памятникъ, Востоковъ имёлъ въ виду слова боле замёчательныя, пропускалъ очень обыкновенныя, если они не занимали его особенностію употребленія или значенія, и отъ этого не внесъ многихъ словъ; а между тёмъ и иныя замёчательныя слова не попались ему ни разу ни въ одной изъ

рукописей, имъ читанныхъ, а найдены другими въ рукописяхъ, сохраняющихся внё Россіи: тёхъ и другихъ собралось много у Миклошича.— и Востоковъ рѣшился внести ихъ изъ Миклошичева Лексикона. Почему именно изъ него, тогда какъ въ него вошли многія слова не изъ рукописей, а изъ нашихъ печатныхъ книгъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только тѣмъ, что Востоковъ, разъ рѣшившись — по просьбѣ своихъ почитателей — закончить трудъ и начать его печатаніе, не хотѣлъ уже заняться выборкою словъ неважныхъ изъ разныхъ пособій, а взялъ вмѣсто многихъ одно.

Этимъ заимствованіямъ противополагается безотносительное богатство матеріала, собраннаго самимъ А. Х. Востоковымъ и доведеннаго имъ большею частію до обдѣлки, почти окончательной. Чтобы доказать хоть нѣсколькими примѣрами, каково именно это богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить выборъ примѣровъ въ зависимость отъ моей личной прихоти, беру посредникомъ того изъ филологовъ Славянскихъ, который, хотя и не посвящалъ своей лѣятельности на составленіе церковно-Славянскаго словаря, тѣмъ не менѣе слѣдилъ за богатствами этого важиѣйшаго изъ Славянскихъ нарѣчій.

Скоро послъ выхода въ свътъ Миклопичевыхъ Radices, Шафарикъ написалъ замъчательную статью объ этой книгъ (Časopis Česk. Mus. 1845. стр. 505-508. Извъстія ІІ-го Отд. Акад. І. 19-20). Въ этой стать замъчено между прочимъ, что въ Radices недостаетъ нѣсколькихъ словъ, встрѣчающихся, хотя и довольно редко, въ очень древнихъ Кирилловскихъ рукописяхъ (pohřešuje mu některých, ježto již we welmi starých cyrillských rukopisech, ač dosti pořidku, se wyskýtaji). Тутъ отмътиль овъ следующія: — напо (nap) mercenarius, — тыкръ (tykr. srow. madj. tükör) speculum, — соунь (sun, srow. madj. szén) turris, — сядра (sedra) gutta, — ноуть (nut') bos, — зъкръ (zekr) caesius, — кокоравъ (kokoraw) crispus, — рамнъ (ramn) vehemens, — xnacmo (chlast) u xnaco (chlak) coelebs, — xoyca (chusa) cohors, — локва (lokwa) stagnum, — пладнь (pladn') quies, — monta (tojaga) baculus, — xpanoyne, xpanoynes (chralup, chralupn) cavus, — корста (korsta) tumba, — брдоква (brdokwa) lactuca, — догна-дегна (dogna-degna) vulnus. — оиминъ

(ojmin) miles. — товаръ (towar) merx. Миклошичь, приготовляя къ изданію свой Лексиконъ. не могъ, бэзъ сомнѣнія, опустить изъ виду этого замѣчанія Шафарика и внесъ въ него опущенныя слова — или со ссылками на тѣ памятники, гдѣ онъ ихъ самъ замѣтилъ, или сославшись на Шафарика, какъ на источникъ. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ вошли эти слова въ Лексиконъ Миклошича и въ Словарь А. Х. Востокова*.

Бръдоква τρίδαξ lactuca Dial. Prol. cf. бридоква τρίδαξ lactuca — Acad.

У Востокова: — тоже 1.

Αυτην τραύμα vulnus. Šaf.

У Востокова: — дъгна. с. ж. рубецъ отъ зажившей раны, близна, струпъ. Григ. Богоса. XI в. аще же и дъгнъ потиракмъ, $\frac{2}{3}\lambda\acute{a}\zeta$. Сбори. 1073 г. храмъ на немь же кака дъгна на стѣнахъ или на слѣменьхъ. Лев. XIII. 2, 10, 23, въ спискѣ XV в. и XVI в. дегна, догна, ден га, $\frac{2}{3}\lambda\acute{\eta}^2$.

Зъкръ υπόγλαυκος caesius. Ioan. Exarch. 181, 183. Cf. зекръ

^{*)} Прибавляю отъ себя кое-какія замічанія подъ строкою.

^{1.} Бръдоква. Миклошичь сосладся на Беседы Григорія папы и Петра діакона: списокъ XVI в. этой книги находится въ Венск. Импер. Библ. (Ж XV) Мъсто, гдъ тамъ упомянуто слово бръдоква, есть следующее: «инокынъ некая въ врътоградъ въшедши, и видевши бръдоквж въ похотени тоя бы»; еще: «седаящу ми връху бръдоквы». Это слово (бръдоквы) доселе употребляется въ Болгаріи и Сербіи и, конечно, очень издревле. Кстати вспочинть о томъ мужичкъ свинопасъ, который носилъ это имя бръдоквы въ 1277 году и прославилъ свое имя какъ убійца Болгарскаго царя Константина: Βορδύχουβας. Значеніе имени его, хоть и несовершенно правильно написаннаго: Κορδύχουβας, довольно правильно объяснено у Пахимера (VI. 3: cui voci cum quaedam inesset usu popularis illic linguae oleris notio, Graeci qui olus lachanum vocant, istum (rusticum), ubi coepit innotescere, hominem Lachanae vocabulo celebraverunt. стр. 430 и 576).

[—] Бръдоква. Миклошичь сосладся на Словарь II-го Отд. (Acad.). Слово это есть и у Алексъева (I. 107), со ссылкою на Прологъ 2-го Сентября.

^{2.} Дъгна. Въ Псалт. Толк. L. 3: «аще оубо исцъляети мавоу, и дъгноу (οὐλήν) отънми, да не имоуть порока». Такъ же написано слово и въ Уваров. Библіи Лев. XIII. 19: «догна прокажевіа»; но въ двухъ другихъ мѣстахъ денна (Лев. XIII. 2: аще коему боудеть на кожи и плоти его денна знаменію»; Лев. XIII. 10: «и се дегна бъла на кожи»). Срави. Опис. рпс. Синод. Библ. І. 16. Матеріалы Ө. И Буслаева, 54.

ύπόγλαυκος caesius. Ioan. Exarch. 181, 182 bis. Cf. *зеркъ* ύπόγλαυκος caesius. Ioan. Exarch. 181. 182.

У Востокова: — тоже ³.

Κοκοραβό ούλος crispus. Georg. mon.

У Востокова: — тоже 4.

Κρωστα τύμβος tumba Saf. qui korsta habet.

У Востокова, кром'в выписки изъ Миклошича подъ кръста: — корста. с. ж. гробъ. Лавр. 45: вложиша и в корсту мороморяну. 70. мнози члвци умираху различными недугы, якоже глху продающе корсты, ыко продахомы отъ Филипова дне до мясопуста з тысячь. — Корстица с. ж. ковчежецъ. Прол. XIV в. дек. 30: дасть въ корстицю (въ нов.: въ ковчежецъ)⁵.

Λοκ ΒΑ ἐμβρήματα imbres. Psalt. glag. 77. 44.

У Востокова: — тоже 6.

^{3.} Зъкръ-звкръ. Древній переводчикъ Малалы употребляєть это слово вивсто γλαυχός («Вителиосъ августъ бъ зъкръ»), υπόγλαυχος («бъ же святый Навелъ... зекръ»), γλαυχόφθαλμος («Клагдій Кесарь бъ... зекръ»). См. Предисл. князя М. А. Оболенскаго къ Лътоп. Переясл. стр. LIII, LIV, LVI.

^{4.} Кокоравъ. Слово это употреблено въ Сербск. переволѣ Георгія Амартола въ сказаніи о Василіи Македонянинѣ: «оузрѣв'же того кокорава и велию главоу имоуща, сътвори име емоу глава»: ἐπιάγουρον καὶ μεγαλην κεφαλήν ἐπέξηκεν ἀυτόν κεφαλάν (Theoph. Continuat. 820). Въ другомъ болѣе древнемъ переволѣ вѣтъ слова кокоравъ: видѣвъ его власатою главою и кудрява, самоуж главу велину имын, глава юца нарече и конемъ своимъ (Уваров. сп. XV в. 338. б.). Можно ли изъ этого мѣста заключать, что кокораєв то же что кучерявый, кудрявый (сгізриз)? Въ Сербскомъ кокораєв то же что чумаєв — нечеса, всключеньый.

^{5.} Кръста: такъ, съ в если не съ в, должно было писаться это слово по Старославянски; но было ли оно въ этомъ нарвчіи, еще ни изъ чего не видно. Пока оно встрътилось только въ древне-Русскомъ. Къ указаніямъ, приведеннымъ А. Х. Востоковымъ изъ Лавр. лът. прибавлю еще изъ Печерск. Патерика: что ли возглаголю по оной кор'стъ каменой (Сп. Новг. XV в. л. 6). Теперь въ народъ Русскомъ слово кёрста въ смыслъ могила употребляется только на съверъ.

[—] Корстица попалась мий только въ форми керьстица (Пйс. пйс. V. 12: «чрево его керстица слонова на камени сапфирй»: πυξιάν. Такъ въ Уваров. спискъ Библін, такъ в въ списк. Синод. (Описан. рукописей Синод. библ. стр. 74).

^{6.} Локъвл. Въ Житіяхъ св. XVI в. Сербск. чтенія встрѣтилось это слово по поводу рѣчи о Неронѣ: скрозѣ лужьніе доквы оумрѣти хотѣ, нежели жити. Сравн. у Зонары: εῖς καλαμώδη τόπον κατεκρύφθη in culmis se occultavit (XI. 13). Въ Сербскомъ есть локеа въ вначеніи источника и бологца.

Η ΑΠ Το μισθωτός mercenarius. Šaf.

У Востокова: — напъ. с. м. наемникъ. Γpui , Eoioca. XI в. аще ли напъ. μ ισθωτός. Eointermode Eointermo

Ηοντь βούς bos. Šaf.

У Востокова, кромѣ выписки изъ Миклошича подъ словомъ ноуть: — ноутл. с. ж. собир. волы, рогатый скотъ. Парем. 1276 г. Быт. ХХХІІІ. 5. быша ми ноута и фели и фена. βάεξ (волове). Быт. І. 8. скотъ и ноуту оставища. τάπρόβατα καὶ τῆξ βάαξ (овцы же и волы). Шестоди. Іо. Екс. иже бо твою ноутоу кръмит. <math>τα κτήνεα σε. tua pecora. Измарандъ ХІV. в. стада овецъ твоихъ и нутъ. Златоуст. ХІІ. в. имѣты же богатый ноутоу и стада. <math>βεκόλια καὶ αἰγελα, armenta et greges. — Ноутьный, ат, ок. пр. относящійся къ нутѣ. Измарандъ ХІV. в. стада овчати и нутнать. Амарт. XVI. в. стяжанім нутныхъ стадъ — <math>κτῆσιξ βεκολίεε δε.

Оиминъ στρατιώτης miles. Šaf. — Оимъ στρατιώτης miles. Cod. Supr. nos e conjuctura.

У Востокова: — оиминъ, с. м. воинъ Григ. Богосл. XI. в. отратиотус. Жит. Св. XVI. в. бяще оу дверін по-

^{7.} Напъ, напъда. Сравн. объ этихъ словахъ Опис. рукописей Синод. бибд. І. стр. 15. 60. Кстати припоменть домыслъ Надеждина и Прейса: не сдълглось ли слово напъ нарицательнымъ изъ собственнаго? При этомъ Надеждинъ припоминалъ о Діодоровыхъ Напахъ (Νάπαι). Они жили между Меотидой и Кераунскими горами (Pauli, Real.-Encycl. подъ словомъ Napaei. V. 409).

^{8.} Ноута. Изъ примъровъ, приведенныхъ А. Х. Востоковымъ, ясно, что вадо читать ноута, а не ноуть. Слово это было въ ходу и въ древней Руси, какъ видно отчасти и по имени Нутной удицы въ Новъгородъ въ Слав. Концъ: тамъ продавался скотъ. Для объясненія правописанія слова ноута надо вспомнить Люнебургское слово: пипtang — рогатый скотъ и пипtar — настухъ.

стави симина... наманоу ж црь дукавствомъ онмину рекый оударь елпидифора. Кир. Герус. Оглаш. шими об στρατιώται. Пс. толк. Өеод-та. XXI. 17. толк. пожидахъ странныа шимы намъняет. μετὰ τῆς ἐκδαίες τὰ ἐξ ἐθνῶν μνημονεν εῖ στρατά. post judaeos de gentium exercitu mentionem facit. СХХІ. 7. во оимъхъ εν στρατιώταις, inter milites. Супр. 67. оими. 68, отъ... оимъ. — Оимьскъ, а, о. пр. воинскій. Григ. Богосл. ХІ в., ыко же оимьскъ иматъ оиминъ, начяльникъ чиномъ, воквода. πολεμιχοῖς. Гезек. ХХVІІ. 11. толк. по списку XV в. въ рукописи 1047 г. потомь же почитаеть шимьско число отъ многъ странъ воевати оумъюща притедпа. Супр. 62. тржтъ оимъскъи. — Оимьство. с. ср. воинство. Супр. 63. въ оимъство въчьтени быша.

Пладнь — въ значеніи quies, ніть ни у Востокова, ни у Миклошича⁹.

ΡΑΜΗ υσφοδρός vehemens. Šaf.

У Востокова: — рамыный, аы, ок, пр. сильный, крипкій, жестокій. Амарт. XV в. на пооученіе же рамянъ бъ. Еванг. толк. 1434 г. елико бъ въ отречени рамянъ, офсδρός. Златоструй XVI. в. рамяное шествіе дождьвное, το δανδαῖον τῆς καταβολῆς το ὑετο. Ιοακ. Αικο. XII. в. пошъстиин жърновьнон рамяно. κίνησις μύλων όξεῖα. пламеньной възгорънии въскоръ отъ рамяна доуха въжизакмо. Сбори. 1073 г. вътри рамяни. — Рамыно, нар. сильно, пръпко, жестоко. Лавр. пережъгуть е рамяно. удавиша и рамяно ыко персемъ троскотати Ев. толк. 1434 г.: пакы емоу запретить рамянье. офобротероу. — Рамыньство с. ср. сила, крѣпость. Исал. толк. XII. в. LIX. 8. толк. сикима съказаеться рамяньство. — Рамынъ. нар. то же что рамино. Io. Ліств. XII. в. тъщеславинмь рамяні възиграванмъ нсть. ύπο κενοδοξίας οξέως έμπαίζεται. Златостр. XII. в. и рамянъ гяя. βαρεώς, graviter. — Рамено. нар.

^{9.} Пладнь. Любопытво было бы узнать, гдв Шафарикъ нашелъ это слово въ значени отдыха (quies). Или онъ заключилъ такъ о его значени по сравнению глаг. пладновати съ Греч. μεσημβρήζω? см. въ Сербск. переводъ Георгія Амартола: «Филиппа ослепите... въ полате плад'иоующа»: μεσημβριήζω».

то же что рамыно. Aавр. азъ же вземъ рогалью начахъ копати рамено. Aмарт. XV. в. въскрича рамено. Aмарт. XVI. в. рамено ихъ ббиваху. — Раменый, ам, ок, нъ, а, о, пр. то же что рамыный. Γ рии. E000001. XI. в. E000001. Мъ сирійи. E10. E10.

Соунъ. У Миклошича соуна πύργος turris. Bibl. Ostrog. Iez. XXVI. 9. ubi забрала твом и соуны разорить.

У Востокова: — соунъ. с. м. башня. Григ. Богосл. XI в. мко же и соунъ... съграждати (въ др. перев. и пургъ здати). Іерем. XXXI. 38. по сп. XV в. отъ соуна ἀπὸ πύργε. Іезек. XXVI. 9. тамъ же. забрала твом и суны разорить орбжиимъ. τὰ τείχη σε καὶ τῆς πύργες σε. XXVII. 11. тамъ же. миди въ сунѣ твои έν τοῖς πύργοις σε 11.

CAAPA σταγών gutta. Šaf.

У Востокова: сядра. с. ж. капля. Пс. толк. Өеод-та XV. 7. толк. и бывшу лоту тако и сядрамъ кровнымъ. καὶ ίδρώσαντα βρόμβες αίματος. gultas sanguinis sudantem. Товаръ έμπόρευμα merx. Ioa. Exarch. 180. Domet.

У Востокова къ этому прибавлена выписка изъ *Іоан*. Ексарх. съ имъніемъ и съ товарми многыми ¹².

^{10.} Рамьнъ: и въ этой формъ есть это слово въ Слов. Григ. Навіана. XI в. «постиженим ділм рамьнівншаго (офобротєром)»: л. 8.

^{11.} Соунъ. Объ этомъ словъ, какъ имени муж. рода, противно мивна и Буслаева, я уже говорилъ въ Матер. для слов. и грам. П. стр. 570. Сочинители Опис. Синод. библ. тоже считаютъ это слово женск. рода (см. стр. 93). Въ древи. переводъ Вытія (по Увар. сп.) есть тоже въ одномъ мъстъ (ХІ. 4. 8) слово соумъ: да съзижет град и снъ (чит. сунъ; жах πύργον); но въ другомъ (ХІ. 15) вивсто него стоитъ столпъ.

Въ одномъ наъ Синод. сп. Плача lep. (II. 5) также употреблено сумы (сны), тогда какъ въ Увар. списк. Пророкоев: твърдели (Опис Син. ркпс. стр. 100—101). Слово суми отмечено было уже Добровскимъ (Slawin, изд. В. В. Ганки, стр. 281).

^{12.} Товаръ. Въ переводъ Малалы читается: «Парисъ... бъжа въ (тѣхъ) нораблихъ... съ имъніемъ и съ товарми многыми и многоцъннами и съ сребромъ»

Τομα ΓΑ βακτυρία baculus Šaf.

У Востокова: томга. с. ж. костыль, жезлъ; Прол. XV в. авг. 31. чая отрока своего еже подати ему подыпорную томгу.

Τωκρъ κάτοπτρον speculum. Šaf.

У Востокова: тикъръ. с. м. зеркало. Іо. Лѣств. XII в. акы тикъръ обавивьши, ботер ѐобттроу фауерфоаоту. Пс. толк. XII в. XXXVII. 7. толк. такъ же бо въ тикъръ видить къто свои образъ. Апост. XIV в. 1 Кор. XIII. 12. видить бо ныня тикорьмь въ притьчахъ. β λέπομεν γάρ άρτι δί ἐσόπτρε ἐν αἰνίγματι. — Тыкъръ. с. м. то же что тикъръ. — Григ. Бог. XI в. тыкъръ Божій нескврывыть. ѐооптроу. скозѣ тыкърь. δ ѐобтре.

Χλακτ άγαμος caelebs. Greg. Naz.

У Востокова къ этому прибавлены выписки: Сбор. 1073 г. инъ же к соудъ въ оуности бъдоуштоуоумоу инъ же иже въ старости, инъ хлакааго, инъ же имшааго женоу. Гриз. Бог. XI в. толика межда съпряженъихъ къ хлакъимъ. ἀγάμες.

Χίλετο άγαμος caelebs. Šaf.

У Востокова къ этому прибавлена выписка: Кормч. XIII в. глю же хластымъ и въдовицамъ.

Храдоўнь хої λ оς cavus. Šaf. — Храдоўньнь хої λ оς cavus. Dial. 309.

У Востокова: — тоже ¹³.

Χογα σπείρα cohors. Šaf.

въ подлинивав: Πάρις... εφύγε... μεθ' έαυτε πλοίων... μετά χρημάτων λιτρ ων τριαжоσίων καὶ κόσμε πολλε πολυτίμον καὶ άργερε; cum ccc pecuniarum libris (V, Бон. вза. 25) сава. товаръ — λίτρα, libra? ср. Срб.: товаръ (три товара блага). Вотъ еще дюбопытное мъсто: «Алоумнии понмавъ товаръ не кочетъ писати твоикъ вковъ» (Патер. Печ. XV в. Новг. сп. л. 14): тутъ товаръ поставленъ вмъсто злато, что было дано въ плату за писаніе нконъ впередъ.

^{13.} Храдолпъ: см. въ Срб. Продог. 18 іюдя: (бръстъ) иже бъще... храдунъ. — Храдолньть: см. Вън. спис. бесъдъ Григ. напы, 119. б. — плъненъ же нъкъй тако бъжавъ въ храдуннъ древъ крыаще.

У Востокова къ этому прибавлены выписки: Прол Серб. XIV в. приидоще, поплънити хоусою минхын. Пс. толк. Өеод-та Х. 4. толк. хоусами и пресъдами. tois λόχεις και tais ενεδραίς. — Хоусити, гл. ср. производить морской разбой. Златостр. XII в. поидоща \tilde{r} гальы ими хотяще къ селоуню хоуситъ 14.

Приведенныя выписки говорять сами за себя. Изо всѣхъ просмотрѣнныхъ словъ только пять остались и въ Словарѣ Востокова въ томъ видѣ, какъ у Миклошича, а три внесены безъ особенныхъ Востоковскихъ опредѣленій. Почему внесены они безъ опредѣленій? На это отвѣчать можетъ только тотъ, кто самъ работалъ надъ словаремъ и приводилъ въ порядокъ листки его съ выписками. Нѣтъ ничего легче, какъ затерять или случайно минуть ту или другую изъ карточекъ, и всего легче забыть внести въ общій списокъ именно ту, на которой записано опредѣленіе, когда подъ рукою есть словарь съ готовымъ опредѣленіемъ. Такъ напр. могла ли быть иная причина отсутствія опредѣленія слова хлакъ, когда Востоковъ зналъ его по двумъ памятникамъ ХІ вѣка, и при одной изъ выписокъ отмѣтилъ и Греческое слово, ему равносильное: а γано;?

Чёмъ болѣе всматриваемся въ Словарь Востокова, тѣмъ болѣе удивляемся богатствамъ, собраннымъ и приведеннымъ въ порядокъ неутомимою заботливостію представителя, вождя, патріарха Славянской филологіи. И заботливость твоя, счастливый дѣдушка семьи, уже большой и все болѣе возрастающей, всею душою тебѣ преданной — за твою преданность наукѣ, за

^{14.} Хоуса. Въ Толст. сп. Георгін Амартола (І. 89. д. 603) читаємъ: «посланъ же бысть тогда Варда Фока берегомъ съ сънуаннкы лучшая сихъ послѣдовати, и се Русь хусы послаша въ Виникскыя, яко да пищу имъ и прочее принесуть. приключижеся сем хусю, Варда Фока влѣ сіа приложи, побѣдивъ всѣче я». — Уже Алексѣевымъ замѣченъ былъ глаголъ хусовати (V, 113).

неусыпные труды на пользу общую— была не всуе. Мы съумфемъ быть признательными за твое новое приношеніе на алтарь отечества, сумфемъ и пользоваться имъ, какъ образцомъ для своихъ собственныхъ работъ. Счастливъ, кто можетъ такими узами связывать поколфнія выступающія съ поколфніемъ отходящимъ; счастливы и тф, которымъ въ наследіе остаются такіе образцы безкорыстнаго самоотверженія, одушевленнаго любовію къ отечеству. *.

^{*)} Эта статья читана въ засъданіяхъ Втораго Отдъленія Академін Наукъ 8 м 13 Декабря 1856, въ присутствін А. Х. Востон

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ЛИПА

ВРЕМЕНЪ

ЦАРЯ МИХАНЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

(ОРД. АКАД. К. И. АРСВНЬЕВА).

Взглядъ на состояніе Россіи въ началь XVII въка.

Іоаннъ III, творецъ единства и независимости Русской державы, возвеличилъ ее, широко раздвинулъ ея пределы в даровалъ ей гражданское уложение и такую систему управленія, которая доставила благоденствіе народу и уваженіе правительству. Эта система Іоаннова оставалась несокрушимою не только во все время правленія сего монарха, но въ основныхъ началахъ своихъ потерпъла мало измъненій въ теченіе всего XVI въка и устояла при всъхъ потрясеніяхъ, колебавшихъ Россію. Несчастный пятнадцатильтній періодъ ємутнаго времени (1598 — 1613) едва не сокрушилъ этого величественнаго правительственнаго зданія, воздвигнутаго великимъ Іоанномъ III. Начало XVII въка ознаменовалось такими несчастными и ужасными событіями, которыхъ никакая мудрость человіческая ни отвратить, ни даже предвидать не могла. Весь составъ установленныхъ государственныхъ правительствъ потрясенъ былъ въ основаніяхъ; вся іерархія властей, дотолю благоговыйно преданныхъ царямъ своимъ, расторгнута — водворилась анархія и грозила нарству конечнымъ паденіемъ.

УЧ. ВАП. — КВ. IV. — APC.

Digitized by Google

Дъйствительно, въ смутное время неурядица была во всемъ в вездв, даже вь самыхъ верховныхъ правительственныхъ мфстахъ. Всѣ такъ называемые Приказы — учрежденія, основанныя при Іоаннъ III в умноженныя при Іоаннъ IV — потеряли свое значеніе и достоинство; самая Боярская или Царская Дума, высщее изъ всёхъ правительственныхъ учрежденій, представляла тогда какое-то нестройное сближение лицъ, враждовавшихъ между собою и дъйствовавшихъ не въ видахъ пользы отечества, а въ видахъ своекорыстія и незаконнаго любочестія. Самозванецъ Отрепьевъ, святотатственною рукою, нервый посягнулъ на святость и неприкосновенность уставовъ Думы, назвавъ членовъ ея бояръ и окольничихъ сенаторами и введши новыя между ними званія: великихъ конюшихъ, великихъ мечниковъ, великихъ секретарей и пр. Онъ хотълъ исказить, ополячить чисто Русское въковое учреждение. И во всъхъ Приказахъ начальственныя лица большею частію были крамольники, держаншіеся разныхъ партій: одни были клевретами Сигизмунда, другіе усердными рабами Владислава, а некоторые даже, къ стыду Русскаго имени, величались честію пожалованія въ бояре или окольничіе отъ Тушинскаго вора. Были, конечно, люди, непричастные злу, но за то мало дъйствовавшіе и на добро, или по отсутствію твердой воли и характера, или по уклончивости, свойственной слабодушнымъ, или по убъжденію въ невозможности спасемія отечественной независимости. Были, хотя и немногіе, состоявшіе постоянно подъ знаменами чести и долга и ратовавшіе неизмінно за віру, отечество и царя православнаго, кого Бого дасто. Немногимъ изъ такихъ избранниковъ предоставлена завидная слава спасенія погибавшей Россія: Гермогенъ воскресилъ упавшій духъ народа своими къ нему воззваніями и своимъ святымъ самопожертвованіемъ; князь Пожарскій и Мининъ возбудили всеобщій энтузіазмъ своими геройскими доблестями и великое дело свое запечатлели подвигомъ великимъ: избраніемъ въ цари не чужеземца, а прирожденнаго Русскаго. Провидение видимо хранило Россію.

Въ 1613 году благословеніемъ свыше утвердилась новая парственная династія. Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова было залогомъ спасенія отечества. Юный Ми-

"канать, витестт съ вънцемъ царскимъ, долженъ былъ возложить на себя бремя тяжкое; ему предлежалъ подвигъ великій: утииннть сильно взволнованное царство, умирить враждованія, крамолы и смуты, оградить народъ безопасностію отъ враговъ
вителнихъ и внутреннихъ, и посреди всеобщей, повсемъстной
неурядицы возстановать правительство твердое, на прежнихъ
основаніяхъ коллегіальныхъ, безъ всякой примъси чужеземной.

Начальныя действія царя Михаила.

Царь Миханать Осодоровичь въ началѣ своего царствованія, сознавая свою неопытность и неэралость лать, съ юношескимъ сивреніемъ руководился совітами боярь и думныхъ людей, пользовавшихся довъріемъ народа. По внушенію свътлаго своего разума, невависнию отъ посторонняго вліянія, онъ самъ совналъ скоро, что ему надлежало не созидать что либо новое въ управленів — это посреди общаго нестроенія произвело бы зло еще горшее; онъ поняль, что ему надлежало окружить себя достойными совътниками, избрать доблестныхъ подвижниковъ н съ ними охранить целость державы и возсоздать прежнее благоустройство въ дълахъ государственнаго управленія, и къ этому приступиль онъ немедленно и дъйствоваль съ ведичайшею осторожностію и благоразумісмъ. Успъхъ вінчаль первыя его вачинейя: въ первыя шесть леть онь окончиль две войны в вышель съ честію изъ этой опасной борьбы съ врагами сильными; заключенъ быль миръ и со Шведами и съ Поляками, и успокоенная благодарная Россія съ непритворною радостію встретила родителя государева Филарета въ 1619 году, возвратившагося изъ тяжкаго плена. Филареть, возведенный ет санъ патріарка, сталь на ступеняхь трона хранителемь своего царственнаго сына; умудренный несчастіями и многолітнею опытностію въ делахъ государственныхъ, онъ въ продолженіе остальных в четырнадцати леть своей жизни делиль съ сы номъ парственные труды его; онъ помогъ ему очистить Царскую Думу отъ липъ такихъ, которыхъ поведение было болъе чемъ сомнительно.

Въ первое десятилътіе царствованія Михаила Өеодоровича, многіе бояре и думные люди, которыхъ онъ нашель уже облеченными въ эти званія прежде своего воцаренія, сошли со сцены: одни умеран, аругіе уклонились отъ дъятельнаго участія въ дълахъ правительственныхъ. Никому изъ уклонившихся парь не подавалъ повода къ ропоту и неудовольствію; не позволялъ себъ противъ нихъ ни укоризнъ, ни воспоминаній о минувшемъ; не хотвав знать, кто къ какой принадлежаль партіи; всв заблужденія и вст прежніе гртхи высокихъ сановниковъ преданы забвенію. Михаилъ Өеодоровичь желалъ одного, чтобы въ его Парской Думъ засъдали впредь люди безукоризненные, чтобы они съ сихъ поръ не уклонялись уже никогда съ пути чести и долга, были всегда неизменно верны законамъ отечества и искренно преданы своему царю; такихъ же качествъ в достоинствъ должны быть люди, поставляемые начальствующими лицами въ Приказахъ или царскими намъстниками и воеводами въ разныхъ областяхъ Россіи.

Кто же были споспѣшники Михаилу въ умиротворенів земли Русской, кого имѣлъ онъ совѣтниками и достойными исполнителями его воли и благихъ его намѣреній, и какія учредиль, или, правильнѣе сказать, возстановиль онъ степени властей, должностей, чиновъ и званій. какъ вблизи себя, въ центрѣ управленія, такъ и вдали отъ трона, въ разныхъ областяхъ государства? всѣ эти вопросы удобно разрѣшаются по Боярскимъ книгамъ и по другимъ правительственнымъ актамъ того времени.

Боярскія книш — установленіе, современное Іоанну III — содержали въ себѣ перечневые списки фамилій и лицъ служебныхъ, съ обозначеніемъ ихъ званій и должностей. Онѣ составлялись не ежегодно, а періодически. Если бы сохранились таків книги въ цѣлости отъ XV до начала XVII вѣка, то какой свѣтъ пролили бы онѣ на исторію тѣхъ временъ! Къ сожалѣнію, всѣ онѣ истреблены частію пожарами, частію вторженіями непріятельскими, въ особенности кровавою неурядицею въ 1612 году.

Михаилъ убъдился въ необходимости возобновить прежнюю перепись или общую ревизію чиновъ своего царства. Четыре раза въ его парствованіе производилась такая перепись: въ

1627. 1629, 1636 и 1640 годахъ. Перечневые списки этихъ четырехъ ревизій составляютъ четыре Боярскія книги времень Михаилова царствованія.

Я внимательно разобралъ Алфавитный указатель фанилій и лиць, упоминаемых во Боярских книгах, и по строгомъ вычисленій нашель, что съ 1627 года на службѣ царской при Михаплѣ значилось 40 бояръ, 18 окольничихъ, 4 думныхъ дворянъ и 10 думныхъ дьяковъ. Первыя три званія составляли аристократію или высшій синклитъ властей гражданскихъ, военныхъ, дипломатическихъ и придворныхъ; послѣдніе, т. е. думные дьяки были большею частію люди не родословные, а принадлежали по происхожденію къ среднему слою общества; но по своей служебной дѣятельности и по глубокому званію дѣлъ государственныхъ стояли высоко и во мнѣніи царя, и въ глазахъ народа; вершеніе дѣлъ въ Царской Думѣ и исполненіе боярскихъ приговоровъ и царскихъ указовъ лежало преимущественно на думныхъ дьякахъ.

Сверхъ упомянутыхъ высшихъ сановниковъ царства, поставлены были въ чиновничей іерархіи второстепенныя званія и должности: стряпчіе и стольники; они состояли или при лиць государя для исполненія его повельній, или назначались, особенно стольники, начальственными лицами въ должностяхъ придворныхъ, въ полкахъ и въ Приказахъ. Царь Михаилъ образовалъ многочисленный штатъ стольниковъ, изъ коихъ одни состояли непосредственно въ распоряженіи царя, другіе отчислены для службы цариць Евлокіи Лукьяновнь, а третьи образовали особый служебный штатъ патріарха Филарета и назывались патріаршими стольниками. Первыхъ, т. е. собственно царскихъ стольниковъ значилось 465; вторыхъ, т. е. стольниковъ царицы, было только 10; а патріаршихъ стольниковъ считалось 477.

Званіе патріаршихъ стольниковъ было учрежденіе времсиное; оно значится въ Боярскихъ книгахъ только 1627 и 1629 годовъ; во все остальное время XVII вѣка о нихъ и рѣчи нѣтъ: очевидно, что патріаршіе стольники установлены для Филарета исключительно и даны ему не по сану патріарха, а по качеству государева родителя. Замѣчательно, что царица Евдокія Лукья-

новна при жизни Филарета не имъла для себя отдъльнаго штата чиновъ; къ ней назначены стольники не ранве 1636 года, т. е. спустя десять лътъ послъ ея бракосочетанія съ царемъ и три года спустя послъ кончины Филарета; изъ десяти стольниковъ, при ней состоявшихъ, пять человъкъ были ближайшіе ся родственники — Стръшневы.

Высшія правительственныя лица при царь.

Любопытно прослёдить поименно главных действователей во время Михаилова царствованія: бояръ, окольничих и думных людей, и указать заслуги ихъ предъ отечеством и царемъ, или тё уваженія, по коимъ они поставлены на первыя ступени государственных сановниковъ.

1. **BOAPE**.

Прилагаю при семъ списокъ бояръ царя Михаила, значившихся въ Боярскихъ книгахъ 1627, 1629 и 1640 годовъ.

Въ 1627 году:

- 1. Петръ Петровичь Головинъ 1-й,
- 2. Семенъ Васильевичь Головинъ 2-й.
- 3. Князь Владиміръ Тимоффевичь Долгорукій,
- 4. Князь Ананасій Васильевичь Лобановъ.
- 5. Князь Борисъ Михайловичь Лыковъ.
- 6. Князь Даніна Ивановичь Мезецкій.
- 7. Василій Петровичь Морозовъ 1-й.
- 8. Князь Иванъ Някитычь Одоевскій 1-й.
- 9. Князь Иванъ Ивановичь Одоевскій 2-й.
- 10. Князь Дмитрій Михайдовичь Пожарскій.
- 11. Иванъ Никитычь Романовъ.
- 12. Князь Григорій Петровичь Ромодановскій.
- 13. Князь Андрей Васильевичь Сицкій 1-й.
- 14. Князь Алексви Юрьевичь Сицкій 2-й.
- 15. Киязь Юрій Яншеевичь Сулешевъ.

- 16. Князь Андрей Васильевичь Хилковъ.
- 17. Князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій 1-й.
- 18. Кназь Иванъ Борисовичь Черкасскій 2-й.
- 19. Михаилъ Осодоровичь Шеннъ.
- 20. Өсөдөръ Ивановичь Шереметевъ 1-й.
- 21. Князь Иванъ Ивановичь Шуйскій.

Въ 1629 году:

- 22. Матвый Михайловичь Годуновъ.
- 23. Борисъ Ивановичь Морозовъ 2-й.
- 24. Князь Петръ Александровичь Репнинъ 1-й.
- 25. Князь Юрій Андреевичь Сицкій 3-й.
- 26. Иванъ Петровичь Шереметевъ 2-й.

Въ 1640 году:

- 27. Князь Юрій Петровичь Буйносовъ-Ростовскій.
- 28. Князь Иванъ Андреевичь Голицынъ.
- 29. Киязь Өеодоръ Семеновичь Куракинъ.
- 30. Киязь Алексви Михайловичь Львовъ.
- 31. Глъбъ Ивановичь Морозовъ 3-й.
- 32. Иванъ Васильевичь Морозовъ 4-й.
- 33. Князь Никита Ивановичь Одоевскій 3-й.
- 34. Князь Борисъ Александровичь Репнинъ 2-й.
- 35. Борисъ Михаиловичь Салтыковъ 1-й.
- 36. Михайло Михайловичь Салтыковъ 2-й.
- 37. Князь Юрій Андреевичь Сицкій 4-й.
- 38. Лукьянъ Степановичь Стрфшневъ 1-й.
- 39. Василій Ивановичь Стрфшневъ 2-й.
- 40. Василій Петровичь Шереметевъ 3-й.

Лица, въ этомъ спискъ поименованныя, не всъ равно знамениты заслугами, не всъ равно сохранились въ памяти потомства, но всъ пользовались уваженіемъ современниковъ или 1) по историческимъ воспоминаніямъ о минувшемъ величіи, или 2) по близкому родству съ царемъ, или 3) за содъйствіе къ спасенію и успокоенію отечества подвигами воинскими, или 4) мудрыми совътами въ ръшеніи дълъ государственныхъ. Къ 1-й категоріи принадлежатъ: М. М. Годуновъ, князь И. И. Шуйскій и князь Ю. П. Буйносовъ-Ростовскій.

Рода Годуновыха по смерти царя Бориса подвергся опаль и гоненію: одни сосланы были въ заточеніе, другіе хотя оставлены на службъ, но отправлены въ дальніе города воеводами, и преимущественно въ Сибирь. Ни при самозванцахъ, ни при царъ Шуйскомъ не было ни одного Годунова въ почетъ или на видномъ мъсть. Въ то время нъсколько Годуновыхъ звачились воеводами въ городахъ Сибирскихъ: въ Туринскъ, въ Верхотурьт и въ Пелымъ. М. М. Годуновъ, о которомъ здъсь ръчь, назывался воеводою Сибирскимъ и управлялъ городами: Тюменью и Тобольскомъ; впрочемъ, онъ имълъ сильное вліяніе на всю тогда извъстную Сибирь, содержалъ въ повиновеніи инородцевъ и всъ племена, иткогда подвластныя роду царя Кучума. Царь Михаилъ, уважая заслуги Годуновыхъ, приблизилъ нъкоторыхъ изъ нихъ къ себъ и возвелъ на высшее званіе; такъ въ началъ царствованія Михаила были двое Годуновыхъ: Никита Васильевичь и Степанъ Степановичь въ чинъ окольничихъ; а третій, Матвъй Михайловичь, въ 1629 году пожалованъ бояриномъ, или, лучше сказать, возстановленъ въ этомъ званіи, которое онъ получилъ еще при царъ Борисъ въ 1604 году. Въроятно всъ эти Годуновы обязаны возстановленіемъ чести своего рода ходатайству Ирины Никитишны, сестры Филарета и родной тетки царя, бывшей въ замужствъ за Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ. Назначение М. М. Годунова въ санъ боярина служитъ свидътельствомъ великодущія царя Михаила, не хотъвшаго помнить страданій, причиненныхъ Годуновыми всему роду Романовыхъ. М. М. Годуновъ скончался въ 1639 году.

Киязь И. И. Шуйскій, какъ брать царя плінника, быль особенно ненавидимъ и преслідуемъ Сигизмундомъ, который отняль у него все имінье и помістье его въ Муромскомь у іздів и отдаль своему клеврету какому-то Крабову. Царь Михаиль возвратиль ему достояніе его и по уваженію къ несчастіямъ, постигшимъ его родъ, оказываль постоянно милостивое къ нему вниманіе. Князь И. И. Шуйскій долго пережиль и брата царя и брата боярина кн. Дмитрія и скончался въ 1638 году; съ нимъ погасъ издревле знаменитый домъ князей Шуйскихъ.

Князь Юрій Петр. Буйносовъ-Ростовскій, брать царицы Маріи Петровны, злополучной супруги царя Василія Шуйскаго, много участвоваль въ дълахъ управленія, особенно при царъ Алексіт Михайловичъ. О дъйствіяхъ князя Буйносова будеть сказано подробнъе въ свое время.

Ко 2-й категоріи принадлежать: ки. В.Т. Долгорукій, И.Н. Романовь, четверо князей Сицкихь, двое Стрышневыхъ и двое князей Черкасскихъ.

Князь В. Т. Доморукій, нам'встникъ и воевода Казанскій, родитель царицы Маріи Владиміровны, первой супруги царя Михаила. Не долго князь Владиміръ им'влъ ут'вшеніе радоваться возвеличенію и счастію своей дочери: она съ небольшимъ черезъ три м'всяца посл'в своего бракосочетанія скончалась въ 1624 году. И посл'в ея смерти царь не преставалъ оказывать князю Владиміру свое родственное вниманіе.

И. Н. Романовъ, братъ Филарета и дядя царя, изгнанникъ Пелымскій при царѣ Борисѣ, безропотный страдалецъ въ опалѣ и благотворитель народа въ счастіи, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и совѣтахъ царскихъ, при бракосочетаніи Михаила съ Евдокіею Лукьяновной былъ въ отщово мъсто, и вообще пользовался особеннымъ уваженіемъ своего царственнаго племянника. При кончинѣ своей, въ 1640 году, искренно оплаканъ былъ царемъ.

Князья Сицкіе облечены были званіемъ боярскимъ не по уваженію особенныхъ заслугь, а по праву свойства ихъ съ царскимъ домомъ. Знаменитый бояринъ временъ царей Іоанна и Өеодора Іоанновича, князь Иванъ Васильевичь Сицкій, былъ женатъ на Евоиміи Никитишнѣ Романовой, подвергся при царѣ Борисѣ опалѣ вмѣстѣ со всѣми Романовыми, сосланъ былъ въ монастырь и тамъ погибъ. Всѣ четверо князей Сицкихъ, въ Боярскихъ книгахъ поименованные, были родственники князя Ивана Васильевича — вотъ главныя права ихъ на боярство! Впрочемъ исторія, не указывая никакихъ особенно похвальныхъ дѣйствій князей Сицкихъ, не модчитъ однакоже о томъ, что князь А. Ю. Сицкій въ мододые годы свои дѣйствовалъ усердно подъ знаменами Тушинскаго вора и поражалъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Царь Михаилъ простилъ ему грѣхи юности его,

и въ 1615 году далъ ему боярство, а въ 1617 году назначилъ его начальникомъ Приказа Казанскаго дворца. Князь А. Ю. Сицкій заслужилъ эти милости своею истинною преданностію царю до самой смерти своей, послъдовавшей въ 1644 году.

Имя вняза A, B. Сицкаю встръчается только въ одномъ автъ: въ грамотъ о бракосочетанія царя въ 1626 году. О правительственныхъ дъйствіяхъ князя Андрея ничего неизвъстно.

Показаніе о двухъ князьяхъ Сицкихъ, носящихъ одинаковое имя и отчество: князья Юріи Андреевичи, навело на меня сомнѣніе, не ошибка ли это въ Боярскихъ книгахъ? не прянято ли одно и то же лицо за два различныя? Разрѣшить это сомнѣніе трудно, потому что одинъ князь Юрій Андреевичь значится бояриномъ въ 1629, а другой въ 1640 г. Впрочемъ не стоитъ дѣлать объ нихъ дальнѣйшихъ разысканій: о жизни ихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Стрышевы — дворянскій родъ малознаемый и бѣдный, внезапно особеннымъ счастіемъ поставленный на ряду съ древними
вельможными фамиліями: царь Михаилъ въ 1626 году сочетался
вторымъ бракомъ съ Евдокіею Лукьяновной Стрѣшневой. Лукьяно
Степановичь, родитель царицы, долго оставался вѣрнымъ своему
простому образу жизни, долго уклонялся отъ блеска дворскаго,
не искалъ почестей, и только въ 1634 году, во исполненіе воли
паря, стоялъ уже въ ряду бояръ, не бывши прежде ни окольничимъ, ни даже стольникомъ. Въ 1640 году занесенъ былъ въ
боярскую книгу въ качествъ бояряна. В. И. Стрышевъ, родственникъ царицы, проложившій впрочемъ себъ путь къ возвышенію продолжительною службою въ званіи стольника и
окольничаго. Онъ съ достониствомъ и честію засъдалъ въ
Думѣ.

Князья Черкасскіе пріобрѣли себѣ почетность и знаменнтость въ Россіи со временъ царя Іоанна Грознаго, котораго вторая супруга была княжна Черкасская. Въ смутное время явилось на сценѣ двое князей Черкасскихъ: князь Дмитрій Мамстрюковичь в князь Борисъ Канбулатовичь.

Киязь Д. М. Черкасскій, родной племянникъ царицы Маріи Темерюковны, второй супруги царя Грознаго, надменный знатностію своего рода, гордый, тяжелонравный и, какъ Азіять,

неукротимый въ порывахъ страстей своихъ, былъ человъкъ съ высокими дарованіями воинскими. Въ смутное время онъ употребилъ свои дарованія на дъло беззаконное, и, подобно князю А. Ю. Сицкому, выбламся въ томпу изменниковъ, и усердствуя Тушинскому вору, грабилъ и истреблялъ народъ православный. По избраніи законнаго государя, князь Д. М. Черкасскій авилси къ царю Михаилу съ повинною головою и объщаль ему неизмънную върность до гроба. Онъ исполнилъ обътъ свой: еще въ званіи простаго стольника онъ не одинъ разъ водилъ съ честію парскія войска противъ непріятелей и всего болье отдичился онъ въ битвахъ съ Поляками полъ Смоленскомъ и въ частыхъ набъгахъ на города Литовскіе. За подвиги свои онъ награжденъ быдъ боярствомъ въ 1619 году. Въ санъ боярина начальствоваль князь Д. М. Черкасскій въ Приказ Казанскаго дворца и имбать сильное вліяніе на дела всего восточнаго края Россіи. Въ 1633 году, когда король Владиславъ сильно ствснилъ Смоленскъ и бояринъ Шеинъ приведенъ былъ въ отчаянное положеніе, князь Д. М. Черкасскій и князь Д. М. Пожарскій назначены были указомъ царя, отъ 30 декабря, на смѣну Шеяна и на выручку осажденныхъ. Многочисленныя войска были уже собраны въ Можайскъ и новые военачальники спъщили къ Смоленску, какъ неожиданно поразило всъхъ извъстіе о постыдной сдачь Смоденска и всего лагеря Русскаго въ 1634 году февраля 24. Походъ князя Черкасскаго отъ того не состоялся; но одно назначеніе его къ такому важному делу служить доказательствомъ высокаго уваженія царя къ воинскимъ его дарованіямъ: князь Черкасскій поставлень на ряду съ княземъ Пожарскимъ и даже выше его!

Князь Б. К. Черкасскій не принадлежить къ разбираемому много періоду времени; онъ былъ бояринъ царя Осодора Іоанновича; я привожу здѣсь имя князя Бориса для того, чтобы объяснить причины знатности и почетности его рода при Миханлъ. Князь Борисъ былъ женатъ на Мареф Никитишиф Романовой, слѣдовательно былъ шуринъ Филарета и своякъ князя И. В. Сицкаго; виѣстѣ съ вими онъ подвергся опалѣ при Годуновъ, былъ лишенъ всего своего достоянія: помѣстьевъ и вотчинъ, и сосланъ на Бѣлое озеро съ женою и тамъ скончался въ

1602 году. Сынъ его князь Ив. Б. Черкасскій, также долго (льть нять) томившійся въ ссылкв въ Малмыжв на Вяткв, возвратился въ Москву вмітсть съ дядею своимъ И. Н. Романовымъ. Съ того времени онъ пережилъ смутный періодъ честно и безукоризненно и имълъ счастіе радостно привітствовать своего двоюроднаго брата Михаила Романова царемъ и самодержцемъ всея Россіи. Царь Михаилъ призналъ справедливымъ возстановить знамецитость рода князей Черкасскихъ и вознаградить за безвинныя страданія и за разореніе родоваго ихъ имущества, неправедно отнятаго и расхищеннаго; для того 1627 г. онъ пожаловалъ князю И.Б. Черкасскому изъ дворцовыхъ сель своихъ въ Нижегородскомъ увадъ село Павлово на Окъ съ съ семнадцатью деревнями въ вотчинное потомственное владъніе. Князь И. Б. Черкасскій былъ достоинъ этой царской милости: онъ успълъ уже въ это время доказать отличныя свои способности правительственныя въ устройств в Иноземнаго приказа и въ приведении въ порядокъ дълъ Помфстнаго приказа. Впрочемъ Михаилъ Өеодоровичь давалъ ему нарочно случаи разнообразить службу свою и пріобрітать опытность во всіхх частяхъ госудирственнаго управленія. Во все время своего царствованія смотрълъ Михаилъ на князя И.Б. Черкасскаго не просто какъ на своего върнаго подданнаго, но чтилъ его во всвхъ торжественных случаях в какъ брата и друга. Князь былъ точно ближній бояринъ царя въ точномъ смыслів слова; близкое родство его съ царемъ и разнообразныя служебныя заслуги ставили его выше большей части современныхъ ему сановниковъ. При торжествъ бракосочетанія Миханла въ 1626 г., онъ былъ бояриномъ тысяцкимъ, т. е. главнымъ лицемъ послъ посаженнаго отца (И. Н. Романова). Князь И. Б. неръдко употребляемъ былъ на совъщаніяхъ съ послами иностранными: послу Лудовика XIII именно повелено было вести переговоры съ княземъ Черкасскимъ. Но главное дело, возложенное на него царемъ, было управление и устройство военныхъ силъ. Бывъ главою Стрелецкаго приказа, онъ заведываль наборомъ войскъ. формированіемъ полковъ и назначеніемъ въ нихъ начальственныхъ лицъ. Во время его управленія военною частью и въроятно по его идей начались наборы или наемъ войскъ чужеземныхъ.

Совътниками князя Черкасскаго и исполнителями его приказаній по предмету найма войскъ за границей были иностранцы: Лесли — Шотландецъ и Фанъ-Дамъ — Гольштинецъ. Изъ этого очерка службы князя И.Б. Черкасскаго видно, что онъ былъ не военачальникомъ въ полѣ, а военнымъ администраторомъ, или, по понятіямъ нашего времени, военнымъ министромъ царя Михаила.

Бояре, болбе или менбе знаменитые подвигами воинскимв — третья категорія — были: двое Головиныхъ, князь Лыковъ, князь Мезецкій, В. П. Морозовъ, князь Рамодановскій, князь Сулешевъ, Шеннъ, Шереметевъ и во главъ всъхъ князь Пожарскій.

Головины составляли родъ вельможный съ XV вѣка. Исторія называетъ цѣлый рядъ Головиныхъ, служившихъ честно въ званіи воеводъ, окольничихъ и бояръ въ XVI и XVII вѣкахъ.

- П. П. Головинь значится въ числѣ бояръ царя Миханла, записанныхъ въ Боярской книгѣ 1627 года. Онъ, виѣстѣ съ другими военачальниками, содѣйствовалъ, въ 1618 году, къ спасенію Москвы во время сильнаго на нее нападенія королевича Влалислава. Это главная заслуга его предъ царемъ; о дальнѣйшихъ подвигахъ его ничего неизвѣстно. Онъ скончался въ 1628 году.
- С. В. Головина, шуринъ князя Миханла Васильевича Скопина Шуйскаго, делиль съ доблестнымъ своимъ родствениикомъ труды, опасности и славу. По порученію последняго, велъ искусно переговоры со Шведами и въ Выборгъ заключилъ съ ним выгодный для Россіи союзъ въ 1609 году, и съ царскими войсками и съ союзными Шведами дъйствовалъ блистательно противъ Поляковъ, предводимыхъ Сапегою. Во все смутное время С. В. Головинъ стоялъ неуклонно подъ знаменемъ чести н закона. Въ 1614 году, по указанію царя Михаила, онъ, въ званій окольничаго, назначенъ быль въ товарищи къ боярину кн. И. И. Одоевскому и содъйствовалъ ему къ очищенію юговосточнаго края Россіи отъ злодъйскихъ полчищь Зарупкаго. въ освобожденію Астрахани и къ приведенію злодівя и его сообщинковъ въ Москву для заслуженной ими казни. Въ 1618 г., при осадъ Москвы Владиславомъ, и онъ, на ряду съ другими, авиль себя храбрымъ защитникомъ столицы. Въ 1624 году, въ санъ боярина, назначенъ былъ намъстникомъ и воеводою въ Ка-

зань; а въ 1633 году царь поручилъ ему собрать и пересмотрѣты на лицо всѣхъ воиновъ, бывшихъ у Шенча подъ Смоленскомъ, разбѣжавшихси по случаю нашествія Крымцевъ, принять ихъ вновь на службу въ полки князей Черкасскаго и Пожарскаго и всѣхъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ ратниковъ удовлетворить немедленно денежнымъ жалованьемъ и помѣстнымъ окладомъ, по разсмотрѣню, по окладниковымъ сказкамъ.

Киязь Б. М. Лыково-Оболенский рано началь свою службу. При дворъ царя Өеодора Іоанновича являлся онъ, быть еще ювошею, при большихъ царскихъ выходахъ и при прієм'в пословъ въ качествъ рынды. При царъ Борисъ наименованъ уже чашникомъ, а при Лжедмитрів Отрепьевь великимъ крайчимъ. Въ это время и онъ увлекся обманомъ, сталъ въ ряды усердныхъ слугъ самозванца, и храбро сражался подъ Кромани не за царя законнаго, а за обманщика. Гибель Отрепьева образумила князя Бориса: онъ призналъ законную власть цэря Расилія Шуйскаго и во многихъ битвахъ съ новыми обманциками самозванцами показалъ себя сколько върнымъ и храбрымъ, столько же и даровитымъ воспачальникомъ. По низложени царя Шуйскаго во время междуцарствія, князь Лыковъ склевился на сторону Сигизмунда, сделался усердивншимъ его слугою, искаль и пріобрель его особую доверенность, любовь и королевскую милость. Сигизмундъ въ 1611 году пожаловалъ ему вотчину: интине окольничаго Сукина въ Новосильскомъ уваль и именіе убитаго килзя А.В.Голицына, въ Вологодскомъ уваль. Принятіемъ этой милости отъ врага Россіи князь Лыковъ помрачилъ свое имя и запятналъ честь свою, воинскими нодвигани стяжанную. Это рабольиство предъ чужеземнымъ государемъ и эту любостяжательность онъ долженъ быль загладить новыми заслугами отечеству и царю; и действительно, при всеобщемъ возстаніи Русскихъ на Поляковъ и при избраніи царя православнаго, онть немедленно пріобщился къ великому Земскому совъту и подписалъ грамоту объ избраніи въ цари Михаила. Въ царствование Михаила князь Лыковъ, на пространствъ отъ Ярославля до Тихвина и отъ Балахвы до Вологды и Бълозерска, дъйствовалъ успъщно противъ шаекъ разбойничьихъ (въ 1614 году), и противъ Шведовъ, разорявшихъ

Псковскую и Новгородскую области. Въ 1618 году онъ одержалъ блистательную победу надъ Поляками близъ Можайска, и тъмъ помъщалъ Владиславу овладъть этимъ городомъ и долго задерживалъ путь его къ Москвъ. По заключени Деулинскаго неремирія, онъ назначенъ былъ намістникомъ и воеводою въ Казань и утвердилъ тамъ и на всемъ Ввропейскомъ востокъ тишину и безопасность. По возвращении изъ Казани, ему ввърено было высшее наблюдение за устройствомъ запутанныхъ делъ Разряднаго приказа, гдв онъ своимъ благоразуміемъ нервдко отклоняль или прекращаль споры о мъстинчествъ. Въ тяжкіе годы второй войны съ Польшею въ 1633 и 1634 г. онъ завъдывалъ денежнымъ сборомъ и расходываніемъ суммъ на продовольствіе и жалованье войскамъ, действовавшимъ подъ Смоленскомъ. Въ последние годы царствования Михаила, князь-Б. М. Лыковъ уклонился съ поприща военнаго, посвятилъ себя авламъ государственнымъ: управлялъ Приказомъ Казанскаго дворца и съ уваженіемъ занималь почетное місто въ Боярской ачив. Болве полвыка безпрерывно состояль онь на службы, достигь маститой старости и имбаъ несчастіе пережить своего любимаго государя: князь Борисъ скончался въ 1646 году. савдственно годъ спустя после царя Михаила Осодоровича.

Князь Д. И. Мезеций, любимый стольникъ царя Бориса, храбрый воевода и окольничій царя Василія Шуйскаго, побівдитель изменника князя Масальского подъ Белевымъ, мужественный участникъ въ битвъ Клушинской, печальный свидътель визложенія даря Василія, спутникъ и товарищь великихъ пословъ Филарета и князя В. В. Голивына къ Сигизмунду. Къ счастію, ему не суждено было томиться съ ними въ плену: король отправиль его и И. Т. Громотина, выбств съ своими послами. въ Москву, объявить Боярской думъ, что овъ идеть къ столицъ вичать своего сына Владислава парскимъ винцомъ; но было уже поздно: Русскіе въ 1611 году торжественно отреклись признать Владислава паремъ. Послы не были приняты и князь Мезецкій остался въ Москві и участвоваль въ избраніи Миханла. Царь умълъ скоро оценить способности и заслуги князя Мезеплаго: въ 1617 году онъ назначенъ былъ главнымъ уполномоченнымъ при переговорахъ со Шведскими послами въ Стелбовъ. За Столбовскій миръ князь награжденъ былъ боярствомъ. и въ следующемъ 1618 году, какъ опытный уже в искусный. дипломатъ, назначенъ былъ съ Ө. И. Шереметевымъ и А. В. Измайловымъ въ село Деулино для мирныхъ переговоровъ съ Поляками. По заключеніи Деулинскаго договора вст трое отправлены были въ Вязьму для размена пленныхъ, для встречи митрополита Филарета и для препровожденія его въ Москву. Въ 1619 году князь Мезецкій, вмікств съ княземъ И. Б. Черкасскимъ, ъздилъ по волъ царя въ Новгородъ для точнаго опредъленія потерь и разореній, причиненныхъ Шведами въ Новгородской области, для составленія тамъ вновь окладныхъ квигъ и для уравненія податей и повинностей. Съ 1620 по 1623 годъ управляль онь этою областію въ качествь намыстника и воеводы Новгородскаго. Вст эти порученія доказывають высокое уваженіе царя къ уму князя Мезецкаго; и точно, до самой его смерти, посавдовавшей въ 1629 году, князь Д. И. былъ любимъ и уважаемъ какъ царемъ, такъ и патріархомъ Фила-

В. П. Морозову значился при царъ Осодоръ Іоанновичъ между придворными чинами въ качествъ дворянина. При царъ Борисъ, въ званіи окольничаго, онъ мужественно сражался противъ самозванца на берегахъ Десны близъ Новгородъ-Съверска. При царѣ Василіи Шуйскомъ, въ санѣ боярина, онъ назначенъ былъ воеводою въ Казань; но тамъ не умѣлъ, или не могъ, утишить мятежа народнаго: ослепленные Казанцы, не смотря на его убъжденія, отложились отъ царя законнаго. При вънчаніи Михаила на царство, В. П. Морозовъ, вмѣстѣ съ князьями Мстиславскимъ и Трубецкимъ, И. Н. Романовымъ и княземъ Пожарскимъ, былъ однимъ изъ главныхъ лицъ при священнодействін. Блистательнейшимъ деломъ въ жизни В. П. Морозова была оборона Пскова отъ Шведовъ. Густавъ Адольфъ, въ 1615 году, съ большими силами осадилъ этотъ городъ со всёхъ сторонъ; Морозовъ заключился въ стенахъ крепости, мужественно отражалъ нападенія осаждающихъ и сильными вылазками наносилъ пораженія и траты въ рядахъ непріательскихъ; всъ усилія короля овладьть городомъ были напрасны: онъ принужденъ былъ снять осаду, отступить отъ Пскова

склониться къ мирнымъ переговорамъ. Въ последнее время жизни Морозова онъ не имелъ никакой особой части въ своемъ управлении и былъ только какъ бы почетнымъ членомъ Думы. Онъ скончался въ 1630 голу.

Князь Г. П. Ромодановский въ смутное время отличался необыкновеннымъ мужествомъ и стойкостью во всъхъ бояхъ, но ръдко счастье вънчало его подвиги: Сапега, главный его противникъ, вездъ поражалъ его, особенно подъ Троицкой Лаврой и подъ стънами Москвы. Постоянныя неудачи и пораженія Русскихъ Поляками породили въ князъ Ромодановскомъ мысль, что Россія будетъ неизбѣжно добычею Польши, и потому онъ благовременно предался Сигизмунду; и расчиталъ, казалось, върно: король наградилъ его богатымъ помъстнымъ окладомъ и изъ окольничихъ пожаловалъ въ бояре въ 1611 году. Это пожалованіе, при счастливомъ оборот дълъ въ Москвъ, было надолго позорною для него укоризною. Царь Миханлъ простилъ его, но въ боярствъ утвердилъ не ранъе 1616 года. Исторія именуеть въ числі отличных дійствій князя Ромодановскаго въ царствованіе Михаила Өеодоровича благоразумныя дъйствія его и мужественную оборону Москвы въ 1618 году во время осады ея Владиславомъ: въ 1621 году, онъ, по указанію царя, отряженъ быль въ Кострому и Галичь для сбора ратныхъ людей по случаю предстоявшей вновь войны съ Польшею; въ 1623 году, по отход в изъ Новгорода князя Мезецкаго, назначенъ былъ князь Ромодановскій нам'ястникомъ Новгородскимъ и держался на этомъ постф нфсколько лфтъ, до самой смерти своей въ 1628 году.

Князь Ю. Я. Сулешеев, потомокъ Крымскихъ мурзъ, со временъ паря Іоанна Грознаго водворившихся въ Россіи. Неизвъстно, какія заслуги поставили Сулешей въ уровень съ вельможными княжескими родами Русскими. Въ самые первые годы парствованія Михаила князю Ю. Я. Сулешеву поручено было собрать изъ разныхъ городовъ войско и приготовить оное къ походу противъ Заруцкаго, на помощь боярину князю И. Н. Одоевскому. Сборными мъстами для этого войска назначены были города: Алатырь и Тетюши. Изъ Алатыря полки конные, тамъ сформированные, отправлены степью подъ Астрахань, а изъ

Z

Тетюшь судовая рать следовала внизь по Волге къ тому же назначенію. Князь Сулешевъ, служившій тогда еще въ званіи стольника, исполнилъ это порученіе, въроятно, къ удовольствію царя, потому что въ следующемъ 1615 году онъ уже пожалованъ въ бояре. Въ 1616 году, вмъстъ съ другими воеводами, начальствовалъ князь Сулешевъ отрядомъ войскъ, расположеннымъ подъ Смоленскомъ. При первомъ извъстіи о нашествіи Владислава на Россію, бояринъ Сулешевъ, по волѣ государя, возвратился въ Москву со всемъ своимъ отрядомъ для обороны столицы; во время осады Московской онъ стояль кръпко и мужественно и бился не щади головы своей. Въ 1621 году онъ посланъ былъ въ Рязань для сбора ратныхъ людей, на случай открытія новой войны съ Польшею. Въ 1631 году мы видимъ его въ званія намѣстника Рязанскаго, а въ 1632 г. намъстникомъ и воеводою Новгородскимъ послъ князя Д. М. Пожарскаго. Князь Сулешевъ пользовался во всю свою жизнь большимъ почетомъ при дворъ и необыкновенными милостями царя, который въ 1629 году пожаловаль ему и брату его Маметшѣ Мурзѣ богатую вотчину въ Нижегородскомъ и Муромскомъ убздахъ; въ этой вотчинъ заключалось между прочимъ в знаменитое село Карачарово.

М. Б. Шеинъ, чашникъ царя Бориса, пожалованный въ окольничьи въ 1605 году за извъстіе о побъдъ Русскихъ надъ самозванцемъ близъ Стародуба, въ санъ боярина доблестный защитникъ Смоленска противъ Сигизмунда въ теченіе двадцати мъсяцевъ (1609—1611)*). По взятіи Смоленска, Шеинъ въроломно уведенъ Сигизмундомъ въ Варшаву и томился тамъ военноплъннымъ въ неволъ девять лътъ. По возвращеніи изъ плъна, М. Б. Шеинъ достойно пользовался праведнымъ уваженіемъ царя и всего двора, являлся при всъхъ торжественныхъ случаяхъ между первенствующими боярами. Въ воспоминаніе славныхъ подвиговъ, совершенныхъ Шейнымъ за двадцать лътъ предъ тъмъ, при оборонъ Смоленска отъ войскъ короля Си-

٠

^{*)} Въ Собраніи грам. и догов. т. II, 241, сказано о подвигъ Шенна: «Богъ далъ за православную въру, кръпкихъ стоятелей въ Смоленскъ премудраго боярина М. Б. Шенна и правосл. Смоленскихъ сидъльцевъ; они его (короля) не послущали и учивили досточудно и достохвально, стали кръпко и мужественно на смерть, на память и на славу и на похвалу въ роды и въ роды».

гизмунда, царь Михаилъ наименовалъ его опять главнымъ начальникомъ войскъ для дъйствія подъ Смоленскомъ же противъ короля Владислава, шедшаго войною на Россію въ 1632 году. Счастіе на этотъ разъ изманило Шенну: на самыхъ постыдныхъ условіяхъ онъ принужденъ былъ сдать непріятелю весь свой лагерь. Досель не объяснены удовлетворительно причины этого позорнаго дела, за которое Шеннъ поплатился своею жизнію: въ 1634 году онъ былъ казненъ смертію какъ измънникъ. Исторія не смъеть такъ ръшительно помрачить память человъка, нъкогда славнаго и умомъ и любовію къ отечеству. Вражды и крамолы между его сподвижниками инострандами, неудачи такъ обыкновенныя въ битвахъ, ослабление фивическихъ и моральныхъ силъ, следствіе преклонныхъ летъ Шенна, и особенно нашествіе Крымцевъ на Россію, которое лишило его большей части его воиновъ, разбъжавшихся изъ-подъ Смоленска во вст стороны для обороны своихъ домовъ и семействъ - вотъ въроятныя причины его несчастія и гибели.

О. И. Шереметевъ мужественно дъйствовалъ во многихъ бояхъ за царя Бориса до самой его смерти. По паденіи законнаго государя, и онъ вместе съ другими увлеченъ быль потокомъ общаго заблужденія и обмана, принужденъ былъ принять боярство отъ царя беззаконнаго; но заблуждение его было непродолжительно: съ неизмѣнною вѣрностію и усердіемъ служилъ онъ царю Василію, какъ избраннику Провидінія; храбро **дъйствовалъ противъ мятежной Астрахани;** очистилъ отъ крамольниковъ и измѣнниковъ всв Низовые города отъ Астрахани до Нижняго Новгорода; истребилъ полчище Лисовскаго подъ Юрьевцемъ, и вмість съ княземъ М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ сдвлался грозою врагамъ и утвшеніемъ и надеждою для бвдствующаго отечества. Но викакіе успѣхи воинскіе не могли спасти царя Шуйскаго; онъ низведенъ съ престола и государству угрожали еще большія опасности: вмісто самозванцевъ посягали на престолъ Русскій иноплеменники сильные и могли уже считать всю землю Русскую своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Но надежды Поляковъ не осуществились: по единодушному приговору Великаго Земскаго Совъта, или выборныхъ всей земли Русской, избранъ царемъ Михаилт Өеодоровичь Ро-

мановъ. О. И. Шереметеву предоставлено было завидное счастіе быть въстникомъ избранія; онъ, вмість съ другими высокими сановниками, духовными и свътскими, отправленъ былъ въ Кострому умолять новоизбраннаго царя о принятій престола. Царь Михаилъ, зная высокія воинскія способности Шереметева, назначилъ его въ 1615 году начальникомъ войска, которое должно было идти на помощь Цсковитянамъ, осажденнымъ Шведами, Сборными містами указаны города: Ржевъ и Торопецъ; но войска, тутъ собранныя и готовыя уже къ дъйствію, остановлены были въ дальнейшемъ движенів: геройскіе подвиги В. П. Морозова спасли Псковъ отъ осады прежде прибытія Шереметева. Съ сихъ поръ, во все время царствованія Михаила, Ө. И. Шереметевъ не былъ уже употребленъ на военномъ поприщѣ; но за то во всехъ делахъ государственныхъ — дипломатическихъ и правительственныхъ, онъ принималъ дъятельнъйшее участіе; быль постоянно самымъ довъреннымъ совътникомъ царя и долго председательствоваль въ Приказе, гае на сильных быоть челомь. Въ послъдніе годы царствованія Михаила онъ управляль делами Приказа Большія Казны. Онъ скончался въ 1650 году.

Князь Д. М. Пожарскій, долго безвівстный царедворець, въ первый разъ въ 1608 году явилъ опытъ рѣдкой неустрашимости и великихъ дарованій воинскихъ; съ сихъ поръ они развивались все болбе и выказывались съ каждымъ годомъ въ новомъ блескъ и съ новою славою. Въ 1612 году князь Пожарскій стяжаль себт подвигами своими блистательныйшую славу въ мірѣ — славу героя, спасителя отечества. Сигизмундъ и его паны Рада поняли высокія достоинства Пожарскаго и справедливо считали его главнымъ виновникомъ изгнанія Поляковъ изъ Москвы. Король, въ негодованіи своемъ, отналъ у него принадлежавшее ему помъстье Нижній Ландехъ и отдалъ оное своему угоднику, какому-то безвъстному Орлову. Грамота, королемъ данная объ этомъ, на имя князя Мстиславскаго и Правительственной Московской Думы, сохранена досель и служить доказательствомъ безсильной злобы Сигизмунда. Въ 1613 году царь Михаиль, въ самый день въцчанія своего на царство, возвелъ стольника князя Пожарскаго въ санъ боярина, вмъстъ съ княземъ И. Б. Черкасскимъ; но первый, не смотря на великія заслуги его предъ отечествомъ, не былъ удостоенъ отъ царя той любви и того довърія, какими пользовался послъдній. Въ первый же годъ своего пожалованія князь Пожарскій подвергся ги ву царскому и строгому наказанію за м'встничество съ Салтыковымъ, которому онъ не хотвлъ объявить боярство. Царь, по совъщанію съ боярами, повельлъ выдать князя Пожарскаго Салтыкову головою. Безъ сомнинія, при этомъ случать царь хотълъ явить примъръ нелицепріятной строгости в уваженія къ обычаю, странному въ существъ, но утвержденному временемъ и закономъ; бояре же одобрили строгость царя, можетъ быть, потому, что они, безмолвно признавая превосходство Пожарскаго надъ всеми ими во миби п народа, тяготились этимъ превосходствомъ, видели въ немъ человека новаго, необыклаго въ боярствъ '), и хотъли унизить его. Въ саъдствіе этой опалы, во все продолжение 1614 года, князя Пожарскаго, во всъхъ правительственныхъ актахъ, писали просто воеводою княземъ Дмитріемъ, безо отчества; и не смотря на это униженіе, отправленный на воеводство въ Самару, князь Пожарскій оттуда д'вятельно помогалъ боярину князю Одоевскому къ освобождевію Астрахани отъ Заруцкаго. Въ 1615 году кназь Дмитрій Михайловичь очистиль города: Боровскъ, Белевъ, Болховъ, Корачевъ и Брянскъ отъ буйныхъ казаковъ и лисовчиковъ; гналъ и преследовалъ изъ места въ место самого Лисовскиго. который после пораженія подъ Алексинымъ принужденъ былъ бъжать и въ Комарицкой волости нашелъ себъ внезапную смерть. Въ 1617 году князь Пожарскій посланъ былъ въ Калугу для спасенія ея отъ Литовцевъ; совершивъ со славою дело, на него возложенное, онъ особенно порадовалъ царя въстію объ усмиренів казаковъ, о принятій ими службы царской и о дійствіяхъ ихъ не противъ Россіи, а за Россію. Въ 1618 и 1619 годахъ, во время нашествія Владислава на Москву, оно стоями кръпко и мужественно и на боъхь и на приступъхъ, бился не щадя головы своей. По отступленіи Поляковъ отъ Москвы и по заключе-

 ^{*)} Ни прежде, ни послъ килзя Дмитрія Михайловича во всемъ родъ килзей Пожарскихъ не было ви одного боярина.

ніи Деулинскаго перемирія, князь Пожарскій, по вол'в царя, привътствовалъ въ Можайскъ Филарета, возвращавшагося изъ пл вна, и сопровождалъ его до Москвы. За великія заслуги князя и за славные военные подвиги, имъ совершенные, царь Михаилъ повельдъ помъстья его, въ Ростовскомъ и Московскомъ увадахъ, обратить въ родовую вотчину; спустя два года после того, въ 1621 году, помъстья князя Пожарскаго Нижній Ландехъ и посадъ Халуй, съ деревнями, отнятыя Силизмундомъ, возвращены ему, и по приговору царя и патріарха обращены тоже въ вотчину. Русскіе съ удовольствіемъ видели, что Михаилъ Өеодоровичь царь правды и милости воздавалъ должное великому своему подданному и искренно уважалъ его заслуги отечеству. Въ случаяхъ особенно важныхъ царь призываль князя Дмитрія Михайловича на совътъ: такъ въ 1632 г. онъ отозванъ былъ изъ Новгорода для управленія денежнымъ сборомъ со всего государства для потребностей войны; онъ положилъ начало въ последствій образовавшемуся Приказу сбора ратныхъ людей и сбора денегъ, нужныхъ для ихъ содержанія; въ следующемъ 1633 году онъ, какъ сказано выше, назначенъ былъ, вифств съ княземъ Д. М. Черкасскимъ, на смітну боярина Шейна для спасенія Смоленска. Были однакожъ случан, при которыхъ замітно было, что царь какъ бы съ намъреніемъ уклонялся отъ короткаго сближенія съ Пожарскимъ, для того назначая его воеводою и намъстникомъ поперемънно то въ Самару, то во Псковъ, то въ Новгородъ 1), и чрезъ то держа его вдалек в отъ трона и отъ столицы имъ спасенной. Въ последние годы своей жизни князь Дмитрій Михайловичь, состоя вь явной опаль, жиль безвыьздно въ Суздальскихъ деревняхъ своихъ и тамъ скончался въ 1642 г. Потомство справедливъе современниковъ: имя Пожарскаго произносится нынъ съ любовію и уваженіемъ всьми, кому дорога честь и слава отечества. Пріятно думать, что надъ могилою великаго стратига въ Суздальскомъ Спасо-Ефимьевскомъ монастыръ вскоръ воздвигнется памятникъ, достойный его подвиговъ и его славы.

^{*)} Князь Пожарскій быль намістникомъ Новгородскимъ съ 1629 по 1632 годъ.

Бояре, дъйствовавшіе на поприщѣ гражданскаго управленія— четвертая категорія— были: князь Голицынъ, князь Куракинъ, князь Лобановъ, князь Львовъ, трое Морозовыхъ, четверо князей Одоевскихъ, двое князей Ръпниныхъ, двое Салтыковыхъ, князь Хилковъ и двое Шереметевыхъ.

Князь И. А. Голицынь, открытый противникъ царя Шуйскаго, врагъ самозванцевъ и Поляковъ, сподвижникъ Ляпунова, участникъ въ составлении уставной грамоты 1611 года, коею возстановлялось законное правительство посреди владычества чужеземнаго и посреди ужасовъ безначалія. По паденіи Ляпунова, князь Голицынъ присоединился къ сонму гражданъ, върныхъ законамъ отечества, и радостно привътствовалъ приговоръ Земскаго совъта объ избраніи въ цари Михаила Өеодоровича Романова. Служба князя Голицына при царт Мпхаилт была втроятно не блистательная въ началѣ; въ Боярскихъ книгахъ 1627 и 1629 годахъ онъ значится простымъ дворяниномъ Московскимъ, даже не стольникомъ, и не ранбе 1634 года является въ спискахъ въ санъ боярина. Въ 1637 году опъ начальствовалъ въ Приказъ ратныхъ людей, и въ послъдствии его главному завъдованію поручень быль Владимірскій судный приказъ, гдъ онъ своею честностію и бе пристрастіемъ пріобрѣлъ уваженіе согражданъ и любовь царя. Онъ пережилъ Михаила 10-ю годами и скончался въ 1655 году.

Князь Ө. С. Куракинь съ молодыхъ лётъ былъ постоянно при дворѣ; при бракосочетаніи царя въ 1626 г. значился уже стольникомъ, и въ этомъ званіи назначенъ былъ воеводою въ Калугу; въ 1633 году онъ долженъ былъ, по указу царя, собрать здѣсь отрядъ войскъ и спѣшить въ Можайскъ на соединеніе съ княземъ Д. М. Черкасскимъ, и съ нимъ вмѣстѣ идти подъ Смоленскъ для выручки Шеина и для спасенія города; но по случаю преждевременной сдачи Смоленска князь Ө. С. Куракинъ не имѣлъ возможности отличить себя какими либо заслугами; тѣмъ не менѣе однакоже въ 1640 году онъ пожалованъ боярствомъ, вѣроятно по знатности его рода и по уваженію къ заслугамъ его дяди, князя Ивана Семеновича Куракина.

Князь А. В. Лобановг-Ростовскій въ первые годы царствованія Михаила Өсодоровича управляль Стрълецкимъ приказомъ

еще въ званів чашника; въ 1615 году значился уже бояривомъ; но что онъ былъ во времена предшествовавшія, какими заслугами проложилъ себѣ путь къ своему возвышенію и чѣмъ обратилъ на себя вниманіе юнаго царя, неизвѣстно. Въ царствованіе Михаила о службѣ князя Лобанова извѣстно только, что въ 1618 г. при нашествіи Владислава на Москву, онъ, вмѣстѣ съ другими сановниками, сидѣлъ въ осадѣ и участвовалъ въ оборонѣ столицы, и въ 1621 году отправленъ былъ въ Нижній-Новгородъ для сбора ратныхъ людей на случай вновь замышленной тогда войны съ Польшею, слѣдственно на него возложено было то же порученіе, какое за три года предъ тѣмъ исполнилъ здѣсь же, въ Нижнемъ, бояринъ князь Лыковъ. Онъ скончался въ 1629 г.

Князь А. М. Льюовъ принадлежить къ числу знаменитьйшихъ бояръ временъ царей Михаила и Алексъя. Получивъ воспитаніе высшее своего въка, съ умомъ обшврнымъ и съ разнообразными знаніями, онъ показаль великія способности въ авлахъ дипломатическихъ и правительственныхъ. Въ 1623 году князь Львовъ, состоя при дворѣ, въ званіи кравчаго, отправленъ былъ царемъ въ качествъ посланника къ королю Датскому Фридриху III.; въ 1629 году киязь Львовъ пожалованъ былъ окольничимъ и дворецкимъ, а въ 1634 году бояриномъ, съ сохраненіемъ должности дворецкаго; въ томъ же 1634 году, вивств съ бояриномъ О. И. Шереметевымъ, участвовалъ онъ въ заключеніи Вяземскаго мира, которымъ прекращены враждованія съ Польшей. По смыслу статей Вяземскаго трактата, положено было выбрать съ объихъ сторонъ уполномоченныхъ коммиссаровъ для точнъйшаго размежеванія границъ между Литвою и Россіею, и это дело возложено было на князя Львова и исполнено имъ къ удовольствію царя. Кром в заслугь по части дипломатической, онъ столько же счастливо дъйствовалъ и по части правительственной. Приказъ большаго дворца, ввъренный главному его завъдованію, приведенъ былъ въ примърный порядокъ. Доходы съ имъній царскихъ взимались бездонмочно, но безъ обремененія плательщиковъ. Современники и самъ царь виавли ясно правоту всвять лействій боярина дворецкаго, его безкорыстіе и благородство во всъхъ его поступкахъ. Михаилъ не могъ имъть лучшаго министра царскаго двора своего.

Изъ трехъ Морозовых, въ четвертой категоріи значащихся, самымъ замѣчательнымъ и наиболье извъствымъ былъ Б. И. Морозовъ. Онъ пожалованъ бояриномъ въ 1629 году, въ то самое время, когда вся Россія, вмісті съ царемъ, праздновала рожденіе царевича Алексівя Михаиловича, на судьбу котораго Борисъ Ивановичь имфать въ последствіи столь сильное вліяніе. Вт 1636 году онъ значится уже воспитателемъ и наставникомъ юнаго царевича; это высокое назначение доказываетъ необыкновенное довъріе къ нему царя Михаила и вмъстъ съ тъмъ свидътельствуетъ о умъ и образованіи Морозова; даже современные ему иностранцы отдавали полную справедливость его способностямъ и любезнымъ качествамъ; Олеарій называетъ его почтеннымъ в любезнымъ бояриномъ. Политическое значение пріобрѣлъ Борисъ Ивановичь уже въ царствованіе Алексія Михаиловича, в потому дальнъйшее развитіе жизни и правительственныхъ дъйствій Б. И. Морозова указано будеть посль, въ своемъ мъсть.

Въ 1640 году значатся въ спискъ бояръ еще Иванъ Васильевичь и Глюбъ Ивановичь Морозовы. Первый совершилъ, съ другими воеводами, удачный походъ противъ Крымцевъ въ 1644
году, и остатокъ жизни своей посвятилъ Богу, постригся въ монахи; второй былъ любимымъ царедворцемъ, съ достоинствомъ
и сильнымъ въсомъ засъдалъ въ Думъ и пользовался особенно
милостивымъ расположеніемъ къ нему царя Михаила, который
въ 1642 году назначилъ его намъстникомъ и воеводою Новгородскимъ. При Алексъъ Михаиловичъ игралъ онъ весьма значительную роль въ дълахъ управленія, подъ крыломъ своего
могучаго брата Б. И. Морозова.

Князья Одоевские, древнъйшій княжескій родъ въ Россіи, со временъ Іоанна III пользовались особенною почетностію при дворт Московскомъ и довтріемъ государей; при Іоаннт IV они сдълались близкими свойственниками царскаго дома. Многіе изъ князей Одоевскихъ украшены были боярскими шапками. При царт Михаилт четверо князей Одоевскихъ значатся боярами.

Князь Иванъ большой Никитичь Одоевскій, въ званів боярина намъстника Новгородскаго, управлялъ Новгородомъ въ самое мятежное время; честно держался съ Де-ла-Гардіемъ, и по согла-

шенію сънимъ, согласно идеи Ляпунова, готовъ былъ признать Шведскаго королевича Филиппа властелиномъ не только съверо-западнаго края, но и царемъ Московскимъ и всея Россіи; но когда переговоры объ этомъ были отвергнуты княземъ Пожарскимъ и когда совершилось избраніе Михаила, тогда Де-ла-Гарди, дотолѣ союзникъ Новгородцевъ, сдѣлался ихъ злѣйшимъ врагомъ, опустошалъ и грабилъ Новгородъ и держадъ узниками митрополита Исидора и князя Одоевскаго. Послѣдній не имѣлъ утѣшенія видѣть конецъ этихъ страданій Новгородской области; онъ скончался въ 1616 году, слѣдственно прежде заключенія Столбовскаго мира, или замиренія Россіи со Швецією; отъ того имя его и не значится въ выше приведенномъ мною спискѣ бояръ царя Михаила.

Князь Ивань меньшой Никипичь Одоевскій, брать предъидущаго, памятный на югѣ столько же, сколько тоть на сѣверѣ. Въ началѣ царствованія Михаила этоть Одоевскій счастливо исполниль порученіе, данное ему царемъ: разсѣялъ разбойничьи толпы Заруцкаго, преслѣдовалъ въ Украйну, поразиль его на голову близъ Воронежа, загналъ въ Астрахань и послѣ жестокихъ битвъ заставиль его искать спасеніе въ бѣгствѣ. Бѣгство не спасло злодѣя: сами соучастники его злолѣйствъ выдали его и Марину съ сыномъ въ руки правосудія. Изъ правительственныхъ дѣйствій князя Ивана меньшаго Никитича извѣстно только, что онъ нѣкоторое время управлялъ Владимірскимъ суднымъ приказомъ. Онъ скончался въ 1629 году.

Князь Ив. Ив. Одоевскій, сынъ Ивана Никитича меньшаго, какъ показано въ родословныхъ книгахъ, пожалованъ былъ въ 1622 году боярствомъ, въроятно по уваженію къ заслугамъ отца; самъ онъ не оставилъ никакой памяти о дълахъ своихъ и скончался въ 1628 году, годомъ ранъе своего родителя.

Князь Н. И. Одоевскій, сынъ князя Ивана Никитича большаго, честь и краса всего рода князей Одоевскихъ, знаменитъйшій бояринъ своего времени и по высокимъ родственнымъ свазямъ, и еще болъе по превосходнымъ душевнымъ и умственнымъ качествамъ и по великимъ заслугамъ предъ отечествомъ. Онъ былъ женамъ на дочери знаменитаго Ө. И. Шереметева, которая, по матери своей, причиталась родною племяпницею столько же знаменитому князю И. Б. Черкасскому, следовательно по этимъ родственнымъ связямъ приходился и самъ князь Н. И. Одоевскій свойственникомъ царей Михаила и Алексея. Впрочемъ онъ уважаемъ былъ не столько за близость его къ царскому дому, сколько за личныя его достоинства и за подвиги на пользу государства. При царё Михаилѣ, въ званіи намѣстника Астраханскаго, онъ умѣлъ смирить и обуздать Калмыковъ и Нагайцевъ и содержалъ въ страхѣ и покорности всѣ сосѣднія племена, часто тревожившія дотолѣ южные предѣлы наши. Но главная заслуга князя Н. И. Одоевскаго состоитъ въ дѣятельномъ участіи его въ трудахъ законодательныхъ, подъятыхъ и совершенныхъ при царѣ Алексіи. Объ этомъ участіи сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Князья Ръпнины состояли въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ князьями Сицкими и Черкасскими и со всёми Романовыми. Въ Разрядной книге 1598 года сказано: Өеодоръ Романовъ, князь Иванъ Сицкій и князь Александръ Репнинъ были между собою братья и великие други. За эту-то дружбу царь Борисъ подвергъ родъ князей Репниныхъ опале, и вмёстё съ Романовыми, Сипкими и Черкасскими, безъ суда, осудилъ ихъ на изгнаніе. Князь Александръ Андреевичь Репнинъ пережилъ паденіе Годунова, царя Шуйскаго и самозванцевъ, но не дожилъ возвеличенія дома Романовыхъ. Онъ скончался въ 1612 году. При царё Михаилё значатся на степени бояръ его два сына:

Князь П. А. Ръпнинъ значится въ боярскихъ книгахъ въ званіи боярина въ 1629 году, а въ 1636 показанъ стряпчимъ. Такого необычайнаго пониженія нельзя было бы объяснить иначе, какъ только тѣмъ, что князь Рѣпнинъ подпалъ гнѣву царскому за какую либо важную вину; но ничего подобнаго не было; показанія боярскихъ книгъ неправильны и ошибочность ихъ доказывается другими актами, болѣе достовѣрными. Князь П. А. Рѣпнинъ пожалованъ боярствомъ въ 1635, а не въ 1629 году, в стряпчимъ никогда не былъ; въ 1636 и 1637 годахъ онъ управлялъ Новгородскою областію въ званіи боярина намѣстника и воеводы; въ 1638 году былъ отозванъ изъ Новгорода и назначенъ по смерти князя И. И. Шуйскаго началь-

никомъ Сыскнаго приказа, которымъ и управлялъ до 1642 года; въ слъдующемъ 1643 году онъ скончался.

Князь Б. А. Ръпникъ возведенъ на степень боярства царемъ Миханломъ въ 1640 году, и умълъ поддержать громкое вмя своето рода своими заслугами, оказанными въ продолжительное его служение при царъ Алексіи. Объ нихъ сказано будетъ въ послъдствіи.

Салтыковы съ XIII въка извъстный и знаменитый родъ въ Россіи. Многіе взъ нихъ съ честію проходили важивіншія должности какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщахъ; въ разные періоды времени многіе украшены были высокимъ саномъ боярства; нъкоторые запечатлъли върность къ государю своему кровію, таковы были: при царѣ Грозномъ — Даніилъ Борисовичь и бояринъ Левъ Андреевичь Салтыковы. Но въ смутное время слава этого рода помрачилась предательствомъ и измъною: сановитые бояре Михаилъ Глъбовичь и сынъ его Иванъ Михайловичь Салтыковы, забывши честь боярскую и увлекаясь беззаконнымъ желаніемъ властвовать на развалинахъ гибнущаго отечества, хотвля отдать Россію подъ власть иноплеменниковъ; они не достигли своей цъли; М. Г. Салтыковъ умеръ въ 1612 году, унося съ собою во гробъ ненависть я проклятіе современниковъ, а сынъ его Иванъ Михайловичь погибъ прежде отца позорною и ужасною смертію въ Новгородъ.

Не смотря на позоръ, нанесенный знаменитому роду этими измѣнниками, въ самомъ началѣ царствованія Михаила являются на сценѣ дворской подъ скромнымъ именемъ дворянъ Московскихъ два брата Салтыковы: Борись Михайловичь и Михаиль Михайловичь. Первый въ конпѣ 1613 года значился уже бояриномъ и управлялъ до 1620 года Приказомъ большаго дворца, а второй пожалованъ крайчимъ съ путемъ и окольничимъ. Ловкостью и умомъ они оба пріобрѣли великое значеніе при дворѣ, пожалованы оба богатыми помѣстьями и вотчинами и пользовались особеннымъ довѣріемъ царя; но скоро лишились онаго по обстоятельству, которое кидаетъ тѣнь на чистоту ихъ дѣйствій: они обвинены въ злоумышленной помѣхѣ предположенному браку царя съ дѣвицею Хлоповою и въ слѣдствіе того удалены отъ двора и сосланы съ семействами въ разные города,

а имънія ихъ отобраны въ казну въ 1623 году. Въ послёдствів они были возвращены и снова удостоены милости царской: Борисъ вновь пожалованъ боярствомъ въ 1634 году; Миханлу въ 1633 году отдамо опять званіе окольничаго, а въ 1641 и онъ также награжденъ боярскою шапкою. Оба они начальствовали въ Приказахъ, первый въ Челобитномъ, а второй въ Разбойномъ Приказъ.

Князь А. В. Хилковъ, вмѣстѣ съ другими воеводами, съ неизмѣнною вѣрностію стояль за царя Василія Шуйскаго и во
многихъ бояхъ явилъ много храбрости, но мало искуства и счастія. Въ царствованіе Миханла служилъ съ честію въ званіи воеводы сперва на Двинѣ въ 1620 году, а потомъ во Псковѣ до
1624 г., и въ 1625 г. пожалованъ боярствомъ. Князь Хилковъ
пользовался особенно милостивымъ расположеніемъ патріарха
Филарета, который ввѣрялъ ему верховное наблюденіе надъ
своимъ Патріаршимъ приказомъ и обыкновенно называлъ его:
государевъ бояринъ и нашъ. Въ 1634 году засѣдалъ онъ въ
Сыскномъ приказѣ вмѣстѣ съ княземъ Шуйскимъ; въ 1639 г.
ему поручено было управленіе Ямскимъ приказомъ, а въ 1641 г.
онъ назначенъ былъ намѣстникомъ и воеводою Новгородскимъ,
но скоро сложилъ съ себя это званіе по преклонности лѣтъ и
въ 1644 г. скончался.

И. П. Переметест быль воеводою въ Костром въ 1612 г и во время прибытія Московских пословь къ Миханлу встрітиль и провожаль ихъ въ Ипатіевскую обитель. По избранів цара онъ переселился въ Москву и въ послідствій пользовался большимъ почетомъ при двор в. Эту почетность и уваженіе современниковъ пріобріть онъ не блистательными подвигами, но умомъ основательнымъ и тихими добродітелями гражданскими. Возведенный въ санъ боярина въ 1634 году, онъ назначенъ былъ нам'єстникомъ и воеводою въ Казань, гд в оставилъ добрую по себі память. Въ 1639 году онъ призванъ былъ для управленія Приказомъ сбора ратныхъ людей. Онъ пережилъ своего царя благодітеля только двумя годами и скончался въ 1647 году.

В. П. Шереметее быль въ 1634 году воеводою въ Ниж. немъ-Новгородъ и носиль тогда невысокое звание дворянина

Московскаго. Возведенный царемъ Михаиломъ на степень боярина въ 1641 году, по службъ и дъйствіямъ своимъ онъ принадлежитъ уже къ послъдующему царствованію, и потому обънемъ причичнъ сказать тогда все, что найдется замъчательнаго въ его жизни *).

*) Кромф 40 бояръ, мною здъсь указанныхъ, значатся еще въ правительственныхъ актахъ слъдующе:

	Годъ	KOBYBB
Князь Д. И. Шуйскій		1613
Кн. А. П. Куракинъ		1615
Кн. И. Н. Одоевскій большой		1616
Ки. В. И. Бахтеаровъ-Ростовскій		1617
A. A. Haroii		1618
М. А. Нагой		1618
Ка. В. В. Голицывъ		1619
Кн. И. А. Хованскій		1621
Кв. О. И. Мстиславскій		1622
Кн. И. Ө. Троекуровъ		16 2 2
Ки. И. О. Хованскій		1625
Кв. Д. Т. Трубецкой	• • • • •	1626
Ки. И. В. Голицынъ	• • • • •	1627
Кн. И. М. Баратынскій		1627
Кн. И. С. Куракинъ		163 2
Кн. А. А. Голицынъ		1639
Кв. А. В. Трубецкой	• • • • •	1644

Встахъ этихъ именъ нтъ вовсе въ боярскихъ кингахъ царя Миханла, потому я и не внесъ ихъ въ общій списокъ бояръ, выше показанныхъ.

Служба большей части этихъ бояръ принадлежить ко временамъ предшествовавшимъ; по воцареніи Миханла многіе скоро скончались, другіе вовсе сошли съ поприща служебной дъятельности, а иные хотя и оставались въ Думъ, но уклонились отъ дълъ и мало принимали участія въ управленіи. Изъ всъхъ семънадцати лицъ, только пять польвовались довъріемъ царя и употребляемы были по разнымъ частямъ управленія, а именно:

Князь И. Н. Одоевскій большой, нам'ястникъ Новгородскій. Объ немъ уже сказано выше, въ стать о князьяхъ Одоевскихъ.

Князь В. И. Бахтіаровъ-Ростовскій, бывшій посломъ вивств съ О. И. Шереметевымъ въ Костромъ, для избранія Михаила въ цари, управляль потомъ въ 1614 году Нижнимъ-Новгородомъ въ качествъ воеводы и намъстника.

Князь *И. А. Хованскій*, близкій родственникъ и другъ князю Д. М. Пожарскаго находился въ 1615 году намізстникомъ Смоленскимъ, а съ 1617 по 1620 годъ Новгородскимъ.

Князь И. М. Воротынскій въ 1614 году значился напестнекомъ и воеводою въ Казани, я въ последствін заведываль Приказомъ Казанскаго дворца.

Князь Д. Т. Трубецкой, въ началъ царствованія Миханла, отправленъ былъ съ войскомъ для спасенія Новгорода отъ войскъ де-ла-Гардія; усцаха не было,—

2. ОКОЛЬНИЧІЕ.

Поименовавши бояръ царя Михаила, обращаюсь къ показанію поименно его окольничих, т. е. лицъ такихъ, которыя, подобно боярамъ, засъдали въ Думѣ, почти столько же были близки царю, предводительствовали войсками, начальствовали въ Приказахъ, управляли областями въ качествѣ намѣстниковъ царскихъ и не рѣдко отправлялись послами ко дворамъ иностраннымъ.

Прилагаю при семъ списокъ окольничихъ царя Михаила, означенныхъ въ боярскихъ книгахъ 1627, 1629, 1636 и 1640 головъ:

Въ 1627 году:

- 1. Өеодоръ Леонтьевичь Бутурлинъ.
- 2. Князь Григорій Константиновичь Волконскій 1-й.
- 3. Левъ Ивановичь Долматовъ-Карповъ 1-й.
- 4. Артемій Васильевичь Измайловъ.
- 5. Григорій Гавриловичь Пушкинъ 1-й.

Въ 1629 году:

- 6. Князь Семенъ Васильевичь Прозоровскій.
- 7. Степанъ Матвъевичь Пробстевъ.

Въ 1636 году:

- 8. Князь Вас. Пет. Ахамашуковъ-Черкасскій.
- 9. Князь Өеодоръ Өеодоровичь Волконскій 2-й.
- 10. Өеодоръ Васильевичь Волынскій.
- 11. Князь Андрей Өеодоровичь Литвиновъ-Мосальскій.
- 12. Осодоръ Степановичь Стрфшневъ.

онъ возвратился въ Москву и вийсть съ другини отстанваль ее отъ Поляковъ. Въ 1619 году онъ посланъ былъ въ Звенигородъ для встръчи Филарета; въ 1621 г. онъ распоряжался въ Ярославлъ сборомъ войскъ, а 1626 году значился воеводою Тобольскимъ и Сибирскимъ. Въроятно это была послъдния его служба и послъдний годъ его жизни. Нензвъстно, гдъ онъ скончался; извъстно только, что онъ погребенъ въ Троицкой Сергіевской Лавръ.

Въ 1640 году:

- 13. Миронъ Андреевичь Вельяминовъ.
- 14. Өеодоръ Борисовичь Долматовъ-Карповъ 2-й.
- 15. Динтрій Петровичь Львовъ.
- 16. Борисъ Ивановичь Пушкинъ 2-й.
- 17. Никифоръ Сергъевичь Собакинъ.
- 18. Петръ Тихоновичь Трохиніотовъ.

Князь Г. К. Волконский отличился въ смутное время удачнымъ исполнениемъ важныхъ и опасныхъ дипломатическихъ поручений: ѣздилъ посломъ къ Крымскому хану Казы-Гирею въ 1602 году; къ Польскому королю Сигизмунду въ 1606 году, съ въстию о погибели самозванца-разстриги, и по возвращени въ Россию мужественно сражался противъ враговъ отечества, вмъстъ съ княземъ Б. М. Лыковымъ. При царъ Михаилъ онъ назначенъ былъ послъ великаго пожара, опустопившаго Москву въ 1626 году, устроить столицу по своему плану и наблюдать за быстрымъ и точнымъ исполнениемъ всъхъ строительныхъ работъ. Онъ умеръ въ 1634 году.

- Князь Ө. Ө. Волконскій возведень на степень окольничаго царемь Михаиломь и назначень для управленія дівлами Челобитнаго приказа вмітсті съ бояриномь Б. М. Салтыковымь. Дальнітішее возвышеніе князя Ө. Ө. Волконскаго и его участіе въ дівлахь законодательныхь и вообще въ государственномь управленіи мы увидимь въ періодъ Алексія Михаиловича.
- А. В. Измайловь при Ажедмитрій въ 1605 году быль уже въ ряду думныхъ дворянъ; за особенныя дъйствія подъ Козельскомъ быль пожалованъ царемъ Шуйскимъ въ окольничіе; во время междоцарствій мужественне оборонялъ Москву и участвовалъ въ составленіи уставной грамоты 1611 года. При царъ Михаилъ онъ ознаменовалъ себя заслугами и на военномъ и на допломатическомъ поприщахъ: въ 1618 году, при неудачномъ приступъ Владислава къ Москвъ, Измайловъ въ другими воеволами солъйствовалъ къ отраженію королевскихъ войскъ; въ 1619 году съ боярами Ө. И. Шереметевымъ и княземъ Мезецкимъ онъ отправленъ былъ 3-мъ уполномоченнымъ въ село Діулино на съъздъ съ Польскими послами, и подписалъ тамъ

перемиріе съ Польшею на 14½ лѣтъ; вслѣдъ за тѣми же боярами посланъ быль для принятія изъ плѣна Филарета, государева родителя. Безукоризненная жизнь Измайлова, испытанная вѣрность его государю и заслуги предъ отечествомъ, ручались, казалось, за счастливый исходъ его службы; но несчастная осада Смоленска и постыдныя условія сдачи сего города погубили его и главнаго воеводу Шеина.

- Г. Г. Пушкинь, достойный сподвижникъ Измайлова въ дѣлѣ защиты царя Шуйскаго, употребленъ былъ Михаиломъ Өеодоровичемъ въ посольствѣ въ Польшу, вмѣстѣ съ княземъ А. М. Львовымъ, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ по разграниченію Россіи съ Литвою. За удачное исполненіе этого порученія Пушкинъ пожалованъ изъ думвыхъ дворянъ въ окольничьи въ 1644 году. Показанія о службѣ Пушкина, означенныя въ боярскихъ книгахъ, очевидно ошибочны и не согласны съ исторіею собъ немъ ничего не сказано за время царствованія Алексія Михайловича, тогда какъ извѣстно, что онъ игралъ при немъ весьма значительную роль уже въ качествѣ боярина и оружейничаго.
- С. М. Провстев извъстенъ по исторіи какъ дипломатическій сановникъ: царь Михаилъ посылалъ его въ 1634 году въ Польшу, съ боярами О. И. Шереметевымъ и княземъ А. М. Львовымъ, для переговоровъ о сохраненіи мира и для доставленія въ Россію гроба царя Василія Шуйскаго; второе дипло матическое порученіе совершилъ Проъстевъ въ качествъ главнаго посла съ дьякомъ Патрякъевымъ: въ 1642 году они вздили въ Копенгагенъ для сватанья царевны Иривы Михайловны за графа Вольдемара, сына Датскаго короля Христіана. Это посольство не имъло успъха. Проъстевъ и Патрякъевъ, сказано въ указъ 1643 года, государева наказа не исполнили, государевымъ дъломъ не промышляли, во всемъ дълали нерадъніемъ, и га то государь положилъ на нихъ свою государеву опалу.
- Князь С. В. Прозоровскій показаль свои воинскія способности при оборонь города Коломны въ 1608 году и города Тихвина въ 1613 году. Въ послъдствіи въ 1632 году, принявши начальство надъ войскомъ, собраннымъ во Ржевь, онъ выгналъ Поляковъ изъ города Бълаго и его уъзда, прибылъ къ Смоленску на соединеніе съ Шеннымъ, расположился особымъ табо-

ромъ въ виду города, долго держался съ честію противъ непріятельских вападеній, но наконець, стъсненный силами короля, принужденъ быль оставить свою позицію и примкнуть съ своимъ отрядомъ къ обозу боярина Шеина. Несчастный исходъ Смоленской осады уже извъстенъ. И князь Прозоровскій вмъстъ съ другими воеводами подвергся царскому гнъву, приговоренъ былъ по суду къ ссылкъ въ Сибирь; но царь, во вниманіе къ прежней отличной его службъ, осудилъ его на изгнавіе въ Нижній Новгородъ, откуда вскорт возвратилъ его по прежнему въ Москву. Во все остальное время жизни своей царь Михаилъ постоянно былъ милостивъ къ князю Прозоровскому и посадилъ его въ Московскій Судный Приказъ. Мы увидимъ, что при царъ Алексіт онъ, возведенный на степень боярина, имълъ честь засъдать въ законодательной коммисіи, вмъстъ съ княземъ Н. И. Одоевскимъ и княземъ Ө. Ө. Волконскимъ.

Князь В. П. Ахамашуковъ-Черкасскій, еще въ званіи стольника, назначенъ быль въ 1615 году товарищемъ боярину Ө. И. Шереметеву во время похода подъ Псковъ для спасенія города отъ Шведовъ. Въ 1624 году назначенъ былъ Псковскимъ воеводою; на этомъ воеводствъ сидълъ онъ потомъ опять и въ званіи окольничаго въ 1642 и 1643 годахъ.

Князь А. Ө. Литвиновъ-Мосальскій во время междоцарствія пользовался особенною благосклонностію Сигизмунда, который пожаловаль его крайчимь съ путемь и вт путь ему далт городь Гороховець. Царь Михаиль не помниль службы его Сигизмунду, и уважая его службу при немь и преданность его престолу, возвель его въ окольничьи и посадиль въ Приказъ Пушкарскій, которымь онъ управляль, къ удовольствію царя, въ послѣдніе десять лѣть царствованія Михаила, съ 1636 по 1645 годъ.

- О. Л. Бутурлинт и А. И. Долматовт-Карповт были ловкіе царедворцы, любимые государемъ; во встат торжественныхъ перемоніяхъ при дворт они получали всегда особенно видныя назначенія, доказывавщія близость ихъ къ царю и ко всему царскому дому. О правительственныхъ действіяхъ ихъ ничего не извістно.
- О. В. Волынский долго и честно служилъ воеводою въ Сургуть въ 1610 году и въ Можайскъ въ 1618 году. Онъ пер-

вый послалъ царю въсть о движеніи Владислава съ большою армією изъ подъ Можайска прямо на Москву. Въ 1641 году Волынскій управлялъ Ямскимъ приказомъ.

- М. А. Вельяминово быль въ 1619 году воеводою въ Новгородъ виъстъ съ княземъ И. А. Хованскимъ, а въ 1626 году находился въ томъ же званіи въ Тобольскъ подъ главнымъ начальствомъ князя Д. Т. Трубецкаго.
- И. Т. Троханіотовъ, потомокъ древняго рода, прибывшаго изъ Греціи вмѣстѣ съ великою княгинею Софією Палеологъ. Еще въ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича былъ уже съ значеніемъ при дворѣ и въ 1640 году пожалованъ въ окольничье. Мы увидимъ, что при Алексіѣ Михайловичѣ его постигло несчастіе онъ погибъ жертвою ярости народной.
- О. С. Стрышневъ, О. Б. Долматовъ-Карповъ, Д. П. Львовъ, Б. И. Пушкинъ и Н. С. Собакинъ не оставили никакихъ достовърныхъ о себъ сказаній; по крайней мъръ я не нашелъ обънихъ никакихъ біографическихъ свъдъній за время царя Михаила; впрочемъ послъдніе трое пріобръли себъ извъстность болье или менъе громкую своею службою и заслугами при царъ Алексіъ Михайловичъ, и потому обънихъ сказано будетъ послъвъ своемъ мъстъ).

^{*)} Кромъ 18-ти окольничихъ, означенныхъ въ моемъ спискъ, считаю справедливымъ назвать еще тъхъ, кои съ большимъ достоинствомъ дъйствовали въ первые годы царствованія Миханла; таковы:

Князь *Н. Д. Хворостиниих*, мужественный воевода и защитникъ Астрахани противъ Заруцкаго; погибъ жертвою этого злодъя.

И. В. Годуновъ во время осады Москвы королевичемъ Владиславомъ 1618 г. геройски держался на своемъ постъ у Арбатскихъ воротъ; отъ сохраненія этого поста много зависьло спасеніе столицы.

О. В. Голотиих удостоенъ быль отъ Великаго Земскаго Совъта чести идти въ Кострому виъстъ съ боярами Шереметевымъ и княземъ Бахтіаровымъ Ростовскимъ для призванія Михаила Өеодоровича на царство. Въ 1618 году и онъ виъстъ съ другими оборонялъ Москву.

А. И. Зюзина, выбств съ княземъ Мезециимъ, содъйствовалъ успъху мирныхъ переговоровъ со Шведами и заключению Столбовскаго мира.

В. Г. Коробыни завъдываль въ 1634 году, вмъсть съ княземъ Лыковымъ, сборомъ пятинных денез со всего государства для удовлетворенія жалованіемъ Смоленскихъ ратниковъ.

Ни одного изъ этихъ пяти окольничихъ нътъ въ боярскихъ книгахъ. Первые четыре скончались ранъе установленной царемъ переписи чиновъ; послъдній же хотя и жилъ до 1633 года, но окольничествомъ пожалованъ не ранъе 1633 года и въ боярскихъ книгахъ 1627 и 1629 годовъ означенъ просто дворяни номъ Московскимъ.

3. ДУМНЫЕ ДВОРЯНЕ.

Въ Думъ царской, кромъ бояръ и окольничихъ, присутствовали также думные дворяне, составлявшіе 3-ю степень тогдашней аристократіи. При царъ Михаилъ въ боярскихъ книгахъ значилось только четверо думныхъ дворянъ:

- 1. Гавріилъ Григорьевичь Пущкинъ.
- 2. Филонъ Григорьевичь Башмаковъ.
- 3. Томила Іудичь Луговской.
- 4. Иванъ Васильевичь Биркинъ.

Гавр. Гр. Пушкинъ, усердный слуга самозванца разстриги, пожалованный имъ възваніе великаго сокольничаго, по паденіи своего патрона долго терялся въ неизвъстности. Бъдствія, постигшія отечество, въроятно вразумили его и поставили на путь правый. По воцареніи Михаила онъ является снова на службъ и въ боярской книгъ 1627 года значится уже думнымъ дворяниномъ; но въ 1636 году оставляетъ и службу и свътъ, принимаетъ иноческій образъ, какъ бы для очищенія гръховъ своей молодости, и умираетъ въ 1638 году. Не отецъ ли онъ Г. Г. Пушкину? Не имъя въ рукахъ родословной росписи дома Пушкиныхъ, утвердить этого не могу.

Т. І. Ауговской, по решенію Думы, вель переговоры съ гетманомъ Жолкевскимъ; сопровождалъ великихъ пословъ Филарета и князя В. В. Голицына къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, чтобы вручить королю хартію Владиславаго избранія и именемъ всей Россіи бить челомъ объ отпускъ Владислава на царство. Сигизмундъ не только не исполнилъ просьбы пословъ, но, вопреки права народнаго, осудилъ ихъ на ссылку въ Литву. «Не боимся ни ссылки, ни Литвы, сказалъ тогда неустрашимый Луговской, но дълами насилія достигнете ли желаемаго?» Луговской томился въ ссылкъ девять льтъ; но и въ удаленіи отъ отечества утьшался мыслію, что высокомърные замыслы Сигизмунда в Владислава разрушены и что счастливымъ избраніемъ Михаила независимость Россіи утверждена подъ сънію закониаго царя прирожденнаго Русскаго. Луговской возвратился изъ плъна въ одно время съ Филаретомъ и Шеиномъ. Михаилъ Өеодоро-

вичь, въ уважение достохвальной службы думнаго дьяка Луговскаго, пожаловалъ его въ думные дворяне въ 1636 году. Не долго пользовался онъ этимъ достоинствомъ, отрекся отъ свъта и умеръ въ монашествъ.

Родъ Башмаковыхъ много пострадаль отъ Поляковъ въ періодъ междоцарствія; многіе содержались долго военноплѣнными въ Польшѣ; въ томъ числѣ была жена Филона Григорыевича. Объ немъ самомъ, о его жизни и службѣ, нѣтъ ника кихъ показаній.

И. В. Биркинъ умѣлъ обратить на себя вниманіе царя, который, въ началѣ своего царствованія, изъ разныхъ порученій, удачно исполненныхъ, узналъ его способности и назначилъ его потомъ ко двору родителя своего. Биркинъ заслужилъ милостивое расположеніе и довѣріе патріарха и наименованъ былъ его дворецкимъ. По кончинѣ патріарха Филарета, царь, въ уваженіе отличной службы Биркина, въ званіи патріаршаго дворецкаго, наградилъ его званіемъ думнаго дворянина *).

4. ДУМНЫЕ ДЬЯКИ.

Думныхъ дьяковъ при царѣ Михаилѣ значилось въ боярскихъ книгахъ десять. Прилагаю при семъ списокъ ихъ:

- 1. Иванъ Тарасовичь Граматинъ.
- 2. Иванъ Курбатовичь Граматинъ.
- 3. Өеодоръ Өеодоровичь Лихачевъ.
- 4. Ефимъ Григорьевичь Телепневъ.
- 5. Иванъ..... Грязевъ.
- 6. Иванъ Афанасьевичь Гавреневъ.
- 7. Михаилъ Даниловичь Өефилатьевъ.
- 8. Михаилъ Дмитріевичь Волошениновъ.
- 9. Өеодоръ Козмичь Елизаровъ.
- 10. Григорій Васильевичь Львовъ.
- И. Т. Граматино поперемянно служиль обоимь самозванцамь, усердствоваль потомь далу Владислава, и не устыдился

^{*)} Самое блистательное имя между думными дворявами есть имя на въки везабвеннаго Кузьмы Минича Минина. Къ сожалънію, онъ скончался рано, въ 1616 году.

принять отъ короля Сигизмунда, въ награду своей ему службы. высокое званіе печатника. Бывши въ свить великихъ пословъ Филарета и князя В. В. Голицына, онъ вкрался въ довъренность короля до такой степени, что Сигизмундъ считалъ его своимъ усерднымъ и върнымъ агентомъ, и въ одно время съ княземъ Мезецкимъ отправилъ его съ своими послами въ Москву объявить боярамъ о скоромъ прибытіи своемъ для візнчанія на царство Владислава. Грамотинъ, легкій и измінчивый въ своихъ правилахъ, но смышленый и тонкій, скоро понялъ перемѣну въ умахъ Москвитянъ, отложился отъ Сигизмунда, и по избранію Михаила стояль уже подъ знаменемъ царскимъ, какъ върноподданный. Михаилъ Өеодоровичь, не помня изманчивости и криводушничества Грамотина, но цвня его высокія способности и опытность въ делахъ, умелъ употреблять его на пользу службы и всегда держалъ его въ числъ своихъ близкихъ и довъренныхъ ему лицъ. Многія важныя дізла въ Разрядів и въ Приказахъ Посольскомъ и Помъстномъ отдаваемы были на обсуждение и вершение И. Т. Грамотину. За отличную службу его царь сделаль его своимъ печатникомъ, следственно наградилъ темъ званіемъ, которое за несколько леть предъ темъ незаконно пожаловано ему было Сигизмундомъ. Въ 1636 году онъ уже показанъ и въ боярской книге печатникомъ. Онъ умеръ въ 1639 году.

Въ царствованіе же Михаила значится думнымъ дьякомъ другой Грамотинь, Ивань Курбатовичь. Имя его встрычается только въ акты бракосочетанія царя Михаила; тамъ сказано: а чины свадебные уряжаль думный дьякь Ивань Курбатовь сынь Грамотинь; слыд. онъ быль при этомъ торжествы какъ бы церемоніймейстеромъ царскаго двора.

- О. О. Лихачевъ, во все время правленія царя Михаила, отличался особенно полезною дъятельностію по дъламъ Думы Разряднаго и Посольскаго приказовъ, и по смерти И. Т. Грамотина возведенъ былъ въ званіе печатника съ сохраненіемъ прежняго титла.
- Е. Г. Телепнево въ смутное время представлялъ весьма значительное лицо; вмъстъ съ Луговскимъ, велъ, по порученію бояръ, переговоры съ Жолкевскимъ и Польскими послами Си-

гизмунда и никогда не уклонялся съ пути чести и долга. При царъ Михаилъ онъ значился думнымъ дъякомъ въ боярскихъ книгахъ 1627 и 1629 годовъ, а въ 1630 показанъ отставленнымъ отъ службы, неизвъстно за какую вину.

- И..... Грязеет въ боярской книгь 1627 года значится просто дьякомъ, а въ 1629 показанъ уже думнымъ дьякомъ. Онъ, какъ видно изъ актовъ, управлялъ дѣлами Иноземскаго приказа. Имъ заготовляемы были такъ называемыя опасныя грамоты, для свободнаго и безопаснаго проѣзда иностранныхъ мастеровъ и ремесленниковъ въ Россію; за его же приписью исходили и жалованныя грамоты, выдававшіяся отъ имени царя иностранцамъ, отличавшимся какими либо нововведеніями на пользу народной промышленности или содѣйствіемъ къ учрежденію разныхъ фабрикъ и заводовъ.
- И. А. Гавреневъ, думный дьякъ въ Разрядѣ, и О. К. Елизаровъ въ Помѣстномъ приказѣ, заслужили почетную извѣстность при царѣ Алексіѣ и удостоены отъ него высшаго званія, пожалованы въ думные дворяне и окольничьи.
- Г. В. Львовъ образовалъ себя для высшаго назначенія подъ руководствомъ Лихачева.

Показанія о службѣ М. Д. Волошеншнова въ боярскихъ книгахъ ограничиваются только 1640 годомъ; очевидно, что они недостаточны, потому что извѣстно изъ оффиціальныхъ актовъ, что Волошениновъ продолжалъ служить съ честію и при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ.

О службь М. Д. Оефилатьева нътъ никакихъ указаній 1).

Въ длинной галлерев правительственных в лицъ, изображенныхъ мною въ коротких в очеркахъ, какое разнообразіе дарованій, характеровъ, доблестей воинскихъ и подвиговъ гражданскихъ! Престолъ царя Михаила обстановленъ былъ мужами, испытанными въ школѣ бѣдствій и дѣйствовавшими усердно въ борьбѣ съ врагами по своимъ убѣжденіямъ и понятіямъ. Но нерѣдко понятія ихъ о долгѣ, объ обязанностяхъ, были превратно толкованы; отъ того и самыя искреннія убѣжденія были

^{*)} Кром'в показанных въ списк'в думных тавковъ, въ первые годы царствовани Миханла упоминаются еще следующе: Сыдавный Васильев , Николай Новокщенов , Петръ Третьяков и Михаилъ Данилов.

часто неправильны и ложны; отъ того партіи, смуты и продолжительное колебаніе въ умахъ до 1613 года. Великій Земскій Совътъ — явленіе отрадное въ нашей отечественной исторів одушевленъ былъ святою мыслію: отвратить всв посягательства иноплеменниковъ на царство Русское, истребить покушенія обманщиковъ-самозванцевъ, положить конецъ безгосударному времени, выбрать государя православнаго и самодержавнаго. кого Бого дасто. Богомъ данный царь Михаилъ Өеодоровичь скоро понялъ свое высокое призваніе, и скоро показалъ, что онъ достоинъ этого призванія; онъ открыль въ себт великія качества державца мудраго, твердаго и самобытнаго. Изъ бѣглаго очерка высшихъ правительственныхъ лицъ, выше мною поименованныхъ, ясно видно, съ какимъ умѣньемъ назначалъ царь думныхъ людей къ разнымъ должностямъ по ихъ способностямъ, какъ върно оцънивалъ заслуги каждаго, съ какимъ безпристрастіемъ и нелицепріятіемъ судилъ и разрѣшалъ онъ споры о мастничества, съ какою праведною строгостію наказываль вины преднамфренныя и какъ караль преступленія государственныя. Вообще во встахъ дтиствияхъ и начинанияхъ царя Михаила видны были осторожность, предусмотрительность и глубокія соображенія. Всъ сановники, имъ употреблявшіеся для исполненія дівль, имъ порученныхъ, получали отъ царя точные и весьма опредълительные наказы (инструкціи) и обязаны были представлять на имя государя повременныя отписки (увъдомленія или донесенія) о ходъ дъла. Наказы писались дьяками тъхъ Приказовъ, къ которымъ дело принадлежало по существу своему. Приказы — правительственныя мъста того времени — имъли каждый порознь свое особое устройство и точно опредвленный кругъ дайствій.

ОЧЕРКЪ

литературной исторіи Старинныхъ повъстей и сказокъ русскихъ.

(А. Н. ПЫПИНА).

Въ литературъ неразвитой, не сознающей своихъ нуждъ вли не достигшей истиннаго употребленія силь, иногда можно встрътить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературъ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рёзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идећ, эти неопредъленныя стремленія фантазіи, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескі, эти внезапные порывы и лънивая неподвижность, выражая въ себъ дъйствіе историческихъ обстоятельствъ, имъвшихъ вліяніе на жизнь народную, освъщають темный путь ея развитія. И здёсь, въ дъятельности безсознательной, можно следить за некоторыми особенными направленіями, можно видіть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмільни попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здісь отмінаєть наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чізмъ ближе были къ массъ эти произведенія, чымь охотиве она обращалась къ нимъ, тъмъ легче становится открывать ея невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературъ начинающей свое существо-

74. BAH. — RE. IV. — OTA. II.

Digitized by Google

ваніе, и таковы были явленія старой Русской письменности, которымъ часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много зависѣли отъ случайностей и не представляли строгаго и постояннаго развитія. Изученіе старинной повѣсти нашей, въ томъ видѣ, какъ она извѣстна теперь по остаткамъ и обрывкамъ, приводитъ къ подобному заключенію.

Повъсть и романъ стали въ наше время оеновною литературною формой; ихъ классические предшественники далеко не им вли того общирнаго значенія, какое пріобрела эта форма впоследствін, въ литературахъ новой Европы. Самостоятельнымъ источникомъ новаго эпоса были произведенія, возникшія на богатой національной почві, - древнія саги и легенды, фабльо, новеллы, рыцарскія исторіи, въ которыхъ среднев ковой читатель встръчалъ и свои народныя преданья, и чужіе миоы классическіе, в созданія восточнаго вымысла, давно сділавшіеся достояніемъ западно-Европейской поэзіи. Новая д'ятельность развивалась подъ живительнымъ вліяніемъ эпоса народнаго: ея разнообразныя произведенія поражають в простотой своего поэтического достоинства и вфрнымъ отражениемъ національнаго характера; даже тъ изъ нихъ, какія проистекали изъ чужаго источника, носили тотъ же общій отпечатокъ, въ новой для нихъ области принимая и новыя черты. Въ этомъ литературномъ движеніи не доставало иногда самостоятельнаго основанія, при всемъ томъ факты его представляютъ живую и богатую данными лістопись. Эта средневіжовая повість, неріздко общая одинаково для западныхъ и для восточныхъ литературъ, развивалась на общирномъ поприщт и въ своемъ распространевін не одинъ разъ коснулась и русской письменности.

У насъ были извъстны и любимы очень многія изъ тъхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневъковой литературъ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повъсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имъетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имъла тъхъ интересовъ, какіе соединались

съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, -при сильномъ господствъ дидактическихъ требованій она занимала своимъ болъе или менъе поэтическимъ содержаниемъ, и, сафдовательно, отвъчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повъсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себв отражала. Вообще, при разборъ старинной повъсти необходимо являются такіе вопросы. Въ какомъ объемъ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повъствовательная литература, такъ богато разцитавшая въ западной Европт среднихъ втковъ? На сколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если наравић съ другими сторовами нашей письменности она подчинялась чужому вліянію и пользовалась чужими богатствами, гдт были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжнымя и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повъсти для характеристики народнаго быта в понятій?

Какъ главную, отрицательную, черту надобно замътить особенную бъдность произведеній самобытно Русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повъстей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сделался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имфвинхъ Судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ Болгарская и Сербская, издавна заключилась въ самой себъ и начала отдъльное существование. Слово о полку Игоревъ становится явленіемъ исключительнымъ, какъ произведение, нераздельно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по витиней отделкт. Известныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направление почти. съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодъ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободнаго выраженія началь народно-поэтическихь: эти последнія слишком з сильно проникались всём з богатством з народныхъ върованій и виъсть съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемнку. Какъ древніе наши писатели

вооружались противъ «пѣсенъ и игришь бѣсовскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать небылыя и загадки загадывать».

Восполненіемъ недостатка въ повъсти, Русской по содержанію и происхожденію, служила обширная популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ разсказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древивнияго времени. Отъ X до XVIII стольтія, сначала Старо-Славянская, потомъ Русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоительными редакціями сказаній, расходившихся въ тоже время и въ западно-Европейской литературъ. Чтобы върно повять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрели на переводъ во все не съ той точки эренія, какъ смотрять теперь. И переводъ и передвака въ наше время не могутъ усвоить литературъ чужаго произведенія и начего не прибавляють къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смысль переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературъ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое в переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгъ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія, и считая переводъ за Русское сочиненіе, также легко и чисто-Русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія Русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ 1. Златоусту. При этомъ взгляде переводъ терялъ и свою иноземную виешность: оставляя безъ изивненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать переделыватель заменяль частныя, національныя черты подленника другими, взятыми изъ Русскаго быта, потому что хотьль быть понятнье для читателей, или же самъ понималь такимъ образомъ свое дело. Отъ того внига, переделанная на Русскіе нравы, теряла свою исключительную физіономію и находила больше сочувствія у читателей. Тоже явленіе, но вногда въ разифрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ ли-

тературъ начинающейся, которая не имъетъ понятія о литературной собственности и савдуетъ нехитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдф находишь его». Простодущіе, съ какимъ тогда подделывали и травестировали чужое произведение, даетъ много цены этимъ новымъ вставкамъ, и переменамъ, потому что онъ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здесь не было обыкновенно никакого преднамфреннаго желанія переделывать; оно было бы выше понятій того времени, -- дъло совершалось само собой. Писанныя литературы всегда и вездв подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель делаль на поляхь своей рукописи различныя замітки, прибавляль глоссы и синонимы, которые другой вносиль въ самый текстъ, такъ что мало-по-малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до передълки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвъстнаго слова или названія; другой оставляль тексть и удерживаль комментарій, третій распространяль его и т. д., и въ крайнемъ предълъ витерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колорить, приближавшій его къ національности переводчика, и до нъкоторой степени могло замънить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повъсти, занесенныя къ намъ изъ Византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ теснаго общенія съ деятельностью южно-Славянской. Русскіе пріобрітали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въюжно-Славянской письменности и потомъ легко переходили въ Русскую, при единствъ дитературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болье и болье укрыплялись на Русской почвы, такъ что въ послъдствін уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-Славянскихъ, извістные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встръчены въ рукописяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ Старо-Славянской письменности, потому что въ повъствовательномъ отдъл ея сохранялось многое изъ классическаго наследья и, крометого, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повъстей и легендъ. Она стояла тогда на границъ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестяціаго времени Греческой литературы — творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Птолемея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ Индейскимъ, доходившимъ до нея путемъ Сирійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ переводовъ; по связямъ съ народами Германскими и Романскими, для нея доступны были и сказанья западно-Европейскія. Южно-Славянское посредничество принесло къ намъ многія повъсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передъланныя подъвліяніемъ позднъйшихъ понятій и одітыя въ средневіковую одежду, какъ баснословная Исторія Александра Македонскаго, приписываеман псевдо-Каллисоену, повість о Троянской войнь; и сказочныя произведенія востока, или изв'єстныя и западной Европ'є въ нов'єйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая Калила-и-Димна, или Стефанить и Ихнилать, - или же знакомыя только въ литературъ Византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной Ночи о Синагрипъ и мудромъ его министръ; и произведенія, навъянныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣщанныя съ другими формами повъсти, какъ исторія Варлаама и Іосафата; и средневъковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византін и въ западной Европъ, какъ преданье о царь-пресвитерь Іоаннь. По старинной повъсти о Дъяніи Девгеніевь можно заключать, что у насъ не были чужды и Византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность Византійскаго міра съ Азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомивано должна была выразиться подобными сказаньями, несмотря на то, что по своему схоластическому направленію Греческая литература Византійской эпохи всего мен'ве способна была къ чему либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-Славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифическія преданья, какія вообще играли очень важную роль въ средніе вѣка и у насъ получали развитіе, довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не объусловливалась только письменными памятниками: основанные первоначально на чужомъ преданьѣ, эти разсказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чисто-народнаго эпоса. Такъ наши повьсти о Соломонь или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ Сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ», представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болфе древнихъ повъстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онъ принимаемы были со всей свъжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказался Русскій оттѣнокъ и потому въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрітиться еъ такими же върными замътками или упоминаніями о Русскомъ быть и съ выражениемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ Русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повъстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-Славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мфрф въ прежнемъ количестви, уже около XIV стольтія: съ паденіемъ политической независимости южно-Славянскихъ государствъ, упала и литературная дъятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предъидущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время Татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоемъ. Поэтому XIV - XVI стольтія нашей литературы представляють не только мало зам'ьчательнаго въ пов'яствовательномъ родъ, но даже и мало рукописей, посвященных в повъсти и сказкъ. Древнъйшіе списки большею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержание старинной повъсти нашей извъстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII въка, обнаружившаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой

поры открывается новый періодъ нашей повісти: оставаясь какъ и прежде переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе разсказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болъе или менъе замъчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византіи не доставляда намъ своихъ памятниковъ, хотя прібады ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собой разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повъсть съ романтической поэзіей средневъковой Европы. Впрочемъ только изръдка можно выслъдить у насъ прямыя связи съ западною литературой: хотя въ XV и XVI столетіяхъ значительно усилилось знакомство Русскихъ съ иностранцами въ сношеніяхъ житейскихъ, торговыхъ и дипломатическихъ, однако, по причинъ понятной, оно почти никогда не доходило до такой короткости, чтобы сделать возможнымъ литературное заимствованіе или подражанье. Средство для перехода среднев ковых в романтическихъ произведеній въ нашу письменность доставила литература Польская. Ея участіе, сначала едва замѣтное, увеличивается болье и болье въ XVII стольтій, и сдылалось тогда такимъже главнымъ источникомъ старяннаго популярнаго чтенія, какъ прежде Византійскій или южно-Славянскій. Опредвляя начало этого вліянія потвив памятникамъ, какіе до сихъ поръ были обозначены, едва ли можно восходить дале XVI стольтія; притомъ только къ этому времени Польская литература пріобрѣла большую самобытность и пришла въ столкновеніе съ литературами западными, особенно Нѣмецкой: отсюда явились въ ней многія западныя произведенія, потомъ перешедшія и къ намъ.

Нѣкоторые факты позволяють думать, что Чешская словесность также не оставалась чуждою для нашей письменности и могла передать ей или свои повѣсти и романы, или переводы западныхъ, которыми вообще была богата. Немногое было переведено съ Нѣмецкаго; одна старинная повѣсть заимствована изъ Итальянской литературы среднихъ вѣковъ.

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой пъны, какую имъли въ свое время сказанія Византійской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роди въ нашей словесности, и по отношенію къ средне-въковой романтической литературъ. Большая часть и Византійскихъ и западныхъ пронаведеній, извістных у насъ встарину, принадлежать къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые изследователи романтического эпоса дали удачное название «странствующихъ» (wandernde Dichtungen). При всемъ различіи своего происхожденія — восточнаго или западнаго, Азіатскаго или Европейскаго. овъ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извъстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замізчательное сказаніе или повъсть расходились повсюду, и у разныхъ народовъ видоизменяя свою физіономію, получали длинную литературную исторію, нелишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ Германскими и Романскими сказавіями, которыя хотя и возникали въ отдъльной національности, какъ саги о Дитрихъ Бернскомъ, романы объ Артуръ или Караћ Великомъ, но тъмъ не менъе становились общимъ достояніемъ народовъ западно-Европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ твенаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданьями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и разсказами, пришедшими изъ Византів и съ востока; баснословная исторія Александра, Троянскія сказанія, повъсть о семи мудрецахъ, Калила - и - Димна, въ каждой западной литературв имвли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество медкихъ разсказовъ, новеллы, анекдотическія пов'єсти, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространялись также быстро и общирно. какъ и основные памятники романтического эпоса. Это оригинальное явленіе нашло уже многих в объяснителей между новыйшими учеными: труды Доплопа, Сильвестра де-Саси, Я. Гримма, Вольфа, В. Шмидта, Ад. Келлера, Грессе и другихъ, представляютъ въ высокой степени любопытную картину распространенія по-

этических в созданій въ средніе въка. Памятники Русской старинной письменности еще на одну степень раздвигають этоть вругъ странствованій, открывая вногда до сихъ норъ неопределенные факты его исторіи. Такимъ обравомъ, нашъ переводъ одной сказки изъ Тысячи и одной ночи, сделанный безъ сомивнія съ Греческаго, указываеть, что вълитературь Византійской извізстенъ быль и этоть знаменитый сборникь вийсти съ другими сказочными сборниками востока, — и следовательно даетъ новое средство объяснять сходство, какое находять въ его содержаніи со многими изъ старинныхъ повъстей западно-Европейскихъ «Дъяніе Девгеніево», переведенное въ древнюю эпоху нашей письменности, и кажется неизвъстное изъ Греческихъ источниковъ, имфетъ не малую цфиу для исторія средневъковаго эпоса въ литературъ Византійской, какъ остатокъ самобытнаго героического романа Византійской эпохи. Подобнымъ образомъ, болье позднее Русское сказаніе, основанное на минахъ о Соломонъ, подтверждаетъ родственность нъкоторыхъ памятниковъ Германскаго эпоса съ преданьями Византійскими, еближая Нѣмецкое ствхотвореніе XV вѣка съ его предполагаемымъ Греческимъ источникомъ.

Изъ числа этихъ памятниковъ къ намъ перешли между прочимъ черезъ Польскую литературу: знаменитый въ средніе в кка сборникъ легендъ, повъстей и сказокъ, извъстный подъ именемъ Римских Дъяній (Gesta Romanorum); рыцарскія исторія — о фев Мелюнию, о рыцарв Петрю Златых - Ключах, о цезарв Оттонь и друг.; быть можеть, знаменитая повесть о Семи Мудрецахь; извъстныя въ свое время фацеціи или туточные разсказы и анекаоты, наконецъ несколько новелль Боккаччьо и т. д. Мы заметили уже, что позднейше переводы съ Польскаго существенно отличаются отъ памятниковъ древняго періода тімь, что ръдко передълывались въ Русскомъ духт и чаще сохраняля свою вноземную одежду; ихъ чуждая вившность переставала казаться странною уже тогда, когда читатель привыкаль въ господствовавшей въ вихъ литературной манерв. Изъ этого нельзя однако заключить, что позднейшія наши повести им тли мало читателей; не говоря о томъ, что, появившись большею частію въ XVII стольтів, онь еще не успыли достаточно проникнуться

новой средой и приноровиться къ Русскимъ нравамъ, какъ это было возможно для древнихъ памятниковъ, — иныя изъ этихъ повъстей были переведены не одинъ разъ и чрезвычайно распространялись въ рукописяхъ, слъдовательно встръчали большое сочувствіе.

Такимъ образомъ переводная Русская повъсть всего болье заимствовала изъ двухъ ближайшихъ источниковъ — южно-Славянскаго и Польскаго. Господство ея простиралось и на первую половину XVIII въка, въ томъ классъ народа, который еще не совсъмъ отказался отъ старины: вмъстъ съ новыми романами, переведенными съ Нъменкаго, Французскаго и Польскаго въ Петровскую эпоху, прилежно читались и прежнія повъсти семнадцатаго стольтія. Иныя изъ нихъ даже чаще попадаются въ спискахъ прошлаго въка.

Попытки самостоятельной повести были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія. Съ одной стороны, повъсть постоянно подчинялась требованіямъ исторического изложенія, и примъръ чистаго эпоса въ Словъ о полку Игоревъ, остался безъ последствій; поздневішіе грамотем чувствовали его прелесть, но никогда не могли подняться до его эпической высоты; отличаясь всего больше многословіемъ в напыщенностью, эти сочинители могли внести изъ Слова только отдёльныя фразы въ свои тяжелыя схоластическія сказанія, и дальше идти не могли. Во множествъ старинныхъ историческихъ повъстей, жизнеописаній и сказаній о замічательных в событіяхи, неріздко можно заметить участие народно-поэтического преданія, но всегда оно затемняется, рутинною сухостью изложенія и смішанное съчисто историческимъ разсказомъ не получило отдельнаго развитія, такъ что эти сказанія имфють почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повъсти, принадлежащія вполнъ области фантазін, какъ Слово о купць Басарль, или составлены по чужимъ образцамъ или же безцвътны по мысли и изложенію, несмотря на ніжоторые пріемы, свойственные народной поэзін. Нътъ такой поэтической мысли и вившности и на тъхъ полу-историческихъ повъстяхъ, которыя повторены Русскими съ чужаго преданья, какъ повъсть о царицъ Динаръ, сказаніе о мутьянскомъ воевод в Дракуль. Прим вровъ легкой

новѣсти, взятой изъ Русскаго быта, въ родѣ сказанія о Савев Грудцыка, исторіи о Фроль Скобьевь, до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляють цѣлаго направленія. Эти повѣсти вообще любопытны по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣленны, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму.

Въ концъ стараго періода въ нашихъ грамотьяхъ в книжникахъ развилась необыкновенная охота къ повъстямъ и сказкамъ. Сборники XVII въка сдълались потому главнымъ хранилищемъ этого разряда старинныхъ произведеній; значительное количество рукописей, посвященныхъ подобному содержанію, указываетъ, что именно легкая, забавная и занимательная повъсть стала тогда чувствительною потребностью въ нашемъ популярномъ чтенів. Многія рукописи отличаются особеннымъ изяществомъ, во вкуст того времени, написаны очень ровно и красиво. съ гравированными заставками и начальными буквами, украшены виньетками и картинами; онъ принадлежали въроятно любителямъ и даютъ намъ понятіе о тогдашнихъ иллюстрированныхъ или дорогихъ изданіяхъ. Въ этихъ литературныхъ сборникахъ господствовала обыкновенная неразборчивость нашихъ старинныхъ собирателей; здёсь соединялись и сказанія византійскія, и новъйшіе переводы, и баснословныя повъсти изъ русской исторіи, и апокрифическія преданья. Въ XVII стольтін явилось желаніе воспользоваться и тымъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повъстями и сказками стали записывать и свои; такъ извъстный ствхъ о Голубиной книги уже встричается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожаленію, подобныя попытки обнаруживались редко в не передали намъ народныхъ миоовъ въ той одежде, которую носили они два въка тому назадъ и раньше; сказки в былины явились впервые въ XVIII стольтів въ размърахъ болье обширныхъ, но за то пострадали отъ книжниковъ и передълывателей. Какъ много замъчательныхъ подробностей могли бы сохранить старивные списки, можно судить по прекрасному тексту повёсти о Горь-Злочастіи.

Народный эпосъ во всю эту эпоху сберегался только въ устахъ самого народа. Имена эпическихъ героевъ изрѣдка упо-

ми наются въ старой письменности, хотя она имбетъ много свидътельствъ о народныхъ предавіяхъ. Что эпосъ сохраняль свою свъжесть и жизненность въ народъ, не подлежитъ сомитнію: присутствіе эпическаго строя открывается даже въ языкѣ древвъйшихъ памятниковъ. Пословица, притча, загадка, сравнение еще сохраняли свое сознательное употребленіе, какое утратили въ нашихъ глазахъ; даже въ тъхъ памятникахъ, гдъ всего менье можно было бы ожидать того, въ деловыхъ бумагахъ н грамотахъ, мы встръчаемся съ тъми свойствами и оборотами въчи, какіе по преимуществу усвоены народнымъ эпосомъ. Жизненность народнаго эпоса необходимо предполагаеть и его исторію: былины о Владиміровых в богатырях в, как в мы знаем в нхъ теперь, конечно слишкомъ далеки отъ своего первообраза, и ихъ измъненія начались въ очень отдаленное время. Смішеніе сюжетовъ, вставка новыхъ именъ и обстоятельствъ, намекая на первобытный видъ произведеній, указывають и позднайшія эпохи-Татарскаго владычества, Московскаго царства, Сибирскихъ походовъ, — наложившія свою печать на преданія древняго эпоса. Характеръ древивишихъ былинъ и поздивишихъ историческихъ пъсенъ, такъ отличны одинъ отъ другаго, что даютъвозможность опредблить до и вкоторой степени свойства народнаго творчества въ ту и другую эпоху. Историческій эпосъ им вать такимъ образомъ свою исторію и въ отношеніи къвнешней целости и развитію содержанія, и въ отношеніи народнаго авторства. Несравненно меньше фактовъ представляется теперь для объясненія скажи, другаго основнаго направленія эпической народной поэзія. Большая часть нашихъ сказокъ существуеть до сихъ поръ только въ устной передачѣ, и потому очень трудно обозначить верно и кругъ ихъ содержанія и разветвленіе этихъ произведеній народной фантазіи. Сказка неясными следами отражаетъ въ себъ доисторическій бытъ; ея таинственныя и волшебныя существа очевидно имфють минологическое значение, теперь слишкомъ затемненное временемъ. Для самого народа уже необъяснимы многія имена, эпитеты и аттрибуты сказочныхъ героевъ, но они, такъ или иначе, повторяются до сихъ поръ, какъ преданіе глубокой старины. Древность современныхъ сказокъ легко опредъляется и сама собой и сравненіемъ

съ преданьями другихъ народовъ; при всемъ томъ сказка терпъла много нарушеній своей первобытной формы, прежде чемъ получила нынешній видъ. Сохраняясь только памятью народа, сказка необходимо испытывала вліяніе новыхъ началь жизни и должна была примвияться отчасти къ понятіямъ поздивишихъ поколеній. Какъ общіе племенные миоы разбились на вътви въ разныхъ народностяхъ, такъ дълелись сказки и въ отдъльномъ народъ по условіямъ историческимъ и этнографическимъ. Иныя изъ нихъ образовались вфроятно уже въ ту эпоху. за которой можетъ следить исторія, потому что народъ не теряетъ своей способности олицетворять и поэтизировать явленія, поражающія его фантазію, и мвоъ возможенъ вездѣ и всегда. Паденіе древней сказки началось безъ сомивнія очень рано, витинимъ раздробленіемъ ея, смтиненіемъ разныхъ миоовъ въ одинъ, раздъленіемъ одного общаго преданья на частные, независимые разсказы, при чемъ однако мало измінялись самые сюжеты. Замъчательный примъръ этого представляютъ наше сказки о зверяхъ, такъ называемый животный эпось. Въ его содержании много аналогического съ Нфмецкими сказками, дитературныя обработки которыхъ такъ знамениты были въ средніе въка. Записанный давно, Германскій эпосъ вошель не только въ Нъмецкіе и Французскіе, но и въ Латинскіе памятники и следовательно могъ удержать древивний черты своего состава. И по главнымъ героямъ и по ихъ похождевіямъ, Германскій эпосъ однороденъ съ нашимъ и даже дополняется имъ въ нъкоторыхъ частностяхъ, такъ что Нъмецкіе изследователи Рейнгарта, дорожащіе даже незначительными отрывками древняго сказанія, могле бы многое для его объясненія найти въ разсказахъ, теперь извъстныхъ въ нашей народной словесности. Между темъ у насъ, какъ у другихъ Славянъ, животный эпосъ не сохранился въ цёлыхъ, законченныхъ сказаніяхъ, каковы древнія Нъмецкія и Французскія, но разбился на множество мелкихъ и большей частью безсвязныхъ сказокъ.

Былина и сказка были основныя формы народнаго нашего эпоса, выдёлившіяся изъ общей массы эпическаго преданья. Съ теченіемъ времени, въ дальнѣйшемъ развитіи народной словесности, онѣ мѣняютъ свой характерь, расширяють или съ-

уживаютъ свои границы. Былина, миническая въ своемъ основаніи, выраждается въ историческую песню; сказка принимаетъ въ себя чуждые элементы, несродные съ древнимъ ея смысломъ и становится былью, анекдотомъ. Это явленіе совершается постепенно, и представляя фазы ихъ развитія, выражаетъ въ тоже время ихъ упадокъ. Такимъ образомъ наша сказка дала мъсто и другимъ сторонамъ народной мысли, юмору и сатиръ; конечно они уже издавна вошли въ пословицу и притчу, но сатирическая сказка есть явленіе, свойственное позднъйшимъ эпохамъ народной словесности, и ни въ какомъ случать не коренное, если только сатира присоединена къ сказкъ мионческой. Этотъ юморъ обращался или противъ смешныхъ сторонъ человъческаго характера или противъ недостатковъ общественнаго быта, и потому выражение его выходило изъ предъловъ сказки, даже изъ предъловъ народнаго творчества, потому что въ спеціальной сатиръ, точка эрънія принадлежить гораздо меньшему кругу людей. Въ последстви не такъ строга становится и граница сказки съ народнымъ анекдотомъ, который довольствуется не затфиливымъ, но забавнымъ содержаніемъ и за нимъ не имбетъ другой цели. Кругъ народнаго повъствованія завершается огромнымъ количествомъ мъстныхъ сказаній, составляющихъ этнографическую характеристику народа, потому что содержание ихъ по большой части находится въ ближайшей связи съ народнымъ бытомъ. До сихъ поръ мы имъемъ только отрывочные пересказы подобныхъ преданій; между тъмъ онъ представляютъ много любопытнаго для изученія народнаго эпоса, такъ какъ містное преданіе или примыкаетъ по своей главной мысли къ обще-народнымъ повърьямъ и сказкамъ, или прямо спеціализируетъ, ихъ приноровляя къ частнымъ условіямъ.

Въ какомъ же отношеніи находилась поэзія, народная и по содержанію и по формѣ, къ памятникамъ книжной литературы? Состояніе народной поэзіи въ періодѣ до-Петровскомъ, неясно до сихъ поръ именно потому, что существованіе ея мало выразилось въ произведеніяхъ письменности; то есть, она не имѣла существенной связи съ явленіями книжной литературы. Не таково было ея положеніе у народовъ западно-Европейскихъ;

не только Нѣмецкая и Романская, но даже и Латинская литература среднихъ въковъ утверждались на основании народной поэзін и заимствовали изь нея и мысль и иногда выраженіе. Свойства образованія и условія литературнаго развитія на западъ и у насъ были слишкомъ различны, и аналогія, которую хотъли иногда видъть наши изслъдователи между древней нашей письменностью и литературами западно-Европейскими, должна ограничиваться только немногими частными случаями, иначе становится натянутою и ложною. Если мы, съ своей стороны, можемъ указать только въ двухъ-трехъ поэтическихъ памятникахъ тесное родство съ народнымъ эпосомъ, то обвиненія старой нашей литературы въ бъдности совершенно справедливы. Бъдность заключается именно въ отдаленіи отъ напіональныхъ мотивовъ, которые одни могли дать литературъ свъжесть и силу. Изъ памятниковъ письменности нашей можно извлечь только случайные следы народной поэзіи, каковы летописныя вставки изъ народныхъ притчъ, пословицъ и сказаній, упоминанія духовныхъ сочиненій о народныхъ повірьяхъ и преданьяхъ и т. п. Такое своеобразное положение народной словесности существовало какъ необходимый историческій фактъ и причина его лежитъ, какъ мы прежде замътили, въ давнишней борьбъ противъ народнаго начала въ пъсняхъ, повърьяхъ и обрядахъ, - борьбъ, открывшейся уже въ древнъйшихъ памятникахъ нашей письменности и продолжавшейся до конца стараго періода. Можно думать впрочемъ, что сильнійшій упадокъ народнаго начала связанъ съ общимъ ослабленіемъ литературы въ среднюю эпоху ея исторіи, преимущественно бладную и схоластическую. Одна изъ причинъ, поддерживавшихъ это явленіе, едва ли не заключается въ томъ обстоятельствъ, что очень долго вся письменность наша была въ рукахъ однихъ духовныхъ лицъ. Это было и въ западныхъ литературахъ, но тамъ общее направление пріобрѣло такую силу, что. писатель уже подчинялся его вліянію; между темъ у насъ онъ скорве непріязненно смотрвав на то, что выходило изъ круга его двательности. При томъ наше образование всегда оставалось духовнымъ, и свътскій писатель необходимо долженъ былъ вдти по тойже дорогь; по крайней мъръ извъстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами.

Такимъ образомъ народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ, большей частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи съ произведеньями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повъсти ипогда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Известно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается вногда въ рукописныхъ литературахъ одно и тоже произведение: сравнивъ нъсколько списковъ какой нибудь любимой встарину повъсти, можно безъ труда видеть, что все множество варіантовъ часто бываетъ только сатедствиемъ общирнаго распространения повъсти, переходившей во всв стороны и во всв разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространении вителния подробности сглаживались подъ Русскія формы, самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. На этомъ и останавливались, большей частью, переводныя повъсти. Но случалось, что эти травестированные разсказы смѣшивались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхождение, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосъ; герои переводныхъ повъстей изображались тъми же красками, какъ богатыри сказокъ и былинъ. Такъ, по свидътельству знатоковъ, варіанты рукописныхъ сказаній о Соломовъ повторяются въ Малорусскихъ преданьяхъ; такъ Итальянскій романъ XIII — XIV віжа превратился въ Русскую на-

74. 844. — KH. IV. — OTA. U.

Digitized by Google

родную сказку о Бовѣ королевичѣ. Тѣмъ же путемъ произошли многіе изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе Русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность Нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Извѣстныя лубочныя изданія, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъчтеніи, представляютъ много запиствованныхъ разсказовъ, принадлежанияхъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліянію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдельныя подробности чуждаго происхожденія; въ кругъ пародных знаній давно перешли многія поверья о чудных з далекихъ странахъ, дивныхъ зваряхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ переводныхъ сборникахъ, въ родъ средневъковаго «Физіолога», и потомъ распространившіяся посредствомъ азбуковниковъ и имъ подобныхъ популярныхъ книгъ; отсюда они появлялись въ песие, былине, и можеть быть въ сказке. Такой переходъ миновъ во многихъ случаяхъ можно считать болье естественнымъ, чъмъ живое преданіе, которому нерыдко даютъ слишкомъ общирное значеніе. Иногда народная поэвія заниствовала в птаме сюжеты изъ книжныхъ преданій и повъстей; это должно было произойдти конечно тамъ, гдѣ сфера внижнаго знанія относилась къ живтаней струнт въ народныхъ повятіяхъ и могла поэтому служить эпическимъ матеріаломъ, и отсюда явились опоэтизированные сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексъъ божіемъ человъкъ», о «Оедоръ Тиронъ», о «Борисъ в Гльбь», даже стихи о Голубиной книгь, о «Георгіи Храбромъ» и другіе. Мотивы посліднихъ не всегда принадлежать народной фантазіи, но давно ею воспринятые, они связаны съ національными минами и развиты наравить съ ними. Не вст духовные стихи одинаново древни, но многіє принадлежать далекой старинв; стихъ о Голубиной книгв, одно изъ любопытивинихъ произведеній Русской эпической поэзіи, въ XVII стольтій авляется уже какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народъ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія, преданіе, служащее основой стиха, должно было давно устоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнаруживалось вліяніе и книжной пов'єсти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрус'ввшій «Полканъ-богатырь». Народная сказка къ своему оригинальному содержанію прим'єшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечь-кладенецъ», необходимый спутникъ сказочнаго героя, едва ли не былъ чертой заимствованной, также какъ магнитная гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или нагай-птица (старинное ного), выносящая сказочнаго царевича изъ подземной страны на святую Русь. Даже цѣлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ разсказовъ: къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой женѣ», попавшей въ яму и напугавшей бѣса, очень извѣстная и въ средневѣковой западной повѣсти.

Обозрѣніе старинной Русской повѣсти разлагается слѣдовательно на два главные вопроса: Одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмішающаго различныя сказанья средняхъ въковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Для ръшенія послідняго вопроса до сихъ поръ собрано чрезвычайно мало необходимыхъ данныхъ: нёсколько десятковъ былинъ, несколько духовныхъ стиховъ, составляютъ весь матеріалъ, доступный теперь для изследователя; сказки до сихъ поръ записывались и издавались людьми, нисколько не приготовленными, да и не заботившимися о върной передачъ народныхъ разсказовъ; въ изданія г. Аоанасьева въ первый разъ принята правильная метода. Такъ какъ полный фактическій обзоръ не можеть принести здёсь существеннаго результата, мы ограничимся здысь только объясненіемъ старинной рукописной литературы повъстей или популярнаго чтенія, по тъмъ матеріаламъ, какими могли пользоваться. За темъ могутъ быть собраны извествыя до сихъ поръ данныя для исторів народнаго эпоса, былинъ и сказокъ.

Мы старались показать содержание старинных влитературвых сборников, заключающими въ них, большей частью переводныя, повъсти и сказанья, и иткоторыя сочинения собственно Русския; и такъ какъ почти всё наши переводы представляють одну эпическую область съ произведениями средне-

въковой романтической литературы, то необходимо было упоминать объ ихъ литературной исторіи, чтобы поставить наши сказанія въ настоящемъ світь. Чисто-фактическіе пріемы совершенно достаточны въ этомъ случаћ, потому что ими ясно опредъляется достоинство разбираемыхъ памятниковъ; многія изъ указаній, нами сдъланныхъ, требують еще подробныйшаго и точнъйшаго опредъленія. Перечисляя повъсти, нужно было, съ другой стороны, приводить самые списки и рукописи, чъмъ достигается и библіографическая и историко-литературная цівль: всв почти произведенія старинной повъсти извъстны только по рукописямъ, следовательно далеко не для всехъ доступны, темъ болье, что иныя повъсти встръчались до сихъ поръ въ одномъ экземплярь, какъ замъчательное «Девгеніево Дьяніе»; указаніе списковъ необходимо и потому, что втрное понятие о всякомъ памятникъ рукописной литературы достигается только общирнымъ сличениемъ списковъ. При этомъ мы делали указания на слъдующія собранія:

- Толстовское, принадлежащее Публичной Библіотекъ. Здъсь находятся многіе прекрасные сборники повъстей и сказокъ, большею частью XVII стольтія, и отдъльныя рукописи сказаній, напримъръ «Варлаамъ и Іосафатъ», «Александрія» и др. Вообще, Толстовское собраніе вполнъ заслуживаетъ общирнаго описанія, потому что «Обстоятельное описаніе» Калайдовича и г. Строева коротко и неръдко неточно.
- Погодинскія рукописи представляють нівсколько драгоцінных памятниковь; назовемь прекрасный списокъ «Стефанита и Ихнилата», единственные экземпляры «Девгеніева Дівянія» и «повіти о Горіз-Злочастів», и басень Езопа въ переводів второй половины XVII столітія.
- Рукописи Фролова, Дубровского, Каменецкого и гр. Сухтелена, также, какъ и собраніе г. Погодина, принадлежащія Публичной Библіотекъ. Всъ эти собрапія впрочемъ далеко не такъ богаты.
- Румянцовское собраніе, довольно изв'єстное по «Описанію» г. Востокова, им'єсть вообще немного сборниковъ сказочнаго содержанія; изъ любопытн'єйшихъ рукописей укажемъ самый старый текстъ «сказанія о Мутьянскомъ воевод'є Дракулі»; рфд-

кую «повъсть о Соломонъ», «Великое Зерцало» XVII въка и нъсколько списковъ «Александріи».

Мы обязаны г. Забѣлину свѣдѣніями объ его рукописномъ собраніи и сообщеніемъ нѣсколькихъ любопытныхъ сборниковъ XVII—XVIII столѣтія; мы пользовались также нѣкоторыми рукописями г. Тихонравова. Всѣ другія собранія извѣстны намъ только по печатнымъ каталогамъ, какъ превосходныя рукописи Царскаго, принадлежащія теперь гр. Уварову; библіотека Московскаго Общества Исторіи и Древностей; бывшее собраніе Демидова, и другія. Само собою разумѣется, что матеріалы наши были бы значительно пополнены, еслибы можно было воспользоваться и этими богатыми собраніями и другими книгохранилищами, неизвѣстными даже и по каталогамъ.

Такъ какъ старинныя рукописи XVII и XVIII въка представили и нъсколько данныхъ для исторіи народнаго эпоса, былины и сказокъ, мы означили тъ народныя произведенія, которыя были нами встръчены въ старинныхъ спискахъ. Нътъ сомивнія что со временемъ могутъ быть найдены и другіе памятники народной словесности, върно записанные старинными грамотъями. Говорить о достоинствъ подобныхъ текстовъ было бы излишне.

Въ приложеніяхъ поміщены выписки изънікоторыхъ старинных в повъстей. Приложенія могли бы быть распространены еще болье, но теперь мы представляемъ только пробы, а не большой выборъ изъ этихъ произведеній. Здісь должна быть сделана одна оговорка. Въ печатании рукописныхъ памятниковъ у насъ принято правиломъ заботиться о върнъйшей передачъ списка, служившаго оригиналомъ; это правило доводятъ иногда до крайности, гдв оно становится только помехой и излишествомъ. Этотъ способъ имветъ большую цвну, но тогда, когда дъло идетъ о памятникахъ древнихъ, важныхъ не только по содержанію, но и по мелкимъ особенностямъ языка и правописанія. Мы слідовали ему, приводя выписки или изъ рукописей старыхъ, или любопытныхъ по ореографіи. Но большею частью эта мелкая точность не была для насъ необходима; памятники XVII и XVIII въка, нами приводимые, не имъютъ этой филологической важности, и въ перепискъ ихъ достаточно было сохранить чтение, а не способъ написанія. Во первыхъ, всв сокращенія, которыми обильны рукописи XVII віка, разрішаются весьма обыкновеннымъ чтеніємъ и слідовательно не нуждаются въ точномъ соблюденіи подлинника. Во вторыхъ, эти рукописи нерідко обильны и ошибками чисто-ореографическими, которыя были ошибками и въ старину; сохраненіе ихъ нисколько не прибавило бы колорита памятнику, потому что оніз обнаруживають только незнаніе переписчиковъ: удерживать неправильное употребленіе буквы в и тому подобные случаи, значило бы только непріятно пестрить текстъ, безъ всякой пользы.

I.

Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи среднев'я ковых в сказаній объ Александр'я Македонсковъ: псевдо-Каллисеенъ. — Пов'я о Тро-янской войн'я: старинная «притча о кралехъ» и повдив'й переводъ княги Гвидона де-Колумны.

Древній періодъ нашей письменности представляеть много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дъятельности вълитературъ; характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаеть благопріятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы и, напротивъ, очень арко выражали свои права. Внътнія отношенія ставили правда Русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы Византійской, наслідованную нами черезъ южно-Славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчинениемъ, и ея дъйствіе умфрялось свъжей привязанностью въ началамъ національнымъ. Тринадцатое стольтіе открыло новый періодъ въ умственной и правственной жизни древней Руси: вибшиів несчастія, стъсненіе самобытности, должны были невыгодно отраэнться и въ литературъ, и дъйствительно эпоха Татарскаго владычества положила замътный отпечатокъ на ея памятникахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія произведенія до-Татарскаго періода или совершенно погибли, вли остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терялись отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ изслѣдователя древнѣйшей Русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактическій составъ и объемъ.

Во вившней ея исторія прежде всего обращаеть на себя вниманіе тісная связь ея съ Византійской литературой среднихъ въковъ, связь, которая и по извъстнымъ нынъ памятникамъ можеть быть определена довольно точно. Не говоря о множествъ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вытьств в христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцітавля до сихъ поръ, - переводы Греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками Русской литературной дізятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему ліктописцу возможность представить въ началъ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы иссомивино принадлежитъ десятому въку, столько же древенъ и Амартолъ, следы котораго въ Несторе указываль еще Альтерь (Philol.-krit. Miscell. Wien 1799. 99 -- 100). Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ последствія такъ же изъ Византійского источника; по ніжоторымъ, неяснымъ впрочемъ, намекамъ и эти последнія можно отнести къ отдаленной старине. Были ли всв эти произведенія трудомъ собственно Русскихъ переводчиковъ - другой вопросъ: по крайней мърж ихъ вепрямо-Русское происхождение не метало ихъ действію на читателей и они помогали между тъмъ расширению Русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ Русскимъ читателямъ Византійскія произведенія, составляли Болгарская и Сербская письменность, во все время ихъ цвітущаго состоямія.

Многое, на что у насъ смотрели иногда какъ на Русское, было принадлежностью литературъ южно-Славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло некакехъ следовъ своего существованія. Памятники Болгарскіе сохранились большею частію въ Русскихъ спискахъ, передълывавшихъ особенности старо-Славянскаго текста, и только у насъ они получели въ последствін важное значеніе, - какъ древніе переводы Византійцевъ для поздивишихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-Славянской съ нашею, объусловливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповъданія и проистекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тыть болье, что были очень понятны в для Русскаго читателя. Въ числъ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Авонская гора; уже давно упоминаются путешествія Русскихъ къ Святогорскимъ обителямъ, и давно Русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы Греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносимы были потомъ въ Россію и расходились по всемъ ея краямъ. Въ последствіи характеръ сношеній много измінился, когда съ паденіемъ Византін в Анонская гора подверглась преслідованію и угнетенію; и тогда однако она не цереставала посвящать Русскимъ плоды своей дівятельности; въ XVI столітін имя Максима Грева блистательнымъ образомъ напоминало объ Авонской горв. Наконецъ, Асонскіе иноки приходили въ Россію всего больше въ надеждъ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содъйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитие литературное, такъ что наконецъ у нихъ не появлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература Сербскаго языка жила только въ Дубровницкихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербін православной. Какъ бы въ зам'внъ прежняго, въ Болгарія в Сербін распространялись уже Русскіе памятники, даже самые списки Русской редакціи.

Несомнънны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ Византійскою. Переводы съ Греческаго делались и дома на Руси: языкъ этотъ былъ извъстенъ многимъ; притомъ къ намъ постоянно собиралось много Греческихъ выходцевъ. Летопись отивчаетъ иногда самые перводы, какъ фактъ любопытный: такъ въ Софійскомъ Временникъ упомянуто о переводъ поэмы Георгія Писида — «Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари». Въ соединения съ тъмъ, что досталось намъ изъ южно-Славянскаго источника, Русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями Византійской литературы, п теперь сохраняеть многіе памятники этой последней, нензвестные въ Греческомъ подлинникъ; точно также она сберегала многіе южно-Славянскіе переводы. При изученін памятниковь Византійской повъствовательной или поэтической литературы, извъстной вообще очень мало, необходимо обратиться и къ старинной Русской письменности, гдв иногда остается ихъ единственный следъ. Такъ, до недавняго времени ученые мало были знакомы и съ Византійскими редакціями знаменитых в сказаній объ Александрів, которыя подъ несколькими видами повторяются въ старинныхъ нашихъ передълкахъ, и теперь существують во множествъ списковъ, неръдко дополняющихъ изданные Греческіе тексты.

Старинная наша «Александрія» — какъ ее называли — представляеть особенный видъ того произведения Греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисеену, и которое, распространившись въ Латинскихъ редакціяхъ во всей Западной Европъ среднихъ въковъ, сдълалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній в романовъ, описывавшихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Исторія его у насъ, какъ и вездъ, была одною изъ любимыхъ книгъ народнаго чтенія; это общее сочувствіе, съ какимъ вообще встръчали романъ псевдо-Каллисоена, объясняють и симпатичной личностью самого героя в поэтическимъ колоритомъ, приданнымъ ему уже въ первоначальной формъ сказанія. Далекіе походы Александра, слава и важное историческое значение его завоеваний, оставили неизгладимое впечатление: для Восточныхъ народовъ онъ не забыть и до сихъ поръ; на Западв онъ увлекалъ своимъ рыцарскимъ характеромъ — его великодушіе, благородство, счастіе

оружія в даже ранияя смерть дали ему особенную прелесть въглазахъ средневъковаго читателя. Странствованія и чудныя открытія Александра нашли такое же участіе, какъ в военные его подвиги; его историки отнесли къ нему фантастическія преданія о земляхъ и народахъ, ходившія со временъ Гомера, прибавили къ нимъ многое изъ баснословныхъ сказаній Востока, и разсказъ объ Александръ сталъ романическою этнографіею и романическимъ описаніемъ пряроды, гдъ нашли мъсто всякія чудныя существа въ родъ Гомеровыхъ циклоповъ и лестригоновъ, Геродотовыхъ аримасповъ, Ктезіевыхъ макробіевъ и пр. Крестовые походы напомнили о странныхъ людяхъ, удивительныхъ физическихъ явленіяхъ, видънныхъ Александромъ; на отдаленномъ Востокъ искали таинственнаго эльдорадо, полнаго чудесъ в опасностей.

Переходя отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрь менялись въ духе разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдъльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колорит в событій и преданій; частные мисы получали большее развитіе и новый смысят или вставлялись целикомт изт другаго источника, хотя бы ихъ и не допускалъ первобытный видъ сказанія. Такое принаровление къ извъстной національности выразилось уже въ первыхъ редакціяхъ исторіи, въ первыхъ попыткахъ соединить разсъянныя подробности въ одно цълое. Зародыши ея относять къ эпокъ, слъдовавшей за смертью Александра, когда его исторія уже начинала покрываться туманомъ; полное изложеніе основнаго преданья пріурочивають въ Александрійской эпохъ. Отсюда объясняють, почему вообще въ западныхъ редакціяхъ отцемъ Александра является не Филиппъ, а Египетскій царь Нектанебъ: происходя отъ него, Александръ становился уже не завоевателемъ Египта, а прямымъ наследникомъ последняго паря. Басию эту, по мивнію Летровия, породило тайное чувство національнаго самолюбія, присвонвавшее своему народу славу чужаго героя и желавшее скрыть свое собственное поражение. Восточныя преданія съ той же задней мыслью представляють Александра сыномъ Персидскаго царя Дараба. Въ западно-Европейскихъ передълкахъ исторіи, преданіе о Нектанебъ не

вывло конечно особеннаго смысла, и было принято какъ чистоисторическій фактъ. Вмісто того западныя редакціи варьировали исторію Александра въ другихъ отношеніяхъ и опять изображали ее въ новомъ світв. Мы сообщимъ только немногіе факты изъ литературной исторіи сказаній объ Александрів, чтобы показать отношеніе Русскихъ редакцій къ первоначальному разсказу, и объяснить, почему наши редакціи разнятся иногда другь отъ друга.

Дучшія изследованія о начале и дровнемь виде этихь сказаній объ Александрів: - St.-Croix, Examen critique des historiens d'Alexandre le Grand. Paris 1804; - F. (Friedländer или по Б. де-Ксиврею Favre), Vie d'Alexandre le Grand, коротенькая, но очень любопытная статья по поводу ивданія кард. Ман Юлія Валерія (Mediol. 1817.) въ Bibliothèque universelle de Genève 1818. VII. Littérature p. 218-229, 322-349; — Berger de Xivrey, Notice de la plupart des manuscrits..., contenant l'histoire fabul. d'Alexandre le Grand, connue sous le nom de Pseudo-Callisthènes, общирная статья, помъщенная Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi t. 13. 2, 162 — 219 и выписки 219 — 307; Grässe, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters. Dresden u. Leipzig 1842, 435 — 456. Псевдо-Каллисоенъ ивданъ въ первый разъ на Греческомъ языкъ К. Мюллеромъ по въсколькимъ спискамъ въ Дидотовой Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Paris 1846 (Arrianus, Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri Magni, Pseudo-Callisthenes) съ прекраснымъ предисловіемъ, объясняющимъ исторію Греческаго текста.

Греческая исторія, а вмѣстѣ съ нею и Русскіе переводы разсказывають, что Нектанебъ обладаль волшебными знаніями, посредствомъ которыхъ легко побѣждаль враговъ своихъ. Однажды царству его стало угрожать новое ополченіе изъ разныхъ народовъ Востока; Нектанебъ увидѣлъ, что обыкновенная его защита будетъ недостаточна, и рѣшился искать спасенія въ дальнихъ странахъ. Онъ оставилъ отечество; Египтяне долго ждали его, наконецъ обратились къ оракуламъ и получили такой отвѣтъ: «бѣжавшій царь снова придетъ въ Египетъ, но не

старцемъ, а юношей, и побъдитъ враговъ нашихъ Персовъх (Ps.-Call. 1, 34). Между тымь Нектанебъ поселяется въ Македоніи, пріобратаетъ славою мудрости всеобщую извастность. знакомится съ Олимпіадой — дочерью царя Эвіопскаго, Фола, приходитъ къ ней подъ видомъ и символами Юпитера Аммона и дълается отцемъ Александра. Воспитаніемъ ребенка занимался самъ Нектанебъ вмъстъ съ Аристотелемъ; по предсказанію самого Нектанеба, Александръ сделался причиною смерти отца своего и тогда только узналъ о своемъ происхожденіи. Когда умеръ и Филиппъ, Александръ началъ войну съ Персидскимъ царемъ, но передъ тъмъ покорилъ сосъднихъ народовъ и присоединиль ихъ къ своему воинству. Онъ приходиль даже въ Италію; «Римляне же тогда не имяху царя — разсказываетъ Румянц. Александрія, въ хроногр. № 456 л. 142 — но сами власть правяху, и срътоша Александра съ честію и со многими дарми и фарижь, сиръчь конь, изведоша, коръкодиловымъ съдломъ осъдланъ, и отъ камени адаманта изпесоща ему оружіе Александра Фарижа, сына Пріяма, царя тройска, еже Агаменъ, царь греческій, взялъ въ Трои, и копіе алеоандиново з бисеромъ и каменіемъ многоцівнымъ принесоща Якша Келомонича (т. е. Аякса Теламонида) и имъхъ 17, и щитъ Таркинія царя Римъскаго, кожею аспидовою повлаченъ; и славно вниде в Римъ и сръте его ерен Аполоновъ, и покади, и поклонися ему, и принесе ему злато и миро и оимиянъ, и вси паріе западніи пріндоша к нему со многими дарми, еже не воевати ихъ моляхуся, и повель имъ дань даяти от 12 льтъ и воиска вооруженна» (вначе въ Ps.-Call. p. 29 — 31 not.). Жители Египта признали Александра своимъ царемъ, потому что на немъ исполнились предсказанія Нектанеба и оракуловъ; здісь онъ строить Александрію, отправляется за тімь въ Тирь, посіщаеть Финикію в Палестину.

Услышавъ о нам'вреніяхъ Александра, Дарій отправляєть къ нему высоком'врныя письма, и съ ними игрушки, которыми Александру будто всего приличніве заниматься, какъ ребенку; Александръ отвічаль смітло и бойко. Отъ спора дітло дошло до битвы; псевдо-Каллисоенъ сохраняєть здітсь главные историческіе факты, но въ описаніяхъ сраженій не жаліть своей

фантазін и даетъ разсказу очень много неисторическаго блеска. Побъдивъ Дарія и женившись на дочери его Роксанъ, Александръ думаетъ о новомъ походъ, въ Индію; Поръ встретилъ его со львами и слонами, но царь Македонскій хитростью взялъ надъ нимъ верхъ въ единоборствъ и сълъ на его престолъ. Несметныя богатства Индейскаго властителя достались Александру; ему привели коней Пора, «оерезей индъйскихъ», львовъ ловныхъ и леопардъ-«сиръчь бобровъ», объяснилъ Русскій передълыватель; - «на златыхъ чепяхъ все то ко Александру приведоша, чемъ Поръ царь тешился», сказано въ одномъ изъ позднихъ списковъ исторіи. Затімъ Александръ отправился въ гимнософистамъ, — «нагомудрецы» или «голомудрецы» въ нашемъ переводъ, - обитавшимъ въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ, и удивлялся строгости ихъ жизни и презрѣнію земной суеты: они не признавали его могущества, и онъ не рѣшился воевать съ ними, чувствуя ихъ нравственное превосхолство. Далее, онъ увидель на море островъ, где была царская гробница, заключавшая огромныя сокровища; одинъ изъ полководцевъ отправился осмотрять островъ, но едва вступилъ на него съ своими спутниками, какъ онъ скрылся въ пучинъ.

Еще до войны противъ Пора, Александръ встречалъ на пути много удивительныхъ вещей; теперь походы его представляютъ цьлый рядъ чудесь, и самый характеръ странствованій измъняется: единственною причиною ихъ становится непреодолимая и неопредъленная любознательность. Не думая о завоеваніяхъ, Александръ старается проникнуть все таинственное въ природъ, и въ невъдомыхъ до него странахъ находитъ необыкновенныхъ людей и животныхъ: Это — люди съ собачьими головами, люди съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, циклопы, великаны и пигмен, или столько же уродливыя животныя. Его вниманіе останавливають и чудные феномены природы: то приходить онъ въстрану, гдъ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то теряетъ дорогу отъ вепроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землв, совершенно покрытой драгоцвиными каменьями; то встрвчаетъ непроходимый ровъ и строитъ черезъ него жельзную «комару». Онъ отправляется наконецъ и въ воздушное путешествіе на гри-

факъ, прислушивается къ говору птицъ, которыхъ разспрашиваетъ объ ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы изведать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ Александру. Онъ приходить къ солнечному городу (Геліополь), «откуду солнце восходить», встрічаеть ужасныхъ «нечистыхъ» народовъ, и чтобы избавить отъ вихъ вселенную, заключиль ихъ камнемъ сунклитомъ въ горахъ «свверскихъ», откуда имъ нътъ исхода; «сунвлить же (асингить) такова вещь — никакое жельзо его растлити не можетъ, и огнь его не возметъ». Этотъ разсказъ о заключении нечистыхъ народовъ, повторенный у Менодія Патарскаго, находится и въ аругомъ любопытномъ сочинени, въ Румянд. сборникъ XVII в. № 363, л. 454 сл.: Александръ загналъ нечистые народы въ тасное пространство между горъ и «закова неступившееся масто вратами жельзными и сонклитомъ помаза; и сонклить же той есть вещь дивна такова, его же огнь не жжеть, на жельзо не свчеть; внутрыже врать тыхъ на 300 поприщь купиною насади и ту поганые языцы загради». Въ числъ этихъ народовъ были между прочимъ и Татары. Далбе, въ одномъ озерв Александръ вельть поймать рыбу, и въ ней нашли «камень свытель, ако солнце сіясть въ нощи»; потомъ сражался съ чудными людьми «горъ человъкъ, долу конь, иже нарицахуся исполины», которые въ нѣкоторыхъ спискахъ названы anticipando «полканами»; встрвчаетъ царство амазоновъ и посылаетъ имъ вместо себя копье какъ царя. Узнавъ о говорящихъ деревьяхъ, онъ поспъшилъ къ нимъ спросить ихъ о будущемъ; деревья предсказали ему, что онъ умреть въ Вавилонв и не оставить потомства. Александръ посътилъ и Кандакію, царицу земли Муринской или Эсіопін, а по другимъ пресминцу Семирамиды; при этомъ онъ едва не погибъ отъ сына Кандаків-у Юлія Валерія Charogos, у исевло-Каллисоена и въ Русскихъ редакціяхъ Дорифъ, Δωρήφ,--женатаго на дочери Пора. Наконецъ, после новыхъ странствій, Александръ прибылъ въ Вавилонъ и умеръ тамъ отъ отравы; нередъ смертью онъ простился съ Роксаною, со всеми придворными, воннами и конемъ «дучипаломъ» или «волусглавымъ конемъ», который съ яростью растерзалъ его отравителя кравчаго Вріонуша. Разд'амвъ свое царство и давъ наставленіе «волостелямъ», Александръ умеръ при восходъ солнца; царица Олимпівада и Роксана причитали горько и жалостно, и «толикъ плачь и рыданіе бысть тогда о царъ Александръ,—говорится въ одномъ позднемъ спискъ,— якоже отъ созданія міра никто такова плача не видалъ и не слыхалъ, и потомъ не чаютъ быти и до скончанія міра: понеже бо вся вселенная и вся земля рыдаху объ немъ и плакаху отъ мала и до велика, яко отъ гласу плачевнаго и земли возстонати и чаяти вопля того гласъ былъ и до небеси слышать». Исторія оканчивается исчисленіемъ городовъ, построенныхъ Александромъ.

. Такъ вообще передаются подвиги Александра въ нашихъ редакціяхъ; однако при общемъ сходствъ содержанія подробности и самый полборъ событій не всегда одинаковы въ разныхъ спискахъ. Это зависвло не столько отъ Русскихъ интерполяцій. сколько отъ варіантовъ Греческаго текста, который измінялся съ течениемъ времени болье и болье, такъ что два перевода съ разныхъ списковъ необходимо должны были отличаться одинъ отъ другаго. Исторія псевдо-Калансоенова романа объясняеть это несходство Греческихъ редакцій, а за ними и нашихъ списковъ. Произведеніе, означаемое именемъ псевдо-Каллисоена, не дошло до нашего времени въ прежнемъ своемъ видъ; въ немъ много вставокъ разнаго времени и разнаго направленія. Нітъ сомивнія однако, что это произведеніе извістно было въ древности: у многихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей замечають следы его, но определить имя автора неть никакой возможности. Кром'в Каллисоена, который и потому не могъ быть сочинителемъ этой исторіи, что умеръ гораздо раньше Александра (328 г. до Р. Х.), сочиненіе приписывали какому-то Езопу. Симеону Сину-извъстному переводчику басенъ Бидпая, Антисеену и пр., но вст эти имена явились только отъ ощибокъ переписчиковъ и простыхъ quiproquo; Армянскій переводъ V стольтія называеть авторомъ Аристотеля, Еврейскій — Птолемея. Эпоху появленія псевдо-Каллисеена ученые определяли также различно: отъ одиннадцатаго въка, когда жилъ Симеонъ Сиеъ. ее отодвигали и дальше въ древность, до Александрійскаго періода в Птолемеевъ. Всего върште причислять романъ псевдо-Каллисоена къ тъмъ анонимнымъ произведеніямъ, которыя со-

ставляются не вдругъ, а мало-по-малу, н потому не могутъ быть отнесены въ одному автору. Преданія, собранныя здісь, встрічаются у многихъ писателей изъ первыхъ въковъ нашей эры, такъ что необходимо принять начало ихъ около самой эпохи Александра. Разсказы о чудесныхъ подвигахъ и странствіяхъ Македонскаго царя тогда уже могли принять баснословный кодоритъ и распространиться въ сочиненіяхъ болье или менье историческихъ. Въ древнихъ литературахъ такую же почти роль играли подложныя жизнеописанія, сочиненія и письма знаменитыхъ людей, какъ въ наше время подложные мемуары; и тв и другіе являются обыкновенно вскорь по смерти лиць, которымъ приписываются, и достигаютъ своей цёли, привлекая общее любопытство. Таковы могли быть и письма Александра къ его наставнику Аристотелю, Олимпіадь, къ амазонкамъ в брахманамъ; онъ разсказываютъ о чудесахъ, видънныхъ Александромъ въ Индіи и т. п. и потому составляють быть можеть самую интересную часть романа. Письма эти вносятся обыкновенно въ текстъ псевдо-Каллисоена, но встречаются въ древнихъ манускриптахъ и отдъльными статьями, напр. Alexandri epistola ad Aristotelem de situ et mirabilibus Indiae; epilogus de mirabilibus, quae vidit Alexander, ad Aristotelem magistrum и др. въ рукописяхъ Парижской библіотеки. Съ другой стороны, въ містныхъ преданьяхъ имя Александра связывалось съ частными обстоятельствами исторіи изв'єстной страны или города; псевдо-Каллисоенъ, или вообще авторъ произведенія, могъ воспользоваться ими, на сколько самъ ими интересовался, и дъйствительно придаваль иногда исторіи мъстный, спеціальный оттыновъ. Онъ почерпалъ наконецъ свъдънія и въ разсказахъ прежнихъ историковъ, которые также не были свободны отъ вліянія фантастическихъ преданій и собственнаго вымысла: такимъ образомъ возникаетъ связь между Александромъ историческимъ и Александромъ псевдо-Каллисоена. Можно также указать, въ числъ источниковъ, поэмы или поэтическіе разсказы о деяніяхъ Александра, или недошедшіе до насъ или уцілівшіе въ немногихъ отрывкахъ, и реторическія упражненія, столько любимыя въ эпоху упадка Греко-Римской литературы. И въ тъхъ и въ другихъ конечно меньше было заботы о върной передачь фактовъ, чемъ

о ръзкости и картинности описанія. Всь эти источники можно отчасти указать и въ поздивишихъ редакціяхъ псевдо-Каллисеена: сохранившіеся фрагменты древнихъ историковъ Александра неръдко согласны съ нимъ въ разсказъ; сомнительная переписка Александра въроятно была вставлена также изъ готоваго источника. Многое принадлежить и неизвъстнымъ компиляторамъ и сочинителямъ романа; они давали общій тонъ цілому и выставляли тъ стороны его, которыя имъли для нихъ національный или другой интересъ, какъ упомянутая нами басня о Нектанебъ. Преданье о Юпитеръ-Аммонъ могло быть современно Александру; его знаетъ Юстинъ, заимствовавшій у Клитарха; Эратосеенъ считаетъ его фактомъ общензвъстнымъ. Нектанебъ, какъ замъна Юпитера, обличаетъ эвгемерическія понятія составителей исторіи, и намекаеть на Александрійское начало преданія; Египетскіе папирусы, по изследованіямъ Летроння, упоминаютъ о магическихъ знаньяхъ этого царя, --- слъдовательно, разсказъ о немъ могъ отчасти утверждаться на историческихъ данныхъ. Другія мъста псевдо-Каллисеена также открываютъ въ составител в Александрійца: въ разсказ в объ основанін Александрів, авторъ упоминаеть многія м'естности его, какъ всьмъ извъстныя; называетъ мъсяцы Египетскими именами и т. п.; Александріи достается право владёть гробомъ знаменитаго завоевателя, который постоянно называеть ея жителей «своими Александрійцами», οί ήμέτεροι Άλεξανδρεῖς. Вий этихъ мість, пристрастныхъ къ Александрів и безъ сомнинія древнихъ, многія другія вставки вошли въ составъ романа поздиве. Для насъ особенно любопытны тв изънихъ, которыя произошли отъ Еврейскихъ и Сирійскихъ читателей или гдф отражались Византійскія понятія (Müller, Ps. — Call. xvj); эти вставки особенно развиты въ Русскихъ редакціяхъ. Различіе текстовъ увеличивалось и случайными интерполяціями, которыя при новой перепискъ еще далье уклонялись отъ правильнаго чтенія. Такъ Мюллеръ думаетъ объяснить разсказъ о походъ Александра въ Римъ: въ одномъ спискъ исторіи говорится, что перейдя Граникъ, Алексанаръ направился въ Ликаонію, область Малоазійскую; въ другомъ писецъ витсто Ликаоніи поставилъ Луканію, область южной Италіи, затъмъ и вмъсто Луканіи явились Сици-

79. ВАШ. — ВМ. IV. — ОТД. Ш.

лія и Италія; мы виділи, какой обороть придань этому разсказу въ нашемъ старинномъ переводі.

Въ следствие подобныхъ вставокъ, случайныхъ и намеренныхъ, уже Греческіе тексты разныхъ временъ и ивстностей представляють значительные варіанты; Латинскій переводъ Юлія Валерія, относимый къ IV в. по Р. Х., имъетъ свои особенности. На востовъ, гдъ псевдо-Каллисоенъ появляется очень давно, онъ долженъ былъ измениться еще более. Моисей Хоренскій, Армянскій писатель V стольтія, разсказываеть преданье о Нектанебъ согласно съ псевдо-Каллисоеномъ; къ тому же времени относять цълый Армянскій перевод сказанія. Еврейскій писатель бонъ-Горіонъ или псевдо-Горіонидъ, и христіанско-Арабскій историкъ Абульфараджъ повторяютъ тоже преданіе, потому что непосредственно следовали Греческому прототипу. Иначе представлена исторія Александра у писателей Мугаммеданскихъ, хотя и для нихъ, по новъйшимъ изслъдованіямъ, главнымъ источникомъ служили Греческія сказанія псевдо-Каллисоена. По мићнію Моля (Livre des Rois I, p. XLIX), Фирдоси замънилъ недостатокъ Персидскихъ преданій именно Греческими, которыя могъ знать изъ Арабскаго перевода. Весь составъ и порядокъ разсказа Фирдоси очевидно взятъ изъ псевдо-Каллисоена (Spiegel, Alexandersage 14, 61 — 62). Передълавъ генеалогію Александра, который сталь у него сыномъ Персидскаго царя Лараба, Фирдоси бросилъ другой колоритъ на всю исторію; псевдо-Каллисееновы подробности изложены въ духв Мугаммеданской жизни; мъстности пріурочены къ странамъ, знакомымъ Фирдоси по господству или описаніямъ Арабовъ; чудеса, виденныя Александромъ, Фирдоси сливаетъ съ восточными минами. Благодаря тому же стремленію восточныхъ писателей осмыслить для себя подвиги славнаго героя фактами близкими и понятными, для насъ становится очень любопытна поэма Низами, по отношенію къ Русской исторіи. Искендер-наме Низами болъе независима отъ Греческихъ сказаній, чъмъ произведеніе Фирдоси, и оттого націонализированіе въ ней сильніве. По Низами, Искендеръ былъ сынъ одной благочестивой женщины, воспитанный Филиппомъ; его экспедиціи направлены къ странамъ Мугаммеданскимъ или такимъ, которыя были съ

ними въ близкихъ сношеніяхъ; войска непріятеля его Дара составлены изъ жителей Ирана, Харезма, Газны, а въ рядахъ своего воинства Александръ, кромъ Македонянъ и Египтянъ, ведеть Франковъ, Грековъ и Русскихъ. Побъдивъ Дара и женившись на его дочери Рушенгъ т. е. Роксанъ, Александръ посъщаетъ Арменію, Абхазію, строитъ Тифлисъ, затъмъ отправляется въ Берду (Berdaa). Этотъ городъ съ прекрасной окрестной землей, принадлежалъ тогда царицъ Нушабе — у псевдо-Калл. Кандакія, у Фирдоси Кидаза, — которая славилась мудростью и красотой; заключивши союзъ и дружбу съ Нушабе, Александръ пошелъ въ Индію и Китай, и здесь овъ получилъ извъстіе, что *Русскіе* напали на его союзницу и разрушили Берлу. Александръ предпринялъ походъ, явился сперва въ Кипчакъ, гдв ему очень понравилось, что женщины не закрываютъ лица покрываломъ, и потомъ выступилъ противъ Русскихъ; войско ихъ, кромъ Русскихъ, состояло изъ Буртасъ, Аланъ и Хазаръ, но не смотря на ихъ геройское сопротивленіе, Алексанаръ после двухъ походовъ остался победителемъ и получиль богатую добычу, между прочимъ много драгоциныхъ мъховъ, употребленія которыхъ сначала никакъ не могъ постигвуть. «Любопытно въ историческом» отношенін, замізчаеть Гаммеръ, что Персидскій поэтъ шестаго въка геджиры, или двънадцатаго по христіанскому лівтосчисленію, упоминаетъ о Русскихъ такъ обстоятельно и даетъ имъ такую важность. Оканчивая въ одинъ походъ войны съ Египтянами, Персами, Армянами, Индъйцами и Китайцами, Искендеръ предпринимаеть два похода противь Русскихъ, царь которыхъ Кайталъ, вли Кинталъ, дълается наконецъ его плънникомъ» (Gesch. d. schön. Redekünste Persiens. Wien 1818, 117 ff.). Г. Эраманъ думаетъ, что Низами описываетъ здёсь походъ Игоря на Византію, относя его ко временамъ Александра; но Персидскому поэту не было викакого интереса вставлять такое отдаленное и чуждое для него событіе. Низами постоянно сближаетъ разсказъ съ исторіей и географіей своего отечества, и вставка доказываетъ, что онъ самъ зналъ или слышалъ о Русскихъ; въ сущности она выбеть ибкоторое историческое основание, потому что уже въ девятомъ въкъ Русскіе были знакомы съ этимъ

краемъ востока, а десятое стольтіе представляетъ двъ извъстныя и кажется несомнительныя экспедиціи Русскихъ на востокъ, упоминаемыя Масуди и Ибнъ-эль-Атиромъ. Отсутствіе критическаго такта, обыкновенное у писателей восточныхъ, позволило Низами смъщать двъ разныя эпохи и отнести къ Александру событія позднъйшія и дъйствительныя (ср. Карамз. 3, пр. 279). Аругія обстоятельства исторіи Низами взялъ прямо у псевдо-Каллисоена; также описываетъ онъ посольство Дарія и посъщеніе Дарія Александромъ подъ видомъ посла, которое Шписель несправедливо считаетъ выдумкой восточныхъ писателей, потому что оно упоминается даже и въ нашихъ редакціяхъ (ср. Рз.-Саll. II, 13 — 15), и пр., но вообще Низами рисуетъ своего героя на подобіе тъхъ неудержимыхъ воителей, которые явились первыми распространителями вслама.

Объ Александръ въ восточныхъ преданіяхъ си. — 1. v. Hammer, Alexander nach d. Sagen d. Morgenlandes BB ero Rosenöl, Stuttgart 1813. I Bd.; - Démétrius de Gobdelas, Histoire d'Alexandre - le - Grand suivant les écrivains orientaux, Varsovie 1822; - Fr. Spiegel, Die Alexandersage bei den Orientalen. Leipzig 1851 и др. Отрывокъ изъ Искендер-наме Нивами ивданъ въ книгв г. Эрдмана, De expeditione Russorum Berdaam versus auctore inprimis Nisamio, Casani 1826 - 1832, 3 vol. съ Латинскимъ переводомъ (1, 43 — 67) и объясненіями. Г. Григорьевъ, въ статью о походахъ Руссовъ на востокъ (въ Журнал'в Минист. Народн. Пр. 1835. 2, 229 сл.), привнаеть въ поэмв Низами много историческаго среди вымысловъ; разсказъ Ибнъ-эль-Атира о походъ Русскихъ на Бердау въ 944 г. сообщенъ Акад. Куникомъ въ Bulletin historicophilologique 1847. IV, № 13. Ученыя Записки I и III От**дъленій Академін 2, 636. 794.**

Не распространяясь о западных в передёлках псевдо-Каллисеена, которыя представляють вообще Александра образцомъ средневъковаго рыцарства и окружають его феодальной обстановкой, обратимся къ нашей «Александріи». Въ Славянскихъ литературахъ псевдо-Каллисеенъ былъ извъстенъ по двумъ разнымъ источникамъ: къ Болгарамъ, Сербамъ и Русскимъ опъ пе-

решель изъ Византійскихъ редакцій, къ Полякамъ и Чехамъ изъ Латинскихъ или западныхъ. Стихотворные отрывки Чешской Александроиды, собранныя въ «Выборъ изъ старо-Чещской литературы» (Praha 1845. 170, 1071 sq.), составлены, какъ думаютъ, по Французской поэмѣ Готье-де-Шатильона или по Нъмецкой ея передълкъ, и принадлежатъ къ XIII стольтію; поздиве является Kniha o wssech skutciech welikeho Alexandra. изданная въ Пъльзенъ 1513, переводъ знаменитой книги о сраженіяхъ Александра Великаго — Liber Alexandri Magni de preliis, — какъ называется она въ старыхъ Латинскихъ изданіяхъ: Чешскій переводъ находится впрочемъ и въ рукописяхъ половины XV въка (Jungmann, Hist. liter. české 1849, 68). Польскій переводъ изданъ подъ заглавіемъ Historia o žywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego Króla Macedońskiego и пр.. въ Краковъ 1550, также 1690, 1701 г. (Maciejowski, Dod. do Pism. 359; ср. ib. 148). Старинная Русская повысть ведеть начало отъ Византійскихъ редакцій псевдо - Каллисоена, чрезъ южно-Славянскіе переводы. Разбирая одинъ Сербскій и Русскіе списки Александріи, Востоковъ замітиль между ними большов сходство и объяснилъ, что последніе имели первообразомъ Сербскую редакцію; онъ не вполнѣ впрочемъ опредьля іъ подлинникъ Сербскаго перевода. «Что касается до содержанія сего, исполненнаго разными анахронизмами и небылицами житія Александрова, говорить онъ, довольно упомянуть только, что это не есть ни Арріаново пов'яствованіе, ни переводъ изв'ястной баснословной исторіи объ Александр в Македонскомъ, о коей говорить Фабрицій, и которая существуєть также на Греческомъ языкь, подъ заглавіемъ Βίος Άλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πρά-Ебіс. Но Словенскому сказочнику была какъ видно извістна сія исторія о Александрі Македонскомъ, ибо онъ взяль изъ нея главныя обстоятельства, какъ-то приключенія Нектанава... и пр., разсказывая впрочемъ многое иначе и съ большими подробностами, иное же выпуская или перестанавливая. Сербу могла быть извъстна исторія сія, если не въ Латинскомъ или Греческомъ подлинникъ, то въ переводъ Богемскомъ или Польскомъ». Говоря о баснословной исторін Александра въ хронографъ, Востоковъ прибавляетъ: «сказка сія поливе и Сербской и Латин-

ской баснословной исторів и содержить противу той и другой разныя несходства, въ мъстахъ же и согласна... Но подлинникъ сей сказки писанъ въроятно на Греческомъ, а не на Латинскомъ: сіе заключать можпо по некоторымь Греческимь словамь, оставленнымъ безъ перевода, напр. въ одномъ мъстъ поставлено дизель вм. въстникъ; переводъ Сдовенскій весьма древенъ» (Оп. P. Муз. № 175. 454 — 456). Подлинникомъ Сербскаго перевода былъ именно Греческій текстъ псевдо-Каллисоена, который для Сербской литературы быль доступиве Латинской, Чешской или Польской редакців; при томъ Сербскій переводъ безъ сомивнія много старве двухъ последнихъ. Русскія редакція, стоявшія въ связи съ Сербской, иногда значительно разнятся отъ изданнаго Греческаго текста, но этого естественно ожидать въ сочиненія, которое и на Греческомъ языкѣ представляетъ важные варіанты въ рукописяхъ. Гораздо чаще сравневіе Русскаго текста съ напечатанными у Мюллера кодексами открываетъ буквальные переводы съ Греческаго; уже въ старинныхъ азбуковникахъ отмъчено много Греческихъ словъ изъ нашей «Александрів»; Латинскія слова, какія встрічаются въ нашихъ спискахъ, точно также принадлежатъ новому Византійскому языку псевдо-Каллисоена. Въ доказательство последняго достаточно привести переводъ одной фразы; въ Греческомъ текстъ читаемъ: χρόνου δε ίκανου γενομένου έξπλωράτορες τινες, ούτω καλούμενοι παρά Ρωμαίοις, κατά δέ Ελληνας κατάσκοποι η проч.; въ Латинской исторіи de preliis эти лица названы просто custos и exors. у Юлія Валерія переведено просто quodam tempore nuntiatum est, въ нъкоторыхъ нашихъ спискахъ «въстницы Нектанава царя», но въ Румянц. спискъ № 456 буквально сходно съ Греческимъ: «времени жъ доволну бывшу ексеплоратори нѣци, тако нарицаемін Римляне (т. е. Римлянами, у Римлянъ), Еллинскій же расоцы» (отъ корня соч-ити). Сербская рукопись, Румянц. M 175, также сохраняетъ слъды Греческаго подлинника; такъ въ разсказѣ о томъ, какъ Александръ учился у Аристотеля небесной мудрости (л. 7 - 8), всь названія планеть Греческія. Соотвітствіе Греческому тексту удержалось даже въ позднихъ нашихъ спискахъ, много разъ изминенныхъ и испорченныхъ.

. Ясное указаніе на Сербскій подлинникъ напихъ редакцій приведено уже Востоковымъ. Въ Румянц. спискъ № 175 сказано, что Александръ основалъ однеъ городъ и «нарече имя ему Драмь, по Сербскому же языку наречетсе потечнием; въ Русскомъ снискъ поставлено «по Сибирскому языку», т. е. писецъ не поняль или не разобраль въ своемъ оригиналь слова «Сербскій», которое оченино определяеть подлиниинъ Русскихъ списковъ. Это върное объяснение подтверждается другими рукописами, гдъ это место написано правильно, напр. въ Погодинскомъ сборникъ Публичной Библіотеки, XVII въка, Ж 1772, на л. 225 читаемъ: «градъ же ту созда и нарече имя ему Драмъ, иже по Сербыскому языку потечищо наречется». Русскіе списки оставляан иногда безъ перемвны Сербекія слова, хотя в неупотребительныя въ Русскомъ языкъ, и даже въ руковисякъ XVIII въка удерживается слово пусарь, которымъ честить Македонскаго царя Дарій въ своихъ посланіяхъ; букефаль называется дучиваломь, въ южно-Славянской передълкъ Греческаго слова, которую иные сочли даже Славянскимъ словомъ.

Время перевода псевдо-Каллисоена определить трудно. Востоковъ замътилъ, что онъ очень древенъ, но большая часть списковъ принадлежить уже XVII въку, немногіе къ XVI стольтію; прямыхъ свидетельствъ о переводе не сохранилось, такъ что единственнымъ средствомъ для рышенія вопроса остаются фидологическія и историко - литературныя вероятности. Старинныя формы языка проглядывають даже въ позднихъ спискахъ исторіи, и съ перваго раза можно видіть, что переводъ принадлежить не семнадцатому и не шестнадцатому въку; не смотря ва испорченность новъйшихъ списковъ еще легко отличить правильность языка въ ихъ древнемъ первообразъ. Сербскую редакцію должно безъ сомнінія отнести къ тому времени, когда Сербская литература еще жила собственными силами и была ближо знакома съ произведениями Византіи. Едва ли подобныя сказанія могли явиться тогда, какъ она впала въ безд'яйствіе; примёры другихъ произведеній, запиствованныхъ нами нах литературь южно-Славанскихъ, также относятся къ нвътущей поръ вкъ развитія. Въ пользу давности Славанскаго псевдо-Каллисеена много говорить то обстоятельство, что подробное сказаніе

его объ Александръ записано въ переводномъ хронографъ Малалы въ спискъ XV въка, сдъланномъ съ рукописи 1261 года. Въ этомъ замъчательномъ спискъ переводъ Малалы прерывается длинною вставкой, на л. 311—341, которая озаглавлена «Книгы Олъксандръ»; судя по началу и заключенію вставки, приведеннымъ у кн. Оболенскаго въ описаніи рукописи (Времен. М. Общ. кн. 9, стр. ххіј, ххху), «Книгы» эти ни что иное, какъ псевдо-Каллисеенъ, которому онъ соотвътствуютъ и по содержанію главъ (см. гл. 198—202 въ оглавленіи сборника). Въ хронографъ Малалы исторія начинается такимъ образомъ:

«Доблін мнится быти и храборъ Александръ Макидонскый, яко все сътворивъ поспѣвающее ему имъя присно къ доброму лѣлу промышленіе; толико бо лѣтъ проводи съ всѣми языкы брань творя и біася, якоже не можаху хотящіи грады по извѣсту исписати, Александрова же дѣянія и добрав дѣла душа, тѣла его, и юже въ дѣлѣхъ его вазнь и мужество, се уже речемъ, начятокъ отъ рода его сътворше, и которого бѣ отца сынъ» и проч. Ср. въ Румянц. хронографѣ № 456 л. 132 обор.

Теми же словами начинается псевдо-Каллисеенъ въ издании Мюллера I, 1.

Αριστός μοι δοκεῖ γενέσται καὶ γενναιότατος Αλέξανδρος ὁ Μακεδών, ἰδίως πάντα ποιησάμενος, συνεργούσαν αύτῷ εύρων ἀεὶ ταῖς ἀρεταῖς τὴν πρόνοιαν τοσούτον γὰρ ἐν ἐκάστῳ τῶν ἐπῶν πολεμῶν καὶ μαχόμενος διήγαγε χρόνον, ὅσος οὐκ ἤρκει τοῖς βουλομένοις τὰς πόλεις ἀκριβῶς ἱστορῆσαι. Τὰς δὲ ᾿Αλεξάνδρου πράξεις καὶ τὰς ἀρετὰς τοῦ σώματος αὐτοῦ καὶ τῆς ψυχῆς, καὶ τὴν ἐν τοῖς ἔργοις εὐτυχίαν καὶ τὴν ἀνδρείαν ἤδη λέγομεν, τὴν ἀρχὴν ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ ποιούμενοι, καὶ τίνος πατρὸς ἡν υἱός κ. τ. λ.

Въ Погодинской рукописи XVI въка, заключающей «Лътописецъ Еллинскій и Римскій» или компиляцію изъ Амартола,
Малалы и другихъ писателей, снова вставлена длинная исторія
Александра, въроятно также псевдо-Каллисеенова (Врем. ів.
хсvіј.). Она есть и въ большей части хронографовъ, гдѣ помъщается рядомъ съ древними переводами Византійцевъ. Вопросъ
состоитъ теперь въ томъ, была ли исторія Александра вставлена
въ хронографъ Малалы Русскимъ составителемъ сборника въ

XV стольтів, или же она была в въ древныйшемъ подленникъ 1261 года? Принимать, что Александрія прибавлена къ хронографу еще Григоріемъ, переводчикомъ Малалы, — какъ сдълали нъкоторые изъ нашихъ ученыхъ, — нельзя безъ подтвержденія этого и другими фактами, кром'в соединенія Александріи съ Малалой въ рукописи XV въка. Судя по описанію, въ этомъ спискъ Малалы нътъ его собственнаго разсказа объ Александръ (р. 189-196 ed. Bonn.), вытосто чего вставлена исторія псевдо-Каллисоена; можно думать, что такой видъ текста находился и въ древитишемъ подлинникт, потому что, если мы не ошибаемся, и повдивитие хронографы не приводять этого места Малалы, постоянно выписывая псевдо-Каллисоена. Заметимъ также, что ивкоторыя вставки, какія есть въ Старославянскомъ переводв Малалы, принадлежать не переводчику, а находились безъ соменнія въ томъ Греческомъ текств, которымъ онъ пользовался, н гдв Малала былъ дополненъ и исправленъ по другимъ книгамъ и писателямъ. Таково напр. мъсто хронографа на л. 354 о Кесаръ Юліи, приписанное кн. Оболенскимъ Малалъ (ср. р. 215 ed. Bonn.), на самомъ же дъль взятое изъ «сокращенной хронографія» Іонля, напечатанной въ Нибуровскомъ изданія витесть съ Малалой (см. р. 24). По компиляторскому характеру Византійцевъ легко даже предположить, что псевдо-Каллисоенъ внесевъ быль въ Греческую летопись Малалы и виесте съ ней быль переведень пресвитеромь Григоріемъ.

Но если этотъ вопросъ еще теменъ, то съ другой стороны въть сомнъна въ томъ, что переводъ былъ не одинъ: только этимъ можно объяснить значительную разницу списковъ касательно самаго содержанія. Варіанты списковъ по языку в вообще по внъшности т. е. опущеніе въкоторыхъ мъстъ, раздъленіе на главы и т. п. могутъ быть объяснены легко, потому что пе ръдко зависъли только отъ писца; Русскія вставки опять были случайны, потому что, разъ появляясь въ рукописи, удерживались только въ тъхъ спискахъ, которые съ нея были сдъланы, тогда какъ въ другихъ прежнее чтеніе не нарушалось. Но въ нашихъ текстахъ, какъ и въ Греческихъ, находятся существенныя разночтенія, въ которыхъ одинъ и тотъ же фактъ передается различнымъ образомъ. Возьмемъ одинъ примъръ. По

кодексамъ, напечатаннымъ у Мюллера, убищею Филиппа называется или Фессаловинскій вельможа Павзанія, который совершилъ преступление въ театръ, и захваченный тотчасъ же Александромъ, былъ преданъ казни; или совершенно другое лицо, Анаксархъ, въ нашихъ редакціяхъ названный «царемъ Пелапольскимъ», — овъ послъ убійства похищаетъ Олимпіаду, но Александръ преследуетъ его съ войскомъ и побеждаетъ въ сраженія. Н'якоторые Греческіе списки соединяють оба разсказа. иначе, представляютъ Анаксарха и Павзанію однимъ лицемъ. Άναξαργος ὁ καὶ Παυσανίας = Анаксархъ, онъ же в Павзанія (Ps.-Call. 1,24. Müller xvj); но очевидно, что это соединение чисто виъшнее и поздивищее. Въ Латинской исторіи de preliis в у Юлія Валерія названъ только Павзанія; въ нашихъ редакпіяхъ пом'вщены оба разсказа, т. е. Павзанія и Анаксархъ раздъляются, и потому необходимо предположить два независимые перевода, въ основания которыхъ были Греческие списки, въ этомъ случав несходные. Совивстное существование обоихъ разсказовъ въ одномъ текстъ не имъло бы никакого смысла. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Александрія прибавлена къ Болгарскому переводу Малалы, и что языкъ ея въ этой редакпін носить скорве Болгарскіе, нежели Сербскіе признаки, то существование двухъ разныхъ переводовъ, Болгарскаго и Сербскаго, которыми воспользовались Русскіе переділыватели, становится вив всякаго сомивия. Быть можеть, переводы сделаны были и не одинъ разъ, но полнаго опредъленія ихъ отличій можно достигнуть только сличениемъ многихъ списковъ. Подобные варіанты встрівчаются и въ других в мівстах в Александрін, напр. въ описаніи похода въ Пису Олимпійскую, Италію и западную Европу, знакомства Александра съ Рахманами и пр., и наши редакців важны особенно тімъ, что многіе варіанты ихъ неизвъстны изъ Греческихъ списковъ и могутъ служить имъ дополненіемъ. Для опредъленія Славянскихъ редакцій «Александріи» особливо необходимо обратить вниманіе на древній переводъ Амартола, въ которомъ сказація объ Александръ, принадлежащія псевдо-Каллисоену, также нашля себъ мъсто; къ сожальнію, мы не имъли случая пользоваться рукописями Амартола.

- Сказанія объ Александрів или вносимы были въ хронографы. гав помвинались по хронологическому порядку событій, или ветовчаются въ сборникахъ и отдельныхъ рукописяхъ. Въ каждомъ значительномъ собранів рукописей находится по ніскольку списковъ исторіи; иные изъ нихъ написаны очень щеголевато, укращены виньстами и картинами. Въ Греческихъ нодексахъ исторія называется Βίβλος Άλεξάνδρου, какъ выше «книгы Ольксандръ», Βίος Άλεξανδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πράξεις. Καλλισθένης Ιστορεί Άλεξάνδρου πράξεις и т. п.; у насъ она имветь обыкновенно два отдельныя заглавія и родъ введенія, котораго недостаеть въ Греческихъспискахъ Мюллера; и то и другое приведено Востоковымъ въ описаніи Румянцовскихъ текстовъ. Въ Сербской рукописи, Румяни. № 175, исторія озаглавлена— сжитіе и последованіе достол'єпнимь члкомъ и воиномь оўстрыляющимсе на брани, еже убо чтити и разумъти и слишати блженнаго мужа пра Алексендра, како воева и како назвасе прь вь сей земли под солначной. Начнейь уже о рождении и о съмрти его». начин. «бисть великой премудрости и храбрости и крупости утвердившихсе» и пр. (см. Оп. Р. Муз. 217.). За предисловіемъ слідуетъ: «начнъмъ вбо й рожденіи Алезандрове», начин. «говоре снь Филиповь бити емб, но не ббли то, но Нектевана (sic) пра Египьтского снь есть», накъ у псевдо-Каллисоена: А πατώνται γάο πολλοί λέγοντες είναι αὐτὸν Φιλίππου τοῦ βασιλέως υξόν ὅπερ οὐχ αληθές, άλλα του Νεκτεναβώ κ. τ. λ. Βυ Ρυςских спискахъ заглавія приводятся н'есколько вначе; въ Толстовской рукописи Отд. 1, № 34 (по описавію, сост. Калайдовичемъ и Строевымъ М. 1825), означенной въ каталогъ Публичной Библіотеки въ Отл. XVII. F. № 8, написанной красивымъ полууставомъ XVII въка и украшенной почти 350 картинами, въ началъ прибавлена особая статья, «слово сказателно о велицемъ Іеремін пророце. о кончинъ его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Макидонскимъ отъ Египта въ Александрію» — имѣющая отношеніе къ самой исторіи; далье, л. 7 «Книга, глаголемая Александрія, полезно и честно слышати доброд телнаго мужа Александра великаго Макидонскаго царя, и како и откуду бысть и..... докол'в прівде: сихъ ради доброд'втелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася; подобаетъ же сего чтучи ра-

зумьти, и разумьющимъ сего воинствомъ и добредьтелемъ уподобитися» и пр.; затъмъ предисловіе, — нач. «бысть великов божіе промышленіе» и пр., — заключающее похвалу Александру Македонскому, и наконецъ новое заглавіе, «Сказаніе и хоженіе славнаго царя Александра великія Македоніи, наказаніе храбрымъ людемъ нынъшняго времени, чюдно и полезно слышати. аще кто хощеть послушати, повъсть творимъ о рождении и о храбрости его,» начин. «глаголють бо его быти сына царя Фидиппа, нъсть то тако, но ложь» и пр. (ср. Ps.-Call. 1,1.). Эти ваглавія варьируются въ большей части полныхъ списковъ Александрін (ср. Опис. Р. Муз. 755.). Карамзинъ приводить списокъ Александрін, занесенный въ Синод. Псковскую летопись, гле исторія названа такъ: «пов'єсть о храбрости Александра, царя Макидонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати—створивый есть Аріань, ученикъ Епиктита философа» (Кар. 5, пр. 427), но имя Арріана поставлено здісь по ошибкі: оно взято изъ самой исторіи, гат имя Арріана упомянуто также, какъ въ Греческомъ текстъ (Оп. Р. Муз. 756. Ps.-Call. p. 106). Въ началъ или серединъ исторіи у насъ прибавляется родословная царей, предшественниковъ Александра на Персидскомъ престоль; эта генеалогія взята изъ Византійских в хронографовъ. Собственныя имена очень испорчены: «Даріи Арсумуянинъ» Румянц. хронографа \mathcal{N} 456 есть конечно Δαρεῖος ὁ Άσσαλάμου Византійцевъ, напр. Малалы р. 193; Ксерксъ передълывается въ Криса или Кривса и т. п.

Укажемъ нѣкоторые списки Александріи въ отдѣльныхъ рукописяхъ и сборникахъ, не называя тѣхъ, какіе помѣщены во множествѣ хронографовъ:

- Миклошичъ упоминаетъ Сербскую рукопись Александріи XVI въка (см. Vergleich. Gram. d. Slaw. Spr. I, хііј); Шафарикъ называетъ Сербскую рукопись 1719 г. (Wiener Jahrb. d. Liter. 1831. Bd. 53. Anz. Bl. 49).
- Толст. списки XVII вѣва, въ сборникахъ, полные и совращенные, которые озаглавливаются «избраніе отъ хоженія Алексанара царя Макелонскаго»: Отл. 2, № 104 по катал. Публ. 6-ки Отл. XVII. Q. № 65. л. 245 314; 2, 175 Публ. 6-ки XVII. Q. 18, л. 517 539; 2, 187 л. 1 —

- 229; 2, 215 Публ. б-ки XVII. Q. 27, л. 202 300; 2, 366 Публ. б-ки XV. Q. 13 рукопись на 168 л.; 1, 110 исторія Александра и другіе отрывки, на Білорусскомъ нарічін, и др.
- Публ. б-ви XVII. О. 12 сборникъ XVII вѣва, гдѣ на л. 68 119 «повѣсть царя Александра Македонскаго храбраго».
- Царскаго № 309 (по каталогу, сост. Строевымъ. М. 1848) рись въроятно Александріи XVIII въка, съ картинками на каждой страницъ, на 140 л.; № 438 съ неполнымъ спискомъ л. 22 176; № 451 л. 88 242.
 - Б-ки Моск. Общ. Ист. и Древн. (по описанію Строева.
 М. 1845) № 71 и 223 списки поздніе.
 - Списовъ Александріи XVII вѣка, внесенный въ Разрядвую книгу, находится въ Парижской библіотекѣ; исторія Александра въ рукописи XVII в., принадлежащая Берлинской б-кѣ, въроятно заключаетъ также псевдо-Каллисоена (см. С. Строева, Оп. памятв., наход. внѣ Россіи, стр. 97, 124).

Въ рукописяхъ XVIII въка встръчается также исторія Адевсандра, Квинта Курція, которую списывали съ печатнаго изданія, выпледшаго при Петръ В., напр. б-ки М. Общ. № 120 и друг. — Отрывокъ изъ Александріи о походѣ въ Индію и на востокъ разсказанъ былъ Полевымъ въ Моск. Телеграфъ 1832. 11, 374 — 390 и 24, 558 — 575, но безъ всякихъ объясневій.

Большая извёстность Александрін въ старинной Русской литературіз прямо опредівляется большимъ количествомъ списковъ; изящество ніжоторыхъ рукописей исторіи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Имя Александра было знакомо у насъ издавна; еще Даніилъ Заточникъ желаетъ своему князю «силу Самсонову, храбрость Александрову»; впрочемъ літопись наша, приводя нісколько разъ извістное преданье о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, заимствуетъ его не изъ псевдо-Каллисоена, но изъ другаго источника. Преданіе въ первый разъ примінено у Нестора къ Половцамъ; даліве, разсказывая о дивномъ чудіз въ земліз Югры, літописецъ думаетъ, что тамъ были «людье, заклепеніи Александромъ Македоньскымъ царемъ», потому что, разсказываетъ онъ сходно съ псевдо-Каллисоеномъ,

Александръ «взиде на всточныя страны до моря, наричемое Соличе место, и виде ту человекы нечистыя..., то видевь Александръ убояся, еда како умножаться в осквернять зомлю, в загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія, и Богу повельно, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мъдяна, в помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сида есть: ни огнь можеть вжещи его, ни жельзо его приметь; въ последняя же дви.... изидуть и си скверній языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ». Наконепъ, это общензвъстное преданье отнесли еще къ одному темному народу, Татарамъ; всв лътописи, говоря о первомъ ихъ нашествін подъ 1223-24 год., упоминають о нихъ одними словами. Мы видели, что псевдо-Каллисоенъ не забылъ этого преданія (Ps.-Call. р. 138—139); но літописецъ нашъ заимствовалъ свой разсказъ у Меоодія Патарскаго, который приводить его также обстоятельно (см. Рус. Ист. Сб. 6, 154-156. Карамз. 2, пр. 64. Ps.-Call. p. 142—143). Меоодій Патарскій взялъ его или изъ псевдо-Каллисоена или скорве следовалъ здась болье основному преданію, которое внесено было в въ исторію Александра; мись о «нечистых» народахъ» имель обширную извъстность, даже у Мугаммеданъ, относившихъ его къ національному герою, Дзуль-Карненну, подвиги котораго смѣшивали съ подвигами Александра. Можно было бы ожидать, что летописецъ нашъ, говоря о народахъ заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллисоена, если бы дъйствительно Александрія наша была современна переводу Малалы, - потому что это преданіе очень тесно связано съ деяніями Александра; следовательно, называя Меоодія Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтение къ его авторитету, или же простое незнаніе Александріи, которая въ то время еще не появилась въ Русской письменности. Такъ или иначе, но это примънение разсказа о нечистыхъ народахъ къ событиямъ нашей исторія, объясняеть, почему Александрія могла найти сочувствіе у старинныхъ читателей: ея преданья касались того фантастического міра, въ которомъ искало себъ пищи народное воображение. Наши читатели съ особеннымъ интересомъ следили

за чудесными разсказеми исевдо-Каллисеена и принимали на въру то, что говорилъ онъ о необыкновенныхъ предметахъ, видънныхъ Александромъ; потому въ нашихъ редакціяхъ мионческая и мистическая сторона исторіи занимаетъ болъе видное мъсто, чъмъ въ редакціяхъ западныхъ, или даже тъхъ Византійскихъ текстахъ, которые изданы Мюллеромъ.

Общій характерь нашихъ передівлокъ остался тоть же, какъ въ ихъ источникъ, т. е. Византійскія изм'вненія исторіи прививались и у насъ. Въ Греческихъ редакціяхъ, какъ и въ другихъ, забывалось историческое значение Александра; уже давно этотъ герой представленъбылъ въ новой обстановкѣ, принадлежавшей жизни и понятіямъ христіанскимъ. Какъ будто олицетворяя вражду Грековъ съ вхъ вечными врагами на востоке, Александръ вооружается противъ народовъ языческих, дъйствуетъ по высшимъ опредъленіямъ, отличается уваженіемъ къ святынь, в смиренно признаетъ суетность своей славы. Византійскія редакців уже свльно проникнуты были этимъ элементомъ, такъ что нашимъ передълывателямъ псевдо-Каллисоена оставалось сохранить его Византійскіе оттънки, чтобы удовлетворить понятіямъ Русскихъ читателей. Правда, у насъ число вставокъ христіанскаго в баснословнаго характера значительнье и онв поливе развивають предметь, чемь изданные теперь Греческіе ` тексты, но этого нельзя приписывать только нашимъ передълкамъ; изданіе Мюллера, хотя в основано на позднихъ спискахъ, не вполит однако выражаетъ Византійскій видъ псевдо-Каллисоена, ясите выступающій въ Русскомъ переводъ. Въ этомъ последнемъ, напр., имя Александра соединено и съ преданьями объ основаніи Царяграда: мать Александра Олимпіада по смерти Филиппа вышла за цари Виза, отъ котораго Византія и получила свое названіе; въ другомъ случать разсказывается, что по завоеваніи Рима и всей Европы, Александръ отправился въ морское путешествіе и поручиль три тысячи ладей воевод'в Византу; самъ царь основаль при устьяхъ Нила городъ сво имя свое», Антіохъ построиль Антіохію, а Византь прибыль съ флотомъ своимъ «въ тъсноту Трахинскаго моря» и основалъ городъ Византію. Очевидно, что эта вставка, которой недостаетъ въ текстахъ Мюллера (Ps.-Call. 1, 31. 36), могла быть сочинена

только Византійцемъ, потому что для него только была витересна. Исторически извъстно, что Византія, хотя и соединенная съ именемъ Виза, основана еще въ половинъ седьмаго въка до Р. Х., а съ Филиппомъ и Александромъ была въ постоянной враждъ. Въ подобныхъ разсказахъ наши редакціи всего скоръе могли передавать только то, что было въ ихъ подлинникъ. Александру постоянно приписываются христіанскія понятія; нерѣдко онъ приноситъ молитвы Богу-Саваооу; его пребываніе въ Герусалимъ описывается съ любопытными подробностями. Въ последнемъ случае некоторые списки Александріи вставляютъ цълую статью о двънадцати камняхъ «иже на ефудь», принадлежащую Епифанію Кипрскому (περί τῶν δώδεκα λίβων); помъщенныя въ ней описанія камней и чудесныхъ свойствъ ихъ, получали видное мъсто въ старинныхъ азбуковникахъ, откуда переходили и въ область народныхъ знаній и новърій. Бесъды Александра съ рахманами и главнымъ ихъ мудрецомъ, который названъ игуменомъ, отличаются у насъ аскетическимъ направленіемъ; странствія его къ чудесамъ природы были завлекательны по своей таинственности; встръча Александра съ Горгоніей напоминала читателямъ другія мистическія преданія; на дальнемъ востокъ онъ доходилъ до рая и видълъ страну, гав мучились грешники; тамъ же видель онъ и двухъ колоссальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди.....

Но кромъ оттънковъ мистическихъ, сказанія объ Александръ давно уже принимали и историческія примъненія. Желая осмыслить для себя походъ Александра въ Скивію, Русскій, а можеть быть и Болгарскій передълыватель исторіи, назвалъ Скивовъ Куманами (Ps.-Call. 1, 23 пот.); также переведено это имя и въ другихъ мъстахъ — Куманы вступаютъ въ войско Александра и служать переводчиками (Ps.-Call. 1, 26 пот.). Самъ Александръ въ древнъйшихъ спискахъ назывался сыномъ «Поруна» великаго т. е. Юпитеръ Аммона; по рукописи XV-го въка, посланный Александра. Онизикратъ, пришедши къ Дандамію, учителю рахманъ, говоритъ ему: «радоуисъ, оучителю върахмановъ, снъ бжіи Пороуна велика, парь Александръ, еже есть всъмъ члкомъ въл ка, зоветь та» (Врем. 9, стр. хуі). Нътъ сомпънія, что подобныя замъны могли быть сдъланы только въ то время, когда

еще не быль затерянь смысль этихь древнихь имень; имя Куманъ уцвавло и въ последстви, но уже требовало объяснения; новый передълыватель помогъ этому недостатку, назвавши царя Куманъ — Тактамышемъ (въ другихъ спискахъ — Атламышь, Атымышь в пр.). Когда Тохтамышъ былъ убитъ въ сраженів, Александръ поставилъ Куманамъ другаго царя, именемъ Тура, «малъ убо возрастомъ бяше, но помысломъ и храбростію великъ». Замътимъ, что Греческій тексть не называеть Скиоскихъ царей; Латинская исторія de preliis и Юлій Валерій не упоминають о Скиоскомъ походъ. Другія подробности, вставленныя Русскими толкователями, иногла столько же замысловаты. Авторитетъ Александрін поддерживался тёмъ, что многіе разсказы и преданія повторялись въ другихъ уважаемыхъ сочиненіяхъ, каковы статьи Меоодія Патарскаго, Евсевія и др.; м'єстности, описанныя въ Александріи, отмічены были въ космографіяхъ, которыя упоминаютъ и «страну Муринскую», мнимую родину царицы Олимпіады, и стеклянныя горы подъ востокомъ солнца, куда , доходилъ Александръ Македонскій, и Макарійскіе острова, глф живутъ счастливые Рахмане, «нагіе, подъ самымъ востокомъ солица, — и царя у себя им нотъ, въруютъ же на небо въ Богу,..... одъваютца листвіемъ древянымъ, а питаются овощемъ, и жены и дъти имъютъ, а ризъ, и скота, и хлъба не имъютъ, ни градовъ, ни войны не имъютъ же» (Румянц. сбори. № 380, л. 84 — 90). Александрія дополнялась иногда изъ постороннихъ источниковъ: такъ въроятно прибавлена первая статья въ Толст. рукописи 1, 34; въ Румянц. спискѣ № 456, на обор. л. 167 находится любопытная вставка — «иное от липсаика о Рихъманехъ». Мудрые отвъты рахманъ на вопросы Александра переносили читателей въ кругъ ихъ собственныхъ загадокъ; имя Рахманъ было вставлено даже въ народныя сказанія (Архивъ, Калач. 2, 2, 45); въ одной сказкъ самому Александру приписывается изобрътение и первое разведение садовъ; въ другой разсказывается, какъ Александръ заключилъ въ горахъ Гога и Магога, и какъ они выйдутъ изъ горъ и опустошатъ землю (Kohl, Reis. in Südrussl. 1841. 1, 292): такимъ образомъ Александрія можетъ быть интересна и для изученія народныхъ преданій. Существенное значеніе ея состоить въ томъ, что она

74. 8AU. -- KH. IV. -- OTA. II.

была однимъ изъ главныхъ фактовъ того вдіянія, какое имѣлъ свѣтскій отдѣлъ Греческой литературы на письменность южно-Славянскую, а чрезъ нее и на древне-Русскую словесность.

.Меньшею извъстностью пользовались въ старину Троянскія сказанія, развившіяся особенно въ литературахъ Западной Европы, гат онт рано уже примкнули къ національнымъ преданіямъ. Такой примъръ поданъ былъ еще въ Энендъ Виргилія, которая миномъ о переселеніи Энея связала чужое произведеніе съ исторіей Рима; новъйшіе народы точно также относили свое начало къ Тров и въ Греческихъ сказаньяхъ находили свою первобытную исторію. Укоренившееся мивніе, что новыя національности, по отпоменіямъ политическимъ и образованію, составляютъ продолжение древняго Греко-Римскаго міра, способствовало распространенію Троянскихъ сказаній, въ которыхъ такимъ блестящимъ образомъ выразилась его героическая сторона. Между встми классическими минами, получившими сильное обращение въ средневъковую эпоху, сказанія Троянскія и исторія Александра встрътили самое теплое участіе. Въ половинь и концъ XI-го стольтія были написаны леонинскія стихотворенія de excidio Тгојае Бернардомъ Флёри и Гильдебертомъ Турскимъ; во второй половинъ XII-го явилась новая Иліада, а около 1161 года вышла знаменитая Histoire de la guerre de Troye съверно-Французскаго трувера Бенуа-де-Сен-Мора, сочинение котораго было существеннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ для Нъмецкихъ поэтовъ, передълывавшихъ Троянскій миоъ. Гораздо ранте воспользовались Троянскими сказаніями, чтобы объяснить происхожденіе разныхъ новыйшихъ народовъ отъ героевъ Троянской исторія.

Изв'єстное м'єсто Ипатьевской л'єтописи, гд'є по поводу коварства Изяслава л'єтописецъ восклицаетъ: «о лесть зла есть, яко же Омиро пишеть, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть; кто въ неи ходить, конець золъ пріиметь» (Ипат. 173),— м'єсто, которое могло бы подать поводъ къ заключенію объ изв'єстности у насъ Гомера, теряетъ свой авторитетъ уже потому, что такого изр'єченія вътъ въ текст иліады и Одиссеи. Это заключеніе было бы невозможно и въ случат достов'єрности изр'єченія, потому что главными источниками подобныхъ ци-

татъ у нашихъ летописцевъ и старинныхъ писателей служили сочиненія духовныхъ писателей или гномическіе сборники въ роль Пчелы. Не говоря теперь о мити ки. П. П. Вяземскаго, который открываеть тесную связь между Словомъ о Полку Игоревъ и гомерическими сказаніями о Троъ, замътимъ только, что извъстность Гомера въ средніе въка ограничивалась немногими Византійскими учеными, которые запимались объясненіемъ текста, а вывсто Гомера получили большой авторитетъ позднъйшія, иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, которыя въ одной передълкъ дошли в до Русской литературы. Стараясь схватить одну вившность въ содержаніи Троянскихъ сказаній, средвевівковые писатели всего охотиве обращались къ новышимъ баснословнымъ сочиненіямъ; если они не дорожили и Энеидой, то Гомеръ былъ извъстенъ только по имени. Содержание гомерическаго эпоса было такъ многозначительно, что уже древняя литература представила многія дополненія къ нему, порожденныя желаніемъ округлить эту великоліпную исторію; такъ Гомеръ дополненъ быль посредствомъ Κύπρια έπη, Иліадь предпослали какъ введеніе новыя поэмы, начинавшія съ путешествія Аргонавтовъ; послъ смерти Гектора, описывались битвы Грековъ съ Амазонками, Эсіопами, и окончательное разрушеніе Трои; Киклики разсказывали о возвращении Греческихъ героевъ въ отечество. Римская литература съ своей стороны принесла обильную дань Гомеру въ поэтическихъ и ученыхъ произведеніяхъ. Въ средніе въка, когда вопросъ касался Троянскихъ сказаній, древніе писатели уступали первенство Дарету и Диктису. Даретъ (Dares), которому приписывали очень извъстную въ средніе въка исторію паденія Трои, упоминается въ Иліадъ 5. 9. 10, какъ Троянскій жрець бога Ифеста. Эліань и другіе писатели положительно увъряють, что знали Фригійскую Иліаду Дарета, подъ которой надобно понимать какое нибудь подложное Греческое сочинение. Неизвъстный писатель временъ Константина воспользовался преданіемъ и составиль книгу de excidio Trojae; Латинскій переводъ приписанъ быль Корнелію Непоту, который въ приложенномъ къ книгъ, и также подложномъ, письмъ къ Сальюстію разсказываетъ, что нашелъ рукопись, писанную самимъ Даретомъ, въ Анинахъ, гдф этотъ последній пользовался будто бы гораздо большимъ уваженіемъ, чемъ самъ Гомеръ. Предполагаемое сочинение Дарета сдълалось въ средние въка однимъ изъглавныхъ источниковъ Троянскихъ сказаній, и было напечатано въ первый разъ s. l. et a. (1470) въ Кельнъ. Думаютъ однако, что извъстная теперь Даретова исторія не была переводомъ Греческой поэмы, упомянутой Эліаномъ, а скоръе сокращениемъ болъе общирнаго произведения; но полный Даретъ былъ безъ сомнънія извъстенъ въ средніе въка, потому что западныя Иліады, вірныя вообще Дарету, иногда отличаются отъ него большими подробностями, которыя трудно объяснить изъ другаго источника; и одинъ изъ знаменитъйшихъ передълывателей Троянскихъ сказаній, Гвидонъ де-Колумна, неръдко приводитъ цитаты изъ Дарета, не находящіяся въ извъстномъ теперь сокращении. Сочинение, приписанное Диктису, въ такой же степени недостовърно: въ предисловіи книги разсказывается, что Диктисъ, изъ острова Крита, извъстный спутникъ Идоменея, составилъ дневникъ Троянской войны; сочиненіе долго оставалось въ неизв'єстности; наконецъ при Неронъ землетрясение въ Критскомъ городъ Гноссъ, гдъ погребенъ быль Диктись, открыло могилу его, и пастухи увидели въ ней оловянный ящикъ, заключавшій въ себъ твореніе Диктиса; Грекъ Эвпраксидъ представилъ сочинение Нерону. Далье Кв. Септимій, предполагаемый авторъ Латвиской обработки, относимой къ началу IV-го въка по Р. Х., извъщаетъ, что онъ перевелъ эту книгу, въ которой Эвпраксидъ замѣнилъ только пуническія буквы подлинной рукописи буквами Греческаго алфавита. Первое изданіе Диктиса сдівлано было въ 1477 г. въ Миланв. Различныя мивнія ученых в по этому предмету собраны въ изданіи Смидса (Amstel. 1702): несомнѣнные грецизмы въ языкѣ, обнаруженные Перизоніемъ, показываютъ, что Латинскій Диктисъ дъйствительно былъ переведенъ съ потеряннаго теперь Греческаго подлинника; сочинение, обнимающее исторію войны и судьбу Греческихъ героевъ по возвращении изъ-подъ Трои, основано по превмуществу на Иліадь и обшириве книги Дарета. Если бы эта последняя и прежде была известна въ своемъ короткомъ видъ, то безъ сомитнія Диктисъ быль бы предпочтенъ

какъ источникъ поливищій; между тыть на двлів было не такъ. Диктисомъ воспользовались только въ конців его сказаній, т. е. именно тамъ, гдів онъ боліве неудовлетворителенъ.

Существование Греческого сочинения съ именемъ Диктиса подтверждается свидътельствомъ Византійца Малалы, который повторяеть исторію объ открытій его творенія при Неронів (р. 250); разные отрывки Диктиса сохранились и въ летописи Кедрина. Малала въ изложения Троянскихъ сказаний не разъ ссылается на то, καδώς ὁ σοφώτατος Δίκτυς ὁ ἐκ τῆς Κρήτης ὑπεμνημάτισε (р. 107): такъ, говоря о Поликсенъ, о Цирцеъ (р. 119), разсказывая о томъ, какъ Одиссей послъ кораблекрушенія былъ взять Финикіянами и отправленъ Идоменеемъ въ Итаку (р. 122), о возвращении героевъ изъ-подъ Трои (р. 132), объ Эгистъ, Орестъ и Клитемнестръ (р. 135), Малала постоянно указываетъ свой источникъ въ сочиненіи Диктиса, по которому вообще передалъ исторію Троянской войны (р. 107). Переводъ этого повъствованія Малалы, принадлежащій Х-му стольтію, есть въроятно древивній разсказъ о Троянскихъ событіяхъ, какой узнали Русскіе читатели; следовательно известность Диктиса дошла и до нашей древней словесности. Въ упомянутомъ архивномъ спискъ Малалы XV-го въка, Троянская исторія помъщена вследъ за книгою Руеи, съ особеннымъ заглавіемъ, неправильно къ ней отнесеннымъ (Врем. 9, стр. ххіх),- нач. «Въ лъто же Давида царствова въ Илиградъ, сиръчь въ Фругійстей странъ, Прінмъ, сынъ Лаомедонтовъ» и пр. Маl. р. 91. Έν δε τοίς χρόνοις τοῦ Δαβίδ έβασίλευσε τοῦ Ἰλίου, ἢτοι τῆς Φρυγῶν χώρας, Πρίαμος υξός Λαομέδοντος.... Какъ во всемъ переводъ, такъ и въ этомъ разсказъ старо-Славянское чтеніе неръдко полите извъстнаго Греческаго подлинника, какъ легко видъть, сравнивъ изданный Калайловичемъ отрывокъ (І. Экз. Б. 178 — 188) съ соответственнымъ Греческимъ текстомъ.

Любопытиве другое сказаніе, древній списокъ котораго относится къ половинь XIV-го стольтія. Это «повъсти о извъстованныи вещей — еже о кралехъ причя и о рож¹ени и пръбывани », помъщенныя въ Ватиканскомъ спискъ перевода Манассіи (Оп. Р. Муз. 385, № 269); притчи недостаетъ въ Патріаршемъ спискъ, который писанъ въ 1345 г. и въроятно нъсколько древиѣе

Ватиканскаго. Переводъ стихотворнаго хронографа Манассів относять къ XIV-му выку (Билярскій, О ср.-Болг. вокал. 5-6); названная повъсть помъщена въ Ватиканскомъ спискъ тотчасъ послѣ разсказа о Троянской войнѣ самаго Манассів, но къ сожальнію Румянц. копія Ватиканской рукописи прерывается на началь этого любопытнаго произведенія. Востоковъ называетъ его народною сказкой и говоритъ, что оно писано на простомъ Болгарскомъ или Сербскомъ наръчія XIV-го въка, которое значительно разнится отъ языка въ переводъ Манассіи. Повъсть начинается описаніемъ Троянской містности, затімъ идеть родословіе Троянскихъ царей до Пріама, разсказывается сонъ Гекубы и рождение Париса; исторія останавливается на его подвигахъ. Первымъ основателемъ Трои названъ «Пришедъ краль» или, быть можеть по опискв, «Пріндешь краль»; трудно сказать, кого понималь сочинитель подъ этимъ именемъ; по мижнію Востокова, оно могло быть Славянскимъ и составлено также, какъ слово оушидь или оушедь, въ смысль быглеца, въ Изборникь 1073 г. Троянскіе цари приведены въ такомъ порядків: Онлоуша Ilus, Ламеодонъ или Ламедонъ Laomedon, Шарикоуша Assaracus, Дарданоуша Dardanus, Тронлоуша или Троилоушь Troilus, Прымоушь или Прымоуша Priamus; впрочемы порядокъ невъренъ. Другіе собственныя имена передъланы вътомъ же родь, напр. Кашантоуша рька Xanthus и пр. вездь буква з замѣняется посредствомъ ш, а въ имени Париса и ж: Парижъ; по мнвнію Востокова, это обнаруживаеть Латинскій или вообще западный источникъ, которымъ руководствовался нашъ сказочникъ; имя Пріамовой жены, Іакоупа, ближе къ Латинскому Несива, нежели къ Греч. Ехаβη, и «Диевошь кордиа», не позванная на бракъ Пелея, также есть Лат. Discordia.

Въ сокращени, эта повъсть, вмъсть съ хроникой Манассів, вопла и въ поздвъйшіе хронографы. Въ Румянц. хронографь № 454 она помъщена 106-ю главой, подъ названіемъ «повъсть о созданіи и поплъненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидъ царъ Іудейстъмъ», нач. «бяще въ первая времена царь нъкій имянемъ Придъпь» и пр. Разсказъ идетъ въ томъ же порядкъ: царица Якама (такоупа, Несифа) не хотъла умертвить сына, какъ велълъ ей Пріамъ, и бросила

его вдали отъ города; пастырь овчій нашель ребенка, и онъ сталь отъ того называться Фарижь Пастыревичь; решая споръ между тремя женами «пророчицами», Фарижь присудиль золотое яблоко «Венуши госпожъ», которая за это открыла Фарижу его происхождение, и онъ возвратился къ отцу и пр. Имена остальных в героевъ или странно переделаны или заменены Славянскими: Улиссъ называется Урекшишь, но Діана — Велфшою, Ифигевія— Цвътаною. Любовытно, что въ построеніи города Пріану помогають «два діавола земленін», подъ которыми разумінотся Тебушь Phoebus, и Нептенабушь Neptunus (On. P. М. 743). Поздивишіе Русскіе тексты очевидно сохраняють многіе сабды древняго южно-Славянскаго подлинника. Происхожденіе этой повъсти довольно темно: въ содержаній ея нътъ особенных разнорвчій съ извъстными фактами; нътъ и національныхъ примъненій, кромъ нъсколькихъ неологизмовъ. Но оча важна, какъ любопытный намятникъ старинной литературной дъятельности: безъ сомивнія она была не переводомъ, а самостоятельным в пересказом в Троянской исторіи, сдаланным в на основанів Латинскаго вли вообще западнаго источника; возможности такого заимствованія нельзя отвергать уже и потому, что до сихъ поръ отношенія древней письменности Болгарской извъстны очень мало, а старинная формація собственныхъ именъ, напр. Фарижь витсто Парисъ, Полимнещерь витсто Полимнесторъ и т. п. не встръчается въ книжныхъ переводахъ съ Греческаго, и едва ли не показываетъ вліянія народной р'вчи. Въ старо-Славянской литературѣ могла отчасти проявляться такая любовь къ Троянскимъ сказаніямъ, какая была господствующею на Западъ; тамъ, какъ мы замътили, съ этимъ пристрастіемъ соединялись и движенія народнаго самолюбін, — писатели и поэты среднихъ въковъ хотъли въ Грекахъ и Троянахъ видъть родоначальниковъ своего племени. Григорій Турскій, Фредегаръ и другіе историки. Нъмецкая Kaiserchropik производить Франковъ отъ Троянъ; Іорнандъ производить отъ нихъ Готовъ, въ Эддв потомками Троянъ считаются Датчане; геневлогія Англійских в королей точно также была доведена до Троянскихъ витязей. Даже въ чисто-національныхъ сказаніяхъ вставлены были герои Греческіе и Троянскіе, или отъ нихъ происходившіе, напр. въ Нибелунгахъ, Вальтерѣ Аквитанскомъ, въ сѣверныхъ сагахъ. Имя Троянъ и Энея имѣло свою прелесть и для Славянскихъ писателей: извѣстны баснословныя генеалогіи Польскихъ лѣтописцевъ, по которымъ чистые Славяне оказывались потомками Римлянъ; для многихъ Греческихъ писателей Болгаре были прямыми наслѣдниками Оракійцевъ и Пеоновъ; такъ и Болгарскій переводчикъ Малалы замѣтилъ: «сіи Ахилеусъ имыи воя своя, иже нарицахуся тогда Муръмедонесъ, нынѣ Болгаре», представляя предковъ участниками Троянской борьбы.

O Дареть и Диктись см. Grässe, Lehrbuch einer allgem. Literär-Gesch. Dresd. u. Leipz. 1837—1854. 1, 1256—57;—J. Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen, übers. v. Liebrecht. Berlin 1851, 178—179;— Cholevius, Gesch. der deutschen Poësie nach ihren antiken Elementen. Leipz. 1854. 109 ff. Повъйшее изданіе Дарета и Диктиса гес. А. Dederich, Bonn 1835.

Рукописи повъсти о Троянскомъ созданів и поплъненіи встрвивногся безпрестанно въ хронографахъ, напр. Румянц. № 456, полууст. XVII в. л. 198—202 «повъсть о созданіи и плъненіи Троискомъ и о конечномъ разореніи еже бысть при Давиль царь Іюденскомъ», начин. «бяше въ первая времена царь въків именемъ Придешь» и пр.; въ скорописномъ хронографъ XVII в. № 459 л. 7—17 и пр.; мы пользовались третьимъ спискомъ, въ неполной рукописи хронографа, принадлежащей г. О., XVII въва. — Списки встръчаются и въ сборникахъ, напр. Толст. 2. 104, или по каталогу Публ. б-ки XVII. Q. 65 изъ XVII въва, л. 314—337 съ тъмъ же заглавіемъ, и друг.

Въ сборникахъ и хронографахъ XVII стольтія встрьчается и Русскій переводъ знаменитой Троянской исторіи Гвидона де-Колумны. Основнымъ источникомъ ея были Даретъ и Диктисъ; ими пользовался еще прежде Бенуа де-Сенъ-Моръ; Англійскій монахъ Іосифъ Iscanus или Devonius, который ѣздилъ на востокъ съ Ричардомъ Львиное-Сердце и воспьлъ его подвиги въ «Антіохендь», написалъ гекзаметрами 1. sex de bello Trojano, по Дарету; трудъ Гвидона былъ новой самостоятельной варіаціей этого содержанія, и по своей связи съ другими обработками Троянскихъ сказаній играетъ важную роль въ ихъ исторіи. Гвидо де-Колумна или Колонна былъ родомъ изъ Мессины; въ

1262-1272 г. онъ предпринялъ свой трудъ по просъбъ архіепископа Салернскаго, но въ 1273 отправился съ королемъ Эдуардомъ, возвращавшимся изъ крестоваго похода, въ Англію, гдф составилъ и сколько, впрочемъ неизвестныхъ, сочиненій объ Англійской исторін; воротившись года черезъ три въ Мессину, онъ снова принялся за свою работу и окончилъ ее въ 1287 г. Сочинение въ большей части манускриптовъ называется Historia de bello Trojano, и начинаетъ съ похода Аргонавтовъ и перваго разрушенія Лаомедонтова города Язономъ и Геркулесомъ. Новая Троя, основанная Пріамомъ, была осаждаема десять льтъ и наконецъ предана Антеноромъ и Энеемъ, которые указали Грекамъ средство ввести въ городъ роковаго коня; затъмъ разсказаны приключенія Греческихъ героевъ по возвращеніи изъподъ Трои. Какъ вообще въ средніе въка пренебрегали Гомеромъ, едва зная его по имени, такъ и Гвидонъ объясняетъ въ предисловіи, что не пользовался Гомеромъ, который жотя и славился въ свое время у Грековъ (suis diebus maximae auctoritatis Homerus apud Graecos), но скрылъ настоящую истину событія. выдумывая чего не было и передавая иначе то, что было, потому что, продолжаетъ онъ, Гомеръ вводитъ языческихъ боговъ, которые будто бы сражались въ битвахъ, какъ живые люди. Чтобы избѣжать неправдоподобности и представить разсказъ о войнъ безъ ложныхъ прибавленій — «особенно для тъхъ, кто занимается грамматикой», — Гвидонъ обратился къ Дарету и Диктису, какъ очевидцамъ и несомивинымъ историкамъ Троянской осады. Виргилій и Овидій подверглись тому же невыгодному отзыву. Несмотря на то, мнимая достовърность не помъшала Гвидону обстановить свою исторію богатыми украшеніями романтического эпоса. Средневъковые поэты вообще получали готовые факты у Дарета в Диктиса, но передавали ихъ такъ, какъ они представлялись ихъ собственной фантазіи. Гвидонъ меньше другихъ увлекался желаніемъ изукрасить описываемыя событія, тъмъ не менъе у него Троянская война получила колоритъ романтическій: Ахиллесъ и Гекторъ изображены совершенными паладинами; Иліонскія стъны построены изъ мрамора, и дворецъ Пріама великолідень, какъ волшебные замки рыцарскихъ романовъ.

Изложение Гвидона имъетъ вообще свои достоинства; онъ не столько, какъ другіе, поражаеть анахронизмами и ошибками географическими, старается о группировив событий и последовательности разсказа, который постоянно снабжаеть правственными замъчаніями. Онъ разсуждаетъ о легкомыслів женщинъ, объ испорченности жрецовъ, вътренности молодежи въ танцахъ и пр. Все сочинение приводится къ мысли, что величайшія событія часто бывають вызваны незначительными случаями, и что по этому властители должны умърять порывысво его характера и страстей. Лаомедонтъ оскорбилъ Аргонавтовъ, и за этимъ последовало разрушение первой Трои и похищение Гезіоны; когда Пріамъ требовалъ назадъ свою сестру, отказъ Грековъ подаль поводъ къ похищению Елены; эта невъжливость повлекла величайшіе перевороты: разрушеніе прекраснаго города, смерть тысячи людей и бъдствіе вдовъ и сиротъ. Изъ этого несчастія произошли однако благодътельные плоды, потому что далекія страны были заселены Троянскими выходцами: Брутъ отправился въ Британію, Франкъ во Францію, Антеноръ въ Венецію, Сиканъ или Сикулъ въ Сицилію и Тусцію, Эней основался въ. Италів и пр. Троянская война изображается у Гвидона и современныхъему поэтовъ, какъ цълое переселение народовъ, и была не только споромъ Греціи и Трои, но и борьбою частей свыта, потому что за Грековъ стоить вся Европа и Африка, сторону Пріама взяла Азія. Уже Гвидонъ упоминаетъ о Персахъ я Каровгенянахъ; его Троя, съ высокими стънами, величественными дворцами и башнями, кажется вторымъ Константинополемъ и служить представительницей всей Азін. Какъ далеко зашло наконецъ это возвеличение Троянской войны, можно видъть изъ поэмы Конрада Вюрцбургскаго, Намецкаго поэта XIII вака; онъ пересчитываеть при этомъ случат, что на Троянское побояще выставили свои войска также Венгрія, Россія, Данія, Англія, Норвегія, Испанія и пр., а Нізмецкіе рыцари, какъ и сліздуеть ожидать, одержали тамъ верхъ надъ всеми другими. Заметимъ и странное произведеніе, написанное въ XV стольтій по поводу взятія Константинополя Турками: Florentini Turonensis Carmen de destructione Constantinopolitana s. de ultione Trojanorum contra Graecos (Paris. s. a. = 1496), гдв, какъ видио изъ заглавія, ненависть Турокъ противъ Грековъ объясняется какъ продолженіе вражды Троянской. Другое сближеніе слілано было въ Русской пов'єсти XV в'єка о созданіи и взятіи Царяграда: говоря о Троядів, глів Константинъ хотіль прежде основать свою столицу, и гді «всемірная поб'єда бысть Грекомъ надъ Фряги», авторъ ея думаль о битвів Троянской, и случайно или съ нам'єреніемъ сміналь Фряговъ Латинцевъ съ Фригами - Троянами (Срезневскаго, Пов. о Царегр. 28), считая Грековъ поб'єдителями тіхъ и другихъ: это недоразумівніе очень любопытно.

Сочинение Гвидона Мессинскаго скоро разошлось по всей Западной Европъ. Латинскій подлинникъ его изданъ былъ въ первый разъ s. l. et a., а по Брюне первымъ изданіемъ была Ніstoria Troyana prosayce composita, Col. 1477. Прежде всего явилось ивсколько Итальянскихъ переводовъ, въ первой половинв XIV въка; одинъ изъ нихъ напечатанъ 1481 г. въ Венеціи. Французскій переводъ La destruction de Troye вышель также очень давно; Испанскій въ Толедо 1512, Кастильское переложеніе въ Мединъ 1587. Нъмецкое издание Hie vahet sich an die köstlich hystori die da sagt von der erstörung der edeln auch allergrösten statt Troia. wölche Hystori gründtlich beschrieben haben die hochgelehrten meyster, herr Dares von Troya, auch herr Humerus von Kriechen vnd ander meyster, — напечатанное s. l. et a., относятъ къ 1474 г. (Augsb.), а самый переводъ къ концу XIV въка; въ 1479 г. вышло Голландское изданіе. Однимъ изъ самыхъ старыхъ изданій книги Гвидона было Чешское; переводъ относится къ началу XV въка, и книга напечатана, въроятно въ Пьльзенъ, вскоръ по изобрътени книгопечатания: Добровский относилъ ее къ 1476 г., считая упомянутый въ ней 1468 г. временемъ оригинальной рукописи (Gesch. der Böhm. Spr. 155, 309); однако Юнгманъ и другіе оспаривали это мижніе и полагають 1468 годомъ изданія (Jungmann, Hist. 65—66); въ 1488 появилось уже второе Чешское изданіе Троянской исторія. Существоваль ли полный переводъ Гвидона на Польскомъ языкв. трудно сказать положительно; сокращение его книги приведено въ хроникъ Бъльскаго.

Русскій переводъ конечно не древнѣе XVII вѣка, какъ можно судить изъ языка и изъ того, что повъсть не встрычается раць-

ше этого времени; къ тому же заключенію приводить и значительная безцвътность перевода, какую вообще неръдко можно найти въ литературѣ XVII стольтія. Повъсть замѣняеть иногла въ хронографахъ упомянутую исторію «о созданіи и поплівненіи Тройскомъ»; такъ переводъ Гвидона помѣщенъ въ Румянц. хронограф XVII въка, № 457 л. 296 подъ заглавіемъ «повъсть о прствъ Троянскомъ и о конечномъ разореніи его, сие бысть во дни Дёда цря»; сначала вступленіе, за которымъ л. 297 начинается и самое сочиненіе «кига глглемам Тром. ю Пелфе цри Тесалинскомъ, како посла брата своего Езона добыти златое руно» и пр., въ 56 главахъ. Передавая названія главъ, Русскій писецъ или переводчикъ выражался, можетъ быть по привычкъ, такимъ образомъ — «о силномъ ц ревиче и храбромъ витязе о Екторе, и колко Греческихъ црей оуби», что припоминало ему свои исторіи о храбрыхъ витязяхъ и царевичахъ (Оп. Р. М. 763). Въ другомъ Румянц. хронографъ XVII в. № 458 Троянская исторія Колумны находится въ сокращенів по хроникъ Бъльскаго: «w златомъ рвиъ волшебнаго wвна», начин. «въ лъта w Адама "год прі Авдонт судін во Изранли, пртвоваль на востоцт Атанасъ царь» (Опис. 773). Таже короткая редакція находится и въ другихъ хронографахъ, напр. Толст. 1.325, Публ. б-ки IV. F. 90, исторія о златомъ рунт волшебнаго овна помъщена 24-ю главою сборника, и начинается тымъ же: «въ льто отъ Адама гоз при Авдоніи судін, иже во Изранли, парьствоваль на востоцѣ Атанасъ царь, царицу имѣя Нефилію, и родила ему сына именемъ Фрика, да дщерь Елену — т. е. Геллу, — и та у него царица Нефилія умре, и потомъ взялъ другую жену» и пр. Второе отдъление сокращенной редакци озаглавлено здъсь «о восхищеніи златаго руна и о градъ Мидіи», далье «о брани Трояновъ со Греки и о разореніи его (sic) и о Еркулесѣ храбромъ и о девице и о зміи»; наконецъ «о созданіи града Трои, по разореніи перьваго града, и о конечномъ разореніи и о плѣненіи его при Давидъ царъ Іюдейстъмъ» (начин. «по смерти же Лаомедонта царя нача царствовати въ Троянскомъ государствъ сынъ его Пріямъ, и совътуя раскопанныя грады сооружити» и пр.)

Отдѣльно списки Гвидона встрѣчаются рѣдко. Въ Погодинскомъ соорникѣ сказочнаго состава, № 1772 по описи, при-

надлежащемъ нынв Публичной б-кв, на л. 1 — 96 находится эта Троянская исторія подъ заглавіемъ: «начало предисловію на исторію разоренія Трои, списано судією Гвидономъ де Колумна Мессаниъйскимъ (sic?), нынъ же первое написаніе о Вельи (т. е. Пелви) цари Теосомискомъ (sic) приводяща Езона да ся пошлетъ дабыти златое руно» т. e. Jncipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem, какъ начато первопечатное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднъйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помъщенный здась въ дурномъ списка переводъ не соотватствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подъ руками (Argent. 1489.), и много короче его Главы Русскаго перевода после заглавія идуть въ такомъ порядкі: л. 6 «о Меди, како любовію Азововою уязвися», л. 10 «о Мединине наказаніи Азона и о златорунной брани и о врачевани на волы и на змію, дълаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «(о) наказанів Мединин в ко Азону о златорунномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Азонъ приступи къ златому руну по наученію Медіину», л. 18 «о разореніи первые Троянского царства отъ Азона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златаго руна» и пр.; въ Латинскомъ оригиналъ послъ пролога сабдуетъ 2-я глава — Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum, 3-s de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis, 4-я de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit, 5-я de Medea instruente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis, 6-s qualiter Jason accessit ad aureum vellus, 7-n de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem и т. д.

При Петрѣ В., который старался пріохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода нерѣдко очень вѣрно угадывалъ вкусъ нашихъ читателей, Троянская исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подъ заглавіемъ: «Історіа въ неї же пішетъ, о разоренії града трої фрігіїскаго царства, ї о созданії его ї о велікіхъ ополчітелныхъ бранехъ, како ратовашася о неї царіе ї князі вселенныя, ї чего раді толіко ї таковое царство троянскіхъ державцовъ ніз-

вержеся, і въ поль запустынія положіся» и т. д. За тымъ въ заглавін следуєть похвала Дату-Греку и Фригію-Дарію, т. е. Диктису и Дарету, а Омиръ, Виргилій и Овидій Соломенскій т. e. Sulmonensis отвергаются «многія бо въ ніхъ несогласія І басні обрътошася». Далье — «напечатана же славенскі повельніемъ царскаго Велічества въ типографії Московскої Лета Госполня 1709-го въ мъсяць Іюнії», 8° 479 стр. Сльдующія паданія—1712. 1717, 1760... 1785. 1791. 1817— сдівланы были почти безъ перемънъ, но въ последнихъ заглавіе выписывалось короче. Количество изданій само говорить объ успаха книги; но кромъ того она появилась и въ другомъ видъ, именно въ переводъ на Русскій языкъ, подъ названіемъ «Исторія о разоренін Трои, столичнаго города Фригійскаго царства, - переведенная съ Греческаго на Славенскій языкъ, а нынѣ съ онаго вновь переложенная на чистый Россійскій Иваномъ Михайловичемъ». М. 1791 — 92 и друг. Мы встретимся еще разъ съ этимъ Михайловымъ, передълывателемъ старинныхъ Славянскихъ произведеній. Всть эти изданія показывають общирную извъстность вниги, которая въроятно и до сихъ поръ услаждаетъ досуги извъстнаго разряда читателей.

Booome o Гвидонв де-Колумна см. Grässe, Sagenkreise 116—120;— Liebrecht's Dunlop 179—180;—Cholerius, Gesch. d. deutsch. Poes. 101, 126 ff.;—Brunet, Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Brux. 1838. 1,573—574.

- Особенную, не встръчавшуюся намъ, Троянскую исторію указываетъ г. Строевъ въб-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древи.

 № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII въка, тойже б-ки, № 286 л. 266 320, глава 401 «повъстъ велми полезна и дивна и прензящна о Троянскомъ царствъ, еже бъ во Еллинъхъ, како создася и како разорися для прекрасныя царицы Елены», въ двухъ частяхъ, въ первой 6, во второй 55 главъ; можетъ быть таже исторія Гвидона.
- Въ рукописяхъ XVIII въка находятся и простые списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Таковы: Тодст. 5, 39 рукопись 1771 года, Царскаго № 693, Б-ки Моск. Общества № 88 списокъ 1743 г., сдъданный съ изданія 1717, и друг.

II.

«Сынагрыпъ, царь Адоровъ и Наливскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и одной почи. — «Дъяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человъкъ». — Сказаніе о Индъйскомъ царствъ и пресвитеръ Іоаннъ. — Слово о полку Игоревъ.

Мы остановимся теперь на другихъ произведеніяхъ древняго періода, которыя принадлежать тому же Византійскому источнику, но отличаются от в Александріи и сказаній Троянскихъ темъ, что выходять изъ ряда историческихъ сюжетовъ и относятся уже чисто въ области фантазів. Ихъ немного, но безъ сомивнія только потому, что немного сохранилось, а не потому, что столько же было ихъ и прежде. Это одни изълюбопытивишихъ памятниковъ древней свътской литературы; несмотря на ихъ чужое происхожденіе, въ нихъ отразилось много той свіжести, какая часто поражаеть въ древийшихъ памятинкахъ нашихъ, и какая становится болфе и болфе редкою въ книжныхъ произведенияхъ поздней письменности. Одинъ изъ этихъ памятниковъ есть сказка изъ Тысячи и одной ночи въ древнемъ Русскомъ или втрите южно-Славянскомъ переводт, которая занесена была между прочимъ въ замѣчательный сборникъ XIV или XV въка, сохранившій намъ Слово о полку Игоревъ. Она помъщена была въ сборникъ четвертою статьею, передъ самымъ Словомъ, и озаглавлена «Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны». Первый издатель Слова сообщиль очень короткое извъстіе о содержаній рукописи; въ последствій, этотъ недостатокъ быль ифсколько исправлень Карамзинымъ, который поместиль немногіе отрывки изъ сборника въ примічаніяхъ къ своей исторіи. Сборникъ принадлежалъ къ разряду хронографическихъ, и кромф того заключалъ нфсколько статей сказочнаго или чисто-литературнаго характера; легко оценить важность сборника, вспомнивъ, какъ вообще мало подобныхъ рукописей и болтье поздней эпохи сохранилось до нашего времени; иткоторыя статьи его считались до сихъ поръ окончательно потерянными. Впрочемъ сказаніе о Синагрипъ не принадлежитъ къ ихъ

числу, потому что нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ XVII в XVIII вѣка; оно извѣстно теперь въ двухъ главныхъ редакціяхъ: одна — древнѣйшая, подходящая къ описанной Карамзинымъ, другая — поздняя, отличная и по заглавію и отчасти по содержанію. Въ этомъ послѣднемъ видѣ, повѣсть называется «Слово о Акирѣ», «Сказаніе о премудромъ Акирѣ и сынѣ его Анаданѣ» и т. п., по именамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Источникъ Слова указанъ былъ Карамзинымъ по Казоттову продолженію перевода Тысяча и одной ночи, начатаго Галланомъ (Nouveaux contes arabes ou supplém. aux Mille et une nuits etc. par M. l'abbé ***. Paris 1788, 4 t.), гдв во второмъ томв помъщена «исторія Синкариба и двухъ его визирей». Но сравненіе нашей сказки съ Казоттовымъ текстомъ не могло бы привести ни къ какимъ точнымъ выводамъ, если бы нужно было опредълить отношение нашего Слова къ его прототипу; потому что Казоттъ, не имъя достаточнаго знанія восточныхъ языковъ, чрезвычайно невърно передавалъ восточные разсказы, и, что еще хуже, украшаль ихъ цвътами собственной фантазіи и прибавлялъ, чего не было въ подлинникъ. Гаммеръ не считалъ даже книги Казотта переводомъ Тысячи и одной ночи; исторію Синкариба онъ исключалъ однако изъ числа разсказовъ, которые принималъ за собственное сочинение Казотта (ср. Наттег, Der T. und ein. Nacht noch nicht übers. Mährch., Erzähl. u. Anekd.; deutsch v. Zinserling. St. u. Tüb. 1823. 1, xxvij. xlvij). Ilocatдующія открытія оправдали нісколько Казотта, потому что повъсти его найдены были въ Арабскихъ и Персидскихъ рукописяхъ учеными Росселемъ и Скоттомъ, а Коссенъ-де-Персеваль нашель и самую рукопись Парижской библіотеки, служившую для него оригиналомъ. Коссевъ-де-Персеваль издалъ новый переводъ, какъ другое продолжение Галланова: Les Mille et une nuits, trad. par M. Galland, cont. par M. Caussin de Perceval (Paris 1806. 9 t.), гдт наша повъсть находится въ осьмомъ томъ, подъ заглавіемъ-исторія мудраго Гейкара. Послѣ него сказка о Синкарибъ или Гейкаръ переведена была снова (Le sage Heycar. Conte trad. de l'arabe par Agoub. Paris 1824), и эта послъдняя передача, по отзывамъ спеціалистовъ, гораздо удовлетворительные прежнихъ. Мы пользовались ею въ прекрасномъ издапін Габихта, ф.-д.-Гагева и Шалля, гдв сказка занимаєть 561—568 ночи (Taus. und eine Nacht. arab. Erzählungen. 2-te Ausg. Breslau 1827 13, 86—126).

Содержаніе нашего Слова очень сходно съ текстомъ въ изданіи Габихта, и расходится съ нимъ только въ некоторыхъ подробностяхъ. Въ сказкъ Тысячи и одной ночи исторія передана следующимъ образомъ. Гейкаръ былъ первымъ министромъ Сенхариба, царя Аравіи (или Ассура) и Ниневін; онъ славился могуществомъ, познаніями и мудростью, но не быль счастливъ, потому что у него не было детей. Напрасно онъ взялъ себъ шесть десять жень, надежды его не исполнялись, и Гейкарь, по опредъленію неба, усыновиль племянника своего Надана. Гейкаръ выбралъ для него восемь кормилицъ, и когда ребенокъ выросъ, самъ Гейкаръ началъ учить его «чтенію, грамматикъ, морали и житейской философія»; онъ представилъ наконецъ Надана царю, какъ своего преемника, и потомъ въ теченіе многихъ дней и ночей дълалъ Надану нравственныя и политическія паставленія. Мы не будемъ передавать ихъ, потому что онъ не точно переведены у Габихта и несходны съ поученіемъ нашего Слова. Сдълавшись самъ правителемъ, Наданъ возгордился и не уважаль своего благод втеля; оскорбленный Гейкарь отдаль свой домъ его меньшему брату. Наданъ решился отомстить мудрому Гейкару: онъ написалъ отъ имени его подложныя письма къ царямъ Персидскому и Египетскому, гдф Гейкаръ объщаль предать имъ безъ боя владънія Сенхариба, въ долинъ Башринъ; письма запечатаны были печатью стараго министра и подкинуты во дворцѣ. Въ тоже время Наданъ отъ имени царя вельлъ Гейкару собрать войска въ той же долинь, потому что Сенхарибъ желалъ будто показать ихъ послу Египетскаго фараона. Царь изумился, прочитавъ подкинутое письмо, но по совъту Надана отправился на означенное мъсто, чтобы убъдиться въ измѣнѣ Гейкара; онъ увидѣлъ собранныя войска и съ ужасомъ возвратился во дворецъ. Гейкаръ, приведенный къ царю, поняль коварство Надана, но пораженный его неблагодарностью, не могъ скавать ни слова въ свое оправдание. Сенхарибъ осудилъ его на смерть; но исполнитель казни, Абу-Сомейка, обязанный Гейкару, далъ ему средство спастись отъ казии. Гейкаръ

74. 340. — KM. IV. — OTA. N.

поселнася въ потаенной комнатъ своего дворца; Наданъ оскорблялъ его беззащитную жену.

Молва о смерти Гейкара распространилась, и Египетскій фараонъ прислалъ Сенхарибу надменное требование — прислать въ Египетъ архитектора, который бы выстроилъ дворецъ между небомъ в землей и могъ отгадать загадки фараона; за то последній обещаль Сенхарибу трехлетнюю подать Египта; въ противномъ случать Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехльтніе доходы Ассирів. Ни одинъ изъ совытниковъ царя не зналъ, что делать; Сенхарибъ вспомиилъ прежияго мудраго министра и предался неутъщной горести; тогда Абу-Сомейка открываеть ему спасеніе Гейкара. Обрадованный царь возвратиль Гейкару свою милость и просиль его помощи; Гейкарь потребоваль сорокь дней на приготовление къ путеществио въ Египетъ. Онъ велель довчимъ своимъ поймать двухъ сильныхъ орловъ, прикрѣпилъ къ нимъ два ящика изъ легкаго дерева и шелковыя веревки длиною въ двъ тысячи локтей, и пріучиль орловъ летать, съ посаженными въ ящики мальчиками, во всю дляну веревки; на воздухѣ мальчики должны были кричать, что имъ было приказано. Послѣ того Гейкаръ отправился въ Египетъ, подъ именемъ Абимакама; онъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе фараона мудрыми отвітами. Когда онъ явидся однажды къ царю, фараонъ одъть быль въ порфиру, и спросиль Гейкара, съ чемъ сравнить онъ его и вельможъ двора его; Гейкаръ уподобилъ его изображенію божества, а придворныхъ поклонникамъ. На другое утро царь од втъ былъ въ красное платье, а вельможи въ бълое: Гейкаръ сравнилъ его съ солицемъ, а вельможъ съ лучами солица. На третій день Гейкаръ сравниль его со дуной, а вельможъ съ звіздами; наконецъ, когда фараонъ надълъ красную одежду, а вельможи разноцвътныя платья, мудренъ уподобилъ его мъсяцу низанъ (апръль), а придворныхъ цветамъ, которые онъ производитъ. Когда же фараонъ спросиль, съ чемъ сравнить онъ своего государя, - Гейкаръ потребовалъ сперва, чтобы фараонъ сошелъ съ престола, когда онъ будеть говорить о своемъ поведитель, и потомъ сказаль, что вътъ царя могуществениъе Сенхариба: онъ повелятъ, и солюце не распространяеть лучей свовкъ, масяцъ и звазды останавли-

ваются въ теченін, -- онъ даетъ знакъ, и буря и ураганы срываются на землю, уничтожаютъ мъсяцъ низанъ и разносять его цвъты. Фараонъ догадался, что такіе мудрые отвъты можетъ дать только Гейкаръ, но потребовалъ исполненія главной задачи. Когда Египтяне собрали матеріялы для зданія, Гейкаръ пустиль орловъ съ мальчиками; поднявшись высоко на воздухъ, мальчики кричали: «несите же намъ камней, извести и цемента, строить дворецъ фараону; мы только этого и дожидаемся. Скоръе, работники! цълый часъ мы все еще съ пустыми руками; странно оставлять насъ такъ долго безъ дела!»,... а люди Геіікара стали бить оторошъвшихъ Египтянъ, требуя, чтобы они несли мальчикамъ нужные матеріялы. Фараонъ отказался отъ воздушнаго дворца и предложилъ другую загадку: что это ва конь у твоего повелителя — когда онъ ржетъ въ Ниневін, то очень пугаетъ моихъ кобылицъ? Гейкаръ скоро объщаль дать ответь и, примедши домой, началь жестоко бить кошку, такъ что сосёди сказали объ этомъ царю. На вопросъ фараона, зачьмь онь быеть беззащитное животное. Гейкарь сказаль: «оно виновиће, чемъ вы думаете; мой повелитель Сенхарибъ подарилъ мић прекраснаго, съ звонкимъ голосомъ пѣтуха, который безъ устали распъвалъ во всъ часы дня и ночи; кошка, которую я теперь наказываю, сбъгала въ прошлую ночь въ Ниневію и задушила его». — Какъ же можетъ это быть, спросиль фараонъ, отъ моей столицы до Ниневін 360 миль? -- «Если вы это знаете, сказаль Гейкарь, какимь же образомъ слышно адфсь ржаніе коня, который стоить въ Ниневіи»?... Гейкаръ отгадаль и друвія загадки. Фараонъ призналь себя побъжденнымъ, даль трехлътніе доходы своей страны, наградиль щедро Гейкара и заключиль дружбу съ Сенхарибомъ. Гейкаръ былъ милостиво принять своимъ повелителемъ; Абу-Сомейка быль снова награжденъ по просьбъ Гейкара; Наданъ отданъ былъ въ полную власть оскорбленнаго отца. Гейкаръ заключиль его въ мрачную тюрьму, и посъщая его, каждый разъ осыпаль упреками за неблагодарность и испорченность сердца: Наданъ мучился угрызеніями совъсти и умерь ужасною смертью. «Судьба преступваго Надана, сказано въ заключения Арабской сказки, оправдываеть ввиную истину: наказаміе всегда идеть *за преступленіемъ, и кто конаетъ яму брату своему, падаетъ аъ нее самъ».

Въ книгъ Шави и Казотта сказка очень растянута: въ Русскомъ переводъ прошедшаго стольтія, напечатанномъ довольно уютно, она занимаетъ около ста страницъ (Продолжение Т. и о. ночи. М. 1794—95. 4, 1—96). Есть и значительные варіанты: вводится жена Гейкара, будто бы тетна Сенхариба, которая принимаетъ діятельное участіе въ ділахъ мужа, іздеть съ нимъ въ Египетъ, гдъ ее принимаютъ за волшебницу и пр., чего нътъ ни въ Русскомъ старинномъ сказаніи, ни въ тексть Габихта, и исключение женщины вовсе не принадлежить Русской передалкъ, какъ думалъ, кажется, Полевой. Отъ растянутости Казоттова перевода, сказка потеряла много живости и эффектности; многое измѣнено, напр. Абу-Сомейка не играетъ важной роли, потому что спасеніе Гейкара устроено женой его; Наданъ, по Казотту, умеръ повъсившись на волосахъ, чего вовсе нътъ у Габихта. Вообще наше сказаніе въ объяхъ редакціяхъ гораздо ближе къ этому последнему.

Но прежде чтыт займенся опредълением Русских в редакцій, сообщимъ некоторыя подробности изъ внешней исторіи этой замѣчательной сказки. Уже Французскій переводчикъ «мудраго Гейкара» замѣтилъ, что исторія его во многомъ сходна съ біографіей Езопа, какъ разсказываеть ее Планудъ. Сходство действительно очень велико и несомивнию доказываеть, что одинъ разсказъ служилъ прототипомъ другаго: біографія Езопа въ томъ месть, где сближается она со сказкой Тысачи и одной ночи, составляетъ почти буквальный переводъ ея или на оборотъ. Не принимая на себя ръшенія того, какое изъ этихъ произведеній было первоначальной формой разсказа, приведемъ только не многіе факты, объясняющіе этотъ вопросъ. Исторія Езопа, какъ почти всёхъ древнихъ баснопислевъ, давно представлялась въ мионческой обстановкъ, такъ что мы не знаемъ о немъ почти ничего, исторически-върнаго; многіе совершенно отвергають существованіе такого лица. Преданіе изображаеть его съ уродливой и смішной наружностью, но съ умомъ презвычайно острымъ и находчивымъ; сначала онъ былъ рабомъ Аоинянина Демарха, вли другихъ, потомъ Самійца Ксанов и пр., наконецъ

получиль свободу. По словамъ разныхъ древнихъ писателей, онъ былъ любимцемъ Креза, у котораго встрътился и много бестдовалъ съ Солономъ. Новтише изследователи придають мало значенія этимъ павітстіямъ, не подкріпленнымъ точными данными; еще меньшимъ довъріемъ пользуется обширная біографія, приписываемая Плануду, Константинопольскому монаху (1340-1353), который славился въ свое время общирною ученостью, писаль стихотворенія, сочиненія по части богословія, грамматики, и перевелъ на Греческій языкъ многихъ Римскихъ писателей. Какъ большая часть Византійскихъ ученыхъ, Максимъ Планудъ былъ только компиляторъ и собиратель; неудовлетворительность его біографіи Езопа видна съ перваго взгляда, когда онъ влагаетъ въ уста Езопу стихи Эврипида, жившаго гораздо поздиве. Біографія перемвшана правоучительными изрвченіями и баснями самого Езопа, и нъкоторыми чертами напоминаетъ разсказы о другихъ мудрецахъ; такъ уже давно замѣчено, что разсказъ объ уродливости Езопа находится и въ преданьях в объ Арабскомъ баснописц в Локманв. Ученый де-ла-Крозъ думалъ, что авторъ біографія составиль ее отчасти изъ собственных выдумокъ, отчасти изъ этихъ восточныхъ преданій; по митнію другихъ, Планудъ отнесъ къ Езопу то, что вычиталь о другихъ мудрецахъ и философахъ Греческихъ; его вэрвченія, его врабичамовіа сравнивали съ темъ, что известно изъ Плутарха и другихъ о Сократъ, Демосоенъ, Віантъ и пр.; находили у Плутарха и задачи, которыя пересылали цари другъ другу, — такъ что многое объясняется в Греческими источниками. Всего чаще указывали на сходство преданій о Езопів и Локманъ; трудно сказать, съ которой стороны было здъсь заимствованіе. Столько же неясно и то, какимъ образомъ въ біографію Езопа вошли главныя обстоятельства Арабской сказки о Гейнаръ; если бы біографія дъйствительно принадлежала Плануду и была составлена въ половинъ XIV-го въка, то всего въроятиве было бы предположить, что вставка савлана самимъ Планудомъ, — между тъмъ нътъ почти никакого сомивијя и ученые соглашаются въ томъ, что біографія только посить имя Плануда, а не въ самомъ деле сочинена имъ въ XIV-иъ столетін. Новьйшій издатель біографіи, Вестерманнъ, полагаеть напечатанную имъ редакцію — очень мало отличную отъ Планудовой, — не раньше десятаю віка и слідовательно думаєть о времени, гораздо древнійшемъ Плануда (V. Aes. р. 2, 4), такъ что на долю послідняго остается только новая редакція сочиненія, существовавшаго прежде.

Јатинскій переводъ Планудовой біографіи помѣщенъ въ изданів Езопа — Excudebat Rob. Stephanus 1529. VII Cal. Septemb. и въ другихъ изданіяхъ; Греческій тексть съ переводомъ Роб. Стефана въ Aesopi Phr. vita et fab., gr. et lat. Venet. 1770; другой Греческій списовъ въ Vita Aes. ex Vratisl. etc. codd. ed. Westermann, Brunsvigae 1845, Замѣчанія о Планудѣ и его біографіи въ Thesaurus epist. Lacrozianus, ed. Uhlius. Lips. 1742 — 46. 1, 170 — 172. 2, 153; — Fabricii, Bibl. Graec., ed. Harless 1, 618; — Furia, Aesop. p. X sq.; — A. Pauly. Real-Encyclop. d. class. Alterthumswiss. 3, 411. Къ сожалѣнію, мы не имѣди вниги Грауэрта (Grauert. Diss. acad. de Aesopo et fab. Aesop. Bonn 1825), который также васается этого предмета.

Разсказъ, соотвътствующій повъсти о Гейкаръ, составляєть только часть Планудовой біографіи Езопа (Rob. Steph. 37-44, Westerm. 43 — 52), въ началъ которой собираются извъстія о похожденіях в Езопа во время рабства, за тымь слыдуеть вы ней пребываніе его на о. Самів и у Креза. Отправившись оттуда, говорить біографія, Езопъ странствоваль по свету и беседоваль съ мудрецами. Онъ пошелъ и въ Вавилонъ, и выказавши тамъ свою мудрость, получилъ большое значение при царъ Ликеръ. вли по Вестерманну Ликургъ; потому что въ то время цари, живя между собою въ миръ, для забавы посылали въ письмахъ другъ другу философскія задачи (или загадки, προβλήματα), и не отгадывавшій посылаль дань тому, кто предложиль задачу. Езопъ, разръшая присылаемыя Ликеру задачи, прославиль этого царя, и чрезъ него самъ посылалъ задачи другимъ царямъ, и такъ какъ они не въ состоянін были разрѣшить ихъ, то должны были присылать Ликеру дань (и такимъ образомъ царство Вавилонское усилилось). Вавилонскій царь играеть зайсь роль Сенхариба. Бездетный Езопъ усыновляетъ Энна или Эна (Абос притча, басня; въ этомъ же родъ объясняли имя Ефопа), который однако не выполниль его ожиданій: по Вестерманну о Абуос усилτιών των του βασιλέως μία συνεπλάκη, πο P. Crewany cum adoptantis concubina rem habuit. Езопъ хотълъ предать его смерти, или выгнать изъ своего дома; истительный энъ обвинилъ его предъ царемъ въ измѣнѣ; Езопъ спасается отъ казни при помощи Гермишпа (Абу-Сомейка), и въ последствие снова является къ царю, когда Ликеръ былъ устрашенъ письмомъ Египетскаго царя Нектанеба. Энъ былъ выданъ Езопу, который не сталъ истить ему за клевету в только сделаль приличное нравоучение; Энъ умеръ отъ угрызеній совісти. Когда Езопъ отправился въ Египеть и подобно Гейкару исполналь мудреныя требованія Нектанеба, Египетскій царь воскликнуль: «счастливь Ликерь, им ьющій въ своемъ царствъ такую мудрость!» По возвращеніи Езопа съ Египетскою данью, Ликеръ велелъ воздвигнуть ему золотую статую. — За тыть Езопъ отправляется въ Грецію и гибнетъ тамъ жертвою ищенія Дельфійцевъ, которыхъ оскорбиль своими MVTRAMU.

Вымысель событія, его подробности скорве можно счесть произведениемъ восточной фянтазіи; въ Арабской сказкѣ видна и большая полнота въ развитіи сюжета; но съ другой стороны есть возможность считать это и Греческою баснею позднъйшаго происхожденія. Имя Нектанеба знакомо было изъ исторіи Александра, и если эта последняя проникла въ Арабскую литературу, то также могло быть и съ миномъ объ Езопъ, особенно въ ту эпоху, когда Арабская литература усвоила себъ много Греческихъ произведеній. По крайней мітрі хронологическія данныя не мъшають предположенію о переходъ біографія Езопа въ составъ Тысячи и одной ночи. Первоначальной основъ этого сборника многіе приписывали Индавіское происхожденіе, но отъ времени до времени онъ подвергался многимъ передълкамъ и въ сборинкъ вносились новъйшія сочиненія. Нъкоторые критики не признають впрочемъ такой его давности, и въ самомъ содержанів Тысячи и одной ночи находять доказательство ея поздняго появленів. «Правда, говорить одинь ученый оріенталистъ, разбирая содержаніе Тысячи и одной ночи, - мы находимъ место действія некоторыхъ происшествій въ Индін, Персіи, Китав, даже Ассиріи, ихъ эпоха отнесена отчасти пъ первобытнымъ временамъ, и этотъ обманъ поддерживается встав-

кою чужихъ именъ и картинами правовъ и обычаевъ иноземныхъ; но для знатока, вездъ во всемъ образъ представленія, видна рука Мугаммеданско-Арабскаго писателя» (Chezy, въ Негmes oder krit. Jahrb. d. Liter. Bd. 33, 1-es H. 96, съ указаніемъ на С. де-Cacu въ Journ. des Savans 1817, nov. p. 686). Считая Египетъ мъстомъ, гдъ составился сборникъ, изданный Габихтомъ, критикъ относитъ его къ довольно позднему времени, около XIV-го въка (Hermes ib. 94, 96, 99 и 108), такъ что включение Греческой біографіи не имфетъ ничего невозможнаго. Басня о Гейкаръ могла впрочемъ образоваться и на чисто Арабской почвъ, заключая, быть можетъ, передълку преданія о Моясев, — и потомъ въ легкой передвлив перейти къ Грекамъ, какъ случилось со сборникомъ сказокъ Калила-ва-Димна; несоынънное существование Греческаго перевода сказки о Гейкаръ можетъ подтвердить, что въ отношенів къ біографіи Езопа заимствованіе сдівлано было писателемъ Византійскимъ. Что касается до целаго преданья, то нельзя не признавать родства его съ темъ, которое Іосифъ Флавій и Вильгельмъ Тирскій относять къ Соломону и Тирскому царю Гираму, и которымъ ученые несправедливо объясняли происхождение средневъковаго сказанія о Маркольфів. Главнымъ сюжетомъ опять является споръ двухъ царей о мудрости посредствомъ трудныхъ загадокъ, которыя они пересылали другъ другу. Такимъ образомъ содержание разсказа обобщается еще болье; и всего въроятные предположить его родину на Востокѣ, можеть быть у Евреевъ, которымъ принадлежалъ и этотъ миоъ о Соломонъ, и, какъ думаетъ Як. Гриммъ, древивишая редакція повъсти о Маркольфъ. (Heidelberg. Jahrb. der Liter. 1809. 5 Abth. 2, 249 ff.). Столь же общій, и втроятно также восточный, мотивъ повторился въ разсказъ о четаніи мальчиковъ на орлахъ; онъ извъстенъ по многимъ другимъ минамъ и сказаніямъ. Одинъ древній писатель Арабскій говорить, что Нимродь, когда ему неудалось построить Вавилонскую башию, вздумалъ подняться на воздухъ, на четырехъ птицахъ, къ которымъ прикръпленъ былъ родъ экипажа. Этотъ миоъ встръчается и въ сказкахъ Сомадевы, приводится и во второмъ путешествіи моряка Синдбада, въ Тысячь и одной ночи; онъ извъстенъ и въ романтической литературъ среднихъ

высовъ, глъ Huon de Boundeaux совершаетъ такую повздку на грифь (Liebrecht's Dunlop 184, 477). Въ баснословной повъсти псевдо-Каллисоена Александръ предпринималъ воздушное путешествіе на грифахъ или «звъряхъ крылатыхъ», которыми онъ управляль, показывая имъ на копь кусокъ мяса. Сербская сказка относитъ преданье къ другому герою, славному по мудрости; ему нужно было видъть «морске дубине и небеске висине», и чтобъ достигнуть последняго, онъ «ухвати два ноја (= нога орла, грифа), па им за неколико дана не да ништа јести док добро огладне, па им онла привеже за ноге велику котарицу у коју он уђе и сједне држећи рукама више себе и више нојева на дугачком ражњу печено јагње. Нојеви желећи да би пециво дохватили, полете у висину, и тако су све лећело докле Премудри не удари ражњем у небо, па онда обрне ражањ на ниже те га војеви снесу на земљу»..... (Вук, Прип. 1853. 200). Въ Словацкихъ и Польскихъ преданьяхъ разсказъ о томъ, какъ охотникъ леталъ на драконъ въ адъ, -- очень сходный съ приведеннымъ, связывается съ миоомъ о Ягь-бабь (Kollar, Zpiew. Slow. 1834. 1, 12). Для Сербской сказки упомянутыя повъсти могли служить если не основаниемъ, то второстепеннымъ источникомъ разсказа.

Какой же видъ получила Арабская сказка въ Русскихъ редакціяхъ и какимъ образомъ перешла она въ нашу древнюю литературу? Старинная редакція сказанія о Синагрипъ, сохранившаяся теперь въ одной изъ рукописей б-ки Моск. Общества исторів в древностей, ближе къ тексту Габихта, чемъ позднейшія переділки, -- какъ и слідуеть ожидать, хотя самый тексть Габихта конечно не есть древнее Арабское чтеніе. Весьма любопытная особенность старинной нашей редакціи состоить въ томъ, что вся исторія передается отъ имени Акира (Гейкара), говорящаго о себъ въ первомъ лицъ. Это объясняется по нашему мизнію восточной формой сказочных в сборников в, которая всегда старается связать отдёльные разсказы въ одно цёлое какимъ нибудь побочнымъ обстоятельствомъ; такъ всв Тысяча и одна ночь соединены именемъ Шехеразады; обыкновенно въ одинъ разсказъ вставляется другой, съ этимъ соединенъ третій и такъ далье, и читатель непривычный скоро теряеть главную нить целаго.

Въ первоначальномъ сборникт исторія Гейкара принадлежала втроятно къ числу такихъ вводныхъ разсказовъ, и въ этомъ видт дошла къ намъ. Древняя Русская редакція представляєть еще много особенностей, неизвтстныхъ позднимъ спискамъ, а иногла и самой редакціи Габихта. Посылая подложныя письма къ царямъ Персидскому и Египетскому, Наданъ приглашаетъ ихъ явиться именно «на поле Егупетское (— доляна Бапринъ), мтсяца августа въ 25 день»; спасенный отъ казни, Акиръ скрылся въ приготовленное ему женой и другомъ его «мтсто въ земли, 4 локотъ въ долготу, 4 въ ширину, 4 въглубину»; пространство отъ Египта до Ниневіи царь считаетъ въ 1000 и 80 верстъ и т. д. Многія изъ такихъ подробностей или опущены въ новыхъ спискахъ или же непоняты.

Мы уже скавали, что Русскіе списви разділяются на два отавла. Караманнъ сообщилъ начало повъсти о Синагрипъ по древивнией роси, савдующимъ образомъ: «Въ то время азъ Акырь квигчій бі, и речено ми есть отъ Бога: отъ тебе чало не родится. Именіе же имел паче всехъ человекъ; пояхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лътъ, и не бысть ми чяла, и съвдахъ требникы и възгиетихъ огнь, и рехъ: Господи Боже мой! аще умру и не будеть ми наследника, и ркуть человещи: Акырь праведень бы и Богу астинно служаще; аще умреть и не обрящеться мужески пль (поль), иже постоить на гроби его, ни дъвическь пль, иже бы его оплакала; ни иже по немь задницу (наследство) възметь... И ныне прошу у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ полъ: гда преставлюся, да всыплеть ми пръсть на очи мон. (Ист. 3, пр. 272). Въ сборникъ б-жа Моск. Общ. конца XV въка, № 189, л. 90 — 104 обор. находится таже редакція: «Синагрипъ царь Адоровъ и Наливьской страны», нач. «въ того время азъ Акиръ книгьчій бѣхъ, н т. д. Мы польвовались спискомъ этой статьи не совствиъ удовлетворительнымъ (ва который приносимъ благодарность И. Е. Забълину), и потому не всегда могли подагаться на свое чтеніе текста.

Другая, новъйшая форма сказанія неръдко встръчается въ рукописяхъ, напр. — Румянц. сборн. XVII в. № 363, д. 438—454 «Сказаніе объ Акиръ премудромъ царя Синографа Аливицкаго и Анаорскаго», приведено мною, хотя и невполять, въ Отеч. Запискахъ 1855. № 2.

- № Погодинск. сборн. Публ. 6-ки, по описи № 1772, XVII в., д. 190—202 «Сказаніе о Акирѣ премудромъ и о парствін царя Синографа земля Алевитикой и Анизорской», нач. «Бысть нѣкім человѣкъ Акирь премудрын въ земли Алевитском и Анизорской».
- Полеваго, списокъ напечатанный въ Р. Въств. 1842 1, 54 — 65 «Слово о Акиръ премудромъ». Повидимому изданіе несовствить върно, если это таже рпсь, по которой П. разсказаль повъсть объ Акиръ въ М. Телеграфъ 1825 11, 227—235.
- Ундольскаго, въ сборникъ, отвуда было напечатано Слово о в. к. Динтрін Ивановичъ (Времен. кн. 14), «о премудромъ Акиръ и сынъ его Анаданъ, нач. «въ земли Алевитстеи»...
- Царскаго (нынѣ гр. Уварова) № 440 сборн. конца XVII в. л. 642 653 (отдъльная рпсь) «Сказаніе великаго царя Синографа, Алевицкой земли и Азорской, и о Акиръ премудромъ»; № 449 сборн. нач. XVIII в. л. 39—48 «Слово въло полезно о Акиръ премудромъ», начин. «бысть нѣкій человѣкъ, именемъ Акиръ премудрый, въ землѣ Алевгицкой и Анивзорской»; № 451 сборн. нач. XVIII в., л. 249—270 «Сказаніе о премудрости, и какъ Анаданъ отца своего оклеветилъ царю Синографу».

Раздичіе заглавій ввело въ ошибку г. Спегирева, который считаєть сказки о Синагрипь и Акирь за два отавльныя произведенія, въ Валуевск. сборн. 212. Грессе смышиваєть Синагрипа съ Серендибомъ и называєть наше сказаніе переводомъ «Трехъ Серендибскихъ царей», въ Allgem. Literär Gesch. 2 Bd. 3, 978. 994.

Въ древненъ своемъ видѣ, нашъ переводъ безъ сомнѣнія вѣрно передавалъ чужое сказаніе; овъ не лишился восточнаго полорита въ разсказѣ, но уже отразилъ вліяніе Русскихъ перениемиковъ и читателей. Мы уже говорили о томъ приноровленіи тужихъ сказаній въ своей національности, какое было очень обыкновенно въ средніе вѣка. Это несознанное желаніе усвоить собственной народности знаменитую личность или событіе, дѣйствовало незамѣтно, мало-по-малу, и конечно оставляло безъ вимианія требованія исторіи или даже здраваго смысла. Въ одной Французской передѣлкѣ псевдо-Каллисеена, Александръ на пути

къ Юпитеру-Аммону принимаетъ посольство Родосскихъ рыцаpeii, qui luy apportèrent les cless et tributz de leurs provinces, et receut d'eux les foys et homages et furent bons amys; Испанскій поэтъ XIII-го въка, передълавшій ту же исторію, говорить, что Оетида для того, чтобы уберечь Ахиллеса отъ войны, скрыла его въ монастыръ бенедиктинцевъ. Читатели не находили этого страннымъ, потому что въ подобныхъ изменениях в иногда былъ только върный переводъ чужаго понятія на общензвъстный языкъ: называя служителей Фараона его тивунами и т. п., Русскій передівлыватель желаль только выразиться ясніве для читателя. Наставленія Гейкара Надану переданы нашимъ сказаніемъ въ особомъ поученій, которое могло принадлежать и подлиннику, но скорве вставлено было при переводв; Греческая біографія Езопа сообщаетъ собственную мораль, собранную изъ стиховъ и изръченій Фалеса, Питтака, Софокла, Эврицида и особенно Менандра. Русское поучение указано г. Востоковымъ и въ другихъ рукописяхъ, гдв оно помъщалось отдельной статьей, напр. въ Румянц. рукописи Ветх. Зав. XV-го въка, № 27, гдъ на л. 409 — 411 находится «побченик о сты о мужи христолюбци внимайте глы всакому наказанію отца своюго нже рече к ся́ вокму», приведенное нами въ Отеч. Зап. 1855, № 2, и авторомъ статьи о древне-Русскихъ псевдонимахъ въ Извъстіяхъ II Отд. Акад. 1855. 151—153. Это поученіе болье сходно съ поученіемъ древней редакціи нашего сказанія; поздніе списки значительно его интерполировали. Поучение древняго списка повъсти пространиве Румянц. статьи и представляетъ ивсколько любопытныхъ афоризмовъ, напоминающихъ или общеизвістныя изръченія или пословицы. Акиръ учитъ Надана хранить царскую тайну — пусть она сгніеть въ его сердцѣ, — уважать умъ въ человъкъ, не смъяться надъ чужими недостатками, не завидовать чужому счастію, быть правдивымъ. «Чадо, говоритъ онъ, аживъ человъкъ исперва възлюбленъ будетъ и наконецъ въ смъсъ будетъ и въ укоризнъ бываетъ; лжива человъка ръчь яко птича шептанія суть, и безумній послушають его» (въ Румянц. рукописи недостаеть второй половины изр'вченія). «Сыну, продолжаетъ онъ, уне есть человъку добра смерть, нели золъ животь; сыну, уне есть овча нога въ своею руку, нели плече въ

въ чужей руцъ, и ближнее овча уне есть, нели далней волъ; уне есть единъ врабын, иже въ ручъ держиши негли тысяща птича летяща по веру; уме есть коноплянъ портъ, иже имъещи, нели брачиненъ, его же не имвеши» и пр. Такія изрвченія варьируются и въ пословицахъ, напр. «не сули журавля на небъ, дай синицу въ руки», или «не сули журавля въ годъ, а хоть синичку да въ ротъ» (Бусл.) или пословица una avis in laqueo plus valet octo vagis въ Латинскомъ «Рейнардъ» XII-го стольтія (Grimm, Reinh. Fuchs xcij). Румянц. рукопись не имфетъ этихъ изръченій. Къ общимъ нравственнымъ правиламъ, высказаннымъ очень оригинально, Акиръ прибавляетъ и простыя житейскія наставленія: не ходи, говорить онъ Надану, на объдъ, непобывавши прежде у хозяина; когда много выпьешь, то поменьше говори, и прослывешь умнымъ челов комъ; на пиру долго не сиди, чтобъ тебя не прогнали раньше твоего ухода. Въ подтверждение своихъ мыслей, Акиръ указываетъ и собственную опытность: «золчи и горести вкушахъ и не бысь пуще убожьства...., желъзо и камень подъяхъ и легчи ми ся мнить, нежели мужеви, въдущему законъ, тязатись со ближнимъ своимъ».

Румянц. поученіе (У 27) сокращено изъ поученія Акира; что таково было его происхожденіе, можно убъдиться изъ самой формы его: оно именно названо наставлениемъ сыну, въ срединъ постоянно тъже обращенія къ «чаду», и въ заключеніи его сказано — «снв и чадо мое, вже навчіх та ю х'в Vсв, — иже наоучих та и прими и разсоуди и еже ти будть на ползу», слова, не нужныя здісь, но очень естественныя въ поученіи Акира. Составъ этого поученія не ясенъ еще для насъ; но авторъ упомянутой статьи о псевдонимахъ напрасно, кажется, опредъляетъ его обыкновенными сборниками изръченій Соломона, Сираха, Пчелой и др. Хотя сходство иногда и есть, въ общей сложности оно не велико и очень отдаленно. Сокращенный списокъ поученія находится также въ Румянц. сборник XV — XVI въка, № 358, об. л. 309 — 312 подъ заглавіемъ «поученіе отъ святыхъ книгъ о чядъхъ». Наставленія Акира напоминаютъ иногда Пчелу, напр. въ «Сказаніи о пчель» читаемъ: «Мудры сыне, какъ будеши въ людехъ, не смъися, въ смъсь бо безумиъ кощуны, а въ безумім сваръ, а въ сварѣ бой, а въ бою смерть и грѣхъ и мука

въчная.... Сыне, искуси друга своего, первымъ днемъ разварися съ нимъ, и аще не повъдаетъ таины твоея, то дружися съ нимъ. аще ли явить танну твою, то отвратися отъ него» (Рум. № 363, л. 676); почти теми же словами повторено это въ некоторыхъ спискахъ нашего сказанія. Таковы же изреченія Даніила Заточвика «мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лънися по немъ итти»...., «какъ во утелъ мъхъ воду лити, такъ безумнаго учити», или Пчелы «якоже немочно во холщевь мехь воды удержати, тако и въ клеветникъ злыхъ словесъ» (Москв. 1843. 9, 153). Нельзя думать, чтобы здісь заимствованіе было на сторон'в поученія Акирова; значительная древность сказки даетъ возможность скорте считать ее источникомъ; позднія редакціи могли быть передъланы Русскимъ по книгамъ, какія у него были подъ руками, но старинная редакція была конечно независима отъ Русскихъ гномическихъ сборниковъ. -- Немногое только въ поучени сходно съ восточною моралью Арабской сказки; напр. Гейкаръ также учитъ Надана, — «прежде чъмъ отправиться въпуть, возьми свое оружіе; ты не знаешь, гдф встретишься со врагомъ» - «лучше носять камни и подвергать себя тяжкой работь съ мудрымъ, чвмъ наслаждаться драгоцівными напитками съ глупцомъ» — «испытай сперва друга, котораго себъ выбираешь, и тогда дружись съ нимъ» — «ослѣпленіе сердца въ тысячу разъ хуже, чѣмъ сльпота очей». Вообще наша древняя форма сказанія очень важна для объясненія гномической литературы.

Поздившая редакція отъ долгаго пребыванія на Русской почві получила много Русскихъ приміненій, но въ тоже время и потеряла многія оригинальныя черты древняго текста, которыя становились уже непонятны для читателей. Поздияя редакція много короче древней и представляєть уже новый пересказь сюжета, такъ что въ очень немногихъ містахъ удержалось буквальное соотвітствіе чтеній: многія міста выкинуты, собственныя вмена испорчены. Синагрипо преділанъ въ Сенеграфа и Синографа; Наливьскій т. е. Ниневійскій въ Алевитскій; царь Адороєв (— Торъ, Ассуръ араб. текста) называется Азорскимъ, Аназорскимъ, Аназорскимъ; жена Акара получила имя Өеодулія; царскій служитель, которому поручено

казнить Акира, неназванный въ древнемъ спискъ (въ араб. Абу-Сомейка, въ біографіи Ез. Гермиппъ), именуется Анбугиломъ, тогла какъ въ древнемъ текстъ Анабугилъ — отрокъ, которому поручилъ Акиръ стеречь наказаннаго Анадана; подъ тъмъ же именемъ отправляется Акиръ въ Египетъ, между тъмъ по древней редакціи онъ называется въ этомъ случат Обенамъ, что сходно съ Абимакамомъ Арабской сказки; наконецъ Персидскій парь Акисъ, которому Наданъ послалъ подложное письмо, въ позанихъ спискахъ упоминается безъ имени, а въ древнемъ называется Алонъ. Поученіе Акира, неполно переданное и Румянц. спискомъ № 363, у Полеваго сокращено въ нъсколько строкъ.

Въ концѣ Арабской сказки находится второе поучение Гейкара, гдф онъ укоряетъ Надана въ его нравственномъ паденіи; поученіе составлено изъ афоризмовъ, подобныхъ предъидущимъ, и кром'в того изъбасень и апологовъ, которыми доказывается, что человъкъ злаго сердца не можетъ исправиться, и что злоба всегда бываетъ причиною его собственной гибели. Эти замъчательные апологи, пропущенные въ Греческой біографіи, сохранены въ нашемъ древнемъ сказанія; эти коротенькія басни очевидно принадлежать древнему восточному апологу и стоять внимательнаго разбора; къ сожальнію мы не можемъ привести ихъ съ нъкоторой полнотой, что показало бы ихъ отношение къ извъстной теперь Арабской сказкъ. - «Сынъ мой, говорилъ мудрецъ Анадану, ты поступиль какъ змёя, которая хотёла уязвить иглу, и витсто того жестоко укололась сама; ты поступиль со мной, какъ тотъ человъкъ, который пустиль стрълу противъ неба, но стрвла недолетъвши обратилась на его собственную голову; ты похожъ на свинью, которая пошла мыться въ банъ съ боярами, но предпочла банъ первую лужу, встрътившуюся на дорогъ. Сынъ мой, продолжалъ овъ, лежала на пескъ съть; пришель заяць и спросиль ее: «что ты туть дылаеть?» — Кланяюся Богу. «Что держишь ты въ устахъ своихъ?» — Укрухъ хафба, отвечала сеть. Заяцъ прельстился на укружъ хафба, но вапутался вътенетахъ, и сказалъ съти: «осли этотъ укрухъ такой коварный, то Богъ никогда не приметь твоего поклоненія» (оже укруко-сь свце клюкавъ, то твоего кланянія не пріемлеть Богъ николи же). Сымъ мой, ты подобенъ котлу, къ которому прикованы золотыя кольца, дно же его не избавится отъ мерноты (сыну, былъ ми еси якоже котлу прикованъ золоть колцъ, а дну его не избыти черности), и проч. Изо всъхъ этихъ апологовъ, поздніе списки удержали только басню объ яворю и оволченкъ, отданпомъ учиться грамотъ. Этотъ послъдній впологъ, котораго такъ доискивался Гриммъ въ восточныхъ литературахъ (Reinh. Fuchs cclxxxij), пользовался большой извъстностью въ области Германскаго животнаго эпоса. На него намекаетъ средневъковое Нъмецкое, стихотвореніе словами:

swaz man dem wolve sagen mac pater noster durch den tac, waen, er sprichet anders niht niwan «lamp».

Въ Латинской редакціи Рейнгарта изъ половины XII вѣка dumque docet amen, quasi graecum accentuat agne. Сюжеть вполога о волченкѣ, учившемся грамотѣ, развитъ былъ въ отдѣльное стихотвореніе der wolf in der schuole, гдѣ волченокъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы учителя говоритъ только о кушаньякъ, которыя ему нравятся (Grimm ib. 333 — 341 ср. схсі, ссххі).

Многія испорченныя міста поздних в списков в становятся понятны только по сравненію текстовъ. Такъ въ новыхъ спискахъ непонятна первая загадка фараона о конф Ниневійскомъ, въ следствіе которой Акиръ велель бить Египетскаго бога «Вивтора» (Рум.), «они бо тогда безвърни быша», прибавляетъ Русскій переделыватель; у Полеваго это место столько же темно, но Египетское божество называется «Дохра». Мы видёли, какъ это разсказано въ Арабской сказкћ; въ Греческой біографія Езопъ, какъ и Гейкаръ, въ отвътъ на загадку царя Египетскаго велълъ своимъ рабамъ взять кошку (αίλουρος) и бить ее; Египтяне бросились жаловаться царю, который сказаль Езопу: «ты сділаль дурно, Езопъ; это — изображение богини Бибасты, которую Египтяне чрезвычайно почитаютъ» (Vesterm. 50). Эта богиня, которую сравнивають съ Артемидой, по Египетской минологіи была дочерью Изиды и Озириса; священнымъ животнымъ ея была кошка, подъ видомъ которой изображалась и сама богиня. Въ нашемъ древнемъ текстъ Акиръ даетъ тоже приказаніе своимъ отрокамъ: «имше дохорь (= дъхорь) живь, принесете ми, - п

и отроци шедше яша дъхорь живъ, и принесоша ко мив и рекохъ имъ: біште, донельже егупетская земля слышить», и Египтяне жаловались фараону, что Акиръ «предъ нашима очима нашимъ богомъ посмъяся, предъ нашимъ жертвищемъ потворы дъеть», и пр. Сабдовательно дохорь здъсь также принимается за божество и позднъйшій переписчикъ, не понимавшій этого слова, легко могь передълать его въ собственное имя — Дохра, и спутать вмёстё съ тёмъ другія подробности. Имя бога Виктора составилось конечно такимъ же образомъ. Въ этомъ разсказъ наша редакція выбств съ Греческой біографіей удержала черту древняго подлинника, уже ненаходящуюся въ текстъ Габихта. — По старинному списку, Акиръ наказываетъ Анадана тъмъ, что вельть заковать его въ жельзные ужи и даль ему по хребту 1000 ранъ и по чреву 1000 ранъ т. е. ударовъ; выслушавъ посабднее поучение Акира, «той часъ надувся Анаданъ аки кнея и пересподесь на полы». Этого обстоятельства вовсе неупомянуто въ новыхъ спискахъ; за то въ нихъ есть другія вставки: освобожденный Акиръ идетъ отыскивать свою жену и находитъ ее въ рабствъ у Анадана, стерегущею верблюжье стадо; прибавлено также разсуждение фараона съ придворными о томъ, что нужно взять дань съ Ассирійскаго царя.

Вообще новая редакція гораздо болье приноровлена къ Русской жизни. Акиръ учитъ сына грамотъ Русской, Алевитской и пр. (въ древн. спискъ просто «всякой грамотъ»); освободившись изъ заключенія, онъ идеть во банехо паритися; у него своя дружина — отроки; царя фараона окружаютъ посадники; въ поученіи говорится, в роятно пословицею, «добро сытому у великаго князя объда ждать, также и праведному смертнаго часу ждать», тогда какъ обыкновенно упоминаются цари; Анбугилъ, говоря съ Синографомъ, называетъ себя уменьшительно Анбугилець по старинному Русскому обычаю, какъ Оедорець, Иванець и т. п. Замътимъ еще передълки: по древнему списку, Акиръ говорить, что петухъ, которому дъхорь отгрызъ голову, будилъ его самого — «убужахся и идяхъ предъ свои князь»; по Рум. рукописи, это былъ «куръ златъ, пелъ рано, а будилъ нашего царя къ завтрень «. Въ позднъйшихъ спискахъ, напр. Погодинскомъ, Акиръ остерегаетъ сына отъ тъхъ же пороковъ, какіе

•

Максимъ Грекъ, авторъ Домостроя и другіе наши моралисты XVI — XVII в. осуждали въ своихъ современикахъ.

Египетъ постоянно называется градомь, въ такомъ же смыслв градо Аливить; это значение слова градъ встрвчается в въ другихъ старыхъ памятникахъ; въ сказкахъ нашихъ, на оборотъ, подъ царствоме понимается не редко городъ, столица. Языкъ новыхъ редакцій получилъ отчасти народный складъ или въ составъ предложенія или въ отдъльныхъ фразахъ: поговорка «пънію время и молитвъ часъ», которою Акиръ отвъчаетъ Анбугилу, встръчается уже въ Златой Чепи XVI въка (Калач. Арх. 2, 2, стр. 194) и сходна съ фразой царя Алексъя Михайловича, надписанной на Урядникъ сокольничья пути; слова Акира въ послъднемъ поучении «сыну, иже ркли суть въ повъстехъ, оже родивше то сыномъ звать, а еже скотъ даявше, то ходопомъ звать» переданы въ Рум. спискъ совершенной пословицей «не роженъ — не сынъ, не окупленъ — не холопъ, не вскормя себъ ворога не видать», которая и теперь повторяется съ варіантами — «не купленъ — не слуга, а не рожденъ — не дитя» или «не сроженное — не дитя, не купленное — не слуга» (Спечир., Рус. въ Посл. 3, 86. Архив. 2, 2, 192). Витье веревовъ изъ песку, заданное фараономъ Акиру, извъстно въ нашихъ народныхъ повбрьяхъ какъ трудная задача, которою пользуются чародъи (Абев. рус. суев. 1786. 315); Гриммъ приводитъ древнее изръчение or sandi sima vinda, or dali diupom grund um grafa = ex arena funem nectere, vallem suffodere (Reinh. xcr); « наъ песку веревки вить» говорилось также пословицей на лат. и греч. языкъ ex arena funem efficere, έξ άμμου σχοινίον πλέχειν.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ варіантовъ новой редакпіи представляютъ тѣ мѣста сказанія, гдѣ выводится Египетскій посолъ Ельтега. Онъ всегда называется грознымъ посломъ, какъ другіе послы въ нашихъ сказкахъ и былинахъ, а «грозенъ посолъ, по объясненію Чулкова, значитъ то, что въ старину рѣдко посылали пословъ, какъ только для объявленія войны, причемъ обыкновенно употребляли ругательныя слова и угрозыю (Рус. Ск. 1780. 1,18). Ельтега кромѣ того употребляеть и насилія, одинаково описанныя въ спискахъ Полеваго (стр. 59), Румянцовскомъ и Погодинскомъ. Ни Арабскій текстъ, ни наша

древняя редакція вовсе не говорять о послів фараона; слівдовательно, Русскій передълыватель, вставляя это лицо, долженъ былъ изображать его тыми красками, какія находиль въ своей дыйствительности. Акиръ, отправляясь посломъ въ Египетъ, поступаетъ также, какъ делалъ и въ царстве Синографа Египетскій посоль; такимъ образомъ черты посла повторяются какъ постоянныя, эпическія (ср. Полев. стр. 62. Др. Р. Стих. стр. 35 о Щелканъ). Елътега не упомянутъ въ древнемъ спискъ, но вставленъ, безъ сомивнія, очень давно, потому что разсказъ о немъ находится въ спискахъ, хотя и позднихъ, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Древиващая рукопись нашего сказанія принадлежала XIV-XV въку, но самое произведение еще старъе и относится по этому ко времени сильнвишаго развитія Татарскаго владычества; характеръ грознаго посла темъ более напоминаетъ Татарскую эпоху: въ XIII же стольтін самое имя Елътеги становится современностью, потому что именно о такомъ лицъ, вельможъ Батыъ, упоминаютъ наши льтописи (Кар., изд. 6-е 4, 36. пр. 42).

Мы уже замътили, что новые списки почти совершенно отступаютъ отъ чтенія рукописи XV въка; потому они представляють очень немного данныхь о первоначальномъ текств. Древняя редакція принадлежить къ числу любопытнівшихъ памятниковъ старой письменности. Рукопись б-ки Моск. Общества есть Русскій списокъ, въ которомъ однако сохранились нъкоторыя особенности Южнославянскаго подлинника; формы языка, отдельныя слова и обороты указывають на древность произведенія, быть можетъ современную Слову о полку Игоревъ. Въ изложени уцълъли слъды и Греческаго перевода Арабской сказки, по которому эта последняя стала известна въ литературахъ южно-Славянскихъ. Нъкоторыя фразы, напр. обращеніе къ царю во время разговора «царю, въ вікы живи». ведуть свое начало можеть быть отъ Арабскаго подлинника; другія отзываются грецизмами, напр. письмо Акира къ Персилскому царю открывается обыкновенной Греческой формулой: «Синагрипа царя книжникъ и свътникъ (азъ) Акиръ Перскому царю Алону радоватись» т. е. хаірсім какъ въ біографіи Езопа-Νεχτεναβώ βασιλεύς Αίγυπτίων Λυχούργω βασιλεί Βαβυλωνίων

хαίρειν; мальчики, летавшіе на орлахъ, кричали Египетскимъ работникамъ — «понесите каменіе и керемиду» греч. κεραμίς, — ίδος, κεραμίτις слово употребленное также въ переводѣ Малалы (Врем. 9, хххvііі) и въ старинной повѣсти о Царѣградѣ (Срези. 40.). Не указываемъ другихъ переводовъ съ Греческаго, въ родѣ «всяко ти прошеніе створю, а еже о чадъ то не проси у мене», потому что подобные обороты уже давно вошли въ нашъ литературный языкъ того времени. Не говоря о правописанія въ текстѣ XV вѣка, иныя слова указываютъ на южно-Славянскую редакцію, предшествовавшую Русской передѣлкѣ; таково Греческое слово кнышинарь, кеутпуа́ргоу сепtепатіит, librae centum (Ducange, Glossar. Gr.) въ южно-Славянскомъ видѣ, и другія.

Кромъ указаній въ языкъ повъсти, литературно-историческіе факты также подтверждають существованіе Греческаго перевода сказки изъ Тысячи и одной ночи. Важное свидетельство объ этомъ составляетъ апокрифическая статья въ Румянц. спискѣ Златоуста № 181, относящемся къ 1523 г.; статья озаглавлена «чю^{ло} стто Николы ω Синагрипи цри» на об. л. 308 — 309, начин. «в таже лъта пойде цръ Синагрипъ на бра и бы на мори восташа вітри велици й оўже кораблю разбитиса» и пр. Акиръ названъ здъсь рядцей Синагрипа — «бы оу него радца ймене" 'Акиръ премаръ й хртьанъ» — т. е. σύμβουλος что въ древнемъ спискъ повъсти переведено «съвътникъ». Статья въ рукописи зачеркнута и кажется давно, иныя слова трудно разобрать; впрочемъ содержаніе очень темно и по испорченности чтенія и потому что въ рукописи недостаетъ листовъ. Статья безъ сомнънія Греческая, что видно изъ ея характера и языка, и следовательно предполагаетъ Греческій переводъ Синагрипа, потому что только извъстность этой сказки могла дать поводъ въ составленію апокрифа. На этомъ основаніи можно, по нашему мнвнію, опредвлить и то, какимъ образомъ Греческая біографія Езопа относится къ разсказу Тысячи и одной ночи: Византійскій компиляторъ біографія увлекся эффектностью последняго в вставилъ его въ жизнеописаніе національнаго мудреца, не заботясь о невъроятностяхъ историческихъ. Такимъ образомъ наше сказаніе о Синагрип' прибавляетъ къ исторія Тысячи и одной ночи новый фактъ, неизвестный ея изследователямъ, и

указываетъ еще одно произведеніе Византійской литературы, взятое изъ сказочныхъ сокровищъ Востока вмѣстѣ съ баснями Бидпая, сказаніемъ о Семи мудрепахъ и др.

Въ томъ же сборникъ, гдъ находился древнъйшій списокъ Синагрипа, помѣщено было другое замѣчательное произведевіе «Дъяніе и житіе Девгеніево Акрита». Сказаніе о Синагрипъ знакомило нашихъ читателей съ областью Восточнаго вымысла: в характеръ и развитіе сюжета отражали въ себ'є обыкновенныя свойства Восточной поэзін; Девгеніево житіе напротивъ былоуже эпосомъ Европейскимъ, въ немъ литература наша получила-Византійскій героическій романъ, произведеніе другаго тона и съ другими красками. Карамзинъ называлъ это произведение старинной Русской сказкой, сочиненной въ XII-XIII въкъ, но потомъ призналъ его не Русскимъ сочиненіемъ: это былъ такойже переводъ или передълка, какъ повъсть о Синагрипъ. Въ другомъ мъстъ Карамзинъ передаетъ заглавіе повъсти иначе; въ первомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ статьи рукописи озаглавлены такимъ обрязомъ — «6 Дѣяніе прежнихъ времевъ храбрыхъ человъкъ о бръзости, о силъ и о храбрости, 7 сказавіе о Филипать и о Максимь и о храбрости ихъ, 8 аще думно есь слышати о свадъбъ (sic) Девгъевъ и о всъхыщения Стратиговић», но изъ пересказа содержанія повъсти у Карамзина видно, что это были не заглавія отдівльных статей, а только названія главъ самой исторіи; следовательно настоящимъ именемъ ея было то, которое ны привели выше. Единственное сведене о древнемъ спискъ повъсти оставлено Карамзинымъ (2, пр. 333. 3, пр. 272). Дізніе Девгеніево, говорить онъ, изображаеть богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы и племянника ихъ Девгенія, действіе происходить въ Греческой земль; сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и съкутъ головы тысячами. Вотъ и которые отрывки изъ повъсти: «Ста Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: боярство мое великое, сынове аравитьстіи! им'вете ли дръзость на гречкую землю, противу тъ силъ плки поставити? И единъ аравитянинъ велегласно рче... устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена». О Девгеніи сказано — «двінадцати літь мечемь

играетъ, а на 13 лето копіемъ, а на 14 лето похупается всякый эвърь побъдити»; онъ ъдетъ къ славной красавицъ Стратиговив, играетъ подъ окнами ея на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами, в говоритъ: «кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И начя дъва ему глаголати: на отцъ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братіа жой суть въ сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрывленою паволокою покрыты». Побъдивъ отца и братьевъ Стратиговны, Девгеній говорить имъ: «азъ старости твоея деля пожалую дамъ ти свободу, и сыномь твоимь; толико знаменіе свое хощу възложити на васъ.... И бѣ на Стратигь злать кресть прадеда его многоценень, и у сыновь его жуковины многоценны съ драгымь каменіемь; то взя у нихъ за знаменіа місто». Онъ женится на Стратиговнів, и отецъ ея предлагаетъ ему дары-«пода Стратигъ своему зятю 30 фаревь (коней), а покрыты драгыми паволоками, а седла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ кръмилици своими, и дасть ему кожуховь 50, сухымь златомь шиты, и паволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ едивъ шить весь златомь: вмыщахуся во нь многы тисуща вой, и ужица бяху шатра того шолъкова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату св. Өеодоръ, и копіа 4 аравитьская, и мечь дасть прадъда своего. А теща подасть ему драгыхъ поволокъ зеленыхъ 30, кожуховь 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; пръвый шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нъсть числа». Это замъчательное произведение до сихъ поръ оставалось неизвъстно по другимъ источникамъ; оно не было упомянуто ни въ одномъ описаніи нашихъ рукописныхъ собраній. Намъ удалось встретить довольно поздній списокъ этой повъсти въ Погодинскомъ сборникъ Публ. б-ки, отмъченномъ по описи № 1773 и принадлежащемъ XVII—XVIII въку. Здъсь повъсть помъщена на обор. л. 342-361 подъ заглавіемъ «Делніе прежнихъ временъ и храбрыхъ чівкъ, о дерзости и о храбрости ї о бодрости, прекраснаго Девгенів» (начин. «бѣ нѣ кая вдова царска роду» и пр.). Сарацинскій вли Аравит-

скій царь Амиръ влюбился въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землъ Греческой; онъ собралъ войско и пошель «пакости творити въ Греческой земль для ради красоты дъвицы тоя», похитилъ дъвушку и скрылся. Вдова посылаетъ трехъ сыновей въ погоню: «идите вы, сказала она имъ, и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя положте». Братья снарядились и бросились за Амиромъ какъ истребы златокрылатые; на границъ земли Аравитской они встрътили стражу Амира и начали бить ее, «яко добрые косцы траву косити». Прівхавши потомъ къ стану царя, братья подняли на копья царскій шатеръ, и Амиръ предложилъ имъ бросить жребій, кому изъ нихъ достанется биться съ нимъ за сестру ихъ; три раза быль брошень жребій и каждый разь приходилось меньшому брату, потому что онъ родился вмъсть съ сестрой. Амиръ былъ побъжденъ на поединкъ, но соглашался принять истинную въру, если братья отдадуть ему сестру свою. Братья спросили ее, какъ жила она у царя Амира: я разсказала ему о вашей храбрости, отвъчала она, и онъ не велълъ никому входить въ мой шатеръ, велелъ сродникамъ скрыть мое лицо, и разъ въ мъсяцъ пріъзжалъ посмотръть на меня издалека; но если Амиръ крестится, то не нужно вамъ зятя лучше его, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились и Амиръ, собравши множество сокровищъ, отказался отъ своего царства и убхалъ въ землю Греческую; свадьбу отпраздновали великол чинымъ пиромъ. Между темъ мать Амира услышала о его отступничестве и послала трехъ Сарацииннъ на волшебныхъ коняхъ, вывести Амира изъ Греческой земли; въ тоже время царица Амира царя видъла зловъщій сонъ; призваны были волхвы, книжники и фарисеи и объяснили, что за Амиромъ присланы гонцы изъ Аравитской земли. Гонцы дъйствительно были найдены въ тайномъ мъстъ за городомъ; ихъ крестили, а волшебные кони были отданы тремъ братьямъ-богатырямъ. Черезъ нъсколько времени у Амира родился сынъ; его назвали Акритомъ, а въ врещенін дали ему имя: прекрасный Девгеній. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ; на тринадцатомъ году онъ уже готовияся

къ воинскимъ потъхамъ, «самъ же юноша врасенъ велми, лице же его яко сиъгъ, а румяно яко маковъ цвътъ, власы же его яко злато, очи же его велми великін яко чаши». Однажды, когда отецъ выбхалъ съ нимъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всвхъ спутниковъ неустрашимостью своей въ борьбе съ двкими звърями; тутъ же убилъ онъ четыреглаваго змія и съ тъхъ поръ сталъ думать о ратныхъ делахъ. Сначала побеждаеть онъ Филипата, — который называется въ Погодинской рукописи: «Филипъ-папа», - и воинственную дочь его Максиміану, которые хотъли въроломно завлечь его къ себъ; побъжденный Филипать сказаль Девгенію, что есть на свъть витязь храбрье и сильнъе Девгенія, Стратигъ, съ четырьмя сыновьями и дочерью Стратиговной, которая выбетъ мужскую дерзость и храбрость и которой напрасно добивались многіе цари и короли. За такое извъстіе Девгеній объщаль отпустить Филипата-«толко возложу знамение на лице твое протчаго ради времяни», — но хотълъ сперва увъриться въ справедливости его словъ; сдавъ Филипата отцу, а Максиміану матери своей, Девгеній отправился на новые подвиги, несмотря на всв увещанія Амира. Погодинская рукопись прерывается на описаніи похищенья Стратиговны; мы уже видели изъ выписокъ Карамзина, что Девгеній победиль и Стратига, и женился на славной красавицъ. — Очевидно, что подобный разсказъ не могъ принадлежать Русскому или южно-Славянскому сочинителю, которому было бы странно выбирать такой сюжеть. Дъйствующія лица и мъсто событій принадлежатъ землъ Греческой, одно изъ главныхъ основаній повъстипротивоположность Греческой земли съ Сарацинскою; характеромъ своимъ «Девгеніево Дѣяніе» указываеть на Греческое произведеніе, относящееся къ темному въ Византійской литературѣ отделу повестей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ теми полуфантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и странствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдельный эпосъ Византійско-Палестинскій. Для Греціи противоборство восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо ранте, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эноха столкновенія запада съ востокомъ, ожесточенная

борьба съ невърными, романтические эпизоды далекихъ странствованій, - такъ подобные мотивы существовали и для Византійской литературы. Впрочемъ памятники Византійскіе, обязанные своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извъстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ Девгеніева Даянія, доказывающаго съ своей стороны давнишній переходъ къ намъ произведеній повъствовательной Византійской литературы. Изложенію приданъ вообще поэтическій колорить; сравненія, эпитеты, уподобленія и гиперболы встрічаются безпрестанно; повъсть въроятно нравилась стариннымъ читателямъ, потому что нѣкоторыми подробностями очень пожожа на наши сказки. Вмъстъ съ сказаніемъ о Синагрипъ, эта повъсть дъйствительно могла относиться къ XII - XIII въку, и появилась у насъ также чрезъ южно-Славянскій переводъ, слѣды котораго можно заметить на некоторых словах и выраженіяхъ: «сухое» злато — обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи; «тисуща» своимъ образованіемъ принадлежить южно-Славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фарь» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкъ о Синагрипъ. иногда въ формъ «фарижь», и происходить отъ средне-1 реческаго φάρας, также φάρης, φαρίον по Дюканжу equus arabicus... passim pro quovis equo praesertim generoso, — или средне-Лат. farius (ср. Ипат. 56, 162, фаревьникъ 170.). Погодинскій списокъ довольно далекъ отъ того вида повъсти, какой имъла она въ древнемъ спискъ или въ подлинникъ - несомнънное доказательство того, что повъсть переписывалась неръдко и вообще была извъстна охотникамъ до сказочнаго чтенія. Ръдкость ен въ рукописяхъ должна быть поэтому объяснена той случанностью, которая господствуетъ надъ произведеніями литературы писанной. Но сравнивая немногія тожественныя строки у Карамзина и въ спискъ Погодинскомъ, можно повидимому вывести заключение, что Дъяние Девгениево не было переиначено до такой степени какъ сказка о Синагрипъ, и въпозднемъ видъ своемъ сохранила болье древняго если не въ языкъ, то въ изложении сюжета.

Наконецъ, въ потерянномъ сборникъ гр. Мусина-Пушкина находилось «Сказаніе о Индіи богатой» или извъстное письмо пресвитера Іоанна къ Греческому императору Мануилу, въ свое

время знаменитое во всей Европ'в. Въ XII столетіи или еще ранъе въ западной Европъ начали говорить о существования сильнаго христіанскаго государства въ Азін, которымъ управляль царь и вмёстё священникъ Іоаннъ (Presbyter Johannes). Извёстное сперва по темнымъ слухамъ и преданьямъ, имя это появилось и въ сочиненіяхъ путешественниковъ, напр. у Плано-Карпини, Рубруквиса, Монте-Корвино и другихъ, которые съ увъренностью говорили о загадочномъ пресвитеръ; но извъстія ихъ противоръчили одно другому и понятія о неизвъстномъ царствъ запутывались болбе и болбе. Преданье впрочемъ сохранялось, и имя пресвитера Іоанна вошло въ народныя легенды: извъстные три царя, отправляясь съ востока въ Виолеемъ, поручали будто бы Іоанну управленіе своими Индъйскими царствами (Simrock's Volksb. 4,456.); существование его подтверждалось письмами, которыя писаль онь къ Греческому императору, къ Фридриху Барбарусст и др. о чудесахъ своего царства; Мандевиль разсказываль о немъ въ своемъ сказочномъ путешествіи. Личность пресвитера Іоанна представлялась въ самыхъ смутныхъ чертахъ, но не подвергалась сомитнію, ттмъ болье, что хотели вкрить нев вроятнымъ чудесамъ, которыя находились будто въ его странъ. Его считали или Татарскимъ ханомъ, принявшимъ христіанство, или Индейскимъ царемъ и несторіанскимъ патріархомъ, дълали его главою сказочныхъ рахманъ, о которыхъ говорила исторія Александра; поздніве его перенесли въ Абиссинію, гд путешественники описывали что-то подобное христіанскому царству Іоанна. Между бумагами Кенигсбергскаго архива Карамзинъ нашелъ письмо одного великаго магистра Нфмецкаго ордена, отъ 1407 г. 20 Января, къ царю Абассійскому или священнику Іоанну (Regi Abassiae sive presbytero Johanni); такимъ образомъ, смѣшивая Абиссинію и Абассію, его искали даже у Абхазовъ (Кар. 3, пр. 282.).

Древнее Русское «сказаніе о Индіи богатой» или письмо Іоанна къ Греческому императору Мануилу (Эммануилу Комнену), разсказываетъ по словамъ Карамзина, что Іоанну повинуется въ Индіи 72 царя, что въ его странахъ родятся потамы — полчеловъка и полиса, урши или медвъди, фениксы, рыбы съ золотою кровью, звъри о пяти ногахъ и сатиры; что люди тамъ не лгутъ,

потому что отъ всякой лжи блёднёють какъ мертвецы; что улицы намошены драгоцёнными камнями и пр. (Кар. 3, пр. 272). Позднёйшія космографіи также упоминали объ этомъ царстві, поміщая его въ Абиссиніи; въ Румянц. космографіи XVII в. № 380 на л. 90 разсказывается, что «кралевство попа Яна—земля великая, пространна, на мысу великаго моря, вёра же въ ней евангилицкая и еретическая; толико жь горды имінотъ нравы—аще прібзжіе гости... не учнеть віры віровать, и они у нихъ на главахъ положать бумажны шлыки, зажигають, и оттого згорають; изобилно же плодомъ и всякимъ богата». Сказаніе объ Индіи сохранилось у насъ въ позднихъ спискахъ и віроятно много передівлано.

Списки: — Толст. 2. 104 Публ. Б-ки XVII. Q. 65. Сборн. XVII вѣка л. 494 — 497 «сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и о всѣхъ чудесѣхъ его, великомъ». Къ сожалѣнію, мы неимѣли случая просматривать этой рукописи.

- Ундольскаго, въ сборникъ XVII в. (Времен. кн. 14).
- Тихонравова, въ скорописномъ сборникѣ XVII в., небольшаго формата, гдв на 7 листкахъ помъщено сказаніе «о Индъйскомъ царствъ, которое начинается такимъ образомъ: • Царь Мануилъ Греческій послаль своего посла во царю Ивану Индъйскому и посла къ нему дары многи и повелъ вопросити о величествр сили его и о парствр его и о всрхи лючестви его Индейской вемли. И дошедъ посолъ вемли Индейскія, и далъ дары царю Ивану и повельния ему нача глаголати. Пріл царь дары и рече царь Иванъ послу: рцы царю своему Манунлу — аще хощеши увъдать мою силу и вся чудеса моего царства, продан все свое царство и приди во мив самъ, и послужи мив, и поставлю тя у собя слугою вторымъ или третьимъ. и паки возвратишися во свою землю. Да будеши ты (мене) десетерицею свыше, аще восхощеши писать царства моего, и ты со всеми книжники своими не можеши исписати моего царства до исхода души твоей, и ни твоего царства не станеть, и тебя съ харатьею, на чемъ мое царство исписати, ванеже неляв тобъ моего царства земли писати и всехъ чудесъ. Азъ бо есмь до об'вда патріярхъ, а посл'в об'вда царь, а царь есми надъ треми тысящами цари и шестью соть, а поборникъ есми по православной въръ Христовой, а царства моего итти на

едину страну 10 мъсецъ, а на иную страну не въдаю и самъ, гдъ небо и вемля соткнулась» и т. д.

— Полеваго, «Сказавіе о Индівіскомъ царствів и великомъ и пресловущемъ государстві, и о всіхъ чудесахъ земли том Индівіскія: сколь велика земля, и сколько какихъ чудесъ в узорочій, и каковы въ ней люди и языцы, и каковы въ ней звіри, и каковы въ ней птицы» напечат. въ Моск. Телегр. 1825 10, 93 — 105; списокъ очень поздній, и віроятно неточный.

Litterae presbyteri Johannis ad Constantinopolitanum imperatorem напечат. въ Moshemii Hist. Tartar. eccles. Helmst. 1741, арр. р. 29—33 изъ Assemani Bibl. Orient. t. 3. р. 2. с. 9. р. ссссхс sq. Новъйшія изслідованія: Ritter Erdkunde 2, 2, 1, 283 ff. Neander Kirchengesch. 5, 1, 59 ff. (Grässe, Lit.-Gesch. 2, 2, 767 ff.). Семеновь, Землевъдініе Азін. СПб. 1856. I, 679—700.

Таковы памятники, уцълъвшіе отъ древней эпохи нашей словесности; большею частью мы не имбемъ средствъ точное опредълить ихъ литературныя отношенія т. е. время и обстоятельства перевода, побужденія, руководившія тогдашними писатедями и пр. Какъ заключительный фазъ этого періода является самобытное произведение высокаго поэтическаго достоянства; мы понимаемъ Слово о полку Игоревъ. Ни одинъ изъ памятниковъ нашей старины не подвергался столько разъ толкованіямъ, не былъ столько разъ подводимъ подъ разныя точки эрвнія, какъ это Слово; если до сихъ поръ оно остается темнымъ по нѣкоторымъ отношеніямъ, виною тому прежде всего испорченность извъстнаго текста, не дающая понимать его ближайшаго значенія, и неизвістность самого періода литературнаго, которому оно принадлежить, - неизвъстность, за которой оставалась необъясненною возможность подобнаго явленія въ ту отдаленную пору. Это произведение замъчательно не тъмъ только, что въ немъ разсѣяно много истинно-поэтическихъ представленій, и не тѣмъ, что въ немъ обильною струей проходятъ образы народной поазіи: если въ немъ много народнаго начала, то столько же, если не болбе, частнаго авторскаго труда, и въ этомъ последнемъ отношеніи Слово до сихъ поръ не находить основательной опфики. Не имъя теперь намъренія опредълить его съ этой стороны, что потребовало бы спеціальнаго изслідованія, мы упомянемъ

только о мивніяхъ автора недавно напечатанныхъ и еще не конченныхъ «Замъчаній на Слово о полку Игоревь», гдь въ первый разъ и очень оригинально выражена мысль, что сочинитель Слова вообще быль ученый писатель своего времени, и что въ частности, относительно своего предмета, онъ глубоко изучилъ Гомера и Эврипида, и что наконецъ одна изъ главныхъ основъ поэмы — сближеніе Русскихъ событій съ Троянскими сказаніями, ходив ними тогда по всей Европъ. Знакомство съ Гомеромъ авторъ «Замѣчаній» объясняетъ, отчасти противъ общепринятыхъ мивній, значительною извістностію Гомера въ западной и восточной Европъ в вліяніемъ свътской литературы Византійской на Русскую въ XI — XII стольтіяхъ. Главныя положенія свои онъ излагаетъ такимъ образомъ: «...Единство, являющееся вълитературномъ направленіи XII стольтія между всьми современными писателями Восточной имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пъвцомъ, а также и общее стремление къ изучению Троянскихъ сказаній и соединеніе исторіи новъйшихъ Европейскихъ племенъ съ древними родами, сильно подтверждаютъ въ историческомъ отношени подлинность Слова о полку Игоревъ и современность его съ событіемъ, въ ономъ изложенномъ. Но ни въ одномъ памятникъ стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пъсиъ. Вездъ видны слъды учености и подражанія Латинскимъ родословіямъ. Въ пѣсиѣ же сей воспоминанія про древніе роды являются съ характеромъ народности и полнаго убъжденія. Весьма замітно, что півець Игоревь самь въритъ и говоритъ людямъ върящимъ и его понимающимъ». На основаніи этого, авторъ относить въ Троянскимъ сказаніямъ всь мъста въ Словъ, гдъ упоминается имя Трояна, и другія темныя выраженія, объясняеть имя Бояна Гомеромъ (какъ Гомеръ по преимуществу ποιητής роёта безъ придачи собственнаго имени, такъ бояно вообще поэтъ по этимологическому значенію слова); *mpony* трояню — возвратомъ троянскимъ (τροπή); двеу-обиду, вступившую на землю дажь-божа внука, — Еленой; все это подтверждаетъ онъ многочисленными сличеніями съ писателями Греческими и другими, и постоянно открываетъ въ сочинителъ Слова глубокое изучение Троянского эпоса (Времен. кн. 11, 17). Вообще мысль о связи Слова о полку Игоревъ съ Троянскими

сказаніями доведена авторомъ до такой крайности, что каждый. безпристрастный изсабдователь усомнится въ его гипотезахъ. Тексть дошель до насъ въ такомъ испорченномъ видъ, что полагаться на него не всегда можно, особенно при такихъ выводахъ; нътъ сомивнія, что въ тексть есть и пропуски и совер**менное искаженіе** подлинника. Далье, всь ть мьста, гдь авторъ «Замечаній» видить следы Троянскаго мина, составляють опору весьма непрочную: извъстность Гомера у насъ очень сомнительна и нуждается въ доказательствахъ, несмотря на слова Ипатьевской летописи и переводчика посланія Леонта въ Флавіану, да и самое имя Троянь по форм'в своей никакъ не можеть быть отнесено къ Тров, отъ которой у насъ были только два прилаг. «Троискыи» и «Трояньскыи», а смягченное окончаніе прилаг. указываетъ именно на Трояна (или Траяна). Другіе въ этомъ последнемъ случат едва ли не справедливте вспоминаютъ о царѣ Троянѣ, играющемъ роль въ преданьяхъ южно-Славянскихъ; у Сербовъ имя Трояна пользуется особенной любовью. Всего естественнъе находить здъсь намени не на Троянскую исторію, а на какія-то народныя преданья, теперь неизвестныя, но конечно не имъющія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ. Мивнія автора «Замічаній» любопытны в иміють свою ціну въ томъ только отношенін, что предполагають въ сочинитель Слова не простаго подражателя народному эпосу, а писателя самобытнаго, имвишаго свой выборъ сюжета и изложенія. Сочинитель Слова опредвляеть себя такимъ образомъ въ самомъ началв своего произведенія: въ первыхъ словахъ пъсни говорится именно о манеръ, формъ, приличной его предмету, и это самое показываеть, что для него быль возможень подобный выборъ. Въ обезображенномъ видъ Слова, какой мы знаемъ теперь, можно однако видеть, что здесь съ начала до конца господстуеть одна авторская мысль, развиваемая литературнымъ образомъ; Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ нашей старинной письменности примъръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала Германская средневъковая литература, т. е. эпоса, уже возвысившагося надъ уровнемъ народной словесности устной до вамъчательной по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ

извъстной постепенности, имъютъ свои причины и слъдствія, то легко придти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало извъстное литературное развитіе, и оно сдълало возможнымъ появленіе такого факта; это предыдущее развитіе указало тъ пути, которымъ могъ слъдовать авторъ стариннаго эпоса: съ одной стороны передъ нимъ лежали богатые запасы народной поэзіи, — онъ ими и воспользовался значительно, — съ другой произведенія письменной литературы, въроятно не оставшіяся безъ вліянія на его форму. Указанныя нами прежде произведенія даютъ нъкоторое понятіе объ этой литературной эпохъ, и хотя мы не знаемъ всего объема древней повъсти, но можемъ догадываться, что она составляла замътное звъно въ тогдашней письменности и имъла свою долю участія въ образованіи такого памятника, какъ Слово о полку Игоревъ.

III.

«Слово о купцѣ Басаргѣ», Русская старвиная повѣсть.— Сказаніе о Вавилонсковъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольфѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды царя Соломона, Сербскія сказки. — Слово о двѣнадцати снахъ Мамеря царя.

Повъсти, къ которымъ переходимъ теперь, по большей части имъли тъснъйшую связь съ народною словесностью, чъмъ прежи переводы Византійскихъ сказаній. Правда, и эти повъсти не были прямо заимствованы изъ народной жизни, но онъ завлекали читателей и отчасти измънялись въ своемъ характеръ отъ сближенія съ образами народной поэзіи. Одна изъ нихъ принадлежитъ, если не ошибаемся, Русскому сочинителю, и любопытна какъ примъръ того, какимъ образомъ старинные повъствователи понимали и выполняли требованія тогдашней повъсти. Всъ другія были чужаго происхожденія, но на Русской почвъ стали въ нъкоторыя новыя отношенія.

Первая повъсть разсказываеть, почти во всъхъ спискахъ одинаково, исторію Кіевскаго гостя Басарги и его сына, котораго звали Борзосмысломъ или Мудросмысломъ. Однажды силь-

ная буря застала ихъ на морѣ и принесла къ неизвъстному городу; имъ правилъ нечестивый царь Сміанъ или Несм'янть, всёхъ обращавшій изъ христіанства въ свою Еллинскую веру. Царь объщаль позволить купцу торговать безданно-безпошлинно въ своемъ царствъ, объщалъ даже отпустить потомъ Басаргу на родину съ дарами и проводниками, если только онъ приметъ его въру или отгадаетъ три загадки. Басарга пришелъ въ уныніе — онъ видълъ триста тридцать кораблей, хозяева которыхъ, не исполнившіе требованій Несмѣяна, томились вътемницахъ, и ожидалъ такойже участи себъ. Семилътній сынъ избавляетъ Басаргу отъ гибели: по истечении срока, когда купецъ долженъ былъ отвътить на вопросы царя, они оба являются передъ Несмѣяномъ; дитя отгадываетъ первую засадку; на другой день царь собираетъ ипатовъ и тироновъ, князей и бояръ, чтобы они видели дивную мудрость семилетияго ребенка, и последній снова отгадываетъ загадку. На следующій день, приготовляясь рашать третью загадку, ребенокъ потребовалъ, что бы царь далъ ему свое одъяніе и посадиль его на своемъ престоль, чтобы весь народъ могъ его слышать и видьть. Несмѣянъ согласился и Борзосмыслъ, вошедши на престолъ, спросилъ народъ, въ кого онъ въруетъ, и когда всв признали себя христіанами, онъ отрубиль голову нечестивому Несмівяну; народъ призналъ мудраго ребенка своимъ царемъ, заключенные купцы были освобождены, патріархъ возвращенъ изъ заточенія и христіанская въра утверждена. Борзосмыслъ женился на обратившейся дочери Несм'тяна и правилъ царствомъ до конца жизни.

Содержаніе, какъ видно, довольно общее; разсказъ, можетъ быть извъстный намъ и не въ первоначальной формъ, обличаетъ книжные пріемы средняго періода литературы до-Петровской; въ языкъ замътны иногда слъды народной ръчи. По сюжету ее можно счесть и передълкой чужаго разсказа, но скоръе она была Русскимъ сочиненіемъ, на что и указываютъ собственныя имена дъйствующихъ лицъ. Въ одномъ изъ Румянцовскихъ списковъ повъсти, находится даже варіантъ — что сынъ Кіевлянина Басарги, сдълавшійся царемъ неизвъстнаго города, «по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему

Кирьяку Димитріевичю, а старлишинство приказа дядь своему Василью Кудрявому», — что впрочемъ могло быть прибавлено и послъ. Карамзинъ, передавая содержание сказки (7, 229-230. пр. 411), называль ее Русскимъ сочинениемъ и относиль къ XV-XVI въку, но не высказалъ основаній своей догадки; Полевой, напротивъ, считаетъ повъсть о Басаргъ только Русскою передълкою; Снегиревъ приводитъ только мнвніе Караманна (Вал. Сб. 213). Нъкоторыя подробности, дъйствительно, какъ будто намекають на чужой подлинникъ сказанія; во всёхъ спискахъ повъсти упоминаются «ипаты» (или неправ. «и попы») и «тироны» въ числъ вельможъ, взятые съ средне-Греческихъ υπατος и τίρων или τήρων, Лат. tyro (Duçange Gloss.),—а въ Румянд. спискъ № 380 дъйствіе даже происходить въ Антіохіи: во, имя Антіохій принадлежить одному только списку, излишнее же употребление Греческихъ словъ, было литературной манерой, въ которой находили тогда особенную красоту слога. Такія же ненужныя Греческія слова встрічаются въ сочиненіяхъ, несомивнио принадлежащихъ Русскимъ книжникамъ; не собирая многихъ примъровъ, укажемъ только на автора Сказанія о Мамаевомъ побоищъ, который говоритъ между прочимъ: «безбожный царь Мамай.... нача глаголати ко своимъ оупатомъ и княземъ и оуланомъ», Олегъ пишетъ къ Литовскому князю-«азъ же жду твоего послисаря» т. е. поклисаря; «сказывають, есть въ вотчинъ его калугерт именемъ Сергіи, во свять и прозорливъ велми» и т. п. (Р. Ист. Сб. 3, кн. 1. 3, 5, 31). Большая простота содержанія не позволяеть думать, чтобы наша повъсть была передълкой какого нибудь Византійскаго сказанія; напротивъ, по незатъй ивости ее скоръе можно считать произведеніемъ Русскаго грамотъя. Главные мотивы ея - торжество истинной въры и препирательство загадками, были совершенно въ дух времени и могли быть употреблены Русскимъ сочинителемъ. Притомъ и вопросы Несмъяна не отличаются большой житростью: «много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми!» спрашиваетъ отъ Борзосмысла, и тотъ отвъчаетъ: «тово, царю, ни мало ни много, день съ нощію, сонце проидетъ весь кругъ небесный, и отъ востоку и до западу единымъднемъ, а нощію единою сонце пройдеть отъ съвера до юга». Другая

загадка: «что днемъ десятая часть въ міру убываеть, а нощію десятая часть въ міръ прибываеть?» на что отрокъ говорить: «то, царю, дпемъ десятая часть сонцемъ воды усыхаеть изъ моря, изъ ръкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже сонцу зашедшу и не сіяющу». Въ отвътъ на посабднюю загадку, отрокъ убиваеть нечестиваго царя и утверждаеть истипную въру. Загадка составляетъ одинъ изъ существенныхъ пріемовъ народной поэзіп и тімъ легче могла быть введена Русскимъ сочинителемъ, что таже роль дана ей въ древнихъ переводныхъ повъстяхъ. Вообще въ построеніи повъсти можно замъчать вліяніе образцовъ, какіе находилъ сочинитель въ тогдащней письменности: загадки встръчаются и въ Греческихъ сказаніяхъ, Александрів, сказкъ о Синагрипъ и другихъ, которыя были безъ сомивнія хорошо извістны нашему сочинителю; въ нихъ замітны и легендарныя стремленія, которых в нельзя не видоть въ Слово о Басаргъ. Представление мудраго семилътняго ребенка, который тадитъ верхомъ на палочкъ, буквально сходно съ тъмъ, какъ одна Сербская сказка рисуетъ «Премудраго» т. е. Соломона. Одивъ человъкъ, желая получить совътъ отъ Премудраго, пришелъ на Соломоновъ дворъ; -- «онда га уэме један слуга, те га увсде у двор па пружи руку на једно дијете, које бјеше узјахало на штап па трче по двору: Ено опо је Премудри. — Чоек се зачуди, па помисли у себи: Шта ће оно дијете мени знати казати!».... (Вук, Прин. 194). Впрочемъ, это мотивъ общензвъстный: Французская народная книга разсказываеть о мудромъ ребенкъ трехъ лътъ, которому задавалъ трудные вопросы императоръ Адріанъ (Nisard, Hist. des livres populaires ou de la littérature du colportage, Paris 1854, 2, 16 — 19); точно также въ Монгольской сказкъ о мальчикъ, скакавшемъ безъ съдла на черномъ быкъ, мудрый ребенокъ своими отвъгами удивляетъ опытнаго наставника (St. Petersb. Ztg. 1849, 🎤 79). Заметимъ наконецъ, что въ спискъ, которымъ пользовался Карамзинъ, повъсть является разсказомъ самаго купца, тогда какъ въ другихъ спискахъ этого натъ. Личное имя Басарги встрачается иногда въ старину, напр. Тихонъ Басарга, архим. 1500 г. (Опис. Рум. Муз. 76). Число списковъ повъсти довольно значительно.

- Румянц. № 370 миньятюрный сборн. XVII в. л. 60 114 «Сказаніе о Дмитрів о купцв», начин. «бысть некто купецъ именемъ Димитріи, въ Кіевь граде живяще» короткая редакція; № 378 сборн. XVII в. л. 332 346 «Слово о Димитрів купцв зовомомъ пореклу Басарьге, Кіевленине, и о мудромъ и о благоразумномъ сыне его, о отрочати добромудромъ-смысле, начин. «бысть некто купецъ богать вело въ русскои земли во граде Кіеве, именемъ зовомъ Димитріи Басарга» редакція пространная; № 380 сборн. XVII в. л. 466—475 «Слово о Димитріи купцв Босарге», нач. «бысть некіи купецъ Димитріи Басарга, женижеся въ рускои земли, во граде Кіеве» и пр.
 - Толст. 2. 140 Публ. Б-ки XVII. Q. 22 сборникъ XVII XVIII в. л. 638—651 «Слово о Дмитрећ купцћ и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзосмысла сказаніе».
 - Погодин. сборн. повъстей и сказовъ XVII XVIII в., въ Публ. Б-къ, по описи № 1772 л. 203 212 «Слово о Димитріи купцъ града Кіева, прозваніемъ Басарга, и о мудрыхъ словесехъ сына его», нач. «бысть нъкіи купецъ именемъ Димитреи, богатъ, живя въ русскои земли, во градъ Кіевъ....
 - Полеваго, списокъ напечат. въ Р. Въстникъ 1842. 1, 65 75 «повъсть о Басаргъ купцъ».
 - Ундольскаго, въ сборникѣ сказокъ (Врем. кн. 14) «о Димитреѣ Басаргѣ и о сынѣ его отрочатѣ седьми лѣтъ», нач. «Димтрей Басарга гостьбу лѣяше».
 - Въ Русск. сборн. конца XVII в. Дрезденской Б-ки, л. 61—70 «Слово о Дмитреѣ купцѣ» и пр. (С. Строевъ, Оп. пам. Сл.-русск. литер. М. 1841, стр. 66).

Сказка «о Вавилонскомъ царствѣ» встрѣчается въ рукописяхъ XVII-го и XVI-го столѣтій, и разсказываетъ о томъ, какъ Левъ, царь Греческій, посылалъ въ Вавилонъ трехъ пословъ, выбранныхъ изъ трехъ народовъ—Грека, Обежанина и Русина или Словенина. Послы благополучно избѣжали опасностей, грозившихъ имъ въ дорогѣ, прибыли въ Вавилонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ чудовищнымъ змѣемъ, нашли тамъ много древнихъ драгоцѣнностей и возвратились съ ними къ царю. Вывезенныя ими сокровища состояли изъ различныхъ царскихъ одеждъ и украшеній, которыя и были представлены ими царю Льву. Въ эгомъ состоитъ основа разсказа; впрочемъ разные

списки передаютъ его съ значительными варіантами, дополняютъ посторонними подробностями, такъ что вообще составляется довольно неясное цалое. Въ одномъ списка повъсти, которымъ пользовался г. Буслаевъ (О послов., 47 — 49), второй посолъ царя Льва названъ Обжениномъ, и на основаніи этого имени г. Буслаевъ сближалъ сказку съ извъстной притчей объ Обрахъ; но всв рукописи, какія намъ случалось пересматривать, приводять это имя въ форм'в Обежанинь, которая прямо относится къ «Обезамъ» древней нашей лътописи т. е. Абхазамъ, и ни въ какомъ случат не допускаетъ сравненія съ Польскимъ obrzym, olbrzym и Обрами. Сказка не была безъ сомнънія Русскимъ народнымъ произведеніемъ: неважное м'всто, какое дается въ ней Русскому началу, достаточно на это указываетъ; главное дъйствующее лицо ен — Греческій императоръ; содержаніе сказки принадлежитъ къ кругу апокрифическихъ преданій, главнымъ источникомъ которыхъ служила у насъ литература Византійская. Въ основъ сказки было Греческое произведеніе, въроятно насколько развитое и дополненное Русскими передалывателями, которые, можетъ быть, и сдълали Русина участникомъ событія; что касается до Обеза или Обежанина, онъ легко могъ попасть въ Греческое сказаніе, потому что Абхазія, какъ страна христіанская, издавна знакома была Византіи; Греческій первообразъ нашей сказки виденъ и вътомъ, что конецъ ея сводится къ возвеличенію Греческаго царя. Но въ последствій она была связана и съ преданьями Русскими; въкоторые списки, по поводу царскихъ украшеній, вывезенныхъ будто изъ Вавилона, вспоминаютъ и Мономахову шапку, которая должна была находиться въ числь этихъ драгоцынностей. Въ рукописяхъ XVI — XVII-го выка встръчается «Сказаніе о великихъ князъхъ Владимерскихъ», гдъ передается баснословная исторія о томъ, какимъ образомъ императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ Владиміру, князю Русскому, вънецъ царскій, и кромъ того «крабійцу сердоличну, изъ нея же Августъ царь Римскіи веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чъпь отъ злата Аравійска исковану, и ины многи дары царскія». И эта исторія и сказка о Вавилонскомъ царствъ и его сокровищахъ, легко могли быть приведены въ извъстную аналогію; потому что объ заключали разсказъ о царскихъ вѣнцахъ и украшеніяхъ, наслѣдственно переходившихъ сперва изъ Вавилона въ Византію, потомъ изъ Византіи на Русь: это сближеніе было совершенно въ духѣ баснословныхъ повѣстей изъ древней Русской исторіи, появившихся
у насъ въ средневѣковую эпоху, когда наши книжники познакомались съ сказочными лѣтописцами Польскими и пачали пронзводить Москву отъ Мосоха, выводить Рюрика изъ Прусъ,
вставлять въ нашу исторію Александра Македонскаго и кесаря
Августа. Но только въ это время сказка о Вавилонскомъ царствѣ была дополнена такимъ образомъ; а въ первоначальномъ
своемъ видѣ она была ближе къ чистому апокрифу. Впрочемъ,
дальнѣйшее опредѣленіе ея должно быть сдѣлано по многимъ
спискамъ различныхъ редакцій, потому что она въ разныхъ
текстахъ передается очень несходно. Списки ея встрѣчаются
нерѣдко въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

- Отрывовъ изъ нея, по рук. XVII въка, приведенъ былъ г. Буслаевымъ въ статът о пословицахъ, Арх. Калач. 2, 2, 47—49.
 - Румянц. № 374 новый списокъ, на л. 207 215 «Скаваніе о вавилонскомъ царствѣ и о зміи и о царскомъ вѣнцѣ и о багряницы и о святыхъ отрокахъ и о виссон и о боряницѣ сердоликовой и о иныхъ многихъ вещехъ вавилонскихъ, сія рече (—сирѣчь) и о намахове шапочки и о царской порфирѣ и о царскомъ ожелельцѣ приведенъ нами вполнѣ въ Извѣст. 3, 313—320. Мономахова шапка не упомянута однако въ са момъ текстъ.
 - Царск. № 382 сборн. конца XVI в. л. 210—214 «Слово о святыхъ трею отроцѣхъ Ананьи и Азарьи и Мисаила», нач. «посланіе отъ Улева царя, во крещеніи нареченнаго Василья, иже посла въ Вавилонъ испытати»; № 743 сборн. 1602 года, л. 340—343 «о Вавилонѣ сказаніе и о трехъ отроцехъ», начин. «посланіе отъ Волуя царя, а во крещеніи Василія»; № 401 сборн. XVII в. л. 218—224 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Ананія, Азарія, Мисаила, и о зміяхъ како лежатъ кругъ града Вавилона, и како ходили три мужа», нач. «въ Вавилонѣ былъ первый царь Насоръ и покры кровлю всю желѣзомъ», вѣроятно особая редакція.
 - Толст. 2. 229 Публ. Б-ки XVII. Q. 82 полууст. сборникъ XVII въка, л. 57 61 «Слово о Вавилонъ и о трехъ от-

роцъхъ, Ананьи, Азарьи, Мисанла», начин. «Посланіе отъ Левуя царя», и далье такъ же.

- Забѣлина, въ рукописи XVII в. № 75 «О запустевів Вавилона града и о зміяхъ лютыхъ, и како посла царь греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ», очень любопытная редакція сказки, безъ конца, которою мы, къ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться.
- Ундольскаго, въ сборн. XVII въка «Сказаніе о Вавилонскомъ царствъ, о царъ Аксеркъ и о Новходеносоръ царъ и о царъ Васильъ, нач. «бысть въ вавилонскомъ царствъ.
- Въ упомянутомъ сборнивѣ Дрезденской Б-ки л. 56 61 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ» (С. Строевъ, Оп. пам. стр. 66). Вѣроятно тоже о Вавилонѣ сказаніе въ Макаріевскихъ Минеяхъ подъ 17 дек.

Сказаніе о великихъ князехъ Владимірскихъ навечатаво, вевиолнѣ, въ Древ. Росс. Вивл. изд. 2, 7. 1 — 4: «о поставленім великихъ князей россійскихъ на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, откуду бѣ, и како начаша ставитися», — и разсказано по списку XVI-го вѣка у Карамзина 2, пр. 220. Оно внесено въ Воскресенскую и Царственную лѣтопись, встрѣчается тавже отдѣльною статьей въ сборникахъ и хронографахъ, напр. — Румянц. хронографъ № 459 л. 525—530 «Сказаніе о великихъ князехъ владимерскихъ великія Росім», начин. «отъ исторія Ханаонова» и пр.; — Публ. Б-ки IV. F. 238 сборн. Дубровскаго, XVI в., об.л. 450—453 съ тѣмъ же заглавіемъ; — Толст. 3.68 Публ. Б-ки IV. О.21 сборн. XVII в. л. 350—364 также; — Царск. № 402 сборникъ XVII вѣка, обор. л. 2 — 8.

Переходимъ теперь къ цѣлому ряду повѣстей о царѣ Соломонѣ, которому уже восточныя сказанія придаютъ поэтическій колоритъ. Столько же извѣстно было имя его и на западѣ, гдѣ въ различныхъ преданьяхъ сохранялась память о его мудрости, если не всегда вѣрно исторической истинѣ, то по крайней мѣрѣ сообразно народнымъ понятіямъ. Иногда впрочемъ эти сказанія развиваля сюжеты другаго рода, относя къ Соломону посторонніе мивы; но и здѣсь не терялась мысль о первоначальномъ характерѣ лица и разсказъ долженъ былъ примыкать къ той же основн ой темѣ. Старая наша письменность не была чужда этихъ поэтическихъ преданій; иныя изъ нихъ стоятъ въ тѣснѣйшей

связи съ народной поэзіей стараго времени и любопытны для насъ, какъ факты ея столько бедной исторіи. Большая часть старинных в повъстей наших в получили начало книжным путемъ и постоянно оставались темъ, что называютъ Volksbuch, livre populaire т. е. хотя и хорошо знакомымъ народу, но все таки книжнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ существеннаго мъста въ его воображении. Таковы были Александрія и другія сказанія, которыя пользовались значительною извъстностью, что легко видъть изъ множества списковъ и разнообразія редакцій. Пов'єсти о Соломон'є по своему началу подходять подъ тъже условія; онъ не были самобытнымъ произведеніемъ Русской фантазіи, но, или по вмени главнаго лица, или по содержанію, которое понятнъе было народному вкусу, они получили другое значеніе въ глазахъ читателей и стали достояніемъ спеціальной народной литературы. Замінательная въ этомъ отношенін пов'єсть находится въ Румянц. сборник В XVII в'єка № 363 на л. 418 — 438 и называется «повъсть царя Давида и сына его Соломана и о ихъ премудрости» (нач. «бысть у царя Давида три дівицы»); въ нісколько разъ упомянутомъ сборникі г. Ундольскаго такъ же помъщена въроятно та же «повъсть о царъ Давыдъ и о сынъ его Соломонъ и о ихъ премудрости», нач. такъ же. Повъсть, довольно общирная по объему, дълится по содержанію на два независимые разсказа: одинъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начиная съ возвращенія его къ Давиду, заключаеть споръ его съ царемъ Поромъ и побъду Соломона. Дъленіе это очень замътно въ извъстномъ намъ Румянц. спискъ, такъ что каждую часть можно принять за отдельное целое. Не вдаваясь въ подробности содержанія, мы обозначимъ только отношение нашей повъсти къ другимъ произведеніямъ, съ которыми она имбетъ много общаго.

Въ средневъковыхъ литературахъ, особенно въ Нъмецкой, было очень распространено произведеніе, заключавшее исторію Соломона и Морольфа или Маркольфа (Marculphus, Marcolph, Morolf, Morolt, Marcoul, Marcon etc.). Впрочемъ въ Нъмецкой литературъ подъ именемъ Salomon und Morolff извъстны были два произведенія, совершенно различныя. Одно изъ нихъ появилось очень давно, и въ Латинской редакціи упоминается уже въ V

въкъ, въ индексъ папы Геласія: scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis, apocrypha (Fabricii Codex pseudep. V. T. 1,1055. ed. 1713—23); оно упоминается и въ последствии. Латинская редакція вышла въ свётъ между первыми напечатанными книгами; давно составились и Нъмецкіе переводы. Во французской передълкъ собственное имя Соломона было даже пріурочено къ національнону герою Salemon li quens de Bretagne; извъстны потомъ Англосаксонскій, Датскій, Шведскій и пр. переводы; изъ Нъмецкой литературы эта редакція Соломона и Маркольфа перешла наконецъ въ Чешскую и Польскую. Но особенное сочувствіе нашла эта исторія въ Италіи, гдф, измфнивъ собственныя имена лицъ, она сдълалась любимымъ народнымъ романомъ. Мъсто Соломона занялъ царь Лонгобардскій Альбоинъ, вибсто Маркольфа является національный мудрецъ Бертольдо, который достигь такой славы, что ему придумали даже сыва Бертольдино и внука, и каждый изъ нихъ получилъ особенную исторію. — Главная мысль этой первой редакціи Соломона и Морольфа есть споръ о мудрости, тема очень обыкновенная въ восточныхъ сказаньяхъ: славному и мудрому царю противополагается грубый, уродливый Маркольфъ, который остроумно разрвшаетъ всв трудные вопросы царя и нервдко удивляетъ его своими оригинальными выходками. Послѣ діалоговъ о разныхъ предметахъ жизни, особенно о характеръ, добродътеляхъ и недостаткахъ женщинъ, исторія говорить о томъ, какъ царь началъ преследовать Морольфа за его резкія истины, и какъ последній всегда уметль избегать опасностей и оставаться цельмь и невредимымъ.

Подробности и указанія о Морольфі — Grässe, Sagenkreise 466 ff., — Liebrecht's Dunlop 328, 503, 511. Одна переділка исторіи Бертольдо была переведена и у насъ: «Италіянской Езопъ, или сатирическое повіствованіе о Бертолді, содержащее въ себі удивительныя съ нимъ приключенія и остроумныя выдумки 2-е изд. Спб. 1782. 8.

Не здісь однако любопытная для насъ сторона преданья о Морольфі. Въ Німецкой стихотворной переділкі, изданной Гагеномъ (V. d. Hagen u. Büsching, Deutsche Gedichte d. Mittelalt. Berlin 1808, 44 — 64), исторія, послії спасенія Морольфа отъ

висълицы, имъетъ продолжение, ст. 1605 — 1876, неизвъстное въ Латинскихъ текстахъ. Это окончаніе разительно отличается отъ предыдущаго: Морольфъ уже не грубый поселянинъ, а умный и хитрый придворный Соломона, ловко исполняющій самыя опасныя порученія царя. Самое содержаніе не им'веть ничего общаго съ первымъ Морольфомъ, и оно-то развивается въ другомъ обширивищемъ произведении, очень сходномъ во многихъ чертахъ со второй половиной нашей повъсти о Соломонъ (V. d. Hagen und Büsching ib. 1—43). Издатель стихотворенія думалъ найти въ немъ общія стороны съ первымъ Морольфомъ, хотя и сознавался, что во второмъ Морольфъ есть что-то «чуждое». Гриммъ, въ критической стать в по поводу изданія ф.-д.-Гагена (Heidelb. Jahrb. d. Liter. 1809. V abth. 2,162 — 164, 249 — 257), опредълилъ оба стихотворенія совершенно иначе: принисавъ первому стихотворенію чисто восточное, и именно Еврейское происхождение, онъ резко отделиль отъ него второе, сюжетъ котораго и вся обстановка принадлежитъ по его мивнію не востоку, а средневъковой Европъ. Приводя здъсь миъніе Гримма, замѣтимъ, что это второе стихотвореніе (Hagen 1-43) соответствуетъ второй половине Румянц. повести, тогда какъ первая часть этой последней совершенно своеобразна и, кажется, не вытеть ничего подобнаго въ средневтковой Нтмецкой литературъ. Передавая сходныя приключенія, иногда съ тъми же подробностями, Русскій и Німецкій разсказъ имінотъ и значительную разницу: въ Нъмецкой поэмъ сюжетъ развивается гораздо обширнъе и подробите, - быть можетъ потому, что здъсь участвовало авторство Нѣмецкаго зингера, — и представляетъ притомъ два событія, хотя и одинаковыя; между тімъ въ нашей повъсти разсказывается только одно. Другое несходство, промъ мелкихъ подробностей, заключается въ именахъ: Морольфъ, хитрый помощникъ Соломона, замѣняется безыменнымъ посланникомъ; Фараонъ и Принціанъ, соперники Соломона по Нъмецкой поэмъ, оба замънены въ Русской повъсти царемъ Индъйскимъ Поромъ; исполнитель казни у Пора названъ Пилатомъ — «пошлю язъ тебя къ немилостивому Пилату и велю съ тебя голову снять», говоритъ Поръ Соломону. Гриммъ думаетъ впрочемъ, что собственныя имена въ Нъмецкомъ стихотвореніи явились случайно и потому неважны; кромѣ того, и онъ и Гагенъ признають, что стихотвореніе или основа его древнье той рукописи XV выка, гдь оно было найдено. Обстановка его вполнь рыцарская, напоминающая эпоху крестовыхъ походовъ: Соломонъ есть глава христіанства, какъ Римскій императоръ; герои его — Морольфъ и храмовые рыцари, сражающіеся противъ невырныхъ; разсказы о странствіяхъ Соломона и его сподвижниковъ указываютъ на извыстность Средиземнаго моря, Wendelsee, во время похожденій крестовыхъ рыцарей.

Имена Морольфа, Соломона, Іерусалима, говоритъ Гриммъ, не принадлежатъ собственно сагъ и вставлены въ послъдствів; совершенно отличный характеръ Морольфа не позволяетъ находить связь между двумя разными произведеніями этого имени. Восточное происхождение втораго Морольфа, которое принялъ Гагенъ, въ такой же степени несовмъстно съ его содержаниемъ. Саги о хитрыхъ похищеньяхъ, преодъваньяхъ и избавленьяхъ, неръдки въ древне-Нъмецкой поэзін, а стихотвореніе о Морольфѣ составлено изъ такихъ приключеній; если можно въ немъ видьть заимствованіе съ востока, это заимствованіе должно быть отнесено къ до-историческому родству съ востокомъ, которое здесь конечно окажется неуместнымъ. Во всемъ стихотворения рѣзко выдается противоположность христіанскаго міра съ невърными, какъ основная черта содержанія, и ей трудно было явиться въ сюжеть, заимствованномъ съ востока. Напротивъ, многіе имена и предметы прямо относятся къ Германіи, напр. герцогъ Фридрихъ, deutsche harfen, deutsche sechten и т. п., или же напоминаютъ другія Нѣмецкія поэмы, каковы Ротеръ, Отнитъ и другія. Наконецъ въ Морольф встричаются общіе эпическіе обороты древне-Итмецкой поэзіи и отдельныя выраженія, указывающія на эпическія представленія Нибелунговъ и вовсе не похожія на манеру придворных в поэтовь. Морольфъ принадлежитъ именно къ тому разряду произведеній, который отвергали они какъ простонародный. Изо всего этого Гриммъ заключаетъ, что такъ называемая вторая часть Морольфа т. е. сходная съ последней половиной Русской повести, состоить изъ очень древних в Нъмецких сагъ, и несмотря на вставленныя поздне имена, такъ же стара и національна, какъ саги въ Книгъ героевъ

(Heldenbuch); въ цѣломъ, пѣсня о Морольфѣ стоитъ пожалуй нѣсколько ниже ихъ, но скорѣе по содержанію, нежели по представленію, которое всегда живо и полно интереса....

Наша повъсть стоитъ слъдовательно въ связи съ древне-Нъмецкими народными сказаньями. Въ ней самой элементы народно-поэтические видны гораздо болье, чыть въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, и это достаточно показываетъ, что она образовалась особымъ путемъ. Основанная сначала на чужомъ преданіи, она развивалась и измінялась не только въ слідствіе книжныхъ редакцій, но болье произволомъ устной передачи. Измънившись такимъ образомъ она была записана, и записанный видъ ея представляетъ по этому не первобытную форму преданья, а форму, уже испытавшую вліяніе народных возарівній. Но какимъ образомъ объясняется въ этой повъсти — мы опять говоримъ о второй половинъ Румянц. текста — имя Соломона? Такъ какъ оно и у насъ и въ Нъмецкой поэмъ соединено съ одними приключеніями, то и не могло быть чистою случайностью, какъ думалъ Як. Гримиъ. Независимо отъ содержанія, оно могло появиться въ нашей повести изъ Немецкаго преданья, яли обратно, такъ чтобы одно становилось источникомъ другому. Въ противномъ случав, надобно предположить существованіе третьяго, болье первобытнаго преданья, которое служило источникомъ и Русскаго и Нфмецкаго разсказа; тогда случайность имени Соломона уничтожается очевиднымъ образомъ. Случайность могла развъ быть въ имени Морольфа, потому что это лицо, во первыхъ, не названо или названо иначе въ Русской повести; во вторыхъ, въ Немецкой поэме Морольфъ-придворный далеко не похожъ на поселянина Морольфа, грубаго и уродливаго соперника Соломона по мудрости.

Мити Сримма объясняеть въ этомъ случат только разнородность двухъ Итмецкихъ сказаній о Морольфт, но не докавываеть Итмецкаго проискожденія втораго Морольфа. Сближенія Гагена дтйствительно невтриы; но путь соединенія этихъ преданій могъ быть другой, хотя въ законченномъ видт своемъ онт и не имтють общаго между собою. Чисто-національныя эцическія формы втораго Морольфа Гриммъ объяснялъ Германскимъ происхожденіемъ поэмы, а Германское начало привело

его къ мысли о случайности именъ Соломона и Морольфа. Но эпическія формы т. е. эпическая вившность еще не отвергаеть чужого происхожденія самаго сюжета и вътакомъ случав, если подобные сюжеты встръчаются въ самобытныхъ національныхъ произведеніяхъ; такая обработка формы доказываетъ только, что преданіе рано перешло въ народную словесность. Такъ было въроятно и съ Морольфомъ; вспомнимъ, что многія частности стихотворенія указывають прямо на Германію времень феодализма и крестовыхъ походовъ. Противоположность міра христіанскаго съ языческимъ, по словамъ Гримма, не могла найти мъста въ предании не Германскомъ, а заимствованномъ съ востока; замътимъ однако, что преданье могло быть заимствовано и не прямо съ востока, а въ посредственномъ, второстепенномъ источник в уже могло принять новый колорить. О нашей повъсти можно сказать тоже самое: и въ ней Соломонъ съ своимъ «христіанскимъ» войскомъ овладъваетъ «многими землями и всякими ордами»; христіанскій характеръ Соломона есть уже примънение самой народной поэзіи, которая этимъ объявляла себя на сторонъ знаменитаго царя. Въ древней литературъ нашей можно указать примъненія еще болье рызкія: въ сказанія о Синагрипъ мудрый министръ этого царя оказывается не только христіаниномъ, но и Русскимъ; въ другомъ замѣчательномъ произведеній той же эпохи, защита христіанскихъ интересовъ отдается Алексендру Македонскому. Очевидно, что въ первобытномъ источникъ этихъ сказаній не было и мысли о противоположности христіанства и язычества, и народная поэзія съ большимъ правомъ могла измѣнить въ этомъ смыслѣ характеръ Соломона, нежели Александра. Понятно, что нарушая такія существенныя черты своихъ героевъ, народная поэзія легко придаетъ чужому сказавію и черты національныхъ правовъ, обычаевъ и понятій, какъ это и случилось съ Німецкимъ Морольфомъ.

Что преданіе не было чисто Нѣмецкой сагой, въ которую случайно вставили имя Соломона, подтверждается значительнымъ его распространеніемъ, котораго мы не можемъ теперь опредѣлить съ точностью. Въчислѣ Сербскихъ сказокъ, изданныхъ Караджичемъ, есть одна «Іедна гобела у као а друга из кала» (пг. 42, изд. 1853), представляющая новый варіантъ то-

го же содержанія т. е. Німецкаго стихотворенія о Морольфів и второй половины Русской повъсти. Сербская сказка снова полтверждаетъ, что въ Румянц. текстъ объ половины механически соединены именемъ Соломона, - въ ней первая половина Русской повъсти опущена, какъ и въ Нъмецкой поэмъ. Сербская сказка приведена нами въ Извъст. 4, 346 — 347; наша повъсть имъетъ болъе подробностей, сходныхъ иногда съ Нъмецкимъ Морольфомъ: въ ней вставленъ напр. эпизодъ о золотыхъ рукавцахъ, съ помощію которыхъ посланный царя Пора нашелъ средство проникнуть во дворецъ Соломоновъ. Притомъ, по нашей повъсти, это предпріятіе не было первой завязкой приключенія; поводъ къ нему поданъ былъ такимъ же образомъ со стороны Соломона. Посланный Пора говорить цариць, жень Соломона: «Нашъ дарь Поръ пытаетъ себъ дарицы, и мъсто ей уготованно на вътренномъ обходъ царствовати, и звъзды на небъ щитати, и мъсящь переводити въ нашемъ царствъ». Прельщенная его убъжденіями царица отвъчаеть: «Поити тебъ со мною по земль, и царь Соломонъ лютымъ звъремъ догонитъ, а подымень меня на пчелиные крылья, и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водъ шукою догонитъ». Таже эпическая формула повторена въ разсказъ, когда царь дъйствительно начинаетъ свое пресавдованіе. Получивъ всв нужныя сведенія черезъ лазутчика, который проникъ во дворецъ Пора посредствомъ такихъ же золотыхъ рукавцовъ, Соломонъ собралъ многочисленное войско... «И поставиль свои крыпкіе воеводы и силу близь царства Порова, и рече царь Соломанъ своимъ царемъ и уланомъ и сильнымъ воеводамъ и княземъ и всей силъ: «стойте тутъ съ силою, а меня, цари и уланы и сильные-«кръпкіе воеводы, отпустите ко царю Пору въ царство, и я уви-«жу и услышу своимъ окомъ и ухомъ; а вы, сильные воеводы, «стойте и ждите троегласные трубы къ себъ отъ меня: какъ «буду живъ въ царствъ томъ и труба вострубитъ, и вы борзо «сѣдлайте свои добрые кони; и въ другой часъ труба востру-«бить, и вы поспъшите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третей «часъ труба вострубитъ, и какъ заслышите, и вы напущайте и «съките и милости не давайте. А будетъ троегласнаго гласу вы «не услышите, и вы поидите въ свою землю, въ мое царство, а

«меня не ждите, и въживот и меня не будеть, и по ми великую «паметь и по моемъ животъ держите и поминайте. А вы, цари «и уланые и князи и сильные воеводы, простите и благосло-«вите». А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ калическомъ платыв и (пришелъ) въ свить Срацынской».... Далье разсказъ идетъ сходно съ Сербскимъ варіантомъ, съ нѣкоторыми отличіями. Исторія приближается къ ковцу; плітный царь въ третій разъ «вострубилъ ратнымъ голосомъ, и труба говорить — что плачеть: «напускайте и съките и топчите, живота «не давайте, а милости не кажите», и царь Соломанъ въ велицей радости идетъ къ землъ на третей исходъ съ первыя своея смерти (т. е. съ шибалицы = висълицы), и его дари и уланы и князи и кръпкіе воеводы и все силное воиско падаютъ предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю и держатъ царя Пора и съ царицею во своихъ полкахъ. И царь Поръ съ царицею падаютъ на свои царскіе кольни предъ царемъ Соломаномъ, и рече царь Соломанъ: «царю Поре, царица глупая и неразумная погубить «человъка вскоръ: велъла на меня три осила поставить, осилъ «шелковой, а другой осилъ сребряной, а третей сверхъ тъхъ «осиловъ златой — перевилъ бы осилъ веревкою лыченою, ла-«потною, и вътомъ бы удавился, — такова же смерть». И царь Поръ повъсилъ главу свою буйную и не могъ видъть себя, да не пособить. И царь Соломанъ скоро велить съ объихъ головы снять вострымъ мечемъ и велитъ развергнуть скоро; а Поровыхъ людей, кои старые и не могли битися, и велёлъ поимати и съ собою вести, а то всъхъ своимъ воискомъ прибили и присъкли, а злато и сребро къ себъ перевозили, и добрыхъ коней стадами погнали, а Пора царя и съ царицею злой смерти предалъ. И отъ того царю Соломану многіе цари и князи и уланы подъ его руку поклонишася, слышачи его премудрость, а царь Соломанъ въ велицей чести и славенъ зѣло. И слышавъ то царь Давидъ сына своего премудрость царя Соломана, что онъ обладалъ многими землями и всякими ордами и власть надъ нимивзяль, радь бысть тому»..... За участіе народной фантазіи н слова въ образованіи этой повъсти достаточно говорить свъжесть ея языка и наивныя примененія: Соломонъ овладеваетъ «ордами», его окружають «цари и уланы и сплыные князи и кръпкіе

воеводы», какъ въ былинахъ приближенными царей выставляются «мурзы и улановья» (Др. Р. Стих. 91, 93, 311, 312, 313 и др.); отдёльныя подробности встрёчаются и въ произведеніяхъ народной словесности, — такъ въ одной изъ нашихъ сказокъ очень сходно разсказывается упомянутое спасеніе отъ висёлицы (Рус. Сказки, М. 1787, 104—129); наконецъ эпическая форма, конечно не вполнё сохраненная въ записанномъ видё повёсти, во всякомъ случать обличаетъ присутствіе народнаго авторства.

Сюжетъ Русской повъсти, Сербской народной сказки и Ньмецкой поэмы о Морольф в, развивается и въ другомъ Русскомъ варіанть. Эта вторая повъсть извъстна намъ изъ рукописи Толст. собранія 2. 140 Публ. Библ. XVII. Q. 22, скорописн. сбори. XVII — XVIII в., гав повъсть находится на об. л. 739 — 744 подъ заглавіемъ «притча царя Соломана о цари Китоврасе» (нач. «бысть во Герусалим в царь Соломонъ, а во град в Лукорд в царствуя царь Китоврасъь и пр.); но въ рукописи, къ сожаленію, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Содержаніе разсказа основано на томъ же мотивъ похищенія; разница ограничивается второстепенными подробностями. Китоврасъ, чудесное существо, занимаетъ здъсь мъсто соперника Соломонова, Пора; царь Китоврасъ не былъ похожъ на другихъ людей — «обычай же той имъя царь: во дви царствуетъ надъ людми, а въ нощи обращащеся звъремъ китоврасомъ и царствуетъ надъ звърми». Этотъ поэтическій образь есть явленіе нерѣдкое вообще въ народномъ сказочномъ эпосъ; вспомнимъ героя одной Нъмецкой сказки, который въ теченіе дня быль львомъ, а вмісті съ нимъ всі его люди были львами, ночью же принимали они обыкновенный человьческій видъ (Grimm, Kindermärchen изд. 1850. 2, 9). Другой варіанть притчи о Китоврась сравнительно съ Румянц, текстомъ, состоитъ въ томъ, что Китоврасъ является братомъ Содомона. Замътимъ то, быть можетъ не случайное, обстоятельство, что въ Нъмецкомъ стихотворении, соотвътственномъ нашей повъсти, Морольфъ изъ грубаго, но мудраго поселянина дълается хитроумнымъ какъ Одиссей помощникомъ и такъ жебратомъ Соломона. Правда, Морольфъ и Китоврасъ играютъ различныя, даже противуположныя роди, - одинакова въ нихъ только мудрость, - но вообще следуеть заметить, что въкругу этихъ сказаній произошло странное смішеніе, указанное уже Гриммомъ въ Нъмецкой поэмъ. Въ нашихъ повъстяхъ смъщеніе миновъ достигло еще большей степени. Отлівльный факть преданья вносится въ другое, почему нибудь сродное ему преданіе, и новый разсказъ, забывая свое коренное начало и характеръ, представляетъ свою тему въ новыхъ краскахъ и подробностяхъ, между которыми трудно отличить первоначальное зерно мива. — Какъ чудесное существо, Китоврасъ давно быль известень въ старинной литературе нашей, хотя вероятно и не съ тъми свойствами, какія даетъ ему предыдущая повъсть. Въ Румянц. хронографъ 1494 г., № 453, л. 320-328 помѣщена «повѣсть о Китоврасѣ» (нач. «тогда же убо бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасъ. Осочиша же ѝ гдъ живетъ въ пустыни далнеи» и пр.); въ сборникѣ Царскаго, XVII въка, № 720, л. 236 находится статья «царство Соломона царя во Герусалимъ», о которой г. Строевъ выразился саћдующимъ образомъ: «исторія Соломона, откуда-то заимствована» (?), конечно апокрифическая (ср. Царск. № 286 л. 314 — 342). Върукописи Царскаго № 720 упоминается о Китоврасћ, и вфроятно такимъ же образомъ, какъ въ Румянц. хронографъ: по этому последнему тексту Китоврасъ былъ, какъ говоритъ г. Востоковъ, чудесное существо, исполненное мудрости и предвъдънія, или же родъ дикаго человъка, подобнаго отчасти простотою и грубостью Шекспирову Калибану. При всей мудрости своей, онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые налили виномъ и медомъ тъ колодцы, откуда китоврасъ пилъ обыкновенно воду, и когда Китоврасъ опьянълъ, они заключили его соннаго въ оковы: Соломонъ хотелъ спросить его совета, какъ тесать камни безъ помощи жельза для строенія храма, и проч. Этотъ апокрифъ, основанный на Кн. Цар. 1, 6. 7., упоминается въ стать о книгахъ истинныхъ и ложныхъ — «о Соломонъ цари и о Китоврасъ» (І. Экз. Болг. 210), — и былъ извъстенъ также въ древней Германской литературъ: въ одномъ Нъмецкомъ стихотвореніи XI — XII въка, Китоврасъ въ описаній этого приключенія названъ дракономъ (Diemer, D. Ged. des XI — XII Jh. Wien 1846, 107 — 114). Какъ большая часть сочиненій апокрифическихъ, сказанье о Китоврасъ занесено къ намъ безъ сомивнія изъ Византійскаго источника, имя Китовраса составилось конечно по Греческому произношенію слова жеута́орос. На основаніи этого имени могла образоваться и сказка о послітаювательныхъ превращеніяхъ его въ человіть и въ звітря. Если Китоврась похожъ былъ отчасти на дикаго человіть, одереннаго рітдкою мудростью, то есть иткоторая возможность сравнивать его съ первоначальнымъ Маркольфомъ, котораго встредакціи описываютъ человіткомъ въвысшей степени грубымъ, грязнымъ и уродливымъ; если можно было Маркольфу слітаться братомъ Соломона, то была такая же возможность и для Китовраса. Что въ этомъ превращеніи они получили различный смыслъ, зависілю отъ того, что переміны происходили подъ разными вліяніями и память основнаго преданія была затеряна.

Такимъ образомъ наша повъсть о Соломонъ не была въ средне-въковой литературъ фактомъ единственнымъ въ своемъ родъ, и Нъмецкая поэма о Морольфъ, принятая Гриммомъ за чисто-Германскую сагу, къ которой случайно были привязаны имена Соломона и Морольфа, имъла другой болъе отдаленный источникъ, откуда получила начало и Русская повъсть. Этимъ источникомъ и для Русскаго и для Нъмецкаго сказанія было конечно Византійское произведеніе, распространившееся ранъе XV въка: и въ Морольфъ и въ нашей повъсти не трудно найти общія черты, составляющія принадлежность средне-въковаго Византійскаго романа. Новъйшіе Пъмецкіе ученые принимаютъ уже въ отношеніи къ Морольфу Византійское вліяніе, но все еще даютъ ему мало мъста, менъе, чъмъ въ другихъ цамятникахъ той же эпохи, какъ въ Ротеръ, и чъмъ бы слъдовало по сущности дъла.

Ср. Gervinus, Gesch. d. deutsch. Dichtung, изд. 1853. 1, 204; — Cholerius, Gesch. 1, 156—158. — Легенда о Соломонъ, съ картинками, въ рукописи XVII в. находится также въ собраніи г. Забълина, № 72; но мы не имъли случая пересматривать этой рукописи.

Что касается до первой половины Румянц, текста, то и опа не была свободна отъ вліянія народной поэзіп и по мысли и по внішности, хотя, можеть быть, и въ меньшей степени. Имя Соломона не разъ встрічается въ народной словесности Славян-

8

скихъ племенъ; отмъченная нами Сербская сказка служитъ достаточнымъ свидътельствомъ того, что народная поэзія въ этомъ случать пользовалась чужими минами и обработывала ихъ по своимъ требованіямъ. Въ другой Сербской сказкъ, у Вука пг. 43 «Соломуна прокледа мати», завязка разсказа сходна съ началомъ нашей повъсти, которая передаетъ, какъ Соломовъ странствовалъ съ «гостями-заморянами» и какъ онъ спасъ ихъ отъ смерти, отгадавши загадки, предложенныя имъ царемъ (Давидомъ). Вотъ одна изъ этихъ загадокъ: «по конецъ моего царства стоитъ древо златовътвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе, сверьхъ того древа мъсяцъ сьяетъ, и около того древа у корени вкругъ пшеница бълоярая, вкругъже той пшеницы нива орженая силная». Соломонъ даетъ на нее следующій отвыть: «по конецъ твоего царства стоитъ древо златое (sic), то твое царство и царствіе; у того древа самоцвѣтное каменіе, то твои государевы ближніе пріятели и столные многіе цари и короли и князи и уланные и мурзы; сверькъ того древа мъсяпъ сьяеть, то ты государь царь; а около того древа по земли вкругъ пшеница білоярая, то твои ближніе бояре и околничіе и думные дворяне; и вкругъ же пшеницы нива орженая сильная, то твои православные христіане»....

Обращаемся къ другимъ сказаніямъ о Соломонъ, какія представляетъ старииная наша письменность. Одно изъ любопытнъйшихъ между ними, послъ Румянц, повъсти, есть «сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской цариць и о философъхъ» (нач. «царьствующу Давиду царю во Герусалимъ и родися ему сынъ Соломанъ») въ томъ же Толстовскомъ сборникъ 2. 140 л. 734-739. Статья въ сборникъ не дописана и въ срединів ея недостаетъ нівскольких влистовъ, такъ что мы снова не имфемъ возможности вполнъ опредълить ея содержаніе; кажется однако, что повъсть о Южской царицъ и загадкахъ ея составляла только эпизодическую часть сказанія. «Малу жь времени минувшу — начинается этотъ эпизодъ — пріиде къ нему нъкая царица отъ юга съ философы своими, хотяше царя Соломана искусити, и принесе ему дары многіе, злато сусалное и палицы еловые. Во единъ же день призва ея царь Соломанъ къ себъ, хотя слышати реченная отъ нея премудрости, царица

жь приде къ Соломану съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: повъждь ми, царица, которыхъ зверей, или скота, или птицъ мяса хощешь ясти, да повелю ти доспЕти? - Царица жь рече: отъ тахъ зварен доспаними потребу, что нази летаютъ межь неба и земли, костяныя крыль имьють, на небо не взираютъ, гласа не имъютъ. Соломанъ же поразумъвъ, что царица хощеть осетрины ясть, тогда Соломанъ повель поваромъ своимъ осетрины доспъти». Въ томъ же топъ продолжается бесъда ихъ и далье; загадки идутъ за загадками и мудрость Соломона всегда одерживаетъ верхъ. Восточное происхождение повъсти ясно обнаруживается въ ея складъ: споры о мудрости, выражаемые загадкою; цари, окруженные мудрыми совътниками, составляютъ очень извъстную принадлежность Восточной поэзіи; особенная форма загадки, доводимой постоянно ad absurdum, какъ увидимъ далве, уже знакома намъ изъ Восточнаго сказанія о Синагрипъ. Нъкоторыя загадки Южской царицы имъютъ много варіантовъ въ сказочномъ эпосъ разныхъ народовъ. Когда первое испытаніе было сдёлано — «царица жь втаи повель порядити молодцы, и дѣвицы красные острищи и въмужескія порты облъщи, и постави ихъ предъ царемъ Соломаномъ, и рече: повъдаи ми, Соломане, которы полко молодцы, а которые дъвицы? — Тогда Соломанъ повелъ слугамъ своимъ принести оръховъ и предъ ними посыпать, и повель имъ грабити. И начаша молодцы по своему чину орфхи грабить и въ корваны (= во рук. карнавы) своя кладуща; дъвицы же начаша грабити и въ рукавъ сыпать. Тогда Соломанъ разумѣ, кое молодцы и кое дівицы, и все цариці разсуди». Не собирая многихъ аналогическихъ примфровъ, укажемъ только Волошскую сказку (Schott, 125 — 135), основанную на подобномъ разръщени загадокъ, и разсказъ изъ Тибетскаго Дзанглуна, въ которомъ мудрая дівушка отгадываеть загадки, предлагаемыя однимъ царемъ другому: она отгадываетъ изъ двухъ одинакихъ лошадей мать и жеребенка, изъ двухъ одинакихъ змѣй отличаетъ самца и самку, въ совершенно ровной палкъ указываетъ верхній и коренной конецъ (Dsanglun o. der Weise und der Thor, aus d. Tibet. üb. v. Schmidt. St.-Pet. 1843. 2, 190). Болье простой варіантъ нашего разсказа внесенъ вълътопись Михаила Глики: здъсь онъ

переданъ такимъ образомъ: Ευόπτους παίδας ἄἰρενάς τε καὶ 为ηλείας οἰμοτρόπω στολῆ καὶ κουρᾶ τῆ αὐτῆ καλλωπίσασα, παρέστησεν αὐτῶ, ζητοῦσα έκατέρου γένους αὐτῶν διάκρισιν ποιήσασθαι. Ό δὲ νίψασθαι τούτους προστάξας τὸ πρόσωπον, έκατέρων τὴν φύσιν διέγνωκε. Τῶν μὲν ἀἰρενων ἀνδρικῶς τὰς ὅψεις καταψώντων, τῶν δὲ βηλειῶν ἀπαλῶς. Ἡ δὲ ἐκπλαγεῖσα εἶπεν, ὅτι πλείονα έωρακα ὑπὲρ ὁ ἤκουσα (Fabricii, Cod. pseudepigr. V. T. I, 1031—32). Царица не удовольствовалась такими доказательствами Соломоновой мудрости—

- Она же отиде во свою землю и подивись велии премудрости Соломоновъ; пришедши же ей во свое царство, и нача мыслити съ философы своими, кого послати къ Соломану и что глаголати. И посла царица слугу своего, ревше: пришли, Соломане, бъснаго з бъснымъ, а умного съ умнымъ! Соломанъ же той разумъвъ, посла ей вина (съ) скоморохомъ, а философа съ книгами. Она жь подивись премудрости его. И призва ю Соломанъ къ себъ, и приде тогда царица, и возва ю за объдъ; отшедшу же объду царь Соломанъ съдяще з боляры своими и философы, царица жь противъ съдяху со своими философы, и хотяще искусити Соломана, и рече: что есть четыре статьи—сухо, горечѐ, мокро, студено, ими же весь міръ состоится?— Отвъщавъ Соломанъ: сухо весна, горяще лъто, мокро осевь, студено зима.
- «И рече царица: аще соль изгність, то чёмъ ся пособить, дабы не изгнила? Соломанъ же рече: рогомъ коневымъ. Она же рече: а коли у коня рогь живеть? Соломанъ рече: а коли соль гність?
- «Царица же рече: а коли мертвецъ восплачеться, чѣмъ его утвшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: мгляное янцо дати ему. — Она же рече: како можешь во мглѣ янцо здѣлать? — Соломанъ рече: а коли мертвецъ плачетъ?
- «Царица рече: а коли нива поростеть ножи, чѣмъ ю пожать? Соломанъ рече: со всего свѣта собрать росу, и въ томъ сшить рукавицы, тѣмъ ю пожати. Она же рече: како можеть въ росѣ рукавицы вшить? Соломанъ же рече: а коли выростаетъ нива ножи?
- «Царица рече: аще наполнитца море воды, куды потекутъ ръки? Соломанъ рече: на небо тещи. Она же рече: какъ можетъ вода на небо тещи? Соломанъ рече: а коли наполнитца море можетъ?
- « Царица рече: что есть не гніющее на земли? Соломанъ рече: душа человьческая. — Царица рече: что лутче всего на семъ свъть? — Соломанъ рече: нравда. — Царица рече: кому подобна милость божія? —

Соломанъ рече: (солнцу); солнце сілетъ на влыхъ и на благія, такожь и Богъ милуетъ праведныя и грешныя.

- Царица рече: есть въ земли нашей кладезь велив чюденъ, самородень, и далече отъ града нашего стоитъ-чъпъ ево приближати?-Соломанъ рече ужищем песчаным привести его во граду. - Философы жь царицыны рекоша: госпоже царице, не мощи намъ противъ Соломана и его мудрецовъ. - И тако царица отойде съ мудрецы своими, дивяся Соломану

Затыть сказаніе переходить къ другому предмету: Соломонъ желаетъ показать свою премудрость передъ великими царями и идеть вь дальною страну, къ царю Индайскому; въ разсказъ упоминается далье Фараонъ в царь «изъ Персиды», но какого рода описываются зд всь приключенія, понять трудно, потому что списокъ не доконченъ и далеко не полонъ. Въ замѣчательномъ Румянц. хронограф 1494 г. находится другая редакція сказанія о Южской цариць, на об. л. 329 — 332 « о оужичкой црци» (нач. «и быт црца южискаа иноплеменница ммене малкатьшка. си преіде искусит соломона загадками»). Румянц. статья должна быть особенно любопытна какъ свидательство о древности этихъ сказаній, которыя безъ сомнічнія относятся къ старому періоду Русской письменности, когда преданья, образовавшіяся на почвѣ полу-восточной, переходили къ намъ посредством ь литератур ь Византійской и южно-Славянской.

Столько же давне въ письменности нашей другое произведеніе, основанное на преданьяхъ о мудрости Соломона. Это такъ называемые «судове Соломони», которые одинаково распространились въ западныхъ литературахъ среднихъ въковъ: отдъльные апизоды ихъ встръчаются и во Французскихъ фабльо и въ Итальянскихъ новеллахъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Въ нашихъ рукописяхъ, сколько извъстно теперь по печатнымъ каталогамъ, суды Соломона восходятъ до XV столетія, но начало ихъ еще древите; въ позднатимихъ сборникахъ они были нерѣдки.

Вотъ нъкоторые списки: - Румянц. хроногр. 1494 г. л. 332 -336 «судове соломони»; выше на л. 328 - 329 помъщенъ такъ же одинъ «судъ соломонь», нач. «се паки идоша 3 мужа ва путь свои ямуще чересы со златомъ -- второй по нашему издоженію; — Румянц. хроногр. № 454 гл. 36, 4 «о судѣ соломони» и друг.

- Толст. 2. 53 Публ. Б-ки XVII. Q. 23 сборн. XVII в., обор. л. 134—147 «судове премудраго царя Соломона вкратцѣ», начин. «бысть царь Соломанъ премудры премудростин и притчами и гаданми» и пр.: Толст. 2. 140, сборникъ упомянутый выше, на л. 541—543 отрывовъ, заключающій только два «суда» и начало третьяго.
- Царск. № 286 Падея начала XVI в. л. 335—342 «суды евръйскаго царя Соломона, сына Давыдова», нач. «бысть Соломонъ, мужь мудръ, притчами и гаданми».
- Забълина, въ сбори. XVIII в. № 82 · повъсть о премудрости Соломона царя о мужескомъ полу и женскомъ въроятно пятый, по нашему изложению, судъ Соломона.
- Ундольскаго, въ названномъ прежде сборникѣ XVII в. находится повѣсть «о судѣ царя Соломана», нач. «ко царю Соломану пріиде».....

Въ Судахъ Соломона излагаются разныя мудрыя рѣшенія его въ самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ; характеръ приключеній совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ восточнаго вымысла. Въ Толстовской рукописи 2. 53 суды переданы слѣдующимъ образомъ:

- об. л. 134 Судъ первый нат. «Во дни Соломона царя бысть мужъ имѣя три сыны; умираяй мужь той и призва къ себѣ всѣ три сыны своя» онъ сказалъ имъ, что у него зарыто въ земъѣ сокровище, «три спуда, сирѣчь кушыны»: верхнее долженъ былъ взять старшій сынъ, второму достанется середнее, а меньшому нижнее. Сыновья, по смерти отца, отрыли сокровище и нашли, что верхнее было полно золота, второе костей, третье персти; братья заспорили и пошли наконецъ къ Соломону, чтобы онъ разсудилъ и раздѣлилъ ихъ. Соломонъ отдалъ старшему сыну золото, середнему скотъ и челядь, меньшому винограды, нивы и жито.
- л. 135 Второй судъ нач. «Идоша три мужи нѣкія еврейстів на путь имущи на себѣ чресы (= пояса) своя полны злата»; остановившись на ночлегѣ, они согласились зарыть ихъ въ землю, чтобы сберечь отъ разбойниковъ; но одинъ изъ путниковъ всталъ ночью и, вынувши чересы, зарылъ ихъ въ другое мѣсто.

На утро всв были равно опечалены пропажей золота, такъ что ни въ комъ изъ нихъ нельзя было подозртвать обманщика; но такъ какъ кромъ ихъ никто не зналъ, гдъ золото было спрятано, они отправились за решениемъ къ Соломону. Когда они изложили царю свое дело, Соломонъ разсказалъ имъ повесть: «одинъ отрокъ, обручившись съ дѣвицей тайно отъ ея родителей, бросилъ потомъ ее, уфхалъ въ другую землю и тамъ женился; родители дъвицы, не зная, что она обручена другому, выдають ее за мужь, - однако она открыла супругу тайну, которой не смѣла сказать ему передъ родителями. Новый мужъ не хотель нарушить чужаго права и отправился съ супругой къ ея первому обрученнику - спросить, соглашается ли онъ уступить ее; тотъ изъявилъ согласіе и супруги предприняли обратный путь. На дорогѣ на нихъ напали разбойники, но львица разсказала начальнику ихъ свою исторію и тронутый разбойникъ отпустилъ ихъ не взявъ ихъ имущества». Окончивъ повъсть, Соломонъ спросилъ путниковъ, кто изъ этихъ лицъ болъе правится имъ. Двое сказали, что лучше всъхъ безкорыстный и правдивый отрокъ, не захотившій взять чужую невисту: но укравшій деньги возразиль, что разбойникь по его межнію лучше, потому что возвратилъ имущество, которое ему нужно было бы удержать. Соломонъ укорилъ его, говоря, что онъ охотникъ до чужого имънія, и путникъ сознался въ своемъ обманъ.

а. 138 Судъ третий нач. «Во дни Соломана паря бысть мужъ богать въ Вавилон и не имъяще дътей; изжившу же ему половину дней своихъ, и постави себъ раба въ сына мъсто». Онъ послалъ его торговать, и рабъ, разбогат вши въ Герусалим сталъ наконецъ считаться «в болярехъ». У хозлина его родился между т вто сынъ и вскор в посл в того отецъ умеръ; сынъ выросъ и услышавъ от в матери о разбогат вшемъ рабъ отца, отправился въ Герусалимъ. Тамъ онъ увид влъ прежняго раба сидящаго за объдомъ у Соломона; отрокъ спросилъ, тотъ ли это богачъ, что былъ прежде рабомъ, и подошедши, ударилъ его по лицу; вс в изумились и отрокъ объявилъ, что ударилъ раба отца своего. Чтобы повърить слова его, Соломонъ вел влъ привезти изъ Вавилона плечную кость его отца, и потомъ пустить

кровь сыну и рабу, кровь послѣдняго не пристала къ кости; кровь сына напротивъ осталась на ней.

об. л. 139 Судь четвертый нач. «Во дни Соломана царя бысть мужъ имъяй шесть сыновъ, а седмую дщерь». Умирая, отецъ отказалъ дочери тысячу золота, а все имѣніе отдалъ старшему сыну; остальные начали спорить противъ этого распоряженія и пришли на судъ къ Соломону. Чтобы разръшить ихъ дъло, царь вельль братьямъ принести правую руку отца ихъ, а между тымъ послалъ отроковъ своихъ посмотръть, какъ они это сдълаютъ. Отроки разсказали ему, что пятеро сыновей хотфли взять руку мертваго отца, но старшій обхватиль гробь руками и не допускалъ ихъ до этого. Соломонъ призвалъ братьевъ и присудилъ все имініе старшему, потому что остальные не были истинными дътьми этого человъка; когда была призвана и мать ихъ, она признала справедливость ръшенія. — Во Французскомъ фабльо Le jugement de Salemon находится подобный разсказъ: братья спорили о наследстве, и Соломонъ велелъ имъ стрелять въ мертвое тело отца — кто попадеть, тоть получить именіе; когда старшій выстр'влиль, Соломонь отказаль ему вы наслідствь и отдалъ имъніе другому брату (Barbazan et Méon, Fabliaux ou Contes des poètes fr. de XI — XV siècles, Paris 1808, 2, 440— 442). Исторія передълана также въ 45-й главь извъстнаго сказочнаго и легендарнаго сборника среднихъ въковъ — Gesta Romanorum, — и отсюда перешла и въ Русскій переводъ этого произведенія.

л. 141 Судь пятый нач. «Посемъ же Соломанъ царь помысли, испытать хотя, что есть смыслъ мужески и что есть женски, и призва болярина своего, отъ своихъ ему предстатель, имя ему Декиръ, и рече насдинѣ ему» и т. д. Соломонъ объщалъ раздѣлить съ нимъ царство, если онъ отсѣчетъ голову своей женѣ; Декиръ не рѣшился исполнить царскаго повелѣнія и скорѣе хотѣлъ подвергнуться гнѣву Соломона, нежели сдѣлаться убійцей матери своихъ дѣтей. Тоже испытаніе повторено было и съ женой, которая за царскую милость тотчасъ готова была погубить мужа. «Соломанъ же царь славный повелѣ вписать (въ) соборникъ повѣсть сію и сказа велможемъ своимъ о томъ, яко дивитися имъ, и рече царь: обрѣтохъ въ тысящи мужей мудрыи многи, а жены не обрътохъ во тмв ни сдиной мудрыя, — во всемъ свътъ». Эта повъсть, какъ увидимъ далье, занесена такъ же въ старивное Русское «поученіе отца къ сыну о женской злобъ», - потому что очень идетъ къ основной мысли сочиненія.

л. 146 — 147 Судъ шестой нач. «И въ то время сотвори Соломанъ парь пиръ великъ боляромъ своимъ и велможамъ и вствить отрокомъ своимъ» и т. д. Известный разсказъ о споре двухъженщинъ за ребенка, находящійся и въдревней редакція Маркольфа, откуда перешелъ въ Итальянскую исторію Бертольдо и въ другія произведенія популярной литературы.

Намъ не встръчались болье полные списки «судовъ», другія повъсти также извъстны не вполнъ, но уже изъ примъра перваго сказанія можно видіть, что эти разсказы находили въ старину большое сочувствіе въ читателяхъ и до некоторой степени стали принадлежностью чисто-народной словесности. Интересныя приключенія, сказочныя подробности, неопредъленность лицъ и событій, безпрестанныя загадки и мудрыя рышенія, примъсь фантастического начала, все это напоминало отчасти эпическіе мотивы народной поэзіи и придавало этимъ сказаньямъ особенную завлекательность. Сербскія сказки, изданныя Караджичемъ, представляютъ любопытные факты въ этомъ отношеніи и отчасти дополняють тіз данныя объ исторіи этихъ миновъ, какія находятся въ старой нашей письменности. Въ одной изъ сказокъ, пг. 42, повторилось преданье о Соломонъ, соотвътственное Германской поэм' во Морольф и весьма близкое къ старинной Русской повъсти: отсюда обнаруживается соотношение народной сказки съ памятниками письменной литературы. Другая сказка, у Караджича пг. 41 «ђевојка, удовица и пуштеница», предполагаетъ такое же книжное начало. Одинъ человъкъ задумалъ жениться; ему предлагали въ жены одни - дъвушку, другіе — вдову, третьи — жену, разведенную съ мужемъ; всѣ три нравились ему одинаково и онъ совершенно недоумъвалъ, которую изъ нихъ выбрать, — наконецъ одинъ старикъ посов втовалъ ему идти къ «премудрому». Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидълъ ребенка, разътзжавшаго верхомъ на палочкъ, и спросилъ его о своемъ дълъ; Соломонъ — это былъ именно онъ - отвівчалъ ему: «ако узмені февојку, ти знаш; ако узмеш удовицу, она зна; ако ли узмеш пуштеницу, чувај се мога коњя!» — и съэтими словами ударилъ его слегка по ногъ. Человъкъ удивился странному отвъту, но тотъ же старикъ объяснилъ ему значение этихъ словъ: если онъ женится на дъвушкъ, то будетъ главой въ семействъ; если женится на вдовъ, то жена будетъ управлять имъ; если же возметъ разведенную жену, то долженъ спасаться, чтобы и съ иимъ она не сделала того же, что съ первымъ мужемъ. — Следовательно, это также одинъ изъ «судовъ», по своему загадочному рѣшенію сходный съ новеллой Боккачьо, giorn. IX. nov. 9. Источникомъ сказки былъ древній сборникъ «судовъ», который быль извістень въ древней Сербской литературъ, какъ и въ нашей письменности. Въ третьей Сербской сказкъ, у Вука пг. 43, къ Соломону отнесено испытаціе морской глубины и небесной вышины, которое въ баснословномъ повъствованім псевдо-Каллисоена приписывается Александру Македонскому; летанье на птицахъ описано отчасти такъ же, какъ въ Арабской сказкі о Синагрипі или въ Плануловой біографіи Езопа, но бол'ве сходно съ псевдо-Каллисоеномъ. Воздушные полеты на птицахъ или на змъв могли принадлежать и національному преданью, потому что упоминаются в въ Славянскихъ минахъ: но въ этихъ последнихъ неизвестно, кажется, испытанье морской глубины, какое сдълано было Александромъ и Соломономъ, и потому скорће должно видъть въ Сербской сказкъ чужое преданіе, самимъ народомъ привязанное къ имени лица, мудрость котораго была уже знаменита по другимъ сказаніямъ. Вообще наши повъсти и Сербскія сказки о Соломонъ представляютъ разрозненныя части цълаго цикла сказаній объ этомъ лиць, сроднившагося и съ минами чисто-народными; возстановить и объяснить этотъ циклъ теперь тъмъ труднье, что повыствовательный и сказочный отдыль Славянской народной литературы до сихъ поръ извъстенъ очень мало.

Отивтимъ наконецъ статьи, относящіяся къ преданьямъ о Соломонв и которыхъ намъ не случилось просматривать: — Толст.

1. 306 скороп. сборн. XVII в. л. 325—326 «повість дивна о царів Соломонів»; — ibid. 2. 195 Публ. Б-ки XVII. Q. 67 скороп. сборн. XVII в. л. 134—135 повість того же назва-

нія: — Б-ки *Моск. Общ. Л* 213 сборн. нач. XVIII вѣка, л. 155—158 «повѣсть о премудрости Соломона царя, о нравоученім человѣческаго житія и о спасеніи душъ христіанскихъ».

Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ встръчается и много другихъ полу-апокрифическихъ исторій, которыя съ теченіемъ времени перерождались въ обыкновенныя сказочныя повъсти. Таково, напримъръ, «Сказаніе о златомъ древъ и о царъ Левтасаръ» (нач. «азъ есмь царь Михаилъ благочестивъ зъло») въ небольшомъ Погодинскомъ сборник В И.Б-ки № 1776, л. 9—14. гдѣ къ разсказу о златомъ древѣ, на которомъ были «птицы златыя и сребреныя, а поютъ различными гласами», -- странно присоединена передъланная исторія Валтасара. Другой варіантъ разсказа «о царѣ Валтасарѣ Вавилонскомъ» находится въ Толст. сборник 2. 53 на об. л. 147 — 149 (нач. «Валтасаръ, царь Вавилонскій, взятъ сосуды церковныя» и проч.). Впрочемъ разборъ подобнаго рода произведеній не относится къ нашей задачь, хотя и могъ бы доставить не мало любопытныхъ фактовъ для объясненія старинной популярной словесности; многія повъсти этого разряда, иногда принадлежащія глубокой древности, продолжають свое существование и теперь въ известномъ классв читателей.

Упомянемъ наконецъ повъсть «о двънадцати снахъ Мамеря царя», о началъ и содержаніи которой мы не имъемъ однако никакихъ свъдъній, потому что не находили ея въ рукописяхъ Толстовскихъ и Румянцевскихъ. Въ другихъ собраніяхъ списки ея неръдки, и сколько можно судить по описаніямъ въ каталогахъ, она должна относиться къ тому же апокрифическому отдълу и имъетъ нъсколько различныхъ между собою редакцій.

Списки: Б-ви Моск. Общ. № 211 сборн. начала XVIII вѣка, л. 186—193 «Слово о снѣхъ Мамеря царя» безъ конца, нач. «бысть въ нѣкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ Дириній»; — № 213 сборн. нач. XVIII в. л. 150—155 «Слово о послѣднихъ днехъ, видѣніе царя Принея, именемъ Матера, зѣло пречудно и ужасно» — конечно то же самое; — № 217 сборн. XVII в. л. 80—103 «Сказаніе о 12 снахъ Мамеря царя», нач. «бѣ нивкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ Ири-

ней»: въ этомъ сборникъ помъщены большею частью статьи мистическаго характера, къ которымъ принадлежитъ въроятно и это сказаніе; — № 223 сборн. новый, об. л. 796—805 «Сказаніе о двухнадесяти снахъ нъкоему царю богомудрому».

- Царск. № 389 сборн. XVII в. д. 415—438 «Свазаніе о снъхъ Мамера царя»; № 407 сборн. XVII в. д. 125—133 «Сказаніе о 12 снахъ, иже проявлени будутъ на послъдніе времена», нач. «градъ Аригенескъ, а въ немъ царь Шаханщъ (?), видълъ 12 сновъ и бысть о нихъ ведми печаленъ».
- Ундольскаго, тотъ же сборникъ XVII въка заключаетъ и «повъсть како видъхъ (?) царь Мамеръ единой нощи 12 сновъ», нач. «бъ не въ коихъ странахъ» и проч.

IV.

Исторія Варлаама и Іосафата. — Притчи правственно-религіознаго содержанія. — Старинные сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгъ. — Повъсти, основавныя на загадкахъ.

Западно-Европейскія литературы имѣли свои, довольно тѣсныя связи съ Византіею: много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ нихъ съ востока путемъ Византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обработывалось ими болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ Византійскаго источника или устнымъ преданіемъ или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась между прочимъ и знаменитая исторія Варлаама и Іосафата: на западѣ, основаніемъ ея извѣстности былъ Латинскій переводъ съ Греческаго; у насъ переводъ старо-Славянскій.

Исторія Варлаама и Іосафата, или Іоасафа, — духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство Индѣйскаго царевича Іоасафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ м молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная гравюра XVII стольтія, сдъланная Симономъ У шаковымъ и приложенная къ Московскому изданію этой исторів. Авторомь этого произведенія нъкоторыя старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина, другія просто Іоанна; въ иныхъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Іоаннъ Синайскій или Іоаннъ Авствичникъ. Въ заглавіи изданнаго Греческаго текста поставлено имя Іоанна, монаха изъмонастыря св. Савы: Ίστορία ψυχωφελής έχ τῆς ἐνδοτέρας τῶν Αιβιόπων χώρας τῆς Ἰνδῶν λεγομένης πρός την άγίαν πόλιν μετενεχθείσα διά 'Ιωάννου μονάγου τιμίου καὶ ἐναρέτου μόνης τοῦ άγίου Σάβα ἐν ή ὁ βίος Βαρλάαμ καὶ Ίωασάφ των αοιδίμων και μακαρίων. Сытыненіе именъ могло произойти темъ легче, что Дамаскинъ жилъ такъ же въ этомъ монастыръ. Большая часть новъйшихъ ученыхъ не ръшаются приписать исторію Варлаама Дамаскину и вопросъ до сихъ поръ остается нервшеннымъ; иные считаютъ ее сочиненіемъ какого пибудь восточнаго, быть можеть Эніопскаго или Абиссинскаго христіанина, сочиненіемъ, перепіедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынникъ Варлаамъ былъ лицо историческое, видно изъ свидътельствъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III - IV стольтін по Р. Х., въ земль Сеннааръ, въ Азін. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іосафата былъ Греческій тексть, переданный въ Латинскомъ перевод в Георгія Трапезунтскаго (Georgius Trapezuntius); легенда принесена была въ 1220-33 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва въсколько Нъмецкихъ и Французскихъ обработокъ въстихахъ и въ прозъ; по съверно-Французской передлакт сдъланъ былъ въ началъ XIV въка переводъ Итальянскій; изъ Нъмецкой литературы произошла Шведская народная книга Barlaam och Josaphat и Исландская Barlaams - saga; по Латинскому подлиннику составилась Испанская редакція. Въ Чешской литературѣ переводъ Варлаама и Іосафата появился еще въконцѣ XV столѣтія (Jungтапп 113); Польскій переводъ Кулиговскаго сділанъ по Латинскому Як. Биллія и напечатанъ въ Кракові 1688 (ср. Bentkowski 2, 396). Печатныя изданія Варлаама очень давни: editio princeps одного Латинскаго перевода — Incipit liber gestoru bar-

laam et iosaphat servoru dei greco sermone editus a iohane damasceno viro saucto et erudito — вышедшее s. l. et a., относять къ 1470 — 80 годамъ (Argent.), следовательно къ числу самыхъ ръдкихъ инкунабуловъ; очень стары такъ же Нъмецкое и Чешское изданія; объ Англійскомъ см. Watt, Bibl. Britannica 282 x. Наконецъ исторія Варлаама извістна и въ нікоторыхъ восточныхъ литературахъ: Еврейская передълка ея подъ названіемъ «царевичь и дервишъ», составленная по Арабской редакціи, есть одна изълюбимыхъ книгъ новой Еврейской литературы; издавна и досель она печатается неръдко и переведена теперь на Нъмецкій языкъ (Meisel, Prinz u. Derwisch. Stett. 1847); объ Армянской передълкъ — roman d'Hovasaph et Baragham — упоминаеть ак. Броссе въсвоемъ отчеть объ археологическомъ путешествін въ Грузію (Rapports sur un voyage etc. St.-Pet. 1849. 1 livr. p. 59). Нъкоторые замъчательные факты изъ литературной исторіи Варлаама и Іоасафа объяснены или открыты только въ послъднее время и потому до сихъ поръ нътъ общаго обзора ея, въкоторомъ бы вполив представлены были начало и судьбы этого произведенія; такъ, недавно только определена ак. Дорномъ Арабская редакція Варлаама, найденная върукописи, принадлежащей Его Высокопр. А. С. Норову.

Библіографическія и литературныя замѣчанія у Grässe, Sagen-kreise 460—463, Lehrbuch 2, 1, 351 ff.; — Fabricii, Bibl. gr., ed. Harless 9, 737. 12, 73; — Val. Schmidt въ Wiener Jahrb. Bd. 26, S. 33 ff. и др. Греческій текстъ изданъ Буассонадомя въ его Аνέκδοτα, Anecd. graeca. Paris. 1832. t. 4, 1—365; — Schubert въ Wien. Jahrb. Bd. 63, 44—83. Bd. 72, 274—288. Bd. 73, 176—202. Скандинавская ред. Barlaams ok Josaphats saga. Christ. 1851. Новъйшія изслѣдованія: Steinschneider въ Zeitschr. d. d. morg. Ges. 1851. 5 Bd., 1-es Heft; ак. Дориз и Минцлофъ въ Bulletin hist.-philolog. t. 9, № 20—21. Характеристику содержанія см. у Донлопа 27—32, Холевіуса іб. 164—166.

Русскій или върнъе старо-Славянскій переводъ Варлаама давно уже примкнуль къ этой литературной исторіи; древнъйшіе списки его восходять къ XIV — XV стольтіямъ. Варлаамъ и Іоасафъ, въ старо Славянскомъ переводъ, принадлежалъ и южно-Славянской письменности въ той же, если не въ боль-

meй, степени, какъ и Русской; онъ принадлежитъ, безъ сомивнія, той эпохв, когда между ними поддерживалось авятельное общение въ памятникахъ литературы. Миклошичь упоминаетъ Сербскую рукопись Варлаама, принадлежащую XVI вѣку (Vergleich. Gram. d. slav. Spr. I, xiv). Какъ на западъ, такъ и у насъ, исторія пользовалась большимъ уваженіемъ; почти въ каждой изъ старинныхъ нашихъ описей книгъ упоминается одинъ или и всколько экземпляровъ Варлаама и Іоасафа. Укажемъ для примъра переписную книгу домовой казны патр. Никона, опись книгамъ митроп. Павла, Сарскаго и Подонскаго. опись степенныхъ монастырей, составленную въ XVII стольтіи (Времен. кн. 15, Чтенія 1848); въ последней «книга Іоасафа или Асафа царевича» поминается безпрестапно, — подъ № 2044 означена «книга Іоасафа царевича, въ доскахъ, писменая, въ десть (т. е. in-folio), ветха, на хараты». Объ успъхъ Варлаама, кромъ значительнаго числа списковъ его, извъстныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVII-мъ стольтіи вышло два изданія этой книги: одно для Бълорусскихъ читателей. другое въ Москвъ. Первое, въ четверку, съ слъдующимъ заглавіемъ, помѣщеннымъ среди грубыхъ изображеній Варлаама, Іоасафа, Іо. Дамаскина, царя Авенира и пр.: Гисторія албо Правдивое выписан(е) ст. ไоанна Дамаскина о жити стых Прп. оць Варлаама госафа и о наверненю Індіянь. Старанем и коштом Іноковъ Общежителного Монастыра Кутеенского, ново з Грецкого и Словенского на Рускій языкъ преложена. в Типографіи тоей обители. Року ахлз іюля, кв дня»; затымъ на 4 л. предмова, на 4 л. оглавленіе, въ книгъ 363 листа. Въ предисловіи издатели объясняють, почему они издали «ново простымь языкомь Рускимъ для снаднъйшого (т. е. легчайшаго) понятья и науки» эту книгу, которая вмість съ другими сочиненіями Дамаскина «на семомъ Вселенскомъ соборѣ апробована, а за часомъ з Кгрецкого на Латинскій и Словенскій языкъ переложена»; на вослѣднемъ листь «пъснь святого Іоасафа, кгды вышоль на пустыню» и затьмъ «пересторога до ласкавого чителника», котораго просятъ о исправленіи ошибокъ. Московское изданіе folio; на заглавномъ листъ прекрасно выгравированныя Симономъ Ушаковымъ изображенія мира и брани; заглавіе: «Во славу Святыя Троицы,

Отца и Сына и Святаго Духа: Повельніемъ благочестивъйшаго великаго государя нашего царя, и великаго князя Өеодора Алексіввича, всея великія, и малыя, и білыя россіи самодержца: Благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомолца, великаго господина святвишаго Куръ Іоакима, Патріарха Московскаго, и всея россіи: Издадеся книга сія содержащая Історію, или пов'єсть святаго и преподобнаго отца нашего Іоанна, иже отъ дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножители: и о Іоасаф'я цар'я Індійстемъ.... Въ царствующемъ великомъ градъ Москвъ, въ тупографіи верхнай: Въ льто отъ сотворенія мира, зрпо: Отъ рождества же по плоти Бога Слова, ахи: Індікта, д.: Мфсяца септевріа». На л. 1—4 «предисловіе въ читатели», въ стихахъ, и оглавление, на л. 5-13 служба святымъ (ноября 19); затъмъ, по новому счету, л. 1 — 4 «стиси краесогласній въ похвалу преподобнаго отца нашего Іоасафа царя индійскаго», за которыми следуеть табличка изъ буквъ, въ извъстномъ порядкъ составляющихъ фразу, - родъ шарады, — потомъ другая уже упомянутая нами картинка Симона Ушакова, и текстъ на л. 1 — 215. Последние два листа заняты новыми стихами, въ которыхъ заключается «молятва святаго Іоасафа въ пустыню входяща», отличвая отъ помъщенной въ первомъ изданіи. Въ описаніи старопечатныхъ книгъ гр. Толстаго оба изданія отмѣчены подъ № 87 и 164, Царскаго № 108 и 213. Укажемъ теперь накоторые списки:

- Толст. 2. 89 Публ. Б-ки І. Q. 315 рукопись XV въка на 200 л.: «Сік писанік дійеполезно о вноутреньти необольскым страны глемына индій въ град чтный пренеено (sic) ї одином михом міжем чтным и добродітелным монастыра стго савы внеміже житіе варлама ї їасафа прнопаматною и бжтвеною, ги бігви», нач. «елици оубо дхомъ бжиймъ водими сут. си суть сиве бжий» и пр.; Толст. 1,255 представляетъ другой списовъ XV-го въка. Рукопись XIV в. указывается въ пред. къ Лавр. літ., изд. А. Ком.
 - Царск. № 679 рук. XVI в. 273 л. съ тѣмъ же заглавіемъ; № 90 рук. XVII в. «Повѣсть полезна житія святыхъ и преподобныхъ отецъ, пустынножитель и постинкъ Индъйскихъ, Варлаама пустынника и ученика его Іоасафа

царевича, сына Авенъра царя Индъйскаго, — списано Иванномъ мнихомъ обители св. Саввы, иже въ Герусалимъ — см. также № 91; — отрывки изъ Варлаама находятся въ рпсяхъ XVI в. № 384 и 388, въ сборникахъ XVII в. № 401 и 425, и въ рукописяхъ болъе новыхъ № 477, 492 и 570.

— Б-ки Моск. Общ. Л. 157, Патерикъ Печ. нач. XVI в., гдъ на л. 182-194 находится неполная исторія Варлаама: «Сія книга принесена изъ внутренняя Ефіопія, глаголемыя Пндійскія страны, во святый градъ Іерусадимъ, Іоаномъ мнихомъ, мужемъ честнымъ и добродътелнымъ, сущаго монастыря св. Сявы, изъображение душеполезно, - сія книга царя Асафа дъяніе, ему же наказатель авва пустынникъ Варлаамъ - по мивнію г. Строева пропозрафь позднівіших в псторій о Варлаамь (?); странность и неправильность этого выраженія была уже замъчена г. Ундольскимъ (Москв. 1843. 3, 168); — 1972 рук. конца XVII в. на 384 л., заглавіе почти такъ же, какъ въ въ Царск. № 90; — № 57 сборн. житій, XVIII въка, стр. 627-681 сокращенное изложение истории, -- чотъ св. Іоанна Дамаскина вкратцѣ собранное»; — Л. 302 рук. XVII в. на 139 д. кажется такъ же сокращеніе. Рукопись М. Общ. № 73 есть списовъ съ Московскаго печатнаго изданія.

Время старо-Славянского перевода трудно опредълить съ точностью, по недостатку положительных в извістій; но во всякомъ случав несомивина большая его древность. Сколько можно судить по чергамъ языка въ болье древнихъ рукописяхъ, исторія Варлаама могла перейти къ намъ изълитературъ южно-Славянскихъ въ XIV, а можетъ быть въ XIII въкъ, или даже раньше. Старо-Славянскій характеръ языка съ значительной силой выдерживается и въ позднихъ спискахъ. Что касается до подлинника, по которому сафланъ былъ нашъ переводъ, ифтъ никакого сометнія, что онъ быль Греческій, хотя иные и думали, что прототипомъ нашей редакців быль Латинскій переводъ Георгія Трапезунтскаго; самое заглавіе нашихъ древнихъ списковъ представляетъ буквальный переводъ Греческаго заглавія; сравненіе текстовъ окончательно говорить за оригиналь Византійскій. Оба печатныя изданія составлены по тексту рукописей, а не по новому переводу, но конечно не безъ перемінь, — Греческій подлинникь могь быть взять только для

справокъ. Трудъ первыхъ издателей состоялъ главнымъ образомъ въ передълкъ Славянскаго языка на «Русскій», т. е. на Бълорусское или Польско-Русское наръчіе, какое господствовало у всъхъ писателей нашихъ того времени, жившихъ и дъйствовавшихъ въ западной Руси; Московское же изданіе осталось болье върно старому чтенію, но подновляло языкъ подъ уровень тогдашняго книжнаго языка. Елинство перевода не трудно замътить, сличая этотъ печатный текстъ напримъръ съ Толст. спискомъ 2. 89.

По справедливому замъчанію Донлопа, исторія Варлаама в Іоасафа особенно интересовала читателей апологами и притчами, вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался выв для убъжденія царевича. Большая часть ихъ, по самому характеру вымысла, принадлежить очевидно восточной фантазін; за каждымъ разсказомъ следуеть христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извъстны въ средне-въковыхъ литературахъ Европы; передълки и подражанія имъ неръдки въ западныхъ сборниках в повестей, новелать и сказокъ. У насъ эти статы давно уже выбраны были изъ исторіи Варлаама и безпрестанно переписывались въ сборники; независимыя отъ главнаго сюжета, притчи Варлаама ходили отдъльными разсказами и вы послъдствін приписывались даже другимъ лицамъ и писателямъ христіанскимъ. Такова напр. «притча о инърозь», какъ названа она въ Толст. рукописи 2. 89, находящаяся въ 12-й главъ подлинной исторів: одинъ путникъ, встрѣтивши въ полѣ «внорога», побъжаль отъ него чрезвычайно испуганный, и попаль въ пропасть, успълъ однако схватиться за дерево и удержался на воздухф; путникъ посмотрълъ внизъ и увидълъ, какъ двъ мышм, бълая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; на див пропасти яростно изгибался страшный зыва, дышавшій огнемъ, — и хотьль пожрать путника; изъ стіны выходили четыре головы аспидовы. Въ то же время путникъ увидћав на деревћ капаю меда, и забывъ окружавшіе его ужасы, «устремился къ сладости малаго меду». Притча изображаетъ жизнь человіческую: инорогь, преслідующій человіка, есть неумолимая смерть; дерево, подгрызаемое мышами, - время,

уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; эмфй огненный — адова утроба, которая стремится пожрать человъка; аспидовы главы — «прелестныхъ стихъй составъ» т. е. его физическія слабости; капля меду — краткія пріятности жизни, заставляющія человъка забывать объ ужасахъ смерти и о въчномъ спасеніи. Источникъ этой притчи указывали въ Арабской передълкъ Гитопадезы, извъстной подъ вменемъ Калила-ва-Димна (Lois.- Deslongchamps, Essai sur les fables indiennes p 64); отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 168 главі Gesta Romanorum (übs. v. Grässe, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на Нъмецкій языкъ въ своемъ собранія, у насъ она изв'єстна въ изящной передачь Жуковскаго, «изъ Талмуда». Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ «притча о богатыхъ, изъ Бомарским книгъ» встръчается очень часто, вногда съ именемъ, иногда безъ имени Варлаама; въ Румяни. сборникъ XVII въка, № 363, на л. 157 — «выписано изъ промога и изъ иныхъ различныхъ книгъ о дуповней ползъ», -статьи нравственно - религіознаго содержанія, отміченныя по главамъ, между которыми 27-й главой помъщева притча наша подъ заглавіемъ «слово св. преподобнаго отца нашего Еврима (sic) о житін семъ, благослови отче» (нач. «человіткъ нікін хождаше на полъ чистъ и не бъ въ поле томъ ни дебріи ни лъсу» в пр.); имя Ефрема поставлено по ошибкт или по другому поводу. У насъ былъ извъстенъ впрочемъ и другой разсказъ этого содержанія, нісколько отличный отъ притчи Варлаама и составленный по какой нибудь особенной редакція аполога.

Укажемъ некоторые изъ многочисленныхъ списковъ этой притчи: - Румянц, въ новонъ сборникъ Л. 374; - Царскаго, въ сборникъ и въ Памарагдахъ XVI въка, 🎤 373, 142, 691, — въ сбори. XVII в. Л. 389, 410, 721; — Толст. въ риси XV въка 1. 214, въ сборникахъ XVII въка 2, 67, 3, 74... и друг. Статья называется такъ же притчей Вардаама во животь и смерти», притчей Варлаама «о богатыхъ» и т. п.

Другая притча «о трехъ друзехъ», въ 13 главѣ исторіи, разсказываетъ, какимъ образомъ одинъ человъкъ, подпавшій гибву царя, оставленъ былъ двумя друзьями своими, которыхъ очень любиль, и неожиданно получиль помощь отъ третьяго, кото-

рым в прежде преисбрегалъ. Мораль притчи состоитъ въ томъ, что первые два друга т. е. богатство и сродники, не принесутъ человьку спасенія, хоть онъ и заботится о нихъ, а третій другъ т. е. въра, надежда, любовь и прочія добродітели, хотя и не столько уважаемыя человъкомъ, всегда бываютъ для него благодетельны. Притча, также известная въ средне-вековых в западныхъ литературахъ, въ сборникѣ Царск. XIV вѣка. № 361, л. 81 — 82 названа «притча св. Варлама о печали житійстьй, в о суетнымь богатствы, и о милостыни» (нач. «человыкъ ныкто имънше три другы, двою же любляше и чтяше» и пр.); такъ же она означена въ Макар. Минеяхъ, подъ 16 апръля, и въ другихъ позднихъ спискахъ. Въ Патерикъ Печ. XVI въка, Б-ки Моск. Общ. № 157, об. л. 166 — 168 статья названа «притча шестая Варламля о печали жит в стей и о сустивы богатствы и о жень и о дътъх и о блазъй милостыны» (нач. «человъкъ ивкто им вя три другы» и пр.); въ сборникв Царскаго, XVII-го въка, № 410 л. 266 — 268, притча озаглавлена «повъсть великаго Василія», какъ предыдущая приписана была Ефрему.

Другіе списви: — *Царск.*, въ Измарагдѣ XVI в. № 142 и 691, въ сборникѣ XVII в. № 389; — *Толет.* въ сборникѣ XV в. 1. 214; — *Б-ки Моск. Общ.*, въ сборникѣ XVII в. № 222; — *Румянц.* сборн. № 363 въ указанныхъ прежде выписвахъ изъ пролога, глава 45-я, и проч.

Не менће любопытны другія притчи, разсѣянныя въ исторіи Варлаама, или по своему оригинальному содержанію, или по общирной извѣстности. Одна изъ нихъ, вазванная въ Толстовскомъ спискѣ XV вѣка «притча ю земьствованнѣ црѣ» и поучающая людей «милостынею богатства въ небо пресылати», разсказываетъ, что жители одного города имѣли обыкновеніе выбирать себѣ въ цари какого нибудь чужеземца, который бы не зналъ ихъ нравовъ и обычаевъ: онь получалъ всѣ права и наслаждался всѣми удовольствіями, какія даетъ власть, но черезъ годъ его лишали царскаго достоинства и отсылали на далекій островъ, гдѣ онъ долженъ былъ вести самую бѣдственную жизнь. На его мѣсто выбирали другого царя, котораго черезъ годъ постигала таже участь. Многів пострадали такимъ

образомъ; но одинъ мудрый иноземецъ, будучи выбранъ царемъ, постарался узнать законы и обычаи жителей, устроилъ себт на островт спокойное жилище, отослалъ тула своихъ слугъ и богатства, и, заточенный на островъ по истечении срока, могъ вести жизнь покойную и роскошную. Нравственный выводъ состоить въ томъ, что люди такъ же должны приготовлять себ в мирную жизнь въ будущемъ въкъ и заботиться о ней во время земнаго существованія. Этому разсказу ученые приписывають чисто-восточное происхождение, потому что на востокъ онъ извъстенъ не менте, чемъ на западъ: онъ вошель отчасти въ 74-ю главу Gesta Rom. (Grässe 1, 137—140), находянуюся и въ Русскомъ сокращенномъ переводъ этого произведенія, и повторлется въ 40-й главі; знаменитаго Испанскаго романа, или сказочнаго сборника, XIV віка, El conde Lucanor (Dunlop 462). Аругая притча Вармаама, въ 6 главѣ исторіи, научающая «яко не по вибшними одеждамъ подобаетъ человъка почитати». кромъ Gesta и другихъ Латинскихъ и не Латинскихъ сборниковь, встрачается также у Итальянских в новеллистовы и между прочимъ въ Декамеронъ giorn. X, nov. 1, и въ Confessio Amantis Гоуара, 1. 5. Шекспиры, который такъ часто заимствоваль сюжеты изъ средневъковыхъ новеллъ и преданій, воспользовался въ Венеціанскомъ купці: и этимъ разсказомъ. Притча «о славін» или о трехъ совітахъ, данныхъ соловьемъ поймавшему его человъку, основывается на одной басив Бидпая (Lois.-Deslongchamps, Essai p. 71); находится потомъ въ извъстномъ Латинскомъ соорникъ среднихъ въковъ Disciplina clericalis (с. 23), въ 167-й главѣ Gesta Rom., въ стариниой Французской передылки lai d'oiselet (Barbazan 3, 114), въ разныхъ Ньмецкихъ пересказахъ (Gödeke, D. Dichtung im Mitt. Hanover 1854. 640, 650. 671) и проч. Изъ остальныхъ притчъ упомянемъ наконецъ о той (гл. 29 исторіи), которою такъ ловко воспользовался Боккаччьо въ предисловій къ четвертому дию Декамерона (ср. Dunlop 230).

Большая извъстность этой исторіи сообщила имя царевича Іоасафа и народной словесности: отсюда объясняется «разговоръ царевича Іоасафа (Осафія) съ пустынею», напечатанный Киръевскимъ въчислъ духовныхъ стиховъ (Чтевія 1848. 9, 181).

«Пінснь» Іоасафа царевича находится и въ старыхъ руконисяхъ, напр. Толст. 2, 442, Царск. № 492, 570. (ср. Он. Румянц. Муз. 623 — 624).

Укажемъ и въсколько другихъ притчъ, встръчающихся въ старинныхъ сборникахъ и по характеру довольно сходныхъ съ притчами пустынника Варлаама. Въ притчъ «о составъ тъла человъча», иногда приписываемой Іоанну Златоусту, въ формъ загадки и толкованія изображается смерть человъка и исходъ души отъ тъла; въ иныхъ спискахъ статья называется «слово, притчею сведено, о составъ тъла человъча и о души» или — «о тълъ человъчи и о души» и т. п. Она принадлежитъ къ числу тъхъ статей, какія всего болъе обыкновенны въ старыхъ сборникахъ. Вотъ нъкоторые въ ея списковъ: въ Толст. сборникъ XV въка 1. 214, на л. 135 и 136, и въ сборникъ XVII въка 2. 442; — въ Румянц. сборн. XVII в. № 363; — Б-ки Моск. Общ., въ сборн. XVII в., № 208; — въ Царск. рукописяхъ XVI въка № 142, 343. 691 и друг.

Кътому же предмету относится другая притча, по заглавію отчасти сходная съ первой: «слово о притчи, сказаемѣй о тѣлѣ человѣчи и о души и о воскресеніи мертвыхъ» въ сборникѣ Царскаго XVII вѣка, № 401 л. 103 — 105 (нач. «человѣкъ нъкто добра рода насади виноградъ и оплотомъ огради» и пр.; ср. въ словѣ Кирилла Туров. «о хромци и о слѣпци», и Толст. сборникъ XVII вѣка 2. 482, л. 204 — 206).

Третья притча озаглавливается просто — «списано съ толкомъ (= съ толкованіемъ) о ускомъ пути, ведущимъ въ жизнь вѣчную, и о широкомъ пути, ведущимъ въ муку вѣчную» или «слово св. отецъ, съ толкованіемъ» и проч. Списки ея нерѣдки: — Царскаго, въ рукописи XVI стол. № 343, и въ сборникахъ XVII в. № 390, 394, 399, 420; — Моск. Общ. въ сборникѣ XVII в. № 208 и лр.

Сюда же принадлежить «повъсть житія душеполезнаго, что есть житіе се настоящее по чину, притча о дворъ и о змінь, означаемая именемъ Златоуста, въ Толст. сборникъ XVI въка 2. 299 л. 109—116; въ сборникъ Моск. Общ., XVII стольтія, № 193 л. 562 — 569 повъсть названа «притча душеполезна о змін, бесъдуема о міродержителехъ и всякой власти настоящаго

сего житія (Слово 52-е отъ Златоструя)». Притча эта, скорѣе принадлежащая къ области аполога, встръчается такъ же въ другихъ рукописяхъ и напечатана въ «Соборникѣ», изданномъ при Цетрѣ В. въ 1700 г., стр. 388.

Та же повъсть пересказана была въ журналъ 1770 г. «Парнасскій Щепетильникъ» стр. 247—264.

Охота въ притчъ распространилась до такой степени, что старинные читатели наши съ любопытствомъ списывали и вносили въ сборники и такія притчи, которыя не имфли никакого повъствовательнаго или поучительнаго интереса и порождены были одной сухой схоластикой. Такимъ образомъ между повъстями и разсказами вставлялось «писаніе вкратців сведено притчею о годъ и о прочихъ предстоящихъ въ немъ» или по другому заглавію «глаголется притчею о году солнечнёмъ, что есть годъ» (Царск. № 401, Толст. 2. 181 и мн. др.), гдв иносказательно представляется раздёленіе времени и разные хронологическіе счеты, и больше ничего; настоящее место этого разсказа было при святцахъ и календаряхъ. Притчами описываются такъ же четыре еремени года, объясняемыя разными сравненіями и уподобленіями; а въ одной изъ Румянцов, рукописей встръчается даже изложение семи свободныхъ художество въ видъ притчъ. Само собою разумъется, что эти реторическія упражненія могли быть интересны только для отчаянныхъ грамотвевъ стараго времени.

Въ рукописяхъ XVII стольтія встрычается и притча или вносказательная повысть Русскаго сочиненія, изображающая борьбу смерти съ жизнью: смерть увильла въ поль удалаго богатыря, отвычала на похвальбу его описаніемъ своего могущества, и наконець лишила его жизни. Это «прыніе смерти съ животомъ» находится въ сборникъ Царск. XVII выка № 410 л. 272 — 278 (нач. «бы ный человыка, воинъ удалый, бадиль по полю чистому, и по раздолью широкому, избиваль полки многія»), въ сборн. XVIII стол. № 449 л. 33 — 36; въ Толст. сборникъ XVII в. 2. 442 л. 4 — 8 и въ другихъ рукописяхъ; въ Посодинскомъ сборникъ XVII — XVIII в. № 1773, эта статья помыщена на л. 80 — 84 подъ заглавіемъ «повысть о

бодрости человъческой» (нач. «человъкъ нъкіи вздяще по почю чистому, по роздолью широкому, конь подъ собою имея крепостію обложенъ, звіровиденъ» и пр.). Въ этомъ посліднемъ спискъ, смерть убъждаетъ богатыря въ своей силъ между прочимъ такими примърами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей силныхъ, никто же противо мене стояти не могъ... Царь Александръ Македочскій храбръ и мудръ и самъ быль силный, и онъ говорилъ тако: аще (бы) было колцо въ вемлю вделано..., азъ бы и всемъ светомъ поворотилъ, -- да и тутъ не смћав со мною дратися; да еще каковъ быль Акиръ премудрым, и тотъ спиратися не смелъ, да и техъ азъ есмь всехъ взяла, яко единаго отъ сиротъ убогихъ». Любопытно, что этотъ разсказъ о борьбѣ смерти съ богатыремъ повторяется въ преданін объ ужасном в разбойник в Аник в, жившем в когда-то въ Аникиномъ люсу, верстахъ въ десяти отъ Вологды (см. замътки г. Погодина, Москв. 1843. 11, стр. 245-246 въ смъси). Какъ и другой народный богатырь, Аника имъетъ свою былину; встръча его со смертью представлена въ извъстной лубочной картинкъ «Аника воинъ и смерть».

Всв эти произведенія не лишены историко - литературнаго интереса въ томъ отношеніи. что были очень распространены, какъ чтеніе доступное для массы. Въ содержаніи старинныхъ сборниковъ часто можно замъчать намъреніе составителя собирать статьи подобнаго рода т. е. имфющія и занимательность разсказа и нравоучительныя примъненія Небольшіе разсказы были при этомъ темъ больше кстати, что скоро могли быть и прочитаны и списаны; такъ отрывки и притчи изъ Варлаама попадаются чаще, чъмъ весь Варлаамъ. Изъ каждой прочитанной книги составитель сборника выбираль, что ему особенно вравилось; къ любимымъ и общеизвістнымъ статьямъ, каковы были притчи Варлаама, прибавлялъ небольшія пов'єсти и выписки изъ другихъ книгъ и собраній, перемівшиваль или вовсе не означалъ имена авторовъ, - такъ что непрывычному трудно оріентироваться въ этомъ случайномъ соединенін статей разнаго содержанія, происхожденія, иногда и разной цітли. Въ среднюю эпоху, отъ XIV до XVI стольтія включительно, въ сооринкахъ нътъ еще явныхъ попытокъ спеціальности, или эта спеціальность ограничивалась духовно-нравственными повъстями, заимствованными взъ житій, отечниковъ, «Старчества» и тому подобныхъ источниковъ. Сборники, посвященные только повъстямъ и сказкамъ, мы находимъ уже въ XVII столетіи, когда ихъ и появилось всего болъе. Но и прежняя, на половину духовная повъсть, имъла своихъ любителей; иткоторыя изъ ея произведеній до того сроднились съ понятіями народа, что вошли даже въ его собственную словесность: въ этомъ знакомствъ съ письменной литературой лежитъ зародышъ многихъ поэтическихъ фантазій, каковы напр. такъ называемые «стихи»; иные духовные разсказы уже въ старыхъ рукописяхъ получаютъ оттънки народнаго изложенія.

Иногда и вифший видъ книжных произведений ставилъ ихъ въ нъкоторую связь съ произведеньями народными. Такимъ образомъ притча «о составъ тъла человъча» кромъ аллегорическаго смысла представляетъ и форму загадки. Загадка, какъ и пословица, принадлежить къ числу любимыхъ пріемовъ всякой народной поэзін; ею хотфли выразить пытливость и въ тоже время оборотливость человъческого ума; содержание коренныхъ загадокъ всегда относится къ предметамъ, наиболе занимавшимъ народную фантазію. Если теперь, съ упадкомъ старинвыхъ понятій, загадка низошла на степень обыкновенной забавы отъ нечего - делать, то древивите значение ея соединялось съ основными народными втрованьями; потому загадывание и разръшение загадокъ приписывалось большею частью личностямъ мионческимъ, для которыхъ однихъ доступны были таинственные вопросы. Какъ Греческій сфинксъ предлагаеть загадки Эдипу, такъ въ Скандинавскомъ преданіи богъ Одинъ споритъ о мудрости съ великаномъ Вафтрудниромъ посредствомъ загадокъ; Сербскія вилы и наши русалки губятъ тахъ, кто не умьеть отвычать на загадки ихъ. Въ дальныйшей судьбы своей, загадка теряла первобытный смыслъ вмфстф съ исчезаніемъ старины въ повърьяхъ и преданіяхъ; изображая въ загадкъ подъ разными картинами и образами солнце, мфсяцъ, ночь и т. п., народъ понимаетъ теперь ее только какъ поэтическое уподобленіе, между тімъ какъ прежде въ этихъ образахъ рисовались живыя миоическія представленія. Но и посл'в этого перерождеыйа, загадка сохранила свою прелесть для народной поэзін, хотя въ содержаніи ея въ послѣдствіи появилось много новаго. Какъ одинъ изъ эпическихъ мотивовъ, загадка смѣшивалась иногда съ другими формами народной поэзін; формой загадки облекалась общензвѣствая нословица, загадка служила зерномъ, изъ котораго развивались и цѣлыя произведенія: такъ, въ свадебной пѣснѣ женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки — «что у насъ краше свѣту, гуще лѣсу, что у насъ безъ умолку, безъ коренья» и пр., — а невѣста отгадываетъ ихъ. Въ названной притчѣ иносказаніе соединено съ формою загадки, такъ что произведеніе книжное сближается здѣсь съ мотивомъ народнымъ. Въ Румянцовскомъ сборникѣ XVII вѣка, № 363, она читается такимъ образомъ:

«Иже рече Писаніе, что есть — егда земля опустветь, а царь изнеможеть и силніи его разылутся, тогда разрушатся каменнін грады, источницы изсякнуть, в вѣтри не возвѣють, пути великія занустѣють, престануть жерновы мелющія, и море великое умертвится, многолиственное древо падеть, затворятся двери и врата плодовитая, скоти разылутся, рабы и рябыни оть глада изомруть, тогда царица изыдеть оть престола своего, излетить аки твердозаклепанная голобица оть гназда своего?

«Толко. Сдышите сказавіе притчи сея: се же, егда опустьеть вемля, рекше не здраво будеть тіло; и царь изнеможеть, рекше умь отымется; а силніи его разыдутся, рекше мысли погибнуть; тогда разрушатся каменній гради, рекше раступятся кости человіческія; источницы изсякнуть, рекше слезы оть очію не потекуть; вітри не возвіноть, рекше дыханіе отымется; пути великіе запустьють, рекше гортань....; престануть жерновы мелющія, рекше зубы; затворятся двери и врата, рекше уши и уста; море великов умертвится, рекше утроба человіческая; многолиственное древо падеть, рекше многословесныя уста; скоти разнаутся, рекше лукавые помыслы погибнуть; рабы и рабыни оть глада изомруть, рекше руці и нозі промолкнуть (sic?); тогда парица изыдеть оть престола своего, рекше душа человіческая изыдеть оть тіла»....

Мы видъли, что всеобщее распространение загадки замътно и на древнъщихъ повъстяхъ Русской письменности: сказание

о Синагриять все построено главнымъ образомъ на спорт двухъ царей о мудрости посредствомъ загадокъ, - въ чемъ оно родственно съ преданіемъ о Соломонъ, записаннымъ у Іоснов Флавія; мы видели, что и въ нашемъ сказаніи о Соломоне загадка играеть не наловажную роль. Другія переводныя пов'єсти такъ же употребляють загадку пружиной разсказа, и Русское «слово о купцъ Басаргъ» основано на разръшении семилътнимъ отрокомъ мудреных задачь, предложенных нечестивым царемь. Не мудрено поэтому, что форма загадки была отнесена и къ другимъ предметамъ, которые занимали старинныхъ грамотвевъ н требовали искусного объясненія. Въ сборникахъ XVII выка находятся статьи подобнаго рода, означаемыя неопредвленнымъ названіемъ «бесвда святыхъ отецъ», чемъ котели выразить ихъ назидательное значеніе. Въ діалогической формт загадки здёсь издагались равличныя свідінія, отчасти извлеченныя изъ дуковной исторіи, и вибств съ темъ приводилось многое изъ круга народныхъ знаній в преданій. Такимъ образомъ и космогоническія свідівнія, выраженныя въ извістномъ стяхі о Голубиной книга, находять себь подтверждение въ подобныхъ письменныхъ памятникахъ; сличенія, сдівланныя г. Бусласвымъ. показывають, что народная поэзія тёсно сближалась въ этомъ случав съ литературой письменной, и что каждая изъ нихъ вывла долю свою во взаимномъ вліянів (ср. Архивъ, Калачова, 1, 20 - 23).

Діалогической формой стихъ о Голубиной книгѣ одинаково соотвътствовалъ и княжнымъ паматникамъ этой категоріи, и произведеніямъ народной словесности. По содержанію, онъ оченидно находится въ связи съ преданіями, заходившими къ намъ путемъ литературы: сильно передъланныя на Русскій ладъ имена чудныхъ существъ повторяются одинаково и въ стихѣ и въ старянныхъ азбуковникахъ, бравшихъ свои свъдѣнія изъ другихъ древнѣйшихъ источниковъ. Стратими вли исторофиль-птица (ή στρούθος), звѣрь-индрикъ (йдра) очевидно того же происхожденія, какъ звѣрь-китоврасъ, птица-сирянъ или алконость, и прочія чудныя птицы и звѣри, описанныя въ азбуковникахъ. Дѣйствующія люца, къ которымъ отнесены въ стихѣ вопросы и отвѣты, вставлены по тому же поводу, вакъ

въ иныхъ случаяхъ народняя повзія отдаеть рішеніе трудныхъ вопросовъ существамъ, высшимъ человъка и по природъ и по мудрости. Самую сущность вопросовъ можно просабдить теперь по памятникамъ весьма различного времени и мъста. Отсылая читателя къ болъе подробнымъ сравненіямъ г. Буслаева, остановимся на одномъ мотивъ стиха, гдъ объясняется, что «помыслы наши идуть отъ облакъ небесныхъ, кости кръпкія отъ камени, твлеса отъ сырой земли, кровь отъ черка моря» (стих. 66 — 70). Въ сборникъ Болгарскаго письма, XV въка. принадлежащемъ г. Григоровичу и заключающемъ собраніе преданій и суевтрій, та же мысль передается следующимъ образомъ въ формѣ вопроса: «что сътвори Богь Адама? отвът: 8 чести: 1 честь тело его от земле. 2 честь от море. 3 честь от каменіа. 4 честь от вітра. 5 честь от облакъ. 6 честь от слица и от роси. 7 честь от приысла от брызости ангельскыхъ. 8 честь от Святаго Духа» и пр. Въ сборникъ XVI въка Тровцкой Лавры, въ статъв подъ названіемъ «слово св. Грягорія Богослова и Василія Кесарійскаго, І. Златоуста, вспросъ и отвътъ» — вопросъ: «отъ колика частей създанъ бысть Адамъ»? разрѣшается такъ: «отъ 8 частеи — сердце отъ камени, отъ вемля тело и персти и кости и волосы (sic), отъ облака мысли, отъ вътра дыханіе, отъ чермнаго моря кровь, отъ огня тепло, отъ солица очи, самъ Господь дхиулъ въ человека душа» (Извъст. 4, 134). Въ третьемъ старинномъ сборникъ, на вопросъ: мотъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ бысть»? дается еще полнъйшее толкованіе; «отъ осьми частей — первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ облакъ, пятое отъ камени, шестое отъ вътра, седмое отъ огня, осмое отъ духа; толко: отъ земли тъло, отъ моря кровь, отъ солица очи, отъ облакъ мысли, отъ камени кости, отъ вътра дыханіе, отъ огня плоть, а самъ Господь душу вдохнулъ». Болгарская рукопись XV въка не была, конечно, первымъ памятникомъ, гдъ записано было это преданіе; но древивищіе слады его у насъ еще не были до сихъ поръ указаны. Что преданье им кло больтую взвестность, доказывается темъ, что у насъ постоянно обращали внимание на его недостовърность. Въ Румянц. рукописи перковнаго устава 1608 г., № 449 л. 107 въ числе богоотметныхъ книгъ названы упомянутые «вопросъ и отвыть»; въ книгь Кирилловой, напечатанной въ Москвъ 1644 года, между «отреченными» (interdictis) книгами поставлено: «ино лгано о Василів Кесарійстемъ, о Григорін Богослове и Іоание Златоусть — вопросы и отвъты, что от колика частей сотворень бысть Адамь, и что Провъ царь другомъ Христа назвалъ, и то попъ Іереміа Болгарскій солгаль» (ср. Извіст. 4, 134). Названная нами Болгарская рукопись и вообще исторія апокрифовъ, въ которой ссылались у насъ на попа Іеремію, обозначають тотъ путь, которымъ зашло къ намъ преданье, несомнънно принадлежащее далекой старинь; оно распространилось давно и въ западной Европь, въроятно при томъ же Византійскомъ посредничествъ. Съверный миоъ изображаетъ преданіе въ обратномъ порядкъ, -- составныя части міра образовались изъ огромнаго великана: изъ крови Имира произошло море и вода, изъ тъла земля, изъ костей горы, изъ зубовъ скалы, изъ черепа небо, изъ мозгу облака, наконецъ — прибавляетъ другая сага изъ волосъ его родились деревья (Grimm, Mythologie 1844. 525 — 527). Но другіе варіанты, наприміръ Фризская редакція этой космогоніи, XIV—XV стольтія, и Нъмецкое стихотвореніе XII віка, повторяють преданье почти буквально сходно съ той формой, въ какой оно приводится въ нашихъ письменныхъ памятникахъ (Grimm ib. 531 — 532).

Такимъ же образомъ представленія о первенствъ извъстныхъ предметовъ природы надъ другими однородными предметами одинаково выдержаны и въ народномъ стих и въ старыхъ сборникахъ. Въ рукописи Царск. № 492 приведены ть же вопросы: «которое езеро езерамъ мати? - кое море всімъ морямъ мати? — кая рыба рыбамъ мати? — кая птица птицамъ мати?» и пр. (Буслаевь, въ Арх. Калач. 2, 2, 51—52), которые дали содержание и стиху. Народная поэзія основывалась конечно не прямо на книжныхъ произведеніяхъ и приняла эти преданья только тогда, когда они уже для всехъ стала знакомой вещью. Мы имвемъ любопытныя свидательства, указывающія, какъ занимательны были въ свое время апокрифическія исторіи и подобные разсказы. Въ Бълорусскомъ переводъ Іоанна Дамаскина, по Румянц. рукописи XVII въка, въ заключенія статьи «о ересехъ» (об. л. 219—242) прибавлено, переводчикомъ или переписчикомъ, небольшое разсужденіе, глѣ сказано между прочимъ: «у васъ ани десятыя части книтъ учителей нашихъ старыхъ не преведенно лѣности ради и нерадѣніа властелей нашихъ. бо нынешнего вѣку мнящіеся учители—грѣхъ ради нашихъ — болшен въ болгарскіе басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются, —прочитаютъ и похвалянтъ ихъ, —нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются» (Оп. Р. Муз. 242), Русскій сочинитель сказанія о самозваниѣ замѣчаетъ: «ини невегласи туне душа своя погубляютъ, еже держатся книго отвреченныхъ святыми отцы седми вселенскихъ соборовъ, и заповълавшихъ нашъ въ нихъ не вницати, и почитающи ничтожъ ползу ими пріобрѣтаютъ, точію душевный свой корабль во глубинѣ грѣховней погружаютъ» (Временникъ, кн. 16, 37 — 38).

Сборники загадокъ пользовались и этимъ содержаніемъ, наслѣдуя его изъ нисьменныхъ памятниковъ, и съ другой стороны заключали представленія, принадлежавшія чисто-народной мысли. Они вообще мерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ руконисяхъ, подъ разными заглавіями: въ упомянутой рукописи Троицкой Лавры, XVI-го столѣтія, статья называется «слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, Іоанна Златоуста, вспросъ и отвѣтъ»; въ Толст. сборникѣ XVII-го вѣка 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 она озаглавлена «книга, глаголемая отъ бесѣдъ святыхъ отецъ» (л. 226 — 237); въ новомъ Толст. сборникѣ 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 19 — 22 опять «бесѣда тріехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго». Довольно любопытные «вопросы и отвѣты» въ Толст. сборникѣ 2. 140 л. 958 — 962 представляютъ особенный разрядъ загадокъ.

Для примѣра приводимъ вѣсколько загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ изъ Толст. рукописи 2. 181; ови касаются предметовъ библейской исторіи, какъ и выписки г. Буслаева въ Арживѣ Калачова 1. 47 — 48.

л. 226. «Вопрос». Когда четвертая часть міра умреть? Толк». Кашнъ брата своего уби Авеля. — В. Когда весь міръ обрадовася? Т. Ной изъ ковчега изіпедъ. — В. Кто не роженъ и кто не умре? Т. Адамъ не роженъ, Илія не умре. — В. Кто

дважды роженъ или кто дважды умре? Т. Іона дважды роженъ, Лазарь дважды умре. — (об. л. 231) В. Что есть, съкира у корени древа лежитъ? Т. Корень есть въра, древо человъцы, съкера (sic) всему кончина. — В. Какъ имяна волхвомъ? Т. Первому вмя Мелхвонъ (чит.: Мельхіоръ), второму имя Аспаръ, третіему имя Валтасаръ. — (об. л. 233) В. Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская ? Т. Троица Святая: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый».

На л. 234 помъщенъ и приведенный нами по другимъ спискамъ вопрось: «отъ коликихъ частей сотворенъ Адамъ»? Отвъть почти буквально повторяеть предыдущие: «отъ 7 частей сотворенъ — 1-е отъ земля тело, 2-е отъ моря кровь, 3-е отъ солица очи, 4-е отъ камени кость, 5-е отъ облака мысль, 6-е отъ огня теплота, 7-е отъ вътра дыханіе, духъ бо Самъ вдохнулъ въ него».

Подобныя загадки не были впрочемъ принадлежностью одной нашей литературы; онъ извъстны были и на западъ, имъя и тамъ, какъ у насъ, происхождение или своенародное, или книжное, литературное (Wackernagel, Gesch. d. d. Liter. 1853, 269-270), и по содержанію иногда очень близки съ нашими. Нъмецкія загадки назывались въ старину или rath (räthsel), который отличается стихотворнымъ складомъ, или frag. оыкновенно менте поэтичный. Въ одномъ Нтмецкомъ сборникъ загадокъ, XVI стольтія, находятся аюбопытные примъры, напоминающие приведенные выше вопросы; тамъ предлагаются между прочимъ такія загадки:

- F. Wer gestorben vnd nit geborn sey? A. Adam vnd Eua.
- F. Wer geborn sey ee dann sein vatter und mutter? A. Adams kinder.
- F. Welcher mensch hat ain gantz viertail der welt getödt oder vmb bracht? — A. Chayn erschlug seinen bruder Abel darvor lebt niemandt dann sy zwen vnd ir eltern adam vnd eua a mp. (Haupt's Zeitschr. f. d. Alterth. 3, 33).

Въ числе Французскихъ народныхъ книгъ Низаръ упоминаетъ одну, которая была вздана несколько разъ еще въ конце XV-го стольтія и съ техъ поръ пользовалась большимъ авторитетомъ въ кругу своихъ читетелей: L'enfant saige à troys ans, interrogué par Adrian, empereur, lequel luy rend response de chascune chose qu'il luy demande, — гат вопросы Адріана и отвіты трехлітняго дитяти представляють ті же общіе предметы, на которых в останавливаются и наши «бестіды» и указанныя Нівменкія загадки (Nisard, Hist. des livres pop. 2, 16—19).

Чрезвычайно любопытна такъ же и «Евангелистая пѣснь» въ собраніи Кирѣевскаго, изложенная въ формѣ загадокъ иля вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы основываются на таннственномъ значеніи чиселъ: «повѣдайте, что есть единъ?» — «повѣдайте, что есть два?» и т. д. до двѣнадцати; при каждомъ новомъ отвѣтѣ повторяются прежніе, такъ что послѣдній отвѣть, въ концѣ пѣсни, есть полное разрѣшеніе вопросовъ. Вотъ это опредѣленіе чиселъ до двѣнадцати:

Дванадесять апостоль;

Единъдесять праотець;
Десять Божьихъ ваповёдей;
Девять въ году радостей;
Восемь круговъ соднечныхъ;
Семь чиновъ ангельскихъ;
Шесть крылъ херувинскінхъ;
Пять ранъ бевъ вины Господь терпёлъ;
Четыре листа евангельски;
Три патріарха на землё;
Два тавля (— скрижали, таблицы) Монсеовыхъ;
Единъ Сынъ Маріинъ,
Царствуетъ и ликуетъ
Господь Богъ надъ нами.

И по мотиву, т. е. объясненію чисель до двінадцати, и по ввішней оригинальной формів, наше стихотвореніе невольно напоминаєть ту прекрасную пісню о друидів и мальчиків, которую Вилльмарке считаєть древнійшею въ своемъ собранія (Villemarqué, Barzaz-Breiz, 4-е éd. 1, 1—15). Въ этомъ посліднемъ діалогів, теперь непонятномъ иногда и для ученаго изслідователя, сохранились любопытные сліды древняго друидическаго ученія: Мальчикъ предлагаєть друиду тіз же вопросы о значени чисель до двінадцати, какіе выставлены въ нашей піснів; друждъ передаєть ему основныя данныя своей мнюо-

логін и космогоническихъ върованій, за каждымъ отвътомъ повторяя прежнія слова свои. Несомнительная древность этой формы, достаточно извъстной и въ Славянской народной словесности, намекаетъ, что наше стихотворение могло им вть древнъйшаго предшественника, съ другимъ содержаніемъ, - какъ, въ обратномъ порядкъ, для древней Бретонской пъсни составилось поздитышее переложение: на томъ же мотивт основанъ былъ памятникъ Латинскій, но все содержаніе его взято было изъ свъдъній христіанской исторіи и ученія, — средство, которымъ, по мивнію Вилльмарке, хотвли сильнее действовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, столько привязанномъ къ своей національности. При той же народно-поэтической обстановкъ, во всъхъ ея подробностяхъ, каждое положение языческихъ върованій замънено было истиной изъ новаго ученія, и она тъмъ лучше могла удерживаться въ памяти, что облечена была въ знакомую и любимую вифшность. Латинская пфсия открывается тыми же вопросами: dic mihi quid unus? — dic mihi quid duo? и пр. и сходна съ нашимъ стихотвореніемъ по самому единству предмета. Объяснение чиселъ приводится къ такому заключенію:

Duodecim apostoli; Undecim stellae A Josepho visae; Decem mandata Dei; Novem angelorum chori: Octo beatitudines; Septem sacramenta; Sex sunt hydriae **Positae** In lana Galileae; Quinque libri Moysis; Quatuor evangelistae; Tres sunt patriarchae; Duo sunt testamenta; Unus est Deus Qui regnat în coelis. (Villemarqué, ib. 1, 25-27).

Письменная литература наша пользовалась иногда загадкой какъ основой для цълаго произведенія. Замъчательный при-

7Ч. ВАП. — КН. 1V. — ОТД. II.

міръ приводить г. Буслаевъ изъ рукописи XVI столітія, гді находится разсказъ, развивающій пословицу и соединенный съ притчею и загадкою. Одинъ юноша; пришедши въ храмину, увидълъ дъвушку, которая ему сказала по этому случаю: «нельпо есть быти дому безь ушио и храму безь очио»; не понявши словъ ея, юноша спросыль девушку о хозяевахъ, и она отвечала загадкой: «отецъ и мати моя поидоща егаемь плакати; братъ же мой пошелъ чрезъ ноги внави эръти.» Юноша не понялъ и этого и просиль дівушку выразиться лучте, и объясненіе загадокъ составляетъ окончаніе разсказа. «Она же (т. е. дъвушка) глагола ему: сего ли не разумбения? Приде въ домъ мой, въ храмину мою вниде, и видъ мя съдящу въ простотъ. Аще бы быль въ дому нашемъ песь, в чюль тя къ дому приходяща в лаяль бы на тя, — се бо есть дому уши; и аще бы было въ храминф моей отроча, и видъвъ тя къ храминъ приходяща, сказалъ бы ми, — се бо ми жраму очи. А еже скавахъ ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя ндоща ездеме ялаками, щли бо суть на погребение мертовие и тамо плачють; егда же но нихъ смерть пріидеть, ино и по нихъ учнуть плакати, - се есть заимолавный плачь. Про брата же ти сказахъ, яко отекъ мой и братъ древолазцы суть, въ лъск бо медъ отъ древив вземлють: брать же мой нынв на таково дело иде, и якоже льэти на древо въ высоту — чрезъ ноги видви эръти къ земли, мысля абы съ высоты не урватися; аще ли кто урвется, то и живота гонзнетъ, -- сего ради ръхъ, яко иде чрезъ ноги внавя арьти». (Эпич. поэз. 1, стр. 42—43). По объясненію г. Буслаева, народное начало здъсь уже много потерпъло отъ книжнаго изложенія, какъ потерпъло въ Словь Даніила Заточника и Пісни Игоревой: місто о заимодавномъ плачі можеть быть приписано христіанским», понятіям», но выраженіе «внави эртти», стоящее въ связи со старинной пословицей «кто съ дерева убился — бортникъ», г. Буслаевъ относитъ ко временамъ доисторическимъ. Мы встрътимся далве съ литературными опытами подобнаго происхожденія, т. е. основанными на чистонародной поэтической идет, но болте совершенными по исполненію и отделке. Эти произведенія составляють переходь отъ обще-народнаго творчества въ авторству отдельнаго грамотнаго сочинителя, и им вють много любопытнаго въ томъ отношении. что ими прекрасно опредъляется образование литературныхъ памятниковъ, ни сколько не подверженныхъ книжному и школьному вліянію и развивавшихся органически изъ самобытной національной поэзія.

Въ стихъ о Голубиной книгъ князь Владиміръ проситъ Давида объяснить виденный имъ сонъ; Давидъ разгадываетъ, что два лютые эв вря, которые собъгалися и промежду собой дрались-билися, означають правду и кривду (стих. 189-227), или, какъ это вкратцъ передано въ старинной рукописи Царскаго, —

не два ввъря съходилися, не быт заяць и не свръ заяць: съходилася правда съ кривдою, правда кривду переспорила, -кривда осталась на сырой земль, а правда пошла на небо (Бусл. ів. 40).

Эта загадка (или сонъ) о двухъ лютыхъ звъряхъ, подробно объясненная у Киртевскаго, или о бтломъ и стромъ зайцахъ по рукописи Царскаго, служить мотивомъ разсказа, помъщеннаго въ Толст. сборникъ 2. 140 на об. л. 732-733 подъ названіемъ «загадка Перскаго царя Дарія къ Соломану царю». Приводимъ загадку, какъ варіантъ къ «притчѣ» Дарія царя Персидскаго, напечатанной г. Сахаровымъ (Сказ. Русск. нар. 1841. 1, 2, 104):

. Д. царь Перскін послаль въ С. мудрому царю, написавь загадку: стоитъ щитъ, а на щить заець; прилетьвъ соколъ взялъ заица, и тутъ сяде сова, -- и отгадаешь загадку, дамъ ти три кади сребра. --С. же, не умъя что рещи.... послу и сяде единъ въ полатъ, попеломъ главу свою посыпаеть, и распусти власы своя долу. И по маль же времяни С. царь мудръ повель созвати многія бъси и рече имъ: кто можеть ли оть васъ отгадати, дамъ ему треть сребра. - И рече бъсъ объ одномъ оцъ: щить, царю, земля твоя, а на немъ ваецъ - правда стоить, а прилетьвъ соколъ взялъ заица, то есть ангель Господень взяль правду на небо, и туто сяде сова, то есть вривда, а зависть человъческая начаше ученіе. — С. же царь посла къ Д. царю: вагадку отганулъ, а ты пришли сребро. - Не по мновъ времени и

привезоша сребро отъ Д. наря къ С. царю; С. же повелѣлъ обратити кадь вверхъ дномъ и насыпати бисеру и дати кривому бѣсу, и рече бѣсъ: чему, царь, се криво имѣешь, а правды, царю, не имѣешь? — И рече царь: кривъ еси бѣсъ, самъ себѣ криво судилъ, — правла взята на небо, а на земли въ насъ кривда осталась».

Въ этой послѣдней редакціи удержалась, быть можетъ, болѣе коренная форма преданія, чѣмъ въ редакціи г. Сахарова. Можно думать, что и имя Соломона здѣсь не было простою случайностью.

The state of the s

which actualized moneth was an amount of the state of

Басви Бидная или Стефанить и Ихнилать. — Езопъ въ Русскихъ переводахъ XVII въка. — «Зрълище житія человъческаго». — Переводы Гюдистана и Бостана, Саади, и басенъ Локмана.

Стефанитъ и Ихнилатъ — еще знаменитое произведение, перешедшее въ старую Русскую письменность изъ Византіи. Изъ всъхъ созданій восточной фантазіи, сділавшихся въ средніе въка достояніемъ литературъ Европейскихъ, басни Бидпая принадлежать къ числу самыхъ любопытныхъ и по содержанію и по длиниой литературной исторіи. Не пересказывая всіхъ подробностей ея, замътимъ только главные факты. Начало этого произведенія, одинаково знаменитаго и въ Европъ и въ Азін среднихъ въковъ, относится къ древнему животному эпосу Индъйской литературы, Панча-тантръ. Въ предисловіи книги разсказывается, что мудрецъ Вишну-Сарма, выбранный наставникомъ для сыновей одного Индфискаго царя, долго училъ ихъ вравственности и политикъ, и изъ бесъдъ его составилось произведеніе, названное Панча-тантра т. е. пять отдъленій, пятикнижіе. Въ разсказахъ Панча-тантры было столько завлекательнаго, что давно уже появились подражанія или переділки ея въ самомъ Санскрить: извъстнъйшее между ними — Гитопадеза или «Спасительное наставленіе» означается именемъ того же мудреца Вишну-Сармы, но въ ней находятся также извлеченія изъ другихъ книгъ, такъ что по содержанію Гитопадеза не всегда соотвътствуетъ своему прототипу. И то и другое собраніе извъстно въ разныхъ Индостанскихъ наръчіяхъ; лучшіе изъ

Европейскихъ санскритологовъ посвящали свои труды изданію или переводамъ Индайского животного эпоса, какъ Джонесъ, Вилькивсъ, Кольбрукъ, Шлегель, Лассенъ и другіе. Дюбуа перевель Панча-тантру на Французскій языкъ, хотя и не вполнъ (Le Pantcha - Tantra ou les cinq ruses, fables du Brahme Vichnou-Sarma etc. trad. par Dubois. Paris 1826); новъйшіе переводы Гитопадезы принадлежать, Максу Мюллеру — Немецкій (Leipz. 1844), Лансро (Lancereau) — Французскій (Paris 1855). Особенная важность литературныхъ судебъ Гитопадезы начинается съ той эпохи, когда это произведение начало свой переходъ на Европейскую почву. Содержаніе Индейскаго эпоса представляет ь впрочемъ большую аналогію съ древней Езоповой басней, ноученые до сихъ поръ различно понимаютъ ихъ взаимныя отпошенія; большимъ авторитетомъ пользуется, если не ошибаемся, то мижніе, которое принимаеть Индейскій эпось за явленіе коренное и первобытное, а Греческую басию за явленіе второстепенное, но развившееся подъ восточнымъ вліяніемъ еще задолго до блестящаго періода Греческой литературы (Wagener, Rapports entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce. въ Mém. couron. etc. publiés par l'Acad. R. de Belgique, t. 25. 1854). Поздиве совершился другой переходъ Индейскаго эпоса въ Европу, переходъ, засвидътельствованный историческими извъстіями и намятивками литературными. Черезъ четыре въка послів предполагаемаго составленія Панча-тантвы (Ив. по Р.Х.), нарь Персидскій Хозрой Нуширванъ, услышавъ о славныхъ наставленіяхъ Индъйскихъ мудрецовъ, послаль вь Индію своего врача Барзуйе или Барзевіе, сътемъ чтобы онъ привезъ къ нему эти сокровища ума и науки. Барзуйе исполнилъ поручение в приготовиль береводъ знаменитой книги на Пегльвійскій языкъ, подъ названіемъ: Калила-ва-Димна (т. е. «неразумный и лукавый») или книга мудраго Бидпая; въ вознаграждение за его трудъ, визирь Хозроя долженъ былъ составить описание жизни и странствій Барзуйе, которое дъйствительно находится вы разныхъ редакціяхъ Калилы-ва-Димны. Отсюда началось постоянно возраставшее распространеніе этой книги, и здёсь же одна изъ главныхъ причинъ, произведшихъ варьирование ея, потому что восточный переводъ обыкновенно измѣняетъ форму подлинника,

передвлываетъ, дополняетъ или сокращаетъ его. Заглавіе новой редакцій указываеть два главныя лица исторіи, по которымъ она была названа. Сюжетъ разсказа составляетъ прежде всего исторія царя-льва, довіреннаго друга его, быка, и двухъ придворныхъ шакаловъ, въ Санскритской редакціи Каратака и Даманака; одинъ взъ шакаловъ, коварный и завистливый, убъждаетъ царя, чтобы онъ умертвилъ своего друга, будто бы злоумышлавшаго на жизнь льва; - а быка въ тоже время убъждаетъ возстать противъ царя, будто бы изменившаго ихъ дружбъ. Лукавый придворный достигаеть своей цели: быкъ погыбъ жертвою ярости льва, но и шакалъ не избъгнулъ справедливой кары, когда клевета его была обнаружена. Разговаривающіе шакалы приводять много других вапологовь, по обыкновенной манерѣ восточнаго разсказа, такъ что образуется ціль исторій, связанных водна съ другою. Надо всімъ господствуетъ правственная идея, потому что и вст апологи приводятся какъ доказательство или объяснение какой инбудь иравственной истины. Продолжение составлено подобнымъ способомъ изъ другихъ апологовъ, вставленныхъ оденъ въ другой, безпреставно начинающихся и прерывающихся, какъ разсказы Тысячи и Одной ночи. Обыкновенная противоположность восточнаго вынысла и восточныхъ образовъ съ Европейскими, выражается и здёсь: восточныя собранія апологовъ представляють нъчто совершенно отличное отъ Европейской басни. Въ древней Греческой, Езоповой басить, и еще болте въ Германскомъ животномъ эпост среднихъ въковъ, видно совершенное преобладаніе эпическаго начала; здёсь же господствуетъ чистая двдактика: не только мудрецъ, разсказывающій всю исторію, но и самые звъри пускаются въ умозрѣнія и правственные выводы. Разговоръ состоитъ изъ гномическихъ изреченій, сравненій и пословицъ, которымъ басня служитъ только подтверждениев; естественно поэтому, что Восточная басия далеко не даеть звърямъ той личной опредъленности, какая требуется истиннымъ эпосомъ. Далее мы будемъ иметь случай еще говорить объ ея отличительныхъ чертахъ.

Знаменитость книги и мудрость ея наставленій постоянно привлекали восточныхъ читателей. Одинъ Персидскій перевод-

чикъ ея разсказываетъ въ предисловін въ своему труду: одного изъ Индейскихъ браминовъ спросили однажды такимъ образомъ: «говорятъ, что въ Индія есть горы, гдв растуть врачебныя травы, возвращающія жизнь умершимъ, --- какимъ способомъ можно достать этихъ травъ?» Браминъ отвічаль (спрашивавшему): «ты поминшь только одну часть разсказа; другая его половина изчезла изъ твоей памяти. То, о чемъ говорите вы, есть одна изъ эмблемъ и загадомъ древнихъ: водъ этими горами они хотьли представить ученыхъ; врачебныя травы — слова ихъ: мертвые --- невъжды, которые внимая этимъ словамъ оживають и наукой достигають вычной жизии. Есть собрание этихъ словъ, подъ названіемъ Калила-ва-Димиа, которое находится въ сокровищинцахъ Индейскихъ царей. Если вы можете достать его, то найдете, чего инете». По этему фигуральному отзыву -фетероп стато вистем по составить понятіе о томъ впечатавнін, которое книга производила; легко и повірнть этоть отвывъ. потому что, освоившись нъсколько съ оригинальной манерой этого произведенія, нельзя не найти въ немъ и особенной прелести вымысла, и вършаго рисунка восточной жизни. — Въ VIII стольтів, при халифь Альмансорь, недошедшій до насъ Исганвійскій текстъ переведень быль, подъ тымь же заглавіемь, на Арабскій языкъ Персомъ Альмокаффою; этотъ вереводъ сопранняся и теперь съ позднайшимъ предисловіемъ, гдв объясияется происхождение вниги отъ мудреца Бидпая, жившаго при паръ Дабинскить (S. de Sacy, Calila et Dimna ou Fables de Bidpay. Paris 1816; - Wolff, Die Fabeln Bidpai's. Stuttg. 1837. и др.). Здёсь книга состоить изъ 18 главъ, изъ которыхъ иныя, какъ думаютъ, завиствованы изъ посторонняго источника. Редакція Альмонаффы даля поводъ къ другимъ передвакамъ этого сюжета въ прозв и въ стихахъ, но онъ не дошли до нашего времени; затерянъ такъ же и обратный переводъ Калилы-ва-Димиы, съ Арабскаго на Персидскій, въ стихахъ, сделанный въ 1Х --- Х стольтіи поэтомъ Рудеки; свыдьніе объ этомъ переводъ сохранилось въ поэмъ Фердауси (см. Назарьянца, въ Уч. Зап. Каз. Ун. 1849. 3, 67 — 68). Въ XI — XII въкъ, въ правленіе Баграмъ-шаха Газневидскаго, другой извістный писатель составиль новый Персидскій переводь Калилы-ва-Димны, въ

прозв; за темъ въ конце XV столетія появилась еще редакція этой квиги Гозаина-ваэзъ-Кашефи, названная въ честь! визиря, покровительствовавшаго поэту, Анвари-Согейли т. е. «Свътнао Канопа»; въ половинъ XVII стольтія часть этой книги переведена была на Французскій языкъ — Livre des Lumières ou la Conduite des roys, composé par le sage Pilpay, indien; trad. par David Sahid d'Ispaham (Gaulmin). Paris 1644, откуда были взяты два изданія 1698 г. съ другими заглавіями. Гозаинъ хотель исправить трудъ своего предшественника, который вставилъ много Арабскихъ словъ и выраженій; но и его переводъ въ концѣ XVI-го въка подвергся въ Индіи, при великомъ моголѣ Акбаръ, новой передълкъ. Исправленная редакція принадлежить визирю Акбара, Абульфазлу, и называется Эйяри-Данишъ вли «Образецъ знанія»; есть кромѣ того Персидскій переводъ Гитопадезы, неизвъстнаго времени, составленный Тади-эддиномъ. Объ послъднія редакціи переведены были на Индустанское нарвчіе и пользуются въ Индін большою известностію. Персидскій переводъ Гозаина послужиль образдомъ для Турецкой редакціи — Гумаюнъ-наме т. е. «Царственная книга», которая посвящена была султану Солиману I и оттого получила свое названіе; по этой редакціи составлень быль Галланомь переводь Бидпая и Локмана, продолженный впоследствін Кардоннемъ (Contes et fables ind. de Bidpai etc. Paris 1724. 1778). Извъстны и другіе восточные переводы — Афганскій, Монгольскій, Малайскій. Въ 1783 вышель въ Віні Новогреческій переводъ — Μυβολογικόν ήβικο-πολιτικόν τοῦ Πιλπαϊδος Ἰνδοῦ φιλοσόφου х. т. λ., — подходящій къ Французскому изданію: Les fables politiques ot morales de Pilpay, philosophe Indien etc. par Ch. Mouton (Hambourg 1750), гдв передвланъ упомянутый переводъ Галлана: отсюда же взятъ въроятно и Русскій переводъ Бориса Волкова — «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа Индейскаго» (Спб. 1762); по одному изъ новыхъ переводовъ Гитопадезы составлены «Басни и сказки Индъйскія, сочиненныя Вишну-Сармою» (Спб. 1807).

Другаго рода была извъстность Калилы-ва-Димны въ средніе въка. Если всъ новъйшія изданія, отчасти нами перечисленныя, обязаны своимъ появленіемъ интересу ученому, то никакой

мысли о немъ не было въ старинныхъ обработкахъ Калилы-ва-Димны. Тогда искали въ ней ближайшаго смысла ея, и безъ дальнъйшихъ сомнъній, примъняли ея содержаніе къ своимъ нравственнымъ понятіямъ. Общее стремленіе къ дидактизму, развившееся особевно въ послъднемъ періодъ среднихъ въковъ, находило здъсь обильную пищу: когда и собственно-Германскій животный эпосъ утрачивалъ свою первобытную простоту, подчиняясь вліянію классической басни, когда каждый поэтическій разсказъ снабжали приличной морализаціей, какъ въ Gesta Romanorum и другихъ памятникахъ, — Калила-ва-Димна могла разсчитывать на върный успъхъ по тому самому, что вся, съ начала до конца, была проникнута подобнымъ направленіемъ. Факты убъждаютъ, что дъйствительно, для средне-въковыхъ читателей и передълывателей, умозрительная мораль Калилы-ва-Димны была интересма не менъе эпической стороны ея.

Вт Европейскія литературы Калила-ва-Димна проникла прежде всего посредствомъ Греческаго перевода, сдъланнаго по Арабской редакціи Симеономъ Споомъ, о которомъ мы упоминали уже, какъ о предполагаемомъ авторъ псевдо-Каллисееновой Александрів. Симеонъ Сиоъ составиль свой переводъ въ концѣ XI стольтія, именно около 1081 года, по воль императоровъ Михаила Дуки, Никифора Вотаніата и Алексья Комнена, н даль ему название Στεφανίτης καί Ίχνηλάτης τ. е. «Увінчанный и Савдящій», подъ которыми надобно понимать «прямодушнаго» и «лукаваго» шакаловъ Арабской Калилы-ва-Димны. Принявъ за основание Арабскую редакцію, Споъ ближе держался первоначальной формы исторіи, отъ которой значительно отклонились другіе Европейскіе переводчики: кажется, впрочемъ, что онъ выпускалъ некоторыя непонятныя для него места и въ замънъ этого, сдълалъ кое-гдъ прибавки, напримъръвставиль песколько стиховъ Гомера; иногда же передаваль смыслъ подлинника не совстмъ втрно. Стефанитъ нашелъ себт усераныхъ читателей: «притчи Ихнилата» τοῦ Ἰγνηλάτου παραводима упоминаются у Византійца Пахимера какъ прекрасная и общензвастная книга. Въ ученомъ міра познакомились съ нимъ еще въ XVII стольтіи: прежде всего изданъ быль Латинскій переводъ Стефанита, составленный ученымъ Поссиномъ (Роз-

sinus, Poussines) по рукописи, принадлежавшей Льву Аллацію; переводъ, подъ заглавіемъ Specimen sapientiae Indorum veterum. мапечатанъ былъ въ првложеніи къ взданію Георгія Пахимера (Romae 1666. 1, app. p. 545 sq.). Греческій тексть быль потомъ изданъ Штаркомъ по Голштейнской рукописи, которая и теперь хранится въ Гамбургъ. Штаркъ сделаль новый Лачинскій переводъ, напечатанный en regard съ Греческимъ подлиниямомъ: изданіе навывается — Specimen sapientiae Indorum veterum, id est liber ethico-politicus pervetustus... graece Στεφανίτης καλ 'lyνηλάτης, nunc primum ex mss. cod. Holst. prodit etc. opera Seb. Gottofr. Starkii, Berol. 1697. 8° (30 -- 508 -- 35). Голитейнскій кодексъ не полонъ; въ немъ ведостаетъ целаго введенія, переведеннаго Поссиномъ, гдъ разсказывается, по Арабской редакцін, упомянутая исторія Барзуйе. Имя мудраго врача только названо въ следующемъ заглавін Голштейнского списка, опредъляющемъ и подлинникъ Греческой редакціи: Вівкію фиссоλογικόν, μετακομισθέν έκ τῆς Ἰνδίας καὶ δοθέν τῷ βασιλεῖ Χοσρόη έν Περσίδι παρά τινος Περζωέ, σοφού καὶ ἱατρού τὴν τέχνην, καὶ μετενεχθέν είς την Άραβων γλώσσαν, — ύπο δε Συμεών μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σήθ εἰς την Ελλήνων διάλεκτον μεταβληθέν. καλούμενον άραβιστί μέν Κυλίλε και Δίμνε, ελληνιστί δε Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, - ελεγθήσαν δὲ παρά τινος φιλοσόφου τῷ βασιλεί Ἰνδών Άβεσσαλών (— Дабшелимъ, по върному объяснению Штарка). Недостающее у Штарка введеніе къ Стефаниту, надано было въ концъ прошлаго стольтія Ауривилліемъ, по посредственному списку, найденному въ Упсальской библіотекъ между рукописями Спарвенфельда; къ этимъ пролегоменамъ Ауревиллій приложиль и и вкоторые варіанты Упсальской рукописи съ изданіемъ Штарка въ остальномъ текств (Petrus Fab. Aurivillius, Prolegomena ad librum: Στεφανίτης καὶ Ίχνηλάτης e cod. mscr. bibl. ac. Upsal. ed. et lat. versa etc. Upsaliae. 1780. 52 р.). Въ Маттесвомъ каталогъ Синодальной библіотеки отмѣченъ подъ № 285 cod. chartac. sec. XV, гдв на л. 353-440 TAKE HE HANOGETCE CHECOKE CTECOHETA, μυδική διήγησις περί στεφανίτου καὶ ἰχνηλάτου.

Греческій Стефанять перешель, кажется, только въ Славанскія литературы; гораздо более распространилась Калила-ваАнмна посредствомъ Еврейскаго перевода, сдъланнаго по Арабской редакціи раввиномъ Іоэмомъ, который однако, какъ можно думать, заимствоваль кос-что и изъ древней Персидской редакцін, потому что переводъ его не всегда соответствуєть Арабскому тексту. Въ заглавін его, вибсто имени Бидцая, поставлено по опибки Sendebai, что намекало на другое сказочное произведеніе Востока. По Еврейскому переводу, извістному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262-1278 г. составлена была вероятно Іоанномъ Капуанскимъ, крещенымъ Евреемъ, зваменитая Латинская редакція Калилы-ва-Димны, подъ названіемъ Directorium humanae vitae, alias parabolae antiquerum sapientum, sanevatarnas s. l. et a. okogo 1470 - 80 r. fol. Отсюда взята была Нъмецкая редакція, привадлежащая Эбергарду, Горцогу Виртембергоному († 1325); Нъмецкія изданія выходили съ разнообразными заглавіями: Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit (Ulm. 1482) MAII Der alten Weisen Exempelsprüch is T. n. 113% toro me всточника заимствованъ Испанскій переводъ, Exemplario contra los engaños y peligros del mundo, напечатанный въ Бургосъ 1498 и др. Въ 1528 г. изданъ въ Праге Чешеній переводъ, савланный также по Латинской редакців Коначенъ: Prawidlo lidského žiwota, jinak podobenstwí starých mudrcůw... kteréžto také Dymnowy a Kelilowy kpihy slowú (Jungmann, 165).

Независимо отъ Іоанна Капуанскаго образовался более древній Испанскій переводъ, который черезъ другую Латинскую обработку происходить прямо отъ Арабскаго подленника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переложениемъ воспользовался Раймондъ де-Безье (Raymond de Béziers', Raimundus de Biterris), трудъ ко-Toparo — Încipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idiomate Hispanico in Latinum, anno Domini mo. ccco. xiijo., - храничся въ Парижской библіотекъ. Раймундова передълка Калилы-ва-Димиы очень любопытна какъ свидетельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это чронзведение, и какія превращенія заставляли его испытывать, чтобы чужой вымысель, съ чужими красками приноровить къ понятіямъ другаго времени и мъста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Красивому, при одномъ торжественномъ случав, или по его выраженію, presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus liliate regie majestati, какъ книга, достойная быть читанвой королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и отчасти Іоаннъ Капуанскій, хотя последняго онъ нигае не называеть: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Іоанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находящаяся въ Арабской Калиль-ва-Димив, въ передълкъ Раймунда составила цізлый философскій трактать: врачь Хозров представленъ христіанскимъ монахомъ (Berozias, Berzebuy) и въ этомъ видф нарисованъ на миньятюрахъ рукописи; въ уста его Раймундъ влагаетъ изреченія отцовъ церкви, и, далье, посвящаеть целыя три главы или параграфа разсужденіямь о вере, надежав и любви, особенно о последней, въ следствіе которов Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и объщалъ употребить на то всъ свои силы и способности. При этомъ случав объясияется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намъревался служить бъднымъ de intellectu, de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu, словонъ всеми душевными и телесными силами. Затемъ после молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во сив христіанскій рай, ангеловъ в проч., и потомъ разсказываетъ о видъніи длинными гекзаметрами. По тому же способу Раймундъ передълаль и исторію шакала Димиы. Когда всв улики были на лицо, Димна призвается въ своемъ обманъ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія првиія, спрашиваєть, какіе бывають смертные грахи? — и потомъ сознается въ прегръщеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежъ, ростъ, симонія, дъланіи фальшивой монеты и другихъ непозволительных вещахъ. Зайсь кстати прибавлены леонинскіе стихи, описывающіе семь смертныхъ граховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала, ндущаго на смерть. — Directorium humanae vitae было наконецъ источникомъ Итальянской редакціи: Discorsi degli animali, 1548, принадлежащей новеллисту Аньоло Фиренцуола; другой Итальянскій переводъ: La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori,

1552, составленный Дони, служиль основаніемъ Англійскаго перевода Томаса Норта: Moral Philosophy of Doni, 1570. 1601, и Французскихъ изданій — Cottier, Plaisant et facétieux discours sur'les animaux, 1556, и Р. de la Rivey, Deux livres de philosophie fabuleuse, 1579. Наконецъ третій Итальянскій переводчикъ (Del governo de' Regni sotto morali esempj di animali ragionanti trà loro etc. Ferrara 1583) приписалъ Арабскую редакнію книги Сарацину Lelio Demno, переведшему булто бы книгу съ Индъйскаго на Агарянскій языкъ, а своимъ подлинникомъ называеть Греческій переводъ Антіохійца Симеона Сиеа (Simon Seto). Если указаніе переводчика справедливо, то книгу его надобно считать единственной Западной редакціей, имѣющей одно начало съ переводомъ Русскимъ; С. де-Саси сомнъвается однако въ достовърности его словъ.

Вообще, о Кајилъ-ва-Димнъ см. Grässe, Lit.-Gesch. 2. 1, 445 — 454; — Diez, Ueber Inhalt und Vortrag, Entsteh. u. Schicksale d. königl. Buches, Berlin, 1811; — Loiseleur Deslongchamps, Essai sur les fables Indiennes etc. pour servir d'introd. aux Fables des XII-e, XIII e et XIV-e siècles, publ. p. Robert, Paris, 1838; — наконецъ, рядъ статей С. де-Саси о различныхъ восточныхъ редакціяхъ Калилы-ва-Димны, и книгѣ Раймунда де-Бевье, сохранившихся въ рукописяхъ Парижской б-ки, — см. Notices et extraits t. IX. 1, 397 sq. t. X. 1, 94 sq. 197 sq. 226 sq. 2, 3—65; — Schoell, Gesch. d. griech. Litter., übers. v. Pinder, Berl. 1830. 3, 433—435.

До сихъ поръ остается въсколько ненапечатанных в переводовъ Калилы-ва-Димны, напр. Еврейскій, Испанскій, Итальянскій, изданіе которыхъ много объяснило бы и пути и степень распространенія этой знаменитой книги. Она давно пользовалась любовью читателей и на Востокъ и на Западъ, и вълитературахъ Европейскихъ разсъяла много басенъ и разсказовъ: въ Gesta Romanorum и другихъ подобныхъ сборникахъ, во Французскихъ фабльо, у Итальянскихъ новеллистовъ, видно хорошее знакомство съ ея сюжетами. Такъ какъ происхожденіе Европейскихъ редакцій было не одинаково и притомъ каждая испытывала особенныя измѣненія со стороны передѣлывателей, то и не мудрено, что между ними находится иногда зна-

чительная разница и въ содержаніи и въ разд'влени книги. Греческій текстъ начинается прямо исторіей шакаловъ, а предыдущій разсказъ о Барзуйе служилъ введеніемь и иногда былъ опускаемъ въ рукописяхъ; въ Directorium humanae vitae первая глава de Berozia principe medicorum есть какъ бы начало самой исторіи. И въ Греческой редакціи и въ Латинскомъ переводъ Іоанна Капуанскаго главы въ серединъ книги поставлены въ другомъ порядкъ, чъмъ въ древнемъ Персидскомъ текстъ; сравнительная таблица главъ по текстамъ Персидскому, Еврейскому, Латинскому и Греческому, представлена въ одной изъ упомянутыхъ статей С.-де-Саси, Not. et extr. t. X, 1, 124. Само содержаніе было интерполировано христіанскими вставками, какъ въ Латинской редакціи Раймунда и въ Греческомъ Стефанитъ.

Русскій переводъ Стефанита долженъ быть отнесенъ къ числу тёхъ произведеній, которыя давно перешли къ намъ изъ литературъ южно-Славянскихъ, хотя по Русскимъ извъстнымъ спискамъ онъ восходитъ не дваће XVII-го стольтія. Заглавія нашихъ рукописей приписываютъ сочиненіе Стефанита не только Симеону Сибу, но такъ же Іоанну Дамаскину, и это недоразумение можеть быть объяснено темь, что тому же лицу приписывалось, или дъйствительно принадлежало, другое восточное собраніе притчей, «Варлаамъ и Іоасафъ». Такъ же легко отстраняется имя «Econa Индъянина», какъ автора Стефанита, стоящее на одномъ изъ Толстовскихъ списковъ: оно испорчено отъ переписки изъ имени Сива. Этотъ последній называется у насъ и Антіохомь, потому что Сиеъ быль протовестіаріемъ Антіохійскаго дворца въ Константинополів и отъ того именовался magister Antiochiae, откуда и явилось ложное митие о происхожденіи его изъ города этого имени (Grässe, ib. 2, 1, 564). По свидътельству Демидовской рукописи Стефанита, эта книга принесена была въ Россію изъ Авонской горы Максимомъ Грекомъ: если здівсь говорится о Славянской, а не о Греческой рукописи, то эпохи Максима Грека нельзя считать временемъ перевода, потому что Шафарикъ упоминаетъ о гораздо древнъйшемъ спискъ Славянскаго Стефанита, именно о Сербской редакція XIV — XV стольтів (Wiener Jahrb. Bd. 53. Anz.-Bl.

- 29. № 79); въроятно и то, что Русскіе познакомились съ южно-Славянскимъ Стефанитомъ гораздо ранбе Максима. Списки нашей редакціи хотя не многочисленны, но и не слишкомъ ръдки въ нашихъ собраніяхъ.
 - Толст. 2, 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 393-445 «Писаніе философа Ессопа Инлѣянина, воспросы царевы (притча первая)», нач. «царь Индійскій вопрошаше философа Есопа (sic): хощу да притчею покажеши ив, како дстивъ мужъ и дукавъ, себе примесивъ, вражду прилагаетъи пр.; — 3. 45 Публ. Б-ки XV. О. 2 сборн. XVII в. л. 76—207 •О притчахъ, списаніе Сифа Антіоха, друвін же мивша Іванва Дамаскина, зело пъснотворца, иже о звърехъ, нарицаемыхъ стеванида и ихнилата. (Вопросъ паревъ)», нач. «царь Индъйскій вопрошаше нѣкоего отъ философъ своихъ, глаголя: хощу яко да притчею покажеши, како дьстивый мужъ и дукавый, еже посреди составленную в нъкихъ любовь же и дружбу, влагаеть имъ ложь. Объ рукописи въ каталогъ Калайдовича и Строева неправильно означены именемъ баснописца Езопа.
 - Погодина, сбори. XVII в. по описи 16 1964 г. 127— 227 •О притчахъ, списаніе Сива Антіоха, друзій же рѣша яко суть Іоанна Дамаскина, зъло пъснописца, еже о ввърехъ нарицаемыхъ стефанита — ихнилата нач. «царь Индъйскін вопрошаще нікоего оть философъ своихъ и т. д. какъ въ предыдущемъ спискъ.
 - Царск. 🥒 389 сбори. XVII в. л. 449 552 ваглавіе почти такъ же какъ въ двухъ последнихъ син.; — № 451 сборн. нач. XVIII в. д. 1-88 «Кинга, глаголемая Шхивалта. сложена отъ древнихъ философъ: беседы о веврехъ, глаголемыхъ ихиваата же и стефанита, и иныя иногія приложеныя притчи и приклады от иных книге, подобныя къ житію и . нравомъ лукавыхъ и препростыхъ человъкъ, да отъ сихъ чтущім уразумьють, противу сихь привладовь, како оть лукавыхъ и льстивословесныхъ человъкъ опаснымъ быти, дабы въ съть ихъ не впасти; глаголють же нецыи о томъ, яко бы сія притчи и бесіды написа Іоаннъ Данаскинъ, егда біз въ ваученів риторики», — притчей здісь 25.
 - Демидова (описаніе бывшей его б-ки см. въ Чтеніяхъ М. Общ. 1846. кн. 2, смъсь), рукоп. № 669 «Кинга, глаголемая Ихнилать, содержить вопросы царя Индійскаго и отвіты

Сион, философа Индіянина, сочинена Іоанномъ Дамаскинымъ, изъ Греціи принесена Максимомъ Грекомъ, святыя горы инокомъ», — въ листъ.

- Въ каталогѣ рукописей Бауае, проф. Моск. унив., подъ № 85 отмѣчено (о каталогѣ см. Всеобщ. Библ. Россіи, Черткова. М. 1838—1845. 2, 443—444): «Ихнилатъ или собраніе равныхъ притчей 1672 года, м. ф.» Годъ означаетъ, конечно, время написанія рукописи.
- Забълина, въ рукописи XVII в. № 76, заключающей Езоповы басни въ переводъ Гозвинскаго, находится также Стефанить и Ихнилать, безъ заглавія.

Издатель Греческого введенія къ Стефаниту жаловался, что писецъ выкинулъ самыя разсужденія подлиннаго текста и удержалъ одни голые разсказы; Русскаго переводчика скорће можно обвинить въ противномъ. Если судить по просмотръннымъ нами двумъ Толст. и Погодинскому спискамъ, или нашъ переводъ не полонъ, или переводчикъ пользовался сокращеннымъ и неоконченнымъ спискомъ Греческаго подлинника. Изъ пятнадцати отдъленій (тріїра) Греческаго Стефанита, у насъ переведены только семь, правда, самыя большія; но и въ серединъ текста пропущены многіе разсказы: передавая ръчь того или другаго зв ря, нашъ переводчикъ больше заботился о сохраненій нравственных в сентенцій, чёмъ самыхъ сказокъ и апологовъ, которыми онъ подтверждаются. Представляемъ обозрѣніе нашего перевода по Толстовской рукописи 3. 45; отличія другихъ списковъ не важны. Замічательно, что всі три рукописи, которыми пользовались мы, представляють тотъ же самый подборъ апологовъ, и всв одинаково оканчиваются на серединъ разсказа «о снъхъ Индъйскаго царя»: можно думать по этому, что и прототипъ нашихъ списковъ, другъ отъ друга независимыхъ, страдалъ той же неполнотой и отрывочностью.

— Предисловіе Греческаго подлинника, переведенное Поссиномъ и изданное Ауривилліемъ, въ этихъ рукописяхъ не существуетъ. Разсказъ прямо открывается изложеніемъ исторіи Стефанита и Ихнилата, какъ и въ спискѣ Штарка: ὁ τῶν Ἰνδῶν βασιλεὺς ᾿Αβεσσαλώμ ἤρετό τινα τῶν περὶ αὐτὸν φιλοσόφων, λέγων Βούλομαί σε ὑποδειγματίσαι μοι, τῷ τρόπῳ ὁ δολιὸς καὶ πονηρὸς

ανήρ μεσολαβήσας, είς έχτραν μεταβάλλει την μεταξύ τινών συστάσαν φιλίαν. Начало нашихъ списковъ приведено выше. Затъмъ савдуеть въ нашемъ переводв первая глава «сказаніе о купцехъ» (Толст. 3. 45, л. 76), начин. «глаголетца, яко купецъ нѣкін многославенъ сый» и пр. Starck. р. 4 λέγεται, ώς єμπορός τις πολύολβος ών. Посторонній разсказъ, служащій для того, чтобы вывести на сцену быка или вола, котораго левъ принимаетъ въ лучшіе друзья свои; затъмъ исторія переходить къ шакаламъ (6 565) Стефаниту и Ихнилату, имена которыхъ въ другой Толст. рукописи объяснены на поль: «медведь» и «горностай», а въ Погодинской: «стеванитъ — соболь, ихнилатъ — горностай»: и то и другое, разумфется, неправильно. На поляхъ Погодинск. списка поздитишимъ почеркомъ приписаны argumenta: «начало телча особнаго пребыванія» — «страшится левъ телца» — «начинается злосовътіе ихнилатово» — «стеванитъ же въдая его злокозньство всяко его отъ того отръваетъ многими бестдами» и т. д. въ томъ же родъ.

- Вторая «притча о пиеицѣ» (л. 81), разсказанная Стефавитомъ, нач. «глаголетбося, яко пионкъ изкін виді нізкоего древоделя» и пр. Starck. р. 12 λέγεται γάρ, ώς πίθηκός τις ίδών тежточа. Обезьяна, т. е. пиникъ, подражая дровостку, котъла расколоть бревно и вмісто того ушемила часть собственнаго тьла; затьмъ она еще пострадала отъ возвратившагося дровосъка. Такъ наказывается «влагаяи себе въ неподобная словеса и дела». Заметимъ, что вместо ο εραξ въ нашемъ тексте стоитъ «птищъ, нарицаемый алеаконъ», въ др. сп. «еалконъ».
- Третій разсказъ, Ихнилата, о лиснцъ и тимпанъ (л. 92), нач. «глаголетбося, яко лисица алчющи, пищу ищущи, приключися ей вещь некую обрести, тимпанъ, зовомым (бубень Ποτ.)», — Starck. p. 36 λέγεται γάρ, ώς άλωπηξ τὶς πεινώσα καὶ τροφήν επιζητούσα etc. Въ Погод. спискъ разсказъ отыбленъ 4- мъ, потому что за 3-ю главу (л. 134 об.) принята коротенькая притча объ отрокъ, пріобръвшемъ скромностью дружбу царя; въ следующихъ главахъ счетъ Погод. списка такъ же идетъ впереди.
- Четвертая «притча о вранћ и о зміи» (л. 97), разсказанная Ихнилатомъ, нач. «глаголетбося, яко вранъ итків во-

Digitized by Google

ги водящеся въ пъкоемть древъ въ горъ», — Starck. р. 60 λέγεται γάρ, ως κόραξ τις έμφωλεύων τινὶ των ἐρεινων δένδρων. Иередъ
тъмъ пропущенъ длинный разсказъ о пустынникъ и о воръ,
укравшемъ платье, Starck. р. 50.

- Пятая притча «о жаравле и о ежъ» (л. 98), разсказанная звъремъ, другомъ ворона, нач. «глаголетбося, яко жеравъ нъків при блатъ пребывая, исполнену рыбъ», Starck. р. 62 λέγεται γάρ, ως χύκνος τις παρά τινι ίχθύων πλήρει λίμνη οἰχῶν.
- Шестая «притча о лвв и о заицъ» (л. 101), разсказавная Ихнилатомъ, о томъ, какъ заяцъ съумвлъ обмануть голоднаго льва и даже лишить его жизни; этой притчей Ихнилатъ убъждаетъ Стефанита, что можетъ достичь своей цѣли, т. е. поссорить льва съ быкомъ. Нач. «глаголетбося, яко левъ нѣвін обитоваще травоносно поле и водно», Starck. р. 70. λέων (γάρ) τις ώχει χλοηφόρον καὶ ύδατῶδες πεδίον.
- Седьмая «притча о трехъ рыбахъ» Ихнилата къ царю (л. 107), нач. «глаголетбося, яко въ нъкоемъ блать, близь ръки суще, три пребынаху рыбы», — Starck. р. 82 λέγεται γαρ ώς έν τινι λιμνηδίω πρός ποταμόν συνάπτοντι τρείς διητώντο έχθύες. Рыбы услышали однажды, что рыбани хотять выловить ихъ изъ болота: одна изъ нихъ, мудрая, тотчасъ же ушла въ рѣку; другая, поглупве, осталась, но когда рыбаки пришли и загородили проходъ въ ръку, притворилась мертвою, - рыбаки взяли ее руками и спокойно положили на берегу рѣчки, тогда рыба встрепенулась и прыгнула въ ръку; третья рыба была совствить глупа, увидтвши рыболововъ, начала метаться въ разныя стороны и скоро была поймана: «доволній бо мудростію человіцы всякимъ образомъ тіцатся еже не впаднути въ злая паденія; а меншій разумомъ и страшливій, впадають убо когда, и промышляютъ еже своего избавленія; а иже до конца не полезни мудростію, аще впадають, и никогда же избавленіе могутъ обрѣсти».
- Восьмая «притча о коридѣ и о блохѣ» (л. 111), также разсказанная льву Ихнилатомъ, нач. «глаголетбося, яко корида нѣкая въ тѣлѣ (др. сп. въ портахъ одеждахъ) вельможа нѣкоего крыяшеся не мало время», Starck. р. 90. φ3είρ γάρ τις δεμνίοις τινὸς τῶν μεγιστάνων ἐπὶ μαχρῷ ἐνεχέχρυπτο χρόνῳ.

- Девятая «притча о волкѣ и о лисицѣ и о гавранѣ и о лвѣ и о велбудѣ» (л.117), приведенная тельцомъ, нач. «глаголетбося, яко левъ нѣкіи пребываше въ нѣкоемъ мѣстѣ (д. б. льсь)», Starck. р. 102 λέγεται γὰρ, ὡς λέων τὶς παρά τινι διητᾶτο ὕλη. Далѣе пропущена притча о птицѣ алкіонѣ (Starck. р. 114), къ которой по Греческому подлинвику относится слѣдующая нритча, въ Русскомъ переволѣ приписанная прямо Ихимлату.
- Десятая «притча о дву норцахъ и о желвѣ» (= черепахѣ), л. 123, нач. «глаголетбося, яко въ нѣкоемъ источницѣ пребываху два норца и желва съ ними», Starck. р. 116 λέγεται γάρ, ώς ἔν τινι πηγῆ νῆτται ἐδιαιτῶντο δύο καὶ μία χελώνη. Здѣсь слова τὰ τῶν νυκτερίδων ὅμματα переведены «лѣковые очи», др. сп. «лелѣковы очи».
- Одиниадцатая «притча о дву друзехъ» (л. 129), Стефанита, нач. «глаголетбося, яко въ нѣкоей горѣ пребываху два пиника, имѣяху дружбу межу собою», Starck. р. 130 λέγεται γὰρ, ὡς πονηρός τις ἀνὴρ σὺν ἄμα σχολαστικῷ τινὶ, κοινωνίαν πρὸς ἀλλήλους ποιησάμενοι. Разница въ начальныхъ словахъ происходить отъ того, что въ Русскомъ текстѣ пропущена предыдущая притча о пиникахъ и воронѣ (Starck. р. 128 λέγ. γὰρ, ὡς τινѣς πίθηκοι etc.), но начало ея отнесено къ слѣдующему разсказу, въ которомъ дѣйствуютъ вовсе не пиника, а люди. То же смѣшеніе и въ двухъ другихъ рукописяхъ.
- Дві надцатая «притча о купіці» (л. 132). Стефанита къ Ихнилату, нач. «глаголетбося, яко нікій купецъ хоті поити на куплю», Starck. р. 140 λέγεται γάρ, ώς εμπορός τις μελλων αποδημείν. Передъ тімъ пропушена притча Греческаго Стефанита о журавлі н зміні, р. 134.
- Тринадцатая «притча по убъеніи телчи» (л. 135), т. є. разсказъ о томъ, что случилось по смерти тельца, погубленнаго коварствомъ Ихнилата; здѣсь опять является царь, бесѣдующій съ философомъ, какъ въ началѣ книги. «Царь же рече философу: извѣсти ми, по убъеніи телчи како бысть Ихнилать? Философъ же воспріимъ рече: по убъеніи телца изыде вонъ леонтопардосъ» и пр. Въ Греческомъ текстѣ здѣсь начинается отдѣленіе второе, Starck. р. 146 ὁ δὲ βασιλεύς τῷ φιλοσόφω ἔφη. ἀνάγγειλον οὖν μοι etc.

- Четырнадцатая «притча о неумѣтелномъ врачѣ», сказанная Ихнилатомъ въ судѣ (л. 146), нач. «глаголетъбося, яко нѣкіи врачь пріиде въ нѣкія градъ», — Starck. р. 168 λέγ. γάς, ως ιατρός τις τοιοῦτος ἐπεδήμησε πόλει τινί. Въгородѣ, куда пришелъ врачь, была опасно больна царская дочь, и ему поручили приготовить лекарство, которое нужно было ей дать; по незнанію своему, врачь далъ ей другаго былія и она умерла; тогда родители принудили его выпить того же вреднаго лекарства и врачь потериѣлъ смертныя муки. Этимъ доказывается, что «аще кто невѣсть ничтоже, да лжу не глаголетъ; глаголя бо лжу, подобно постражетъ неумѣтелнаго врача».
- Пятнадцатая «притча о женахъ» (л. 148), приведенная опять Ихнилатомъ на протомагера, нач. «глаголетъбося, яко жень двь съ мужемъ отъ плъна избытши», Starck. р. 172 λέγ. γάρ, ώς δύς γυναίχες μετ' ἀνδρὸς έχ τινος διαδράντες αίχμαλωσίας. Протомагеръ, πρωτομάγειρος, въ Погод. рукописи истолкованъ: «котъ».
- Шестнаднатая «притча о лжесвидѣтелѣ» (л. 151), сказанная Ихиилатомъ въ судѣ, нач. «глаголетбося, яко нѣкіи крагуяръ вожделѣ жену господина своего», Starck. р. 178 λέγ. γὰρ, ὡς ἰερακάριός τις ἡράσδη τῆς γυναικὸς τοῦ κυρίου αὐτοῦ. Κοгда пополановеніе крагуяра не удалось, онъ поймалъ двухъ сой и выучилъ ихъ говорить по-Персидски, одну «видѣхъ госпожу свою со вратаремъ падшуся», а другую «не глаголю ничтоже». Господинъ, услышавъ разговоръ ихъ, пришелъ въ великій гнѣвъ; но жена убѣдила его, что птицы не умѣютъ говорить ничего другаго, и открыла ему поступки крагуяра; тогда «напрасно воскочи господинъ... ко крагуяру и извертѣ ему очи», чѣмъ и доказывается опасность лжесвидѣтельства, въ которомъ Ихнилатъ упрекалъ своихъ обвинителей.
- Семнадцатая «притча о любовных друзех » (л. 154), т. е. о гавран , мыши, серн и желв , нач. «глаголет бося, яко въ н коемъ гради м істо бяше угодно на лов », Starck. р. 184 λέγ. γὰρ, ώς ἔν τινι χώρω τόπος πν πρὸς Ξήραν ἐπιτή-δειος. Зд ісь оканчивается исторія льва, быка и двух ъ шакалов ь, и въ Греческом ъ Стефанит і начинается третье от діленіе, въ котором ъ разсуждается «о друзех », иже любятца и въ любяв

присно пребываютъ». Далве, въ нашей рукописи принято за особенную (18-ю) притчу «о мыше и о гавране» (л. 157), продолженіе того же разсказа, и слідовательно счеть главъ перемъпивается; въ Погодинской рукописи этого дъленія нътъ, и счетъ сравнивается съ Толстовскимъ. Въ разговоръ монаховъ, у одного изъ которыхъ жила мышь, Русскій переводъ пропускаетъ притчу о волкѣ (Starck. p. 206).

- Осьмнадцатая, по рукоп. 19-я, «притча о гавранехъ и о выплехъ» (л. 172), разсказанная философомъ царю, нач. «глаголетбося, яко въ нъкоей горъ бяше древо нъкое», - Starck. p. 236-238λέγ. γάρ, ώς ἔν τινι όρει, ἐν ὑπερμεγέθει δένδρω. Въ Греческомъ текств отделение четвертое: «како подобаетъ блюстися врага, иже лицемфріемъ истиненъ пріятель являетца». Начальныя слова царя и философа въ нашемъ переводъ нъсколько длиниве; въ притчв, Греч. πρωτοσύμβουλος переведено «первыи совътникъ», а въ другомъ случав поставлено «схоластикъ»: «и поиде царь съ сходастикомъ, сіиръчь со уединеньемъ (= уединенымъ) особы» (л. 176. Starck. р. 252), въ Погодинской же рукописи забавная ошибка: «с холатником», сінречь со уединеннымъ». Далее пропущены почти все сказки, вставленныя въ это отделение, именно: о бездождые и слоиахъ Starck. р. 254, о зайцѣ и скіурѣ — какъ они потерпѣли отъ кошки р. 262, о монахѣ, котораго обманули воры, укравшіе у него козла р. 270, о старомъ мужѣ, молодой женѣ и о ворѣ р. 278, о монахѣ, которому строили козни воръ и дьяволъ р. 282, о мастеровомъ, котораго обманываетъ жена р. 286, наконецъ о пустынникъ, обратившемъ мышь въ дъвушку р. 296.
- Девятнадцатая, по рукоп. 20-я, «притча о змін, како полложися жабт» (л. 186), разсказанная гавраномъ, нач. «глаголетбося, яко змін нікін заматорівь, состарівся, и не возможе ничтоже ловити на пищу», — Starck. p. 306 λέγ. γάρ, ώς όφις τις παραβεβηχώς καὶ γεγηραχώς πρός την δήραν ήτόνησε.
- Двадцатая, по рукоп. 21-я, «притча о пионцехъ» (л. 188), разсказанная философомъ царю, нач. «глаголетбося, яко пиоицы нъцыи царя у себе имуще», — Starck. p. 314 λέγεται, ώς οί πιδηχοί των σφων βασιλέα. Въ Греческомъ текств начинается здісь отділеніе пятое, о томь, «како кто когда достигь желанія

своего и не могін добре содержати его, и абіе паки погубить è»; въ изложеніи этого отдъла у насъ недостаетъ басни о льві в лисицъ (Starck. р. 326). Замътимъ, что слово συζυγές переведено у насъ «подругъ».

- Двадцать первая, по рукоп. 22-я, «притча о мужи и о женть, иже наединъ жившемъ кромъ людей» (л. 194), разсказанная философомъ въ шестомъ отдъленіи Греческаго Стефанита, нач. «глаголетбося, яко мужъ нъкіи вкунть (съ) своею женою наединъ живяще кромъ людей», Starck. р. 334 λέγεται, ώς ἄν3ρωπός τις ἄμα τῆ ἰδία γυναικὶ κατὰ μόνας συζών.
- Двадцать вторая, по рукоп. 23-я, «притча о проліявшемъ медъ и масло» (л. 194), нач. «глаголетбося, яко мужъ вѣкіи ото убогихъ имъяте у себе въ нъкихъ сосудехъ медъ и маcao», - Starck. p. 336 λέγ. γάρ, ώς πένης τίς μέλι τε καὶ βούτυρον έν τινι άγγείω, ένδα έκάδευδε, πλησίον είχε. Изнъстный анекдотъ: посредствомъ продажи меду и масла бъдный мечтатель думалъ пріобрість огромныя богатства; воображаль, какъ онъ тогда женится, будетъ имъть сына, какъ станетъ учить его жезломъ послушанію; онъ взялъ жезлъ, размахнулся и — разбилъ сосудъ съ медомъ и масломъ. Первоначальный разсказъ находится въ 5-й гл. Панча-тантры; онъ повторяется, кромв другихъ редакцій Калилы-ва-Димны, въ Conde Lucanor (пг. 29), отчасти въ Нъмецкой народной сказкъ der faule Heinz (Grimm, Kinderm. 2, 360 ff.) и во многихъ позднъйшихъ басняхъ (Dunlop, 502). Здісь онъ соединенъ съ предыдущимъ разсказомъ, подобнаго же рода: мужъ мечталъ о томъ, какъ у него родится «мужески полъ отроча»; жена возразила на это притчей «о проліявшемъ медъ и масло». Потомъ, — приводимъ разсказъ по рукописи, - «роди отрока жена его, и по нъкихъ днехъ рече жена къ мужу своему: пристди мало здт у отрока своего, дондеже инедше возвращуся, — и отъиде жена его. И позванъ же бысть отъ властелина мужь ея, и поиде, и остави детище едино; и приключися абіе пресмыкатися змін на дітища, и видівши жена брата его, невъстка, змію, и скочивше и зубы изсяче змію, и уби ю, и рукама своима растерза ю, и окровавився змінною кровію. Пришедъ же паки мужь онъ, и видівъ невістку окровавлену змінною кровію, и мияше, яко отроча се его убила есть,

и не стерпъ, донъдеже видитъ отроча, и удари сію по главъ немилостивно, и умре отъ того. Вшедъ во храмину и обръте отрока цъла, и змія содроблена, и зъло раскаяся и плакася горко». На такой же ошибкъ основанъ, какъ увидимъ, одинъ разсказъ въ Семи Мудрецахъ. Притча о пролившемъ масло и медъ имъетъ своего двойника въ нашей лубочной картинкъ: «мысли вътреныя мужика, несшаго въ торгъ янцы» (Снегиревъ, въ Вал. Сборникъ, стр. 210).

— Двадцать третья, по рукоп. 24-я «притча о сибхъ Индейсково царя» (л. 197), разсказанная философомъ царю въ седьмомъ отделеніи Греческаго Стефанита, нач. «глаголетбося ситце (sic), яко тои царь Инд в сдину отъ нощей вид в осмь сновъ страшныхъ и ужасныхъ», - Starck. р. 340-342 λέγ. γάρ, ώς βασιλεύς ούτος όκτω πότε όνείρους έν τῷ καβεύδειν φοβερούς ίδών. Философы, призванные царемъ для разръщенія сновъ, хотъли устроить его гибель, и совътовали ему избить всьхъ близкихъ своихъ; царь былъ въ жестокомъ недоумъніи; но царица, не въря лживымъ философамъ, просила мужа искать объясненія сновъ у постника старца, утвержающаю христіяны. Постникъ растолковалъ всъ сны совершенно иначе, предвъщая царю получение многихъ даровъ, и пр. Этотъ послъдний разсказъ Русскаго текста, намъ извъстнаго, оканчивается на серединъ исторіи словами: «...во единъ же убо отъ двіи, яже вънецъ вземшіи» — Starck. p. 358.

Въ заключени нашего Стефанита номъщены другія статыв. къ нему не принадлежащія, но въроятно находившіяся въ той Греческой рукописи, которою пользовался переводчикъ. Самый тексть оканчинается въ Толст. спискъ 3. 45 следующими словами: «мудростьже сія и притчи кънфкоторымъ писателемъ(sic), но недописаны суть, но уже время, возлюбления, - мивхъ убо сладкую беседу отеческих словесь сократити; Богъ же человъколюбивым да покрыетъ насъ своею благодатію и молитвами всъхъ святыхъ, аминь» (л. 205). Вмёсто того въ Погод. сп. сказано, по окончаніи прибавленных статей: «добрѣ внимая кто притчамъ, имать прилагати разумъ къ дъятелнымъ вещемъ, егда же совершится вещь, и разумбемъ силу приложеннаго разума, -- еда ли же сему достоино быти прилогу разума естественнаго къ вещемъ» (?). Не осталось ли и здѣсь что нибудь изъ заключенія Греческой рукописи?

Къ Стефаниту прибавлена, во первыхъ, «притча нѣкая о составленіи человіческаго сущаго естества» (Толст. 205—207, Погод. об. 220—221) или весьма извістная басня о споріз частей человіческаго тіла, нач. «человікть бо ніжій рече притчю сію сице: ніжогда прилучися, совокупистася утроба со всіми уды тілесными» и пр. Во вторыхъ, слідующія гномическія изреченія:

«Блаженъ бо есть тои градъ, иже отъ древнихъ и благочестивыхъ царен царьствуемъ, — и корабль отъ искусныхъ кормникъ окориляемъ (— направляемъ, Пог.), — и монастырь отъ воздержанныхъ инокъ строимъ....

• А тому граду горе есть велико, иже отъ юныхъ и нечестивыхъ царен царствуемъ. — и кораблю отъ неискусныхъ кормникъ окормляему, — и монастырю отъ неискусныхъ инокъ строиму.

«Градъ убо скоро плъненъ бываетъ, — а корабль разбіетца вскоръ же, — монастырь же запустветь, и сія вся свершатся отъ неразумія человъческаго».

Въ третьихъ, въ Погод. сп. об. л. 221 — 227 находится «притча о нъкоемъ велможъ», съ которою встрътимся еще далье, когда будемъ говорить о «Римскихъ Двяніяхъ» т. е. Русскомъ переводъ Gesta Romanorum. Легко можно допустить, что уже оригиналъ нашего перевода имълъ тотъ неполный и неправильный составъ, какой мы означили; потому что и списки, извъстныя по изданіямъ, далеко не удовлетворительны: списокъ Упсальскій не имфетъ многаго, что есть въ перевод Поссина; Голштейнскій не имфетъ цфлаго введенія. Или и наши списки дълились на два разряда — полные и неполные? Но и Русскій текстъ въ свою очередь представляетъ некоторыя места, ненаходящіяся въ изданіи Штарка, напр. обращеніе къ иноку въ первой притчь (Толст. л. 78), упоминание Омировой притчи (Толст. л. 123, Погод. л. 164 об.) и друг. Книга должна была пользоваться уваженіемъ, если ее приписывали Іоанну Дамаскину; и дъйствительно, въ сборникъ правственныхъ и благочестивыхъ изреченій, въ роді Пчелы, находящемся въ Толстовской рукописи 2. 181, л. 446 — 460, выписки изъ «Ихнилата» поставлены рядомъ съ изреченіями самыхъ знаменитыхъ и почитаемыхъ у насъ гномистовъ.

Другой характеръ аполога и другой видъ животнаго эпоса является въ Езоповой басит; съ переводами ея снова вступаемъ въ XVII стольтіе. Не распространяясь о значеніи Езопа въ классическихъ и средне-въковыхъ литературахъ, обозначимъ только составъ рукописей, заключающихъ наши переводы его басенъ. Езопъ едва ли былъ изв'юстенъ у насъ ранъе XVII въка; первый переводъ сдъланъ былъ Өедоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ 1608 году. Тому же Гозвинскому принадлежитъ переводъ «Тропника» Иннокентія папы Римскаго, находящійся въ Румянц. сборникъ № 367, Толстов. рукописяхъ 2. 140, 2. 286 и мн. др. Личность переводчика опредаляется въ заключении этой последней книги такимъ образомъ: «лета 7117-го (= 1609) мъсяца іюля въ 11 день перевель сію книгу съ Польскаго языка на Рускій языкъ Өеодоръ Касьяновъ сынъ Гозвинъскій, Греческих словь и Польских переводчикь, въ царствующемъ градъ Москвъ» (Румянц. л. 450). Въ описаніи Толстовскаго собранія имя его неправильно означено Кассіано Гозвинскій (стр. 445, ср. Медеподева, оглавл. книгъ 85). Полный переводъ Гозвинскаго, кром'в басенъ, представляетъ Планудову біографію Езопа, уже знакомую намъ по сказкъ о Синагрипъ. Въ такомъ составъ трудъ Гозвинскаго находится въ рукописи конца XVIII в., изъ собранія гр. Сухтелена, Публ. Б-ки XIV. F. 5; другіе, видънные нами списки заключають или одну біографію или только басни. Вообще рукописи Езопа неръдки:

— Погодинскій сборн. Публ. Б-ки, по описи № 1964, XVII-го въка, на л. 61 – 125 Евоповы басни, безъ заглавія. Сначала силабическіе «стихи или вирши на Езопа», начин.

> Баснослагатель Езопъ не укращенъ образомъ, Прочитая же сего обрящешися съ разумомъ; Плоть, его сосудецъ, аще не въло честна, Но душа, въ ней живуща, зъло изящна

Въ концъ:

.... Нравоучителная къ намъ сей беседуетъ И въ притчахъ полезная въ житію даруеть, Яже отъ Еллинскаю преведена суть мною, Прочитая, любимиче, утвшанся со мною, Вирши сін по часту прочитовай, И въ книгъ сей на стихи истолкованія не забывай.

Затыть притчи, на д. 125 «надписаніе Автонія мудреца», нач. «баснь или притча отъ творцевъ изыде» и пр., опредъленіе басни, ваконецъ об. д. 125 «исторія книги сея — притчи или баснословіе Езопа Фрига, философа Греческаго и баснотворца. преведены быша в Греческаго діалекта на Словенскій языкъ Феодоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ, въ царьствующемъ градѣ, отъ совданія міру 7116 г. (=1608), октября въ 19 день», а на полѣ прибавлено: «и по сей годъ 156 лѣтъ, слѣд. было читано еще въ 1764 году.

- Фроловская рукоп. Публ. Б-ки XVIII. Q. 3, XVII го стольтія, на 37 л. «Житіе естественнь острыйшаго Есопа Фругійскаго» т. е. Планудова біографія, нач. «естество вешей, еже есть въ человьцьхъ, испытаху и иніи мнози, и предаша тое посльдороднымъ своимъ, но якоже ми видится. Есопъ сію премудрость не имъяще естественнаго разума, зане достиже въ мыры древнихъ учителей, яко онымъ, яже глагола, ниже отъ учителя изучися, ниже отъ древнихъ исторій взяще. но разумомъ и баснею, влече человька къ себь, толико, яко и учители оваго времене не возмогоша глаголати противу его» и проч.
- Б-ви Моск. Общ. М 115 въ космографін XVIII въка, д. 379—444 прибавлена статья: «внига, глагодемая по Русків, а по Греческій стихіесловъ и Елийнскій вирши (sic), въ вей же написашася повъсти о небесныхъ птицахъ, и о земныхъ свотъхъ, и о звърехъ, и о гадъхъ, и приводится ко всякому человъчьекому разуму и нраву, иритчами сказуется и о дружбъ и о недружбъ и о лести». гаъ находится, по Строеву, 139 притчъ.
- По указанію, сообщенному намъ г. Буслаевымъ, въ скороп. сборникѣ конца XVII в., Арх. Мин. Ин. Д. № 250, откуда напечатаны г. Буслаевымъ пословицы, на л. 383—418 находится «житіе Езопа баснослова, и о хожденіи его, и о его мудрости, како стяваяся съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, списано отъ Максима Клавдія», бевъ сомивнія такъ же біографія Максима Плануда. Затъмъ, л. 419, предисловіе къ басиямъ и вирши на пре-

мудраго баснослагателя Езопа; далье об. л. 419—469 басии, конечно въ переводъ Говринскаго.

— Забълнва, рукоп. XVII в. № 76, уже нами упомянутая, заключаетъ притчи или баснословіе Евона Фрига, философа Греческаго в баснотворца, приведены быша съ Греческаго діалекта на Словенскій языкъ преводникомъ Федоромъ Касыновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ царствующемъ градъ Москвъ въ літо отъ создавія міру 7116, октября въ 19 день.

Новый списокъ гр. Сухтелена представляетъ всё эти статьи. хотя написанъ съ большими ошибками. Заглавіе біографіи, какъ въ Архивной рукописи: «житіе Езопа баснослова, и о хожденіи его и его мудрости, како стязаяся съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, — списано отъ Максима Плавдія» (sic), нач. «вещей челов вческих в естество преследовата и прочін, и наслідовавиними подаща; Езопъ же вющь мнится не кром'в божіяго дуновенія, понеже благонравнаго ученія коснуся» и пр. Переводъ, какъ можно видъть и по этому началу, если не другой, чемъ въ списке Фролова, то очень сильно передъланный. За біографіей, на л. 25 другое заглавіе: «книга, глаголемая Езопъ по Руски, а по Гречески стихословъ, а Еллински вирши» и т. д. сходно со спискомъ Моск. Общ.; дале «предисловіе», заключающее указанные силлабическіе стихи, которые здісь во многомъ переиначены, потомъ «надписаніе Авдонія мудреца», наконецъ л. 25 обор. начинаются басни, которыя оканчиваются на л. 60 исторіей перевода, гдф вмюсто имени Гозвинскаго неправильно переписано изъстарой рукописи: «Томвимьскій». Басни и въ Погодинскомъ и въ Сухтеленскомъ спискахъ идутъ въ томъже порядкъ: 1) о орлъ и о лисицъ, 2) о соловь в и ястребъ, 3) о лисицъ и о козлъ, 4) о лвъ и о лисицъ, 5) о котъ и алектріонъ (=алекторъ, Пог.), 6) о лисицъ, и т. д.; но число ихъ въ разныхъ спискахъ неодинаково: въ спискъ Моск. Общ. басенъ 139, въ Погодинскомъ 142, въ рукописи гр, Сухтелена 148 (здась число ихъ доведено до 150, но въ счеть есть ошибка). Для примъра выписываемъ изъ этой редакціи Езопа первую басню:

«Орелъ съ лисицею содруживнеся близъ себе начаща житя, и утвержение права, любве и дружбъ сотворивше, орелъ убо на высоцъ мъсть гивадо изви, лисица же въ ближныхъ кустьх чадо породи. На паствь некогда лисица изшедшей, орелъ же пищи и брашна не имъя и слеть въ кусть, лисицыны чада восхитивъ, со своими младыми итенцы вкупь пожре. Лисиць пришедши и сольланое увъдъвши, не толико о смерти своихъ чадъ скорбяще, елико отмстити орлу не може, земна бо бъ лисица, птицу летающую гонити не возможе; тъмъ же издалече лисица ставъ, еже и немощнымъ есть удобно, супротивника своего и врага безчествуя, проклинаше. Не по мнозъхъ же днехъ послъди, нецыи человъцы козу на жертвенникъ принесше богомъ жроша; слетьвъ же орелъ и часть некую сея жертвы со угліенъ горящимъ возхити и ко птенцемъ въ гивадо принесе, — вътру же люто дышащу сицеву, яко и пламени разгоръвшися, орличища же, еще суще безъ крилъ ни улетьти не могуще, спекшеся на землю низпадоша (въ рукоп. -дше); лисица же видъвши радуяся притече, предъ лицемъ орлимъ ругаючися всёхъ снъде.

«Толкованів: притча сія знаменуєть, яко нже дружбу разоривше, аще убо оть обидимыхъ убъгнуть отищенія, неможенія ради, но Божія отищенія праведнаго не убъгнуть».

Совершенно другаго состава второй переводъ Езоповыхъ басенъ, принадлежащій второй половинь XVII выка. Единственная, извъстная намъ, рукопись этого перевода находится въ Толст. собраніи 2. 492, Публ. Б-ки XV. Q. 16. Этоть неполный списокъ, со многими вырванными листами, не имфетъ и заглавнаго листа; начальныя притчи: 3) о крестьянин и о ужу, 4) о вепръ дикомъ и о ослъ, 5) о мыши деревенской и градской, 6) о орав и воронв и т. д. Киига состоить изъ трехъ частей; во второй идутъ притчи; 1) о двухъ жабахъ, 2) о пѣтуху со псомъ, 3) о ужю, 4) о лву и о медвъдъ и пр.; въ третьей: 1) о мыши (съ) сундукомъ, 2) о крестьянинъ и о хлъбъ, 3) о ястребъ з голубемъ, 4) о человъку бродящемъ черезъ воду и т. д. Число басенъ въ каждой части — 142, 44 и 74. Нашъ переводчикъ составиль свой трудь по Польскому изданію одной изъ новъйшихъ редакцій басенъ Езоповыхъ; самого Езопа, вмісто «фригійскій» онъ постоянно именуетъ «францкій», даже «французскій». Подлинникъ его виденъ изъ слідующих в заглавій втораго и третьяго отделенія: «вторыхъ книгъ вторыя притчи Гаврила грека, къ первымъ притчамъ подобные з Греческаго языка на Полскій переведены»; «третінхъ книгъ третія притча

Лаврентья римлянина с Латинскаго на Полскій языкъ переведены»; въ конці первой книги находится извістіе о времени перевода и самомъ переводчикі: «183 (= 1675), мая въ ..., переведена сія книга Езопъ Француской (sic) въ Синбирску, а переводилъ синбирской рохмистрь Петръ Кашинской; а въ семъ Езопъ трои книги—Езопъ францкой, другой Гаврила Грека, третей Лаврентія Римлянина». Слідовательно прямымъ оригиналомъ нашего перевода было старинное Польское изданіе, неизвістнаго впрочемъ года, описанное Іохеромъ: Fabuly Aezopowe abo przypowieści... (до стр. 182, потомъ:), Przypowieści Gabryela greka, temi czasy na polskie wyłożone (до стр. 205, наконецъ:), Przypowieści Laurentego Abstemiusza z łacińskiego na polskie przełożone (Obraz bibliogr.-histor. literatury i nauk w Polsce. Wilno, 1840, 1. 107. ср. Массејоwski, Piśm. 3, 179). Та же притча о лисицъ съ орломъ передана зайсь такимъ образомъ:

«Захотыть орель съ лисицою близко себе жити, чтобъ лучшое межь ими товарство было; такоже орель поселился на деревь, а лисица подъ нимъ выкопала яму; а орель, когда времени одного лисица дътемъ своимъ пошла добывати корму, слетъвщи на землю дъти ево похваталь, и даль своимъ орлятамъ. Пришотщи лисица, когда не нашла своихъ дътей велми кручинилася и плакала, видячи, что надъ орломъ, которой былъ высоко, не могла помститься, побъжала въ деревню и принесла огненную головню и положила подъ деревомъ, а когда вътръ роздымалъ головню, ова еще сухова дерева прибавливала, такъ что гитадо орлово зажгла. А дъти, хотячи отъ огня уйти, а летать еще не умъли, на землю попадали, которыхъ лисица похватавши передъ орломъ раздрала и потъла.

• Толко: хто крестное целование ламлеть, либо оть людей отомицения не будеть, токмо оть Бога вёчное наказание приметь.

Вліяніе Польскаго оригинала въ этомъ переводѣ очень замѣтно; иныя Польскія слова, напр. невѣста — niewiasta, поставлены безъ толкованія, хотя по Русски имѣютъ другой смыслъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, Езопъ на Русскомъ языкѣ появился еще два раза. Первое изданіе, одна взъ любопытнѣйшихъ книгъ Петровскаго времени, имѣетъ такое заглавіе: Притчи Эссоповы, на латинскомъ й рускомъ йзыкъ, йх же

Авіснін ствхами наобразі, — совоквино же Брань жабъ й мышей, Гомером' древле описана со израдными въ обойхъ книрах лицами й с' толкованіемъ. В' Амстеродамѣ напечатаса бу Івана Андреева Тесинга. Лѣта 1700. Къ баснямъ принадлежитъ сорокъ гравюръ, и шесть къ Батрахоміомахіи; сличеніе неревода Копіевича съ переводомъ Гозвинскаго сдѣлано было Полевымъ въ Русск. Вѣстникѣ (1842, т. 5, 174—179). Другое изданіе называется: «Эсоповы притчи, повелѣніемъ Царенаго велічества, напечатаны въ Санктъпітеръбурхѣ, лѣта Господня, 1717 апрѣля въ 5 день». Здѣсь помѣщено и «житіе по пріродѣ остроумнаго Есопа», которое должно сличить съ указанными выше Фроловскимъ и Сухтелен. списками Планудовой біографія.

Вълитературахъ западныхъ знакомство съ Езоповой басней. въ томъ видъ какъ она была собрана Планудомъ, распространилось впервые въ концъ XV-го въка. До тъхъ поръ Езопову басню гораздо болъе знали по Бабрію, Федру и позднимъ ихъ последователямъ, Авіену, Тиціану и другимъ. Самый Федръ уже рано быль замыняемь другими обработками этихъ сюжетовь, болье и болье вытыснявшими подлинную басню: такимъ обравомъ Федру предпочитали собраніе Ромула, откуда извістный Винцентій Бовесскій пом'ястиль 29 басень въ своемъ Speculum doctrinale. Въ новыхъ передвлкахъ классическая басня получила однако другой характеръ; такъ Нъмецкіе фабулисты, соединяя подъ словомъ bispel и тв апологи, какіе брали изъ классическаго или восточнаго источника, и тъ, какіе доставлялъ національный животный эпосъ, — развивали преимущественно моральную сторону сюжета и дали правоученію такіе обширные размітры, каких оно недостигало прежде. У одного изъ замічательный шихъ фабулистовъ Нымецкихъ, Бонера, котораго относять къ XIV столетію, правоучительное направленіе распространило свою область на счетъ самаго разсказа, морализація басни подкрыпляется пословицами, подобіями и другими объясненіями, для того, чтобы читатель легче усвояваль сущность поученія. Упадокъ эпическаго начала выразился особенно въ томъ, что мораль не следить строго за содержаніемъ разсказа и дълаетъ такія частныя прим'вненія, которыя вовсе не вытекають

изъ басни. Такъ въ баснъ о обезьянъ, не могшей раскусить оръха, Бонеръ не довольствуется ближайшимъ смысломъ разскава, но выводить такое заключеніе: кто посвящаеть себя Богу, тоть долженъ вынести много страданій, какъ не должень бояться дыму тоть, кто мочеть раздуть огонь и т. п. Произволь въ выборв наставленій, прибавляемыхъ къ басит, позволяль фабулистамъ обращаться въ нихъ именно къ тамъ явленимъ дайствительности, которыя были важные по ихъ понятіямъ и требовали исправленія. Въ самомъ деле средневековая басня, съ одной стороны, была очень близка къ чистой проповеди и поучению. съ другой выражала стремленія сатирическія; поучеміе и сатира въ свою очередь пользовались басней, какъ пригоднымъ матеріаломъ Въ то время, когда это правоучительное и правоописательное примънение аполога достигло краймяго развития, обнаружился и совершенный упадокъ первобытнаго эпическаго сюжета: недовольствуясь моральными выводами и разсужденіями, фабулисты стали присоединять къ басит и примеры историческіе, которыми бы подтверждалась правственная идея. Такого рода произвеление переведено было у насъ, съ Нъмецкаго, въ 1674 году. Рукопись перевода, XVII въка, находится въ Толст. сборникъ 2. 451, Публ. Б-ии XVII. Q. 7, л. 1 - 95: «Зрълище житія человъческого, внемже изъявлены суть дивные беседы животных со истинными къ тому придичными повъстми въ научение всикого чина и сана человъкомъ; нынъ новопреведено изъ Намецкого лаыка всамъ во общую полау, въ царствующемъ великомъ градъ Москвъ, въ жъто отъвонлошенія Бога слова 1674». Намъ не встрівчался Німецкій подлинникъ этой книги, но его не должно смѣшивать съ другой книгой того же названія: Das buch genandt der spiegel menschlichs lebens, übers. v. H. Steinhöwel (около 1475 г.), переведенной изъ Roderici Zamorensis, Speculum vitae humanae, первое изданіе котораго полагають до 1472 г. Въ переведенномъ у насъ Нъмецкомъ предисловіи сказано, что прежде тъже притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложили, «совершеннъйшаго ради разумънія, въ кіейждо притчи отъ древнихъ летописцовъ согласующуюся предстоящей притчи повъсть». Выставляя пользу книги, составитель

говорить, что она необходима, особенно для молодыхъ людей, какъ прекрасное наставление; «ктому же - продолжаетъ онъ, -зъло дивно размышляти, како всемогущін Господь Богь не точію кінждому животну свойство и природу дарова, но въ н'вкоторые отъ нихъ изрядные обычаи и правы насадилъ есть, которые безсловесные не точію человъкомъ въ пищу, но и во многіе потребы годствують; еще же отъ сихъ научитися можеть, яко эря на безсловесныя достоить намъ житіе свое и нравы злобныя исправляти, - иже не многіе ли видимъ свиръпъище лвовъ, и гитванвър медвъдей, иныя же нечистънше свиней, овыхъ же неблагодаривите псовъ, иныхъ же гордвите павлинъ» и т. д. Всъхъ басенъ въ рукописи 124, но счетъ ихъ странно перемъщанъ въ конць; быть можеть, писець Толст. списка следаль только выборку изъ болъе полнаго текста. Сюжеты апологовъ большею частью общензвъстные; кромъ правоученія, при басняхъ, какъ мы сказали, находятся и историческія свидітельства, взятыя изъ влассическихъ писателей, напр. Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, или изъ Gesta Romanorum и средне-въковыхъ историковъ и лътописцевъ. Чтобы познакомить читателя съ этой оригинальной манерой, приводимъ насколько басенъ съ ихъ морализаціями.

(л. 3, гл. 1). «О комъ и о возницъ. Нѣкоему коню впрежену бывщу въ тяжкій возъ, и хотя минути болотину, ввалися въ ню; возница же нача коня вѣло бити, конь же много трудився, воза своего не извлече, и возницѣ своему рече: како ты немилостивъ сыи, видиши мя труждающа о извлеченіи воза твоего, ты же не престаеши бити мя. — Онъ же, сіе слышавъ, лютѣише нача бити его.

•Сія повъсть являеть, яко горе рабомъ, надъ ними же мучнтель господствуеть, ване люди своя къ тяжкой работъ выну побуждаеть, еще же и біеть. Сице сотвори Тиверіи кесарь Римскій надъ единъмъ отъ рабовъ своихъ, ване нѣкогда прилучившуся сему въ пути предъ кесаремъ ѣхати, въ блатину увязе. Кесарь же разгитьвася рече ему: изыди скоро отсуду, аще ли не изыдеши, лютъ бити тя повелю и въ блатинъ оставити. — О семъ пишетъ Световія (sic).

(д. 3 об., гл. 2). «О лев и о лисицъ. Нѣкогда девъ, отъ глада велика, сотвори быти себе недужна, и повелѣ съ великииъ запрещеніемъ, да пріндутъ въ домъ его вси звѣри, совѣта ради дѣлъ великихъ. Звѣри жь, боящеся заповѣди его презрѣти, во дворъ его стекошась; лисица жь, пришедъ близъ двора лвова, видѣ слѣдъ иногихъ звѣрей, во дворъ лвовъ пришедшихъ, но ни единаго ившедшихъ, и рече къ себѣ: во истинну сіи безумни суть вси, яко собращася тако ко лву; иню, яко вси погибоша. — Левъ же оныхъ звѣрей всѣхъ растерза и пищу себѣ на долго время уготова.

•Тѣмъ являя, яко мудрыи человъкъ во время потребно съти силныхъ можетъ убъгнути, въ нихже простыя люди себе предаютъ. Тако сотвори Рудолоъ цесарь Римскіи, зане егда вопрошенъ бысть отъ князь своихъ, чесо ради не пріиде воиною во Италію, яко же и протчіи цесари и короли прежни его, — отвѣща и рече къ нимъ: многихъ цесарей и королей стопы вижю вшедшихъ во Италію, ни единого же вижю съ радостію возвращающа, — и сказа имъ притчю вышеизображенную. — Куспиніанъ».

(л. 43 об., гл. 54). О лись безжвостивій. Нівогда яща лисицу и отсівноша ей хвость и отпустица ю. Она же, видя себе тако обругану, недоуміваще, что клевретомь своимь речеть. Пришедь же послівди къ нимь и рече: се уразумівла есмь, яко роду нашему не потребно иміти хвосты, зане хвосты всю красоту нашу отъемлють; того ради азъ хвость свои отсіщи повелівла есмь, тако сотворити и вамъ совіщаю. — Они же, видівше лукавство ея, и отвіщаща ей: аще паки отрастеть хвость твой, и тогда еще отсічещи, намъ зрящимь, и мы такожде тогда сотворимь.

«Тѣмъ являя, яко мнози иже липишася добраго своего имени, таковіи ищуть и клевретовъ своихъ въ томже видѣти; ибо здымъ есть обычай, егда приключится имъ зло, тогда и ближнему своему влое же желають. Такая лисяца бяше воевода Адалгерай, иже за нѣкое приступленіе ятъ бысть и къ Северію кесарю приведенъ, иже въ поруганіе власы главы его и браду отстрищи повелѣ и отпустити. Егда же пріиде во страну свою, рече всѣмъ людемъ рода своего, яко при дворѣ кесарскомъ обычаи новыи есть — всѣмъ власы и браду острогати, и тако всѣхъ предсти, ибо вси такожде мало не сотворища»....

Переводъ, какъ можно видъть изъ этого примъра, хоропъ для того времени; въ немъ нътъ германизмовъ и фраза почти всегда соотвътствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка.

Концу XVII стольтія принадлежить также переводь двухь произведеній Саади и басень Локмана, сдъланный съ Нъмец-

УЧ. ЗАП. — КН. IV. — ОТА. П.

12

каго. Оба перевода находятся въ рукописяхъ Публ. Б-ки. Въ одной изъ нихъ, писанной скорописью XVII в. на 636 л., XVII. F. 4 изъ собранія Фролова, пом'єщено — Юрія Андерсена описаніе восточныя взды и завоеванія Китая Татарами и Формозы Китайскими разбойниками, в дал ве Кринной доль Саади и басни Локмана. Другая рукопись конца XVII въка на 309 л., Толст. 1. 111 Публ. Б-ки XV. F. 12, заключаетъ только переводъ Саади и Локмана, но, судя по перемътъ листовъ и тетрадей, составляетъ только часть общирного тома, гдв находилось віроятно названное путешествіе и другія статьи. Первый листь рукописи отмъченъ 1421, послъдній — 1728. Заглавіе указываетъ выбств и на происхождение перевода: «Персицкой крыиной доль (т. е. знаменитый Гюлистань), въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумные рѣчи, прибылные ученіи, основателные статьи и притчи (тако же притомъ Персицкого благоученного и славного Локмана склады и примъры такожь обрътаются); и описалось сіе дъло тому назадъ 500 лать от тогдашияго славнаго и высокоразумного поэта Сшихасадія, по Персицки описалось и для ево избранства и достоинства высоко почитаетца и возлюбляетца, и тому назадъ лътъ съ пятдесятъ переведена въ Нъмецкой языкъ отъ славного издателя Адама Аліарія». Следовательно прямымъ подлинникомъ нашего перевода было издание знаменитаго путешественника Олеарія (Grässe, Liter.-Gesch. 2, 3, 1004). Гюлистанъ написанъ въ 1258 г.; онъ состоитъ изъ восьми книгъ, разділенных в на главы, въ каждой находятся разсказы и анекдоты съ нравоучительными выводами и изреченіями, заим-- ствованные или изъ исторіи, или изъ собственной жизни поэта. Такое же соединение разсказовь и морали представляетъ Бостанъ, написанный въ 1266 г. и переведенный у насъ изъ того же источника. Онъ помъщенъ въ рукописи на л. 1643 — 1728 «Персидской Деревной садъ.... описано во Персидскомъ языкъ отъ Ших-Мусладія Саадія Ширасского, и для ево изрядства изъ Персидцкого на Галанской языкъ переведенъ, и изъ того въ выской цесарской языкъ (т. e. hochdeutsch) переведено». Въ нашемъ переводчикъ можно замътить неумънье совладать съ Намецкой фразой; для передачи мулреныхъ Наменкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большею частью не весьма удачныя.

Изъ того же сборинка Олеарія взяты и басни Локмана, въ Толст. спискъ на л. 1623-1643 подъ заглавіемъ «Премудрого Лохмона удивителные (въ рук. изд...) склады и примеры». При большомъ сходствь съ Езопомъ, басни Локмана имъютъ и самостоятельные сюжеты, таки что определить ихъ взаимное отношеніе очень трудно. Ученые выражали по поводу ихъ совершенно различныя мибнія: одни хотбли видбть въ басняхъ Локмана заимствование Арабовъ, другие подчиняли имъ басню Езопа. Имени Локмана, какъ и имени Греческаго баснописца, даютъ такъ же собирательное значеніе, считая приписанное ему собраніе не произведеніемъ одного лица, а сборникомъ, составлявшимся мало по малу, изъ стараго и новаго матеріала, и въ последствій утвердившимъ за собою знаменитое мудростью имя. Впрочемъ не соми ваются въ дъйствительномъ существованін Локмана, который упоминается въ 31-й сурѣ Корана: но преданья объ этомъ лицъ очень разнообразны, -- между прочимъ къ нему относятъ нъкоторыя приключенія, разсказанныя въ Планудовой біографія о Езопъ. Число басенъ Локмана простирается теперь до 41, но въ старинныхъ переводахъ, между прочимъ въ нашемъ, извъстны были только 37. Въ притчахъ, или. какъ говоритъ иногда нашъ переводчикъ, «причинахъ», по большей части повторяются сюжеты самые общензвастные, напр. о о львь и лисиць; о куриць, несшей золотыя яица; о человъкь, призывающемъ смерть; о кошкѣ и терпугѣ и т. д., — сюжеты, съ которыми мы знакомы и по басив Крылова.

Съ апологомъ мы встрътимся еще въ «Римскихъ дъяніяхъ»: теперь упомянемъ одинъ разсказъ подобнаго рода, помъщенный, безъ заглавія, въ Погод. сборник і № 1964 л. 228-230 (нач. «нъкоему человъку творящу шествіе по пустыни, видъ нъкоего зъло превелика змія, з горы ползуща в подгоріе»). Въ аполоть, можеть быть переведенномъ съ Греческаго, разсказътвается, какимъ образомъ человъкъ едва не погибъ отъ коварнаго змія и спасенв быль заступничествомъ лисицы.

> O Локман'в см. Grässe, Lit.-Gesch. 2, 1, 454 — 456; — Roth, въ журналь Philologus 1853, 1-es Heft, 130-142 и мн. др.

VI.

13 64

Повъсти изъ «Римскихъ Дъяній». — Отлъльные разсказы того же сборшина, из другой релакціи: повъсть о царъ Агев, притча о насельникъ и др. — «Зерчамо Великое», историческіе разсказы правоучительнаго содержанія. — Дидантическія сказанія: о чародъйствъ, о высокоумномъ хмъль, о бъсовской травъ — табаль.

«Римскія Ділнія» или Gesta Romanorum были однимь изь важитишихъ источниковъ, откуда расходились по средвевковой Европъ чудесныя легенды и повъсти самаго разнообразнаго содержанія. Донлопъ и другіе изследователи романтической литературы справедливо называють Gesta главивашимъ запасомъ, изъ котораго Итальянскіе новеллисты бразн свои занимательные и живые сюжеты; потому что въ Gesta собрано множество разсказовъ, принадлежащихъ и классической міру, и восточной поэзін, и западно-Европейской литературь среднихъ въковъ. Происхождение этого замъчательнаго сборника до сихъ поръ не объяснено положительно: одни, какъ Вартонъ, извъстный авторъ Исторіи Англійской поэзія, приписывають «Римскія Даянія» ученому бенедиктивцу Берхорью (Berchorius, Bercheur, +1362); другіе, какъ Грессе и Моне, сывтають авторомъ ихъ монаха Элинанда (Helinandus, + 1227) вообще относять составление сборника къ XIII-XIV стольной Върнъйшимъ выводомъ изъ всъхъ изследованій объ затьйъ предметь можно считать положение, что хотя какой нибужьть нахъ и составилъ подобный сборникъ повъстей и легендъ въ последстви онъ чрезвычайно изменился отъ вставосъ сскращеній и интерполяціп: не только рукописи, но и печативы изданія сборника значительно разнятся другъ отъ друга, в при томъ не одними варіантами текста, но и выборомъ статей, так что древнюю Англійскую редакцію «Дізній» иные принимають за совершенно особенное произведение. Средне-въковая летътъ «Дъяній» легко бы могла указать своими варваризмами отказать ство составителя, но и здісь представляется много затрудненів, такъ-какъ въ поздивишихъ, извъстныхъ теперь, текстахъ, кромъ общих в ошибокт противъ языка, одинаково встрѣчаются и германизмы и англицизмы и галлицизмы. Оченидно, что всё эти признаки могли явиться только отъ послёдовательнаго вліянія каждой національности; основной тексть могъ раздробиться на нёсколько несходныхъ редакцій отъ того, что въ одно и то же время переходиль къ разнымъ читателямъ и подъ перомъ новыхъ передёлывателей получалъ особенную форму.

Содержаніе сборника не точно опредвляется его именемъ, потому что, кром в исторій, им вющих в какое нибудь отношеніе къ Римаянамъ, здъсь вставлено очень много или сочиненныхъ разсказовъ, которымъ иногда приданы Римскія имена, или тогдашнихъ легендъ, анекдотовъ и народныхъ сказокъ. Причина заглавія находится, по видимому, только въ желаніи заинтересовать читателя именемъ славнаго народа, и подъ этой уважаемой эгидой удобиве передать извъстныя понятія и нравственныя убъжденія. Компилятивный характеръ «Ділій» легко видеть изъ цитатъ и ссылокъ этого сборника на другія книги; кромъ древнихъ Римскихъ писателей, здъсь указываются и писатели средневъковые; встръчаются даже ссылки на самыя Gesta: legitur in Gestis Romanorum, — подъ которыми понимають впрочемъ не другое произведение этого имени, но вообще Римскую или древнюю исторію. Далье, въ «Дьянія» вошло много восточных в сказокъ и апологовъ изъ бол ве древняго сборника Петра Альфонза, изъ Латинской редакціи Калилы-ва-Димны и другихъ источниковъ; составитель ихъ воспользовался и Латинскими хрониками, вставилъ притчи Варлаама, легенды, разсказы и анекдоты своего времени. Во всемъ этомъ отражаются однако понятія и нравы средне-віжовой эпохи, которая видна и черезъ классическую обстановку; Латинская одежда не скрываетъ в того оригинальнаго смъшенія восточной фантазіи съ поэзіею Европейской, какое произошло въ иныхъ повъстяхъ «Дъяній Римскихъ». Соединяя въ себъ столь разпохарактерныя начала, этотъ сборникъ сделался богатымъ хранилищемъ преданій, повъстей и сказокъ, и составляетъ весьма замъчательное звъно въ исторіи «странствующихъ» разсказовъ, которые занимають такое важное місто въ литературів среднихъ віковъ.

Разпообразіе питересных в приключеній и анеклотов в следало «Дівнія» одной изълюбимых в книгъ тогдалней Латин-

ской литературы; Итальянскіе и другіе разсказчики и новеллисты брали полною горстью изъ этого источника. «Дъянія» имћан и другое значеніе въ католическом в обществь. Уже съ первыхъ въковъ христіанства проповъдь и поученіе употребляли вспомогательнымъ средствомъ притчу, адлегорію и разсказъ. Съ теченіемъ времени этотъ обычай усиливался болье и болье; приложение правственныхъ началъ къ жизни въ примърахъ в сравненіяхъ и объясненіе ихъ въпритчахъ и постороннихъ разсказахъ стали почти необходимымъ элементомъ поученія, такъ что наконецъ въ проповѣди сдѣлались возможны и разсказы нъсколько тривіальные. Такъ Латинскіе проповъдники пользовались при этомъ случать Езоповыми баснями; въ нашей литературт аналогическій примтръ можно указать въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго. Когда въ эпоху крестовыхъ походовъ Европейскія литературы наполнились множествомъ произведеній восточнаго вымысла, западные проповідники воспользовались для своихъ целей и ими; въ XV — XVI столетияхъ появлялись даже особенные сборники примъровъ, сравненій и подобій, гдв проповадникъ могъ найти обильный запасъ матеріаловъ. Другіе сборники не имали такого спеціальнаго назначенія, служили назидательнымъ развлеченіемъ для монаховъ и читались въ рефекторіяхъ. Изъ многочисленныхъ произведеній этого рода, имфющихъ важное значение въ исторіи романтизма, назовемъ болфе извъстныя: Reductorium morale Берхорія, которому приписываются и «Римскія Дѣянія»; Dialogus creaturarum: Moralisationes historiarum; Legenda aurea; Disciplina clericalis Петра Альфонза; сюда принадлежатъ наконепъ и Gesta Romanorum. Какъ чтеніе людей благочестивыхъ, разсказы «Дъяній» получили особенныя вравственныя толкованія, такъ называемыя «морализаціи»: каждому апологу, каждой повъсти, хотя бы даже чисто-исторического содержанія, даваемо было мистическое объясненіе; аллегорію примінями даже къ анекдотамъ тривіальнымъ и обсценнымъ. Такимъ же образомъ упомянутый Dialogus creaturarum называется optime moralizatus, jucundis fabulis plenus et omni materiae morali applicabilis. Первое изданіе «Ділній» вышло 1472 г. въ Кёльнь, безъ означенія времени п мѣста напечатанія; оно называется — Ex gestis romanorum historie notabiles: de vitijs virtutibusque tractantes; cum applicationibus moralizatis et misticis. Incipiunt feliciter. Книга имѣла огромный успѣхъ; до половяны XVI вѣка Грессе насчитываетъ почти пятьдесятъ изданій Латинскаго текста. Давно явились изданія ея и на другихъ языкахъ, — Французское: Le violier des histoires Rommaines, — Нъмецкое: Das buch Gesta Romanorum der römer von den geschichten, или: Die alten Römer, Sittliche Historien vund Zuchtgleichnissen der alten Römer, и др.

Вообще о Gesta см. Dunlop 198—202; — Англійскій переводъ Свана съ обширнымъ введеніемъ: Gesta Roman. etc. transl. by the Rev. Ch. Swan, London 1824. 2 voll.; — Keller Ad., Gesta Romanorum. Das ist der Römer Tat. Quedl. u. Leipzig 1841; подлинникъ изданъ Келлеромъ Stuttg. 1842; — Grässe, Das ält. Mährchen- und Legendenbuch d. christl. Mittelalters oder die Gesta Romanorum (новый Нъмецкій переводъ «Дъяній» по разнымъ Латинскимъ редакціямъ). 3-te Ausg. Leipz. 1850.

Русскій переводъ относится, судя по языку и другимъ обстоятельствамъ, уже ко второй половинѣ XVII столѣтія, и сдѣлавъ съ Польскаго перевода, до сихъ поръ неизвѣстнаго изслѣдователямъ «Римскихъ Дѣяній». Переводъ нашъ называется обыкновенно Дъи Римскія (т. е. Dzieje Rzymskie) или Повъсти изъ Римскихъ Дъяній, чѣмъ вѣрнѣе опредѣляется содержаніе нашей редакціи, заключающей въ самомъ дѣлѣ только часть Латинскаго сборника. Въ большей части изданій Латинскаго текста число глявъ доходитъ до 181: въ нашемъ переводѣ около сорока разсказовъ; морализаціи подлинника сохранены, потому что и у насъ подходили ко вкусамъ читателей. Рукописи перевода нашего довольно многочисленны.

— Толст. 1. 419 Публ. Б-ки XVII. F. 21 полууст. сборникъ XVII—XVIII в. л. 826—875 «исторія изъ Римскихъ дізній, новопреведена и списана съ вниживы початной Полскаго языка на Рускій»; — 2. 15 Публ. Б-ки XV. Q. 8 рукоп. XVII в. на 92 л. «исторія изъ Римскихъ дізней, преведена ново и списана з друкованой с Полокой книжний и языка на Рускомъ» (віс), — 35 повістей, неправильно переміченныхъ: — 2. 442 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 238—248.

- Погод. (Публ. Б-ки) № 1713 рукоп. XVII в. на 175 д. «исторія с Римскихъ д'вянихь» (віс) и т. л.; въ заглавін приписано названіе первой главы; № 1714 «Дън Римскія» въ спискъ XVII в.; № 1775 рук. XVII в. на 194 л.. Римскія д'вянія безъ начала, въ 39 главахъ; на л. 190—194 прибавлена «повъсть о Удонъ епископъ Магдебурскомъ.... трепетная и умилителная».
- Румянц. Л. 371 сборн. XVII в. л. 367—417 «Прикладныя дивныя повъсти къ человъческаго житія устроенію и в душевному пристрою отъ исторіи Римскихъ дѣяній», нач. «прикладъ дивнаго устроенія нѣкоего благотворца и праведнаго судіи» и т. д., 6 повъстей, наъ которыхъ одна не принадлежитъ Латинскому сборнику; въ четырехъ послѣднихъ есть морализаціи. Рукопись написана прекраснымъ уставомъ; заглавіе въ гравпрованной заставкъ.
- Въ упомянутой прежде Архивной рукописи, по указавію г. Буслаева, находится д. 1—71 собраніе разсказовъ, въ 37 главахъ, нач. «повъсть дивнаго устроенія нъкоего благотворца и праведнаго судіи»; далье гл. 2-я «о хитрости діавольстьй в яко судьбы Божія неиспытаны и скрыты суть» и т. д., то есть опять Римскія Дъянія.
- *Царск. №* 313 рукоп. 1691 г. на 196 л., Римскія Дѣянія, бевъ начала н заглавін; на л. 126 написано почеркомъ XVIII в.: «сія книга въ скукѣ отрада, когда Василій Федоровичь въ судъ, нескимъ время разделить, - конечно замътка читательницы; главъ 37; — ${\cal N}$ 410 по указателю долженъ имъть Римскія повъсти; — № 440 замъчательный сборн. XVII в., составленный изъ нѣсколькихъ рукописей сказочнаго содержанія; 8-я изъ нихъ называется «Исторіи розмантыя, сирьчь повъсти избранныя, съ толкованіемъ надлежащимъ, выписано изъ Римскихо и изъ иныхъ книю, яже ныиъ обратаются въ сей вышереченной книга, кратко собраныя и людемъ въ научение и къ повнанию изданныя. Печатаны въ Краковъ, въ типографіи пана Войтеха Секълновича, типографа его королевского всличества Полского, въ лето отъ Христова рожденія 1663 году. Нынѣ же милостію великого Бога съ Подскаго языка на Словенскій преведены въ лето 7199 (=1691) году», — но мы думаемъ, что если переводъ сделавъ быль въ это время, то это быль переводъ вторичный, или передълка стараго; повъстей семь; — № 711 рук. конца

XVII в. на 247 л. «исторія изъ Римскихъ д'яній, преведена ново и списана съ друкованой съ Полской книжицы и языка на Словенскій языкъ въ 37 главахъ; въ концъ послъдней повъсти объ Аполлонъ, королъ Тирскомъ, приписано: «у сей исторіи о Аполлоні начала не обрітохъ, с чего писана, понеже бо многіе листы поистлили и поизгибли, и того ради списать было несчего; а поставлена сія повъсть в началь книги, а не на концъ, а послъ во другихъ поставлена повъсть о пустынникъ, ей же начало: прикладъ о хитрости діяволстей, яко судбы Божія неиспытани и скрыты суть».

Въ разныхъ спискахъ «Римскихъ Двяній» счеть главъ различенъ, но главный порядокъ, въ которомъ идугъ повъсти, одинъ и тотъ же. Нъкоторые «приклады» (= applicatio) встръчаются въ сборникахъ и отдъльными статьями, напр. исторія Аполлона короля Тирскаго и другіе. Отмітимъ теперь повісти, вошедшія въ составъ Русскаго перевода «Дфяній», въ томъ порядкъ, какъ онъ помъщены въ Толст. рукописи 2. 15: указанія источниковъ повъстей и ихъ распространенія сдъланы отчасти по издацію Грессе и Донлопу, отчасти по нашимъ зам'яткамъ.

— Первой главой въ упомянутомъ спискъ поставленъ «прикладъ о гордомъ цесаръ Евинянъ и о его испаденіи и яко Госполь Богъ многажды гордымъ противится, а смиренныхъ возносить», нач. «Евинянъ цысарь (sic) звло можный въ Римъ пановалъ» и пр., — Gesta Romanorum с. 59. Гордый цесарь Іовииіанъ былъ наказанъ тъмъ, что лишенъ былъ чудесною силою и царства и наружнаго вида своего: онъ превратился въ нищаго, никто не узнавалъ въ немъ царя, и только искреннее покаяніе возвратило ему милость божію. Этотъ разсказъ быль н Бсколько разъ перед вланъ, напр. въ Англійскомъ стихотворномъ романь XIII стольтія: King Robert of Sicily, въ старинномъ Нъмецкомъ стихотвореніи: der künig im bade (v. d. Hagen, Gesammtabenteuer. Stuttgart u. Tüb. 1850. 3, cxv. 413 ff.); Bo Французской moralité удержалось имя lobuhiana: L'orgueil et présomption de l'empereur Jovinien (Lyon 1581), но въ Испанской пьесь того же содержанія, принадлежащей XVII въку, выводится король Сициліи, Фридрикъ; въ другихъ даже Навуходоносоръ. Въ старой Чешской литературъ такъ же была извъстна kronika o Jowinianowi, сізаті Římském (у Юнгмана, стр. 66 — 67). Въ Румянц. № 371 л. 377 заглавіе повъств приведено такъ: «прикладъ повъстію о горделивыхъ, глаголется о Евіанъ ко встьмо ото Евы родившимся» и т. д.; это объясненіе имени Іовиніана повторено и въ «выкладъ» т. е. морализаціи: «цесарь той можетъ нарещися всякъ евіанъ отъ Евы, человъкъ сему свъту поддавыйся, иже ради богатствъ, ради чести возносится гордостію». Въ Царск. № 440 цесарь названъ Октовіяномъ (д. 488); въ Царск. № 711 и другихъ спискахъ, эта повъсть составляетъ 2-ю главу.

- «Прикладъ о досконалости», нач. «Титусъ цесарь зъло можным» и пр., Gesta с. 57.
- «Прикладъ о памяти смертиви, чтобы человъкъ не согръщалъ», нач. «былъ нъкоторыи князь, которыи охочь былъ вздить на ловъ», — Gesta с. 56. Страшная мстительность, о которой здъсь идетъ дъло, разсказана у Павла Діакона о Розамундъ и Альбоинъ; то же передается въ 32-й повъсти королевы Наваррской и другихъ новеллахъ и разсказахъ (Dunlop 201. Grässe, Lit.-Gesch. 2, 2, 1120 — 23).
- «Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляющихъ душу», нач. «король Титусъ можный въ Римв королевствовалъ», -- Gesta с. 102. Въ этомъ разсказъ выражается средневъковое върованье въснау волшебнаго зеркала и восковыхъ фигуръ, посредствомъ которыхъ можно будто бы умертвить человека отсутствующаго (ср. Dunlop, 201. 486). Въ Румянц. № 371, л. 401 «прикладъ о преступленіи души и о ранящемъ ю, глаголетжеся о вонев, ходившемъ видети святую вемлю», переводъ этой рукописи отличается вообще многими и значительными варіантами. Повість повторена между прочимъ въ знаменитомъ въ свое время сборник в loanna Паули: Schimpff vand Ernst würth das Buch genant. Wölchs durchlausst der weit bändel mit vilen schönen vnd kurtzweiligen Gleichniissen etc. uzg. 1535 (1-e 1134. 1522), fol. xkij: wie ein Eeman durch zauberlist solt erschossen sein worden, — здысь измынены только собственныя имена.
- «Прикладъ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышленіемъ творили», нач. «цесарь Домонтіянъ можным и

этло мудрым, паче же велми справедливым», — Gesta с. 103. Купецъ продаетъ Домиціану, какъ великое сокровище, три мудрыя присловья, и онѣ возвращаютъ свою цѣну, потому что три раза спасаютъ цезаря отъ несчастій. Сходные разсказы находятся въ 93 гл. Dialogi creaturarum, nr. 46 въ Conde Lucanor, Французскамъ старинномъ фабльо du grand chemin въ собраніи Леграна а'-Осси, въ разсказѣ Нѣмецкаго фабулиста Бонера (respice finem, Gödeke 675), даже въ народной Корнваллійской сказкѣ, упомянутой у Гримма (Kinderm. 2 Ausg. 3, 392—394). Та же повѣсть находится въ 591 главѣ другаго нашего сборника XVII в. «Зерцало Великое» (Румянц. № 180): «царь купи премудрость у философа и тако прелести и смерти убѣжа» (нач. «поноша нѣкій благородный и зѣло искусный по царѣ взыде на престолъ»), — и въ «Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына», Ивана Новикова, Спб. 1785. 1, 194.

— «Прикладъ о хитрости женской и о заслъпленіи прельстившихся», нач. «Даріи король вельми мудръ», — Gesta с. 120. Равсказъ о похожденіякъ царскаго сына, получившаго въ наслъдство отъ отца золотой перстень — доставлявшій все, чего ни пожелаль бы его владълецъ, дорогія застежки — имъвшія такую силу, что носящій ихъ на груди могъ исполнить всѣ желанія своего сердца, и сукно многоцьное, на которомъ можно было летать, какъ на ковръ-самолеть. Повъсть, сходная съ знаменитой сказкой о Фортунать и его волягебной шапочкъ (Grässe, Sagenkr. 191—195). Въ Румянц. сборн, XVII в. № 363 она помъщена на л. 543 — 553 подъ особымъ заглавіємъ: «о полать плотстьй» и пр., и въ нъсколько исправленномъ переводь.

— «Прикладъ о невдачности (= неблагодарности) человъчестка» и пр., нач. «король ижкоторым имклъ урядника надо всъмъ панствомъ своимъ», — Gesta с. 119. Однажды этотъ урядникъ упадъ случайно въ ровъ, куда свалились также левъ, обезьяна и эмкя; когда одинъ поселянинъ освободилъ вскът ихъ изъ пропасти, то звъря изъявили ему свою благодарность, а урядникъ забылъ оказанное ему благодъяніе и даже оскорбилъ поселянина; цезарь или король, узнавнии объ этомъ, изгналъ урядника и отдалъ его мъсто поселянину. Первообразъ

повъсти находятъ въ Панча-тантръ, откуда она повторилась въ Арабской Калилъ-ва-Димнъ и въ Греческомъ Стефанитъ; съ востока привезъ ее будто-бы Ричардъ Львиное-Сердце.

- «Прикладъ яко не имъти върити женамъ, ниже таинъ имъ объявляти», нач. «былъ ивкоторыи рыцарь», - Gesta с. 124. Жена рыцаря открываетъ ввъренную ей тайну при первомъ неудовольствін на мужа, который предвиділь это и обмануль ее. сказавши, что онъ убилъ одного путника. Это произошло по слідующему случаю: король разгнівался однажды на рыцаря и объщаль простить его только тогда, когда рыцарь придеть къ нему ни пъшкомъ ни верхомъ, и приведетъ върнаго пріятеля и утішника и невтриаго друга. Рыцарь исполниль первую задачу тівмъ, что, входя на царскій дворъ, онъ сталъ одной ногой на свою собаку, а другой шель; на вопросъ короля о върномъ его другъ, рыцарь указалъ на собаку: онъ нанесъ ей жестокую рану нечемъ, но, несмотря на то, отбъжавшая собака снова вернулась по его призыву; утвшникомъ своимъ рыцарь назвалъ сына, котораго держалъ на рукахъ; невърнымъ другомъ выставилъ жену, которая оскорбившись его словами, тотчасъ же обвинила мужа передъ королемъ въ мнимомъ убійствъ путиика. Когда слова жены оказались несправедливыми, рыцарь объясниль, почему онъ считаеть жену невърнымъ другомъ, и почему обманулъ ее такимъ образомъ. — Тотъ же разсказъ находится въ Cento novelle antiche, с. 100, и другихъ сборникахъ (Dunlop 214). Замъчательно, что точно такія же загадки и такое же разръшение ихъ упоминаются въ Русской народной сказкъ: не зная ближе этой послъдней, мы не можемъ однако опредълить, было ли здесь доисторическое родство миеовъ или поздивите заимствованіе (см. Пушкинь, изд. Анненк. 1, 122 прим.). Гриммъ указываетъ много сходныхъ Германскихъ преданій, но всь онь имьють довольно далекое отношеніе къ разсказу «Римскихъ Діяній» (Kinderm. 2 Ausg. 3, 175—177). Въ упомянутой Румянц. рукописи ${\cal M}$ 363 эта повъсть помъщена опять съ другимъ заглавіемъ, л. 553-557 «о невърности и кръпости тъла» и пр., и въ другомъ изложении.

— «Другін прикладъ, яко не подобаетъ женамъ въ тайныхъ дълахъ върити», нач. «Дакробіусъ (sic), славный дъяніемъ спи-

сатель, пишеть», — Gesta с. 126. Извістный разсказь о Рим_ скомъ юношъ Папирін изъ Макробія (Saturn. 11, 6); онъ встръчалси намъ въ старинныхъ сборникахъ и въ другомъ переводъ: третья редакція находится въ сборник в шуточных в анекдотовъ. XVII въка, подъ названіемъ «Смъхотворныя повъсти».

- «Прикладъ о неправдъ и о лакоиствъ, ко обличению таковыхъ», нач. «Максиміанусъ, король можный, королевствовалъ», — Gesta c. 128.
- «Прикладъ о сталости въ добрыхъ учинкахъ» и пр., нач. «былъ и вкоторыи король въ земли аглинской», — Gesta с. 172. Это — исторія «о двухъ рыцаряхъ о Гвидонъ и о Тирусь», занесенная г. Сахаровымъ въ списокъ Русскихъ сказокъ (Р. Нар. Сказки 1841, стр. хіх).
- «Прикладъ, что правда избавляетъ отъ смерти», нач. «былъ единъ цесарь можный, а въ его государствъ было два рыцаря», — Gesta с. 171. Повъсть перешла въ Дъянія изъ Петра Альфонза Disciplina clericalis с. 3; въ значительной переделяв повторяется она въ Декамерон Х, 8., и другихъ соорникахъ; подобный разсказъ находять напримъръ въ Тысячь и Одной ночи (Dunlop, 251).
- «Прикладъ о правдѣ Божін, яко суды Божін скрыты», нач. «былъ нъкін король лютой», — Gesta с. 127.
- «Прикладъ о пожитку во встхъ сущихъ вещехъ», нач. «король нъкоторой быль велми силенъ», — Gesta с. 74. Разсказъ, который мы уже видели въ притче Варлаама «6 земь» ствованив" прв»; въ редакціи «Дізній» къ нему прибавлено только другое начало. Царск. № 711, гл. 15.
- «Прикладъ, яко всякіи пастырь попеченіе имать о овцахъ», нач. «тать некоторыи вшель быль въ домъ некоторого богатого, въ ночи», — Gesta с. 136. Хозяинъ дома употребилъ хитрость и воръ попался къ нему въ руки: первообразную редакцію указывають въ Калиль-ва-Дрывь, откуда исторія, черезъ Латинскій переводъ Іоанна Капуанскаго, явилась въ Disciplina clericalis, с. 25; она извъстна и по Французскому фабльо du voleur, qui voulut descendre sur un rayon de lune (Dunlop 195), n находится такъ же въ предисловіи или введеніи къ Греческому Стефаниту и Ихнилату (Aurivillius, Prolegomena p. 33—36).

- «Прикладъ о страшномъ судъ», нач. «былъ нъкоторым король велеможным», Gesta с. 143. Заимствованъ изъ «Варлаама и Іоасафа», и по мижнію Грессе составляеть передълку исторіи о Дамоклъ, у Цицерона, Tuscal. V. 21.
- «Прикладъ о дву лъкаряхъ», нач. «были въ нъкоторомъ градъ два лъкаря, свидътелствованы въ наупъ дохторской», Gesta с. 76.
- «Прикладъ о лести дьяволстей», нач. «или ивкогда три товарыща, и прилучися имъ нівкоторое время, что не иміли что поъсти», — Gesta с. 106. Они ръшили отдать оставшійся у нихъ кусокъ хліба тому, кто увидить лучшій сонъ: двое изъ нихъ тотчасъ легли спать, а третій между тімъ съблъ весь жатьсь. Проснувшись, первый разсказываль, что видть себя на небъ; второй, что видълъ обитателей ада; третій сказалъ вить, что ангель показываль вхъ ему, одного на небъ, а другаго въ аду, и что такъ какъ имъ уже не былъ нуженъ кусокъ хлеба на земле, то онъ и решился съесть его одинъ. Этотъ апологъ, которому приписываютъ восточное происхожденіе, им ваъ чрезвычайно общирную извистность въ средне-виковой поэтической литературъ. Онъ помъщенъ въ с. 20 Discipl. clericalis, въ передълавномъ изъ нея Французскомъ Castoiement (Barb. et Méon, Fabhaux 2, 127—130); отсюда въ поздивинихъ сборникахъ: Facét. journ. p. 152, Nouv. contes à rire p. 273, гдъ дъйствующими лицами выведены Испаневъ и Гасконецъ; далве въ Итальянской новелл'в Джіованни Чинтіо (Dunlop 280), въ Нъмецкомъ разсказъ Бонера (Gödeke 667), наконецъ во многихъ другихъ литературныхъ памятникахъ в доселѣ повторяемыхъ народомъ анекдотахъ.
- «Прикладъ, что въ правду исповъдати», нач. «былъ нѣвоторыи король, именемъ Асмедусъ», Gesta с. 58. Исторія
 о томъ, какъ преступникъ спасается отъ смерти, сказавщя
 судъямъ своимъ три непреложных истины; Гриммъ указываетъ
 Амглійское народное предавье того же рода: Артуръ, заблуамвишсь, попасъ въ пещеру великановъ и спасся отъ емерти
 только тыть, что сказалъ такія три истины, противъ которыхъ
 нельзя было возражать (Kinderm. 3, 373—374).
 - «Прикладъ, чтобы бракъ соблюдали», нач. «Дамусъ (т.е.

Gallus) король велив мудрыи», — Gesta с. 69. Разскать о водшебной рубашкт, которой нельзя было износиться и не нужно было мыть, если только супруги были втриы другъ другу; этой повъсти приписывають восточное начало.

- «Прикладъ, како жертву привосити Богу», нач. «король нѣкоторыи Данаиской имѣлъ совершеную любовь ко тремъ королемъ», Gesta с. 47. Эпизодъ изъ легенды о трехъ царяхъ восточныхъ, приходившихъ въ Виолеемъ. Легенда и прежде имѣла общирную извъстность и теперь занимаетъ не послѣднее мѣсто въ народной Нѣмецкой литературѣ (изд. въ Simrock's D. Volksb. 4, 419—474). Изъ «Римскихъ Дѣяній» повѣсть церешла въ другіе сборники и Specula, и появилась въ другой разъ на Русскомъ языкѣ въ переводѣ «Великаго Зерцала», Румянц. № 180, гл. 835 «три царіе имѣющаго къ нимъ въру дунскаго царя зѣло изрядными данми обогатиша».
- «... что праведній внидуть въ царство», нач. «нікоторый вороль быль мудрой, велми богать», Gesta c. 45. Переділка разсказа о суді Соломоновомъ находящагося и въ упомянутомъ прежде фабльо le jugement de Salemon (Barb. et Méon, Fabl. 2, 440—442), но вмісто спора объ имінь і, здісь діло идеть о праві на престоль трехъ сыновей одного короля.
- «... яко суетно есть веселіе мірское», нач. «В'єспесіанусъ можный королевствовалъ», Gesta с. 63. Довольно далекая передълка исторіи Тезея и Аріадны, съ присочиненнымъ началомъ.
- «Прикладъ къ добрымъ дѣламъ», нач. «король нѣкоторый имѣлъ красную дѣвку (т. е. дочь), которую велми любилъ», Gesta c. 66.
- «... яко въ правду исповъдати подобаетъ», нат. «королы Гдіянусъ (т. е. Gordianus)... справедливыи королевствовалъ», Gesta с. 68.
- «...къ сокрушенію сердца», нач. «быль король велеможным, имѣлъ едину дѣвку (= дочь) красну и мудру», — Gesta с. 70. Исторія въ родѣ сказокъ съ загадками: воинъ женитєм на царской дочери, когда съумѣлъ разрѣшить три загадки ея.
- «Чтобы неблагодарство не творили», нач. «нъкоторыя король былъ велможным и имълъ единого сына», Gesta c. 72.

Сынъ, получивши наслъдство при жизни отца, сталъ притъснять его и былъ за то наказанъ.

- «Яко лакомство многихъ ослъпляетъ», нач. «въ Римъ былъ король, а заповъдь у него была такова», Gesta c. 73. Царск. № 440 об. л. 314 316.
- «Яко всякіи грѣхъ бываеть отпущенъ», нач. «рыцарь былъ въ Римѣ (Юліанъ) и выѣхалъ на поле и гналъ оленя и загналъ отъ дружины своея велми далеко», Gesta с. 18. Рыцарь, по невѣдѣнію, убилъ своихъ родителей и потомъ искупилъ грѣхъ раскаяніемъ и добрыми дѣлами; содержаніе повѣсти взято изъ западныхъ легендъ, но указывають такъ же подобный Индѣйскій разсказъ.
- «Чтобы памятовали добродъйства всякаго», нач. «въ Римъ жь былъ рыцарь и выъхалъ на ловъ», Gesta с. 104. Легкая передълка исторіи о львъ Андрокла, изъ «Аттическихъ Ночей» Авла Геллія V. 14.
- «Чтобы объты исполняли всякіе къ Богу и человъкомъ», нач. «были нъкои два лотры (разбойницы)», Gesta с. 108. Извъстный разсказъ о дружбъ Дамона и Пиоіи, у Цицерона Tuscul. V. 22, de Off. 111. 10 и др., повторенный также въ Dialog. creatur. c. 56.
- «Чтобы лакомства остерегалися», нач. «коваль нікто былъ велми лакомъ и велми богатъ», — Gesta с. 109. Довольно далекій варіантъ притчи Варлаама, поучающей, «яко не по вифшнимъ одеждамъ подобаетъ человъка почитати».
- «О важности и върности», нач. «въ Римъ при нъкоторомъ королъ поимавъ нъкоторой юноша отъ разбойникъ», Gesta с. 5. Заглавіе, недостающее въ Толст. 2. 15, прибавлено нами по другой рукописи; въ оглавленіи оно неправильно означено «прикладныи животъ Алексъя человъка Божія». Разсказъ о томъ, какъ одинъ молодой человъкъ попался къ морскимъ разбойникамъ, былъ освобожденъ дочерью предводителя ихъ, и потомъ женился на ней, напоминающій 236-ю ночь изъ Тысячи и одной ночи. Царск. № 440 л. 513—518, № 711 об. л. 197—202, Погод. № 1775 гл. 35-я.

- «Повъсть о Апполонъ королъ Тирскомъ, велми полезна», нач. «Антіохъ король велми силныи», Gesta с. 153. Объ этой исторіи скажемъ далье.
- «Прикладъ прозрѣнію Божію никтоже можетъ противитися», нач. «цесарь Кондратъ велеможный въ нѣкоторомъ градѣ господствовалъ». Gesta с. 20. Эта повѣсть, разсказанная также въ Нѣмецкой сагѣ объ имп. Генрихѣ (Grimm, D. Sagen 2, nr. 480), въ другихъ сборникахъ, и именно въ «Золотыхъ легендахъ» Какстона и Якова de Voragine, относится къ папѣ Пелагію. Подобные мотивы представляетъ и Нѣмецкая сказка о чортѣ съ тремя золотыми волосами (Grimm, Kinderm. nr. 29. 3, 58). Въ Толст. спискѣ это послѣдній, 35-й, прикладъ; въ концѣ написано: «конецъ исторіе и дѣянію иж в Риме бысть», на оборотѣ: «сія книга, глаголемая божественная исторія....» Остальныя повѣсти приводимъ по другимъ спискамъ.
- «Прикладъ о хитрости діаволстей и яко суды Божія неиспытаны и скрыты суть» въ Рум. № 371 об. л. 370—377, нач. «бѣ нѣкій отецъ пустынникъ, иже живяше въ нѣкоей пещерѣ»; въ Царск. № 711 и др. первой главой сборника поставленъ тотъ же прикладъ «о хитрости діявольстей, яко судбы Божія неиспытаны суть», — Gesta с. 80. Исторія объ отшельникѣ находится также въ фабльо de l'hermite qu'un ange conduisit dans le siècle (Legrand, Fabl. ou contes. Paris 1779. 2, 1—13), въ старинномъ Французскомъ собравіи Vies des pères, въ Sermones de tempore Герольта, Нѣмецкаго доминиканца конца XV в., и пр. (Dunlop, 200. 309—312), наконецъ въ «Задигѣ» Вольтера (сb. хх, l'érmite).
- «Прикладный животь св. Еустаоія и о навращеній блудящаго», 34-я́ глава въ Погод. № 1775, Царск. № 711, Gesta с.110. Ср. Царск. № 440 л.300—314, № 441 л.32—70 и др. Содержаніе взято изъ легенды о Плакидѣ.
- «Прикладный животъ св. Алексѣя человѣка Божія», въ разныхъ спискахъ «Дѣяній», въ Погод. № 1775-й гл. 33-я, Gesta с. 15. Такъ же взято изъ извѣстной легенды (ср. Haupt's Zeitschrift für deutsch. Alterth. 3, 534 576).

13

- «Прикладъ о дивномъ промыслъ Божій и почитаній св. Григорія», въ Погод. № 1775 гл. 39-я и посабдняя, нач. «король единъ именемъ Панкуръ кралевалъ», - Gesta c. 81. Въ Царск. № 440 заглавіе передано такъ: «повъсть о дивномъ смотренію Божінить и о початію св. Григорія папы Римского, и да никтоже да не отчаявается своего спасенія» л. 465—488. Ср. Царск. № 420, л. 1. подъ 12 марта; Румянц. № 370 л. 114-147 «повъсть зъло полезна о преподобивит отцъ Григорів цап'в Римскомъ и о житів его», — по Востокову, житіе. ажесоставленное; Толст. 2. 175 Публ. Б-ки XVII. Q. 18, л. 287 нач. «сеп... Григореп... родися отъ королевскаго роду: дъдъ же его отиде отъ житія сего» и т. д. Въ этой исторіи повторяется очень извъстная средневъковая легенда Gregor auf dem Steine (Grässe, Lit.-Gesch. 2, 2, 953. Cholevius, 166 ff.). Koторая у насъ извъстна была и въ другой редакціи, какъ напр. въ иныхъ изъ указанныхъ выше рукописей.

Сравнивая разные списки «Дізяній», можно придти къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Варіанты ихъ касаются не отдельных в фразъ и словъ, но целаго характера изложенія, такъ что въ однихъ спискахъ бол ве замътно вліяніе Польскаго подлинника, въ другихъ господствуетъ обыкновенный книжный языкъ XVII стольтія, соблюдаемый довольно правильно. Слово «новопреведенный», какъ называются постоянно повъсти изъ Римскихъ Дъяній, не показываетъ впрочемъ вторичности перевода, потому что означало у старинныхъ грамотъевъ недавно переведенный. Ни имя переводчика, ни время не опредалены, по обыкновенію, и здісь; сомнительность 1691-го года мы замътили прежде, - быть можетъ, къ этому времени относится передълка стараго перевода. Въ измънения текста многое, конечно, должно отнести къ переписчикамъ, участіе которыхъ легко обнаруживается передълкой Іовиніана въ Евіана и т. п.; но во всякомъ случа в нужно предположить очень длинный рядъ последовательныхъ копій, чтобы достигнуть до такихъ обширных в варіантовъ. Первоначальный характеръ языка вообще долго держался съ большей или меньшей силой, такъ что списки весьма поздніе сохраняють много Польскихъ словъ перваго подлинника; потому совершенное почти изчезновение ихъ должно объяснять полнымъ исправленіемъ стараго перевода. Наши «Діянія», какъ и другія повісти, зашедшія къ намъ въ XVII столітіи, представляють мало національныхъ приміненій, но при всемъ томъ были читаны охотно, потому что удовлетворяли и благочестивой настроенности нашихъ предковъ и любви къ завимательному чтенію. «Римскія Діянія» отличаются тою же непосредственной наивностью, какая нравится въ старинныхъ Французскихъ фабльо, и вмісті добродушнымъ желаніемъ «поучать», которое принадлежить и другимъ средне-віковымъ произведеніямъ этого рода. Нікоторые разсказы напр. въ Disciplina clericalis, были бы на своемъ місті только въ Декамеронів или въ Септ nouvelles nouvelles; «Діянія» нісколько строже въ этомъ отношеніи, но нельзя не согласиться, что и ихъ средства поученія не всегда безукоризненны.

Нъкоторыя повъсти, запесенныя въ Gesta Romanorum, извъствы были у насъ и по другимъ редакціямъ, и появились въроятно раньше Русскихъ «Дѣяній». Не говоря о жизнеописаніяхъ Евставія, Алекстя Божія человтка и даже Григорія папы Римскаго, которыя легко могли имъть у насъ и Византійское происхождение (потому что Греческая легендарная литература им вла прежде много общаго даже съ легендой чисто - западной), — есть нъкоторые признаки, подтверждающіе, что и другіе разсказы Римскихъ Деяній пришли къ намъ изъ Византійскаго источника. Такова, по нашему митнію, притча о нькоемь велможь (нач. «бысть въ Римской области, въ некоемъ градъ, нъкіи царь») въ упомянутомъ Погод. сборникъ № 1964. гав притча помъщена тотчасъ после Стефанита и Ихнилата, об. л. 221 — 227. Содержание разсказа то же, что въ 119 главъ Gest. Rom., уже отмъченной нами въ Русскомъ переводъ, но изложение особенное, и едва ли не выказывающее Греческаго оригинала: по крайней мъръ, складъ языка и книжныя формы его очень близки къ тъмъ, какія представляетъ Стефанитъ. Въ этомъ последнемъ находится правда подобный разсказъ, но онъ не вошель въ Русскій переводъ Стефанита; кром'в того «притча о нъкоемъ велможі» указываеть дійствіе въ Римской области... Быть можеть, повесть о вельможе находилась уже въ той рукописи Греческой, которая служила подлинникомъ для Славлискаго переводчика Стефанита, и разсказъ «Дѣяній» явился у насъ прежде всего изъ редакціи Византійской.

Та же притча о ведьможѣ встрѣчается подъ другимъ заглавіемъ: — Царскаю № 440 сборн. XVII в. л. 371 — 380 «притча о населникѣ и о дворецкомъ царевѣ, и како его избави отълютыя смерти», нач. «бысть въ Римской области, въ нѣкоемъ градѣ, царь нѣкій, имѣяше ближняго человѣка»; — № 451 сборн. нач. XVIII в. л. 242—249, и Ундольскаю, сборн. XVII в. имѣетъ «повѣсть о нѣкоемъ царевѣ дворецкомъ и о насельникѣ, сіирѣчь о крестъянинѣ» (Врем. кн. 14).

Сюда принадлежить и очень извъстная въ старину повъсть о царь Агев, како пострада гордости ради. Царь Агей возгордился своимъ величіемъ и счастіемъ, и услышавъ однажды чтеніе Евангельскихъ словъ «богатін обнищаша и нишін обогатъша», назвалъ ихъ несправедливыми и вельлъ вырвать листъ Евангелія, гдв онв были написаны. Богъ наказаль его. Однажды дарь погнался на охотъ за оленемъ, олень переплылъ за ръку, царь снялъ съ себя платье и поплылъ туда же, а въ это время ангелъ надълъ его одежды, и принятый всъми за паря. возвратился во дворецъ Агея. Между тімъ, когда настоящій царь переплылъ ръку, олень изчезъ и Агей остался одинъ, безъ одежды; всф, кого ни встрфчалъ онъ, не хотфли признать его царемъ, говоря, что видели царя, такавшаго въ городъ. Долго блуждаль Агей безъ пристанища и безъ пищи, нанимался въ работу, но его прогоняли, потому что онъ былъ непривыченъ къ труду. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ невъріи, каялся и просиль у Бога прощенія: онъ присталь наконецъ къ ницимъ. которые взялись кормить его сълтемъ, чтобы онъ несъ ихъ сумы; въ городъ нищіе были призваны къ царю, который вельлъ угостить ихъ, по случаю праздника; здысь ангелъ, заступившій мітсто царя, привель раскаявшагося Агея въ особенную комнату, возвратилъ сму прежній видъ его, отдаль корону и скипетръ, и скрылся, велъвъ держать все происшедшее въ тайнь. Агей «почаль царствовать по прежнему и зьло милостивъ быль ко всякому человъку и благоугодно жилъ». Повъсть эта представляетъ близкій варіантъ приклада о цесаръ Іовиніанть и нѣсколько короче его; она была вѣроятно такъ же переводомъ Греческаго разсказа, явившагося изъ «Дѣяній» или одного съ ними источника.

- Списки: Толст. 2. 442 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 460—462 «повъсть преславна и душеполезна въло о царъ Аггеъ, како пострада гордости ради».
 - Царск. \mathcal{N} 410 сборн. XVII в. л. 269-272 загл. такъ же, нач. «бысть во градъ Филунъ царь, именемъ Агей, славенъ зъло, и стояще онъ у заутрени»; \mathcal{N} 492 сборн. новый, л. 16-23.
 - Погод., сборн. XVII—XVIII в. № 1773 об. д. 85—90: «сія пов'єсть преславная и душеполезная како царь Аггей пострада отъ слова Божія и гордости ради», нач. «бысть во град'ь Филумент царь, именемъ Аггей, славенъ зѣло».
 - Забълина, въ сборн. XVIII в. № 69, д. 33—35 «пов. преславная» и пр., вач. «былъ въ городъ Филумени царь, именемъ Агъи, зъло славенъ былъ, и стоялъ въ церкви, когда пъли объдню». Замъчательно, что въ другомъ Забъл. спискъ этой исторіи, XVIII в. № 82, поставлено: «повъсть о царъ Агеи выписано изъ книги Римскихъ дюлъ» т. е. дъй или «Дъяній».

Повъсть о пустынникть, въ 80 главъ Латинскихъ «Дъяній», едва ли не существовала въ подобной второй редакція. Въ Макарьевскихъ Минеяхъ, подъ 21 Ноября, находится «слово о судбахъ Божіихъ неиспытаемыхъ» (нач. «бяше пъкій отходникъ»); та же статья въ сборникъ нач. XVIII в., Б-ки М. Общ. № 211, об. л. 196 «слово о судбахъ Божіяхъ неиспытаныхъ, молившу о нихъ нъкоему черноризцу, дабы испыталъ судбыт Божія» (нач. «бяше нъкій черноризецъ, исполнь всея добродътели»). По видимому, здъсь долженъ повториться разсказътого же содержанія.

Замѣтимъ наконецъ одну повѣсть, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Русскихъ «Дѣяній». Въ упомянутой Архивной рукописи и Румянц. № 370, об. л. 367 помѣщенъ этотъ прикладъ дивнаго устроенія нъкоего благотворца и праведнаго судіи (нач. «во градѣ Римсть, по случаю житія, паче же добрыхъ всѣхъ дателя Бога промысломъ, иже возставляетъ отъ

гноища и посаждаетъ съ могущими» и пр.) - о томъ, какъ одинъ вельможа, достигшій этого высокаго званія изъ простаго сословія и единственно своими заслугами, быль обвинень предъ царемъ въ злодъйскихъ умыслахъ и чародъйствъ, которымъ онъ занимается будто бы въ отдаленной и скрытой отъ другихъ комнатъ своего жилища. Царь повърилъ клеветъ и однажды нечаянно засталъ вельможу въ его таинственномъ уединенін. Въ этой комнать царь увидьль драгоцыный ящикъ, а въ немъ біздную одежду: вельможа объясниль ему, что приходить сюда вспоминать свою прежнюю судьбу, учиться смиренію и не гордиться настоящей славой. Царь тронутъ былъ его скромной доброд втелью и поручилъ вельмож в правление встыть государствомъ. По характеру своему повъсть вполнъ соотвътствуетъ разсказамъ изъ «Дѣяній», рядомъ съ которыми поставлена въ рукописяхъ, но мы не встретили ея въ Латинскомъ сборникъ. Во всякомъ случав она имбетъ какое нибудь отношение къ «Дівніямъ», темъ болье, что и по місту действія принадлежить къ *Римским*в повестямъ.

Замѣтимъ ваѣсь нѣкоторые другіе разскавы, невстрѣтившіеся намъ въ рукописяхъ Румянц. и Толст.: Б-ки М. Общ. № 223, л. 770, 829 и пр., которые могутъ относиться сюда по назилательному солержанію.

Гораздо сильнъе, чъмъ въ «Дъяніяхъ», выразилось назидательное направленіе въ другомъ сборникъ повъстей, переведенномъ на Русскій языкъ въ XVII стольтіи. Это — въ буквальномъ смыслъ Великое Зерцало, списки котораго, полные или чаще въ извлеченіи, по нъскольку находятся въ каждомъ значительномъ собраніи. Названіе сборника вполнъ оправдывается его величиною: число повъстей, въ немъ помъщенныхъ, простирается почти до девяти-сотъ и книга въ цъломъ видъ своемъ представляетъ огромный фоліантъ. По свидътельству Калайдовича, въ Синодальной б-къ находится три списка этого произведенія, отчасти несходные: въ первомъ изъ нихъ, заключающемъ 781 притчу, упомянутъ переводъ книги съ Польскаго; во второмъ, принадлежавшемъ патр. Адріану и раздъленномъ на 652 главы, сказано, что Великое Зерцало притчей или при-

логовъ отъ многихъ исторій и отъ церковныхъ многихъ учителей собранное неизвъстнымъ, сперва было написано на Латинскомъ, потомъ Римляниномъ (Уніатомъ) і еромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на Польскії, а наконецъ по желанію и повельнію царя Алексья Михайловича переложено на Словено-Россійскій языкъ въ 1667 году; третій списокъ «Зерцала» имъетъ 821 главу (Оп. Рум. Муз. 226). Еще общирнъе «Зерцало» Румянцовского Музея, № 180, писанное въ листъ полууставомъ XVII въка, и заключающее 862 главы или повъсти; одно оглавление его занимаетъ 27 л. Книга эта — одно изъ тъхъ Зерцалъ, которыя были такъ многочисленны и такъ любимы въ западно-Европейскихъ литературахъ среднихъ въковъ (ср. Grässe, Lit.-Gesch. 2, 2, 272, 711 ff.). У насъ Зерцала такъ же появились особенно въ XVII столътіи, и переводились съ Латинскаго и Польскаго, или съ Греческаго; кромѣ «Великаго» были: Зерцало мірозрительное, богословское, естествозрительное, Зерцало человъка христіанскаго, и другія. «Великое Зерцало» было переведено съ Польскаго, - первое Польское изданіе вышло, кажется, въ 1621 г. въ Краковъ; въ другомъ оно имъетъ следующее длинное заглавіе, въ которомъ объясняется и исторія самой книги: Wielkié Zwierciadło przykładów, więcéy niżli z osmiudziesiąt pisarzów, pobożnością, nauką i starowiecznością przezacnych: także z rozmaitych historyy i traktatów kościelnych wyjęté przez iednego niemianowanego który żył około roku 1480, potym przez x. Jana Maiora S. J. dowodém samych autorów obiaśnioné: tudzież więcey niżli dwiema tysiącami przykładów rozmaitych szeroko rozwiedzioné, potym przez x. Antoniego Daurolciusa S. J. który wielce znamienitą xiegę Flores Exemplorum (wydał?) szérzéy napisané; a na ostatek przez x. Szymona Wysockiego S. J. na polskié znowu przełożoné, a teráz swieżo po trzeci ráz przez x. Jana Lesiowskiego S. J. z przyczynieniem wielu przykładów y poprawą wielu omyłek sporzadzone. W Krakowie 1633 f. 1467 стр. (См. Jochera, Obraz 2, 348; о Высоцком в Maciejowski, Polska pod względem obyczajów etc. 1, 403. Piśmien. 3, 30, 310).

Списки: — Румянц. № 180 полное Зерцало, XVII в.; — № 363 сборн. XVII в., л. 1—157 выборка изъ Зерц. въ 87 гл., подъ на-

вваніемъ: «духовные приклады и душеспасительныя повъсти, новопреведенные отъ Великого Зерцала, въ честь и во славу Богу и человъкомъ въ душевную ползу»; въ переводъ есть варіанты противъ другихъ списковъ.

- Б-ки Моск. Общ., только выборки: № 215 сборн. 1681 г., № 62 сборн. XVIII в.; № 209 сборн. нач. XVIII в. з. 100—231 «духовные приклады и душеспасительня повъсти, новопреведенныя (отъ Великаго Зерцала) съ Полского языка на Словенскій языкъ» и пр., въ другомъ мъстъ г. Строевъ считаетъ Зерцало переведеннымъ съ Латинскаго, неизвъстно почему; см. также № 200, 323 и др.
- Царск. № 139, рук. XVII в., въ листъ, на 633 л., полвый списокъ Зерцала, но въ гравированной заставкъ на л. 32 позднъе написано: «духовные приклады» и пр.. заглавіе, принадлежащее извлеченіямъ изъ Зерцала; главъ 858; — въ прочихъ рукописяхъ выборки: № 140, 465, 468, 482, 484, 492.
- Толст.. также извлеченія: 2. 257, 383, 402; 3. 5, 21; 4. 48 и др.

Содержание сборника достаточно опредвляется его происхожденіемъ: онъ заключаетъ въ себь повысти назидательнаго характера, короткіе разсказы о разныхъ случаяхъ человіческой жизни, гдф проявляется сила в кры, доказывается опасность гръха, польза покаянія. Существенное отличіе Зерцала отъ Римскихъ Дівний состоить въ томъ, что оно исключительно держится фактовъ, заимствованныхъ изъ духовно-исторической и легендарной литературы, между тыв какъ Дыянія несравненно болье разнообразны и богаты чисто поэтическими народными преданьями. Къ повъстямъ «Зерцала» прибавляются даже и догматическія толкованія. Обыкновенно пъсколько главъ соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ и называются «прилогами» т. е. объяснительными примарами; рубрики касаются разныхъ человъческихъ пороковъ и добродътелей, или указывають, къ чему должны быть направлены поступки и стремленія благочестиваго человіка, напр. «о еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ, зѣло ужасно» (Рум. № 180, гл. 56), «о піянствів и о осужденій піяниць по смерти пити огиь и жупелъ» (гл. 58), «честь обычай премъняетъ» (г.г. 455), «о лукавствъ» (гл. 391), «о плотьскомъ искущения»

(гл. 392), «терпвніе» (гл. 431), «чистота» (гл. 465), «гостей или странныхъ пріятіе» (гл. 541) и т. п. Католическое происхождение сборника видно въ разсказъ о томъ, «како Максиміанъ, первыи кесарь Римскій, видѣ діавола сѣдяща на плещу развратника Мартына Лютора» (гл. 229). Предметы поученія неръдко сближаются сътъми наставленіями, какія появились и у насъ въ среднюю эпоху нашей литературы, какъ противодъйствіе заблужденіямъ, распространившимся въ народъ. Таковы были напр. обличенія чародівства, волхвованія и звіздочетства, извъстныя и по актамъ правительственнымъ и по другимъ историческимъ памятникамъ; довъріе къ астрологіи, общее западной Европѣ не только XVI, но и XVII стольтія, перешедши къ намъ соединилось съ народными повърьями о чернокнижіи, и возбуждало дъятельную полемику противъ себя, - и «Великое Зерцало» сообщаетъ цълые трактаты, доказывающіе гибель тьхъ, кто занимается чарами и волхвованіемъ. Таковы повъсти: «о учащихся злымъ чародъйскимъ книгамъ и чернокнижнымъ наукамъ» (гл. 150), «о нъкоей чаровницъ и о ея осуждени» (гл. 154), «чернокнижникъ дъвицу, призывающую святого Іеронима, хотъ въ юноши склонити, посла бъса, отъ него же самъ зло пострада» (гл. 208), «чародъйство: въ вещехъ противныхъ къ чародъемъ недостоитъ прибъгати» (гл. 480), «волхвованіе: водшебъницу діаводи изъ церкви, въ неиже бысть погребена, восхитиша, на конь же посадивше адскій, съ воплемъ везоша во адъ» (гл. 840), и другія. «Зерцало» возстаетъ такъ же противъ непозвелительныхъ игръ и удовольствій, которыя и у насъ подвергались строгому осужденію не только въ сочиненіяхъ моралистовъ, но и въ распоряженіяхъ правительства; на этомъ содержаніи построены пов'єсти: «о еже не мня быти гръхъ, кто играетъ картамя и шахматы, и прочими катырскими играми» (гл. 60), «о еже не глумитися и играми не забавлятися» (г.і. 120), «о пляшущихъ и тонцующихъ, и како пляшущій въ нощи Рождества Господа нашего I. X. въ проклятіи цёлый годъ илясаша» (гл. 160); плясаніе осуждается далье въ семи главахъ 826 — 833, изъ которыхъ послѣдияя: «како зла вещь есть плисаніе, и колико есть мерско предъ Господемъ, отъ видітнія является», — и во многихъ другихъ разсказахъ, которые совершенно соотвітствують запрещеніямь, наложеннымь въ старину на плясаніе, скоморошество, игру въ зернь, въ карты и тавлен. Не мудрено по этому, что «Зерцало», Латинское по своему происхожденію, уважалось у насъ на ряду съ другими душеспасительными книгами. Нравственныя понятія, въ немъ выраженныя, были очень сходны съ самобытной Русской моралью, какъ излагалась она во многихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

Нъкоторыя повъсти «Зерцала», мимо значенія назидательнаго, основывались на одномъ анекдотическомъ интересъ, и тъмъ отчасти противоръчатъ общему направленію сборника. Въ одной главі «Зерцала» (гл. 514) собраны необыкновенные случаи плодородія женщинъ, и разсказывается, какъ «девяти дътищъ во единъ часъ мати роди» или «дванадесятъ во едино время рождени» одной матерью, или какъ наконецъ «дин Генрика князя Брабанского, брата бысть жена краля Н'вмецкаго» родила вдругъ 364 человъка дътей (?!). Эти разсказъ взяты изъ туточныхъ и анекдотическихъ сборниковъ, распространившихся особенно въ XV --- XVI-мъ стольтіяхъ, подъ названіемъ фацецій, Facetiae, и въ «Зерцаль» не совсыть ужестны, какъ в помъщенный тамъ же (гл. 845) разсказъ о томъ, что «нъсть гићва паче гићва женьскаго, ни жестосердія и непокорства твердвишаго и неукротимаго», гдв такимъ образомъ передается Французскій старинный анекдотъ, фабльо du pré tondu, извъстный в въ нашей народной словесности:

«Мужъ съженою единою иде чрезъниву, рече: взрядно зъло есть сія земля покошена. Жена же противнымъ образомъ рече: въсть се нокошена, но пострижена, — сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголане, яко покошена, а жена глагола: подстрижена. Мужъ же, на гнъвъ подвигшися, вверже ю въ воду: егда же въ водъ вящше не можаще глаголати, протяже руку отъ воды, творяще знаменіе перстами на подобіе ножниць, являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти».

Многія пов'єсти относятся кълицамъ историческимъ; иныя изънихъ, напр. о Попел'в корол'в Польскомъ, прибавлены в'вроятно Польскимъ перед'влывателемъ книги. Разсказы изъ «Великаго Зеркала» списывались върукописяхъ и отд'яльными

статьями и такимъ образомъ расходились еще болѣе; въ примѣръ укажемъ исторію «о еже предъ Богомъ и человѣки непорочнымъ быти епископомъ и попомъ, и како Удонъ епископъ страшно осужденъ бысть», гдѣ передается страшная судьба епископа Магдебургскаго Удона, который пренебрегъ своими обязанностями, предался порокамъ и за то потерпѣлъ жестокое осужденіе (гл. 106.)

Ср. Historia Udonis въ Rod. Zamorensis, Speculum human. vitae (sp. conversionis peccatorum), Bisunni 1488. Списки: Толст.
2. 160, 181, — Царск. № 396, 410, 468, — Б-ки М. Общ.
№ 200, — Погод. № 1775 и мн. др.

Едва ди не сюда же должно отнести «повъсти разныя, исволнены страха и ужаса, о правосудіи Божіи, како осуждаются гръшащів здѣ и непокаявшійся на вѣчное мученіе по дѣломъ своимъ» въ сбори. XVII в., Царск. № 427, л. 167—207, въ 35 главахъ: по содержанію онѣ должны имѣть сходство съ Зерцаломъ. — г. Строевъ считаетъ ихъ переведенными съ Латинскаго или Польскаго.

Душеспасительное чтение въ старину гораздо болъе поддерживалось другими памятниками, которые могутъ быть только упомянуты въ настоящемъ случав, потому что принадлежатъ литературъ въры и церкви. Многочисленные патерики, минеи, прологи, сочиненія духовныхъ писателей, представляють множество повъстей, исключительно посвященныхъ делу душевнаго спасенія и служивших в для развлеченія благочестиваго читателя. Существеннымъ источникомъ произведеній этого рода, какъ и вообще старинной духовной словесности, была литература Византійская, съ древивншихъ временъ надвлявшая насъ своими богатствами. Въ сборникахъ и хронографахъ XVI - XVII стольтій продолжами жить и эти старинныя повъсти, перемьшанныя однъ съ другими и соединенныя только сходствомъ содержанія, и вносились новыя, явившіяся изъ другихъ источниковъ. Онъ им вютъ много общаго съ полуисторическими повъстями «Зерцала», потому что провикнуты однимъ настроеніемъ. Не перечисляя этихъ поздиващихъ исторій, упомянемъ и вкоторыя изь нихъ, напр. повъсть «о архіепископъ Венцлавь, что въ Краковъ» (Рум. № 459 и др.), гдв излагается извъстная исторія о Польских та холопях в и передільнается легенда о Станиславів; «о пустынник в Иван в королевич в Корвацком в» (Оп. Р. Муз. стр. 778); «о царів Козарин в и о его цариц в» (въ сборн. Дубровскаго, Публ. Б-ки IV. F. 238, XVI в., л. 527—528; Рум № 249, Б-ки М. Обіц. № 286.)

Въ старинныхъ сборникахъ замътимъ наконецъ полудидактическія повфсти, любопытныя для исторіи правовъ: отчасти ихъ можно считать сочиненіями Русскими, отчасти онт основывались и на чужихъ преданьяхъ. Не лишена интереса повъсть о чародъйствъ, сочиненная будто бы для царя Ивана Васильевича Грознаго и папечатанная по рукописи г. Погодина (Москв. 1845 1, 246 — 249). Содержаніе состоить въ следующемъ: Одинъ благочестивый царь совратился съ пути в ры и поддался вліянію злаго «синклита»; этотъ «чарод в и губитель-мужъ» увлекъ его въ занятія волшебствомъ, и смутилъ и царя и народъ. Окрестные города возстали на неустроенную землю; многіе оставили царя и перешли на сторону враговъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ царь увидълъ Божіе наказаніе, покаялся въ своихъ заблужденіяхъ, и съ малочисленнымъ войскомъ успѣлъ прогнать враговъ, потому что милость Божія къ нему возвратилась; злобный синклитъ и единомышленники его были преданы казни. Простота содержанія и отсутствіе всякой опредъленности въ разсказъ позволяютъ думать, что повъсть дъйствительно была написана по случаю, какъ поучение косвенное.

Мораль другихъ сказаній направлена была также противъ заблужденій эпохи, но болье общихъ и важныхъ. Въ Румянц. сборникъ XVII-го въка, № 363, на л. 410 — 412 находится повъсть о происхожденіи виннаго питія: «выписано язъ книги изъ стоглавника о питіи, отчего суть уставися винное питіе». Не знаемъ, изъ какого источника взята была эта повъсть: стоглавникомъ назывались и постановленія собора 1551 г. (Рукоп. Царск., стр. 438), но тамъ конечно не встръчается подобной статьи, какъ и въ Стословцъ патріарха Геннадія; по замъчанію Востокова, статья была взята изъ какого нибудь сборника, раздъленная на сто главъ; «книга стоглавникъ» упоминается въ описи книгъ патріарха Филарета, учиненной въ 1630 г., выъсть съ сочиненіями душеспасительнаго содержанія (Нванова,

Оп. Арх. Стар. Дълъ, 290). Изобрътение винокурения приписывается въ этой статъћ завистливому бъсу, который потомъ научилъ курить вино и человъка; бъсъ прельстилъ его объщаніями, и они «пристрочили себъ мъсто уготованно при ръцъ, у источника, и побъже бъсъ на оравитскія горы, и взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на уреченное мъсто, на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинувъ горшки и потомъ замазаща тъстомъ, съ трубами, и сквозь кадей пропустиша и налиша кади полно воды и подложиша подъ кубы огня и начаша огнемъ варити, и поиде сквозь кадей трубами аки хитрое зеліе.» Послі того бісь скрылся, а человікь пошелъ въ ближній городъ, прельстилъ и царя и всіхъ людей его эловреднымъ зельемъ. «Человъкъ же той бысть пожалованъ отъ царя и нареченъ будеть у царя великій велможа и другъ царевъ. И оттолъ разнесеся то хитрое зеліе, сіяръчь нынъшнее вино, ръкомая горълка, по всъмъ странамъ и градомъ, въ цри (втроятно = въ Царьградъ) и въ Литву и въ Намцы и во вся грады и къ намъ въ Святорускую землю». Губительное дъйствіе рекомой горълки изображается въ повъсти о высокоумномъ хмслю (тамъ же, л. 412 — 415), представляющей монологъ самого хмеля: «Тако глаголеть хмель ко всякому человъку, ко царемъ и княземъ и ко инокомъ и бояромъ и слугамъ и вкупъ всімъ православнымъ христіяномъ, и богатымъ и нищимъ, и женамъ, старымъ и младымъ: познаите и мя. Азъ есмь хмель силенъ и боль плодовъ земныхъ всьхъ, отъ корени есми сильна и отъ племени велика» и пр. Полнъйшій видъ разсказа находится въ повъсти о пьянствъ по Толст. сборнику XVII — XVIII в. 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 34—38, гдв прибавленъ родъ введенія: «Бѣ нъкій человъкъ, живяше (бо) въ дебрій и сотвори себъ хижу и живяте въ ней мпого лътъ, и въ нъкое время не ста у него пищи, и иде тои мужъ искати себъ на потребу сиъди, и ходяще по атсу много и абіе обртте стоящу яблонь велми добру. И взя отъ того древа едино яблоко и вкуси, и бысть сытъ велми, и нача яблоки собирати съ яблони той, и узръ на яблони траву - обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти отъ той травы гласъ сицевъ», - и дале приводится разсуждение хмеля о своихъ качествахъ. Отсюда

заимствовано содержаніе лубочной картивки, представляющей слѣдствія «всепагубной сласти» пьянства: такова извѣстная «бесѣда философовъ Анахарсиса и Кирилла» объ этомъ порокѣ, и выписка приведенная г. Снегиревымъ въ Вал. Сборникѣ, стр. 204. Тому же предмету посвящено «слово о высокоумномъ хмелю и о худоумныхъ піяницахъ» въ миньятюрномъ Румяни. сборникѣ XVII в. № 370 л. 11—18. Помѣщенная въ той же Толстовской рукописи 2. 280 на л. 46—49 «исторія о дву товарищахъ, имѣющихъ между собою разговоры, изъ которыхъ единъ любилъ пить вино, а другій не любилъ», — передѣлана въ простонародной книжкѣ «Старичокъ-Весельчакъ» (Спб. 1781) и повторяется такъ же въ лубочныхъ изображеніяхъ (Спесир. іб. 207), но принадлежитъ уже XVIII-му столѣтію.

Ср. сатирическое «сказаніе о винѣ и о неистовствѣ его, хотящимъ отъ него удалитися», въ стихахъ, въ сборникѣ нач. XVIII в., Б-ки Моск. Общ. № 213, л. 326—329.

Остатки повъстей XVII-го въка встръчаются и въ другихъ дубочныхъ картинкахъ. Иностранные образцы имъли свою долю вліянія при появленій нашихъ картинокъ: Нъмецкіе печатные листы давно уже стали предметомъ торговли; они упоминаются въ приходо-расходныхъ книгахъ Оружейной Падаты 1634 и 1637 годовъ, и патріархъ Іоакимъ замічаетъ, что на картинкахъ священныя изображенія представлялись «неистово в неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и въ одеждахъ Нѣмецкихъ». Быля извъстны и потышные листы, соединявшие поученіе съ забавою; они заимствовали содержаніе или переавлывали его изъ тахъ же Нъмецкихъ листовъ или изъ собственной фантазіи народа. Переходя къ самостоятельнымъ попыткамъ, лубочныя картинки во многомъ воспользовались старыми рукописными сборниками; многія изъ повъстей, перешедшихъ этимъ путемъ въ народныя изображения, сохранились въ лубочных в картинкахъ и до нашего времени. Такого рода «притча изъ Зерцала велми страшвая» т. е. изъ Великаго Зерцала, о которомъ мы говорили, -- о дѣвицѣ, утаившей на исповъди смертный грехъ; «притча изъ синодика велми страшна» о благочестивомъ и развратномъ юношахъ, - последняго убиваетъ молнія, а первый остается невредимымъ; «видъпіе благовърнаго монаха» о наказаніи сребролюбія и лихоимства; выше мы упомянули объ источникъ картинки, изображающей Анику-воина и смерть. Другія статьи заимствовались изъ патериковъ и житій, рукописныхъ сочиненій духовныхъ писателей и т. п. Сюда же примыкаютъ и чисто-правоучительныя изображенія, каковы напр. «аптека духовная, врачующая гръхи», «трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ», «изображеніе двухъ путей жизни нашей», «душа чистая и душа гръшная», «лъствица» и другія; для обозрънія тъхъ и другихъ отсылаемъ читателя къ статью г. Снегирева въ Валуевскомъ Сборникъ.

Дидактическую цізль, какъ въ повісти о хмелів, преслівдуетъ и особенное сказаніе о бъсовской травь-табакь, излагающее длинную исторію появленія этой травы и ея ужаснаго дъйствія. Табакъ сдълался извъстенъ у насъ въроятно не ранъе XVI-го стольтія, а въ XVII-мъ въкь употребленіе его было уже такъ сильно, что правительство сочло нужнымъ преследовать его, отчасти по общимъ неблагопріятнымъ мнініямъ о табакі, отчасти по видамъ финансовымъ и хозяйственнымъ, находя покупку его разорительною для народа. Суевърные толки о новомъ зельъ распространились уже во времена ц. Михаила Ое-. доровича: въ извъстной тогда книгь, переведенной съ Греческаго, подъ названіемъ «Миръ съ Богомъ», табакъ названъ зельемъ проклятымъ и богомерзкимъ, и употребление его признано за смертный гръхъ. Послъ проклятія табака патріархомъ въ 1634 голу государь указалъ: «на Москвъ и въ городъкъ о табакъ заказъ учинить кръпкой подъ смертною казнію, чтобъ вигдъ Русскіе люди и вноземцы всякіе табаку у себя не держаля и не пили и табакомъ не торговали». Въ послъдствии смертная казнь была отменена, темъ не мене наказанія были очень строги, потому что куреніе табаку, какъ и пьянство, считалось источнакомъ другихъ пороковъ, даже причиною грабежей и разбоевъ. Любопытно, что и въ самыхъ выраженияхъ табакъ сравнивали съ виномъ; въ актахъ встръчаются запрещенія, чтобы «зернью и карты не играли, и не бражничали, и табаку не пили»; тому времени принадлежитъ пословица: «испила баба табаки, да несетъ, что отъ собаки» (Бусл.; ср. Скегир., Русск. въ Посл. 2,

49-50). Не взирая на то, что эти питухи и пропойщики, привимавшіе «Н'вмечьской скверной обычай», по тогдашнему понятію представляли изъ себя діавола и подвергались сатанинскому искушенію, курепіемъ табаку занимался не одинъ только классъ народа, а «всякихъ чиновъ люди»: по свидътельству Карлейля, бывшаго въ Вологд въ 1663 году, всъ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ котораго упиваются до обмороковъ (см. подробиве въ Юрид. Сборн. Мейера, стр. 496 слад.). Суеварныя преданья о табака до сихъ поръ живы между людьми старинныхъ понятій, особенно между явными старов рами. Эти преданья развиваются и въ старой рукописной исторіи. Она встрічается въ сборникъ Царскаго, XVIII в., № 469 л. 57—70, въ особой рукописи, подъ заглавіемъ: «сказаніе отъ книги, глаголемыя Пондокть, о хранителномъ быліи, мерскомъ зеліи, еже есть травіз тобаців, откуду бысть и како начатся и разсіляся по вселенніві». Мы читали ее въ сборникт г. Тихонравова, сплетенномъ изъ разныхъ рукописей, гаф эта тетрадка старве другихъ и относится если не къ концу XVII-го, то къ началу XVIII-го въка. Повъсть, на 8 листкахъ, носитъ заглавіе, почти буквально сход-. ное съ предыдущимъ: «выписано изъ книги, глаголемыя Пондокъ, о хранителномъ быліи, мерскомъ зеліи, еже есть табаць, откуду бысть и како зачася и разстяся всюду по вселеннви». Исторія имбеть сходство съ пов'єстью о хмель, но гораздо длиниве и таинствениве, и открывается апокалиптическими текстами; появленіе табаку отъ дъйствія бісовской свлы произошло будто бы при Еллинскомъ царъ Анексіи, которому было прежде показано въ страшномъ виденіи. Врачъ Тремикуръ, отыскивая цълебныя растенія, нашелъ и это зеліе травное, «и вземъ Тремикуръ и обоня ю (т. е. траву) нозрями своими и обвеселися, и тогда оный врачь Тремикуръ ископа оную траву и принесе въ домъ свой и посади съ своими овощами и начатъ обнюховати траву ту и веселяся ходить. И расплодися у него множество того зелія; соседи же его видеша того врача умомъ премъненна и піяна суща, вопросиша его: откуда піанство имать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ, коемуждо угодно, на сребро, и тъ такожде въ садахъ своихъ

посадиша, и расплодившеся другь отъ друга, и обонввающе ноздрями своими и піянствовати начаща, а иныи на огнь то быліе полагающе и цівницами (т. е. чубуками) во уста своя дыхающе, и оттого ови начаша обмирати, и лица ихъ яко мертвыя, и умомъ разслаблени..., И тогда придоша множество того народа предъ царскіе полаты, піяни вертяхуся, и лица ихъ измѣняхуся, мнози трясущеся падаху, ини же смертію внезапу умирающе». Царь Анексій распросиль обо всемь Тремикура, н вспомниль свое видиніе, бывшее за двинадцать лить перель тьмъ; посль новаго видънія, Еллинскій царь и народъ принимаютъ христіанскую въру и мерзкое зеліе предано проклятію. «Благовърные же мужіе, новокрещеные, изъ вертоградовъ и садовъ своихъ ее (траву) изведоща и искорениша, а которые осташася некрещены, оные то зеліе разведоша по далнымъ странамъ поганымъ. И тако оны поганые Еллины расплодиша, яко въ Немпы, въ Турки и Татары и въ Черкасскія земля; мнози же и ныив отъ върныхъ прикасаются ко оному смраду съ погаными Турки и Татары, и тако съ теми въ въчную муку ходатайствують (sic). Бысть же въ то лето по многимъ странамъ великое трясеніе земли, яко и морю отъ предёль своихъ изыти и земли разсъдатися, и многимъ невърнымъ прикасающимся оному смраду....» Такъ оканчивается повъсть въ неполномъ спискъ г. Тихонравова. Судя по характеру сказки, она могла им вть Греческое происхождение; упоминание вельможи-каженика не оставляетъ сомићијя въ томъ, что ее нельзя счесть выдумкой Русскаго сочинителя. Текстъ ея, кром'в неполноты, очень испорченъ въ позднъйшемъ спискъ, которымъ мы пользовались, -безъ сомивнія отъ частой переписки.

Ср. въ новомъ Румянц. сборнивѣ № 374 об. л. 261—263 мнимую выписку изъ Григорія Синанта. Оп. Р. Муз. 552.

VII.

Историческіе разсказы. — Повъсти Русскія и иноземныя. — Сказаніе о Дракуль Мутьянскомъ, о взятіи Царяграда, повъсть о цариць Иверской Динаръ. — Сказаніе объ Атыль король Угорскомъ; о Василіи, королевичь златовласомъ Чешскія земли. — Повъсть умилительная о Брунцвигъ, старинный рыцарскій ромавъ Чешской литературы.

По неразвитости литературных в началь, старая письменность наша не могла имъть того разряда произведеній, гдв

УЧ. ЗАП. — КВ. IV. — ОТА. II.

являдось бы поэтическое изображение действительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторіяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто-поэтическою задачею и соотвътственнымъ ей исполненіемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ однако, что въ древаей поръ нашей словесности были . богатые залоги поэтической діятельности. Немного позднійшій памятникъ, XIV — XV въка, сказаніе о побъдъ в. к. **Дмитрія** Іоанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, извъстное во множествъ списковъ и редакцій, приводить, напротивъ, въ заключенію, что дальн'ійшая судьба этого направленія была далеко не такъ счастлива, какъ его начатки. Въ сказаніи видно и сильное желаніе стать выше уровня обыкновенной исторической повъсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы; авторъ сказанія невозвратно уклонился отъ живаго настроенія народнаго эпоса, и отданный собственнымъ средствамъ, способенъ былъ только на бледное подражание. Заимствуя и переделывая изъ Слова о полку Игоревъ отдъльныя описанія, сочинитель не могъ уйдти отъ обыкновенной рутины, и вследъ за хитросплетеннымъ описаніемъ битвы приводить голый списокъ именъ, годный только для льтописи. На всемъ изложеніи находится отпечатокъ схоластической манеры; нерѣдкое употребленіе Греческихъ словъ и книжные обороты показываютъ, что авторъ подчинялся извъстному вліянію литературныхъ памятниковъ своего времени. Вообще сравнение этихъ двухъ произведеній достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ періодомъ нашей литературы; съ теченіемъ времени труды нашихъ писателей болъе и болъе занималъ историческій разсказъ, господствовавшій и въ XVII-мъ стольтія. Древньйшія попытки его выразились почти въ одно время лѣтописью и жизнеописаніемъ: рядомъ съ Несторомъ и сказаніями Кіевскаго патерика стоятъ жизнеописанія князей, Володиміра, Бориса и Глібба и пр. Рядъ подобныхъ сказаній безъ перерыва продолжается до последнихъ временъ древней нашей исторіи; каждое замечательное лицо или событие становилось предметомъ описания. Появились умильныя повъсти и сказанія — о нашествім злочестиваго царя Батыя, о подвигах в Александра Невскаго, о убіенів Михаила, жизнеописаніе Донскаго, сказаніе о паденів Новгорода,

ваяты Казанскаго царства, осадъ Пскова Баторіемъ или Обатуромъ, и о множествъ другихъ событій. Мъстныя историческія преданья и легенды также нашли себъ выраженіе, и повторялись въ общирномъ собраніи повъстей полуправдивыхъ, полувыдуманныхъ, которыя смъщайнымъ характеромъ своимъ соотвътствовали незатьйливымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измънился и характеръ льтописи: къ своей хронологической нити она прибавляла цълыя сказапія отдъльныя, и такимъ образомъ удалялась отъ прежней формы; въ послъдствіи она вполнъ замънена была льтописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгъ.

Поздивите исторические разсказы о древних в событиях в. у насъ, какъ и вездъ, вносели много такого, что не извъстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Йное могло быть вфрно и принадлежало старымъ извъстіямъ, до насъ недошедшимъ, другое завистло болте или менте отъ вымысла, основываясь или на позднихъ представленіяхъ о старинъ, или на народныхъ преданьяхъ. Присутствіе этого последняго начала даетъ повъстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цъны въ качествъ историческихъ матеріаловъ; къ сожальнію, онь до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрвиія. Въ XVI—XVII-мъ стольтіяхъ историческій разсказъ особенно страдаль отъ позднейшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ Польскими историками и лътописцами. Еще Герберштейнъ, говоря о Рюрикъ и его братьяхъ, замьчаеть: hosce fratres originem a Romanis traxisse gloriantur Rutheni: Новый Летописецъ счелъ нужнымъ повторить общеизвъстную басню и говорилъ, что смертью Өеодора Іоанновича «пресъчеся корень Августа Кесаря»; въ спискахъ самого Нестора, сдъланныхъ въ то же время, находится иногда вставка о происхожденіи Рюрика изъ Пруссіи. Происхожденіе Руси. «зачало» Москвы и «первоначальнаго Великаго Новаграда» и даже последующія событія облечены были глубокою древвостью, привязаны были вли къ именамъ библейской исторіи. или другимъ знаменитымъ лицамъ древности. Извъстная книга о «Древностяхъ Россійскаго государства» дьякона КаменевичаРвовскаго была не столько его выдумкой, сколько обширной компиляціей баснословныхъ пов'єстей, прежде существовавшихъ въ литературъ.

Другими представителями исторической повъсти были многочисленные хронографы и палеи. Въ старинной Русской библіотекъ хронографъ занималъ первое мъсто послъ главныхъ душеспасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занимательнаго и наставительнаго: этимъ объясняется чрезвычайное распространение хронографовъ. Будучи книгою первой необходимости, хронографъ имћаъ и большой авторитетъ для старинныхъ грамотвевъ; составление хронографа было двломъ существенной важности и книжники наши сделали изъ него целую историческую энциклопедію, въ которую попало даже много такого, что было излишне въ сочинении историческомъ. Хровографы имъли много различныхъ редакцій, — одив основныя и болье извыстныя, другія частныя, принадлежащія отдыльнымь собирателямъ и зависъвшія только отъ ихъ выбора и матеріаловъ. Эти сборники играли важную роль во все продолжение стараго періода литературы, начиная отъ Нестора, читавшаго льтописанье Греческое, и Вольпискаго льтописца, совытовавшаго читателю, «да почтеть хронографа», до последняго Русскаго хронографа, составленнаго въ половин в прошедшаго стоавтія для канцлера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библіотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаньями апокрифическими, разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особливо Римскаго и Греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ Славянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтолиснымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносимы были въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-Каллисоенова исторія Александра, Троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписываль толкованія отцовъ церкви, вставлялъ космографическій и географическія свѣдѣнія, разсказываль о Греческой миоологіи. Въ слѣдствіе этого состава изложеніе большею частію носило отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители

не столько заботились о внутренней связи разсказа, сколько обращали вниманіе на отдільные факты. Літописцы наши уже давно начали пользоваться Византійскими хронографами; позднійшіе літописные сборники, какъ Никоновскій, компилировали изъ нихъ еще боліве: вообще до XVII віка хронографъ и палея оставались главнымъ источникомъ, гді Русскіе авторы почерпали нужныя для нихъ историческія свідінія. — Изъ отдільныхъ повістей, внесенныхъ въ хронографы, мы замітимъ только немногія, боліве любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повъсть о взяти Царяграда Турками распространилась въроятно еще въ XV въкъ, вскоръ послъ самаго событія; въ хронографахъ ею заканчивается обыкновенно изложение иноземныхъ происпествій. Это событіе описано было и въ других в разсказахъ, какъ можно судить по несходству нашихъ лътописныхъ повъствованій (напр. Соф. 2-я лівт. въ П. Собр. 6, 180; Густин. въ П. Собр. 2, 356) съ подробной исторіей «о зачатіи и взятіи Царяграда», помъщенной въ хронографахъ и переписанной въ Царственномъ летописце (1772 г., стр. 306 — 358) и Никоновской автописи (5, 222 — 277). Всего болве извъстна была эта последняя исторія, очень нередкая и вне хронографовъ-Содержаніе пов'єсти касается сперва преданій объ основанів Царяграда Константиномъ и переходитъ потомъ къ обстоятельному описанію осады и взятія города; въ заключеніе приводятся предсказанія о будущей гибели безбожных завоевателей и воврожденів Византів. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разсказомъ оригинальнымъ, который составленъ если не очевидцемъ, то безъ сомивнія современникомъ событій: точность фактовъ в втрныя подробности дають Русскому сказанію ту же цтну, какую имъютъ для историка извъстія Францы, Дуки, Халкокондилы и Леонарда Хіосскаго. По митнію г. Срезневскаго, повість стала извъстна у насъ при Іоаннъ III, когда усилились особенно связи съ Греками; быть можетъ, она принесена и тотчасъ по взятін Царяграда, когда Греки стали приходить въ Россію за милостыней и вспоможениемъ. Называя повъсть Русскою, нельзя однако принимать такое выражение буквально: едва ли она мо-

гла быть сочинена по-Русски, или пересказана Русскимъ, потому что списки повъсти сохраняють много признаковъ, которые могли принадлежать Греческому произведенію. При томъ, существование Сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было намъ доставлено уже въ готовомъ Славянскомъ переводъ; тогда сказаніе можетъ быть названо Русскимъ только на томъ основаніи, что нигд в оно не было извъстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературъ. Почему она столько нравилась читателямъ, объясняется самымъ дъломъ: «повъсть о семъ событіи, говорить Полевой, была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ нравоученій на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостью видъли Русскіе, что послъ паденія Греціи осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчество, что Руси предоставлено некогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ земл'в Константина Равноапостольнаго» (Ист. Р. Нар. 5, 419). Новый пересказъ повъсти находится въ прекрасномъ изданіи г. Срезневскаго (Повъсть о Цареградъ. Спб. 1855): въ своемъ изложенів, сохранившемъ подробности и отчасти выраженія подлинника, авторъ пользовался однимъ спискомъ гр. Уварова, двумя Румянц. и двумя списками Михайловскаго; къ тексту приложены обширныя примъчанія, гдв повъсть наша сличается съ другими современными извъстіями памятниковъ Византійскихъ, Латинскихъ и накоторыхъ восточныхъ, и объясняются замачательныя слова поллиннаго текста.

Кромѣ упомянутыхъ, замѣтимъ еще нѣкоторые списки: — Б-ки М. Общ. У 198 сборн. вонца XVII в. л. 1—141 - сказаніе о зачатіи и о мудрости и о взятіи царствующаго сельнъходинаго Констянтиня-, имянуемаго Царяграда, нынѣ же Турки глагодютъ его Станболъ, о семъ пишутъ философи Греческіе и Латинскіе-; — У 223 нов. сборн. л. 218—228; — У 76 нов. сборн., об. л. 62—97 помѣщена «исторія о плѣненіи славнаго Царяграда (иже Константинополь и Новый Римъ нарицается), его же плѣни Махометъ Вторый, султавъ Турецкій осмый, въ лѣто по Христѣ 1453», — особенная новыйшая передѣлка, ср. Соликова, Оп. Р. Библ. 3, 227.

— Царск. *№* 394 сборн. 1642 г., л. 613—651 «сказаніе о взятін Царяграда отъ безбожнаго салтана Махметя, Турского царя, нач. въ лета 6961-го, властельствующу Турки безбожному Махметю, Амуратову сыну» (Срезн. стр. 7); — № 401 сборн. XVII в. л. 183-218 «бытіе о Царѣградѣ, како созданъ бысть царемъ Костянтиномъ и како взятъ бысть оть Турскаго царя Бахмета», нач. «въ лъто 5808-е, царствующе въ Римъ благосодътелному Констянтину Флавіану», у Срезневск. 27; — № 402 сборн. XVII в. л. 55—63 «повъсть о началь царствующаго града, об. л. 87 — 127 ввятіе :: -№ 410 сборн. XVII в. л. 319—363 «сказаніе о взятім»; — № 398 сборн. XVII в. л. 36-42 одна повъсть «о создания Царяграда седмоходинаго отъ благовърнаго даря Констянтина». — Въ упомянутомъ № 394 на об. л. 609—613 «слово о знаменін Царяграда, о взятій отъ Турковъ, нач. «бысть страшно видъніе и ужаса исполнено» и пр., такъ же въ M 498, л. 318—321. — Въ M 403 сбори. XVII в. л. 1—53 «сказаніе вкратць о Цариградь, откуду преже именовася Византія и како преименовася Царьградъ и пр., нач. «бысть нь кій царь во Египть, именемъ Нектонавъ, отъ роду сущь Филикса царя», — особенная редакція сказанія о Царѣградѣ, гдѣ нашли мъсто и тъ преданья о началь его, которыя упоминали ны, говоря о псевдо-Каллисоенв. — Повъсти о Царъградъ си. также въ Царск. № 238, 446, 587, Толст. рукописяхъ в хроногрофахъ, и друг.

Той же эпохѣ принадлежитъ сказане о Дракуль, воеводѣ Мутьянской земли. Дракула былъ побочный сынъ Волошскаго воеводы Мильцы, служилъ сперва Греческому императору, но, по смерти Мильцы, отсѣкъ голову наслѣднику его Дану и сдѣлался правителемъ Валахіи, въ первой половинѣ XV-го столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростью и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венгріей и уже сильными въ Европѣ Турками. Наша повѣсть рисуетъ самымы темными красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать по Русски дьявола: онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостью, не имѣвшею предѣловъ. Повѣсть наполнена анекдотами о безчело-

въчныхъ поступкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошель до такой степени, что въ его земле никто не осмеливался брать чужого. За все преступленія Дракула наказывалъ смертью; онъ не прощалъ даже легкія вины, если открываль ихъ. Однажды увидиль онъ на какомъ-то бъднякъ худое платье, и спросиль бъдняка, есть ли у него жена? Когда тоть отвівчаль, что есть, Дракула велівль вести себя въ домъ его, и увидтвъ молодую и здоровую жену, снова спросилъ мужа: есть ли у тебя ленъ? Получивъ утвердительный отвътъ, Дракула обратился къ женъ и сказалъ: отчего ты лънишься заниматься діломъ? Мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахъ; въ этомъ ты виновата, а не онъ, — и за темъ Дракула велель отсечь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникъ драгоценную чару, и никто не осмелился взять ее, «елико онъ (т. е. Дракула) пребысть». Подобные разсказы составляють и дальнъйшее содержаніе повъсти; иные изъ нихъ могутъ принадлежать и не именно Дракулв, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и разсказовъ. Подробныя историческія извъстія о Дракуль, его отношеніяхъ къ Іоанну Гуніаду и султану Амурату можно найти у современныхъ Венгерскихъ писателей, и у Византійцевъ Халкокондилы (ed. Bonn. 259, 282, 307, 337, 338) и особенно Дуки (ед. Вопп. 201 — 210, 218), у котораго встръчается и объяснение его вмени, какъ въ Русской повъсти: ούτω γάρ εκαλείτο πανούργος τοίς τρόποις ών και γάρ το Δραγούλιος όνομα πονηρός έρμηνεύεται--- ero звами Дракулой, такъ какъ онъ былъ коварнаго и злобнаго нрава, потому что имя Дракула значитъ злой. Drakula Wajda (т. е. wajwoda?) упоминается въ Нъмецкой пародной книгъ о Фортутунать (Simrock 3, 118); Мутьянская земля означаетъ Молдавію, — Мунтянами собственно называють Молдаванъ Волохи, и это названіе было у насъ въ общемъ употребленіи: статейный списокъ 1578 г. говоритъ, что «Волоскою землею да Мутьянскою владбетъ Турской царь» (Пам. Д. Снош. 1,761); въ Малорусскихъ латописяхъ Молдавія называется Мультянской землей, даже до Конисскаго. Что касается до происхожденія повъсти, Востоковъ, основываясь на словахъ Румянц. текста, что писатель повъсти, когда находился въ Будвив, въ Венгріи, видъль тамъ Дракулиныхъ сыновей, привезенныхъ королемъ Матесемъ вытесть съ матерью ихъ, и пріурочивая къ этому посольство дьяка Өедора Куринына, который тадилъ въ 1482 г. къ королю Матоею для утвержденія мирнаго договора, думаетъ, что повъсть могла быть написана или Курицынымъ или къмъ нибудь изъ его свиты, слышавшимъ разсказы о Дракуль отъ очевидцевъ или современниковъ. Замътимъ впрочемъ, что эта прибавка находится не во всехъ спискахъ и можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повъсти; притомъ нъкоторыя особенности языка въ Румянц. спискъ, древнъйшемъ всъхъ другихъ, скоръе указываютъ не на Русское, а на южно-Славянское начало новъсти. По всей въроятности, она явилась у насъ такимъ же литературнымъ преданьемъ, какихъ много мы видели прежде. Въ последствии она очень изменилась во вившнемъ изложения, и если Румянц. текстъ сохраняетъ иткоторыя черты подлиннаго сочиненія относительно формъ языка, то позливащие списки XVII-го выка не отдяляются отъ обыкновенныхъ книжныхъ пріемовъ своего времени. Сказаніе о Дракулт вставлялось иногда въ хронографы, по теперь болте изв встно въ отабльныхъ спискахъ.

Рукописи: — древивний списокъ сказанія о Дракуль находится въ Румянц. сборникь XV—XVI в., № 358, об. л. 356—363 «с матьянском воевсе».

- Б-ки М. Общ. № 286 хроногр. конца XVII в. л. 645—651 «сказаніе о Дракуль, Мутьянскія земли воеводь, Греческія въры, — а Влажинскимъ языкомъ звася Дракула, а Русскимъ языкомъ именовася Діяволъ, — житіе его зломудрыхъ люлей», здѣсь къ заглавію примѣшано и вачало повѣсти.
- Ундольскаго, въ упомянутомъ сборн. XVII в. «слово о Дракулѣ, воеводѣ Мультянскомъ», нач. «бысть въ Мультянской землѣ».
- Толст. спискомъ, въроятно XVII в., пользовался Карамзинъ и приводитъ изъ него выписку (7, 230 — 231, пр. 411).
- Сахарова, спис. XVII в., «сказаніе о великомъ *царь* Дракулѣ Мытьянскія земли», см. Русск. Сказки, стр. *схи*; редакція поздиѣйшая и чуть ли не сокращенная.

- Тихонравова, въ сборник XVII в., небольшаго формата, повъсть «о великомъ царъ Дракулъ Мытьянскіе земли» на 12 листвахъ, нач. вакъ въ предыдущемъ спискъ: «былъ нькія (sic) царь, именемь Дракуль, и житіемь влосердь велми. Нъкогда пріндоша къ нему нькін человькъ, посолъ нноземецъ, и послъ приде къ нему, а з главы шапки не снявше, поклонишася ему. Онъ же его вопросиль: што ты такъ чинишь? къ великому государю пришелъ еси поклонитися, а в главы шашки не снемши? Онъ же рече: наши государи такъ любятъ. Дракула жь рече ему: авъ не люблю того, а хощу обычая вашего подтвердити, и вы того тверде (sic?) будете, — вель Дракуль къ главамъ прибивати шапки з гвоздьемъ железнымъ, и отпусти ихъ и рекъ: скажите государю своему, - онъ навыкъ такую срамоту теривти отъ васъ, а мы не навыкохомъ, — да не посыдаетъ своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотять имъти таковаго обычая» и т. А.
- Макаровъ, въ Пробныхъ Листкахъ (Телескопъ 1833. 24, 502—503), приводитъ отрывокъ сказки, выписанной имъ изъ старинной рукописи, если не просто выдуманной, по обстоятельствамъ содержанія она сходна съ исторіей Дракулы, по дъйствіе происходитъ во Псковъ и Дракулу представляетъ посадникъ.

Къ числу любимыхъ повъстей принадлежало и «Слово о дъвицъ, Иверскаго царя дщери, Динаръ царицъ», которое также включено иногда въ хронографы; списокъ его изданъ недавно ак. Броссе, съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ Грузинскихъ лътописяхъ: около половины Х-го въка, царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію т. е. къ исповъданію Халкидонскаго собора; лътъ сто спустя Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и «овладълъ царицою Динарою». Русская повъсть, по митнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динаръ. По словамъ его, Динара нашего сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блистательную побъду надъ Персами, завоевавшая Тавризъ и Шамаху, есть Грузинская царица Тамара, дочь Гіоргія ІН, вступившая на пре-

столъ въ 1184 году (вероятно до 1212 г.). Грузинская исторія съ большими подробностями говорить подъ 1203 г. о столь же славной битвъ, какъ и описанная въ нашемъ сказаніи, о ръчи царицы, ободрявшей своихъ вельможъ, о слъдствіяхъ побоища, и притомъ почти въ тъхъ же выраженіяхъ (Hist. de la Géorgie, trad. du géorg. par Brosset. St.-Pét. 1, 439—447). По нашему сказанію Динара осталась пятнадцати л'єть насл'єдницей «Иверскаго властодержца» Александра Мелеха и мудро управляла народомъ; Перскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладель всеми вельможами юной царицы; «како можемъ стояти противъ многого воинства и таковаго Перскаго ополченія?» говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: «ускоримъ противъ варваръ, говорила она, яко же и азъ иду дъвица, и воспріиму мужскую храбрость, и отложю женьскую немощь, и облекуся въ мужскую крепость и препоящу чресла своя оружіемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и воспріиму копіе въ дъвичи длани, и воступлю въ стремя воинскаго ополченія; но не хощу слышати враговъ своихъ пленующихъ жребій Богоматери и данныя намъ отъ нея державы, и та бо Царица подастъ намъ храбрость и помощь о своемъ достояніи». Принесши молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастыръ, куда пришла «пѣша и необувенными ногами, по острому каменю и жестокому пути», Динара выступила противъ враговъ, и взявши копъе, устремилась на Перскіе полки и поразила одного Персина. Враги ужаснулись ея голоса и побъжали. Динара «отняла» голову Перскаго царя и на копът принесла ее въ Тавризъ; города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея, «блюдо лалное, и каменіе драгое, и бисеръ, и злато, и вся царскіе потребы, еже взя отъ Персъ», все это роздано было въ домы Божіе. Потомъ, она правила народомъ 38 лътъ и оставила власть свою сродникамъ: «даже и до днесь, заключаетъ повъсть, нераздълно державство Иверъское пребываетъ, а нарицается отъ рода Давыда, царя Еврейскаго, отъ царьскаго кольна». Таково содержаніе повысти. Какимь же образомь

Грузинское событіе XII — XIII-го въка могло быть предметомъ Русскаго сказанія, я откуда нашъ авторъ почерпалъ эти свідінія? Исторически извъстно, что сношенія съ Грузією существовали у насъ еще въ XII-иъ стольтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичь, женать быль на княжив Грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ послѣдствін и Русскіе заходили иногда въ Грузію, и Грузинскія посольства не разъ пріважали въ Россію; наконецъ съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По миннію ак. Броссе свъденія о парице Динаре принесены были къ намъ полученымя Грузинами, пріфажавшими въ Россію послів посольства къ Іоанну III, или даже Греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III Отд. Акад. 1, 489-490); любопытно, что въ ръчи Іоанна Грознаго, сказанной къ воинамъ при осадъ Казани въ 1552 г., в приведенной въ «Исторіи о Казанскомъ царствъ» (стр. 221) попа Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о «премудрой и мужеумной царицъ Иверской» и затъмъ пересказываетъ вкратцъ повъсть о Динаръ. Г. Устряловъ думаетъ напротивъ, что сказаніе наше не отличается большою стариной и есть басня, которую разсказывали у насъ Грузины, при царъ Михаилъ Оедоровичъ и его преемникћ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе пов'єсти въ рукописяхъ скорфе говорить въ пользу ея давности. Текстъ ея изданъ ак. Броссе въ Bulletin hist.-philologique t. 1X, № 19 по Воскресенской летописи (л. 574—580), откуда напечатанъ былъ Софійскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ 1, 483 — 487 по другой рукописи, именно по хронографу XVI—XVII в., въ печатномъ каталогъ Б-ки Акад. Наукъ № 4, гдв сказаніе называется «слово и дивна повітсть, зъло полезна, о дъвицъ Иверскаго царя дщери, Динары царицы» (нач. «умершу Иверьскому властодержьцу Александру Мелеку и не имъющу дътища мужеска полу» и пр.). Нъкоторые списки повъсти указаны были при этомъ Бередниковымъ; мы приводимъ и другіе, неупомянутые имъ.

[—] Толст, 2. 442 сборн. XVII в. л. 369 — 376 «повёсть душеполевна вёло» и пр.

- Публ. Б-ки XV. Q. 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 «пов'єсть дивна о д'євиц'є и великого цара Олексавара дщери Динарів царицы.
- Погод. сборн. повъстей и сказокъ, XVII в., № 1772, об. л. 96—100 «слово и дивная повъсть о дъвицы Сигирского (sic) и Иверскаго царя о дщери Дивары царицы».
- Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 «слово и дивная повъсть» и пр.; № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 тоже; № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 «мужество и храбрость Динары царицы, Иверскаго царя (Александра Мелека) дщеря»; № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 «повъсть явло полезна о дъвицъ, дщери паря Иверского, нарицаемыя Адинарь царицы».
- Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—641 «писаніе о Динарѣ паревиѣ, дщери паря Александра Малека Иверскаго, како власть Иверскую правяше и како побѣди Перскаго паря и пріять власть его».
- Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 «повъсть Динары царицы» и пр.; № 457 хроногр. XVII в. л. 712—715 «слово и дивна повъсть Динары царицы Иверского власто-держца Александра, како побъди Перскаго царя Адрамелеха», послъднее неправильно понято и переписана изъ «Адра Мелеха».
- Въ сборн. XVII в. Дрезденской б-ки л. 145 148. С. Строев, Оп. Пам. стр. 67.
- Сахарова, спис. XVII в., «повъсть парицы Динары, ащи царя Александра Иверскаго» и т. д., см. Русск. Ск. стр. схоі схої схоі схої схоі схої схоі схої сх

Мы выбрали эти повъсти потому, что въ нихъ старинные читатели находили гораздо болъе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послъднихъ, къ которымъ въ самомъ дълъ можно было прилагать такія требованія. Уча-

стіе преданья устнаго, какъ мы видели, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менће въ повћсти о взятіи Царяграда; происхождение другихъ сказаній не столько ясно и скорве допускаетъ возможность простаго пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примфры подобнаго происхожденія повъстей: ліктопись наша не разъ приводить преданья, ходившія въ народныхъ разсказахъ, даже цілыя повітсти, какова напр. повъсть о «жельзномъ хромць» Темиръ-Аксакь и другія. Иные разсказы имѣли и западное происхожденіе; трудность путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столътіи и конечно раньше (Коших. стр. 41), была причиною, что проводниками чужихъ разсказовъ очень нерѣдко были именно оффиціальные послы, записывавшіе слышанное вми во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замътка въ Румянц. спискъ повъсти о Мутьянскомъвоеводъ; въ одномъ статейномъ спискъ упомянуто преданье о трехъ царяхъ-волхвахъ, слышанное послами нашими въ Кёльпъ (Др. Р. Вивл., 2-е изд. 4, 319). Еще прежде посолъ Еремей Трусовъ, ъздившій въ Римъ въ 1528 году, привезъ оттуда повъсть о Лореттъ, извъстную теперь по рукописямъ (ср. Толст. сб. XVI в. 2. 68, л. 308; — Царск. М 397, л. 141; М 728, л. 604). Извъстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свъдънія о Россіи Павлу Іовію, вывезъ изъ Рима апокрифическую исторію о бітьюмъ клобукі, чрезвычайно извітстную въ свое время; она распространилась во множествъ списковъ, и была отвергнута, какъ ложная, дъяніемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. А. Ист. 5, 470, 472. 1, M 173. Карама. 8, пр. 94). Такова же «выписка изъ Кизылбашскихъ отписокъ» Василья Коробьина и дьяка Остафья Кувшинова, и другія повъсти, болъе или менъе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредъляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ начну письменность чужія сказанія.

Повъсти о Дракуль и цариць Динаръ занимали средину между историческими сказаніями хронографовъ и тъми повъстями, гдь дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основъ дъйствительнаго факта. Западно-

Европейскіе рыцарскіе романы им вли впрочемъ въ нашей письменности некоторыхъ предшественниковъ между течи исторіями, въ которыхъ передавались героическіе подвиги и похожденія. Не повторяя того, что можетъ относиться сюда изъ прежде названныхъ статей, отмътимъ нъкоторыя произведенія Чешской и Польской литературы, представляющія сюжеты подобнаго рода. По свидътельству г. Снегирева, въ старыхъ сборникахъ находятся повъсти 1) о Василів королевичь златовласомъ Чешскія земли и 2) объ Атыль король Угорскомо; не зная ихъ по рукописямъ, не можемъ однако въ точности определить ни содержанія, на происхожденія ихъ. Первая изъ нихъ безъ сомивнія пришла къ намъ изъ Польской или прямо изъ Чешской литературы, и по сюжету принадлежитъ къ тому же разряду повъстей, какъ романъ о Чешскомъ героъ Брунцвикъ. Вторая представляетъ по видимому одно изъ тёхъ сказочныхъ преданій объ Аттиле, которыя такъ известны были въ средне-въковой Европъ, — и къ намъ дошла черезъ какую нибудь Польскую передалку исторіи этого завоевателя. На такое содержаніе повъсти намекаеть отчасти и названіе Аттилы королемъ Угорскимъ: нашествіе Венгровъ напомнило о древнемъ нападенія Аттилы, такъ что и сами Венгры и другіе народы сочли Аттилу царемъ этого племени; Венгры, какъ прежде Авары, стали называться Гуннами, и наоборотъ Гунны — gens Pannoniae. На этомъ основались отчасти и сказочныя исторія объ ужасномъ завоевателъ.

Третья повъсть чрезвычайно напоминаетъ рыцарскія и волшебныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ удивительные подвиги
героевъ украшались множествомъ фантастическихъ подробностей, гдѣ герой на каждомъ шагу встрѣчалъ непреодолимыя
препятствія, сражался съ чудовищами и волшебными силами, в
все побѣждалъ силою своихъ доблестей. Такія похожденія разсказываетъ «повъсть умилительная о Брунцешть, королевичѣ
Чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ
ходитъ въ поморскихъ отоцѣхъ, и какъ храбростію своею выслужилъ себѣ звѣря льва и примирилъ себя (въроятно: себѣ),
в како побѣдилъ страшнаго дракона, змія-василиска» (Снегир.,
Вал. Сб. 213). Это произведеніе находится такъ же въ двухъ

сборникахъ Царскаго: № 46, конца XVII в., л. 184-222 «сказаніе о кралевичь Брунцвикь, Ческія земли, и о его великомъ разумъ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцваъ», гдв исторія однако не кончена, — и въ 🎤 451, начала прошлаго стольтія, л. 384 «сказаніе о кралевичь Брунцвикь, Ческія земли» и пр. Мы читали пов'єсть въ Погодинскомъ сборникъ XVIII в. Л. 1774, гдъ повъсть носить то же заглавіе. л. 20-54 «сказаніе о королевичь Брунсвикь и о ево великомъ равумь и храбрости, како онъ ходиль въ морскихъ отоцехъ съ великимъ звъремъ лвомъ» (нач. «бысть въ Чешской земли кралевичь именемъ Брунствикъ, Штырдарфа короля» и пр.). Оставшись по смерти отца королемъ Чешскимъ, Брунцвикъ жаждалъ прославиться рыпарскими дённіями, бросиль свою молодую жену и пустился въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ жестокая буря настигла ихъ, и корабль увлеченъ былъ теченіемъ къ магнитной горь, притягивавшей къ себь всь корабли, которые приближались къ ней на пятвадцать миль. Путники успъли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились, кругомъ были видны остатки разрушенныхъ кораблей и человъческія кости; внутрь горы трудно было проникнуть, потому что островъ обитаемъ былъ чудными и страшными существами. Етранники вробыли тамъ три года; наконецъ ихъ осталось только двое -Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядька. Но спасся одинъ королевичъ: мудрый дядька зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ ее кровью и положиль на горь; черезь десять дней придетьла птица ного, которая въ извъстное время появлялась на этомъ островћ; она ехватила зашитаго въ кожу Брунцвика и унесла его въ далекія страны, куда человькъ можеть дойдти только въ три года. Королевичъ убилъ птенцовъ нога, которымъ отдала его чудовищиая птица, и отправился на новыя приключенія; ходя по горамъ и отыскивая какихъ нибудь признаковъ человъческаго жилья, онъ услышаль страшный «зукъ» — это левъ боролся съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ льву убить девятиглаваго василиска, и съ тъхъ поръ благодарный левъ не оставлялъ королевича ви на минуту. Вытесть они отправились черезъ море къ городу, который увидель Брунцвикъ

съ высокаго дерева; на дорогѣ попалась имъ карбункуловая. гора и королевичь откололь себь большой самоцвытный камень. Но прибывши въ завиденный городъ, Брунцвикъ ужаснулся, когда увиделъ царя Алимбруса, имевшаго глаза впереди и пазади, окруженнаго чудовищными людьми. Алимбрусъ спросиль его, своею ли волею пришель онь или нуждою, и объщалъ пропустить Брунцвика черезъ желазныя врата въ царство его, если только онь освободить дочь Алимбруса отъ ужаснаго василиска. Королевичъ сѣлъ въ корабль и отправился во вражье царство: у городскихъ воротъ встрътилъ онъ морскія «потворы» т. е. чудовища, и съ помощью льва убилъ ихъ; такимъ же образомъ прошелъ онъ вторыя и третьи ворота, наконецъ проникъ въ городъ, гдф увидфлъ богатства изумительныя. Во дворці: встрітила его красавица Африка, находившаяся въ неволь у жестокаго василиска; вскорь явился и владыка этой страны, окруженный целою тучею гадовъ, чудовищъ и «привидіній» морскихъ. Долго длилась битва, наконецъ Брунцвикъ побъдилъ, и излечивши раны кореньями, принесенными львомъ, отвезъ Африку къ отцу. Въ награду за ея освобожденіе, Брунцвикъ долженъ былъ жениться на ней и получилъ огромныя богатства, но ничто не могло замънить ему отечества и онъ съ нетерпъніемъ ждалъ случая вырваться изъ неволи. Счастье и здъсь служило ему: королевичъ успълъ достать «мечь-кладенецъ», который тому служить, кого любить, и убиваеть въ одинъ разъ столько, сколько его владатель захочетъ. Испытавъ его свойства надъ сильными звърями, Брунцвикъ истребилъ все царство Алимбруса и поплыль вийсти со львомъ на родину. На дорогъ ему представлялись новыя приключенія и опасности, но мечь-кладенецъ всегда спасалъ его. Наконецъ Брунцвикъ прибыль къ стольному городу Прага въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, снова выходила замужъ, принуждаемая отдомъ своимъ. Она узнала однако въ прівзжемъ рыцарв Брунцвика, и онъ вошель въ права свои, задалъ великій пиръ на вельможъ и бояръ и на рыцарей, и всъхъ дарилъ своими богатствами. Повъсть оканчивается такимъ образомъ: «Брунсвикъ же повелѣ во всѣхъ странахъ проповедать победы своя, -- о всякихъ вещахъ кралевскихъ лва писать со единыя страны, а съ другія страны писать орда, на красной земли (т. е. діло идеть о гербі). И тако Брунсвикь поживе во своемъ кралевскомъ величестві тридцать пять літь, и приживь съ Неоменіею единаго сына и нарече имя ему Владиславь, и въ доброй старости скончася и погребенъ бысть честно. Мечь же тоть по смерти Брунсвикові не имін силы и бысть яко протчіи; девъ же по смерти Брунсвикові велми нача тужити и тосковати по Брунсвикі, и съ тоя.... веливія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струи слезы текуще, и приде левъ на гробъ Брунсвику и въ жалости велии воскричаль, и паде на землю мертвъ, и тако скличася Брунсвикъ и левъ»....

Въ Чешской литературъ романъ, передававшій исторію Брунцвика, Kronika o Bruncwikowi, извъстенъ быль очень давно и напечатанъ уже въ 1565 г. выбств съ исторіей отца его Штильфрида и известной амазонки Власты. Онъ напечатанъ былъ нъсколько разъ и послъ, наконецъ изданъ Ганкой по рукописи въ книжкв: Stará powest o Stojmírowi a Bruncwíkowi knižatech českých, w Praze 1827 (Jungmann, Hist. 66). Романъ этогъ не былъ самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ Чешской литературы и относится уже къ тому времени, когда чисто-національный эпосъ уступиль первенство романтическому вліянію западныхъ литературъ, особливо Нѣмецкой. Цѣлая постройка романа отзывается этимъ чуждымъ началомъ, которое впрочемъ сильно привилось въ литературъ Чешской отъ общирнаго знакомства съ Германскими и Романскими поэмами и рыцарскими исторіями; повъсть о Брунцвикъ по характеру сюжета . совершенно примыкаетъ къ этимъ последнимъ. Въ ней повторяются даже многія подробности, наиболье извъстныя въ романтическомъ эпосъ: таковъ эпизодъ о магнитной горъ, притянувшей корабль Чешскаго авантюриста; повырые о магнитной горъ середи моря вставлено во многихъ произведеніяхъ и восточныхъ, какъ въ Тысячь и Одной ночи, и въ западныхъ. Многіе герои испытывали то же приключеніе, какое случилось съ Брунцвикомъ, когда онъ очутился на волшебномъ островъ; и самое освобождение его посредствомъ исполинской птицы нога есть буквальное повторение того, что разсказывается о генов

Французскаго pomana Huon de Bourdeaux, который точно такъ же запесенъ былъ къ магнитному острову и потомъ избавленъ былъ грифомъ. Славянское имя птицы, уже извъстное намъ изъ сказки о Синагрипъ, равнозначительно съ грифомъ. Другія обстоятельства въ приключеніяхъ Брунцвика, напримъръ встреча съ вертящимися людьми, принадлежать той же Французской исторіи, считающейся однимъ изъ лучшихъ и любопытивищихъ романовъ рыдарскихъ. Чешскій сочинитель безъ сомивнія зналь и передвлываль или самый этоть романь, или какую нибудь изъ Німецкихъ поэмъ, стоящихъ въ связи съ Гюономъ Бурдосскимъ. Наша повъсть переведена въроятно прямо съ Чешскаго подлинника, едва замфтные следы котораго можно еще видъть въ чизанномъ нами текстъ; притомъ, сколько намъ извъстно, Польскій переводъ хроники о Брунцвикъ и не упоминается. Повъсть нравилась конечно Русскимъ читателямъ, потому что въ фантастическихъ похожденияхъ героя были общія черты съ вымыслами народныхъ нащихъ сказокъ и преданій. Любопытно въ отношеніи къ последнимъ, что въ повъсти о Брунцвикъ является на сцену мечь-кладенець, необходимая принадлежность сказочныхъ богатырей. Едва ли эта подробность вставлена была Русскимъ переводчикомъ; мы думаемъ скорве, что она перепла въ народные разсказы изъ рукописной повъсти, тъмъ болъе, что богатыри былинъ, болъе независимые отъ произвола разсказчика, почти никогда не фигурирують съ мечомъ-кладенцомъ, который предоставленъ сказкъ. Заметимъ также, что въ нашихъ сказкахъ упоминается и назай-птица (т. е. ногъ), выносящая сказочнаго царевича изъ подземнаго царства на святую Русь, и едва ли не заимствовавшая и которых в особенностей своих в изг старинной рукописной повъсти, гдъ, какъ мы видъли, она упоминается нередио и притомъ съ одинаковыми свойствами. Сравн. народную сказку объ Игнатът паревичт и о Суворт невидимкт-мужичкт въ «Аткарствт отъ задумчивости и безсонницы», Спб. 1815, 34 стр.).

Сказаніе о Брунцвикт и повъсть о Василіт королевичт златовласомъ Чешскія земли въ литературно-историческомъ отношеніи интересны особенно по своему Чешскому происхожленію (несомнительному, по крайней мірів, въ первомъ случаві, потому что предполагають существованіе нівкоторыхъ литературныхъ связей, и слівдовательно расширяють горизонть старой нашей письменности. Въ сказаніи о Брунцвиків западный романъ перешель къ намъ въ Славянской переділків; обрашаемся теперь къ другимъ произведеніямъ этого рода, явившимся у насъ боліве непосредственно, и отъ того, быть можеть, принятымъ не съ такою охотой.

— Распространеніе повёрья о магнитной горів, въ средневівновых в памятникахь, указано у Grässe, Sagenkreise 339,— Liebrechi's Dunlop 128—129, 477.

VIII.

Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинь. — Исторія Петра Златые-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повъсть «изъ древнихъ льтописцевъ». — Повъсть о княгинъ Алдореской. — Аполлонъ, король Тирскій. — Исторія о Бовъ королевичъ или Buovo d'Antona.

Потребность въ такомъ чтеніи, каковы были рыцарскіе романы, еще смутно проявлялась въ это время, но уже заронялась въ Русской письменности. Различныя сказанія, которыми наполнялись до того переводныя книги, имфли съ ними общее, какъ произведенья фантазіи, удовлетворявшія любви къ чудесному, всегда сильной при невысокомъ развитіи литературныхъ понятій; эти повъсти сохраняли свой авторитеть до конца стараго періода, съ большимъ прилежаніемъ переписывались въ сборники, но уже даютъ місто новымъ произведеніямъ, отличнымъ отъ нихъ по основному характеру. Рыцарскіе романы появились у насъ большею частію во второй половинѣ XVII столътія, и если судить по количеству списковъ, нашли сочувствіе въ тогдашней публикъ. Въ западно-Европейскихъ литературахъ въто время уже проходила для нихъ прежняя блестящая пора; семнадцатое стольтие было временемъ упадка рыцарскихъ романовъ и перехода ихъ въ составъ популярной дитературы, которой они принадлежатъ, теперь. Они были сначала общимъ достояніемъ всіхъ читателей, но въ послідствін, съ развитіемъ образованности, ръзче опредълилась и разница между отдъльными классами общества: образованная половина его имѣла уже новую литературу, а старинныя произведенья среднихъ въковъ, потерявшія для нея большую часть своей занимательности, эти рыцарскіе романы и волшебныя исторіи сдѣлались чтеніемъ простаго народа. Подобная роль суждена была имъ и у насъ: тѣ изъ старинныхъ переводовъ нашихъ, которые не совсѣмъ еще забыты, сохраняются только въ лубочныхъ изланіяхъ.

Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа былъ конецъ среднихъ въковъ. Основание ему положили поэмы и пъсни о рыцарскихъ похожденіяхъ, явившіяся въ эпоху сильнъйшаго развитія феодализма; нівсколько поздніве, онъ приняль свою окончательную форму, и вместе съ другими преданьями и сагами среднихъ въковъ, получилъ обширное распространение: каждая замѣчательная исторія имѣла множество переводовъ и была знакома цълой массъ читателей вдалекъ отъ первоначальной родины. Одинъ герой, особенно знаменитый своими доблестями. и подвигами, становился даже предметомъ цълаго романическаго цикла. Иные изъ романовъ переводимы были почти на всѣ Европейскіе языки, первопечатныя изданія ихъ принадлежатъ къ числу древивишихъ и ръдчайшихъ инкунабуловъ. Възаключение своихъ странствований рыцарские романы, путемъ Польскихъ переводовъ, заходили и въ нашу старинную письменность. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, ижжной и самоотверженной, то нравились богатырскія похожденія, описанныя въ этихъ исторіяхъ: Физическая сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать трудные подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дълъ стали рядомъ съ чисто-народными произведеніями. Такимъ героемъ былъ, напримъръ, Бова-королевичь, теперь личность нъсколько тривіяльная, но въ свое время привлекавшая къ себъ большое сочувствіе. Въ одномъ спискъ его исторіи, принадлежащемъ XVII въку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ такимъ образомъ, заканчивая повъсть: «и почелъ Бова жить на старинѣ... лиха избывать, а добра наживать, а Бове слава не минетца, отныне и до вѣка» (Толст. 2.215, л. 404). Мы увадимъ,
какъ подобные взгляды оставили слѣды и на самой внѣшноста
романа. Быть можеть, фантастическое въ описаніяхъ геройскихъ
подвиговъ со временемъ перестало быть единственнымъ витересомъ, какой находили читатели въ рыцарскихъ исторіяхъ;
могли выдвивуться и другія стороны произведеній, пришедшяхъ
къ намъ изъ литературъ западно-Европейскихъ, именно тѣ стороны, гдѣ событія прямо основываются на нравственномъ понятіи. Конечно и здѣсь наша точка эрѣнія вмѣла нѣчто особенное....

Главное, чты рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи пріобръли значеніе въ то время, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту кълегкому и пріятному чтенію; отсюда названіе ихъ «потыпныя книги», оттого они нерыжо представлялись въ «лицахъ» или въ «личныхъ фигурахъ», съ которыми уцелели до сихъ поръ вълубочныхъ изданіяхъ. Г. Забълинъ упоминаеть о потъщныхъ книгахъ, служившихъ забавой царевичамъ (Отеч. Зап. 1854. 12, 117): книги эти богато переплетались, картинки разрисовывались яркими красками съ золотомъ и серебромъ. Нъкоторые сохранившеся списки подобныхъ книгъ, какъ одна изъ Толстовскихъ рукописей Александріи, дають понятіе о роскошныхъ изданіяхъ того времени. Распространение переводныхъ романовъ опредъляется между прочимъ разнообразіемъ списковъ ихъ, которое иногда должно объяснять не варіантами одного текста, а существованіемъ разныхъ переводовъ.

Обращаясь къ перечисленію извістных у насъ въ старину рыцарских романовъ, замітимъ прежде всего исторію Мелюзины или книгу о Мелюзинь, какъ называется она въ первыхъ двухъ изданіяхъ, Французскомъ и Німецкомъ. Въ нашихъ рукописяхъ она встрічается гораздо ріже другихъ романовъ; и до сихъ поръ попалась намъ только въ одномъ экземилярів. По содержанію относять ее къ циклу сказавій о Карлів Великомъ, или къ числу сказокъ о феяхъ, потому что одно изъ главныхъ дійствующихъ лицъ исторіи, Мелюзина, была дочь волиебщицы Персины, сама обладавшая сверхъестественными знаніями

я могуществомъ. За непочтеніе къ отцу Мелюзина была наказана тъмъ, что каждую субботу должна была обращаться въ эм тю, или въ полу-человтка, полу-зм тю; только нашедши себт супруга, который бы согласился знать за ней этот ь недостатокъ, Мелюзина могла избавиться отъ непріятныхъ превращеній. Въ Пуату она увильла графа Раймунда, который соотвытствоваль ея исканіямъ; Раймундъ согласился на условіе не видъть Мелюзины каждую субботу, когда она должна была совершать волшебныя омовенія, — и бракъ быль заключенъ. Они жили счастливо: у Раймунда было уже несколько сыновей, счастливо начинавшихъ рыцарскую каррьеру; при помощи волшебства Мелюзины явились у него кръпкіе, неприступные замки — Лузиньянъ, Ла-Рошель и другіе; онъ пріобръль большія богатства. Но потомъ братъ Раймунда поселялъ въ немъ разныя подоэрвнія; возбуждаемый ими, онъ парушиль объщаніе, - в какъ только Мелюзина зам'втила однажды присутствіе посторонняго лица, она изчезла съ громкимъ крикомъ печали и унесла съ собой спокойствие и удачи Раймунда. Историки прибавляють, что въ последствін. когда графамъ Лувиньянъ, потомкамъ Раймунда, грозило какое нибудь бъдствіе, Мелюзина каждый разъ являлась, за три дни, на башић замка въ Пуату, построеннаго ея супругомъ; последнее появление ея относять къ тому времени, когда въ эпоху междоусобныхъ войнъ во Франціи, замокъ послѣ жраброй обороны взять быль герцогомъ Монцансье, 1574 г.

Первоначальная основа романа лежить конечно въм астномъ народномъ предацьть и связана съ повъръями о фенхъ. Превращей женщины въ эмію есть довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ варьируется и въ нашей сказкъ о богатыръ, который женится на отвратительной лягушкъ, но потомъ эта лягушка оказывается прекрасной женщивой и сильной волшебницей. Въ исторіи Мелюзины зам'ячателенъ между прочимъ эпизодъ о томъ, какъ Раймундъ получилъ столько земли, сколько можетъ запять кожа оленя (или быка): въ Нъмецкихъ сагахъ этотъ разсказъ относится къ родовачальнику графовъ Мансфельдъ (1113), у Англичанъ онъ привязанъ къ преданью о прибытій въ Британію Генгиста и Горза (Dunlop 514), и имъ же объясняется происхождение имени

Гайдъ-парка; у древнихъ тоже разсказывалось объ основательницѣ Кароагена, которая купивши у туземцевъ столько земли. сколько покроетъ кожа быка, разрѣзала кожу на тончайшія полоски и заняла такимъ образомъ гораздо больше земли, чъмъ тѣ думали, — оттого самое мѣсто называлось въ послѣдствів Byrsa (Justin. Hist. XVIII. 5) Первая редакція романа появилась въ 1389 г., когда нъкто Жанъ-д'Арра (Jean-d'Arras) по повельвію герцога Берри и короля Карла V собралъ преданія, касавшіяся фен Мелюзины. Эта исторія прошла черезъ руки другаго переделывателя, который придаль героине такой блескь, что знаменитыя Французскія фамиліи Люксембургъ, Роганъ и другія дозволили поддълать немного свои родословныя деревья, чтобы происходить отъ славной фен. Отсюда ведетъ начало, въроятно переведенный съ Латинскаго, Французскій романъ въ прозъ, напечатанный въ Женевъ 1478 г.: Cy finist le liure de Melusine en fracoys imprime par maistre Adam Steinschaber natif de Suinfurt en la noble cite de Geneve, lan de grace mil cccc lxxviij ou mois doust. (в goth.), — за которымъ въ 1489 г. появилась редакція Испанская, въ 1500 г. Нидерландская. Въ Нівмецкой литературъ изданіе «книги о Мелюзинъ» вышло въ 1474 г., сліздовательно даже раньше Французскаго; у Нізмцевъ эта исторія печаталась очень часто и до сихъ поръ удержалась въ числъ народныхъ книгъ (Marbach's Volksb. Leipz. 1838 № 3). Отъ Намцевь она перешла въ литературу Датскую и потомъ Шведскую; въ половинъ XVI стольтія, изъ Нъмецкаго перевода явилась Чешская редакція: Kronika kratochwilná o ctné a šlechetné pannè Meluzine, w Prostejowě 1555, печатавшаяся и послѣ, и потомъ изъ того же источника немного позднѣе произошель Польскій переводь (Maciejowski, Piśm. 2, 898), посредствомъ котораго исторія о Мелюзинъ достигла наконецъ Русской старинной письменности.

Нашъ переводъ находится въ Толст. рукописи 2. 218 Публ. Б-ки XVII. Q. 8, скороп. XVII-го въка. Рукопись, написанная презвычайно старательно, заключаетъ только двъ статьи: описание Царяграда и султанскаго двора, переведенное кажется изъ Старовольскаго и извъстное также по другимъ спискамъ, и затъмъ л. 83 — 185 романъ о Мелюзинъ, неимъющій заглавія,

какъ и первая статья, и потому отмъченный въ печатномъ каталогъ весьма неясно. Нъсколько страницъ въ началъ занято оглавленіемъ романа т. е. перечетомъ главъ его: «о произведеніи и началь Лозаны града, и како народъ тъхъ господъ во Францыи начася», «како граоъ Емерикъ Потирскаго граоа на угощеніе звалъ, и двоихъ дътеи от него желаше, что онъ ему зъло радъ поволилъ»,... «како Раимунду мъсто вымърено, елико кожа еленя объяти можаше, и како ему правомъ подтверди» и т. п. Въ последней главе романа изчислены переводы исторіи, «которая съ Францужского языка на Латинскій переведена бысть льта отъ Рожества Христова 1400, съ Нъмецкого же на Полскіи преведена лета Господня 1569, - нынеже съ Полского на Словено-Россискій языкъ преведена льта 7185 (= 1677) Генваря въ 12 день». Русскому переводчику принадлежитъ здѣсь конечно только последнее известіе, а первыя находятся уже въ Польскомъ изданіи. Переводъ нашъ страдаетъ немного полонизмами; иногда приняты Польскія слова, иногда поставлены Русскія въ неправильной форм'в или значеніи, напр, «лозанчикъ» (житель Лозаны), «опаство», «поволить» и др.

ov antigered freedominational Сведенія объ этомъ романе у Grässe, Sagenkr. 382 ff.; — Dunlop 405-406, 481; - Brunet, Manuel du libraire et de l'amateur de livres, Brux. 1838. 2, 532; - Jungmann, Hist. 67; - Grimm, D. Sagen 1, No 13. Изъ новыхъ изданій зам'тимъ: Fr. Michel, Mellusine, poëme relatif à cette fée poitevine, composée dans le XIV siècle, par Couldrette. Niort, Robin et Favre 1854.

Гораздо бол ве обратилъ у насъ внимание другой романъ, который въ позднейшей переделке до сихъ поръ занимаетъ досуги читателей изъ простаго народа. Это - исторія о храбромъ князъ Петръ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королеви В Магилен В Неаполитанской. Французскій романъ, бывшій первообразомъ нашей исторіи, также относять къ числу сказаній объ эпох в Карла Великаго; древн вішую редакцію его находять уже въ XII стольтіи. Въ немъ разсказывается судьба двухъ нѣжныхъ любовниковъ, Петра, графа Провансскаго, и Магелоны, у насъ называемой обыкновенно Магиленою, дочери

короля Неаполитанского: разлученные несчастными обетоятельствами, они долго страдали, не имбя другъ о другъ никаной вести, наконецъ после длинныхъ приключений снова увиделись. Несмотря на разлуку, на бъдствія, они не забывали другь друга; наконецъ върная любовь и благочестіе ихъ были награждены, и послъ того Петръ Золотые-Ключи и прекрасная Магелона жило долго и счастливо. Сюжетъ романа — слишкомъ общій и развивается во множествъ другихъ произведеній; можно впрочемь замітить нісколько повістей, имінощих в ближайние отновнение къ исторіи Петра и Магелоны. Такова въ Тысячь и Одной ночи повъсть о любви Камаральзамана, принца острова Хамедана и Бадуры, принцессы Китайской (Habicht 2-te Ausg. 5, 1 — 125), сходство которой могло быть и неслучайно, вотому что Арабскій сборникъ иміть несомнітнию связь съ повъстью и романомъ литературъ западно-Европейскихъ; таковы и Турецкія «приключенія Абдулъ-Селяма и принцессы Шельинесы». Другой Французскій романъ, основанный на томъ же сюжеть, roman de Paris et de Vienne, имъетъ большое сходство съ Петромъ Провансскимъ, не этотъ последній, кром в общаго направленія рыцарскаго романа, отличается особенною чертою, именно оттынкомъ тихой набожности, который отразился и на имени героя, избравшаго своимъ девизомъ золотые ключи св. Петра. Исторія Петра и Магелоны въ свое время находила себъ множество читателей, даже у Нъмцевъ, несмотря на иткоторое противоръче ея катомически - благочестиваго характера съ реформаторскимъ движениемъ тогдашней Гермавія; средве-Нъмецкая литература имъла даже самостоятельную обработку этого содержанія въ поэмъ: Daz ist der buzant (Gesammtabent. 1, 331 - 366.

Первая изв'ястная редакція романа относится уже ко второй половині XV віжа; до сихъ поръ остается однако не отыскана романская редакція въ стихахъ, и вообіне южно-Французская, на которую указываетъ самая родина героя. Изъ провансальской поэмы, приписываемой Бернару де-Триви (Веграта de Trivies), въ 1457 г. сділано было сіверно-Французское нереложеніе въ провів, напечатанное въ конці XV столітія. Однимъї изъ древнійшихъ изданій, по Брюне, было: La belle Maguelonne. Су

commence listoyre du vaillant cheualier pierre filz du conte de prouence et de la belle Maguelonne fille du roy de naples (imprime a lyon par maistre Guillaume le roy), безъ означенія времени; первое издание съ годомъ появилось въ 1490 г. Въроятно съ Французскаго исторія переведена была въ 1526 г. на Испанскій, а отсюда въ 1650 г. переложена была на Каталонское нарьчіе; впрочемъ, изъ изкоторыхъ упоминаній въ Донъ-Кихоть заключають, что еще прежде существовала Испанская поэма того же содержанія, болъе самобытно составленная. По Французскому подленнику въ 1521 г. сабланъ былъ в Нидерландскій переводъ, въ которомъ прова перемъщана со стихами; и только въ 1535 г. является Нъмецкій переводъ Петра и Магелоны, магистра Витена Варбека. Изъ литературы Нъмецкой романъ перешелъ въ 1662 г. въ Шведскую, но гораздо ранъе въ Чешскую, гдъ Historie o krásné kněžně Magelone a udatném гуції Petrowi вышла еще въ 1565 г. Въ нов'ящее время исторія Петра и Магелоны явилась на ново-Греческомъ и Исландскомъ языкъ; въ вародной литературъ Французской и Нъмецкой она до сихъ поръ печаталась множество разъ съ грубо гравированными картинками. Большое число Французскихъ изданій ведетъ начало съ XV стольтія; исторія вносилась и въ разные сборники рыцарскихъ и другихъ романовъ, напр. Bibliothèque des romans 1779, Bibliothèque bleue 1769 и др., гать исторія передана впрочемъ въ подновленномъ видъ, какъ и въ изданів графа де-Трессана Corps d'extraits de romans de chevalerie, Paris 1782, 1. 382 — 442. Одна изъ подобимкъ редакцій переведена была въ прошломъ столетіи на Русскій языкъ, подъ заглавіемъ «Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонъ». М. 1780. Смол. 1796.

Потышная книга вълицахъ «Петръ Золотые-Ключи», писанная уставомъ, добрымъ мастерствомъ, упоминается въ 1693 г. въ числъ книгъ царевича Алексъя Иетровича (Забълинъ, въ От. Зап. 1854. 12, 117), но переводъ нашъ сдъланъ былъ конечно еще раньне. Подлиниякомъ его была Польская historya о Маgielonie kvólewnie Neapolitańskiey, поздвъйшее изданіе которой, 1701 г., упомянуто въ библіографическомъ словаръ Эберта (Allg. Bibl. Lexicon, Leipz. 1821—30, Ж 12801; ср. Масіеровякі,

Pism. 3, 170). Г. Строевъ предполагалъ, что исторія Петра Золотыхъ-Ключей переведена съ Латинскаго; но во первыхъ Латинская редакція этой книги совершенно неизвъстиа, во вторыхъ многія слова Русскаго текста, какъ «шурмованье», «кроль», «шляхтичь» и т. п., не оставляють никакого сомивнія въ поллинникъ. Впрочемъ языкъ перевода много лучше, чъмъ въ книгь о Мелюзинь, и полонизмы не составляють замытнаго недостатка въ изложенія, доходящемъ нервако до чисто-народнаго склада. По нашему переводу XVII-го стольтія составилось и лубочное изданіе, сохраняющее до сихъ поръ нъкоторые слъды стараго текста. Романъ передается здъсь очень коротко, весь онъ помінщается на восьми листахъ небольшаго формата, украшенныхъ по обыкновенію приличными картинками. Лубочныя изданія, подъ заглавіемъ «повъсть о благородномъ князъ Петръ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевиъ Магиленъ» или «исторія о храбромъ князь Петръ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной супругь его княгинь Магилень», довольно извъстны въ народномъ чтеніи и до нашего времени. Указываемъ далбе и рукописи романа изъ XVII-го и XVIII-го столфтія.

Вообще объ этомъ произведени см. Grässe, Sagenkr. 386 ff.; — V. d. Hagen, Gesammtabenteuer, Stuttg. u. Tüb. 1850. 1, схххіч ff.; — Brunet, Manuel 3, 508—509; — Jungmann, Hist. 67; — Nisard, Hist. des livres popul. 2, 455—459; — Marbach's Volkab. M. 5; — Simroek's Volkab. 1, 41—125 die schöne Magelone. Списки: — Забълина, въ скороп. сборн. XVII в., M. 68, романъ занищаетъ л. 243—338, беръ ваглавія и начальныхъ листорь, нач. «что я тебъ во всемъ върна была» — разговоромъ героини съ ея мамкой; — M. 82, сборн. XVIII в., въ которомъ находится «исторія или повъсть о славномъ и и храбромъ рыцаръ князъ Петръ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнъ Магиленъ Неополитанской».

- Царскаго, № 438 сборн. XVII в., л. 177—249 исторія Петра, безъ начала и заглавія.
- Погодина, № 1774 сборн. XVIII в., д. 55—126 «исторія о славномъ рыцарѣ Неополитанскомъ внязѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о преврасной королевнѣ Магиленѣ дѣвиць, о житій и о похожденій ихъ», въ 48 статьяхъ или главахъ.

— Демидова, № 541 «исторія о храбромъ витезѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о королевнѣ Магиленѣ Неопалитанской. Лубочная наша сказва переведена на Нѣмецкій въ Russische Volksmährchen, v. A. Dietrich, Leipzig 1831, 192—199.

Третій переводный романъ старинной нашей литературы, повъсть о преславноми Римскоми кесаръ Оттонь, представляетъ новый оттенокъ въ сравнени съ двумя первыми и имъетъ длинную литературную исторію, въ которой мізняеть и названіе и дъйствующія лица, сохраняя главныя обстоятельства содержанія. Кесарь Оттонъ, или по другимъ западнымъ редакціямъ Октавіанъ, удалилъ отъ себя и оставилъ на произволъ судьбы супругу свою, которую клевета обвиняла въ невърности. Несчастная мать, съ двумя маленькими дътьми близнецами, должна была идти, куда глаза глядять, и заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищеннаго обезьяной, а потомъ и другаго, унесеннаго львицей. Впрочемъ ни тотъ, ни другой не погибъ: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ, и въ последствіи, отличивтись подвигами при нападеніи Египетскаго султана на Францію, быль торжественно посвящень върыцари. Судьба втораго сына была оригинальные: когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вибстб съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островъ, гдъ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ техъ поръ онъ жилъ витстт съ матерью. Во время нашествія Египетскаго султана, Ліонъ, — названный такъ отъ похищенія львицею, — успіль освободить Флоренса и самого Октавіана, захваченныхъ непріятелемъ, и затъмъ взялъ въ павнъ и Египетскаго султана. Следуетъ общее свиданье: Октавіанъ или Оттонъ узнаетъ детей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Ліонъ женится на дочери короля Испанскаго и делается его наследникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью Египетскаго султана, принявшей вытесть съ отцомъ христіанскую віру, и дівлается королемъ Англійскимъ.

Древивійшая извістная редакція этого сюжета есть Франпузская поэма, изъ которой въ послідствій явился прозаическій романь, изданный въ Парижі 1560 г., s. a., подъ названісмъ L'histoire de Florent et Lyon, enfants de l'empereur de Rome. Но и Французская, и Англійская обработка романа указываютъ на Латинскую редакцію, служившую для нихъ основаніемъ; она до сихъ поръ неизвъстна. Кромъ Англійской существуетъ также Нъмецкая передълка, XVI-го стольтія, и затъмъ Датская, Шведская и Нидерландская. Ближайшее отношение къ исторіи объ Оттонъ имъють другіе романы, напр. histoire de Valentin et Orson, переносящая дъйствіе въ Константинополь, какъ и Французская народная книга подобнаго содержанія histoire de la belle Hélène de Constantinople, гдъ мъсто жестокаго Октавіана занимаєть Греческій императоръ Антоній. Исторія Валентина и Орсона составлена по той же канві, какъ и нашъ романъ: одинъ изъ героевъ точно такъ же получаетъ имя отъ медвъдицы (ourse), накъ тамъ Ліонъ отъ львицы; отличіе только въ развязкъ, которая въ Валентинъ и Орсонъ не такъ блистательна для героевъ. Эта последняя редакція до сихъ поръ удержалась въ числе популярныхъ Французскихъ книгъ; у Нъмцевъ напротивъ осталась исторія Октавіана.

Русскій переводъ романа относится опять ко второй половинь XVII вѣка, и къ тому же 1677 году, какъ исторія Мелюзины. Въ рукописи Царск. начала XVIII-го вѣка, заключающей это произведеніе, отмѣчено, что исторія переведена съ Латинскаго, но въ просмотрѣнныхъ нами спискахъ Погодина и Забѣлина, XVII-го вѣка, одинаково указывается Польскій подлинникъ, что и справедливо. Текстъ нашего перевода представляетъ поэтому нѣкоторые полонизмы, напр. царь «обримскій» т. е. исполинскій (olbrzym, obrzym великань), «побожноев житіе и т. п. Въ переводчикѣ видно впрочемъ знаніе своего дѣла; передавая подлинникъ онъ старался иногда писать высокимъ слогомъ и употребляеть реторическіе и книжные обороты.

Подробности объ Октавіань у Grässe, Sagenkr. 279 — 281; — Nisard, Hist. des livres popul. 2, 525—530, такъ же 459—469; — Simrock's Volksb. 2, 241—424 Kaiser Octavianus.

Списки: — Погод. № 1771, рись XVII в. на 277 л. Первый листь съ заглавіемъ писанъ поздніє: «повість изрядная, полезная же п утінная о Оттопі цесарів Римстіять и о супругів его цесареві Олундів, юже со двіма чады своими въ

препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и наглаголанія матере своея, и како дивнымъ промысломъ в чюднымъ строеніемъ Божінмъ по многихъ льтехъ въ повнаніе и соединеніе пріидоша; преведеся сія чюдная повість с Полскаго явыка на Рускій, лета 7185 году августа, а отъ Рожества Спасителя 1677», нач. «во время господствованія во Франціи краля Дагоберта, въ Рим'в государствуя великосилным и непреодолимым Оттонъ, славным цесарь» и пр. На внутренней сторовъ переплета приписка: «лъта 7201-го (= 1693), генваря въ день, сія вига Дъй Римският о славивив цесаре Оттоне и о цесаревв его Маріи (sic), и о цесаревичахъ ихъ о Олоренсе и Леоне, Чюдова интря соборного старда Марка Щербакова, келейная..., писана въ Нижнемъ Новъграде, какъ былъ въ промышленикахъ названія главъ писаны киноварью; — № 1770, рись XVIII в. на 128 л. «гисторіа о Римскомъ цесари Оттонів м о цесаревь Адундь и о дътяхъ ихъ Јеонъ и о Фларенсъ, вышисана изъ Римскихъ льтописцовъ», нач. «во время государствованія во Францыи короля Догоберта, а въ Римѣ государствуя великосилный и неприборимый первы Оттонъ цесары.

- Забѣлина, въ сборн. XVII в. № 68, л. 1—242 «повѣсть изрядная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римстъмъ и о супругѣ его цесаревѣ Олундѣ» и т. д. какъ въ Погод., съ тѣмъ же замѣчаніемъ: «преведеся сія чюдная повѣсть с Полокого языка на Рускіи лѣта .. 85 (т. е. 7185) году августа въ ..., а отъ рожества Спасителя 1677 г.» Первые два листа, по ветхости, склеены въ одинъ; переводътотъ же самый; № 82, сборн. XVIII в. имѣетъ «исторію о Антонѣ цесарѣ Римскомъ и о супругѣ его цесаревѣ Олундѣ».
- Царск. № 448 сборн. 1718—32 г. •исторія изрядная, полезна и вельми дивна о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ и о супругѣ его цесаревѣ Алундѣ и т. д. Въ одной изъ рукописей Казанск. университета, вовѣйшаго письма, на л. 162—231 находится танъ же романъ объ Оттонѣ, бевъ заглавія; ем. Журн. М. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 40.

Въ сборникахъ XVII—XVIII-го стольтія встрычается очень часто другая повъсть, писанная на тоть же сюжеть; она короче Оттона и замычательна отсутствіемъ всякихъ собственныхъ именъ, мъсто льйствія такъ же остается въ неизвъстмости; отъ

того повъсть выходить довольно блъдна и безлична. Названіе ея - «повъсть, зъло полезна, выписана отъ древнихъ (и ии: Палестинскихъ) літописцовъ, изъ Римскихъ крониковъ», или «повъсть зъло душеполезна и умиленію достойна о царицъ и о дву сынохъ ея, и о львицъ», — названіе, такъ же неопредъленное. Кромъ того повъсть отличается отъ исторіи Оттона и ролью. которую играетъ львица, похотившая ребенка. Унесенный ею въ далекое отъ людей мъсто, ребенокъ выросъ и возмужалъ тамъ, наконецъ найденъ мореплавателями и взятъ на корабль, но львица всюду сафдовала за своимъ питомцемъ, не оставляла его и тогда, когда онъ, привыкши къ человъческому обществу, началь свои воинственныя даянія и вмаста съ братомъ сражался съ полчищами иноплеменниковъ: львица участвуетъ въ битвъ и истребляетъ множество враговъ. Любопытно, что подобная черта находится и во Французской народной исторія о Валентинъ и Орсонъ. Въ нъкоторыхъ спискахъ нашей повъсти прибавленъ эпизодъ о видъніи царя, имъвшемъ аллегорическій смыслъ и предвъшавшемъ описанныя приключенія. Не такъ давно, эта вторая редакція романа объ Оттоні, снова появилась въ литературѣ простаго народа между изданіями, какія назначаются исключительно для него. Она издана по рукописи 1720 г. подъ заглавіемъ «Повъсть зъло душт полезна, выписана отъ древнихъ летописцовъ, изъ Римскихъ хроникъ», М. 1847. 72 стр. Сколько известно, до техъ поръ повесть не была напечатана.

Укажемъ въсколько рукописныхъ вквемпляровъ ея: — Толст. 2. 140 сборн. XVII — XVIII в. л. 917 — 931 безъ начала; — 5. 31 л. 162 — 193; — 5. 103 л. 85 — 109 въроятно то же.

- Забълина, въ сборникахъ XVIII в. № 67 и № 82.
- Погодина, въ сборн. XVII—XVIII в. № 1 173 об. д. 4—32 «повъсть зъло полезна выписана отъ древнихъ дътописцевъ, изъ Римскихъ же кроновъ (sic), коя (= како) царица молилася Пресвятън Богородицъ, нач. «бысть въ Палестинскихъ странахъ».
- Царск. № 410 сборн. XVII в. л. 412—443; № 424 сборн. XVII в. л. 130—177; № 436 сборн. XVII—XVIII в. л. 117—140; № 440 сборн. XVII в. л. 336—371; —

 \mathcal{N} 443 сборн. вач. XVIII в. л. 184—223; — \mathcal{N} 446 сборн. вач. XVIII в. л. 164—178 ср. Погод. списовъ.

— Б-ки Московск. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. д. 218—232.

Въ рукописяхъ, заключающихъ исторію объ Оттонв и Алундъ, находится обыкновенно и повъсть правдивая о княпинь Альтдорфской, которая въроятно и въ подлинникъ помъщена была вмъстъ съ Оттономъ, потому что предисловіе ея вспоминаеть о «прежде писанети повъсти цесаря Оттона» и выводить изъ нея правственныя заключенія. Повесть имфеть пелью объяснить происхождение герба извъстной фамили Гвельфовъ. «по преложеніи же выжлецовь»: жена одного короля, осуждавшая свою очень плодовитую служанку, наказана была рожденіемъ вдругъ двінадцати сыновей, и рішилась погубить ихъ всьхъ, кромъ одного; намърение это было бы исполнено, если бы король, или князь, возвращаясь домой не встретиль женщину, которая хотьла утопить дътей въ ръкъ, называя ихъ щенками (выжлецы); отецъ узналъ детей по крику, взялъ ихъ у женщины, отдалъ на воспитаніе, и когда они выросли, торжественно представиль ихъ роднымъ своимъ и призналь ихъ собственными дътьми. Мать ихъ изъявила раскаяніе и была прощена мужемъ. Переводъ принадлежитъ въроятно тому же перу; языкъ отличается книжностью. Затёмъ слёдуетъ другая повъсть подобнаго содержанія и замътки, конечно Польскаго переводчика, о разныхъ необыкновенныхъ случаяхъ плодовитости женщинъ въ Польшѣ; анекдоты такого рода указаны уже нами въ «Великомъ Зерцалъ».

Преданія о происхожденіи Гвельфовъ см. у Grässe, Sagenkr. 73—74. Списки этихъ повъстей находятся въ указанныхъ прежде рукописяхъ: — Погод. № 1771 об. л. 262 «повъсть правдивая же и приличьна ко прежде явственней (sic) о внягинъ Анъдоровъской, иже единымъ чревоношеніемъ двоуналесять сыновъ породи», нач. «оказася въ прежде писанной повъсти цесаря Оттона надъ цесаревою его Алоундою и вадъ чалы его велико и лютое, суровое и жестокое мучительство» и пр., на об. 263 л. самая повъсть: далъе об. л. 272 «о въкоемъ вельможъ, иже имъ у себе тридесять

16

двоу сыновъ и восмь дщерей», нач. «Фридерикъ оныи цесарь Римскіи»; — Л. 1770 об. д. 120 «гисторія правдввая же и извістная о кнегині Алтьдороской» и пр., нач. «оказася въ прешедшей (sic) повісти, коликое лютое мучителство» и пр., даліве «повість истинная о предивномъ плодів», нач. «понеже есмы расположихомъ» и т. д.

- Забѣдина, № 68 л. 339—352 съ отдѣдьнымъ счетомъ лист., 1—14) «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явствованьнѣй о княгивѣ Алдороской, иже единымъ чревомношеніемъ двунадеся сыновъ породи», и проч.
- Въ упомянутой новой рукописи Казанск. универс., ва об. л. 231 235 «повъсть правдивая же и прилична ко прежде явственнъй о княгинъ Алтъдорской» и пр. Журн. М. Нар. Пр. 1854. Авг. стр. 41.

Въ числъ любимыхъ средне-въковыхъ романовъ была исторія о Аполлонь король Тирскомь, принадлежащая къ циклу такъ называемыхъ «античныхъ» сказаній; у насъ эта повъсть распространилась болье многихъ другихъ повыстей. Она разсказываеть любовь Аполлонія Тирскаго къ Тарсь, дочери короля Антіоха Сирійскаго, и несчастныя приключенія Аполлоній, который женился потомъ на дочери другаго короля, потерялъ жену и дочь, долго странствоваль, отыскивая ихъ, наконецъ нашель и ту и другую здравыми и невредимыми, и остатокъ своихъ дней провелъ благополучно. Въ прозамческомъ Греческомъ разсказъ эта исторія была уже извъстна въ XI стольтін; рукописи Латинскаго перевода, черезъ который она распространилась въ западныхъ литературахъ, восходятъ до XII въка. Отсюда ведуть начало разныя редакціи этого произведенія: одинъ Латинскій переводъ напечатанъ былъ около 1470 года, следовательно между древнейшими инкунабулами; другой вошель въ «Римскія Дъянія», гдъ составляеть 153-ю главу Латинскаго текста; третій, писанный леонинскими стихами, принадлежитъ Готфриду Витербо. На другихъ Европейскихъ языкахъ Аполлоній Тирскій появляется очевь рано. Испанская обработка относится къ XIII стольтію; еще древиве Англосаксонская, за которою следуеть несколько Англійскихъ переводовъ различнаго состава. О Французскихъ переводахъ намекають уже Провансальскіе поэты: Голландская народная книга объ Аполлоніи Тирскомъ явилась въ концѣ XV въка, такъ же какъ Итальянскій прозаическій и стихотворный пересказъ романа. Нъмецкая стихотворная передълка сдълана была въ XIII - XIV стольтій въроятно по «Римскимъ Дляніямъ», но и раньше этого времени Аполлоній Тирскій упоминается въ Нъмецкой литературъ какъ лицо извъстное; затъмъ слъдуетъ другой Нъмецкій переводъ въ прозъ, по Витербо, — котораго editio princeps относится учеными къ 1471 году. Исторія напечатана была въ XV столетіи несколько разъ и теперь известна какъ народная кцига. Послъ этихъ странствованій исторія Аполлонія опять возвратилась въ Греческую литературу, въ переводь, сдъланномъ 1500 г. Гавріиломъ Контіаномъ и печатавшемся не разъ въ Венеціи. Черезъ Нъмецкій переводъ романъ явился въ Датскую и Чешскую литературу; рукопись Чешской исторіи, kronika o Apollonowi krali Tyrském, Добровскій относить къ 1459 году (Gesch. d. böhm. Spr. 303), но печатныя изданія довольно поздии. По Німецкой, а можеть быть и Латинской, редакціи составленъ былъ предполагаемый нами Польскій переводъ, изъ котораго заимствована была старинная Русская «исторія».

Нашъ переводъ составляетъ обыкновенно последнюю главу въ «Римскихъ Даяніяхъ», но нерадко встрачается отдальною статьею въ сборникахъ, какъ самая общирная между ними повъсть. Большая часть рукописей, нами пересмотрънныхъ, представляють одинь тексть, съ неизбъжными варіантами; но этого нельзя сказать объодномъ спискъ Заоблина, имъющемъ общирныя разночтенія противъ другихъ списковъ, такъ что надобно предположить или двойной переводъ Аполлонія Тирскаго, или же постоянное переписыванье и поновление текста, тъмъ болъе возможное, что рукопись Забълина принадлежитъ XVIII въку. Въ этомъ последнемъ текстъ исчезаютъ полонизмы стариннаго перевода, имя королевны Люцины (Lucina) передълано въ Русское «Лучница» и т. п.

Содержаніе романа точно разекавано у Доилопа 35 — 36. Библіограф. укаванія у Grässe, Sagenkr. 457—460; — Simrock's Volksb. 3, 209—269 Apollonius von Tyrus, весьма сходный съ нашимъ; — Jungmann, Hist. 66.

Кром'в названныхъ при «Р. Дівніяхъ» рукописей Толст. 2. 15, Погол. № 1713, 1714, 1775, Царск. № 313, 440, 711, — отдільные списки Аполлонія встрічаются въ слідующихъ сборникахъ: — Толст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 405—458 «исторія о Апполонії, королії Тирскомъ, и о Тарсії королевнії, — прикладъ, что печаль преміняется въ радость», нач. «Антіохъ, король велми силны въ земли Греческой королевствовалъ»; — 2. 288 въ рукописи Домостроя XVII в., л. 180—20 вітроятно то же.

- Публ. Б-ки XIV. Q. 27 сборникъ Фролова XVIII стол., л. 103—152 (или 54—99) «гисторія о Аполлонъ король Тирскомъ и о королевнъ Тарсіъ».
- Забълина, въ сборникъ XVIII в. ${\cal N}$ 69 списокъ веполный.
- Царск. № 451 сборн. нач. XVIII в. л. 270—323 «прикладъ дивный: иному благъ Богъ и всесилный, како прелагаетъ печаль на радость, повъствуетъ о Аполлонъ, королъ Тирскомъ и о Страсіи (віс) кралевнъ.
- Погодин., сборн. № 1773 д. 306—335 «повъсть изрядная о Аполюнъ, царъ Кипрскомъ (sic) и о случаехъ и бъдахъ и печалехъ въ міръ семъ, и яко человъколюбіе Божіе николи же оставляетъ до конца погибнути, — начася же Антіохомъ царемъ», нач. «Антіохъ владътелный и великосилный и многословущій цесарь Греческій.

Самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ въ старину, можно назвать историо
Бовы королевича, которая, хотя и сдѣлалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго
разбора. Это конечно древнѣйшій между извѣстными у насъ
западными романами, и потому любопытнѣйшій для историка
популярной литературы. Первобытное отечество его давно уже
указано въ общихъ чертахъ, и Як. Гриммъ, въ первый разъ
яснѣе опредѣлившій его источникъ, сознается, что весьма труано прослѣдить тотъ путь, какимъ достигло до старой письменности нашей средне-вѣковое произведеніе, бывшее прототипомъ
сказки о Бовѣ королевичѣ. Имя героя указываетъ на извѣстный

рыцарскій романъ, относящійся къ циклу сказаній о Карлѣ Ведикомъ и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ въковъ, Reali di Francia, которую прежде считали произведеніемъ самого Алькуина. Новъйшіе ученые относять сочиненіе ея къ первой половинъ XIV въка или раньше, потому что въ это время она упоминается какъ вещь извъстная. Содержание Reali di Francia (т. е. Franciae Regales, по-Русски какъ бы «Королевичи Франціи»), въ полномъ составів поэмы, обнимаеть исторію Карла Великаго съ его потомствомъ и предками, въ числъ которыхъ находится и Константинъ Великій (ср. генеалогическую таблицу этого королевскаго рода, составленную по Reali di Francia Вал. Шмидтомъ, при Sagenkreise d. Mitt., v. Grässe); поэма раздѣляется на шесть книгъ, изъ нихъ четвертая посвящена нашему герою, Буово д'Антона. Послъ перваго изданія, вышедшаго 1491 г. въ Моденъ, поэма печаталась множество разъ до послъдняго времени, и заключая въ себъ богатый запасъ разсказовъ и преданій, сдёлалась источникомъ для многихъ поздивищихъ поэтовъ и романистовъ. Исторія Буово д'Антона такъ же нашла передълывателя, довольно самостоятельнаго: эта новая поэма, стихотворная, явилась въ первый разъ еще 1480 г. въ Болоньъ, и до XVII стольтія библіографы насчитываютъ до двадцати пяти изданій ея, — успіхъ, какимъ могутъ похвалиться немногія другія произведенія. Кром'в редакціи Итальянской, гав Буово является предкомъ Роланда, есть другая обработка этого содержанія, съверно-Французская: м'всто подвиговъ героя ясно указывается въ Англіи, гдв онъ завоевываетъ Гемптонширъ, хотя уже отецъ его Гвидонъ носитъ прозваніе d'Antona, что означаеть, по мижнію ижкоторыхъ, Саутгемптонъ, около котораго есть гора, до сихъ поръ извъстная подъ названіемъ Bevy-mount. Отъ того Англійскіе ученые признаютъ Буово англосаксомъ и пріурочивають его д'янія къ фактамъ своей первоначальной исторіи. Изъ старо-Французской поэмы составленъ былъ Пьеромъ дю-Ри (Pierre-du-Ries) стихотворный романъ: Beuves d'Antone (или d'Hanstone) et de sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie, и потомъ Англійское стихотвоpenie Sir Bevis of Hampton Изъ того же источника произошелъ Францизскій романъ въ прозт: Le livre de Beufues danthonne et de la belle Josienne sa mye, напечатанный въроятно въ концъ XV стольтія, и давшій содержаніе Нидерландской народной книгъ XVI въка Beuvyn und Susiame, и Англійскому старинному роману Syr Bevis of Hampton.

Такова была судьба исторіи Буово д'Антона въ литературахъ западныхъ; неизвестны дальнейшія ея странствованія. послѣ которыхъ она дошла до нашей письменности. Русская потешная книга, въ лицахъ, о Бове королевиче упоминается въ 1693 г. въчисле книгъ царевича Алексея Петровича (Забел. ів. 117), но по своему происхожденію несравненно старъе. Опредваяя начало ея, писатели наши доходили иногда до странныхъ предположеній, и Карамзинъ подсмівивается надъ Миллеромъ, который въ академической річи «о народахъ, въ Россіи обитавшихъ», сближалъ нашу сказку съ известіями Саксона грамматика и сравнивалъ Боуса и Одина съ Бовой и Додономъ (И. Г. Р. 1, пр. 96). Макаровъ. въ Телеграф в 1830. 22, стр. 161. признавалъ сказку Итальяно-Французскою и объяснялъ имена дъйствующихъ лицъ ея словами собственнаго изобрътенія, но потомъ, въ Телескопв 1833. 21, стр. 114, называлъ Бову народнымъ произведеніемъ, и даже приводилъ извістіе, что въ честь Полкана, или по его передалка Полехана, въ накоторыхъ губерніяхъ нашихъ совершается какое-то сельское торжество!

По собственнымъ именамъ героевъ, скоръе всего можно принять подлинникомъ нашей сказки Итальянскую редакцію, потому что хотя имена эти и сильно предъланы на Русскій ладъ, но очевидно происходятъ отъ Итальянскихъ. Мы не можемъ однако рѣшять, была ли заимствована наша сказка изъ отлѣльной стихотворной поэмы (Buovo d'Antona, libro chiamato Buovo d'Antona), или прямо изъ четвертой книги Reali di Francia; мы пользовались только этимъ послѣднимъ произведеніемъ, въ Венеціанскомъ изданіи 1667 г. Исторія Буово (въ 80 гл., р. 268—397) съ замѣчательной точностью передается въ нашей сказкѣ, впрочемъ довольно сокращенно; главныя обстоятельства соблюдены вѣрно, имена отчасти осмыслены Русскимъ про-изношеніемъ, отчасти же несходны съ Итальянскими, что зависѣло вѣроятно или отъ варіантовъ текста, или отъ того, что наши передѣлыватели основывались на другой Итальянской

редакціи. Боса, Виочо d'Antona, есть сынъ короля Гвидона, il duca Guidone d'Antona; супруга короля называется несходно съ нашей сказкой — Brandoria, figliuola del Rè Ottone bi Bordeus di Guascogna, дядька Симбалда — Sinibaldo; король Додонъ - Duodo di Maganza. Върный слуга Личарда въ Итальянскемъ тексть замыняется безъименнымъ послаиникомъ; дыка чернавка называется просто la cameriera; градъ Суминъ — Rocca Sansimone; «младой Ангусей», какъ назвался Бова въ Армянскомъ царствъ, - Agostino; конь ero, cauallo chiamato Rondello, переводится просто «богатырскимъ» конемъ. Король Армянскій и дочь его Дружневна — il Rè Erminione di Erminia, и Drusiana; король Маркобрунъ, который приходитъ «изъ града Данска» или изъ царства Задонскаго, есть Macabruno, Rè di Polonia. Когда родитель Друзіаны назначиль турнирь, чтобы выбрать ей жениха, ръшено было, che à questo tal torneamento non venisse alcuno, che non fosse christiano. При этомъ описывается, какимъ образомъ тхалъ Маркобрунъ на этотъ турниръ: onde à questo torneamento vennero molti gentil signori d'Armenia magna, e d'Armenia minore, vennero molti signori Greci; frà gli altri vi venne Macabruno Rè di Polonia, laqual Città è posta sul mar maggiore, et signoreggiaua questa città insino al fiume del Danubio, et in Romania, di là da Costantinopoli verso il Danubio: Venne questo Rè Macabruno per mare; et venne per lo stretto d'Elesponto con vn gran nauilio, et passò per lo Arcipelago, et costeggio Pelopes, l'Isola di Rhodi et l'Isola di Cipri (р. 287). Богатырь Лукопёръ, получившій такое Русское имя, называется Lucaferro di Buldras; онъ восточнаго происхожденія и потому въ нашей сказкъ отецъ его — Салтанъ Салтановичъ. Онъ также отправляется на турниръ, собравши большую дружину: il padre gli armò gran quantità de Caualieri Saracini, et venne in Bolsinara, et quiui ando cercando delli migliori, è più franchi Saracini del Mondo, et tanti valenti Turchi, quanti trouare vi potè (р. 291). Самъ Люкаферро описывается какъ huomo di sua persona molto franco. Наконецъ **Полканъ-богатырь изображается слёдующимъ образомъ:... vno** chiamato Pulicane, era costui mezo huomo et mezo cane, cane era dal mezo in giù, et huomo era dal mezo in su. Questo Pulicane correua tanto forte, che nessuno altro animale non lo potena giongere, e parlaua molto bene, — era Pulicane figliuolo di vn cane, e di vna donna Christiana, laquale fù signora di vna Città di Armenia chiamata Capadocia (р. 302). Вообще всв передълки именъ и обстоятельствъ говорятъ въ пользу непосредственности перехода Итальянскаго романа въ нашу популярную словесность; въ содержании и вившности сказки нашей изтъ никакихъ савдовъ другой посторонней обработки, что замътно во всъхъ другихъ повъстяхъ и романахъ, явившихся у насъ изъ дитературъ западныхъ. Существенное измѣненіе первобытнаго разсказа состоитъ только въ томъ, что къ нему въ общирныхъ разм'трахъ привился обыкновенный тонъ и подробности Русскаго сказочнаго эпоса. Важное доказательство старины нашей сказки представляютъ рукописи XVII в., излагающія ее въ такой отделанной форме, какую она могла получить только отъ сильнаго и продолжительнаго вліянія народности Русской. Въ старинныхъ спискахъ она отличается даже болбе народнымъ складомъ, чемъ въ последующихъ изданіяхъ, печатныхъ и лубочныхъ. Имя Бовы въ XVII столетіи было даже личнымъ именемъ.

Списки: — Толст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 365-404 «сказанія про храбраго витезя про Бову королевича», нач. «нъвкоемъ было царствъ, в великомъ государствъ, въ славномъ градъ во Антонъ и т. д.; рукопись привадлежала подъячему Розрядваго приказа Ивану Оедорову; — 2. 415 Публ. Б-ки XVII Q. 77 сборн. нач. XVIII в. л. 161 — 199 «сказаніе о храбромъ и прекрасномъ витяза Бовъ королевичъ и о прекрасной его королевиъ Дружевиъ-— Погод. № 1773 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 238 — 274 «сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича відо послушати дивно», нач. «бысть нъкіи король именемъ Гвидонъ въ славномъ градъ Антоновъ, младъ (юноша) велми и храбръ, и збираль себъ во градъ храбрыхъ витязей во златыхъ поясъхъ, и охочь быль въ чистомъ поль тешитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы» и т. д. вообще съ прибавками, которыхъ обывновенно не бываетъ. — См. такъ же списки Погод. № 1778—1780.

Переводы вашей сказки въ Dietrich, Russ. Volksm. 68—118; — Vogl, Die ält. Volksm. der Russen, Wien 1841.

143—201. Безчисленныя лубочныя изданія ділятся на дві категоріи: одна представляеть «полную» исторію Бовы, на 32 листкахъ; другая, сокращенная въ послідствій, поміщается на 8 листкахъ подъ заглавіемъ: «исторія о храбромь и славномъ витязі Бові королевичі и о смерти отца его». Число печатныхъ изданій такъ же значительно.

IX.

Польское литературное вліяніе въ XVII стольтія. — Семь мудрецовъ. — Апофесината. — «Смъхотворныя повъсти», средневъковыя фацеціи. — Русское сказаніе о злыхъ женахъ. — Иъкоторыя изъ новеллъ Боккаччьо въ старинномъ Русскомъ переводъ.

Мы замьтили уже значительное число фактовъ того посредвичества, черезъ которое Польская литература приносила въ старинную Русскую письменность произведенія западной повъсти и романа. Это посредничество составляетъ весьма замътное явленіе въ исторіи нашей древней литературы, хотя далеко не имбло того характера общности, какимъ отличалось вліяніе Византіи. Это последнее проистекало изъ техъ причинъ, которыя вообще подчиняють одинь народь и образование другому народу и образованію: зд'ясь одна сторона стояла выше другой по развитію и передавала ей плоды своей цивилизаціи и литературы, на сколько сама имъла ихъ. Отъ того древній періодъ нашей словесности, особенно испытавшій Греческое вліяніе, въ цъломъ составъ своемъ носитъ слъды Византійскаго характера. Не такъ обнаруживались связи, довольно впрочемъ тесныя, Русской и Польской литературы въ XVI — XVII въкахъ. Прежде всего между ними не существовало того важнаго отношенія, которое присоединяло нашу литературу къ Византійской, — не было единства въ образованія. Византія сообщила намъ не только характеръ своей духовной жизни, но вытеств съ нимъ и обильную часть своего литературнаго достоянія, въ памятникахъ духовныхъ, историческихъ сочиненіяхъ, повъстяхъ и сказаніяхъ; она передала намъ отчасти и особенности общественнаго быта, многія данныя своего законодательства, дізлилась наконецъ самыми дъятелями на поприцъ образованія.

Следствіент было то, что въ древней литератур'я нашей Византійское вліяніе было господствующимъ фактомъ, наложившимъ свою печать на всё ен произведенія, хотя и въ различной степени. Напротивъ здъсь направление дъятельнести политической в общественной были несходны, такъ что самая противоположность ихъ не допускала общирнаго вліянія со стороны Польской образованности, и литература Польская не могла дъйствовать на Русскую всъмъ объемомъ своего содержанія. При томъ, ея собственное зависимое положение относительно литературъ западныхъ не давало ей авторитета при столкновеніи съ нашею. Отъ того, дъйствие ея ограничивалось частными случаями и отдъльными родами произведеній; и знакомясь при ея посредствъ съ многочисленными сказаніями среднихъ въковъ, ваша литература твить не менве чуждалась явленій чисто Польскихъ, оставшихся у насъ почти неизвествыми. Не говоря объ обширной полемической литературь о вопросахъ религозныхъ, не входящей въ число фактокъ разбираемаго нами вліннія, у насъ переведены были несколько историковъ и летописцевъ **Иольскихъ, и потомъ ибсколько кингъ техническиго характера,** какъ Zielnik, существовавшій въ Русскомъ переводів по рукописи 1588 г. пр. Баузе, вли сочинений описательныхъ, какъ «Дворъ Турецкаго султана» и т. п., слевомъ вещи, не имфющія теснаго отношения къ литературе въ собственномъ смысле.

Существенная роль Польскаго вліянія состояла въ томъ, что оно принесло къ намъ знакомство съ повівстями, романами в новеллями, которые въ переділкахъ и переводахъ растространены были во всей западной Европі, и въ XVI — XVII столітіяхъ появились въ Польской литературі черезъ Латмискія, Французскія, или чаше Німецкія редакціи. Эти повісти встрітвли у насъ большое сочувствіе, тімъ боліве что Византійскій источникъ истощался, а потребность легкаго чтенія начала возрастать въ посліднее время. Польская литература всего скоріве могла быть посредницей въ этомъ случаї, потому что знаніе Европейскихъ языковъ было у насъ весьма незначительно и не могле поддерживать другихъ литературныхъ сношеній, между тімъ какъ Польскій языкъ взівстенъ быль очень многимъ. Старинные грамотіть наши какимъ то чутьемъ находили въ

Польской литератур'в знаменитыя новеллы и романы и передавали ихъ на своемъ языкъ.

Литературныя связи съ Польшей объусловливались двумя благопріятными обстоятельствами: распространеніемъ Польскаго языка въ западной и южной Руси, въ следствие политическаго господства, и Польскимъ устройствомъ южно-Русскихъ училицъ. Оживленная полемика по поводу унім и выходцы изъ южной и западной Руси, сделали знаніе Польскаго языка въ самой Москвъ довольно обыкновенною вещью. Переводъ съ Польскаго не представляль больших в затрудненій, потому что переводчику нередко случалось оставлять самыя выраженія подлиненка, давая только имъ Русскую фонетическую физіономію. Притомъ переводъ могъ совершаться мало-по-малу, почти самъ собой: Польская книга доставалась южно-Русскимъ читателямъ и легко переделывалась на ихъ литературный языкъ, имъвшій много Польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои Польскія черты, переходила къ Русскимъ читателямъ, у которыхъ съ несколькими новыми поправками могла идти за Русскій переводъ. Что приміры подобнаго рода были, можно заключать изъ некоторыхъ списковъ переводныхъ повестей, чрезвычайно отягощенныхъ полонизмами; несколько разныхъ списковъ даютъ возможность савдить за постепеннымъ преобравованіемъ языка отъ формъ на половину Польскихъ до чисто-Русскаго склада. Воспитанники Кіевской академін могли способствовать этому ознакомленію съ Польской литературой: ихъ Польское образование произвело особенный книжный языкъ, представляющій странную смісь разныхъ началъ, такъ что и ивсколько искусственный или натянутый языкъ переводныхъ повъстей не быль слишкомъ тяжель для того времени: къ нему привыкли такъ же, какъ въ эпоху петровскую привыкли ко множеству словъ иностранныхъ или буквально переделанных съ иностравнаго.

Обращаясь опять къ фактамъ, замѣтимъ переводы новеллъ, появившіеся въ XVII столѣтів. «Римскія Дѣявія» представляли большею частію только зародыни этихъ произведеній; въ другихъ сборникахъ новелла получила уже большее развитіе и сдѣлалась самобытнымъ литературнымъ явленіемъ. Такіе лег-

кіе и живые разсказы передавала знаменитая въ средніе въка повъсть о Семи Мудрецахь. Литературная судьба ея очень любопытна: почти всѣ Европейскія и многія восточныя литературы имъютъ или переводъ или передълку ея, въ продолжение долгихъ странствій своихъ, она измѣняла самое содержаніе, варрьируя его на одну главную тему, — такъ что, сравнивъ два противоположные вида ея, образовавшіеся независимо другъ отъ друга, нелегко привести ихъ къ одному прототипу. Первобытную редакцію пов'єсти, корень всіхъ позднійшихъ обработокъ, относятъ къ Индейской литературф; впрочемъ до сихъ поръ эти «притчи Сендабада» не были достаточно опредълены. Масуди, въ той главъ «Золотыхъ Луговъ», гдъ говорится о древнихъ царяхъ Индін, упоминаетъ о философѣ Сендабадѣ, современникъ царя Куру, написавшемъ книгу семи визврей, извъстную обыкновенно подъ названіемъ книги Сендабада. По свидетельству одного Персидского писателя, книга Сендабада ваписана была при династіи Арзакидовъ, 256-323 г. по Р.Х.; Арабскій и Персидскій переводы этого произведенія появились гораздо раньше Калилы-и-Димвы, хотя и не дошли до нашего времени. По этимъ древнимъ переводамъ составилось нъсколько восточныхъ подражаній: одно изъ нихъ, «исторія царя, его сына, любовницы и семи визирей» вошло въ Тысячу и Одву ночь; того же содержанія передъланный съ Арабскаго Турецкій романъ XV стольтія, «исторія сорока визирей», въ сокращеніи переведенная г. Григорьевымъ (Москв. 1844. 1, 94 — 122), и «исторія царевича Бактіара и десяти визирей», извъстная въ Арабской, Персидской и Тюркской редакціяхъ. Въ Европъ исторія Семи Мудрецовъ стала знакома посредствомъ Еврейскаго и Греческаго переводовъ. Еврейская редакція есть древитиній извъстный видъ повъсти, и составлена по Персидскому или Арабскому переводу тъмъ же раввиномъ Іоэлемъ, которому принадлежитъ и Еврейская редакція Калилы-и-Димны. Эпоха Греческаго перевода, сдъланнаго по Сирійскому или Персидскому подлиннику Мих. Андреопуломъ, въ точности веизвъстна (XI — XV ст.); съ этимъ переводомъ, носящимъ название Συντίπας, не должно смѣшивать другаго труда Андреопула, его перевода Персидскихъ басень предполагаемаго мудреца Синтипы

(Syntipae phil. pers. fabulae lxij, изданы проф. Маттеемъ въ Лейпцигь 1781). Наконецъ Латинскій переводъ, сдъланный съ Еврейскаго монахомъ Dam Jehans, получилъ уже название historia septem sapientum Romae и ввель эту повъсть въ среду литературъ западныхъ. Ближайшей обработкой Латинскаго перевода было большое стихотвореніе трувера Hebers или Herberts. въ XIII столътін, подъ названіемъ les Sept sages de Rome, или Dolopatos; затыть явился другой Французскій переводъ, къ которому примыкаютъ Англійская стихотворная обработка и прозанческій Французскій roman des sept Sages. Впрочемъ, еще въ XII стольтін исторія о Семи Мудредахъ извъстна была во Французской литературъ; та же повъсть передавалась и подъ другимъ названіемъ: Cassiodorius. Главнымъ источникомъ, откуда расходилась эта повъсть, быль однако Латинскій: отсюда произошли такъ же Англійская редакція, Нъмецкая (Sieben weisen Meister), Голландская, Датская, даже вторичная Латинская, обратно переданная на Латинскій языкъ юристомъ Модіемъ, который не зналъ, кажется о первоначальномъ Латинскомъ текств. Съ изобрътеніемъ книгопечатанія исторія Семи Мудрецовъ издавалась множество разъ и вошла въ число любимыхъ народвыхъ книгъ, особенно у Французовъ и Нъмцевъ; но не смотря на такую известность этого произведенія, новая Итальянская редакція пов'єсти: Li compassionevoli avvenimenti d'Erasto, явившаяся въ XVI въкъ, опять имъла большой успъхъ и была переведена на Французскій, Англійскій в Испанскій. Съ умноженіемъ видовъ исторіи, разнообразилось и содержаніе редакцій, въ готовую рамку пов'єсти вносились посторонніе разсказы, такъ что въ позднейшемъ «Эрасте» находится только одинъ разсказъ изъ тъхъ, какіе помъщены въ старинной Греческой редакціи. Имена дъйствующихъ лицъ также измінились: въ Греческой редакціи царь называется Киромъ, а мудрецъ - Синтипа; въ стихотвореніи Герберта главное лицо, королевичь, называется Луциніаномъ, отецъ его - король Сицилійскій Долопать, а мудрець, которому поручено воспитаніе королевскаго сына — Виргилій, одна изълюбим ташихъ личностей классического міра, къ которой отнесено было въ средніе въка много фантастических сказаній. Въ другихъ редакціяхъ царь носить имя Діоклитіана, а сынь его — имя Флорентина, или же царь называется Понціаномъ, а имя Діоклитіана относится къ его сыну; въ числі семи мудрецовъ древняя Французская повъсть, какъ и наша, упоминаетъ Катона, Лентула и проч. Исторія извъстна была и въ Славянскихъ литературахъ: Чешская kratochwilná kronika o sedmi mudrcích относится къ XVI стольтію; нъсколько разъ издавался Польскій переводъ подъ заглавіемъ: Historya piękna y ucieszna o Poncyanie cezarzu rzymskim, iako syna swego iedynego Dyoclecyana dał w naukę y ku wychowaniu siedmiu mędrcom, która w sobie wiele przykładów v powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu pożyteczna y potrzebna. Въ Русскомъ переводъ не встръчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по авалогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ быль Польскій. Въ поздивищихъ спискахъ изложеніе имветь вообще свои достоинства, такъ что повъсть о Семи Мудрецахъ по передачь на Русскомъ языкь стоить много выше другихъ переводныхъ произведеній, Языкъ перевода — довольно правильный Славянскій, бывшій въ книжномъ употребленів XVI — XVII стольтія. Тексть представляеть иногда весьма значительные варіанты, что завистло если не отъ разныхъ переводовъ, то отъ позднайшихъ поправокъ стараго чтенія; на такія поправки ясно уназываетъ одна Толстовская рукопись, глт къ повъсти замъчено: «написащася и исправищася съ древнихъ преводовъ въ 200 (т. е. 1692) году». Не имъя теперь свъдъній объ источникахъ нашей редакціи, мы не можемъ такъ же указать и времени ея составленія; можно думать только, что она старће упомянутыхъ нами прежде повъстей, переведенныхъ съ Польскаго. Списки ея довольно обынновенны въ старыхъ сборникахъ.

Booбще o Cemu Myapeuaxъ—Grässe, Lit.-Gesch. 2, 1, 462—465;—
Dunlop, Gesch. d. Pros. 196—198;— Jungmann. 143;— Wiszniewski, Hist. 7, 199;— Maciejowski, Piśm. 2, 894. Греческій тексть Андреопула издань Буассонадомь: Συντιπας. De Syntipa et Cyri filio Andreopuli narratio. Paris. 1828. Спеціальныя изслёдованія: Le Roux de Linoy, въ Essai sur les fables ind., par Lois.-Deslongehamps; Adalb. Reller, Li Romans des

sept sages, Tüb. 1836, — Dyocletianus Leben, Quedlinb. 1841; въ сожальнію, мы не пользовались изданіями Келлера.

Списки: Толст. 2. 181 Публ. Б-кв XVII. Q. 35 л. 461-559 «повъсть о семи мудрецахъ», нач. «Божією помощію бысть въ Римъ вороль Еліоарръ ;- 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сбори. XVII в. л. 299-365 «повъсти Римскіе области о нъкоемъ цесаръ именемъ Елеазаръ и о злои жевъ его и о сынь его Діоклитіань и о селми мулрецахъ», нач. «бысть убо въ Римстеи области цесарь именемъ Елеаваръ, мудростію же не совершенъ»; — 2. 370 Публ. Б-ки XV. Q. 28 рукопись, по мивнію составителей Толст. каталога, самою сочинителя (!), потому что исторію Семи Мудрецовъ они приписывали извъстному дьякону Каменевичу-Рвовскому; его же именемъ г. Строевъ означаетъ повъсть и въ каталогъ рук. Царскаго; — 3. 45 Публ. Б-ки XV. О. 2, сборн. XVII в. л. 207-886 «оказавіе предвино, пов'єсть о пысаріз (sic) и о сынь его Діонантіянь, нач. повыть убо вамь вещь сицеву. Бысть убо и пр.

- Погод,, сборн. XVII—XVIII в., № 1772 л. 101—187 повъсть о цесаръ Еліозаръ и о сынъ его Діоклитіанъ, нач. повъмъ убо вамъ вещь сицеву», какъ въ предыдущемъ спискъ; № 1773 л. 90—196 повъсть сія написашася о седми мудрецахъ, о цысаръ (sic) Еліазаръ и о сынъ его Діоклитіанъ зъло послушати дивно», нач. «бысть убо въ Римстъи области».
- Фродова, сборн. XVII в. Публ. В ви XV. Q. 31 л. 199 308 «повъсть о семи мудрепакъ и о Діоклитіанъ, въ 24 главахъ, безъ конца.
- Забъдина, въ сбори. XVIII в. № 82 «Книга глагодемая Седмь Мудрецовъ, сказаніе предивныхъ повъстей, о Римскомъ пысаръ Еліоваръ и о сынъ его Діоклитіанъ и о прелютой мачихъ его и о седми мудрецахъ, — повъсть изрядная»: — отрывокъ «гисторіи о цесаръ Елизаръ и сынъ Діоклитіанъ и о семи мудрецахъ», въ другомъ сбори. XVIII в. № 67.
- Царсв. № 389 сборн. XVII в. л. 132 210; № 440 id. л. 550 — 641; — № 693 сборн. XVIII в. л. 156 — 203.
- Списовъ исторін находится въ одновъ сборнивѣ Казансв. универс., XVIII вѣка, л. 1—49 «гисторія о Діовлитѣ Рим-

скомъ и о семи мудрецахъ: (Журн. Мин. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 30).

Повъсть о Семи Мудрецахъ представляетъ цълый рядъ отдельных новеля, соединенных одним обстоятельствомъ главнаго сюжета, какъ онъ соединены въ Испанскомъ «Графъ Луканоръ» и въ Итальянскомъ «Декамеронъ»: манера, заимствованная изъ сказочныхъ сборниковъ востока. Въ большей части редакцій, между прочимъ и въ нашей, завязка и развязка повъсти переданы такимъ образомъ. Одинъ король отдалъ своего сына на воспитание семи мудрецамъ, которые должны были научить его всякой премудрости; онв поселяются съ воспитанивкомъ своимъ вдалекъ отъ отца, который между тъмъ, потерявъ первую супругу, женился въ другой разъ. Лукавая мачиха ищеть средствъ погубить королевича, чтобы доставить престолъ своимъ дътямъ, и просить короля призвать ко двору сына, уже кончившаго образование. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знавій своихъ увидівли, что королевичь будетъ мъмо въ продолжение первыхъ семи дней по приводъ въ отцу, в что отъ того угрожаетъ ему большая опасность; но льлать было нечего, и они отправились. Король съ радостью встрътилъ сына, но королевичь вдругъ сталъ нъмъ, не отвътивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ, в, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія. рвшилась отомстить и оклеветала его передъ королемъ, и въ подкришение своихъ словь разсказываеть апологъ, гли доказывается, что не нужно щадить дурчаго дерева, которое можетъ только повредить хорошимъ. Король въ гиввъ велитъ казнить сына, - гибель его неизбъжна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются Семь Мудрецовъ. Когда королевичь былъ уже на ивств казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, идетъ къ царю и разсказываетъ ему повъсть или притчу, гдв обнаруживается весь вредъ поспъшности и довърія къ женщинамъ; увлеченный разсказомъ, король откладываетъ казнь. Тогда опять является на сцену мачиха, и разсказываеть новую повъсть, съ той моралью, что не должно поддаваться лживымъ словамъ придворных в совытниковы, которые часто бывають причиною всякаго зла и королямъ и государствамъ.... Такъ идеть въ теченіе семи дней: каждый разъ мачиха приводитъ короля къ пагубному рышенію и каждый разъ мудрецы отклоняють опасность. Наконецъ королевичь снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ взведенной на него клеветы и, напротивъ, выставляетъ наружу всв пороки мачихи, которая терцить должное наказаніе, — въ заключеніе королевичь разсказываеть еще одну повъсть, имъющую отношение къ его собственной судьбъ. Такимъ образомъ въ цълой исторіи, кромъ главнаго ея сюжета, включено семь разсказовъ королевы, повъсти каждаго изъ семи мудрецовъ и разсказъ королевича; впрочемъ, число вставныхъ повъстей не во всъхъ редакціяхъ одинаково. Что касается до характера ихъ, онъ стоятъ въ тъснъйшей связи съ новеллами старой Итальянской и другихъ литературъ, какъ увидимъ изъ разбора повъстей, находящихся въ нашемъ переводъ. По словамъ Донлопа, немногія произведенія среднихъ въковъ могутъ доставить такой прекрасный примфръ для объясненія генеалогів «странствующихъ» разсказовъ и непостижимо быстраго перехода ихъ изъ одной страны въ другую, какъ повъсть о Семи Мудрецахъ. Одни изъ ея разсказовъ принадлежатъ восточной фантазін, другіе вставлены европейскими перед влывателями, и всъ вмъстъ служили образцами и источниками поздиващихъ повъстей и исторій. Наши рукописи представляють следующія повести, заглавія которыхь приводимь по Толстовскому списку 3.45.

- Первая притча королевы «о нѣкоемъ древѣ и о огородникъ» (л. 225): возлъ цълебнаго дерева выросло другое, маленькое, и господинъ, надъясь, что молодое будетъ еще лучше, велълъ приставнику подрубить старое; но послъ того и новое деревцо, питавшееся соками стараго, засохло.
- Притча перваго мудреца «о пст и о соколт» (об. л. 230). Върная собака витесть съ соколомъ спасаетъ сына одного рыцаря, господина своего, отъ змфи; рыцарь, повтривъ словамъ глупой мамки и увидъвъ на собакъ кровь, подумалъ, что она загрызла ребенка и убилъ ее, и тогда только догадался объ ошибкъ, когда возлъ колыбели сына замътилъ мертвую змъю.

FT. BAU. - KH. IV. - OTA. II.

Повтореніе знаменитой Валлійской саги о Льювелинь в его собакъ; подобный сюжеть мы видъли впрочемъ въ Греческомъ и Русскомъ Стефанить; эта же повъсть «о псъ и ужъ» занесена в въ наши печатные сборники сказовъ (Дъдушк. Прогулки, М. 1819, на 6 стр.).

- Вторая притча королевы «о въкоемъ вепръ в о пастусъ» (об. л. 235). Въ одномъ лъсу появился страшный вепръ; многіе рыцари погибли, отважившись нападать на него. Наковецъ король объявилъ, что выдастъ свою дочь за того, кто успъетъ истребить свиръпаго звъря. Одинъ пастухъ, встрътивши въ лъсу вепря, влъзъ на виноградное дерево; вепрь бросился грызть корни, а пастухъ обрывалъ виноградныя вътви и кидалъ ему: вепрь началъ ъсть ягоды и наконецъ уснулъ; пастухъ сошелъ съ дерева, убилъ вепря безъ всякой опасности для себя в получилъ объщанную награду. Пастухъ, который гладилъ вепря, чтобы усыпить его, изображаетъ царевича, который ищетъ погибели отца и прельщаетъ его словами мудрецовъ. Этотъ разсказъ такъ же повторяется въ указанномъ сборникъ сказокъ.
- Притча втораго мудреца «о младой женѣ» (л. 240) есть извъстная новелла Боккачью Decamer. VII. 4., которая встръчается у насъ и въ другой редакціи.
- Третья повъсть королевы «о нъкоемъ рыцаръ убогомъ в о дътехъ его» (об. л. 250), варіантъ извъстнаго разсказа у Геродота о томъ, какъ одинъ архитекторъ съ сыномъ обокраля сокровищницу Рампсинита; сюжетъ повторяется у въкоторыхъ Итальянскихъ новеллистовъ, въ старинномъ Французскомъ романъ: L'histoire du chevalier Berinus, и другихъ обработкахъ (Dunlop 264), в въ сказкъ Чулкова о двухъ ворахъ, дядъ и племянникъ (Рус. Ск. М. 1780. 2, 32—53).
- Повѣсть третьяго мудреца «о нѣкоемъ гостѣ, и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ» (л. 257), о томъ, какъ невѣрная , жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненія, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливость словъ несчастной птицы: подобная повѣсть находится въ Тысячѣ и Одной ночи, гдѣ сорока замѣнена только попугаемъ, и такъ же въ исторіи сорока визирей (Москв. 1844. 1, 118—119).

- Четвертая притча королевы «о мудрецех», како ради корысти своея ослёпиша цесаря» (об. л. 265). Семь мудрецовъ отвяли эрёніе у короля, чтобы онъ не могъ видёть ихъ своекорыстнаго правленія; цесарь терялъ эрёніе, какъ только выходиль изъ своей комнаты. Наконецъ онъ сталъ грозить мудрецамъ смертью, если они не излечать его болёзни; мудрецы призывали чародёевъ, но бёды поправить не могли. Тогла въ городё нашелся мальчикъ, одаренный великою мудростью; приведенный къ цесарю, онъ открылъ ему враждебныя чары, которыми его лишили эрёнія, и цесарь, казнивши мудрецовъ, исцёлился отъ болёзни и самъ сталъ править государствомъ. Повёсть приводится въ упомянутыхъ нашихъ сборникахъ подъ заглавіемъ сказки о семи мудрецахъ и о юношё (см. Дёдушкины Прогулки, Москва 1819, на 12 стр.; Сахарова, Р. Сказк. стр. 269).
- Повъсть четвертаго мудреца «о нъкоемъ рыпаръ и о женъ его, еже восхотъ попа любити» (л. 275), разсказъ въ родъ
 Боккаччіевскихъ новеллъ. Прежде, чъмъ жена измънила мужу,
 мать до трехъ разъ совътуеть ей испытать характеръ мужа:
 для перваго раза она велъла срубить любимое его дерево, и
 мужъ не сдълалъ ей ничего; она убила его любимую собаку,
 онъ опять ничего ей не сдълалъ; наконецъ жена предприняла
 третье испытанье, и на большомъ пиру, который задалъ ея
 мужъ, она какъ бы ненарочно стащила со стола скатерть и уронила блюда. Мужъ велълъ приготовить другой объдъ, и ничего
 не сдълалъ женъ; но когда гости разошлись, онъ позвалъ «кровопуска» и велълъ пустить кровь женъ изъ объихъ рукъ, до тъхъ
 поръ, пока она стала «обмирати». Съ того времени ей уже не
 приходило въ голову чъмъ нибудь возбуждать негодованіе мужа
 и она оставила свои замыслы.
- Пятая повъсть королевы «о нъкоемъ цесари, любящемъ злато, ему же гражане и горло златомъ залиша» (л. 288).
- Повъсть пятаго мудреца «о Поликраст мудрецъ и о внукъ его Галіанусъ» (об. л. 298).
- Шестая притча королевы «о нъкоемъ кралъ и моржалкъ, како злата ради приведе жену свою» (л. 306).
- Притча шестаго мудреца «о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцарв и о женв его, что онъ убилъ трехъ рыцарей»

- (об. л. 312). Жена стараго рыцаря славилась своей красотой; ею прельстились три рыцаря; она назначаеть имъ свиданія и требуеть оть каждаго по тысящів златыхъ. Первый приходить въ первомъ часу ночи, другой въ полночь, третій «въ куроглашеніе»; жена беретъ деньги, а мужъ потомъ убиваетъ рыцарей, но поссорившись потомъ съ мужемъ, жена не сохранила тайны и укоряла мужа смертью трехъ рыцарей; но цесарь вельль казнить ихъ объихъ. Изъ многихъ разсказовъ, которые сравниваютъ съ повъстью Семи Мудрецовъ замътимъ только повъсти въ Римскихъ Дъяніяхъ, Тысячъ и Одной вочи, Французскомъ фабльо и Нъмецкомъ стихотвореніи die dri münche von Kolmaere, въ которыхъ есть ближайшее сходство съ нею (ср. Gesammtabent. 3, ххху Lxi, 163 ff.).
- Седьмая притча королевы «о нѣкоемъ королѣ, какъ у нево увезе рыпарь кралеву, краль же ю отда ему самъ и пирова съ нею» (об. л. 318), повѣсть, основанная на забавной интригѣ, которую рыцарь съумѣлъ поддержать своей ловкостью.
- Притта седьмаго мудреца «о нѣкоемъ рыцарѣ и о женѣ его» (л. 327), извѣстный разсказъ объ Эфесской матронѣ у Петронія (Satir. с. 111. 112), но въ повѣсти Семв Мудрецовъ легкомысліе женщины выставляется еще ярче. Отсюда и изъ Французскаго фабльо de la femme qui se fist putain sur la fosse de son mari, повѣсть перешла въ Cento nov. antiche nr. 56, къ новеллистамъ Кампеджи, Манфреди, затѣмъ повторилась у Лафонтена и Вольтера (Zadig, ch. 2) и пр. По словамъ патера Дюгальда, эта повѣсть такимъ же образомъ разсказывается и въ Китаѣ (Dunlop, 41).
- Повъсть самого королевича Діоклитіана «о дву слугахъ цесарскихъ, и о Александръ и о Лодвикъ» (об. л. 338). Эта повъсть, въроятно изъ рукописнаго источника, вошла въ печатный сказочный сборникъ XVIII стольтія, подъ названіемъ: «сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александръ и братъ его Лодвигъ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга» (Историческія сказки, —первая о золотой горъ и т. л. Въ Спб., 1793 года, стр. 59—98).

Переводы съ Польскаго познакомили насъ и съ другой стороной легкой литературы среднихъ въковъ. Западные сборники, въ родв «Римскихъ Двяній» или книги Петра Альфонза, соединяли въ себъ разнообразные разсказы: это были повъсти изъ духовной или свътской исторіи, восточныя притчи и апологи, народныя басни и сказки, наконецъ даже мелкіе анекдоты, замъчательныя слова, остроумные отвъты и поступки и т. п. Эти последніе разсказы со временемъ вошли въ особенную моду; ЗНАКОМСТВО СЪ КЛАССИЧЕСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ДОСТАВЛЯЛО МНОГО матеріала для подобныхъ сборниковъ, в писатели знаменитые въ летописяхъ средне-вековой литературы охотио посвящали свое время на составление этихъ полу-историческихъ, полувнекдотическихъ компиляцій. Какъ въ древности расходились взреченія сибаритовъ. Асоблои уклої вли апокрірата, такъ теперь пріобреди большую известность сборники въ роде Rerum memorandarum libri IV Петрарки, или De casibus virorum illustrium в De mulieribus claris того же Боккаччьо, который впервые возвысиль новеллу на степень художественнаго произведенія. Здісь представляется чистый факть, самое событіе, уже безъ тъхъ нравоучительныхъ выводовъ, съ какими обращались къ читателю другія книги. Такимъ образомъ изъ прежнихъ литературныхъ памятниковъ возникло новое чтеніе, гдф интересъ дидактическій смінялся простымъ историческимъ любопытствомъ. Появилось множество собраній анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, которая часто выводилась на сцену и въ другихъ случаяхъ, хоть и не всегда къ стати, какъ въ «Римскихъ Даніяхъ». Польская литература имвла ивсколько подобныхъ сборниковъ, напр. «Апофоегмата» извъстнаго Рея изъ Нагловицъ, вышедшія еще въ концъ XVI стольтія, «Апофостмата» Витковскаго въ началь XVII въка и др. Въ нашихъ рукописяхъ встръчаются подобныя Апофосымата въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая сообщаеть изреченія знаменитыхъ философовь, вторая «словеса царей, королей, князей, воеводъ, сугклитикъ и инфхъ старфишвиъ», третья — изреченія Лакедемонянъ, четвертая — «гадательства честныхъ женъ и благородныхъ девъ непростыхъ». Онф пользовались уважениемъ и послф, и въ 1711 году были напечатаны подъ заглавіемъ: «Краткихъ, витіеватыхъ и вравоучителныхъ повъстей, кнігі трі. Въ нихъ же положены различныя вопросы, и отвёты, житія, и поступки, пословицы, и бесёдованія разлічных вілософовъ древніхъ. Переведены съ полского на словенской языкъ... Повельніемъ же Царскаго велічества напечатаны въ Москві льта господня 1711 въ марть. Второе изданіе: «Апофестмата то есть краткихъ вітієватыхъ и нравоучітелныхъ річен, кніги три» и пр. М. 1716. 8° (ср. Сопик. № 2001). Другія изданія Спб. 1723. 1745. 1765. 1781. Слідовательно, въ печатномъ изданій недостаєть одной книги, противъ рукописныхъ текстовъ. Подлинникъ вашего перевода принадлежитъ Бінящу Будному и издань въ началь XVII стольтія и нісколько разъ послів, подъ названіемъ: Krotkich a wezłowatych powieści, ktore po Grecku zową Apophtegmata. ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego. Z rozmaitych przednieyszych authorow zebrane и пр. (Jochera, Obraz 1, 11. Масйрошькі, Piśm. 3, 371).

Рукописи: Публ. Б-ки XV. Q. 33 рук. XVII в. изъ собр. Каменецкаго, нач. «Апофегмать, сіесть соплетенныхъ краткихъ повъстеи книга 1-я» и пр.; въ другой книгъ повъсти названы сокровенными, въ 3-й и 4-й узловатыми; на 196 л.

- Толст. 2. 64 Публ. Б-ки XV. Q. 12 рукоп. конца XVII в., гата Краткія и вензловатыя повъсти написаны на Польскомъ языкъ Русскими буквами; Русская рук. нъсколько поливе.
- Царск. № 16 рук. конца XVII в. безъ начальныхъ листовъ. Рукописный нашъ переводъ въ началь отличенъ иссколько отъ печатнаго изданія Петровскаго, но въ конць очень близокъ: след. издатель пользовался готовымъ переводомъ, который нашелъ въ старыхъ рукописяхъ.

Особенное развитіе новеллы и легкихъ, шуточныхъ разсказовъ дало другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ; веселая шутка получала въ нихъ болѣе и болѣе мѣста, и наконецъ въ сборники допускались и анекдоты весьма обсценнаго содержанія. Нельзя сказать, чтобъ это было чистымъ нововведеніемъ, потому что и прежде, подъ предлогомъ наставительности, првводились подобныя повѣсти; но въ послѣдствіи эти разсказы стали собирать безъ всякаго намѣренія поучать любознательнаго читателя. Впрочемъ, эта литература вовсе не оскорбляла вкуса читателей, называя вещи ихъ именами и давая много воля воображенію; потому что понятія о литературных в приличіях т были тогда вовсе не такъ строги, какъ теперь. Съ теченіемъ времени образовался особенный разрядъ шуточныхъ сборииковъ, подъ названіемъ Фацецій (Facetiae), которые долго держались въ западныхъ литературахъ, находя себъ множество читателей. Надъ собираніемъ фацедій т. е. смішныхъ и скандалезныхъ разсказовъ и анекдотовъ, остроумныхъ изреченій в шутокъ, трудились иногда люди, очень извітстные серьезными заслугами и ученостью: назовемъ между ними знаменитаго въ свое время Поджіо Браччіолини, котораго иные считаютъ даже основателемъ этого направленія въ популярной литературъ. По крайней мфрф со времени выхода его Фацецій, открылось сильное соревнованіе и издано было много другихъ Фацецій, собранныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Поджіо упрекали, что книга его не можетъ быть чтеніемъ приличнымъ для человъка скромнаго; въ своихъ Invectiva противъ Лаврентія Валлы онъ защищается такимъ образомъ: quid mirum: facetias meas, ex quibus liber constat, non placere homini inhumano, vasto, stupido, agresti, dementi, barbaro, rusticano? At ab reliquis aliquanto quam tu doctioribus probantur: leguntur et in ore et manibus habentur, ut velis nolis: rumpantur licet tibi Codro ilia: diffusa sint per universam Italiam: et ad Gallos usque, Hispanos, Germanos, Britannos, caeterasque nationes transmigrarint, qui sciant latine loqui. Libet enim et mihi Valleam jactantiam prae oculis habenti paululum gloriari. Слова его были совершенно справедливы: Роддії Florentini Facetiarum liber, изданный первоначально (s. l. et a.) въ 1470 г. въ Римъ и въ Венеціи, имълъ много изданій въ XV и XVI стольтіяхъ; переводы Итальянскій и Французскій такъ же получили значительный успъхъ. Примъръ Поджіо нашель множество подражателей: Латинскій языкъ не мішаль конечно распространенію фацецій, потому что быль въ то время языкомъ образованнаго общества и доступенъ былъ для читающей публики. Изъ последователей Поджіо наиболе известны были сборники Гейнриха Бебеля, Фришлина, въ особенности Іосоseria Меландра (Iocorum atque seriorum libri II. 1600). Но скоро Фацеціи появились и на другихъ языкахъ. Въ Итальянской митературь пользовались большой любовью читателей Motti е facezie Арлотто, сборникъ Корнаццани, Facetie et motti arguti Доменики; во Французской — знаменитъйшая книга этого рода есть Moyen de parvenir, приписываемая обыкновенно Бероальду де-Вервиллю, но резкость сатиры, сила выраженія, самобытность этого произведенія заставили накоторых видать въ немъ трудъ Рабле. Менте замъчательны другіе Французскіе сборники, Banp. le Parangon des nouvelles honnètes et déléctables, le Facétieux reveille-matin, Facétieuses journées, Contes à rire. Y Hanцевъ лучшія произведенія этого рода: Scherz mit der Wahrheit, и Schimpf und Ernst Іоганна Паули, составленные старательно и разборчиво. Любопытно, что въ старинной описи библіотеки нашихъ государей въ XVII стольтіи упоминаются нъкоторые изъ этихъ юмористическихъ сборниковъ, напр. «Демокретусъ смъющійся» т. е. Democritus ridens. одинъ изъ забавнъйшихъ сборниковъ фацецій; сюда же относится безъ сомывнія «книжка на Нъмецкомъ языкъ о грубіянскомъ мужицкомъ невъжьствъ» (см. Молодикъ 1844, стр. 147, 144). Содержаниемъ всъхъ этихъ книгъ были по большей части какія нибудь смфшныя приключенія, насмъшки надъ легковъріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью поселянъ; адфсь выставлялись комическія стороны общественной жизни, забавные недостатки или притязанія разныхъ сословій и т. п., такъ что сборники Фацецій примыкають къ чисто-сатирической литературъ; наконецъ здесь приводились остроумныя изреченія и фарсы. Всего менье была возможна при этомъ какая нибудь задуманная цыль или точное распредъленіе содержанія. Въ поздивишихъ собраніяхъ пом'вщались и обширныя новеллы, точно такъ же, какъ старинныя собранія новеллъ въ родів Cento novelle antiche или Cent nouvelles nouvelles, похожи иногда на фацеціи: въ последнемъ нертако повторяются сюжеты, находящеся въ книгт Поджіо; новеллы Морлини такъ же близко подходять къ этой категорів.

Фацеціи різко напоминають эпоху своего появленія особенными прихотями остроумія, которыми нельзя отказать на въ изобрѣтательности, ни въ забавности. Въ послѣдствіи шуточные сборники конца среднихъ вѣковъ удерживались только въ литературѣ популярной, потому что считались уже нарушающими принятые вкусы и приличія. Такъ и наши лубочныя кар-

тинки, впадая въ то же безцеремонное остроуміе, сходятся, наприм'връ, съ Французскими народными книгами подобнаго направленія: Низаръ, упоминая эти последнія, отказывается отъ ихъ разбора и отсылаетъ читателя къ спеціальнымъ изследованіямъ (Bibliotheca scatologica въ Journ. de l'amateur de livres, t. 2. Nisard, Hist. 1, 436). Крайнюю степевь развитія этой шуйонтыподом онйвы поверы частрия онжом территории поньи книжкъ, изданной въ первые годы XVII-го столътія подъ названіемъ Facetiae Facetiarum: здісь обыкновенные сюжеты фацецій передаются въ ученой формф; это — собраніе ученыхъ диссертацій о самыхъ вздорныхъ и забавныхъ предметахъ, диссертацій, на которыя потрачена однако страшная эрудиція, со множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и строгими пріемами схоластической науки. Эта пародія хотя и годилась для однихъ записныхъ ученыхъ, но представляетъ немало шутокъ истинно курьезныхъ.

Въ стариниой Польской литературћ западныя фацеціи приняты были съ большой охотой и даже затронули народную юмористическую струну. Къ тому времени и къ тъмъ обстоятельствамъ можно относить происхождение накоторыхъ народныхъ анекдотовъ, которые хотя и имъютъ у насъ большую извъстность, но едва ли могутъ считаться произведеніями самобытнаго Русскаго юмора. Не имъя достаточно фактовъ для точнышаго опредъленія вопроса, остановимся на одномъ шуточномъ сборникъ, переведенномъ съ Польскаго во второй половинъ XVII-го въка. Это — Смъхотворныя повъсти, contes à rire, которыя, какъ означено въ Толстовскомъ ихъ спискъ, «добрв съ Польска исправлены языка и читать поданы сто осмьдесять осмаго (7188 = 1680), ноемврія дня осмаго; преведшаго же имя отъ б начинаемо, въ числе афг слагаемо». Такимъ же образомъ этотъ Новгородъ-сѣверскій переводчикъ означилъ свое имя въ переводъ книги Іоанникія Галятовскаго, по Толст. рукописи 2. 26. Подливникъ нашихъ повъстей есть, безъ сомивнія, книга, описанная Мацвевскимъ: Facecye polskie. Żartowne a trefne powiesci biesiadne, tak z rozmaitych authorow, iako tez y z powiesci ludzkiey zebrane и пр. (Piśm. 3, 169), которой мы однако не имвли подъ руками.

Booбще о фацеціяхъ: Grässe, Lit.-Gesch. 2, 3, 681—688; — Cholevius, 262 ff.; — Gervinus, 4-te Ausg., 2. 301 ff. и др. Въ 1856 г. вышли цълыя изданія по этому предмету, принадлежащія Игв. Губу: 1) Die deutsche komische und humoristische Dichtung seit Beginn des XVI-ten Jh. bis auf unsere Zeit. Von Ignaz Hub. 2 Bde; 2) Die komische und humoristische Literatur der deutschen Prosaisten, ero же.

Списки: — Толст. 2. 47 Публ. Б-ви XVII. Q. 12 рукоп. XVII в., л. 1—65 «Фрашки сирѣчь издѣвки: факецім или жарты польски, издѣвки смѣхотворны московски» и т. д., на второмъ л. «повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны, преведены съ Нольскаго языка» и пр., листы очень перемѣшаны; далѣе, л. 65 «исторія вкратиѣ о Бохомѣ, еже есть о землѣ Чешъской», краткая Чешская исторія, совершенно не кстати принятая г. Сахаровымъ за Русскую народную сказку (Р. Ск. Спб. 1841. стр. хх).

- Забълина, рук. кажется XVII в. на 69 лист., № 70, не имъстъ общаго заглавія. Здъсь лучше сохранился составъ сборника, повъстей немного больше, но Толстовскій списокъ правильнъе написанъ.
- Въ каталогъ Баузе, подъ № 84, вакъ сообщево намъ г. Тихонравовымъ, находится «книга фацеціи или жарты, собраніе анекдотовъ и шутокъ, переводъ съ Польскаго, конца XVII в.»

Польскій сборникъ Фацецій быль очень похожъ на подобные сборники другихъ литературъ, такъ что по содержанію Русскаго перевода можно составить довольно ясное понятіе объ этой отрасли популярной литературы. Въ началѣ его помѣщены разсказы и анекдоты о знаменитыхъ мужахъ древности, повторенные изъ другихъ сборниковъ, напр. анекдотъ «о Августѣ кесарѣ и о поэтѣ Виргиліи» (Толст. л. 2, Забѣл. д. 1) есть Virgilii jocus in caesarem изъ книжки: Democritus ridens, sive campus recreationum honestarum, cum exorcismo melancholiae. Amst. 1655, р. 16; анекдотъ «о Августѣ кесарѣ и о ближнемъ его сановникѣ» заключаетъ то же, что въ Декамеронѣ Х, 1. разсказывается о королѣ Альфонсѣ; «о Августѣ и о купцѣ Римскомъ и о любомудріи Августа» находится въ Schimpf und Ernst. изд. 1535, f. lxxxvj, wie ein Römer fil schuldig was, — адѣсь же помъщенъ и другой анекдотъ «о юноши подобивмъ Августу», wie einer dem Keyser gleych sach. Въ новыхъ анекдотахъ дъйствіе происходить отчасти въ Италін, но чаще въ Германін, напр. въ одномъ случать тадутъ за покупками въ Нюрибергъ, въ разсказъ «о Каролъ кесаръ и обличении піаницы», этотъ послъдній говорить: «азъ ли Ганусъ Шпилеръ, пивый у Фрелиха?» и т. п.; отсюда обнаруживается Нъмецкое происхождение Польскихъ жартъ.

Помъщенные далъе разсказы любопытны иногда по своему отношенію къ нашей популярной литературі в народнымъ анеклотамъ, въроятно отсюда заимствовавшемъ пногда свои сюжеты. Многое повторяется и въ «Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына», гдъ передълана и старинная рукописная исторія о Фроль Скобъевь; сочинитель ихъ и здъсь могъ пользоваться источникомъ рукописнымъ. Замътимъ нъкоторые, болъе извъстные, разсказы:

- «О раздробившемъ по писанію куре»: странникъ приглашенъ былъ на объдъ, и когда хозяева просили его разръзать по писанію курицу, онъ голову курицы отдалъ хозяину, шейку — его женъ, крылья — дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себъ взялъ все остальное (Пох. Ивана, гост. сына 2, 8).
- «О поселянинъ вдавшемъ сына учитися по Латинъ»: какъ отецъ проучилъ сына, который, воротившись изъ школы, утверждаль, что знаеть по Латыни, а на деле умель только къ каждому слову прибавлять из. Анекдотъ, передаваемый у насъ о Малороссіянинъ, у котораго сынъ учился въ бурсъ, находится уже въ книгъ Оомы Мурнера, извъстнаго Нъмецкаго сатирика XV — XVI стол., подъ заглавіемъ: Der Schelmenzunft anzeigung alles weltläufigen mutwills, Schalckheiten und Bübereien dieser zeytt (первое изд. 1512), и въ Латинскомъ переводъ ея поэта-лавреата Флитнера: Nebulo Nebulonum, hoc est jocoseria vernaculae nequitiae censura, 2 ed. 1634, p. 62 — 63 (cp. Flögel, Gesch. d. komisch. Liter. Liegn. u. Leipz. 1786. 3, 196).
- -«О дву дъвицахъ и о балверъ» повторяется въ простонародной книжкъ: «Старичокъ-Весельчакъ» Спб. 1789 (о непостоянной дъвицъ). Разсказъ находится такъ же въ сборн. Забълина, XVIII в., Ж 69 л. 196 — 197.

- «О сницаръ» т. е. скульпторъ: о томъ, какъ онъ наказалъ любезника, волочившагося за его женой, разсказъ близкій къ фабльо du prêtre crucifié (Dunlop, 497) и къ одному Малорусскому анеклоту.
- «О шпынв (т. е. франтв) и о демонв», анекдотъ, находящійся съ нъкоторыми варіантами въ Poggii Facetiarum liber (Lipczk 1491): de homine qui in somnis aurum reperiebat, въ новеллъ Морлини de lusore quem diabolus decepit, въ Моуеп de parvenir ch. xb и др.
- --- «О индерлянскомъ татъ», --- извъстная лубочная сказка о воръ и бурой коровъ, пересказанная и Далемъ.
- «О дву татъхъ и о протопопъ» т. е. плебанъ, какъ онъ вылечился отъ подагры, въ Пох. Ив. гост. сына 2, 113—116; тамъ же 1,71 разсказано чудесное выздоровление больнаго, какъ здъсь въ исторіи «о рецепторъ Каллимахъ».
- «О невъжливъмъ гостъ» пересказано въ Пох. Ивана гост. сына 2, 11 12.
- Анекдотъ «о судіахъ и о мадопріемствѣ», гдѣ разсказывается, какъ ловко судья рѣшилъ споръ двухъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ подарилъ ему рыдванъ, а другой лошадей, находится въ Schimpf und Ernst, f. xxiij: wie ein richter bestochen ward von beyden teylen, въ Nebulo Nebulonum Флитнера, 2 ed. р. 100 102 и дважды въ Democritus ridens р. 1, 69.

Въ рукописи г. Забълина сборникъ фацецій раздъляется на двъ части, и вторая, л. 39, представляетъ исключительно «жарты о женахъ и хитростехъ ихъ», первообразы которыхъ находятся по большей части въ фабльо, новеллахъ и народныхъ разсказахъ. Замътимъ нъкоторые:

- Анекдоты о Сократь и Пиктакь и женахъ ихъ, находятся въ Democr. ridens p. 29 pluvia Socratica, и p. 27 concordia, гдъ вывсто Пиктака является дъйствующимъ лицомъ Leo byzantius sophista.
- Разсказъ о досадливой женѣ, утверждавшей, что лугъ не покошенъ, а постриженъ, мы видѣли уже въ «Великомъ Зерцалѣ»; послѣ фабльо du pré tondu онъ повторяется съ различными варіантами въ «Смѣющемся Демокритѣ» (р. 121 mu-

licrum pertinacia), фацеціяхъ Фришлина р. 269, далье въ Contes du sieur d'Ouville, Moyen de parvenir и многихъ другихъ сборникахъ. Мы встрътимся съ нимъ и въ чисто-народной сказкъ.

- «О тяжелости нрава женскаго»: во время бури на морѣ, плаватели ръшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; одинъ изъ нихъ вмісто клади выбросиль жену, говоря, что тяжеле этого для него ничего не было ни дома, ни на корабав.
- -- «О упрямствъ жены»: когда она утонула, то мужъ отправился искать ее вверхъ по ръкъ, не думая, чтобы она и здъсь оставила привычку идти наперекоръ всемъ и каждому. - изъ фацеціи Поджіо de eo qui uxorem flumine peremptam querebat.
- «Жена грамотъ научила медвъдя» (Заб., об. л. 43), передълка разсказа о томъ, какъ Эйленшпигель въ Эрфуртъ училъ грамоть осла.
- «О младыхъ и о старомъ», какъ последній ловко отпотился отъ молодыхъ женщинъ, хотвинихъ надъ нимъ посмъяться, — изъ фацеціи Поджіо: juvencularum a calvo quodam faceta dilusio.

Нападки на женщинъ интересны были для старинныхъ читателей, потому что стояли въ уровень съ ихъ понятіями; фацеціи примыкаютъ въ этомъ отношения и къ стариннымъ «словамъ о женахъ» и къ разнымъ народнымъ анекдотамъ изъ домашней жизни и юмористическимъ изображеніямъ, какія давно уже появились вълубочных в картинкахъ. Мы упомянемъ здесь только объ одномъ собраніи повъстей, которое встрівчается въ старыхъ сборникахъ и принадлежитъ безъ сомивнія Русскому составителю. Въ старомъ Русскомъ быту женщина играла незавидную роль: въ этомъ согласны и отечественныя свидътельства той эпохи и замъчанія иноземныхъ путешественниковъ и даже народная наша поэзія, всегда впадающая въ унылый тонъ, когда изображаетъ судьбу женщины вив родной семьи, въ чужихъ людяхъ. Понятенъ поэтому тотъ враждебный взглядъ на женщину, какой можно замѣтить уже въ древиѣйшихъ памятникахъ нашей литературы: отъ нихъ и до поздивищихъ сочиненій XVII въка, письменность наша представляеть непрерывный рядъ болье или менье ръзкихъ выраженій этого взгляда. По върному замъчанію г. Забълина, переводныя произведенія духовной литературы в особенно сочиненія Златоуста, пользовавшіяся большимъ авторитетомъ, имъли свое значеніе въ приложеніи къ самому Русскому быту. По крайней мъръ, всь наши моралисты, начиная съ Даніила Заточника, часто повторяли положенія, встріченныя вми въ подобныхъ произведеніяхъ: Домострой въ правственныхъ требованіяхъ своихъ неръдко следовалъ готовымъ правиламъ; даже летописцы считали нужнымъ вооружаться противъ «злыхъ женъ». По текстамъ словъ «о злыхъ женахъ», приведенныхъ въ упомянутой прежде стать о псевдонимахъ (Изв. 4, 126 — 136), можно видеть, что готовый матеріаль легко соединялся съ мыслью Русскаго сочинителя; прибавивъ къ сентенціямъ Данінла или выпискамъ изъ Златоуста нівсколько новыхъ варіантовъ, сочинитель вполнъ излагалъ свои понятія. Литературные отзывы о «злыхъ женахъ» оставались одни и тъже во все продолжение до-Петровскаго періода; несмотря на все постоянство этихъ мивній, была еще потребность въ суровой характеристикъ женщины, и Русскія «слова о женахъ» доходять иногла до крайности въ своемъ обличительномъ тонъ.

Упоминая здъсь о нихъ, мы имъемъ въ виду связь ихъ съ литературой повъствовательной. По большей части, цъль ихъ бываетъ чисто дидактическая; сравненіями и уподобленіями дълалось наставление тому, кому оно было нужно, и примъры историческіе завершали сказанное. Одно изъ такихъ словъ начинается вопросами: «егда загорится храмина, чтыть ее гасити? водою. Что боль воды? вътръ. Что боль вътра? гора. Что силнее горы? человъкъ. Что болъ можеть человъка? хмель: отъимаеть рукы и ноги. Что лютье хмелю? сонъ. Что лютье сна? жена зла». Въдругомъ словъ (Рум. № 359, л. 267-270), авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «лутче есть во утлъ корабли плавати, нежели злой жень правда повъдати: корабль утелъ товаръ потопляетъ, а злав жена дошъ мужа своего пустъ створяетъ и самого мужа своего погубить. Немочно человъку пъщу въ полъ занца постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаа жена отгианіе ангеломъ, угоженіе діаволе». Иногла для большаго убъжденія, кром'в прим'вровь историческихъ, приводились и анекдоты, какъ сдълаль и Даніилъ Заточникъ (ср. Изв. 4, 136). Изъ подобныхъ «словъ» мы зам'втимъ одно, подъ заглавіемъ «бес'вда отца съ сыномъ о женской злобъ», общирнайшее другихъ и составленное безъ сомитнія Русскимъ сочинителемъ изъ тъхъ матеріаловъ, какіе онъ могъ им'вть въ XVII или XVI столітіи.

Вотъ нѣкоторые списки «бесѣды»: — Румянц. № 363 сборн. XVII в. л. 513 — 543 «сказаніе и бесѣда премудра и чадолюбива отца преданіе и поученіе къ сыну снискателно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, и премудраго Соломона, и Ісуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женстѣй влобѣ», нач. «послушаи, сыне мои, приклони ушеса свои, внуши словеса устъ моихъ, да скажу ти. Исперва сотвори Богъ человѣка единаго отъ всѣхъ стихіи» и пр.

- Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 365—378 «бесъда отца съ сыномъ, снискателно отъ розличныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, отъ премудраго Соломана, отъ Ісуса Сирахова и отъ многихъ философовъ, отъ искусныхъ мужей, отеческая преданія къ сыну, о женстьй влобъ, и обоихъ вкупъ» (sic), нач. «послушаи, сыне мои, внуши словеса» и пр.; Толст. 2. 140 л. 868—888 не означенные въ описаніи и перемъщанные отрывки той же бесъды.
- Царск. № 431 сборн. XVII в. л. 1—63 «бесѣда отца съ сыномъ и т. д., ... отеческое преданіе и наказаніе къ сыну: о женстѣй злобѣ и о сыновней добродѣтели, обоихъ вкупѣ», нач. почти такъ же.

Женская злоба казалась до такой степени сильною и непреоборимою сочинителю «бестды», что главная мысль ея — развите аскетических в положеній во всей их обширности. Чтобы сберечь сына отъ несчастій, какія можетъ навлечь женская злоба, отець совтуетъ ему совершенно избъгать женщинъ, и въ отвътъ на сомитнія сына представляетъ разительные примъры этого зла. Послт разсказовъ объ Адамъ и Евъ, авторъ, по политниему Румянц. списку, разсуждаетъ о томъ, что отъ

женъ «многія крови проліяшася и царства разоришася и царіе отъ живота гонзнули», что «горе граду тому, внемже владътелствуетъ жена; горе дому тому, имже владетъ жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены»; онъ съ полнымъ простодушіемъ повторяеть упреки женщинамъ, сделанные еще I. Златоустомъ: «украшаютъ бо телеса своя, а не душу, уды своя связали шолкомъ, лоы своя поттягнули жемчюгомъ, ушеса своя завъсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отповъ своихъ духовныхъ ученія»; указываетъ, какое эло приноситъ жена въ семейный бытъ, лишая покоя своего мужа, и такъ далье: «женскій разумъ, говорить онъ, яко храмина непокровенна и яко вътрило на верху горъ, скорообразно вертящеся....; лутче купити коня, вли вола, или ризу, нежели злу жену поняти». Подобными словами хорошо выражаются тв понятія, изъ которыхъ развились и народныя наши изреченья: «бабій языкъ — чортово помело, вымететъ изъ дому и хитреца и мудреца» — «гдъ бъсъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ» — «бей жену до дътей, а дътей до людей» — «женнину немочь догадка лечить» — «жена не горшокъ, не разобьется» и т. п.

На возраженія сына, отецъ приводить характеристику женщинъ, уподобляя ихъ дикимъ звърямъ и вообще описывая ихъ самыми мрачными красками. Онъ пересчитываетъ такимъ образомъ женщинъ: 1) льстивую и пронырливую, 2) сварливую и злоязычную, 3) крадливую и лукавую, 4) летивую..., 5) обавницу и еретицу, 6) медвъдицу и лвицу, 7) змію и скорпію, 8) ехидну, 9) змію и василиску, 10) аспида. Вотъ напримъръ женщина, преданная колдовству: «издътска начнетъ у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества искать, и вопрошати будеть многихъ, какобъ ей за мужъ вытти и какъ бы ей мужа обавити на первомъ ложв и въ первой банв, и взыщетъ обавниковъ и обавницъ (колдуновъ и колдуней, Толст. 2.281) и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ фствою будетъ шепты ухищряти и подъ нозъ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты р'езаючи, и надъ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надъ мужемъ чаруетъ, сердце его высосетъ,

тело изсушить, красоты въ лице не оставить, и во очесехъ світлость погубить, и всякому въ поношеніе вложить» и пр. Въ томъ же родъ составлены и другія описанія, въ которыхъ вногда видны черты вменно Русского быта. Общимъ характеромъ наставленій наша Бестда отца съ сыномъ напоминаетъ другое «отеческое наказаніе», принадлежащее Французской литературъ: Chastoiement que li peres ensaigne à son fils (Barb.-Méon, Fabliaux 1808, 2, 39—183) — передълку извъстнаго сборника Петра Альфонза, составленную въ XI-XII стольтін. Разсказы, въ которыхъ отецъ передаетъ сыну нравственные уроки, разошлясь въ последствіи по всей Европе и получили особенную прелесть подъ перомъ Боккаччьо и другихъ новеллистовъ; некоторые мы заметили, говоря о Римскихъ Денніяхъ; но здесь взглядъ на женщину, какъ и въ нашей Беседе, отличается мрачною холодностью. Въ разныхъ нравоучительныхъ сентенціяхъ, tirades d'une morale fort insipide et quelquefois trèsmalhonnète, по выраженію Леграна (Fabl. 1779, 1, 194), отецъ убъждаетъ сына избъгать женщинъ, какъ лютыхъ звърей. Онъ говоритъ, напримъръ, сыну:

> Beax fils, sui lion et dragon, Ors, liepart, et escorpion; La male feme ne sui mie Por losenge que l'en te die. Prie Dieu molt devoltement Le gloriox omnipotent, Qu'il te deffende de lor art, Et tu te gardes de ta part.

Сынъ проситъ отца разсказать ему о нихъ, quar com plus ge les connoistroie, de tant mielz garder m'en porroie, — и отецъ сообщаетъ ему три повъсти de la male feme. Такія понятія продолжаются и въ другихъ произведеньяхъ средне-въковой повъсти. Не смотря на рыцарское уваженіе къ женщинъ, отличающее эту эпоху, литература представляетъ цълый рядъ забавныхъ разсказовъ, основанныхъ на правилъ, что тълесное наказаніе необходимо для укрощенія злыхъ женщинъ и для подкръпленія добродътельныхъ. Разсказы о томъ, какъ мужья находили въ палкъ лучшее средство къ поддержанью до-

ЧУ. ВАП. — КН. IV. — ОТД. II.

машняго счастья, съ одобреніемъ повторяются у многихъ Итальянскихъ новеллистовъ, даже у Боккаччьо, въ новеллю о Соломоновомъ судѣ, Decameron. IX. 9. Такая же мораль не разъ проповъдуется в въ фабльо, напр. de la dame qui fut corrigée. Въ романъ Milles et Amys, написанномъ въ самую блестящую пору рыцарства, развявается мысль, что — la mauvaise femme convient il battre et la bonne aussi a fin qu'elle ne se change, — дурную жеву надобно бить, да и хоронную такъ же, чтобы она не перемънилась (ср. Dunlop 249). Нельзя однако проводить аналогіи между этими примърами и нашими памятниками: что въ одномъ случать было явленіемъ исключительнымъ, то въ другомъ является обыкновеннымъ и постояннымъ фактомъ; наша Беста удачно совмъщаетъ особевности отзывовъ о женщинахъ, которые представляются въ старой письменности Русской.

Вслада за общею характеристикою, сочинитель, отвачая на возраженія сына, указываеть примарть Адама, Ноя, Лота, Давида, и когда сынъ находиль себя достаточно украпившимся противъ женской прелести (т. е. коварства и обмана), отецъ отвачаль, что не сладуетъ надаяться «на мужество свое и на храбрость, еже жити со зваремъ симъ— т. е. съ женщиной,— что укротити его, свиръпа и безстудна суще полскихъ зварей, невозможно сущи убажати лютости ея: образи бо есми въ писаніихъ, кто Соломона премудрого премудрея, или кто Самсона сильна и Александра храбра,— и они отъ женъ пострадали и скончалися» и пр. За тамъ отецъ приводить сладующія исторіи:

- Въ «Старчествъ» т. е. книгъ этого названія нашель онъ исторію о томъ, какъ злая жена прельстила старца въ пустынъ, погубила мужа и шестерыхъ дътей и наконецъ была сама наказана жестокою смертью (Руминц., об. л. 531).
- Повъсть «про нъкоего мужа» (л. 533): «...пришедию въ домъ къ женъ вдовицъ и хваляху людіе ему, да ся оженитъ ею, понеже юнъ бяше; она же окаянная злонравно съ нимъ живяще нъколико лътъ. По времяни же умре жена, онъ же начатъ продавати лъти своя и ея; людіе же кляняху его: что тако творитъ? Онъ же рече: егда возрастутъ и будутъ обычаемъ въ

матерь свою, тогла и меня продадутъ. И плакася о женв своей, людіе же глаголаху: почто плачешися? Онъ же рече: плачюся, дабы другая такова не была» (ср. Изв. 4. 136). Здвсь присоединено такъ же изреченіе: «нвкій человькъ рече, —былъ есть въ трехъ нужахъ: въ темниць, у шибалицы, и отъ дву нуждъ убъжахъ, а отъ третія нужды, отъ злыя жены, не могу убъжати.»

- Далве, л. 535, находится анендотъ о Папирів Римлявинѣ; указанный прежде въ Римскихъ Двяніяхъ и приведенный здѣсь но другой редакціи.
- Наконецъ упомянутая нами въ числѣ судовъ Солемоновыхъ повъсть о Даркирѣ или Декирѣ, на л. 538 — 542, съ тъмъ же заключеніемъ: «и рече царь: обрѣтохъ въ тысящія много мужей мудрыхъ, жепы же мудрыя не обрѣтохъ ни во тиѣ единыя»

Замвтимъ здѣсь и «притчу о старомъ мужѣ» въ Толст. 2. 230 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 38—41, нач. «бысть старыи мужъ велми старъ, и сватался ко прекрасной дѣвицѣ», тякъ же въ Погод. № 1776 рук. XVIII в. л. 4—8 «сказаніе о старомъ мужѣ и о прекрасной дѣвицѣ, нач. почти такъ же. Старый мужъ предлагаетъ дѣвицѣ слугъ и рабынь и портищъ многоцѣнныхъ: «укращу тебя, говоритъ онъ, аки цвѣтъ въ чистомъ полѣ и аки паву птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубравѣ, и упокою тя во всемъ нарядѣ, и сотворю тебѣ пиръ великій, и на пиру велю всякую потѣху играти гуселникомъ и трубникомъ», — но дѣвица обличаетъ его, не жалѣя рѣзкихъ выраженій.

Возвращаемся къ «Сміхотворнымъ повістямъ». За коротенькими анекдотами въ сборникі поміщены довольно обширные разсказы, принадлежащіе области средне-віковой новеллы. Одинъ изъ нихъ «о женахъ, оболстившихъ мужей, како мужь предъ женою каяся» (Т., об. 44—53. Заб. об. 56—64) есть передълка сюжета, знаменитаго въ средневіковой литературі: замітимъ здісь только редакцію его въ басияхъ Бидпая, въ фабльо de la dame qui fit accroire à son mari qu'il avait revé или les cheveux coupés, въ Декамерові VII. 4.8., и въ Сепt nouvelles nouvelles, пг. 61.; общирная литературная исторія этого сюжета собрана въ взданіи Гагена, Ges.-Abenteuer 2. хин—хих. Для противоположности прежнимъ разсказамъ, гдѣ женщины постоянно рисуются въ неблаговидныхъ чертахъ, собиратель вставилъ вторую повѣсть «въ поправленіе женамъ и во отвеленіе укоризны на сихъ, о женѣ благочестивой» (Т. л. 62), варіантъ разсказа, помѣщеннаго въ Schimpf und Ernst (f. lxxiij, von Ernst das ccclxxxvij). Третій разсказъ «о женѣ благоразумнѣй и о мужѣ непотребвѣмъ» въ Толст. л. 65, и въ Забѣл. сборнивѣ № 69 л. 194—195, есть передѣлка фабльо de la bourse pleine de sens, извѣстнаго и въ Нѣмецкой литературѣ (см. Ges.-Abent. 2, хіх —ххі. 219—239 von den ledigen wiben).

Наконецъ въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ» перешли въ старинцую нашу повѣсть и нѣсколько новеллъ Боккаччю, — фактъ любопытный по его неожиданности. Однѣ изъ новеллъ, кажется, непосредственно изъ Декамерона перешли въ Нѣмецкій подлиникъ Польскаго сборника, другія отчасти передѣланы или взяты изъ другихъ редакцій. Въ нашемъ сборникѣ находится четыре новеллы.

- «О друзіхъ, о Маркі и Шпинелеті» (въ Толст. и Забіл. спискахъ и въ сборникі Заб. № 69 л. 188—191), новедла Декамерона VIII. 8, гді друзья названы Zeppa и Spineloccio; переділана въ Похожд. Ивана гост. сына 1,79—82.
- «О женѣ и гостѣ» (Т. 38, Заб. 43 «о женѣ, всадившей гостя въ полбочку», и въ сборникѣ № 69 л. 195 196), новелла Декамерона VII. 2, повторенная въ разсказѣ Морлини de adultero, qui uxorem in praesentia viri in dolio permanentis retromarte delibabat, и во многихъ другихъ передѣлкахъ (Ges.-Abent. 2, xxxvi—xl); наша повѣсть не слѣдуетъ тексту Декамерона, и не имѣетъ картиннаго окончанія Итальянской новеллы.
- Повъсть «о господинъ Петръ и о прекрасной Касандръ и о слугъ Николаъ» (Т. 53—58, Заб. 47—53, № 69 л. 191—194), есть очень близкая редакція новеллы Боккаччьо, Decam. VII. 7; какъ и предъидущій разсказъ эта повъсть была значвтельно распространена, и извъстна въ Нъмецкой обработкъ (Dunlop 242, 490).
- «О женѣ, оболстившей мужа, якобы ввержеся въ кладезь» (Т. 58—62, Заб. 53—56 «о гражданинѣ упивающемся и

о женѣ его») — новелла Декамерона VII. 4, отмѣченная нами и въ повѣсти о Семи Мудрецахъ. Она разсказана была прежде Боккаччьо въ фабльо de celui qui enferma sa femme en une tour (Barb.-Méon 2, 99—107) и повторена другими Итальянскими новеллистами.

Кром' того у насъ переведена была одна изъ прекраснъйшихъ новеллъ Боккаччьо и по мысли и по разсказу, Decamer. II. 9; это — «повъсть утъщная о купцъ, который заложился з другимъ о добродътели жены своея» въ той же Толст. рукописи л. 86-101. Общирная литературная исторія этого сюжета, повтореннаго въ Индейскихъ сказкахъ Сомадевы, въ Тысяче и одной Ночи, въ Римскихъ Делніяхъ, во многихъ средне-вековыхъ повъстяхъ и романахъ, изложена въ томъ же изданіи Гаreнa, Gesammtabenteuer 3, LXXXIII—схи. Нъкоторыя обработки сюжета находятся въ ближайшей связи съ новеллой Декамерона. Источникомъ этой последней считаютъ одно Французское стихотвореніе, но существовала и древняя Итальянская редакція разсказа, которою воспользовался Сансовино въ Cento novelle scelte; кромъ стариннаго Нъмецкаго стихотворенія von zwein koufmannen (Ges.-Ab. 3, 357-382), довольно далекаго отъ новеллы Боккаччьо, есть другая Нъмецкая обработка, болье съ ней согласная, именно народная книга: Ein liepliche histori vnd warheit von vir kaufmendern, изданиная до 1489 года,—но она происходитъ кажется изъ Латинскаго источника, къ которому Гриммъ относитъ и новеллу Боккаччьо.

Польская исторія, служившая подлинникомъ для нашей повъсти, едва ли не была непосредственнымъ пересказомъ новеллы Декамерона. Она явилась еще въ концѣ XVI столѣтія, и въ 1583 упомянута въ Замойскомъ индексѣ librorum prohibitorum (Jocher, Obraz 3, 392. Wiszniewski, Hist. 7, 210); по указанію Лелевеля, она была напечатана въ 1571 г., упоминается и иъсколько другихъ изданій, въ XVI-мъ и XVII-мъ стол. (Lelewela, Bibl. ksiąg dwoje, Wilno 1823—26. 1, 181. 186. 2, 233). Повѣсть называется: Historia krotofilna o kupcu ktory sie z drugim załozył o cnote zony swoiey, или: Historya barzo piękna o Barnabaszu. Jako się ten zacny kupiec z drugim kupcem na cnotę żony swoiey założył o zakład niemały. Wszystkim cnym paniom

ки росієми у przestrodze (*Mac.*, Piśm. 3, 88), — такъ что въ заглавін сохранилось ими Генузица Бернабо, мужа геронии. Русскій переводъ исторін довольно удовлетворителенъ.

X.

Опыты Русской повъсти. — Сказаніе о Саввъ Грудцынъ. — Рукопись старицы Маріи. — Повъсть о Фролъ Скобъевъ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го стольтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники.

Къ концу стараго періода нашей письменности, когда перешло въ нее много западныхъ повъстей и романовъ, появляются и слабые начатки самостоятельной Русской повъсти. Нътъ сомивнія, что въ старой словесности нашей не могла сколько нибудь полно развиться эта литературнаи форма, и то, что можеть быть отнесено у насъ къ этому разряду произведеній, не имветь никакого опредъленнаго характера. У насъ невозможны были конечно исторіи съ рыцарскими похожденіями и романической любовью, но Русская повъсть могла исполнить свое назначение и быть любопытнымъ памятникомъ литературы, если бы върно рисовала отличительныя черты Русской действительности. Какъ можно было пользоваться фактами нашего стариннаго быта, показывають отчасти немногіе опыты Русской повісти, извістные теперь по рукописямъ. Какъ на попытку романа указывали у васъ иногда повъсть о Саввъ Грудцынь, относя ее ко временамъ ц. Михаила Оедоровича. Она встръчалась намъ въ итсколькихъ спискахъ; повидимому она читалась со вниманіемъ въ свое время: Толстовская рукопись повъсти написана очень старательно и украшена картинками, — всего 22, — изображающими героя въ разныхъ случаяхъ его жизни. Сказаніе о Саввѣ Грудцывѣ есть какое-то соединение нравоучительной повъсти съ историческимъ разсказомъ; въ немъ нътъ той живости изложенія, какою отличается Фролъ Скобъевъ, нътъ и такой одушевленной картины правовъ, нарисованной по поводу приключеній героя. Нравоучительное направленіе, которымъ пронякнута наша повість, было общею наклонностью того времени, и сочинителю трудно было отъ нея освободиться; при всемъ томъ изложение не такъ страдаетъ отъ этого, какъ можно было бы ожидать.

Сюжеть исторів составляєть судьба юноши т. е. Саввы, попавшаго во власть беса, которому онъ далъ на себя запись, и потомъ чудеснымъ образомъ освобожденнаго отъ погибели. Отецъ его, Оома, отправляясь съ товарами въ Персиду и желая пріучить сына къ торговымъ деламъ, поручаетъ ему ехать къ Соли-Камской. Савва отправился и остановился въ Усольскомъ градъ Орать у стариннаго пріятеля отца своего, «прослытіемъ Бажена Втораго.» Зайсь завязывается у него любовная интрига, которая сначала шла удачно, во потомъ, после одной размолвки между Саввой и предметомъ его страсти, принудила его оставить домъ Бажена. Юноша былъ однако напоенъ «отравнымъ зельемъ,» отчего «начатъ яко нъкіи огнь горъти въ сердцѣ его;» словомъ, онъ былъ привороженъ къ своей любезной и нигать не находиль покоя. Въ это время начинаются сношенія его съ бъсомъ, который объщаль ничего не подозръвавшему Саввъ поправить его дела, если только онъ дастъ ему рукописаніе. Едва ум'вя грамот'в, Савва написаль требуемое условіе, и не понимая самъ въ чемъ дъло, отдалъ себя въ руки бъса, который исполных его желанія, в чтобы окончательно уловить юношу, представилъ его своимъ темнымъ властямъ. Между тъмъ Оома, воротившись домой, услышалъ о безпорядочной жизни сына, и не имъя отъ него никакихъ въстей, отправидся его отыскивать. Савва, по совъту своего новаго служителя, идеть вытасть съ нимъ въ Шую, поступаеть въ солдаты и пріобрѣтаегъ любовь полковника иноземца, который училъ новобранцевъ. Царь Михаилъ Фелоровичъ посылалъ тогда войско подъ Смоленскъ; туда идетъ и Савва, и при помощи бъса оказываетъ удивительную храбрость, побфливъ на поединкахъ трехъ Польскихъ богатырей. Бояринъ Шеннъ услышалъ о его подвигахъ, призвалъ къ себъ и узнавъ его происхожденіе, вельль воротиться къ отцу: Шеннь зналь Оому Грудцына и подоарфваль что-то недоброе въ поступкахъ Саввы. Въ Москвъ, бояринъ Стрешневъ, до котораго дошла молва о подвигахъ Саввы подъ Смоленскомъ, приглашаетъ юношу въсвою службу.... Но вскоръ Савва саблался отчаянно болевъ, и тогда только понялъ свое страшное положение; после долгихъ страданій, подвергавшихъ опасности его жизнь, онъ спасается отъ смерти и отъ власти бѣса. Конецъ его жизни отличался благочестіемъ и добрыми дѣлами. — Вообще, и по характеру сюжета и его пружинамъ, повѣсть вполнѣ принадлежитъ своему времени; это зародышъ романа, какой возможенъ былъ для нашей старой жизни и литературы. Содержаніе взято безъ сомнѣнія изъ дѣйствительнаго событія, какъ и вообще старинная повѣсть рѣже, чѣмъ нынѣшняя, выбирала своими героями лица выдуманныя и идеальныя. Языкъ повѣсти есть обыкновенный книжный языкъ семнадцатаго столѣтія.

Списки: — Толст. 3. 34 Публ. Б-ки І. О. 75 рук. нач. XVIII в. на 41 л. «повѣсть (убо сія) страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна, како человѣколюбивый Богъ, долготерпѣливъ сый, ожидаяй нашего обращенія и неизреченными своими судбами всякаго человѣка приводить ко спасенію, еже бысть во дни сія, и являетъ человѣколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ», нач. «бысть убо в лѣто 7114 (= 1606), егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на Московское государство богомерскаго отступника, еретика Гришку растригу Отрепьева»... На картинкахъ изображается напр., какъ «Оома отъѣзжаетъ изъ града Казани», какъ «жена Баженова подноситъ Савве волшебное зеліе», какъ въ селѣ Павловѣ «святыи старецъ сказуетъ Савве, яко имѣетъ братство съ діаволомъ», и ар.

- Погод. № 1774 сборн. XVIII в. д. 1—19 исторія Саввы Грудцына, безъ начада; писана разными почерками.
- Забъл. № 73, сборн. XVIII в., такъ же неполный списокъ.
- Б-ки Моск. Общ. № 223 сб. новый, оборн. л. 724—770 «повѣсть зѣло предивная, бысть въ древныя времяна, града Великаго Устюга купца Фомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія»; № 323 сборн. XVIII в. л. 195—213 «сказаніе. како нѣкій юноша Савва, прозываемый Грудцынъ, даде на себя бѣсу рукописаніе и съ нимъ хождаше, и спасенъ бысть въ церкви Казанскія Пресвятыя Богородицы во градѣ Москвъ.
- Мы пользовались такъ же неполною рукописью исторів,
 на 27 лист., сообщенною намъ г. Геннади.

Намъ неизвъстны, къ сожальнію, другія произведенья, въ которыхъ могли бы найтись остатки старой повъсти; ограничимся потому одними указаніями. Въ рукописи XVIII в. бывшей библіотеки Царскаго № 453 л. 47-95 находится, напримъръ, «исторія о славном в храбромъ Александръ, кавалеръ Россійскомъ;» не можемъ однако сказать, такого же ли рода герой этой исторіи, какъ Россійскій дворянинъ Фролъ Скобъевъ, или это личность вовсе не интересная. Есть указаніе о другой повъсти или романъ въ родъ Фрола Скобъева — въ словахъ Макарова, который говорить, что въстарыхъ бумагахъ своихъ нашелъ повъсть, «написанную весьма просто, но обезображенную рукою времени» (?); по свидетельству его повесть носила такое названіе: «о томъ, что случилось и приключилось съ Мадленою, дочерью дъвицею Ивановою пана Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ панъ Иванъ прощалъ ее, и какъ паны Поляки все еще были въ непависти противу Руси», герой повъсти Русскій (см. Пов. изъ Рус. нар. преданій М. 1834, стр. 107, пр.). Жаль, что слова Макарова очень сомнительны: повъсть могла существовать только въ его досужей фантазіи, хотя онъ серьезно говорить о ней; передълка его не имъетъ разумъется никакого значенія. Назовемъ еще одно сказаніе, быть можеть, передающее такую же семейную исторію, какъ Савва Грудцывъ; оно заключается въ сборн. Царскаго, XVIII-го вѣка, № 474 л. 92-157 подъ заглавіемъ: «сказаніе отчасти о доблественный и изящный боярынъ Өеодосіи Прокопьевнъ, во инокиняхъ Өеодоръ, по тезоименству земныя славы Морозовы, о единородной ея киягинъ Евдокеи и о союзницъ ихъ Маріи.»

Бѣдность старой нашей словесности въ произведеньяхъ поэтическаго и свѣтскаго характера даже не разъ давала поводъ къ поддѣлкамъ и подлогамъ, но всегда они были грубы или не ловки. Таковы, напримѣръ, древнія Новгородскія руны, занимавшія Державина; древнія Русскія поэмы, теперь будто отысканныя; «проэрѣніе въ будущее», рукопись будто бы XII-го вѣка на древле-Сербскомъ языкѣ и т. п. Съ гораздо большимъ умѣньемъ сдѣланъ былъ недавно любопытный подлогъ, скоро впрочемъ угаданный и не имѣвшій поэтому успѣха. Въ Новгородскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. (№ 41. 42. 47) на-

печатана была по старинному подлиннику «Руконись ехарицы игуменьи Маріи, урожденной княгини Одоевской.» Это дневникъ Русской боярышня XV—XVI въка, жившей въ Новгородъ въ эпоху его паденія: дневникъ описываетъ жизнь боярской дочери въ дом в ел отца, вводитъ читателя не только въ домашній быть, но и въ среду политическихъ событій того времени: иногда онъ удачно рисуетъ положение Русской женщины съ ел ролью въ семействъ, съ ея чувствами и любовью, обставляетъ все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ, дневникъ казался драгоцвинымъ пріобретеніемъ для литературы, въ которой до сихъ поръ не находили ничего подобнаго; это была вивств и прекрасная старинная повъсть. Но мистификація скоро открылась: г. Погодинъ обнаружилъ промахи новвишаго сочинителя, который сміналь Іоанна III съ Іоанновь IV, упоминалъ Русскую печатную книгу за пятьдесять леть до ея перваго появленія, перепуталь названія старинных вчиновь и должностей. Вившиость описанной издателемъ рукописи такъ же выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа харатейною и-склеенною столбцами, что ділалось, какъ извістно, только съ столбцами бумажными: притомъ харатья въ XVI столетія есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общее употребление не только бомбицинъ, но и простая тряпичная бумага. Г. Погодинъ перепечаталъ и самую повъсть, въ переводъ на нынфшній языкъ, чтобы сділать свои опроверженія несомибиными (Москвит. 4850. № 3, сибсь, стр. 29-61). Прибавимъ, что и преднамфренная неправильность книжнаго языка повъсти въ той же мфрв не удалась автору. Вотъ нъсколько фразъ сначала, гдв сочинитель или слишкомъ насиловалъ древній языкъ XV-XVI стольтія, или же вставляль въ него новъйшіе обороты: «обаче в живяше со невърны, не изменящеся обычаямь і егда пріидоша въ Великій Новъ-градъ, абіе возлюбита его Владыка, боляре и житой людъ и содплаща его діякомъ на вічи і правише дълы земети;» «желаше бо (я) греху мя и сетя дьяволей обнемлющу, неприменно (!) себъ самой смертное убойство · сотворити, ниже тому быти»....

Напечатанная недавно по старой рукописи исторія о Фромь Скобъень представляєть чрезвычайно любопытный образчикь старинной оригинальной повъсти. Въ ней легко и игриво разсказываются похожденія этого авантюриста, его любовь къ боярской дочери Аннушкъ, женидьба на ней противъ води строгаго отца ея, наконецъ примиреніе съ нимъ и благоденствіе «Россійскаго дворянина». Содержаніе принадлежить конечно истинному событію и сначала могло передаваться въ устныхъ анекдотахъ; записанная форма повъсти обнаруживаетъ въ авторъ ум внье разсказывать; въ его простодушномъ изложении столько юмора, что и теперь повъсть можетъ быть прочитана съ любопытствомъ. Случайность ея сохраненія позволяеть думать, что она была не единственнымъ примъромъ стариннаго романа, и что Фролъ Скобъевъ имълъ своихъ предшественниковъ. Самостоятельный выборъ сюжета и его представление достойны вниманія въ томъ отношеніи, что повъсть нисколько не страдаетъ подражательностью, какой легко было бы ожидать отъ Русскаго сочиненія подобнаго рода въ концѣ XVII и началѣ XVIII стольтія. Въ конць прошлаго стольтія исторія о Фроль Скобъевъ передълана была Ив. Новиковымъ въ Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына подъ заглавіемъ: «Новгородскихъ дівушекъ святочный вечеръ съигранной въ Москвъ свадебнымъ» (1, 112-152); исторія передается здівсь съ нівкоторыми измъненіями и больпими подробностями, и въ новомъ своемъ видв представляетъ любопытныя черты стараго Московскаго быта, въ половинъ XVIII стольтія. Изложеніе иногда гораздо ръзче, нежели во Фролъ Скобъевъ. Эта передълка и другія подобныя заимствованія показывають, что пов'єствовательные папятники XVII и первой половины XVIII въка еще не были забыты во времена Екатерины. Они легко еще удерживались въ памити и потому, что въ старомъ поколфиіи этой эпохи очень не редки были люди, воспитанные на прадедовскихъ обычаяхъ, и для нихъ чтеніе старинныхъ сборниковъ сохраняло всю свою цъну, какъ вполив соотвътствовавшее ихъ понятіямъ и степени образованія, или върнъе грамотности. Мы видъли, что почти всъ повъсти и исторіи XVII въка, и даже древнъйшія, весьма часто находятся въ рукописяхъ прошлаго въка; следовательно старинная письменность, не смотря на все новое развитіе литературы, продолжала свое существование, основываясь на правъ давности. — Повъсть о Фролъ Скобъевъ была найдена г. Бъляевымъ при описаніи Погодинскихъ рукописей, поступившихъ въ Публ. Библіотеку, въ одномъ сборникъ прошедшаго стольтія. Она была напечатана въ Москвитянивъ (1853. 1, Ист. Матер. 3—16) по другой новъйшей копіи, къ которой приведены были послъ варіанты Погодинскаго списка. Повъсть называется вдъсь «исторія о Россійскомъ дворянинъ Фролъ Скобъевъ и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушкъ. Списокъ ея находится такъ же въ сборникъ г. Забълина, XVIII в., № 82, подъ заглавіемъ: «исторія о Новогородикомъ дворянинъ о Фролъ Скобъевъ и Аннушкъ — какъ онъ себъ достигъ за семь рублей благополучіе», безъ конца.

Скажемъ въ заключение и сколько словъ о повъстяхъ и романахъ, которые были популярнымъ чтеніемъ эпохи Петровской. Наши грамотви и книжники этого времени не ограничились тымъ запасомъ чтенія, какой представляло семнадцатое стольтіе, и такимъ образомъ появилась новая письменность, не лишенная забавной оригинальности и по содержанію и по языку. Остатки ен до сихъ поръ влачатъ незавидное существование въ лиць Францеля Венеціана, Египетскаго рыцаря Полиціона и другихъ героевъ. Количество этихъ романовъ и нъкоторыя упълъвшія указанія убъждають, что въ свое время они събольшимъ успъхомъ наполняли досуги читателей — грамотныхъ недорослей, полъячихъ, сержантовъ изъ дворянъ и тому подобной читающей молодежи, которая распространила вкусъ къ этому чтенію до самаго конца XVIII стольтія. Большею частію намъ неизвѣстны ни время появленія этихъ романовъ, ни имена переводчиковъ, но, безъ сомнънія, начало ихъ должно отнести къ эпох в Петра В., а вообще они составляютъ принадлежность первой половины прошлаго въка. Они очень ръдко попадали въ извъстныя собранія рукописей; приводимъ здъсь тъ романы, которые намъ извъстны по рукописямъ или другимъ указаніямъ.

Между рукописями г. Забълина находится обширный сборникъ XVIII стольтія, № 67, который почти исключительно составленъ изъ романовъ Петровскаго и позднъйшаго времени, занесенныхъ въ сборникъ отдъльными рукописями. Здъсь помъщены:

- «Исторія о Алфонать Рамирт, королть Гишпанскомт, и о прекрасной Ангеликт, принцесть Лонгобардской, именуемая Пеистовый Роляндт», на 89 листахт: исторія о Неистовомть Роляндть находится такть же въ Погодин, рукописи № 1983.
- «Гисторія о принцѣ Адолфѣ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 11 листахъ, аллегорическая повѣсть, поражающая своей нескладицей; она переведена очень дурно, и несмотря на то, вошла въ число лубочныхъ изданій, гдѣ называется такъ же: «исторія о принцѣ Одолфѣ Лападійскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 8 листкахъ, но нѣсколько сокращена противъ рукописи. Другой списокъ въ сборникѣ Забѣлина, № 82, безъ начала.
- «Исторія о королевичѣ Цылодонѣ Италіанскомъ и о баронской дочери Цыцыліи Гишпанской. послѣди бысть и королевою Италіанскою», на 23 л.
- «Исторія о Францужскомъ графів Лафаріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ Медіоланской, слушавіемъ и чтевіемъ весьма утѣшающая», на 22 л.; въ сборникѣ Забѣлина № 82 встрѣчается та же «исторія о Европскомъ кавалерѣ Лафаріи и о прекрасной Медіоланской княжнѣ Маргаритѣ».
- «Исторія Елизаветы королевы Англинской» и пр.: пов'єсть изв'єстна была такъ же подъ названіемъ исторіи Арсаса и Разм'єры или Размиры, страстныхъ любовниковъ, разлученныхъ Елизаветою и погибающихъ жертвами взаимной привязанности. Другой списокъ ея въ томъ же сборник Заб'єлина № 82.
- «Исторія о великомочномъ рыцарѣ Гендрикѣ, куроистрѣ Саксонскомъ и о преизящной Мелендѣ, дочерѣ Лодвика. куроистра Брандебурскаго», на 38 л.
- «Гисторія о д'явиц'я Ляцыон'я, баронской дочер'я, Аглянскихъ бароновъ» и пр., на 9 лист.
- «Гисторія о Ипполить, графь Аглинскомъ, и о Жулін, графинь Аглинской же, любезная и всему свъту куріозная инвентура» и пр. на 42 л.; она встръчается такъ же въ рукописи Моск. Общ. Л. 324 сборн. конца XVIII в. л. 180—220 «гисторія о графь Иполить и о графинь Жуліи Англинского государства»; въ собраніи Бередникова такъ же находится исторія «о Аглинскомъ графь Ипполить и любительниць его Жуліи» (Извъст. 4, 199).

— «Гисторія о Евдон'в и Берфі», на 70 лист., почти съ тіми же дійствующими лицами, какія въ Неистовомъ Роланді; романт называется такъ же исторіей разбойника Борбоса, играющаго въ ней большую роль. Другіе списки ея: въ сборникъ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки XIV. Q. 27 л. 1—57, безъ первыхъ девяти листовъ; въ рукописи г. Черткова, «куріозная гисторія о Евдон'я и Беръфі, переведена съ Нъмецкаю языка на Руской» (Всеобщ. Библ. Россіи 1, 526); въроя гно то же въ рукописи Погодинскаго собранія № 1984.

Этой исторіей оканчивается сборникъ г. Забълина, очень характеристичный въ томъ отношеніи, что составленъ быль очевидно исключительнымъ любителемъ подобнаго чтенія. Въ другихъ рукописяхъ г. Забълина такъ же сохранилось много остатковъ этой письменности:

- Въ одномъ сборникъ XVIII в. № 69 находится неполная повъсть «о королъ Делфъ Сирскомъ, какъ незапно жену свою выдалъ за мужъ», потомъ л. 21—26 такъ же неполная «исторія о королѣ Оиванскомъ Антонинѣ и Луцыи королевнѣ, дочери Алфена Тирнацкаго и о сынѣ вхъ Урлихъ,» и далѣе л. 27—32 «повъсть о королевичъ Кипрскомъ Веліамѣ, какъ не въдавъ женился на сестрѣ своей родной,» нѣсколько отличная отъ другихъ романовъ XVIII вѣка, и можетъ быть принадлежащая XVII столѣтію.
- Въ сборникъ XVIII в. № 73 заключаются 1) исторія «о Египетскомъ царевичъ Полеонцьюнъ», находящаяся и въ рукописи Бередникова: «исторія о Египетскомъ цесаръ о Поленціонъ и о прекрасной королевъ Милитинъ» (Изв. 4, 199); дальье 2) неполная «гисторія о королевичъ Францъ Имензоліусъ Гишпанскомъ и о прекрасной королевичъ Раксанъ», которая въ рукописи г. Черткова называется: «гисторія, а въ ней пишетъ о Францъ кралевичъ Гишпанскомъ и о Роксанъ, кралевитъ Великобританской» (Вс. Библ. Россіи 1, 526); наконецъ 3) «Аделенда Африканская», повъсть, переведенная съ Французскаю на Россійскій языкъ въ Спб. 1761 года.
- Въ рукописи XVIII в. № 74 находится «гисторія о Клеонтъ и Рамиръ.»
 - Въ упомянутомъ сборникъ № 69 сохранилась и ста-

ринная редакція одного изъ этихъ романовъ, уцѣлѣвшаго въ простонародномъ чтеній до сихъ поръ; именно, на л. 37—184 помѣщена «гисторія о храбромъ Гишпанскомъ рыцарѣ Венцыанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель,—и о прекрасной Гишпанской королевнѣ Пресіянѣ, выписано изъ древнихъ гранографовъ» (sic) и пр. Заглавіе исторіи очень длинно и кудревато, изложеніе напоминаетъ романы XVII столѣтія, по особеннымъ архаизмамъ языка. Другой списокъ указанъ въ росписи книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи, Спб. 1840, стр. 158.

Библіотека г. Черткова, кром'в приведенныхъ, им'ветъ другіе романы XVIII стольтія и значительно дополняетъ списокъ ихъ. Выписываемъ ихъ заглавія:

- «Исторія о великославномъ цесарскомъ кавалерѣ Парижѣ и о прекрасной кралевской дщери, именемъ Вѣнѣ» (Вс. Библ. Россіи 1, 526).
- «О изгнанномъ Римлянинѣ Эуўимусѣ. стацкой романъ (Staatsgeschichte) съ образца Французскаго Телемака, переведенъ съ *Нъмецкаго* на Руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году,» въ 2-хъ частяхъ (тамъ же, 1, 527).
- Въроятно той же эпохи «Случаи Телемаковы сына Улиссова», можетъ быть отличные отъ другихъ переводовъ Фенелонова романа, изъ которыхъ одинъ находится върукописи Моск. Общ. № 161 «Похожденіе Телемака, сына Улиссова, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ де ла Моттъ Фенелонъ и пр., переведена 724 года:» другой изданъ въ 1747 г. Сиб., но сабланъ былъ еще въ 1735. Объ этомъ посабднемъ Тредьяковскій вт. предисловін къ своей Тилемахидъ сообщаеть такое свъдъніе: «коль ни благоразумный и ни добронравный переводиль его мужъ, и языкъ разумъвшій Французскій; однако не обратившійся ни мало въ словесныхъ наукахъ, не могъ произвесть перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было. Списки, съ недостаточнаго его во всецъломъ содержаніи перевода, еще беспредъльно недостаточнъе произникли; а обносясь повсюду, расплодили и сами спискижъ съ себя, но толь пренесовершенный, что Тилемаха въ нихъ по заглавному токмо по-

читай имени узнавать стало можно. Изъ такихъ точно свесковъ одинъ достался Академической типографіи, которая Тилемаха и произвела печатнымъ тисненіемъ».

— «Погубленный Рай, чрезъ г. Мильтона героической воемой представленный; перев. съ Франц. б. А. Г. Строгановъ, въ Москвъ въ 1745 году,» въ 12 книгахъ или пъсняхъ; другой экземпляръ этого перевода, по указанію г. Черткова, хранится въ Общ. Люб. Росс, Словесности (Вс. Библіот. 1, 526—527).

Въ библіотекъ Моск. Общества находятся кромъ Телемака слъдующіе романы того же времени:

- «Исторія о славномъ Саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалерѣ Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ» въ сборникѣ XVIII в. № 324 л. 135—180.
- «Зерцало восточных» принцесъ, романъ отъ госпожъ Фаньяны, съ Французскаго на Россійскій языкъ переведенной Шляхетнаго кадетскаго корпуса гефрейтеромъ Васильемъ Будаковымъ, маія 30 дня 1757 года».

Въ Толстовскомъ собраніи Публ. Б-ки романовъ XVIII столітія такъ же немного:

- «Славная гисторія о Мединтесѣ и Аріаннѣ, о Паламедесѣ и Епихарисѣ, и о прочихъ», въ 16 книгахъ, на 345 л., рукопись начала XVIII в., по каталогу Толст. 1, 405 Публ. Б-ки XV. F. 23.
- «Исторія о Зелимѣ и Дамазинѣ» Толст. 5.91 на 112л., писанная въ апрѣлѣ 1756 г., въроятно тотъ же переводъ, который былъ напечатанъ въ 1761 г. Спб.

Погодинское собраніе, кром \pm упомянутых \pm романовъ, им \pm етъ «сказаніе о царевич \pm Өйрсис \pm » въ рукописи \mathscr{N} 2004 и какую-то пов \pm сть XVIII в. безъ заглавія подъ \mathscr{N} 1794.

Въ библіотек Тарскаго, въ рукописи № 311 помъщена «прекрасныя Аріанный пріятная и любезная гисторія» въ 16 книгахъ, на 262 л., въ концъ которой прибавлено: «оная гисторія кандуктора Серьгея Сукова, списана въ 755 году, въ апрълъ 19 числъ, при кръпости святыя Елизаветы», — въроятно переводъ извъстной въ свое время книги Таландера (Aug. Bobse),

Ariadnens Staats - und Liebesgeschichte, Leipz. 1705 (cm. Grässe, Lit.-Gesch. 3, 2, 255).

Намъ встрѣтилась въ одной рукописи XVIII в. «гисторія о Гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, имянуемомъ Долтернѣ, и о прекрасной Гишпанской королевнѣ Элеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону цесарства Римскаго», на 67 лист.

Въ одной рукописи Казанск. универс., XVIII-го столътія, на л. 94—194 находится «гисторія о Колеандръ, цесаревичъ Греческомъ, и о прекрасной Неонилдъ, цесаревиъ Трапизонской» (Журн. М. Н. Пр. 1854, авг. стр. 31).

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго стольтія упоминается «Азіатская Баниза», романъ, знаменитый въ концѣ XVII-го вѣка (Klipphausen, Asiatische Banise, см. Grässe ib. 3, 2, 251. 255). Кажется, существовалъ такъ же какой то романъ или исторія «о Валтасарѣ, королѣ Табурецкомъ», имя которой написано раза два въ сборникѣ Забѣлина № 67; списки ея намъ не попадались. Болотовъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что въ Петербургѣ, у дяди своего, бывшаго въ военной службѣ, читалъ онъ рукописный романъ, переведенный съ Французскаго «Эпаминондъ и Целеріана», около пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (Отеч. Зап. 1850. 5, 33).

Безъ сомнънія здѣсь приведено далеко не все, относящееся къ этому отдѣлу старой письменности. Романы расходились не только въ низшемъ слов грамотныхъ людей, но и въ среднемъ классѣ общества; странствующіе торговцы книгами развозили ихъ по всѣмъ концамъ Россіи, какъ и до сихъ поръ развозитъ книги ихъ потомство. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія рукописныя «гисторіи» уже вызывали сатирическія выходки. Одинъ изъ журналовъ 1769 г., «И то и сіо», съ неподдѣльнымъ юморомъ подшучиваетъ надъ весьма славными сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ имянъ», каковы, напримѣръ, исторіи «о побѣтѣ изъ пушкарскихъ улицъ бѣлаго пѣтуха отъ курицъ, о Фролѣ Скобѣевѣ, Азіатская Баниза»; или разсказываетъ исторію одного господина, который «по прекрашеніи приказной

19

службы кормить голову свою переписываніем разных в исторій, которыя продаются на рынкъ, какъ то, напримъръ: Бову королевича, Петра Златыхъ-Ключей, Еруслана Лазаревича, о Францъ Венеціянинъ, а Геріонъ (- исторія, которая намъ не встръчалась ---), о Евдонъ и Беров, о Арсасъ и Разивръ, о Россійскомъ дворянинъ Александръ, о Фролъ Скобъевъ, о Барбосъ разбойникъ и прочія весьма полезныя исторіи, и сказываль овъ мић, — говоритъ авторъ, — что уже сорокъ разъ переписалъ . исторію Бовы королевича, ибо на оную бываетъ больше походу, нежели на другіе такіе драматическіе сочиненія». Передавая читателю одинъ свой сонъ, издатель говоритъ, снова вспоминая о весьма славных в исторіяхъ: «появилися изрядные румяны на всемъ моемъ лицъ, и началъ я походить тогда на Евдона или на Береу, которыхъ видалъ въ Москвв на Спаскомъ мосту въ продажь». Наконецъ герои этихъ романовъ даже прославляются журналомъ въ стихахъ. Сумароковъ, въ епистолъ о Русскомъ языкъ, съ своей стороны вооружался противъ этой рукописной литературы:

> «Не нужно, чтобы всъмъ надъ риемами потъть, А правильно писать потребно всъмъ умъть. Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога; Затворена въ нему въ ученін дорога. Липь только ты склады немного поучи, Изволь писать Бову, Петра Златы Ключи....»

Нападки имъли конечно основаніе въ большой привязанности извъстнаго рода читателей къ этимъ произведеніямъ, приносившимъ немного пользы и для ума и для сердца. Всѣ эти романы чрезвычайно похожи одинъ на другой: ихъ герои одарены обыкновенно всѣми достоинствами и добродѣтелями; любящія сердца страждуть отъ разлуки, враговъ или препятствій, и въ концѣ достигаютъ обыкновенно вожделѣннаго брака. Эта особенная категорія романовъ во Французской и Нѣмецкой лвтературахъ XVI— XVII стольтій была продолженіемъ прежнихъ рыцарскихъ исторій, но продолженіемъ безцвѣтнымъ и монотоннымъ; изъ этого источника они появились и въ Польской литературѣ XVII— XVIII вѣка. У насъ они переводились съ Нѣмецкаго и Французскаго; но очень многіе романы, какъ исто-

рія о рыцарѣ Гендрикѣ и другія, переведены были съ Польскаго. Большею частью подлинники нашихъ исторій не указываются, но переводы съ Польскаго могутъ быть угаданы и безъ объясненія, по неправильностямъ и полонизмамъ въ языкъ; напр. въ романахъ попадаются такія выраженія: безъ жадной притчины, зосталь (следался) кавалеромъ, мусили плакать и т. п. Въ нихъ замътны неръдко и общія черты языка, принадлежащія Петровской эпохф, особенно употребленіе иностранныхъ словъ, какія тогда были у насъ вездів приняты, напр. произносить дишператныя рычи, быжать на сикурсь, придти въ алтерацію т. е. изміниться въ лиць, персоны останили по себі куріозность, ассамблея, волунтерь, куранты в т. п. Сантиментальныя объясненія героевъ и героинь, безпрестанныя въ этихъ исторіяхъ, передаются у насъ чрезвычайно галантерейно, в отъ того иногда очень забавны: всв легкіе и свободные обороты подлинника выходили по-Русски тяжелы и нелепы, такъ что наши переводы бросають новый невыгодный свъть на эти романы. Лишнее было бы судить строго объ этой литературћ; ея оправданіе заключается во времени и читателяхъ; она любопытна для насъ только какъ одна черта въ характеристикъ стариннаго популярнаго чтенія, вит котораго она лишается всякаго значенія. На квигахъ изъ вароднаго чтенія всегда остается какой то отпечатокъ понятій и вкусовъ этого класса читателей, - и, конечно, странно было бы ставить ихъ въ уровень съ кореннымъ литературнымъ развитіемъ и вооружаться противъ ихъ отсталости и неэрълости, какъ дълаетъ Низаръ, говоря о народныхъ Французскихъ книгахъ.

Къ той же эпохѣ относятся и нѣкоторыя стихотворныя сочиненія, забавнаго и шуточнаго содержанія, и сборники анекдотовъ въ родѣ Смѣхотворныхъ повѣстей. И то и другое, подъ общимъ названіемъ примъровъ (przykład, beispiel) и жартъ, встрѣчается въ рукописи XVIII-го столѣтія, изъ Погодинскаго собранія № 1777. Сначала, л. 1 — 126, въ ней помѣщены анекдоты, въ родѣ тѣхъ, какіе указаны прежде и въ рукописяхъ XVII-го вѣка; здѣсь смѣшаны два разные сборника: сперва приведено нѣсколько анекдотовъ изъ Смѣхотворныхъ повѣстей, а далѣе, послѣ 27-й главы, начинается другой сборникъ, пере-

веденный уже въ XVIII-мъ стольтіи; оба вмъстъ заключаютъ 226 мелкихъ разсказовъ. Дальше, на л. 126—183 Погодинской рукописи находятся «увеселительные жарты» съ такимъ объясненіемъ:

 хотя не для историческаго чтенія, сочинены нѣкоторымъ человѣкомъ для увеселенія, самыя забавныя жарты, охотно читать какъ играть въ карты.

Затьсь помъщены 32 исторіи, написанныя силлабическими виршами. Увеселительные жарты были переведены безъ сомнтнія съ Польскаго, около половины прошлаго столттія, в по особенностямъ языка очень сходны съ переводными романами того же времени, — и затьсь та же любовь къ иностраннымъ словамъ и шероховатость фразы.

Подобнаго рода исторів находятся такъ же во Фроловской рукописи Публ. Б-ки XIV. Q. 27, конца прошедшаго стольтія, въ которой помѣщены только четыре разсказа подъ заглавіемъ: «гисторія о разныхъ куріозныхъ амурныхъ случаяхъ» (л. 68 — 94). И въ Погодинскихъ «жартахъ» и въ этой «исторіи» передаются иногда тъ же сюжеты новеллъ, какіе мы видъли въ Смъхотворныхъ повъстяхъ, но съ прибавленіемъ новыхъ забавныхъ разсказовъ, содержание которыхъ достаточно характеризуется заглавіемъ Фроловской рукописи. Это были вообще поздивнішія обработки старинных в новелль, перешедшія въ Польскую литературу изъ Намецкаго или Французскаго источника. Подъ названіемъ жартъ и куріозовъ Польскихъ эти исторіи долго были чтеніемъ простаго народа, и въ 1789 году напечатаны были въ извістной простонародной книжкі: «Старичокъ-Весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія быля и Польскія диковины» (Спб., 70 стр.). Посл'я перваго, самаго полнаго, изданія, книжка перепечатывалась много разъ до нынішняго времени; опа не изміняла своего прежняго склада и до сихъ поръ сохранила уродливые вирши XVIII-го въка. Все содержаніе книжки заимствовано изъ «увеселительныхъ жартъ,» списки которыхъ находятся въ Погод. и Фроловской рукописяхъ; сходство ихъ часто буквальное. Въ то же время нъкоторые изъ увеселительныхъ жартъ перешли и въ лубочныя изданія; такова извѣстная исторія «о купцовой женѣ и прикацикѣ,» переложенная на Русскіе нравы и напечатанная на 8 лубочныхъ листкахъ, съ приличными тексту картинками и надписями: со-держаніе повѣсти о лукавой женѣ и прикащикѣ разсказано уже въ Старичкѣ-Весельчакѣ и въ Фроловскомъ сборникѣ, лист. 86—91.

Столько извъстная въ лубочныхъ изображеніяхъ исторія о курт и льстивой лисицт помтіщена въ той же рукописи на л. 32—52 подъ общимъ заглавіемъ: «куріозные дтйствій кура и лисицы,» за которымъ следуетъ другое: «исторія о прекрасномъ курт доброгласномъ, какъ онъ прійде на покаяніе къ лисицт, къ премудрой духовницт.» Въ рукопитяхъ г. Забълина встртачается и эта «повтсть изрядная о курт и о лисицт, како его прелстила лисица» въ сборникт № 82, и другіе списки.

Въ заключение указываемъ въ старинныхъ рукописяхъ и нѣкоторыя произведения народной словесности.

Сказки и эпическія былины, получившія въ последствіи только сказочный интересъ, перешли въ рукописи уже давно, по крайней мъръ съ XVII-го стольтія. Въ старинныхъ сборникахъ встрѣчались намъ попытки записывать народные разсказы и пъсни, и лучшимъ, замъчательнъйшимъ примъромъ этого должно назвать прекрасную «повъсть о Горъ и Злочастія, какъ Горе-Злочастіе довело молотца во иноческій чинъ,» — встръченную нами въ Погодинскомъ сборник XVII - XVIII-го въка, № 1773, и напечатанную въ Современникъ 1856, № 3, стр. 49 — 68, съ замъчаніями г. Костомарова, и потомъ болье исправно въ Памятникахъ и образцахъ народнаго языка при Извъстіяхъ ІІ-го Отд. Акад. (стр. 401-416). По мысли и исполненію, повость о Горф-Злочастін занимаетъ средину между сказкой, былиной и такъ называемыми «стихами.» Сюжетъ ея, представляющій олицетвореніе Горя и борьбу его съ самонадъяннымъ добрымъ молодцемъ, принадлежитъ къ лучшимъ мотивамъ нашего сказочнаго эпоса; по его развитію, стихотвореніе им ветъ неоспоримыя достоинства, дающія ему одно изъ первыхъ мъстъ въ нашей народной поэзін. Въ то же время оно

отличается тымъ назидательнымъ значеньемъ, какое составляеть особенность духовныхъ стиховъ: все начало стихотворенія посвящено объясненію нравственной темы, лежащей въ его основъ. Если въ духовныхъ стихахъ общенародное творчество выразилось слабте, чтмъ въ древнихъ былипахъ и миническихъ сказкахъ, то и въ нашей повъсти можетъ быть признано участіе отдівльнаго автора. Мы думаемъ по крайней мірів, что нъкоторыя части стихотворенія выказывають родъ литературной отділки, а не были готовымъ произведеньемъ народной фантазів. Обширное введеніе, не вполить сохраненное рукописью, и нравственныя наставленія, вложенныя въ уста честныхъ родителей добраго молодца, не соотвітствують другимъ примьрамъ нашего эпоса, который больше заботится о быстромъ изложеніи событій и мало останавливается на полобныхъ чертахъ. Участію одного автора не противоръчить прелесть языка, вполнъ проникнутаго всъми началами народно-поэтическаго выраженія: языкъ могъ быть усвоенъ отдельнымъ авторомъ, если этотъ последній умевль схватить коренную идею преданья и остаться ей върнымъ. Обстановка сюжета напоминаетъ неръдко пріемы сказочнаго эпоса: таково преслъдованіе добраго молодца Горемъ, изложенное очень картинно:

> Подетьль молодець яснымъ соволомь, а Горе за нимъ бълымъ кречетомъ; молодецъ подетълъ сивымъ голубемъ, а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ; молодецъ пошелъ въ поле сърымъ волкомъ, а Горе за нимъ съ борзыми выжлецы; молодецъ сталъ въ полъ ковыль-трава, а Горе пришло съ косою вострою, да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося: • быть тебъ, травонька, посъченой, • лежать тебъ, травонька, покошеной, «и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной». Пошель молодець въ море рыбою, а Горе ва нимъ съ частыми неводами; еще Горе злочастное насмъялося: «быть тебъ, рыбонькъ, у бережку уловленой,

- быть тебь да и събденой,
- умереть будеть напрасною смертію! -

Молоденъ пошелъ пешъ дорогою,

а Горе подъ руку подъ правую

Разнообразныя превращенія Горя здісь очевидно не простыя метафоры, а сознательное еще повтореніе поэтическаго образа, извістнаго и по другимъ памятникамъ. Вспомнимъ хоть повість о Соломонів. О томъ, что въ этомъ стихотвореніи старый Русскій бытъ отражается съ его достоинствами и недостатками, было уже говорено въ помянутой стать т. Костомарова (О Горі - Злочастій см. такъ же статьи: г. Буслаева, въ Русск. Вістн. 1856, № 13—14; г. Костомарова въ Соврем. 1856, № 10, и замітки о журн., іb.).

Былины такъ же вносились въ сборники. Въ рукописи Заованна. XVIII в. № 71, находится «гисторія о Ильв Муромцв и о Соловь в разбойник в»; въ другой рукописи, № 82, помъщена исторія Ильи, безъ начала, и «сказаніе о трехъ богатыряхъ, Ильъ Муромцъ, Михаилъ Потокъ Ивановичъ и Алешъ Поповичъ»; по рукописи Забълина напечатана сказка объ Ильв Муромцв въ изданіи г. Аванасьева, стр. 56-61. Ввроятно по старивному же списку напечатана была въ первый разъ лубочная «исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ» на 8 листкахъ съ картинками, повторенная въ изданіи г. Аванасьева, стр. 53-58. Лубочныя изображенія богатаго и Лазаря, Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Чурилы, по словамъ г. Снегирева, изданы еще въ 1656, 1658 и 1686 годахъ. Прошлому стольтію принадлежить замьчательный сборникъ былинъ Кирши Данилова и рукопись Бъльскаго, изъ которой г. Сахаровъ заимствовалъ напечатанные имъ тексты былинъ и сказокъ. Кромъ былинъ, извъстныхъ и по изданію Калайдовича, въ рукописи Бъльскаго находятся слъдующія сказки: 1, Добрыня Никитичь; 2, Василій Буслаевичь; 3, Илья Муромецъ; 4, Акундинъ; 5, о семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ; 6, 3м вй Горынчища; 7, Соловей сынъ гостиной, Ивановичъ; 8, Иванъ гостиной сынъ; 9, Алеша Поповичь; 10, Емеля дурачекъ; 11, Шемякивъ судъ; 12, о семи мудрецахъ и о юношѣ; 13, о чудныхъ и зѣло умильныхъ гусляхъсамогудахъ; 14, о Жаръ-птицѣ и Иванѣ царевичѣ (Рус. Нар. ск. 1841. стр. 269). Здѣсь соединены, слѣдовательно, и пересказы былинъ, и сказки, и переводныя исторіи.

Ауховные стихи, изданные г. Кирфевскимъ, опять принадлежатъ старой письменности. Стихъ о Голубиной книгъ находился и въ сборникъ Кирши Данилова; замъчательный списокъ стиха есть въ рукописномъ собранія г. Ундольскаго (см. Изв. 3, 47-48). Повъсть о Лазаръ, въроятно однозначительная со стихомъ, печаталась на лубочныхъ листахъ еще въ XVII стольтіи. Въ сборникъ Кирши нъкоторыя стихотворенія занимають средину между чистыми былинами и стихами о святыхъ и мученикахъ, напримъръ «сорокъ каликъ со каликой,» гдъ пересказана исторія Іосифа, соблазняемаго женой Пентефрія; въ другой былин в (стр. 252-265) являются действующими лицами царь Саулъ Леванидовичь и сынъ его Константинъ, имена, принадлежащія такъ же стиху о Өедорь Тиронь. Духовные стихи, или народные или книжные, записаны въ Румянцовской рукошиси конца прошлаго въка, № 408. При лучшемъ знакомствъ съ нашей старинной письменностью, можно будетъ безъ сомивнія найти и болье древніе памятники этого рода, и указать отнопеніе между современными «стихами» и прежними попытками излагать подобныя преданья въ литературной формъ. Въ повъсти о Соломонъ, прежде нами разобранной, можно видъть переходъ отъ книжнаго сказанія къ народному произведенію, гат еще не совершенно изгладились черты подлиннаго разсказа и не вполить развито народное эпическое начало. Въ одной изъ рукописей г. Тихонравова, конца прошедшаго стольтія, записано между прочимъ начало «повъсти о Өеодоръ Туринъ,» очень сходное съ текстомъ Кирфевскаго (Чтенія, 1848. 9, стр. 145); это могъ быть или списокъ со словъ, какъ былины Данилова, или же копія съ болье стараго подлинника. Помъщенная въ той же рукописи «повъсть о Оедоръ жидовинъ» служить прим вромъ того, что книжныя сказанья иногда мало-по-малу измѣнялись подъ вліяніемъ народнаго авторства и переходили потомъ въ устную словесность: въ этой повъсти нътъ уже нервоначального разсказа, и втъ книжного тона, но она еще не переработана до такой степени, что бы ее можно было поставить рядомъ съ другими «стихами», какъ первую повъсть.

Небольшой сборникъ Тихонравова начинается «нравоученіемъ о стяжаній и чтеній святаго писанія» и состоить изъ короткихъ статей духовнаго содержанія. Въ последней тетрадке сборника находится повъсть о Оедоръ жидовинъ, нач. «....во святомъ градъ Іерусалимъ, жилъ былъ Өедоръ жидовинъ, и побхаль Өедоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Јерусалимъ ко царю хліба кушать, и какъ присталь къ берегу, и на томъ брегу стоитъ иконописецъ» и т. д.; на л. 6 «повъсть о Өеодоръ Туринъ — пострада за въру христіанскую», только одно начало: «во славномъ градъ Іерусалимъ, у святой церкви Михаила Архангела, выходилъ царь Константинъ Сауловичь ко святой заутрени Богу молитися, иде (sic) и изъ чиста поля вылетала калена стръла и становилась калена стръла противъ царя Константина Сауловича, подъ его скоры ноги, самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичь, взговоритъ что въ трубу трубитъ: свътъ мой, князья и бояря и люди почетныя»....

Нъкоторыя сказки такъ же находили мъсто въ старинныхъ сборникахъ. Впрочемъ до сихъ поръ извъстно очень мало подобныхъ текстовъ; указываемъ, что было нами встръчено въ рукописяхъ.

— Весьма извъстная въ лубочныхъ изданіяхъ «сказка о славномъ и сильномъ витязъ Еруслань Лагаревичь, о его храбрости и невообразимой красотъ царевны Анастасіи Вахрамьевны,» на 32 л., помъщена въ Погодинскомъ сборникъ XVII -XVIII въка № 1773, на л. 207—238 подъ заглавіемъ: «сказаніе и похожденіе о храбрости, о младости и до старости его бытія, младаго юноши и прекраснаго Русского богатыря, зівло послушати дивно, Еруслана Лазаревича», начин. «бысть въ царствъ царя Картауса» и пр. Нъсколько отлично отъ другихъ чтеній сказка передается въ Толстовскомъ сборник XVIII стольтія 5. 62, Публ. Б-ки XVII. Q. 4, на л. 22-35 подъ заглавіемъ: «сказаніе о царствъ царя Картауса и о дядъ его Лазоръ Лазоревичь и о сынь его Еруслань Лазоревичь и о его похожденіи,» начин. «бысть въ некоемъ царстве, быль царь неки именемъ Картаусъ, а у того цари Картауса былъ дядя князь

Лазорь Лазоревичь, да у того же царя Картауса садилося за столъ на всякой день по 5,000 людей, а тыть людемъ исходило корму на всякой день 1,000 быковъ, да по 3,000 барановъ, а после стола вывозили костей за градъ по 30 возовъв и т. д. Въ этой сказке встречается вообще много очень известныхъ эпическихъ мотивовъ, но есть и некоторыя отличія оть другихъ сказокъ, напр. Татарскія имена богатыря Еруслана, кона алоктигирея и пр., и другія подробности, которыя еще требуютъ объясненія.

— Въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 1772, на об. л. 187—189 помѣщена безъ заглавія сказка о нъкоємь молодую, коню и саблю, къ сожалѣнію неконченная. Приводимъ отрывокъ, чтобы дать понятіе о томъ, какіе прекрасные тексты сказокъ могутъ быть отысканы въ старыхъ рукописяхъ. Изложеніе этой сказки чисто-народное, вполнѣ сохраняющее эпическій складъ произведенія:

«Въ древнихъ было лътехъ, а въ далныхъ странахъ, коли-де себъ отликой молодецъ, смолода быль бъль-кудрявъ, конь у нево былъ буръ-косматъ, на ухо лысъ, задняя нога по окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего того хорошае было у добра коня 12 примътъ: ротъ какъ пасть, языкъ какъ рукавъ, грива колесомъ, уши колпакомъ, окорока висли — памяти вышли (?), олень в мышки — заечьи почки (?), хвость какъ кутасъ, кругаые копыты, что полные морскіе раковины, а очи у добра коня что великія питьи чаши, на лобъ вышли, - весь молодецкой конь въ приматахъ, что лютой звърь. И коли-де себъ отликой дородной молодецъ осъдлаеть своего добра коня и вскинетъ на него свое съдло черкаское и подстегнетъ двънатцать подпругъ былого шелку шемахинского, -- у всякіе подпруги пряжки красного золота аравитцкого, -и положитъ на добра коня свою узду тесмяную, и остегнеть на себя свой полный садакъ, а въ немъ 300 стрълъ, полъ-100 кибирей, 70 аргичевь, 80 ташлыковь, 30 сверать, оприченно надобных в стрель, а всякая стрела морская трость, на трое колото и на четверо строгано, и наливано въ нихъ красного золота аравитцкого, — и опоящетъ на себя свою молодецкую вострую саблю тулушманку, пошире драницы, а немногимъ

поуже тесницы, за конемъ съ сажень, а передъ конемъ съ локоть, а кована она въ красномъ-дорогъ-заморскомъ булатъ, огницко вострое сабли дорога камени самотвътного, а у ноженъ оконца красного золота аравитцкого. И сведали про тое его молодецкую вострую саблю во многихъ далныхъ ордахъ многіе царевичи и королевичи, и учали изъ далныхъ ордъ своихъ къ добру молодцу послы посылати, чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образецъ великіе ради хитрости и мудрости. Образца не сняли и прочь по своимъ далнымъ ордамъ розъбхалися. И учалъ себъ отликой молодецъ своею вострою саблею похвалятися: «не потому-де моя молодецкая вострая сабля (дорога), что она кована въ заморскомъ красив - дорогв булатв; потому - де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесятъ городовъ, а всякой мастеръ ималъ отъ своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ. Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога, что здълана она хитростію и мудростію.... въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе отъ майдана и до долу (?). Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновалъ, тотъ отъ единого разу живъ не ъзживалъ». И коли-де себъ отликой дородной молодецъ сядеть на своего добра коня и вывдеть въ чистое поле и заиграетъ»....

Любопытно было бы найти окончаніе этой зам'вчательной сказки: отчего въ ней такое изобиліе Татарскихъ словъ? Внизу страницы, въ рукописи прибавлено: «сія книга Троицкого монастыря подъячего Анеима Шешкова, а писалъ вамъ своею рукою літа 7204 (= 1696), сентября».

— Въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчается любопытная сатира стараго времени, которую у насъ не совсѣмъ вѣрно относятъ въ область сказки, — судное дпло у леща съ ершомъ. Эта сказка напечатана г. Сахаровымъ по его старому списку, гдѣ она имѣетъ такое заглавіе: «въ морѣ передъ больпими рыбами, сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о лихомъ человѣкѣ, и какъ съ нимъ тягались рыбы

лещь да головель» (Русск. Ск. 1841, стр. 154 — 174). Сказка очень извъстна и по лубочному изображенію, на большомъ листь, съ подписями, которыхъ недостаетъ въ напечатанномъ текстъ. Отрывокъ сказанія находится въ очень ветхой рукописи Публ. Б-ки, XVII вѣка, XV. Q. 35, на семи листахъ; другой списокъ есть въ упомянутомъ прежде сборникъ Забъдина № 67, на пяти страницахъ подъ заглавіемъ: «списокъ съ суднаго дела слово въ слово, какъ былъ судъ у леща съ еринемъ», начин. «рыбамъ господамъ, великому осетру и бълугъ, бълой рыбицъ, быетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской, лещъ съ товарищи» и т. д., — списокъ замъчательный. По словамъ г. Сахарова, эта повъсть, «носить на себъ отпечатокъ какой то непонятной намъ сатиры», - напротивъ, если непонятно для насъ что нибудь другое въ нашемъ сказочномъ эпосф, то нътъ ничего ясифе этой сказки. Заглавіе ея, особенно въ Забълинскомъ спискъ, очень хорошо объясняетъ, въ чемъ дело: это явная сатира на старинное делопроизводство, подобіе котораго удачно сохраняется въ самой сказкъ и ея витшней формт. Въ сущности она вовсе не принадлежить къ сказочному эпосу, съ которымъ не имъетъ общаго ни по мысли, - потому что сказочный эпосъ совершенно независимъ отъ сатиры, ни по изложенію, — потому что здітсь ніть обыкновенныхъ эпическихъ пріемовъ. Это чисто-литературная сатира XVI — XVII въка, въ данной формъ возможная только въ тогдашнемъ Русскомъ бытъ.

— Другимъ примъромъ подобной сатиры можетъ служить Шемякинъ судъ, старинное произведеніе, не разъ повторевное и въ новъйшихъ литературныхъ обработкахъ. Не распространяясь теперь о литературной исторіи этого сюжета, представляющей любопытныя данныя, замътимъ только старинный списокъ сатиры въ Толстовскомъ сборникъ XVII — XVIII въка 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 42 — 46, гдъ повъсть называется «судъ Шемяки судъи, выписано изъ Польскихъ княгъ», начин. «въ нъкихъ мъстъхъ живяще два пустынника, единъ богатъ, а други убогъ, богаты же ссужая многа лъта убогова и не возможе его скудости исполнити» и пр. Изложеніе очень сходно съ извъстнымъ лубочнымъ изданіемъ; единственный

важный варіанть находится только во второмъ приключеніи бъдняка, который, упавши съ полатей, убиваетъ ребенка у попа, а не у простаго мужика. Довольно трудно объяснить ссылку на Польскія книги, изъ которыхъ будто бы выписана эта повъсть; въ самомъ текстъ нътъ никакихъ особенностей. принадлежащихъ обыкновеннымъ переводамъ съ Польскаго, потому что сказка написана смёсью стараго книжнаго языка съ пароднымъ, и потому всего скорфе могла быть записана Русскимъ грамотћемъ. Быть можетъ, все основание этой ссылки заключается въ томъ, что въ оригиналѣ Толстовскаго списка повъсть была помъщена съ какими нибудь сказаньями, дъйствительно переведенными съ Польскаго, и писецъ желая указать свой источникъ, неправильно отнесъ и «судъ Шемяки» къ Польскимъ книгамъ. Заметимъ, что въ Забелинской рукописи XVIII въка № 73 находится «исторія о бывшемъ у нъкоего короля предивномъ шутъ, и о Шемякинъ судъ, и о протчихъ посмфятельныхъ женскихъ притчинахъ», гдф, сколько можно судить по заглавію, Шемякинъ судъ соединенъ съ упомянутыми прежде Польскими «куріозами» или жартами: очевидно, что будучи списанъ съ подобнаго подлинника онъ легко могъ быть отнесенъ къ числу техъ же Польскихъ куріозовъ. Списокъ Шемякина суда находится, какъ мы замътили, и въ старой рукописи Бѣльскаго (Сахарова, Русск. Ск. стр. 270).

— Въ Толстовскомъ сборникъ XVIII въка 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 8—9 помъщена повъсть о дву братехъ о Еремъ и о Оомъ, начин. «были себъ да жили два человъка, торговыя люди» и пр. Ерема и Оома, представляемые теперь на лубочныхъ изображеніяхъ, олицетворяли для Русской фантазіи глупость и нельпость; пъсня объ ихъ похожденіяхъ цъликомъ перешла въ пословицы или составлена изъ пословицъ. Для сравненія съ текстомъ рукописнымъ, довольно полнымъ, могутъ служить варіанты, напечатанные въ Отеч. Зап. 1841, № 5, библ. стр. 58 и другихъ изданіяхъ.

Таковъ былъ объемъ старинной повъсти Русской, сколько мы могли определить его по известнымъ памятникамъ письменности, которыми мы имъли случай пользоваться. Многаго недостаетъ въ этомъ очеркъ, но большая часть фактовъ собрана, и дополненные въ последствіи они представять полную картину свътской литературы въ древней Руси. Нътъ сомпънія, что откроется еще не одно замъчательное произведение поэтической старины Русской, если только будутъ разбирать памятники съ любовью; мы, по крайней мфрф, не жалфемъ объ употребленномъ на работу времени: сказанья о Соломонъ, Девгеніево Дъяніе, повъсть о Горь-Злочастія и другія произведенья, нами указанныя, составять интересную в не лишенную значенія страницу въ исторіи древне-Русской литературы. Неизвістность памятниковъ, относящихся къ старинной повъсти, заставвла насъ ограничиться только изложениемъ фактовъ. Въ настоящемъ положенія вопроса о старой литературів нашей, опреділеніе фактовъ есть дъло первой необходимости; оно можетъ точно указать предълы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысля и фантазін и дальше которыхъ оно не имъло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разръшение споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными партизанами старины и ихъ скептическими противниками. Результаты явятся сами за изследованіемъ, и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мибній. Характеръ старинной Русской повъсти ясно открывается изъ разбора ея произведеній: существенныя черты ея - подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія — были только отраженіемъ общаго характера старой письменности нашей: съ немногими исключеньями, и та и другая наиболже важны, какъ пособіе для исторія быта я нравовъ.

Въ последствии постараемся представить обзоръ матеріаловъ н литературно - историческія заметки о Русскомъ сказочномъ эпосъ, который живымъ преданіемъ сохраняется въ устахъ народа.

приложенія.

- Приводимъ выписку изъ Румянц. Александрін.
 Сербской редакцін, № 175, начиная съ 1-го листа.
- «Житіе и последованіе достолъпнимъ члкомъ и воиномь оўстриляющимсе на брани, еже бо́о чтити и разбити и слишати блженнаго мужа цра Алексендра, како воева и како назвасе црь вьсей земли подсолначной. Начнейь бже о́ рожденіи и о́ съмрти его.
- «Бисть великой премудрости и храбрости и крупости утврдившихсе вы люто (и пр. ср. въ Оп. Р. Музея).... рождейсе снь ему тогда и нарече име ему Алексендырь, еже по Грчьскомы езику зоветсе избраньнь, и по истинить избрань и благь высемы являщесе; не бъже ему б плтыскаго рожденія, ни б члючекого утвора, но бжінмы промисломы, иже высегда помагаще ему. Имаще кы высакому истинную любовы и езикы непотворыны; податливы и милостивы кы всемы сыгрешающимы, и правы судь имаще; сими 4-ми добродътелии четиремы краемы земле пры самодржаць назвасе, и сими добродътелми высакій пры свое пртво требоўе држати. И тако Александры творе, великимы градовомы и странамы пры назвасе, колико ни умы члячь постигнути вызможе, ни из разумы дойти Александрове добродътели, дшевный же и пласцей.
 - «Начитиь ббо об рожденіи Александрове.
- «Говоре снь Филиповь бити ему, но не буди то, но Нектевана пра Египьтского снь есть, и Олимбіяди, жены Филипповы. Сій Нектеванъ, Египьтскимь странамь прь, влховною хитростію и звъздочьтіемь прь бъще, кь бою и рати нейдеше, ни войскомь ни фружіямь противлящесе, но на помощь себе имаше влховную хитрость, и вьсемь околнимь езикомь противлящесе и фдолеваще. И вьси фколніе пріе чуждахусе, что учинити лукавому сему влхову. Егупьтскому пру, — вьса бо блгая земли ншей и богатьство влховною хитростію вызеть и кь своей земли приложи, ми же страждемо; но фбаче нетрпимь вещь сію влховную, нь васи сьбравшесе на землю Егупьтскую пойдемо, и Нектевана ф пртиа изгнавше, и блга

ніша фіпеть кь себе вызмемо, а фінь есть бездітнь и без наслівдія, влховьнь и страшливь, и вьса земля та противитсе. Бъху же сывъщаль овін езицы на Нектенава: Перси, Ивери, и Арапи, и Аксіяни, Віопи, и Елапи, и иніе высточны езицы; и то видевь Егупьтскій црь краншній, прь именемъ Вървърихъ, и въсплакавсе, и рече: о тешко тебе, великій вь градовехь Егупте, до нось вызнесесе, и до ада.... сынидеши; рука твоя бт на высехъ, ийя же рука высехь на те; здт сладости насытилсе еси, ння же горкаго яда наситишисе, но идемь къ Нектенаву цру, и исповъть ему бившее, понеже неизчьтение высточне приве и войске науть нань. И пришьдь, пристопивь кь немо, и рече: въсто ти боди цро, понеже выскоре свой животь вы самрть премъниши, Даріе бо црь Персидскій, вой 68 такмитсе (?) прінде на межде земле твоее сь высёми высточными войсками, и хощеть поразити Егупать тебе ради, но савыкупи свою войску на оой, и изиди пртма ихъ, нь никто же можеть фдольти силной войсцъ и храбромь витезомь ихь, — црь рече — црь на цра и юнакь на юнака в коня, в тако чьсть в помощь вмать; пртво многими людии сьстоитсе, како и море мнозими влнами, и тако страшно являетсе плавающимь по немь. И то Нектенаву Верберихь рече, и насмъясе пръ и рече: добро сьтвориль еси, понеже вызвестиль еси мнъ дошаствіе пра Дарія и другихъ высточнихь прей на Египать; мудрій страшливь не биваеть, раты многими людми не бывають, но добримь и храбримь срцемь; иногащи единь вакь многих елень гонить, и единаго вака скоченіемь много стадь **ФВЬЦЬ** разгонитсе, нь ти пойди и реченное ти **Б** мене створи, инихь сьпоходи и мне глась посилай. И се рекь Вервериха бправи, сам' же писа книге по высехы градовъхы и странах Егупатскихы готовитисе на браны, битисе за землю и за цртво свое; но гдъ Бъ не хощеть, члекь не можеть. И сіе рекь, выниде вы полату црку и влховно врачеваніе сытвори и злату руооўмирію водъ наплин и б воска на водъ двъ войскъ учиня, сыпротивну войску свою, и хитростію сытвори битисе войскамь, и видъ свою войску о Персійскей войске побіену, и виде прь отгущіе Егупьтскіе крмеще корабли ратніе и Уважаху войску вь Егупьть, и велми вьсплакасе и рече: о горе тебе, Египте, во много лътехь прославилсе еси сь премь своимь Нектенавомь и вь единомь лъте погибнете; несть бо на земли радости, иже не премънитсе вы жалость, ни слава, коя не погибаеть, но, о горе тамь, иже надъютсе вь влшабною хитрость и помощь; прилично есть насланяющемсе на воду когда се бпре, тогда вь воду погрезнеть. И вь безчастіе прінде црь Нектенавь, и въ Египте не могаше бити, ни сь войскомь битисе, жалосте исплинесе, браду и глав в свою фетр в на пол в по

- «Ŵ нашьдшихь воисках на Егупьть.
- «Войску свою Египтене многу нагубише и кь дворомь пра своего Нектенава пріндоше и не форетоше его вь прскихь полатахь, и ведми вьсплакашесе, и форетоше писаніе прево на фдру его, глщее сице: миліи мои Египтени, зла вашего не могохь эрти, но фтидохь ф вась старь вь ину землю до 30 лтть, и по тридесетехь лттехь паки прінду кь вамь младь. И то писаніе вызьмши Егуптене, изліяще у злату и стлпь високь сртде Египта поставище вь мтсто пра, и вь руку его положены писаніе, его же самь писаль бтте, и вызложище втпыць на главу его, сами же кь Пасидону бу своему притекоше, и за Нектенава пра своего молишесе и выпращаху его: где есть? Юн' же кь нимь вь сит явисе и рече имь: до 30 лтть имать прінти кь вамь младь, и мьчь не уломлен' десницы Перской притупить и враги ваше Перси под' ноги положить.
 - « Въ Македонів вра веля бисть Нектенавь.
- «Филипп' же прь Македонсскій имаше прицу, име ее бисть Шлимбіада, и вьсегда скорбь имаше зане неплодна бъще, но фразомь красна бъще зъло, и вь великой любве прь сь нею пребиваще. Егда же идеяще прь Филиппь на воску (sic), и призва парицу кь себе Шлимбіяду и целова е вьсесрдачно и рече ей: милая моя Шлимбіядо, аще не зачнеши фтроче до пришьствія моего, не има дуже видъти фчи мои, и сіе рекь на войску фтінде. Шлимбіяда же фскрбе и вь тузе велицей фста, не въде что сътворити. Едина же ф рабинь знаяще ю, понеже скрбить фтрочети ради непитнія, и рече кь Алимбіяди прицы, госпожи своей: не скрби, госпоже моя, есть вь наше граду члвкь Егуптенинь, мужь хитръ словомь и дъломь; минтичсе, когда те види, сътворит ти срацу хотеніе, сіе же слипа Шлимбіада вьскорт за Нектенава посла.
 - «Прінде же Нектенавь кь црицы.
- «И рече ем в Олимбіада: о члвче Егуптенине, истинна ли есть, что авъ слышала о тебе, понеже хитростію твоею можешь раздрешити втроб мою, и силном прв Филипп всрдце обвеселити, и велик в мою жалость на радость обратити; да аще се истинна будеть, твори несвиненно еже въси, в велик в очасть и дарь о мене прівмеши, и велик в Македоніи наречешисе.

Digitized by Google

- «Нектенав' же видъвь Олимбіаду
- «И ведми дивлящесе лѣпотѣ лица ее и ючима взираше на нь, и глав в преклонивь стояше; юна же помишляще еда хощеть выскорѣ бѣседовати са нею, юн же стое мяче. И рече емв Олимбіада что ме трудиши, о члвче, аще имащи сил втворити, твори еже вѣси. Он же видъвь красоту лица ее, оустрилень бысть вь ср че любовію, и рече кь Алимбіадѣ: виждв, црице, понеже бай хотеть бити с тобою, Амона и Финеса, да аще припустиши кь себе, мти великом в црв наречешисе.
- «И се слиша Олимоїада и вызрадовасе радостію великою зъло, понеже своему сну мти назоветсе, и повель Олимоїада, да сытвореть ему камару малу близь полате цркіе, яко да казуеть ей дохожденіе ба Амона и Финеса И приде Нектенавь (въ р. Амонь) кы ней самы вы образь ба Амона и рече — таковы есть образь Амоновь: глава орля, на ней рози василисковы, опашь аспидовы ноги львови, крила грифова злата и червлена, — сице выобразисе Нектенавы и внійде кы Олимоїадь, и бисть сы нею, и рече ей: блженна ти вы женахъ Олимоїадо, яко дись зачеть сна, высему свыту пра. И сіе рекъ, изшыдь вынь, она же оста льстивна, — и прійде заутра къ ней и рече ей: хранисе вы чистоть, и тако приходить к тебе бъ Амонь, и егда прійде време родити ти, призови ме кы себъ, и что ти азы реку створи. И сему тако бившу .—
- «Приспъвь чась рожденія и пристопи Нектенавь кь прицы и рече ей:
 «Придржи вь себе не родити, дондеже блій чась пріидеть, зане аще
 вь сій чась... родини, раба и непотребна члвка, зане коло крога небеснаго вь лунт стоить; мало потерпи, дондеже нбсніе планиты на оставо
 станоть, и стихіе преступленіе створеть, тогда родити хощеши пра премь,
 зтало молра члвка. Шна же претрптвиши се и роди сна великого
 Алексен ра»....
- **III.** Одно изъ **Троянскихъ сказаній** приводимъ по Румянцовскому хронографу XVII вѣка, \mathcal{N} 456, л. 198—202; варіанты указаны по другому Румянц. хронографу \mathcal{N} 459, гаѣ повѣсть находится на л. 7—17, и по хронографу, сообщенному намь г. О., гаѣ она помѣщена на об. л. 10—25.

«Повъсть о созданіи в плъненіи Тройском в и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидъ, паръ Іюдъйскомъ.

«Бяше въ первая времена царь нъкіи именемъ Прилешь. И въ нъкіи день бывшу ему на ловъ въ нъкоемъ морскомъ отоцъ,

у него же отъ единыя страны течаше великое море, а отъ другія страны Скомандра ріка 1, а отъ третіе страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояще лугъ Дудома², а отъ пятые страны удоль, идъже растяху древіе и цвіти многоразличній. Видівъ же царь доброту міста и нача здати градъ во имя свое, и послъ своего живота повелъ сыну своему здати. Такожь и прочіи заповідаху коиждо сыну своему, и съ прежнимъ царемъ, иже нача здати, всъхъ шесть до Тропла царя, иже вяще всъхъ дъло сотвори и нарече во има свое Троя градъ. Троилъ же роди Пріяма царя, у него (же) царица именемъ Якама, - и въ нощи видевъ сонъ и сказа мужу своему, Пріяму царю, и рече: родихъ я главию, и взыде на небо главия и паки возвратися и паде въ море и изыдоша изъ моря искры, яко пламень, и падота на Трои и погоръ весь градъ. Пріямъ же сказа сіе бояромъ и пророкомъ волквующимъ и мудрецемъ и встить людемъ, и ртша ему: господи царю, родится отъ жены твоея сынъ, его же ради изгоритъ и разорится Троя градъ и не останетъ камень на камени. Царь же рече женъ своеи: егда родится сынъ наю, да повелимъ его убити. Жена же рече ему: зъло рада сіе сотворити. Егда же роди царица Якама сына своего и вид'в его красна звло и зжалися яко мати 3, и не може убити, но повивъ его въ ризы многоцвиные и съ нимъ много сребра и злата и повелъ его поврещи виъ града 4; и обръте его пастырь овчім старъ, емужь роди жена сына, и повель ем обрътеннаго отрока кормити. И бывщу ему седми лътъ и нарече его Фарижь пастыревичь, и хожаху со отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижь же связываще 5 два вола и бодяхуся, и кін премогаше, тому в сплеташе вінець оть масличія, кін же т не одоліваще, тому вьяще отъ сламы, и полагаше има на рогу. И егда возрасте Фарижь, хожаше съ добрыми витязи, сін рече съ дітми боярскими, и преодолівваще ихъ во всякой игръ и прободе за щитомъ единаго витязя. И въ то время бракъ творяще Велешь царь, и призва всекъ бояръ и

¹⁾ Въ нашенъ спискъ: от другія реки скомандрова река; поправлево по О.; мелкихъ ошибокъ мы указывать не буденъ. 2) Такъ въ Р. 459, друг. до дома.
3) яко мати недост. въ Р. 456. 4) далече от прада въ О. 5) сеязываху въ Р. 456. 6) тому недост. въ Р. 456. 7) къ симъ жее въ нашенъ спискъ.

боярынь и Фарижа пастыревича, и придоша на оно веселіе три жены, ихъ же пророчицы нарицаху, и едину не позваша, яко свадлива бъ. Она же за оно незвание помышляще, како бы сваду учинити, и сотвори яблоко злато, и написавъ на немъ: которая оть трехъ твхъ женъ и пророчицъ благообразнвиши, да будетъ той златое яблоко, — и повелъ воврещи яблоко въ вертогралъ. его же обрътоша тріе оны жены, и прочетше моляху Фарижа пастыревича каяждо ихъ, да присудить ей яблоко. Последижь третьяя рече: присуди мить сіе яблоко и повъжь мене добръйшу тъхъ в и дамъ ти 9 Елену царицу Менелая царя Греческаго, иже бысть всехъ насъ и всехъ Греческихъ женъ добрейши и дамъ ти 10 имя ново и будетъ имя твое Александръ Фарижь и да ти повъмъ отца и матерь, нъси бо того старца сынъ, но отецъ тя есть Пріямъ царь и мати Екама царица. И присуди Вѣнуши госпожи яблоко, и слышавъ отъ нея сія 11, возвеселися зѣло и взя прощеніе у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трою градъ и пріять его Пріямъ царь, отецъ его. и мати его, царица Екама. И призва царь Пріямъ пророки я волхвы и рече: кто ми поспъшить еже 12 еще наздати Трою градъ, и азъ дамъ ему три мъры злата. И слышаста два рукодълца (діявола) земленная 13, пріидоста и ръста къ царю: мы хощемъ создати, да намъ даси, и наю 14 знаи, — и начапа здати: и Тебушь бѣ гуселникъ, гудяще въ гусли и зидащеся градъ Трои, гдв они повелъваху; а Нептенабушь именемъ идяше въ море и ношаше изъморя варъ и каменіе и воду. И совершиста все дізло и різста пареви, да имъ дастъ 15 еже объща, и разумъста, яко пріобидъ ихъ и разгнівастася и рекоста: мы есмя сотворили Трою градъ, мы же умыслимъ како разорити. Во дни Пріямовы Ипитеръ волхвъ, его же и пророкомъ нарицаху, прорече, яко хощетъ Александръ прінти въ Греки и парицу Елену взяти, ея же радв Троя разорится; такоже и жены оны, иже разгиввашася яблока ради златаго, ихъ же пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трои разорился. Испросижеся Александръ Фарижь у отца

⁸⁾ тожь недост. въ нашемъ спискъ. 9) да ти дамь въ друг. списк. 10) такъ въ Р. 459 и въ О.; въ нашемъ спискъ: дати. 11) сіл недост. въ нашемъ сп. 12) еже нед. въ Р. 456. 13) ділеола здъсь на полъ; въ др. списк. въ текстъ, и нед. рукодолица. 14) насъ Р. 456. 15) да и намъ дастъ Р. 456.

своего Пріяма царя и приде къ Менелаю, царю Греческому, еже есть Еллинскому, служити со многимъ богатствомъ и со отроки; и слышавъ Менелан царь, изыде противу ему далече. и целова его, и рече ему Александръ: пріидохъ азъ, царю, служити тебф не на злать и сребрь, но да разумьещи, кая будеть честь сего ради на твоемъ дворъ. Слышавъ же сіе, Менелае царь возвеселися зъло, и введе его къ Еленъ царицъ въ полату и ядяху наединъ и піяху червлено вино; и егда умываху руцъ и убрусомъ утираху, Александръ писаше на убрусъ червленымъ виномъ къ Еленъ сице 16: царица Елено, люби мя, яко же и азъ тебе. Посла же Менелае царь къ брату своему Агемену царю, глаголя: буди о семъ веселъ, брате мои, хотятъ миъ служити братія мои цари. Отписа же ему брать его: азъ о семъ весель есмь, яко мы самодержцы есмы, а о семъ нъсмь веселъ, яко наша братья пріндоша служити намъ, но и зъло озлобихся; блюдися, да не пріндетъ чюжая доброта и возьметъ нашу честь, а намъ будетъ великая срамота. Слышавъ же Менелае озлобися и рече: како въсть драго брату моему моя честь. Слышавъ же Менелае, яко отвержеся отъ него русагъ каякимскіи ¹⁷ и собравъ многу войску 18, поиде на нихъ, и Александру повелъ. Онъ же сотворися боленъ и лежа въ царской полать: егда, рече, здравъ буду, гряду во следъ тебе, — и по отшествіи Менелая царя, изыде Елена царица съ дъвицами проходити по граду и съ болярынами Греческими. Александръ, восхитивъ Елену царицу подъ пазуху, и вшедъ въ борзыи корабль со отроки своими, и прівде подъ Трою градъ. Тройств же господіе не хотяху пзыти противу вмъ 19, вѣдуще, колика хощетъ продитися Трои кровь за Елеңу; изыде же противу ему отецъ, Пріямъ царь, и прія за руку его, а мати его, Якама царица, прія Елену царицу за руку и введоста въ полату. Слышавъ же Менелае царь о Еленъ, возвратися скоро отъ войны; увъде же и братъ его Агеменъ 20 царь и собравъ вся воя скоро и пріиде къ Менелаю и печальна быста зьло царя 21, глаголюще: какова срамота учинися нама, -

¹⁶⁾ къ Елене све царицы въ вашемъ спискъ. 17) руса каакеимъски въ нашемъ сп. 18) въ рук. вомну. 19) ему въ О. 20) Агаменонъ въ О. и Р. 459. 21) печални быста цари въ нашемъ спискъ

и собраща силну воиску. И прінде къ нимъ на помощь Аякшъ, Соломониковъ сынъ, съ тридесятью катаргъ, и потомъ прінде Паламидъ 22, Придековъ сынъ, съ тридесятью корабли; и по семъ накін человакъ, Урекшишь именемъ, Лентешевъ 23 сынъ, сотворися буй 24, да не причастится Тройской крови, нача песокъ орати, а соль святи: царя же повельста поврещи малаго сына его предъ ораломъ, и аще будетъ бъсенъ, то преоретъ его; - и егда повергоша, абіе состави волы не орати в поведоша его ко царемъ в рече Урекшишь: изволилъ быхъ за тря лата тецати съ бъснымъ псомъ, нежели причаститися Тройской крови, иже хощетъ быти Елены ради царицы. Бяху же и иныи мноза, пріндоша ко царемъ на помощь ото многъ 25 островъ, в оть суща, и отъ воскраи сущихъ 26 моря, отъ Аоинъ, и тоземцы, и оть Өеталья и ото Архія в отъ всея Еллады и оть иныхъ мно-Идоменевесъ отъ Крита, Тлипелемъ же отъ Рода, вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровей, мужи храбрія; евоіянинъ же Ахиллеи сіяше паче всёхъ человікъ, ратемъ побъдникъ, силенъ и кръпкорукъ, егожь и проя варицаху: сего ноставиша цари рати началника. Бъ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходять убо оть отечества; послань убо бываетъ Ахиллен отъ храбрыхъ друзін, и на островы нападоша, в попленина сушу, и тщахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ кипяше и хотяще отмстити обиду Елены радв. Видъвше же Трояне толику рать, собравше себъ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони ²⁸, и Оруги, придруживъ же весь Асійскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Троадъже устроя вяще 50,000 мужей 29, и много время проводиша брань творяще, и сперва добръ ополчахуся на брань, да яко же искусита 30 Ахиллеево стремленіе и храбрость, съдяху при стънахъ заключившеся. И потомъ же нъкая жена, именемъ Велеша, волхвующи, ея же пророчицу нарвцаху, яже обладаше

²²⁾ Паламеда въ наш. сп. 23) Лантешева въ О. и Р. 459. 24) бъсена въ О. и Р. 459. 25) ота сто въ наш. сп. 26) ота воскраи моря ота сущиха авина въ наш. сп. 27) испорчено: от пиладисевес, от саламина ея; это послъднее есть кажется имя Аякса. 28) Иміони въ наш. сп. 29) Такъ въ Р. 459. 30) испусицася Р. 456.

волщвеніемъ морскими волнами, — у нея же убиша кошуту 31 бояре Агемена царя, и сего ради разгитвася, пусти волненіе на мори, да погубить вся корабля Греческая. И озлобистася царя и воспросиша Колкаша попа; онъ же поведа имъ, яко кошуты ради хощетъ васъ потопити пророчица, и глаголетъ, яко аще не дастъ Агеменъ царь мнт своея дщери Цвтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агеменъ оскорбися зъло, и не хотя дати свою дщерь Цветану, и устави бурю и пріидоща подъ Трою. Изыде противу имъ Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и иніи мнозіи боляре, и нача стредяти Екторъ стредою со огнемъ и единемъ пущениемъ погружаще три корабля Греческія, и Аякшъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова. И поиде Менелае царь на въръ, нача Пріяму говорити. да отдастъ ему 32 Елену царицу; Александръ же не хотяше, но восхоть поразити Менелая, - аще бы его Пріямь царь не защитилъ. И потомъ Екторъ царь творяще брань и поражаще множество Греческихъ вой на всякъ день; - и боящеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору. царю и состастася и ястася за руки и не хотъста ся бити въ тои день. И бяху пленили гречестій витязи Рижеуша попа дщерь Реужду, и видъвъ ю Агеменъ царь, братъ Менелаевъ, яко добра зъло, в взять ю себь въ жену. А Рижеушь попъ сынъ Тебуга бога, и увъдъвъ Тебугъ разгитвася зъло и пусти своимъ волшвениемъ великъ недугъ въ Греческую войску, и мнози умираху, дондеже обратиша дщерь Рижеуша попа. Потомъ же Трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, - притупи Ахиллеево стремленіе, любяще бо Ахиллеи Паламида зъло 33 и сего ради разгиъвася и не хотяще изыти на брань: Дисиоесъ нисіотенинъ 34 храняще ненависть на Паламида и оболга его къ царемъ, яко Трояномъ хощетъ добра, — и побиша Паламида каменіемъ. О горе, какова твориши зависти, — онъ же ничесоже рекъ, точію глаголъ сеи: о убогая истинно, тебе плачю, ты бо первъе мене погибе, - и тако умре. Ахиллеи же тяжцѣ проплакавъ о немъ и не хотяше

³¹⁾ кошату въ О. 32) ему ведост. въ Р. 456. 33) въ вашенъ спискъ: потомъ же троянъ дерзостный сотвори Паламедови смерть, притупи Алхиллеи Паламида зъло.... 34) въ др. сп. испорчено окончательно.

изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того нособникомъ, и составляетъ на Еллины брань кръпкоратную, и падають, якоже класы, Греческая, сирьчь Еллинская тылеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убіенъ бысть Патрокліе, егоже любляще зъло Ахиллеи, отъ руку кръпкую Екторову 35, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллеи на брань, огнемъ дыхая, и разбиваеть полки, и побиваеть первоборца. И паки призываетъ Пріямъ на помощь Амазоніи и паки брань кръпка, умираютъ мнози и отъ всъхъ убо пустъ бысть Пріямъ; и умоли Тантія³⁶, Индейскаго царя, и посылаеть множество безчисленно воинства. Индіяне жь вси чернообразни, ихъ же видъвше Гречестіи вои во странныхъ зрацъхъ и убоящася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звірей устращишася, ихъ же Индія кормить ³⁷. Нощію б'єжати мысляху ³⁸ и оставити Тров, но обаче ополчишася въ чернообразнымъ и индъйскими кровми очервишася, Нивія и Скомандровы струя обращахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ в всъмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинстіи, еже есть Гречестіи, и Троиское множество вой воедино смітахуся, и никому же содъяти ничесоже и никтоже смънше, праздника ради. Потомъ же видъ сонъ въ нощи парица Еутропія, жена Ектора царя, сына Пріямова, и возбнувъ отъ сна, прінде въ ложницу свекра своего, Пріяма царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пущаетъ сына своего Ектора во утрей на брань ко Ахиллею, яко убіенъ, рече, будетъ. И сказа ему совъ: видъхъ, яко изыде изъ Троя мечка, а изъ Греческія исы³⁹ вепрь, и начаста ся бити, и посъче вепрь мечку и повлече его въ Греческія полки, и кътому не видіть его; и аще пустиши Ектора, то не чаи его видъти, - и утъшивъ ея Пріямъ и проводи ю въ ложницу. И егда бысть заутра, уготовася Екторъ царь на бравь ко Ахиллею, и изыдоша противу ему Троискія госпожа, и мати его, и царица жена его, и сестры его, возбраняху ему, да не

³⁵⁾ руки кръпкія екторовы Р. 456. 36) такъ въ др. спискахъ; Тавтанія Р. 456. 37) Индоляне кормято въ наш. сп. 38) такъ въ др. сп. 39) такъ въ О. и Р. 459; въ нашемъ спискъ: войны т. е. войски.

исходить на брань; онъ же не послушаше, и мати его Екама, молящи не изыти и спастися, плачющи и ятра отверзающи единою рукою, другою же сосца изношаше, и глаголаше: о чадо, сихъ усрамися, и мене самую помилуи, аще когда ти сосца сія придахъ, забыти творящи 40 дѣтскихъ скорбей; помяни убо воспитаніе оно 41 и даруй ми, еже пощальти ся самому. И жена его, вземши, метну сына своего предъ нимъ, моляще: помилуй, рече, мене самую и сего любезнаго, — и не послушаще; она же рече: о Екторе, пожди мене мало, — и шедши въ ложницу, совлече брачныя ризы и облечеся въ черныя во вдовичныя, и пришедъ предъ него, глаголя: о Екторе, аще не обратишися, имамъ сія азъ носити по тебъ, — и симъ не преложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллея. И сшедшеся, не бишася въ тои день, но завътъ положища, еже битися заутра; и въ тои день уби Екторъ 7 уровъ 42 Греческихъ, еже есть седмь полковъ, и заутра изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и навха Ахиллеи Ектора, и убивъ, прободе его и паде мертвъ, и вземъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потомъ же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу Тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружіяхъ воспитанну, язвы носящу на персъхъ, прежь даже Еллини не пришли и составили брань: соплеташеся сей со юнцы дивінми, — видъвше же сіе, Троистіи велможа и господіе начаша жалостно плакати, и взя Пріямъ царь на себя нищая и худая ризы и гусли, и поиде во Греческую войску и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: его же днесь Богъ наставитъ, да мене накормитъ и напоитъ грѣшнаго и страннаго, — и доиде на Ахиллеевъ станъ и нача густи въгусли жалостно зъло и даша ему Ахиллеи 43 отъ вечеря своея ясти и пити, и по вечер в легоша спати, упившеся. Уснуша же и стражіе, и Пріямъ царь нача искати сына своего Ектора царя и обръте его лежаща на постелъ мертва, со Ахиллеемъ лежаща. И видъвъ его Пріямъ, и воздохнувъ отъ сердца зъло, Ахиллен же возбнувъ и устрашися и рече: кто еси ты? Онъ же рече:

⁴⁰⁾ въ рукоп. творящихъ. 41) воспитанія оного въ Р. 456. 42) седмивуровъ Р. 456. 43) Ахиллен нед. въ О. и Р. 459.

азъ есмь Пріямъ царь, ищу сына своего, Ектора царя. Рече Ахиллен: віце ты еси, и азь отъ страха твоего мертвъ есиь. И рече Пріямъ: не боися, господине, отъ младенства нъсмь того сотворилъ, да спяща витязя погублю, но прошу сына своего Ектора. И рече Ахиллеи: аще кленешимися, азъ понесу Ектора на своею плещу въ Трою по въръ и клятвъ, да здравъ вниду и изыду. И вземъ Ахиллен заутра-Ектора и понесе его въ Трою и предастъ его Тройскимъ госпожамъ, и начаша его плакати, и рече Пріямъ царь ко Ахиллею: поидевъ въ церковь Аполлона клятися, еже къ тому не воеватися, дабы остало 44 съмя Трою, и дамъ ти свою дщерь Поликсену, коя во всехъ госпожахъ Тройскихъ добрѣйши. И во церкви кляся первіе 45 Пріямъ и отступи, и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарижь, Пріямовъ сынъ и Диновъ, и устръли Ахиллея ядовитою стрелою въ пяту, занеже бе весь вооруженъ, точію патснт его безъ желтаа, и избъгоща вонъ; Ахиллеи же падъ на издыханіи посліднемъ. Ощути жь сія Дисевесъ, яздяше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогеонъ 46 и Ея теламонянинъ: вкупъ же убо въ церковь вскочивше, обрътоша кръпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровым обліянна и угасша и едва дышуща в движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видъста его, проплакаста и нападъ на перси его Ея великіи 47, съ плачемъ ко Ахиллею рече: о ратемъ разрушителю, исполине крыпкорукій, кто погубити тя возможе, авояростнаго? Онъ же едва прогласивъ рече: убиста мя лестію 48 Александръ Фарижь (и Диоовъ), — и сія рекъ издъще. Видтвъ же сія Пріямъ царь озлобися зѣло и совлече со Ахиллея оружіе вее и пусти ко объма царема, в сказа имъ: како въру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и аще велита, да 49 тело его принесу въ вама. И плакаща зъло, видъвше оружіе Ахиллеево, и повелъста Пріяму царю сожещи тело его и всыпати въ корчагу, да сотворимъ, рече, гробъ его на далечной земли, - и сотвори Пріямъ тако. сожже плоть его, и всыпавъ въ златыи корчагъ и посла царема. И видъвше, царя и Гречестін полцы дивишася, глаголюще: о

⁴⁴⁾ осталося въ др. сп. 45) первів въ О. 46) Дигіоно въ О., Діогено въ Р. 459. 47) велика въ О. 48) убів мя Александро и пр. въ Р. 456. 49) азъ въ О., келите въ О. и Р. 459 и т. л., двойств. ви. множ.

сила и слава Ахиллеева, како тя не совзимаху вси градове и отоцы, и зав единъ корчагъ несть тебе полнъ. Видевши же Екама царица, яко хощетъ скончатися Трои, посла сына своего меншаго Полидвора, и съ нимъ злата много къ Полимнещеру 50 царю, на овъ-полъ моря, иже царствоваще всей Погажи, дабы остало стыя Трою. Потомъ же паки мужь убьенія и закланія, и паки кровми обліяся земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровь струя, дондеже волхвыимъ пророчествомъ изрекоша, яко итсть мощно ратію взяти Троя, но токмо лестію единою 51. И абіе содъяща коня древяна, велика зъло, и затвориша въ немъ мужа храбрыи и сами отонти творяхуся во отечеству своему, коня же оставиша у пристанища и сами скрышася во островъ. Видъвше же Трояне пристанище пусто, коня же единаго стояща, и недоумъюще дивляхуся и сперва убо мняху все прелесть 52, коня же погубити мышляху, во огнь или въ море воврещи. Но занеже пріиде время еже взяту быти Трою, во градъ 58 увѣщавше ввести коня, яко образъ и корысть отъ сопротивныхъ, и ови убо внесоща его, и питіемъ и играмъ себе вдавше и уснуша глубокимъ сномъ: мужіе же, крыющеся, изшедше полкомъ 54 и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ; и сіе видъвше, Еллини вскоръ пловуще пріидоша къ Трою, и вратомъ отверстомъ бывшимъ отъ преже вшедшихъ, яко вода вліяшася множество воиска Греческаго. Твердонырному жь сице пріяту бывшу Трою, — индъ же пишеть, сткломъ и мъдью и воскомъ сотворища фарижа съра, тъмъ же образомъ аки конь, и въ немъ затворища 300 витязей, сиръчь бояръ вооруженныхъ, и егда его ввезоща во градъ, врата разоривше 55, непрошедшу ему во врата, тогда воини разбивше главами сткло и скочивше, вноги изсъкоша; достиже же и все множество воиска въ кораблехъ и по суху; — изсъкоща же Тройскія велможа, а иныхъ въ море пометаща, изведоща же Александра и Елену парицу къ Менелаю, и рече ему Елена: о господи царю, ты бысть въ въки кривъ, чему мя остави со Александромъ Фарижемъ, да мя прельститъ своимъ невърьствомъ? И отвъща ей

⁵⁰⁾ въ рук. Полинещеру. 51) единою нед. въ О. и Р. 459. 52) лесть въ Р. 456-53) св дома Р. 456. 54) молкома въ Р. 456. 55) затвориеще въ О. и Р. 439.

царь: госпоже Елено, яко отсель азъ сотворю — тебе инъ няктоже не прельстить 56, — и повел'ь ея со Александромъ ус'вкнути, и съ ними Поликсену, дперь Пріямову, повель усъкнути на гроот Ахиллеевт, яко ея ради погибе; и Екаму царицу. матерь ея, даша на подълъ 57, съ нею же и прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакахуся это, царица же Екама уттьшаше ихъ: азъ имамъ ваши слезы утолити, - и прочая же жены восхищаеми бяху отъ чертогъ новоженныхъ 58, и м.аденцы ударяеми бываху о ствну, и земля наводняема бяше кровми падающихъ, и спроста рещи, плачь вся содержаше, и все лютое и горкое содержаше градъ; и огневи предають и попаляють отъ основанія, еже во градіхь прекраснаго и преизряднаго Троя. И увъдъвъ сія царь Полимнещеръ и повелъ заклати Полидвора царя, Пріямова сына, и воврещи его въ море; и ту присташа корабли Гречестін, и взятъ Екама царица ведро, еже почерпъсти воду, и обръте сына своего мертва и возопи гласомъ велінмъ, плачющися. Тогда слышавъ Полвмнещеръ царь, изыде на утъшение Екамъ царици, и восташа съ нею Тройскія госпожа, избодоща царя Полимнещера ножи; сія увъдъвше, граждане побиша ихъ камевіемъ, и Екаму царицу 59. Возвратижеся 60 Менелае царь со всъми Греки съ побъдою и съ великою честію, стоя подъ Троемъ льтъ 10 и мъсяцъ 7, и тако скончася Тройское царство. Написа же повъсть о Тройскомъ плъненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сей бъ сынъ царя Каеты, а индъ пишетъ Фирелеша» (2).

ПП. Девгенісво Д'Бяніе приводимъ изъ Погодинскаго сборника \mathcal{N} 1773, об. д. 342 — 361, такъ же не сохраняя всѣхъ мелочей написанія (но не чтенія), такъ какъ списокъ уже поздий; очевидныя ошибки исправлены.

«Делніе прежнихъ временъ й храбрыхъ члвкъ, о дерзости и о храбрости ї о болрости прекраснагы Девгеніл.

«Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасенію — отъ церкви николи же отхождаше, — и бысть у нея три сывы

³⁶⁾ яко азъ сотворю да тебе и пр. въ О. 37) подълокъ въ О. 38) нововееденыхъ О. и Р. 459. 39) и Екаму царицу нед. въ О. и Р. 459. 60) возвратишася О. и Р. 459.

велельным велеозарны, молитвою же матери своея льюще храбрость о делехъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь велеленна и велеозарна красотою лица своего, и услыша о красотъ 1 дъвицы тоя Амиръ царь Аравитскіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити (въ) Греческой земль, для ради красоты дъвицы тоя. И пріиде въ домъ вдовы тоя и восхитивъ прекрасную дъвицу Амиръ царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъже въ Греческой земль, но токмо видь единая жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странъ на ловаћ. И пріиде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣте прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «не въдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной», - но токмо едина жена стара дому того видела и сказала госпожъ своей вдовъ: «прінде, госпожа, Аравитикіе земли Амиръ царь, и исхитивъ діцерь твою, а нашу госпожу, мудростію своею и невидимъ бысть въ земли нашей». И слышавъ же то вдова отъ рабы своея и нача терзати власы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «увы мив, окаянной вдовицв, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою». По мальже времяни пріидоша въ домъ чада ея и вид'ввше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея: «скажи намъ² мати наша, кто тя обидилъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животъ, то жь ты обидима будешь». Рече жь имъ мати ихъ: «чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развъе имъли есте у себя вы едину сестру и та нынъ исхищенна руками Амира царя Аравитцкіе земли, — и урва ми сердечное кореніе, и унзе мя яко бездушную трость, а нынъ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповћди моея: идите вы и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея невозмете, и вы в сами тамо главы своя положьте 3 за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть». И рекоша же сынове ея: «мати

¹⁾ въ рук. красотю ен пр. 2) въ рук. намъ, намъ. 3) въ рук. полоте.

наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословение свое и молитву; вскоръ скрыемъ путь свой», - и препоясаща на себя оружія своя и встдоша на кони своя, и потхаша, яко златокрылатое ястребы, кони же подъ ними яко летаху, и добхаща сумежья Срацынскія земли и срътоща въкоего срапынина, стражи бдуща, и начаша братаничи вопрошати его: «повъждь намъ, братіе, колко до жилища вашего Амира царя?» Срацыненинъ же изовлече мечь свой и течаще на нихъ дерзостно, а чающе яко бъглецы суть, а не въдая ихъ дерзости. Скочивъ же ихъ меншей братъ и ухвативъ же срацынина за горло и примча его ко братіи своей и хотяше его убити; рече жь болшый брать: «братія моя милая, чемъ намъ о срацыненина мечь свой сквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя. той бо есть намъ виненъ». А сего срацыненина привезаща на горъ у древа, а сами поъхаща путемъ тъмъ и срътоща иныхъ многихъ стражей Амира царя, отъ великія рекомыя ріжи багряницы; бяше же ихъ числомъ 3000. Видъща же братія великую стражу Амира царя, и рече жь имъ болшый братъ: «братія моя милая, — во единомъ ли мість намъ вхать на стражу Амира-царя?» И рече середній братъ: «братія моя милая, то есть стража великая Амира царя, и мы разделимъся на трое». Болиый братъ повде съ правыя руки, середній въ болшый полкъ, а меншый съ лъвую руку, и поскочища на амировыхъ стражей и начаша ихъбити, яко добрые косцы траву косити, овінкъ изсіжоща, а овінкъ связаща и приведоща на гору высоку. и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побиша, токмо тремъ мужемъ животъ даша провоженія ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «повъждьте намъ, срацыняне, во градъ ли вашъ Амиръ царь пребываетъ или вић града?» Отвещавъ же имъ срацыилие: «господіе 4 три братіе, Амиръ царь нашъ вит града пребываетъ. за семь поприщь отъ града, и подъ тъмъ градомъ многіе шатры у него стоять, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вмьшаются силныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напустить.» И рекоила же братаничи: «братія срадыняне, аще ли бы мы не

⁴⁾ гонне въ рук.

боялися Бога, давно бы васъ смерти предали, но вопрошаемъ васъ: повъждьте намъ, каковъ шатеръ Амира царя вашего?» Рекоша же выъ срацыня: «Амира царя шатеръ черленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синь, а по подолу зеленъ, а по шатру тако жь златомъ и сребромъ украшенъ , а иные многія шатры стоять, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000, силніи и храбріи суть: единъ на сто человъкъ навдетъ». Братаничи же 6 отпустища тъхъ срацынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ въсть да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что мы пріндоша къ нему татемъ, - и рече срацыняномъ братаничи: «поидите вы во свояси». Срацыняне жь ради бысть отпущенію ихъ, сказаша царю своему; слышавъ же то Амеръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: «братія моя, силніи кмети, видъхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крилы своими и едва не предложиша на тълъ моемъ ранъ, занеже братаничи сін пріндутъ, а начнутъ прю творити». Въ то жь время прівхаща братаничи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: «царю. поиди вонъ изъ шатра, повъждь намъ Амиръ царь, что еси неумћешь на пути стражей ставити; мы жь къ шатру твоему прітхаша безо всякія оборони, а нынт повтждь намъ... пришедъ и исхитилъ еси сестру нашу татьбою; аще бы мы втепоры были дома, то не могъ бы⁷ ты убъжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работь была, а нынъ повъждь намъ, гдъ сестрица наша?» Отвъщавъ же Амиръ царь: «братія моя милая, видите гору онук велику и прекрасну: тамо бо посъчены многія жены и прекрасныя дъвицы, тамо же и сестра ваша постчена, занеже она не сотворила воли моея». И рекоша же царю братаничи: «зло ти отъ насъ будетъ», - и пондоша они на тое гору искати сестры своея, мертвого тъла ея, я видеща на горъ многія жены и прекрасныя девяцы посвчены, в начаща сестры своея тела искати, и обретше едину

⁵⁾ въ рук. а ныню. 6) братаничь въ рук. 7) не немого бы въ рук.

дъвицу прекрасну это, и начаща по ней слезы испущати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меншый братъ: «братіе, нъсть сестры нашей, то есть не наша», -- и съдше братаничи на кони своя, и вобіяще пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: «благословенъ Господь Богъ нашъ, научая рудъ мои на ополчение и на брань», - и рече они между собою: «попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, диемъ ся мы и скончаемъ 8 — по повельнію матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою». И прискочища къ матру Амира царя и шатеръ его на копья своя подняша, и рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, отъбдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы межь собою жребій, кому отъ васъ со мною выиметца жребій битись: аще мя преодольете, то и сестру свою возмете; аще азъ васъ преодолею, и мет годно васъ встхъ посъщы». Братаничи жь отътхаща отъ шатра его и начаша метати жребія, я вергоша жребія впервыя и выняся жребій меншему брату на брань тхать; братія жь въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меншему ъхать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть, — и въ другой рядъ выняся жребій меншему жь брату битися; они же вергоша жребій и въ третей рядъ, выняся меншему жь брату на брань ъхать битися со царемъ Амиромъ, занежь они съ сестрою изъ единыя материи утробы витстт шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братаничи меншово брата крутить, а гдв стоять братаничи, и на томъ мъсть аки солице сіясть, а гдь Амира царя крутять, и тамъ нъсть свъта, аки тма темно, -- братія же ангелскую пъснь ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дівицу», — и сташы жь они на кони своя и съхася они вмъстъ со Амиромъ царемъ, и начаша ся същы саблями и ударишася межь собою копьями. Видеша жь то срацыняне и многія кмети дерзость меншого брата и рекоша Амиру царю своему: «великій господине, Амире царю, отдай имъ сестру ихъ и пріими миръ отъ нихъ, се бо единъ меншый оратъ ихъ крипость твою побъждаетъ; аще совокупятца вся тря

⁸⁾ скончаемься въ рукоп.

во едино мъсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работъ будетъ. Меншый эхъ забде созади Амира царя и удари его межь плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примъб его ко братіи овоей. И рекоша 9 вси срацыняне велегласно Амиру царю: «отдан, Амире царю, сестру ихъ имъ, да тя не погубять до остатку»; рече имь Амиръ царь: «помилуите мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве рады дъвицы тоя, да буду язъ вамъ зять». Рекоша же братаничи: «брате, Амире царю, власть имамъ посъщы тя и власть имамъ фустити тя, - накъ намъ за холона выдать сестру свою, а нынъ повъждь намъ, гдв сестра наша?» Рече же имъ Амиръ парь слезно: «братія, видите оно въ політ прекрасно, — тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ седить сестра ваша, а где сестра ваща кодить, и туть изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ». Слышавъ же то братія радостыви быша и поскочиша 10 къ шатру ея и прискочеща; стражіе же не рекоша имъ ничегожь, а чающе, яко приходцы суть, а не чающе, яко братія ея. И пріидоща же братія къ шатру и внидоша въ шатеръ къ сестръ своей, и обрътше же сестру свою на златъ 11 стулъ съдящу и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слевно: «повъждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебъ прикоснулся единомъ словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будеть похвалятися, осквернивъ крестьянскую діву». Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюдъ и наполня на нихъ драгаго злата аравитикаго и далъ братаничемъ въ даровяхъ, люби ради двищы тоя, и рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: «помямуйте мя, братія моя, отвергусь я въры своея в днесь крешуся во святое крещевіе, да буду вамъ зять». Рекоша же братія къ сестръ своей: «пов'яждь намъ, сестрица наша, аще со Амиромъ царемъ сраму добыла еси, то мы отъемемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да не будеть похвалятись, осквернивъ престъянскую деву». Рече же девица ко братів: « викакоже, братія, не выбите никакова о мить

^{9,} рекоша имъ въ рук. 10) поскочища стражів въ рук. 11) на зла....

^{74. 3}AU. - KB. IV. - OTA. II.

во ум'в своемъ, -- коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мит 12 кормилицъ, а нынт боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть полоненица; занеже и азъ повъдала Амиру царю дерзость вашу, и Амиръ царь всегла ко мит прітжьжаше единою мтсяцомъ и издалеча на меня смотряше; лице мое повель сродичемъ своимъ скрывати, а въ шатеръ никто николиже вхождаще; а нынѣ, братія моя милая, хощу къ вамъ глаголати, да прежь хощу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповъди мося, аще толко отвержетца Амиръ царь правдое въры своея, в двесь креститьца во святое крещеніе и иного вамъ зятя 12 таковаго ве обръсти, занеже славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатествомъ богатъ». Рекоша же братія къ сестръ своей: «совокупитъ васъ матерня молитва со Амиромъ царемъ», и рекоша братаничи Амиру царю: «аще хощешы быть намъ зять, и ты отвергися въры своея поганыя, любве ради сестры нашея; днесь крестись во святое крещеніе и потди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея д'вицы». И рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, недамся азъ вамъ; не суть Греченя, яко полонивъ зятя въ домъ свой ведутъ; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію, хощу прежь вхать и изобрать верблюды со всей зем и и наполнити на нихъ богатества, и хощу изобрати силные кмети, а хто хощетъ со мною итить во святое крещеніе; и прінду къ вамъ въ Греческую землю в нарекуса вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней своихъ не томите, подожьдите мя на дорогъ». Братія жь вземше сестру свою и потхаша путемъ своимъ, а Амирскій царь (?) прітхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестію глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: «мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и полонихъ себъ любимую дъвицу и пріндоша во следъ ко мет братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, меншы братъ, кръпость мою побъдилъ; аще бы совокупились всъ три брата во единое ивсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работъ была». Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гитвио и власы главы своея нача

¹²⁾ запятя въ рук.

терзати и лице свое и рече ему: «на што нарекаешься царемъ и силный кметь у себя им вешы, придатку емлють по 1000 в по 2000, и ты иди нынъ и совокупи воиска своего и иди въ Греческую землю, и побъди братію, и любимую дъвицу приведи ко мић». Амиръ же рече къ матери своей прелестію: «мати моя, азъ хощу тожь сотворить, собрати воя своя много и идти пакости творить въ Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «поидемъ, брате, вскоръ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимою дівнцею во градъ». И рече Амиръ царь ко брату своему: сяди ты, брате, на престолъ моемъ, а язъ единъ хощу вхати пакости творити въ Греческой земль». Въ то жь время Амиръ царь посади брата своего на престолъ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатества и верблюды со всей (земли) и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго и каменія драгаго многоцінного. Видівь же то Срацыняне, яко на рать не ходять тако, а не глаголаша ему ничего. Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ 18: «братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне, жто хощеть со мною дерзость творить, той поди со мною въ Греческую землю пакости творити». И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устъхъ имъя у себя дванадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: «великій государь, Амире царю, прівдоща 14 отъ Греческія земли въ нашу Срацынскую землю три юношы, и единъ отъ нихъ кръпость твою побъди; аще бы вст были три совокупилися во едино мъсто, то бы и земля ваша отъ нихъ вся въ работъ была; а нынъ ты хочешь итить въ Греческую землю, то ови насъ и до остатку всъхъ погубятъ». Амиръ же царь, отпустивъ богатество, наполненныя казны верблюды, впередъ въ Греческую землю, и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесять (версть) поприщь в сташа на полъ; сестра же ихъ начатъ имъ молитися: «братія моя милая, не введите мя въ срамъ великій отъ человъкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ исхищена была рукама Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя». По малъ же

¹³⁾ араситями въ рук. 14) приндожи и виже побидижи, въ рукописи.

времяни пріндоша къ нимъ Амиръ царь со всемъ (войскомъ) богатествомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и сребромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодъющему мив, яко сподобиль мя Богь братію въ очи видѣти». И рекоша братія ко Амиру царю: «рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшый и середней, съ сестрою своею вотхана во градъ ношію, народа ради, и вивдоша въ домъ матеры своея, и видъвъ же матерь два сына и дицерь своих и рече имъ слезно: «сестрицы вы свою добыли, а братца нагубили есте»; и рече ей сынове ея: «радуйся, мати, и ве-. селися, братъ нашъ меншый пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ, а нынк ты, жати, доситвай бракъ великъ, занежь есми добыли зятя -- славою славенъ и силом силенъ и богатествомъ богатъ, а нынъ намъ ево ввести во святое крещеніе». И вземше патріарха града, того со всемъ соборомъ и пріндоша на Е рантъ реку: и сотворища купель, и выидоща изъ града (воиъ) множество народа. Видъвше же (то) братаничи истомна Амира царя очъ народа, братаничи же повель Амира царя вскорь крестити во имя. Святаго Духа, и крестиша его самъ патріархъ, а отепъ быль крестиой царь града того. И воидоша въ домъ матери своея и сотворища бракъ великъ, преславенъ зъло, и сотворища свадбу по 3 мъсяцы; и потомъ Амиръ нарь сотвори себъ особый дворъ и поляты и жити нача съ своем любимом дъвищем. По томъ же времяни услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся, въры овоея, любве ради дъвицы тоя, и начатерзати власы главы, своея и собра воиска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имветъ дерзость внитя въ Греческую землю въ господину своему Амиру царю и изпести его изъ Греческія земли съ любимою дъвицею его?» И реконы жь ейтри Срацьмияне: «мы, поспоже, идемъ вы Греческую землю и отнесемъ.... книги ко госполину своему, царю Амиру». И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомыя, вътреница, вторыи громь, третіи молкія: «аще вивдите 15 въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, в

¹⁵⁾ енидеть въ рук.

изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вътреницу, и вы невидими будете пикимъ же; аще внидите въ Срачинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дћвицею его любимою, и сядите вы на громъ-конь, и тогда услышатъ вси Аравитяне 16 Срацынскіе земли; акре сядете на молнію и невидими будете въ Греческой землъ». Срацыняне же взяща три коня и книги ко Амиру царю, и побхаща путемъ своимъ, и прібхаща подъ градъ Греческій, и сташа вив 17 града въ сокровенномъ месть, и вседоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой земль. Тоя же нощы царица Амира царя, прекрасная (царица) лівница, видівша сонъ и ужасна бысть...., и повъдаща братіямъ своимъ: «братія мон милая, виділя я сонъ: въ ніжое время влетіста въ полату мою златокрылатыи соколъ и ятъ мя (за руку) и изнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетьша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти». Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисея, и повъдаща сопъ сестры своея, а волхвы же рекоша братіямь: «госпожу нашу, прекрасную девицу, зять вашъ новокрещенным Амиръ царь, по повельнію матери своея, хощеть исхитить изъ полаты и бъжати въ Срацынскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врана, то суть три Срацыненина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами». Братія жь пришедъ ко Амиру парю и начаша его вопрошати и обличать; онъ же кленяся имъ живымъ Богомъ, и вземъ же они Амира царя и потхаща съ нимъ за городъ съ книжницами и съ фарисеями, и обрътоша за градомъ три Срацынявина, и они жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. И они же имъ сказаща всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ вземъ Амиръ царь и роздалъ братаничемъ, шуръямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповъдывать о рождении Девгеніевь, и потомъ царица Амира царя прія плод во утробь своей, мужеска полу, и родить сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ввергоша его въ божественное креіденіе и нарекоша вмя ему: прекрасныи Девгенен. а крестиша его самъ патріархъ, а мати

¹⁶⁾ аравитін въ рук. 17) в нен въ рук.

крестная царица града того, — я бысть во градъ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лътъ, на первоенадесять лъто и на второе начаша копьевъ играти, а на третеенадесять лето начаша на добрыхъ коняхъ вздити, и бысть гораздъ на драгантв храбровать, а драганть подъ вимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снъгъ, а румяно яко маковъ цвътъ, власы же его яко злато, очи же его велми великіи яко чашы, пристрашно эріти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривъ его учинены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ человћчь не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ • кон в скакать, а конь подъ нимъ играть, и тъхъ звонцовъ прегуданія умъ человічь исхититца. На четвертое же літо 18 на 10 вздиша прекрасный Девгеней на всякій зверь безъ оружія, нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо, рано тебъ о ловъхъ звъряныхъ мыслити», и повелъ кони свои съдлати и на ловъ ъхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощеть звірнную дерзость иміти. Отець же его повелі зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмъявся и рече: «отче, не тако звърей ловять, но потдемъ въ далные пустыя лтса». Отецъ же его потде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его в дерзости, прекраснаго того Девгенія; и добхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звъря, и видъ прекрасный Девгеній лося бъгуща и сугна его пъшь, яко борзые борзаго фарыжа 19, и догнавъ, уквативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положа на руку и видъвъ же медвъдя лесомъ бъгуща. Девгеній же храбрый видъвъ медвъдя и поскочи, и догнавъ медвъдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видъвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удивишася зъло; людіе же многи ту стояху и дивляхуся. По маль же времяни видъвше отецъ его изъ острову бъгуща, изъ густова аъсу, лю-

¹⁸⁾ лето на 14 т. е. дв, по ошибић въ рук. 19) Въроятно, безъ пропуска, боргае боргае фарыжа.

тый эв врь разъемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, эри живаго — на тя бъжить и хощеть тя поглотить; той есть не лось и не медвадь, съ великою бо обороною приступися въ нему». И видъвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звъря, и ухвативъ мечь свой и скочи къ нему встръчю, и удари его мечемъ по главъ и разсъкъ его на двое. Видъвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и прівхавъ къ сыну своему и поцалова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всеми храбрыми и силными, и рече отецъ сыну своему: «о свътозарное солнце, преславный Девгеній, отъ поту звітринова и от-хля медвіжая. порты на тебя взрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного — есть въ семъ лесу источникъ водный, въ немъ яко свъща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто прінтьти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся 20, и нынъ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебъ своими руками омыю лице твое и рудъ и нозъ». И видъща же то граждане, в поидоша граждане эръти предивнаго чюдеси, и пріидоша ко источнику, и нача отепъ сыну своему лице омывати и руцѣ и нозѣ, в рече сынъ, прекрасный Девгеней: «отче, руцѣ мои моешь, а еще имъ калнымъ быть;» по томъ же словеси прилета змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя им вя, яко человъчи 21, в видъвъ же то преславный Девгеній, и взя мечь свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всв главы прочь. Видъвъ же то отецъ его и вси людіе и дивишася чюдеси его; и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоциные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласный начаша прегудать, и прівхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видъвше сына своего, и любезно пълова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичь нача помышляти о ділехъ ратныхъ.

²⁰⁾ творяща въ рукоп. 21) человъчь въ рук.

«Пославіе Филипата 22 и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

«Слышавъ же то Филипатъ и дочь его Максиміана о храбрости и о силь прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипатъ же храбръ и силенъ добръ и много у себя войска имфетъ; такоже и Максиніана мужскую дервость и храбрость инбетъ, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македоняне. И поидоста на преславного Девгенія даревича и не доидоша града Греческаго и сташа на ръкъ Ефрантъ, и послаща Максимъяна грамогы съ предестию ко преславному Девгению, а въ грамотъ •пишеть: «о свъте, свътозарное селице, преславный Девгеней, ты царствуещы во встав насъ храбрыхъ и силныхъ, яко май мъсяцъ во встять мъсяцекъз възмат мъсяцт всяка красота: semная процвътаетъ и древа листьвенные листомъ одъютил, и вся небесная красота содъваетца, тако же и ты въ насъ проявьте, преславный Девгеній; а нынь молимь тя, преславне, не поафиися, пріиди къ намъ не во мнозъ силь на Ефрантъ ръку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже итсть помышленів нинавова жь». И прочеть же тое грамоту: преславный Девгеній и поситявся и рече отцу своемуз чотче, хощу такть видъти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дъву». Рече же къ нему отепъ его, Амиръ царь: «чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебь въ силную рать жхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратного дела нигде не видаль, понеже бо Филипать въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имбеть, и войско ихъ храбро и много залов. Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотв пишетъ: «срамъ ин есть великъ въ томъ — противо девиды ехать битися, а ты, старый Филипатъ, во мнозъ силъ прищелъ еси: и неповинныхъ людей множество привель еси ко миб». Прочеть же грамоту Максимьяна давица и рече Греку мужу: «инпакоже, свътозарное солице и преславный Девгеній, и не имай помывла во ума

²²⁾ Въ рук. постоянно вибсто этого имени (находящагося въ древнемъ спискв) пишется *Онлипа-папа;* ви. от въ рук. о.

своемъ никакова, защеже прівхали мы юности твоей видіти». Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видіть храбрость Филипата, и поять съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзъ съде на конь свой и рече отцу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имфите, никакоже отъ руки человъческія ва тълъ моемъ не будетъ ранъ, занеже надъюся на Бога и на свыу Божію и на вашу молитву». И потде въ путь свой и прітде на ръку, рекомую Ефрацтъ, и ста на брегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянъ дъвицъ; и видъвъ же то Филипатъ, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всемъ войскомъ своимь. И видевъ же то Девгеній храбрый гоненіе овоихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье свое и порре въ ръку концемъ и перескочи чрезъ ръку пъпъ, яко соколь дюжей отр руку ловца, и заводи гласомъ велінмъ, ведегласно: «дайте мон борзы конь, рекомый фарь», и вседъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнепъ траву косить: въ первомъ посковъ тысящу поби войска Филипата; а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межь плечь и сверже его съ коня на землю. И видъвъ же то Максимьяна девица, что Девгеній вяжуще отца ся Фидицата, в заправа копье свое хотяще пробости пресменаго Девгенія созади его; Девгеній же, видфвъ то, и уквати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побища, а иныхъ живыхъ поимаща и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища и перегнаша вхъ чрезъ ръку. Въ ту жь пору старый Филипать обратяся къ Девгенію в рече: «о златокрылатый ястрябь, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всъхъ насъ силныхъ и храбрыхъ, а еще тя есть храбрте и силите на семъ свътв преславный Стратигъ, имъя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можеть земля держати; и бв у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имъя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея итсть на семъ свъть краше, - мнози цари и короли храоріи и силніи суть, а нихто не можеть ея пояти, -

хто не прівдеть, тоть не можеть оть ихъ царства живь отьъхать; развъ тебя Богъ одаритъ, а нынъ пощади мя и старость мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хощу преже проповъдати; аще истинну сказалъ ми еси, тогда пущу тя, толко 28 возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради времяни». Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свътозарное, свътлое солнце, преславный Девгеній, мнози ко мет цари и короли, присылалися ко мит храбріи и силніи, во мнозт силь, а нихто мя не оскверни единымъ словомъ; всь побъждени моими руками, а нынъ Богомъ покоренна есми тебъ; аще ты совокупишыся со мною, да будемъ мы вмасть, и силы нашей не можетъ держати нихтоже». И рече ей преславный Девгеней, дъвицъ Максимьянъ: «не имъю не отъ какова человъка помощы, кром' милости Божій и матернія молитвы; та ми воможетъ». А Девгеній же мудръ бысть велми и взя книгу и посмотри 24 въ нея о житіи своемъ и о смерти, и досмотрився въ книзв той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Максимьяною дъвицею, то житія его шеснатцать льтъ; аще достигнеть прекрасной Стратиговны, и то житія его тритцать... атть, — и кликнувъ велегласно къ Греку мужу: «понди ко отцу и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здравіемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерію моею, — что помыслиль Филипать и Максиміяна деница, да не бысть имъ тако, — а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Максимівну дівицу отдайте матери моей; аще къ ней прикоснетъся хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти». И отпусти ихъ впредь, а самъ назади поъхаща и прівхаща въ домъ ко отцу сноему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зело, сождавъ своего сына, преславного Девгенія. Преславный же Девгеней нача мыслить ю умъ своемъ о прекрасной Стратиговиъ, а Максимьяну дъвицу повелъща матери своей беречь и держати въ великомъ бреженій, и нача прекрасный и преславный Девгеней у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видъть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и

²³⁾ токо въ рук. 24) мотри въ рук. 25) еще цифра, кажется 6.

прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимать: «чадо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигъ и о Стратиговнъ, како бы имъ видъти, да не збылося имъ видети ея». Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцівнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и повде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумежья Стратиговы земли, и недотажая до града за пять верстъ и устави воинство свое и повель имъ межь себе около стражу крыпку имыти, дабы не скрали ихъ, а самъ поъде прекрасный Девгеній на своемъ конф, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и прівле во градъ, во врата града Стратигова, и встрете юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигв царъ и о сынъхъ его и о самой дъвицъ Стратиговиъ. Отвъщавъ же ему юноша: «нъсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странъ ловы дееть 26 и съ четырмя сыновьями своими, а о самой Стратиговив вопрошающе мя, господние, ино ивсть таковые прекрасные на семъ свъть; многіе суть прівзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выезживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и сматы нать, а храбри суть такови: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имфеть, иному никому на ея зръть неподобно.... развъе тебе». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зъло, зане... и въ книгъ указано ему прикасатися ко Стратоговић и жить ему тридесять 6 летъ съ нею; и поеде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и прівде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видъвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видъ красоту Девгеніеву и нача во ум' своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеней же ѣздиша по двору и возвратися назад... 27 и пріфхаша въ станъ свой съ новопріємнымъ

²⁶⁾ доюще въ рук.; подобныхъ ошибокъ вообще много въ текств. 27) Замъненное здъсь и далъе точками не могло быть прочитано на послъднемъ листъ рукописи, истертомъ и заклеенномъ.

юношею, и нача веселитися во всю нощь, и повельша людемъ своимъ въ тинцаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сів ръчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошать мамокъ своихъ, чтоде сіе за игранів подъ градомъ нашымъ велега рече же ей мамъки: «то-де, госпожа наша Стратиговна, прівде подъ градъ вашъ изъ Грепескія земли паревичь. Девгеній прекрасны, в преславны, и храбрый, а хощеть тебя взяти» Во утрінже потде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бъломъ конъ, у коего адъланы авонцы въ гривъ, и прі**тхаша ко двору Стратигову, и нача на конт своемъ ладить, а** гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того ргранія умъ (человічь?) исхитильца. И слыщавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и виде Довгенів, в рече кормилицемъ своимъ: «идите на дворъ и вопросите его, что велію дерзость им'яетъ сей юноша ко двору нашему». И •выиде же кормилица и нача ему глаголати: «о свете, светозарное солице, маадый юноша, вельла тебь говорить государыня наша, жалуючи тебя, в..... ты красенъ, а не силенъ, что имфет... ружие и дераость ко двору сему и из... ты изъ града вонъ, отъкуду еси прівхаль; аще ли тя завлеть отопъ мой и братія.....»

IV. Отрывокъ изъ **Варланма и Годемфа**, именно притча о инърозъ», взятъ изъ Толстовскаго списка XV въка 2. 89, Публ. Б-ки I. Q. 315, об. л. 67—69. Рукопись писана не однимъ почеркомъ; первый продолжается до 27-го листа, и эта часть имъетъ и иъсколько отличное правописаніе.

....Дща же своім оставльших гладом тайти и тмами страти злаа — помбні быти мню мужеви бъжащоў о лица йнорога, иже не терпа гла ніго й стращнаго ніго прерыванія, но кръпко бъжаще, да не будеть емоў въ снъм. Внегда же течаше быстро, въ веливоўю нткоўю впаде процасть; внегда же впастиса емоў в ню, й за древо нткое похитивка, кръпко держащеса, й на россъсть нткоей нозть оўтвердивъ, мняще прочек в мирт быти й въ твердыни: възръвъ оўбо и видт двт мыши. бълоў оўбо кайну, дроўгоўю же черноў, потрызяющи же непрестанно древа, кже онь баше похитилса, й елико же оўже вмаль приближающимаса йма и сік'

вскоренити. Въсмотрів же въ дно пропасти, ї відѣ зміа страшна видѣнісить й бинемь дышоуща, й міро извѣрующась, суста же страшно разиноваще, помрети его традоуща; възрѣвъ же пакы на стелень баъ, на немже бѣаше нозѣ свой оутверди, відѣ четырѣ главы аспідовы ю стѣны изпикла, на неїже стомше. И възрѣвъ очима, відѣ ю вѣтвы древа оного мало меда каплюща, оставваъ оубо пещись о одержащи бго бѣдай, како наѣоўдоу оубо инфрогь, лютѣ нейстовась, ищеть снѣсти е́го; долоу же горкый зъмій зикість пожрети его; древо же, за не же бѣ са оухитиль, кіліко же вмалѣ їскоренїтиса хотѣ ше; ноль на нолецѣ й невѣрнѣ степени оутверди бѣвше; й толікы и таковы золь забывъ, оустремиса ко слалости малаго медоу фіого.

(Толкованіе притчи сей, что ёсть мыши. й что ёсть йнорогь, й что ёсть каплющім малма капла меду).

Се есть подобное пръвсти мира сего прельшающихся, его же сказаніе ніть реку ти: йнорогь оубо образь есть смрти, гонащь оубо — постигноути градоущи адамьскыї род; пропасть же — миръ ісполяь сы всаческых золь й смртоносных стий; древо же, кже одною мышю, непрестанно подгрызаемое, его же оухытівше держимся — время на конгождо съкращаваемо й скончаваемо днийнь и нощью, й къ постчению почиаль пръближается; четыре аспиды, йже о четырь пръвестны стихъй съставь — съставленій члавскаго телесе навнаменоунть, йже бесчинно носимь и матоущимся, тълесной раздрушайтся съставленій; й къ сімже обгнеобразный онь й нейстовый змий страшноую проображайть адовоу оутробоу, жадающоу прийти мира сего красна, а паче боудоущих бліть йзволивший; медовнай же капла — сладость ійвлаеть мира сего сладыный, йчи же той прелщай свом другы не оставлаеть их о своюмь нещиса сісений.

- **V.** Выписка изъ **Стефанита и Ихимдата** сдълана нами по Толстовскому списку 3. 45; лучшимъ текстомъ должно впрочемъ назвать чтеніе Погодинской рукописи, иѣсколько нолиѣйшее.
- л. 97 101. «Стефанить же рече: како можещи повредити лва, много суща тебе свлитиша и многи други имуща и послушники? Ихнилать же рече: не взирай на мое неможение

¹⁾ въ рукописи жиоже, въролтно неправилино.

и смиреніє: не бываеть бо побѣда силою и мощію тѣлесною, но мудростію и разумомъ и добрымъ совѣтомъ великоумныхъ мужь; мнози бо отъ силныхъ немощными побѣдишася.

«Притча о врант и о аміи. Глаголеть бо ся, яко врань вікій вогніздящеся въ ніжоемъ древі, въ горі, и отъ ніжоего змія на всяко время обидінт бываще, — и птенца его снідаще. Яко убо множицею змій творяще таковое, и шедъ врант къ ніжоему своему другу — звірю, и рече къ нему: хощу тебе совітника сотворити, не віси бо, каковая стражу отъ змія, и мнитъмися полезно быти тому, мні приближитися ему спящу и очи ему извертіти. Звірь же рече: не добрі совітоваль еси, но промысли хитрость ину, ею же оного погубищи, ты же невредимъ пребудещи, — да не подобно постражещи жаравлево.

«Притча о жаравль и о ежь. «Глаголеть бо ся, яко жеравь нъкій при блать пребывая, исполнену рыбъ, и отъ нихъ же питаяся, состаръвъ же ся и на ловъ не возможе подвизатися, и гладомъ одержимъ, востужи си и поиде въ нъкую гору, и восходя обръте ежа во своей скорби Ежъ же рече къ нему: что ради печаленъ еси и скорбенъ? Онъ же воспріимъ рече: како не 1 скорблю — первіе пребывахъ при блать нъкоемъ и отъ рыбъ его питахся, многимъ обиліемъ суще; днесь же узріхъ два рыбаря, приходяща на мъсто то и другъ другу бесъдующа, како всю ту рыбу изловять. Ежь же, послышавь оть жаравля, прінде къ рыбамъ и повіда имъ, еже слышавъ отъ жаравля; они же пришедше къ жаравлю и реша: ныне хощемъ севътника тя имъти, услышахомъ бо, яко рыбари нъцы совътоваху изловити насъ. Жеравль же рече: ни едино вамъ предлежитъ художество, точію преити отъ міста своего во иное мъсто тростяно и водно, идъ же доволну пищу обрътше и добръ живуще избавитеся предлежащія бъды. Рыбы же рекоша: пренеси убо ты насъ на таковое мъсто; онъ же рече: боюся, да не прежде предложенія вашего придуть рыбаріе, обаче елико ми есть мощно, се сотворю, - и начатъ съ таковою притчею преносити по малу рыбы въ изкоей губъ на

¹⁾ въ рук. жнако; поправлено по друг. сп.

берегъ, и тамо ядяще ихъ, другимъ рыбамъ мнящимъ, яко въ порученное мѣсто преноситъ ихъ, еже сохранитися и соблюстися тѣмъ тамо. И юже ископа яму безумный инѣмъ, самъ впадеся въ ню. Во единъ убо отъ дній умоли ежъ жаравля пренести и того, якоже и рыбы; пріимъ же его жеравль и отнесе на гору, идѣже и рыбы снѣдаще, совѣтова же и того снѣсти. Видѣвъ же ежъ кости рыбныя, тамъ лежащая, и уразумѣ лесть и въ себѣ помышляще, яко нужно смертенъ буду, аще противлюся жаравлю, или аще покорюся, единъ судъ пріиму; нынѣ же смыслихъ, да не бесчестною смертію постражу, но или добрѣ жити ми или добрѣ умрети, тако бо благоумному подобаетъ, — и напрасно обзинувъ жеравлеву шею устнами и нужно удави его.

«Сего же ради таковая сказахъти, о вране, яко да увѣси, яко враждующей нѣкогда нѣцый своими сѣтми яти бываютъ. Но подобаетъ ти тако зміеву погибель промыслити: смотри долу женьскія красоты чеснѣйша и похити ю, и отнесъ, во гнѣздѣ зміевѣ положи ю, его же ради по ней послѣдствуютъ нѣцыи, обрѣтше же змія и убьютъ его, — еже и бысть. Тако бо сотвори вранъ и избавленъ бысть отъ змія.

«Рече же Ихнилатъ Стефаниду: сія сказахъ, да разумѣеши, яко мудрость есть болше крѣпости. Стефанидъ же рече: аще не бы противу мужеству мудрость, оставилъ убо быхъ таковая бесѣдовати тебѣ, но вкупѣ съ храбростію и разуменъ еси. Ихнилатъ же рече: истинну реклъ еси, яко таковъ есмь; но имамъ низложити его по искушенію, дерзаю бо и вѣрую многимъ вещемъ, еже быша во многихъ, иногда бо и заяцъ два низложилъ есть....

л. 188—194. «И рече царь къ философу: разумѣхъ вся реченная притчи тобою, еже реклъ ми еси; протче скажи ми, философе, како кто когда достигъ желанія своего и не могій добрѣ содержати его, и абіе паки погубить е. Философъ же воспріимъ и рече:

«Притча о пионцехъ. Глаголетъ бо ся, яко пионцы нѣцыи, царя у себе имуще состарѣвшася зѣло и заматорѣвша многими лѣты, и старости его ради изгнаша ѝ отъ царскія власти. Онъ же всякимъ недоумѣніемъ одержимъ бывъ, пріиде къ нѣкоей смо-

ковинцъ, стоящей при брезъ морстъмъ; и пребываще у нея и ядаше отъ плода ея. Во единъ же отъ двій ядущу ему смоквы, в паде изъ руки его едина смоква, и юже пріммъщи диня желва и изъяде, и удивися желва, питающеся смоквами, о немъ же пионкъ посмъяся, и оттуду не престаяще желва пятающися смоквами. Она же сладку пищу обрътция, и домъ свой забы, и сего ради подругъ еи малодушьствоваще велми и искаще притчю, како бы пиника погубиль и подруга своего возметь. И еденою бо отшедши желва въ домъ свой, и спорбна друга своего обрътши, и рече къ нему: почто вижу тя скорбна и дряхла в болла суще? Онъ же рече: въ больтань лютую впалъ есть, в нъсть ми исцальнія обръсти, вще не получю сердце пиониово. Она же недоумъвшеся о сей ръчи и помышляще въ себъ, ако ино серице не имамъ обръсти, точко гостя своего, - св же и преступление быти разумъвши, дивящеся помышленьми и недоумъяшеся, что сотворити. И пришедъ къ пинику, пригласи его; опъ же воспроси ея о косивній; желва же отвіща: ни о чесомъ же укоснъхъ точію зане срамляюся тебе и не имами достойно воздаянія о благодівній твоемъ воздати тебі. Пионкі же рече: не помышляй таковая, ифсть бо азъ таковъ, еже отъ своихъ любовныхъ искати воздалніе; паче же ты мив благодателница была еси, таковыми бъдами одержима и изгнана сущи, утъщающи мя. Желва же рече: хощу еще утвердити любовь посреди насъ сущи, утвержають бо ся треми вещии, сіи рычь, еже въ домъ въ дружній вхожденіе, и сродником в эрвніе, и посъщеніе, вже вкупь пребывание. Пиоикъ же рече: тако составляетца любы, о дружко, вже въ слабости житія своего живущей. Желва же рече: истинну рекать еси, достоить бо другомъ совершеяную любовь и сердечную отъ своихъ друговь искати, а иже за нъмихъ ради житейскихъ потребъ любовь составлять, не на твердимъ основани зиждетъ. Понеже бо не подобаетъ отъ дюбовныхъ ино ничтоже искати, точію сердца проста и чиста, в втры правы и истинны. Телецъ же, аще безъ млека матерь свою ссеть, прогивваетца, яко прогнану быти отъ нея; азъ же хощу, яко да пріндеши въ домъ мой, живу же азъ во островъ травоносивиъ, яко тиами исполнено благихъ плодовъ, ихъ же око челована нервдина не вида...., ухо ланиваго не слыша, на

на сердце человъку унылу не взыде, - яже уготова Богъ любящимъ его, и славу мою узриши по писанному: внидите, друзи, въ радость Господа своего, — азъ бо на рамо свое вземши, отнесу тя. И върова пиникъ, взыде на желву и ношашеся по пучинъ морстъй отъ нея, и егда быша на среди пучины, косно плаваше (желва и) ста помышляюще, како погубити пиника. Видъвъ же пиникъ коситије желвино, и уразумъ лесть и глаголаше въ себъ: еда на мя въчто зло умысли желва? - и тако рече: вижу тя, о дружко желва, въ попечени и размышлении. и боюся тебе о томъ, и повъждь ми, любезная, что убо есть попечение твое и косное плавание, како не повъси ми, такову другу върну ти сущу? Вопрошаю тя убо о семъ, да повъси ми истинну. Желва же, отвъщавъ, рече: печаль ми есть велика зкло, яко дошедъ въ домъ мои, я не обрящеши вся достоиная, якоже хощу азъ; на одрћ бо лежитъ подругъ мой. Пиоикъ же рече: не пецыся о семъ, ни что же бо ползуетъ печаль, но пецыся паки о врачевныхъ быліяхъ. Желва же рече: глаголютъ врачебстін отроцы, яко пионково сераце можетъ исціалити болетнь ону. И се слышавъ пиникъ свою погибель и въ себе рыдаше, глаголя: оле моего безумія, яко нісмь сего узналь, паче и стару ми сущу, въ таковыхъ злыхъ мене вложи и преблазни сія желва; иже бо въ малыхъ теснотахъ в скудости пребывая. безпечално житіе живетъ, желая же чести, безъ скорби (не) бываетъ. Таже и къ желвъ рече: вскую, любимая, не сказа ми таковое слово преже, даже не изыдохъ изъ дому моего, яко да и сердце свое съ собою взялъ быхъ; законъ бо есть намъ сицевъ. да егда къ любовному идетъ, то сердце свое дома оставляетъ, для тоя ради вины, дабы начто лукаво, у друга садячи, не помыслити. И сія слышавши, желва воспять возвратися и пловяше радующися и донесе пиника на брегъ; онъ же на сушу наступивъ тощъ и на смоковницу взыде. Желва же долу стоя и вопіяше: снили скоро, друже, яко да повдемъ, — пионкъ же, отвъщавъ, и рече: аще сниду, до конца сердце свое не пріобрящу.

И тако изрече философъ: разумћи, о царю, иже бо кто желаніе свое по хотћніи своемъ наидетъ благо, и не совершитъ è, и время мимоидетъ и ничесо же паки получитъ.

УЧ. ЗАП. — КВ. IV. — ОТД. II.

№1. Обращаясь къ **Рименимъ Дъяніамъ**, приводимъ три разные разсказа: первый изъ Румянцовской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Погодинскаго сборника № 1964 об. л. 221 — 227; третій изъ Румянцов. сборника № 371 об. л. 367 — 370. Этотъ послъдній, какъ мы замътили, не находится въ Латинскихъ Gesta Romanorum.

О невърности и кръности тъла, глаголеть же ся виною, яко не ввъряти тайны женамо. Бъ нъкто знаменитъ воинъ у въкоего царя; той же воинъ нъкоею виною разги вавъ его, посм же друговъ своихъ молити о себъ, да упросятъ ему милоств у царя. Друзи же его упросиша къ нему у царя благодать, обаче повель царь (воину) быти къ себь съ гадателствомъ тайнымъ, дабы ко двору его тхалъ и шелъ, и да приведетъ втрного прізтеля, и утъшника, и невърнаго друга. Слышавъ сія воинъ, таковый неявленный приказъ, и смутися, паче же недочиваяся, како сотворити. Случися же во время то пріити къ нему накоему преходнику; воинъ же напомянуся рещи къ жент своей тайно: «въси ли, яко пришелцы имъютъ у себя сребро; аще утанши, азъ пришедшаго убію, а сребро иміти будемъ себі; она же съ клятвою утанти объщася 1. Егда же вси усвуща, воинъ же той воста, возбуди оного пришелца, и повелѣ ему в путь свой итти, уби же телца и изстче его въ части в вложи въ міхъ, разбуди жену свою, показа ей міхъ, глаголя, яко в томъ мъху глава и руцъ и нозъ, его же азъ убихъ оного пришелца, а тъло его загребъ въ коморъ, въ тайнъ мъстъ. Загребе же и мѣхъ, и показа ей своего сребра вѣколико, яко вавъ у оного убитого пришелца. Егда же прінде день ѣханія его ко парю, тогда взя съ собою по правую руку и страну пса, и ва руку малого своего сына, а жену по лѣвую страну; егда же приближися ко двору цареву, возложи правую ногу на пса, и тако якобы пъшь шелъ, и тако шелъ тадно и пъшо, и приде тако предъ царя. Узрѣ же его царь со всѣми его предстоящимя, удввися, како исполни неявленный и тайный прикавъ и рече ему царь: «гдт есть твой втрный пріятель»? Тогда воннъ, язять мечь, удари страною пса своего, песъ же отъ ударенія далеко

¹⁾ въ рук. оставити увещася.

отскоча, -- егда же воинъ кликну его, паки къ ногамъ его притече, — и рече царю: «то есть мой върный другъ-прінтель.» Царь же похвали его, рече ему: «чтожь есть твое утвшеніе?» Воинъ же показа на отроча свое, рече: «се есть мое утвшеніе, той же мя всегда веселить детскими глумленіи.» Царь же рече: «гат твой другъ невтрный и непріятель»? Воинъ же удари жену свою, глаголя: «чесо ради тако непристоино на царя, государя моего, смотриши»², — жена же возопи: «мужеубінца проклятый, за кую вину біеши мя? Или такожде мя хощеши убити, яко же убиль еси вчера пришелца, малыхъ ради пънязей?» Тогда воинъ, мужь ея, паки удари, глаголя: «проклятая жено, чесо ради на мя клевещеши?» Она же лють нача водити, злословя его, рече: «идъте по миъ, укажу вамъ мъхъ, въ которой мужъ мой вложи голову и руцъ и нозъ, убивъ странного пришелца, а тфло закопавъ въ землф, въ коморф.» Тогда царь повель слугамъ, да идутъ съ нею и свидътелствуютъ; слуги же шедше, во ⁸ указанномъ отъ нея мъстъ мъхъ изъ земли изяща, обрѣтоша же телцово мясо, в доумъвахуся, и пришедше, царю поведаща. Услышавъ сія царь и увидевъ премудрость воина своего, зъло его похваливъ и по семъ бысть ведии любимъ царемъ и умре въ покою.

Притча о нъкоемъ велможъ. Бысть въ Римской области, въ нъкоемъ градъ нъкій царь, имъя у себе нъкоего ближнего человъка, и устрои его у себе въ чинъ дворечества. Человъкъ же той имћя обычай всегда на ловъ вздити, и во единъ убо отъ дній повель слугамъ своимъ ископати ровъ велми глубокъ (на) удовление звъремъ, идъже обыче на поле ъздити. И во единъ убо отъ дній по ніжоему случаю впаде въ той ровъ лютый звърь левъ, и змія, и пионкъ, и — бяще въ годъ зимы, — нападе на той ровъ сиътъ велій, яко и устія рва того не видъти. Звъріе жь тѣ бяху въ рову подъ снѣгомъ и недоумѣяхуся, что сотворити, зане рову тому глубоку сущу и не возмогоша излѣсти изъ него. По времени жь накоемъ восхота той дворецкой видъти самъ ровъ той, и абіе вытха за градъ единъ, и приближися, идъ же ровъ ископанъ, и по невъдънію наъде на устіе

²⁾ этого слова недостаетъ въ рук. 3) по въ рукоп.

рва того, и впаде въ него вкупт и съ копемъ своимъ, и не видъ помогающаго ему въ бъдъ пагубы своея. Звърів жь тін не видъща его, онъ же нача звати великимъ глясомъ, иже кто бы его извлекъ. Случижеся по нъкоему случаю путемъ тъмъ тхати на ослять нъкоему населнику.... въ дебрь ради дровія, и вожаще во градъ, тъмъ жену свою и дъти прекорилевая. И егда населникъ той услыша изо рва человъка великимъ гласомъ вопіюща, и абіе остави осла, прінде ко рву и видв человъка внутрь рва стояща вкупъ и съ конемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровъ сей впаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како впаде въ ровъ, и еще рече ему: амилый брате мой, помози ми, да не эль умру въ семъ мъстъ, зане излести не могу, аще кто не подастъ ми руку помощи.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чимъ вавлещи тя изъ рова сего, и азъ возвращуся въ домъ свои верви ради, и день мит сей тунт пройдеть, жена же и дти гладовъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ дебрь сію на осляти твадити и дрова въ градъ возити и продавати, темъ питатися со всеми.» Человекъ же, въ рове стоя, объщася ему дати злато доволно, — «аще извлечеши мя». Населникъ же слыша отъ него объщание злата и взя осля свое, и повде къ дому, в пришедъ въ домъ свой, оставивъ осла своего и вземъ вервицу и иде скоро до оного рва и пусти вервицу въ той ровъ. Левъ же видъ вервицу висящу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко человъкъ ухватися за вервь, и нача извлещи вонъ, и извлече, и видъ лва велми стращна, и ужасенъ бывъ велми и митвъ себъ, яко поглотити его хощетъ; левъ же несельные лицемъ нача радоватися и нозвето лобызати и прилъжно на населника...., яко бы молвити ему, что избавиль его отъ толикія смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровъ; змія же видь вервь и охапися за вервь; населникъ же той мня, яко онъ человъкъ объяся за вервь, и нача его влещи вонъ, и егда извлече и видъ змія велми страшна, и абіе въ страхт вниде велій; змія же смотряше съмо в овамо в приблажися къ населнику и положи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворилъ и избавилъ ея отъ толикія смерти, и оставивъ

васелника, тече во внутреннюю пустыню. Населникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и абіе пиникъ узрѣ вервь и ухватися за вервь; населникъ же нача влещи его вонъ, и видъ пионка велми велика и сумится этло; пионкъ же воспрянувъ и видт себе изо рва извлечена, и нача велми веселитись, и веселяся отиде въ дебрь. Человъкъ же той, иже стоя въ ровъ, велми нача звати, глаголя: «избави мя отъ толикія лютыя смерти.» Населникъ же въ ровъ спусти вервь и извлече человъка того изъ рова вонъ; человъкъ же той нача населнику молитись, объщевая дати ему злато много, аще извлечеть и коня его; населникъ же той нача съ нимъ влещи коня тою же вервію, и извлекоша и коня его. Человъкъ же, бывый въ ровъ, всъде на конь и повха во градъ, къ населнику жь глаголя: «во время подобно прінди къ дому моему и возмеши благая своя.» По времени же нъкоемъ прінде къ дому человъка того населникъ онъ, и рече ко оному цареву человъку, его же извлече изъ рова: «дай же ми объщанное злато, елико объщался еси дати ми за избавленіе смерти своея.» Онъ же рече: «когда хотьхъ ти дати?» Населникъ же рече: «егда извлекохъ тя изъ рова.» Онъ же рече: «не вымъ того.» Населникъ же нача дворецкому оному стужати словесы, прошая у него злата; онъ же разгитвася на населника и повелъ слугамъ своимъ бити его безъ милости; слуги же бища его нещадно и еле жива его оставища. Населникъ же, отдохнувъ мало отъ ранъ и воставъ, иде въ домъ свой и нача велми болъти отъ великихъ ранъ, яко ни рукою мало двигнути можаше; жена же его, ходяще по граду, и прошаше милостыни, и что собираще, тъмъ мужа своего кормляще. Не по малѣ жь времяни онъ населникъ испѣлѣ отъ ранъ и отъ бользни премънися, и касается прежняго своего дъла, и пріиде въ дебрь и по нъкоему случаю изломи съкиру и хотъ возвратитися въ домъ свой. Пиоикъ же сіе видъвъ и взлъзь на высокое древо и нача ломати и метати къ населнику, и наметалъ, яко ни въ три (дни) не перевозити ему во градъ: населникъ же то разумъвъ, яко той пиоикъ, его же изъ рова извлече, и мня воздарованіе ему за то, и обремени осла дровы и отиде въ домъ свой. Въ другій же день паки пріиде въ ту же дебрь и видъ змія, грядуща къ себъ. велин велика и страшна, носяща во устахъ

своихъ камыкъ зъло честенъ и драгъ, яко и свътъ отъ него паче огня, и нача ужасенъ быти. Змій же прінде къ ногамъ его, населника, и положи предъ ногами его онъ камень и абіе отыиде въ дебрь; населникъ же онъ, взявъ камыкъ и помысли въ себъ, яко «и звъріе воздарованіе ми даша за избавленіе смерти ихъ; злый же овъ человъкъ и объщанного ми не да, еже что ми объщася дати за смерть свою,» — и обременивъ осла своего, отиде въ домъ. Въ третій же день паки прінде на прежнее ему дело въ дебрь, и срете его левъ велми свиренъ и страшенъ: населникъ же онъ спотряще съмо и овамо, гдв бы могъ скрытися, и не бъ гдъ ему скрытись. Левъ же приближися къ населнику и вземъ его усты своими и поведе его во внутреннюю пустыню; населникъ же, плача и рыдая, мая въ себъ, что левъ ведеть его къ вертепу своему на сибдение дътямъ своимъ, -- и приведе его къ вертепу своему, и бъ въ томъ вертепъ три осляти велми обремены; и емъ усты своими за узды тъхъ ослять и приведе къ населнику и даяще ихъ; населникъ же той боящеся и не смъя приступити, взять же левъ тв ослы усты своими и поиде изо внутреннія пустыни къ дому на-Населникъ же за нимъ послъдова со ослятемъ селничю. своимъ и егда левъ приведе въ домъ населничь ослята, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Населникъ же, снявъ со ослять обремение, а ослята такоже учредивъ на мъста обычная, и пойде во градъ и повель проповъднику кликати по всему граду о изгибшихъ ослятехъ з бремены; аще кто изгубилъ ихъ и онъ бы взялъ, — и не обрътеся никаковъ человъкъ во всемъ градъ, кто бы изгубилъ ослята. Населникъ же отиде въ домъ свой и отверзе бремена и видъ много множество злата и сребра, и каменін драгаго, и бисерія многоцъннаго, и отъ сего велми обогатися. По времени жь нъкоемъ населникъ онъ сотвори велію вечерю и созва весь родъ свой. друзи и сосъди, и нача съ ними веселитися, и егда пріидоша въ веселіе многое, населникъ же онъ показавъ онъ драгій камыкъ единому отъ друговъ своихъ; другъ же его, видъвъ онъ дивный камыкъ, велми удивися. Не по мнозъ же времяни дойде въ слухъ, во уши царя о камыцъ ономъ честномъ; царь же призва населника того и вопроси его: «повъждь ми, человъче, аще

имъеши у себе таковъ камыкъ, о немъ же слышалъ есмь, яко звло честенъ и драгъ?» Населникъ же къ нему отвъща: «о царю, есть таковъ камыкъ,» и вопроси же его царь, откуду и како обръте, онъ же сказа ему вся по ряду яже о себъ, каковъ бъ, и о дворецкомъ его и о избавлении смерти его. Царь же, слышавъ сія словеса, и удивися, повелъ дворецкаго своего въ заточение послати, населника же того возведе въ чинъ его, и имъніе его дворецкаго тому населнику повелъ взяти — и домъ, и рабы, и села, все ему поручи и вла-- Авти повель.

Прикладь дивнаго устроенія нъкого благотнорца и правед аго судін. Во град'в Римстъ, по случаю житія, паче же добрыхъ всьхъ дателя Бога промысломъ, чже возставляетъ отъ гноища и посаждаеть съ могущими, накій оть нищетнаго и худаго житія вчинися первъе въ воинство и потомъ въ коемъждо чиноначалствъ пребывъ, и по сихъ достиже въ тиронскій санъ, отътуду же учинися и первосовътникъ цесарю. Обаче, поминая случая, яко непостояннаго законоположника, иже даетъ и отъемлеть, - ризу ону нищетную, юже первъе ношаше, вложивъ въ златый, сотворенный со драгими каменіи ковчегь, во внутренней своей полать постави, и токмо единъ тамо вхожаше, изимая грубую ризу, по вся дни смотряя, оплакуя первое свое житіе и поминая, коликая претерпівая бідствованія прежде, и тако увъщевая себе, еже никому же обиды, ниже напасти сотворити, но ко всемъ милость и судъ праведный имети. Се же ему доброе намфреніе творящу, оклеветаща его къ цесарю, яко въходи въ сокроненную храмину чаруетъ. Цесарь же той кротокъ бъ зъло, не яростиымъ возръніемъ, но кротостнымъ разсмотр вніемъ сіе испытати сице изволи: повель, въ неже время внидетъ сановникъ той въ сокровенную полату, себе извъстити. И егда, тому тамо вшедшу, внезапу цесарь по извъщению пріиде, узръже въ златомъ кончеть гнусную ризу, вопроси: «что есть,» - онъ со смиреніемъ припадая кланяшеся, не хоть тайны извъстити, обаче принужденъ, рече: «цесарю великій, Богъ, иже насъ ради нищету претерпати изволивый, изведе мя отъ пенци нишеты, и подавый ми хладъ росный, еже возмощи, благоводивый же ми прінти въ сдаву сію, юже имамъ при держа-

въ твоей, учить, глаголя: научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимая азъ спасителнаго повелънія, смотряя сію мою первую, нищетную, скверную, ризу, объучаюся, еже ко встыть быти милостиву, якоже и азъ потребовалъ въ моемъ первомъ житіи отъ всёхъ милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидъти, и благорасмотрѣливый, всѣмъ неотрочный судъ подавати, и милость отъ тебе бъдствующимъ испрошати. Сіе въ совъсти моей обношу пророческое слово, еже рече: человъкъ, въ чести сый, неразумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися вмъ; -обаче и въ скотъхъ по естеству обрътается множайшая любовь, азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтеный, въ нихъ же искусихся самъ, не помогу ли сроднымъ всемъ человекомъ въ напастехъ? Се смотрѣнія моего на гнусную мою первую ризу вина: молю державу твою, да отпустиши сему намъренію моему». Сія цесарь слыша о дививмъ двлв сановника своего, удивися радостотворно и со слезами облобызая его главу, ублажая и прославляя яко върнаго пріятеля государству своему, и возложи всего государства своего правление предоброму тому.

VIII. Сказаніе **о Мутьянскомъ веснодъ Дра- жулъ** въ древвѣйшемъ извѣстномъ спискѣ находится въ Румянц. сборникѣ № 358, откуда и заимствуемъ его.

₩ M NT SAHCKON HOÉBWA 1.

Бы в Мутьанской земли воевода Гречскый втры хртьани. иманет Дракула Латынскый азыкой, а наший дъаволъ Рускый, толико злой ро тако житье него по имтни ег. Э Турског пра придоша некога к неих поклисаріе пособа, ега внидоша і поклониша ему по своему обычаю, свой глава не снимая шапой, обиже воспроси в ний что рабатаково оучинисте великому гдрю придосте и велику срамоту оучинисте. Оний объщай: такой обычай земли нашей гдри держай. Онъй гла имъ: хощю и ав вашог закона потвтренти докртв стоите, и повтят своимъ гвозба

¹⁾ Когда слово написано вефии буквани, но изъ нихъ иныя выкинуты для дучшей помъстительности вверхъ, мы пишемъ его обыкновеннымъ образомъ, напр. вик AO ша = виндоша. 2) пос ω есть глосса. 3) т. е. съ своихъ злавъ. 4) по правлено изъ другаго слова; д. 6. да кръпче?

железное вза и колпакы и къ глвамъ ихъ прибивати и опоусти и , ре . - шелши скажите гдрю вашому. ω навыкъ о ва ту срамоту тръпъ , а мы не навыкохо . Да не посылае к на своего обы ї ко ины земла и ко и гдремъ, кои не хотать имъти: —

Ѿ послѣх тых в разъаривса цръ ю тюм. и поидѣ воиском на Дрэкулоу со мню́гими силами, ю́нъм собравъ вса е́лико имаху оу себа воиска. и удари на них нощью. и мномство изби Турковъ. и не възможе противъ многых людъи малыми люми битиса. ѝ возвратиса кои с нимъ с бою того. и на своих пресматривати сам каковы у ког роны, оу ког рана спероду то тъмъ чть и жалованте подаваше, и витаземъ е́го вчинаше, а кои созади раненъ тог на ко повелѣ сажати, то беглець смермь, гла воиску своему, кто хоще смрть помыслити, то не ходи со мнюю о́стани зде. Цръ же слыша то и поидѣ про со мнюгымъ срамом, и не возмом нань поити.

Црь Торскый посла к немо поклисара да ему дань дасть. Дракула же почти велми поклисара и показа ему всъ свое имъніе, и ретему: азъ не токио хощю дань дати прю. но всемъ своимъ войско^м. и со всею казною хощю к нему на слоужбу ити. и ты возвъсти цбю, ка поиду к Hemy, Alogn to crosh semue he begend with a hound more hakoglog saa Учинити своим дюми. и ма хощю скоро по тобъ поити. Црь же слыma" & nocaa cboer, что Apaksaa xomer ко мне поити слоути, збло 6 рад бы том 8, бъ бо ратоуы тогиы со восточными прыми и странми. и посла скоро по градом и по всеи земли своей. да коуды Дракула поидет и нижто" бы ем за не вчини, но и чть емоу воздавали. Шнъ же поидъ тако е днеи по земли Т8рскои и внезапоу верноуса и на пленити грады м села и мно мно ство плени и исстче, овы на колье посажа, а иных сожигаще, и до мла нцов ссущихъ млеко не остави, и всю ту землю поусту вчини и мию хотьми во свою землю плененых возврати. и мию користи добы, приставовъ тъ почтивъ рекъ опоусти — повъстбите прю, мко^ж видъсте, сколко могу, стоко ему послоужиль. буль ему слоу ба моа ему 7 оуго на, и ещо ему послоужю. Црь же ничто ему зла вчини срамо" побеженъ. — Колико грозенъ бы Дракула во своем земли. ненавида зла кому вчинити, разбоа, татбы, или кою нужю или неправоу. то никако боу ть живъ, аще сщенни. или болри. или простои члкь, аще и мног бгатства мъ хто не можть искупити о смрти. — Не-

⁵⁾ въроятно, заглавіе. 6) вм. этого неправильно: бто бо. 7) въроятно лишнее.

накое" мт баше клада" хладт и сладо. и мнози к тому источику пути пришли о многы стра. и пьаху о источника тог. Дракоула вчини чару велику дивну и злату, и постави на источницт томь, и аще кто пьаме чарою тою златою и пакы поставлаше на томъ мтсте, и никто смъмше взать ю о страха, елико о пребы.

Ѿ послът. Таков бо обычан ним Дракула. околъ в нему прихожаще посоль о пра н о кыза. Н о крола неизащие и не умваше противу кознем его фитшати, то на ко его всажаще гла: не а повиненъ твоен смрти и ни ты рци на ма зло что, ни гарь твои. Аще гдрь твои въдам теоть малобина, небчена, посла та ко ине к великобиномоу гарю, то гарь твои бой та е ; аще ли самъ дозноль е не набливсь то сат очой вси себь. И тако поклисарот влинано ко ведикъ позлащенъ всь и нань всажаше, а ко гдрю его горче блисаще. Со прочими 9 ф Оугорског корола при к нему Матимиа поклисарь. Лах роломъ не ма члвкъ, и повъле ний сести с собою на собъдъ, средъ трупіа. и пре A нимъ лежаще колъ зда $^{\tau}$ весь великъ. добелъ и выс ω^{κ} . и воспроси поклисара 10. повъж' ми, что рам' оучини азъ сін ко тако? Поклисарь же велии боол и гла: гдрю минтий тако. некой великов члкъ пре^ тобою согръщит. и хоще $^{-11}$ почести 5ю сем 5 сем 5 вчинити паче иных. Дракула же рет: право реклъ ет. ты ет великог гдра, кралевскый поклисарь, тооъ вчинень сін коль. Онь же ов шавь ре. аще гарю достоино смрти дъм во боуду. твори е хощеш. правъденъ еси соума не ты ми бчини 12 смрть, но а самъ. Дракбла же розмий и ре: аще бы ми ты не тако фтвъща. воистину бы бы е на съ коль. И почтивъ его велин и одаривъ опочсти, гла: ты во правду ходи на поклисарство, а прочін да не дерзнеть, но прывіе вини будеть, ка с великы гари говорити. — Некогай же объдоваще Дракола пол тропьем мртвых чавкъ. и^ж на колье всаженных множество фколо трапьзе нго. и послы фколь прихожах к нему и туть идаху хатов и пословаху 13. Онь среат HX CTGAME. CLOYFA ero nde humb ctoame u cupa who he morbin tedпъти. затисноув но ста и голову на сторону склони. Дракула же

⁸⁾ пропускаемъ нѣсколько строкъ, довольно нескромныхъ. 9) Со прочимв въ рукописи неправильно, кажется, отнесено къ предыдущей фразѣ. 10) въ рукописи проклисаръ. 11) должно быть: хощеши. 12) д. 6.: учиниши. 13) т. е. исполняли посольскія обязанности.

воспроси его: что ра тако чиниши? оспоро, смра сего не могу терпъти. Дракуда же тоу поведъ 14 ег на ко посадити, и рег. тамъ ти е высоко, ино сира теба не доидет.

"Единою" пости веленіе по своки земли. гла. да кто старь. на чи" недоуже или вредень, слепь или хром. всакым недогомь одержим. да вси ти при ть ко мит. и да сотворю ва вст бес печали. и собраща к нем' вси недужній. бещисла нищих, чающ б него великой міти. юнъж вчини велику храмину и собра их тоў, и повель им дати мати и пити довоно. Синт надоша и возвеселиша. Дракулат пришол к ни гла: что ёщо вы требвете о мене? Овъщана и ръкоша вси: въдает, гдрю, бъ да твое веляство, какъ та бъ вразоуми. Онъ гла имъ: хощете ли. ма васъ сотворю бес печали на съ свъте и ничимже нужени обять. Wни чанше о не велико нъчто и глина вси: хоще гдрю, онъ повъле храм заперъти и сожже ихъ финемъ. и гла ко богаром своимъ: да вестъ что сотворих. пръвое да не стужают лючить и никто бочть нишь в моен земли, но вси бгати, второе свободихъ их, да нивтож о них постражет на съ свъ о нищеты й о недбга.

^{*}Единою^ж придоша к нему о угорскім земь два Латинина мниха мяти рами. обнъ повъле ихъ розвести розно, и призва единог к себъ. и п каза ем' вокруг двора мног множство бещисленое на кольи лю^ди. и на косът. н воспроси его Дракоу : добро ли то азъ тако творю? Минхът гла ему: ни, гдр , ало" чинишь, без мяти кажнишь, подобаеть гдрю мять быти, а тъ, и на колъх, мчици съть. И призвава 15 же и дръгого мних. и вопроси его також. обнъж обвъщавъ рет. ты гдри о Ба поставленъ еси лихотворащи^х казнити, а добротворащи^х жаловати. а си лихотворили, ино 16 по своим дълом воспримли. Обже призвавъ первог мин^х и гла емоу: да почто ты из мапастыра и исвоен къ⁴и ходишь по великы" гдремъ, не зная ничто", а нит самъ е глаль тако тъ мници соть. и га^в хощю и тебъ мчика сотворит, сире вчинити, и повъле кго на ко^л по-адит, а другому повълель дати . н. дукать злат. ты е разоумень чявкь, и повълель его с почтью опоустити на возъх до угорскыя вемла. — Некога прим к нему купець о угорскых земли. вь его гради. и по его заповъди оставивъ возъ на Улици пред полатою и товар свой на возъ. а сам спаше у полатъ, и прише^дши некто украдъ с воза ра дукатъ злат. Купець™ идъ во Дракуле и повъда ему погоубление злат.

¹⁴⁾ въ рукоп. повель. 15) такъ въ рукописи. 16) въ рукоп. ими.

Дравбла же гла в немб: поиди, в сию нощь формще злато, и повель но всь граду искати тата, аще не форащете тата, то ве гра погублю, и повъле свое злато положти на возъ нощью, и прилож еди златыи. Кбпеч же воставъ мортте злато. наочте и в^ж. и г^ж. 17 и морттане мливъ мишей златий и шол ко Драколе: гдрю, обрътох злато и бы слинъ лишній златой. Тогда прив'едоща тата тог и со златом. И гла кущию: иди с миром. аще бы ми е не исповъда злата и лишнего, то бых велевъ и тебъ с симъ татъ на ко посадити. — Единою же идбщю емб поутъ и узре ненакое сировахъ 18 срачицю худоу и драну и воспро в его Дракула: имаши ли жену? (Онъ " брвица рет гарю, имамъ. Гла емоу Дракоу": въди ма в до" твой. И пришел и видъ жену его младу суще и адраву, гла мужеви: не съм ли оси лиу? Онъ гла: гдрю, мися вызв., и показа ем у ленъ. И гла Дракула жене: да почто ты имаещи леность к мужви своему, моуж твон долже" фрати и свати. а тебъ храняти. ты бо должна е моужю своем'я одежю свътлоў и льпя вчинити. а ты п срачищи не хощеши нарам'ти, а здрава сущи тълом, — ты е повина а не моу", — и повелъ ен рупы фсещи, а троу" на ко посадит.

Оўчинима мастери ем' бочки железным и въсыма в ни злато и полож ихъ в реку. а мастеро тых посече. да никто весть соделанно ихъ в реку. а мастеро тых посече. да никто весть соделанно ихъ в реку. Сем транитый діаво. Неког же понде кра угорскым на Дракулу вонско. Оже поиде противъ ему. и сретома и ударима обои. и ухватима Дракуло жива. О свои зданъ по крамоле, и приведенть бы ко кралю. и повелель е вить ноути в темницю. В Вышегоро на Дунаю выше Боўдина д ми. Ві ле. а на Мутьанской земли посади ино воеводу: — ко седаше в темници. И не оста своёго здаго обы во мыши ловы, и птици покупам на торгу й тако казнаше их. Ове на ко сажаще. а ины гляы остакаще, а сыной перье ощина пущаше. В на учса в темници шити и темъ кормаще.

"Ег'й же краль Матим" извъде н ис темници и привъ è è го на Боулино. и дасть емб домъ в Пъщи противъ Боудина. и ещо в король не бы, и слоучи некони злодъю прибечи на е двор. и сохранитися емб тоу. Гоньщи же е найдоша. Дракоула взе мечь свои и искочи ис пелаты. и фете гля пристав в держащо злодъй и злодъй испости. про-

¹⁷⁾ т. е. деажды и трижды. 18) такъ слъдуетъ читать; въ рукопяси вевърно иромажь; сиромажъ, въ южно-Слав. нар. и Малорусск. = бълнякъ, бобыль. 19) въ рук.: $na^{\Lambda}pans$.

чін же бъжаща. И прише тин къ кралю и повъда ем бывшое, кра же посла к нем и вопроси а что ра тако сотвори есн? Оже тако объща: ало никое вчини. но о самъ себа ббилъ, находа разбонниче скы на до велико гдра, аще бы пришо ко мне тотъ кобиревъ, и азъбы во свое дом нашо бы то злодъй и его выда, или прости его общоти. Краль нача дивити со всъми ср цю его.

"Оўмршю же том воеводь на Мутьаньской земли. и вра посла к нем в те ницю да аще восхощеть быти на Мутьанской земли воеводою.
како и пръвіе. да тог а Латыскою въру приметь, аще не восхощеть, то в темници умрть. Дракула же возлюби паче в връменнам. бесконе но в толаде православна и оступи и тинны. Оставивь света и прим тму, оувы не возможе темничным тагости понести. и оуготови на безаконной мунів бе конечное. Оставити православную въру хртьанскую Греческоўю. и прим Латынскоўю прелесть. Краль не токмо дасть йму не той воеве ство на Мутынской земли, но и сестру свою родноўю дасть за него в жену. и о нем род в. сна Поживь мю і. яв и тако скончаса во прельсти.

Конець ко сице: живащю емб в Мотьэнской земли и придоша на землю то Тоурковъ, и на па пленит. Шнъ оударисе на них, и побегоша Торци. Дракола же возгна на горо радости да видит како секоут Торков. Фторгьше в войска его мнаще тако Торки и оудари ег кдинъ копьемъ. Сиъ видъ гако в сноих обнваемъ, и то оуби своих оубийць е чавъ, его мнози копьами избодоша, и тако оубъенъ бы.

Краль взе сестр свою со в сномы е во в горск во землю на Боўды. еды при кралеве сне живеть. а дроу и оў борынскы ойск в бы. и при на вире. а третіи стариший Михаилъ твть на Боуды видъхо, о пра Тоурскы прибежа ко кралю. ещо не женивса прижи его съ двючкою.

Стефа же Мо фдовскый ис кралевы воли посади на Моуть ин ком земли. некоего воеводу влада, воеволскаго сна. Бы том воевода влал ф млал ного бы сщений, ино, игуме в манастыри. да ростриса. и съ на воеводство на Муть искои земли. и женильса. и мало побы. и Стефа его оуби. и женоу ег она и инт на Муть некои земли воеводствуеть.

²⁰⁾ посла этого еще разъ повторено еканоби.

VIII. Отрывокъ изъ **книги о Мелюзинъ** сравиваемъ съ подлиникомъ, въ одномъ Польскомъ изданія, въроятно XVII-го стольтія, напечатавномъ готическими буквами. Выписываемъ 35-ю главу романа:

«О пораженіи волота отъ Гоороя и како передъ нимъ волоть упалъ израненъ.

«Воскочивъ же волотъ и ухватилъ дръво толсто и долго. бутто великую шолгу, идя съ нимъ къ Гоерою и нача вопрошати: «откуду еси ты и чево хощешъ?» Рече Гоорой: «не пришель есмь стио на разговоръ къ тебъ, но чтобъ тебе живота лишити.» Въ томъ напустилъ на него Гоорой и ударилъ его древкомъ въ груди, яко опрокинутися ему, а воставши отъ земли, рече. Гоорою: «върую, что ты не играешъ со мною,» и погна съ древомъ на Гоороя изо всей силы, хотя его вдругъ поразити. Тогда отъ него Гоерой, поворотивъ конемъ, въ сторону свернулъ, и тотъ часъ съседини съ коня, паки обратилъся къ нему, боясь, чтобъ коня не ранилъ, понеже одного того токио съ собою имълъ. Волотъ же съ поднесчинымъ древомъ за нимъ бъжа, застановилься, смотря, что хощетъ дълати — съ коня състащи, птить возвратилься къ нему. Разсуждая волоть въ себъ первый онъ ударъ, понеже укръпитися не могъ, чтобъ не упасть, рече ко Гоорою: «правда, что далъ еси толь жестокій ударъ, яко отъ него пасти понудился; аще бы латъ потому не имълъ, конечно бъ съ того удару не всталъ; однакоже, дондеже что дал ве съ тобою сотворю, повъждь ми, откуду еси ты и какъ тебе зовутъ?» Онъ же отвъща: «Гоорой есть съ великимъ зубомъ, прівхалъ есмь з далекой страны для тебя, но не подчиваешъ мене, яко гостя благопріятна.» Отвіща волоть: «инъ ты еси, который племянника моего Гедеона убилъ еси, и мив тожъ учинити думаешъ, но тотъчасъ узнаешъ, на ково наъхалъ еси,» и въ томъ къ нему з древомъ скочилъ. Но Гоерой, прилъжно взирая намърение его, сперва уступилъ ему; волотъ же, погращивъ крапкимъ вельми напускомъ, какъ ударилъ въ землю, едва моглъ дръвко изъ земли вынять, и такъ Гоорой удерилъ ево мечемъ своимь въ правое плече, яко и латы не адержали, и такъ усъкнулъ въ плече, яко и рука ему обвисла, и такъ съ него стали латы опадывать, но лѣвою рукою

владълъ, искусилъ Гоороя одною рукою, видя его быти одной руки, и схватя древо одною рукою удари Гоороя толь силнымъ ударомъ, яко егда Гоорой ускочилъ отъ удару и дръво ушло въ землю на полтора локтя и переломилось пополамъ. Видя же Гоорой волота безоружна, наки прискочиль къ нему съ мечемъ и усъкнулъ его возлъ горла, отчего и ошейникъ желъзный опалъ. Однакоже тотъ ударъ о переднюю оперся доску, яко не вельми повредилъ его. Видя волотъ, яко пособи ниоткуду не имълъ, дабы инымъ оружіемъ могъ противитися, кинуся къ Гоорою, и кулакомъ толь кртпко въ шеломъ ударилъ, яко едва Гоерой состояль; въ томъ волоть за плеча ухватиль; Гоерой же, мечь уронивъ на землю, сталъ съ нимъ боротся и всяческій Гоерой употребляль и пошибаль, однако же никогда силы волотовой не одольль, аще бы не раны изнимали волота и въ борбъ и въ подвигъ. Какъ вспотълъ, и такъ растворилися раны, сталъ исходити рудою, а Гоорой, хотя то и виделъ, однако же толь долго въ борбъ пребывати не восхотълъ, ибо тошно убо было, и нача одинъ другаго пущати, смотря за чтобъ по семъ принятся. Гоорой же на свой мечь взираль, какъ бы его наскоръе ухватити, бояся, чтобъ волотъ не упередилъ его; волотъ же помышл я къ горъ, бояся, чтобъ ему Гоорой вертепа въ горъ не отняль. Но какъ роспустилися, всякъ кинулся къ своему промыслу, ибо то Гоорой хотя отдыхая тихонко во своему шелъ мечю, однакоже волотъ въ томъ ничево не помѣшалъ, но паче къ тому поспъшаль, чтобъ яко наскоръе къ вертепу своему приближитися моглъ, о чемъ Гоерой не помышлялъ, и скоро бъгство его завидълъ....»

láko Gofroy Olbrzymá poraził, iż przed nim Olbrzym ućiec musiał z mieyscá porániony.

Porwáwszy się Olbrzym, pochwićił drąg miąższy y długi, á idąc z nim ku Gofroiowi, pytał go zkądeś ty, y czego tu chcesz: Gofroy do niego rzekł: Nie przyjechałem do ćiebie ná rozmowe, ále iżbym ćię żywotá zbawił. Olbrzym odpowiedział: więc mi żyć nie dàsz proszę ćię miey lutość nádemną.

W tym przytarł náń Gofroy, uderzył go w pierśi kopią, że się aż wznák wywrocił. A porywaiąc się z ziemię, rzekł do Gofroia: Wierę ty zemną nie igray: Potym zapędźił się z drągiem ná Gofroiá ze wskystkiey śiły, chcąc go z świata sprzątnąć. W ten czas Gofroy koniem obroćiwszy, uskoczył mu w stronę, y z konia zsiádszy, ku niemu poszedł, bojąc się áby mu konia nie obraźił, gdyż tylko tego iednego z sobą miał. Olbrzym z ponieśionym rázem zá nim bieżąc, stánał pátrząc co czynić chcę, że z konia skoczywszy, pieszą się ku niemu wróćił: á rozważaiąc Olbrzym on raz sobie żádny, że się pokrzepić nie mogł, rzekł do Gofroia: Práwdá żeś mi dał raz tak tęgi, żem od niego paść musiał.... bym był zbroie nie miał, pewniebym był z tym rázem nie wstáł. lednák niż z tobą co dáley zácznę, powiedz mi zkądeś? á iáko ćię zowią? On odpowiedźiał: lestem Gofroy z wielkim kłem przyiechałem tu z dálekiey strony dlá ćiebie, ále mię nie ták czestuiesz, iáko náležáło gośćia przyjemnego. Odpowiedźiał Ołbrzym: A tyś to iest ktoryśmi synowca Gedeona zabił y mnie toż myślisz uczynić ále doznász po coś przyjechał: á w tym ku niemu z drągiem skoczył. Ale Gofroy májąc pilny wzgląd ná zámierzenie jego, w czás mu uskoczył. Olbrzym chybiwszy, bárdzo mocnym zápedem, gdy w ziemię uderzył, ledwo z niey drąg wyiął: á zatym Gofroy ćiął go mieczem w ramię práwe, że zbroiá pusćić muśiała: z tego tedy rázu ręká powisłá, á zbroia go opádáłá, iednák że był mánkáty pokusił się iedną ręką, uderzył ná Gofroiá ták tęgim rázem, iż gdy mu Gofroy uskoczył wpádł mu drag na pułtora łokćia w źiemię: áż się w poły złamał od wielkiego rázu. Widząc Gofroy Olbrzymá, iż bez oręża był, przyskoczył z mieczem zádał mu ráne wedle gardła, w tym go oboyczyk zbroyny opadł iednák się on raz o przednią bláchę opárł iż mu nie mogł bárdzo szkodźić. Widząc Olbrzym iż nie mogł do oręża iednego przyiść, skoczył ku Gofroiowi, á piescia go w chełm uderzył, ták ćieszkim razem! że Gofroy ledwie ná žiemię nie upadł: w tym go Olbrzym zá bárki uiał, a Gofrov puściwszy miecz na ziemię, uiał się z nim w pas, używaiąc swych fortelow rozmaićie, iednakby był mocy Olbrzymowey nie zdołał, gdyby były rany nie mdliły Olbrzyma: ale w mordowániu y pásowániu ziuszyły się rány, że go krew poczęła uchodzić. Gofroy lubo to widźiał, iednak ták długo w pásowaniu trwać niechćiał, bo mu też duszną było: pocaął ieden drugiego puszczáć, pátrząc do czego się sięgnąć. Gofroy poglądał ná swoy miecz, iákoby go nayprędzey dopáść mogł, boiąc się by go Olbrzym do niego nie uprzedźił. Olbrzym záś myślił ku skále, boiąc się by mu Gofroy od iáskiniey w skále nie záskoczył. Ale gdy się puśćili, káżdy wolny był do swego fortelu: álbowiem Gofroy oddycháiąc z nienagła do swego mieczá szedł, Olbrzym mu też w tym nic nie przeszkodźił owszem przyśpieszał iákoby co rychley do iáskiniey swey przyskoczyć mogł: o czym Gofroy iż nie myślił, nie rychło ućieczkę iego porozumiał.

ІЖ. Выписки изъ **повъсти о Семи Мудрецахъ** сдъланы по Толстовскому списку 3. 45, Публ. Б-ки XV. О. 2.

Об. л. 230 — 234, притча перваго мудреца:

О пст и о соколь. Мудрецъ же воспримъ рече: слыши убо, о цесарю 1, — бъ нъвкоемъ мъстъ живяще рыцарь храбръ этло, имъ у собя единаго сына, младенца суща, в любяше его зъло, пристави къ нему три мамки: первая его да корчить перьсми, другая да обмываетъ, третьяя же качаетъ и утъщаетъ. Имяще же той рыцарь пса да сокола, и любяше ихъ велми: пса, за еже ни съ какимъ звъремъ роспуску небыло; сокола, за еже ни съ которою птицею розлету не было. Обычай же у пса оного бяше таковъ: егда рыцарю лучитца ъхати на бой, и аже будетъ ему на дълъ помощь Божія, сей же песъ, аки волхвуя, чрезъ его и чрезъ коня трижды скочить; егда же ему на бой не часъ Тхати, песъ же онъ великимъ гласомъ выя и коня его узду грызяше. Случижеся и вкогда, званъ бысть той рыцарь и съ женою на пиръ и повха, поемъ съ собою и люди своя, въ дому же своемъ остави сына и три мамки его, и пса, и сокола. Мамки же отрочате узыбаша его въ колыбели, и успе отроча, сами же изыдоша на дворъ, да играютъ, -- оставиша во храминт младенца спяща и съ нимъ пса и сокола. Псу убо спящу, соколу же сидъвшу, и се внезапу изыде ужъ изъ подъ лавки, и нача обращаяся эрьти съмо и овамо, и не увидъ во храминъ людей и нача приближатися ко отрочати, хоть его заъсти. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отрочати, нача трепетатися, дабы песъ убудился и видъ его спяща крыпко, доста носомъ за губу и ушкиу его, бъ бо спя близъ его. Песъ же убудися и узръ

¹⁾ Это слово пишется большею частью цысарь, также цесарь.

ужа полвуща, борзостію ринувся и сцепишася съ нимъ и вачаша ся всти между собою. Ужь убо пса изъяде во многихъ мъстехъ, а песъ ему одоль и до смерти загрызе; отъ крови же ихъ стечеся вся храмина. Егда же песъ и ужъ брашася между собою, извалиша отроча изъ колыбели и оторвися кольюель, покры отроча. И удавивъ же песъ ужа и ляже на немъ близъ у колыбели.... Пріндоша же во храмину мамки отрочате, видъвше же храмину кровію сплывшуся, и пса лежаща кровава, в колыбель опровержену, отрочате жь неузръвше, -- митвше, песъ отроча и изъяде, и розбъжащася. Едина же мамка приде къ рыцаревъ, плача и вопія веліимъ гласомъ: о не въси, госпожа, песъ сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели. Рыцарева же, слышавъ смерть сына своего, веліимъ гласомъ воскрича: слышавъ же рыцарь кричаніе жены своея, притече и рече въ ней: о чемъ плачеши? Она же рече ему: се прибъжа мамка и сказа -- сына наю изъяде песъ до смерти. Рыцарь же. слышавъ, вземъ мечъ свой и иде борзо въ домъ свой, пріиде во храмину, гдф бф сынъ его, и видф ю кровію стекшуся, а колыбель сына своего на земли поверженну, и пса близъ ея лежаща, лижуща колыбель. Песъ же узрѣ господина своего и скочи къ нему радуяся; онъ же изять мечь, и ткну его, и престче на двое, и подня колыбель, и обръте сына жива, спяща; нача же смотрати, откуду по храмина учинися кровь, и обрате ужа воликого забдена, и оскорбъся о псъ скорбію веліею зъло. нача плакати, понеже уби неповиннаго такова разумна для слова жены своея.

Об. л. 235 — 238, повъсть королевы:

О нькоемь вепры и о пастусть. Бысть некій король, имѣ въ государствь своемъ великій лѣсъ, въ немъ же лѣсу живяще дикій вепрь, бѣ же лють зѣло, по всякимъ мѣстомъ проходя изъѣдаше люди. Пріидоша же ко кралю всѣ люди его господарьства, моляху его съ великимъ воплемъ, да избавитъ ихъ отъ насилія вепрева. Король же посла иногихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити; вепрь же рыцарей всѣхъ поби; король же посла (въ) второе и въ третьее, онъ же и тѣхъ всѣхъ поби, и о семъ король въ недоумѣніи бысть. Имяше же король той дщерь единородну, и пусти кличъ по всѣмъ градомъ госпо-

дарьства своего, иже кто убъетъ вепря того, да дастъ за него дшерь свою. Случижеся изкако единъ изкто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имъ у себя съкиру, и узръ его вепрь той, напусти на него, онъ же утече у него на великое древо виноградное: вепрь же нача древо подъядати, пастырь же нача ягоды рвати и вътьвіе съ ягоды вепрю метати. Вепрь же нападеся на ясоды, нача ихъ ясти, а пастырь же болши нача къ нему метати, и наядеся вепрь ягодъ до великіе сытости, и ляже подъ тъмъ древомъ спати. Пастухъ же узръ его спяща и надклонися на цего, единою рукою держася за древо, а второю нача вепря чесати, и узна его спяща крфпко, и изять топоръ и уби его до смерти. Король же выдале за него діцерь свою, посліди же его той пастухъ кралевствова на его мѣсто.

(Королева вывела изъ этого следующую мораль, для убежденія короля:)

Сія же песарева изглагола и рече цесарю: разумій, яже ти глаголю — приличив людіе не возмогоша стояти противь тебя: а пастухъ — знаменіе твоего злаго сына, еже нада тобою своею мудростію умышляеть; смоквіе же метаніе къ вепрю знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умолвять тя лестными словесы: чесаніе же вспря, пастуха того, претворить, еже сынъ твой и, съ своими мудрецы лживыми своими словесы умолвивъ тя, хощеть убити и на твоемъ престолъ състи и господарьствовати.

Об. л. 250 — 255, еще повесть королевы:

О накоемь рыцарь убогомь и о датехь его... Бысть накій рыцарь древле въ Римъ, имъя у себя единаго сына и двъ дшери; обычай же имяше той рыцарь часто на битвы тадили во многіе господарьства, споемлючи съ собою всюды и сына своего, и въ тьх в взавхъ имбые свое истощи все и одолжа великимъ долгомъ, и нача глаголати сыну своему: о милый сыну, азъ убо при старости, а ты младъ еси, еще же имбю двб діцери, сестрв твои, не имъю же съ чъмъ ихъ отдати за мужъ, долгу ради своего; но что сотворю — на разбой ли поъдемъ, или учнемъ красти, да искупимся отъ долгу своего, и было бы намъ чъмъ питатися. Сія же слыша сынъ, похвали совътъ отца своего. Бысть же въ то время цесарь въ Римъ Октеньянъ, охочъ бъ

до злата и имъя у собя многое множество злата, насыпа же себъ велію полату-злата и постави стражи. Рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: отче, сотворимъ мотыги, и подкопаемъ полату, и возмемъ злата доволно. Рыцарь же похвали совътъ сына своего, и сотвориша собъ мотыги, и шедше подкопаша полату, и взяща злата, елико возмогоша, и тъмъ златомъ искупешася отъ всего долгу своего. Стражи же полаты узнаша, кимъ містомъ изъ полаты злато крадено, и поставища въ томъ мість великій котель смолы, разваря. Они же пріидоша во вторыя украсти злата и поидоша въ скважню, идъ же прокопаша; вивде же прежде отецъ его, и егда пустися и урвася въ котель, въ смолу по груди, и рече къ сыну, дабы къ нему не отпущался. Онъ же пустися бережно и не увязе въ томъ котаф; видъвъ же отецъ, что невозможно его сыну его избавити изъ котла, и рече къ сыну своему: о чадо, единако мы умрохомъ, пріими мечь и отськи главу мою, и возми злато доволно в главу мою съ собою, мене же остави безглавна, да не познавъ будеши. Онъ же злата взялъ елико возможе, и пріимъ мечъ, отстве главу отцу своему и положи ю въ мъхъ и отнесе съ собою. На утріе же пріидоща стражи и взяща татя безглавна и повълаща о немъ цесарю; цесарь же повель трупъ мертваго татя по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ, и посла за нимъ люди многи и рече имъ: смотръти прилъжно, - да егда въ коемъ дворъ узрите, еже тъло мертвое видъвше начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведета ко миъ. Возиша же его много по улицамъ, и привезоща въ улицу, ид в же живяше сынъ его и дщери; узрѣша же дщери отца своего мертва возима и воскричаста великимъ гласомъ и начаста плакати. Сынъ же его, заслышавъ кричаніе сестръ своихъ, борзо ринувся къ нимъ, извлече ножъ и укололъ себя въ бедру и рече сестрамъ своимъ: егда вы поимаютъ и начнутъ спрашивати, вы же рцъта имъ, что по мив плачете. Слуги же цесаревы, слышавше въ томъ дворѣ кричаніе, и ринушася имати, и узрѣша брата лежаща поколота и сестры надъ нимъ плачющеся, и митвше правду, отъидоша отъ нихъ. Цесарь же повель мертвое тъло объсити и вись два льта, а сынъ его не соиме и не похрани.

Сія изрекъ, цесарева нача глаголати къ цесарю: внимаеши ли, о превеликій, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ? Онъ же рече ей: зъло внятъ, о любимая ми, да не и миъ отъ моего сына тоже будетъ; на утріе же сынъ мой да умретъ.

дополненія.

Къ стр. 79—80. Въ новой редакціи Даніила Заточника, напечатанной во второмъ томѣ «Русской Бесѣды» 1856 г., находятся между прочимъ нѣкоторые слѣды сказанія о Синагрипѣ. Въ числѣ афоризмовъ Заточника приводится, напримѣръ, слѣдующій: «аще бы котлу золоты колца во ушію, но дну его не избыти черности и жженія его» (стр. 106), — что говоритъ в Акиръ въ поученіи Надану: «сыну, былъ ми еси якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черности». Изреченіе Заточника безъ сомнѣнія заимствовано прямо изъ нашего сказанія и представляетъ новый фактъ въ доказательство его давней извѣстности.

Стр. 144—145. Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о всеобщемъ распространенія численной формулы и ея значенія въ народной поэзін, приводимъ слова Гюка объ одной древней Китайской книгь, которая представляетъ поразительную аналогію съ другими фактами. «Le premier livre qu'on met entre les mains des élèves est un ouvrage très-ancien et très-populaire; on le nomme San-dze-king, ou livre sacré trimétrique.... Les cent soixante et dix-huit vers que contient le San-dze-king forment une sorte d'encyclopédie, où les enfants trouvent un résumé concis, un tableau admirablement bien fait de toutes les connaissances qui constituent la science chinoise. On y traite de la nature de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importance des devoirs sociaux, des nombres et de leur génération, des trois grands pouvoirs, des quatre saisons, des cinq points cardinaux, des cinq éléments, des

cinq vertus constantes, des six espèces de céréales, des six classes d'animaux domestiques, des sept passions dominantes, des huit notes de musique, des neuf degrés de parenté, des dix devoirs relatifs, des études et des compositions académiques, de l'histoire générale et de la succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine par des réflexions et des exemples sur la nécessité et l'importance de l'étude». (Huc, L'Empire Chinois, 2-me éd. Paris 1854. t. 1, p. 126—127).

Стр. 175—177. Списокъ «Зрълища житія человъческаго находится такъ же въ сборникъ г. Забълина XVIII в., № 78: здъсь названо и имя трудивнагося надъ переводомъ этой книги, извъстнаго переводчика посольскаго приказа, Андрея Виніуса. Заглавіе ея слъдующее: «Зрълище житія человъча, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесъды животныхъ со истинными къ тому приличными повъстьми, въ наученіе всякаго чина и сана человъкомъ; новопреведено изъ Нъмецкаго языка встмъ во общую пользу трудолюбіемъ Андрея Андреева сына Виніуса въ парствующемъ великомъ градъ Москвъ въ лъто воплощенія Бога Слова 1674». Рукопись писана въ 1693 году.

Стр. 197. Притча о пустынникт, особенной редакцій, независимой отъ Римскихъ Дъяній, находится въ рукописи Публ. Б-ки XVI стольтія, XVII. О. 14, на л. 135—139 полъ заглавіемъ «слово о судбахъ Божійхъ неиспытанныхъ; молившу о нихъ нъкоему черноризцу, дабы видъ іъ судбы Божій», начинается: «бяше нъки отходникъ чернець, исполненъ всея добродътели, и моляшеся Богови, глаголя сице: Господи, дан же ми увъдити, что суть судій (д. б. судбы) твои различній. — створи постъ великый тоя ради вины, и не прояви ему Богъ, имже немощно есть человъку въдати того. Онъ же томящеся, моля Бога о томъ; хотя же извъстити ему Богъ, да ся не томитъ безъ ума, но вложи ему мысль тако ити посътити ветхаго деньми старца, далече суща отъ него....» Потомъ разсказаны такія же приключенія во время его странствованія съ ангеломъ, какія приводятся и въ Римскихъ Дъяніяхъ.

Стр. 205. Въ дополнение къ изложению повъсти о хмъльномъ пити, приводимъ замътку, сообщенную намъ г. Пекарскимъ. Съ нъкоторыми варіантами повъсть эта находится въ

рукописи Публ. В-ии изъ Погодинскаго собранія № 1261; здітсь помітщены статьи, излагающія разныя митнія старов вровъ, и въ концъ «о антихристь и о скончании міра и о страшномъ судъ свидътельства отъ Св. Писанія, - выписано изъ Книги Впоры, изъ тридесятой главы», т. е. изъ печатной извъстной книги, которою мы не имъли случая пользоваться. Въ этой стать в приводится и упомянутая повъсть; заключение послідней передано такимъ образомъ: «и разнесеся то піяное питіе въ Цыцарію и въ Литву и по всівмъ царствамъ и странамъ, потомъ же на кончину въка сего и къ намъ пріиде здая брань матерная на осквернение земли и воздуха и твари; затъмъ пріиде въ Русскую страну антихристово цитіе сухое табака». Нъкоторыя сказанья подобнаго рода упомянуты такъ же въ статъв г. Буслаева о Горъ-Злочастіи, въ Русск. Въстникъ 1856, *M* 13—14.

Стр. 237. Къ приведеннымъ прежде указаніямъ на рукописи изъ собранія г. Забълина, добавляемъ и другія указанія, вновь сообщенныя намъ г. Забълинымъ. Въ сборникъ № 79 изъ XVIII въка находится еще одинъ списокъ романа о Петръ Златыхъ-Ключей, подъ такимъ заглавіемъ: «гисторія о Французскомъ князъ Петръ Златыхъ Ключей и о Неполитанской королевиъ Магиленъ».

Стр. 262. Списокъ Апофоегмать есть въ рукописи XVII в. № 77 подъ заглавіемъ: «книга Апооегматъ или извѣщаніе, сіе есть соплетенныхъ, краткихъ и красныхъ повъстей».

тр. 266. Смъхотворныя повъсти или Польскіе жарты находятся въ сборникахъ XVIII стольтія № 80, безъ начала, и въ № 81, гдъ указано то же время перевода: 8 ноября 187 г., въ 72 главахъ. Въ концф последней рукописи несколько прикладовь безъ нумераціи, Шемякинъ судъ, и опять приклады и притчи царя Соломона.

Стр. 280. Еще одинъ списокъ повъсти о Саввъ Грудцынъ встръчается въ томъ же сборникъ № 80, подъ заглавіемъ: «повъсть зъло предивная, бысть въ древняя времена и лъта, града Великаго Устюга купца Оомы Грутцына о сынъ его Саввъ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія».

Стр. 289. Къ романамъ первой половины XVIII-го стольтія присоединяемъ еще одинъ: «гисторія о Россійскомъ матросъ (?) Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли» въ рукописи № 79. Въ сборникѣ № 80 находится другой списокъ романа уже нами упомянутаго: «гисторія о Полинцыонѣ, цесаревичѣ Египецкомъ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ Италіанской».

RIHAPTMAE

ОБЪ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ СТАРИННАГО ЯЗЫКА ПОЛЬСКАГО.

U. A. JABPOBCKATO.

Избраніе Польскаго языка Русскимъ филологомъ предметомъ замѣтокъ о его особенностяхъ, замѣтокъ отрывочныхъ, касающихся лишь нѣкоторыхъ, вообще очень немногихъ свойствъ этого языка, конечно, на первый разъ не можетъ не показаться сраннымъ, при взглядѣ на богатство Польской литературы, на общирную массу ученыхъ, нерѣдко извѣстныхъ своими классическими трудами далеко за предѣлами Польскими, и на высказавшееся такъ ясно вниманіе ихъ ко всему, что относится къ народной мысли и жизни. Но эта странность перестанетъ быть странною, если мы внимательно оцѣнимъ работы Поляковъ по своему языку; она перейдетъ даже въ нѣкоторое удивленіе къ ихъ холодности, отсталости и ложному пониманію современнаго направленія въ языкознаніи.

Дъйствительно, количество Польскихъ ученыхъ, занимающихся изслъдованіемъ роднаго языка, крайне ограниченно, сравнительно съ образованностію народа, съ трудами по другимъ отраслямъ наукъ и съ малообработанностію, въ смыслъ филологическомъ, языка. Изъ наличнаго количества наибольшая часть принадлежитъ къ старому направленію, принимая языкъ

УЧ. ЗАП. — КН. 1**Т.** — **ЛАВР.**

исключительно въ настоящемъ его виде, и то только литературный языкъ, безъ всякаго отношенія въ его исторіи, еще менье въ связи съ родственными нарѣчіями, и, въ слѣдствіе такой односторонности, не выводитъ правила изъ свойствъ языка, а подъ правила, умозрительно или на основани не многихъ данныхъ составленныя, старается разсортировать самый языкъ. Отсюда, такая удивительная безладица въ большей части грамматить Польскихъ, отделеніе однороднаго и смешеніе разнороднаго, в такое огромное количество часто вовсе не нужныхъ исключений. Причина понятна: это - увлечение однимъ вибшинмъ видомъ и отсутствіе прочнаго начала, которое можеть быть добыто толью при историческомъ и сравнительномъ взглядь на языкъ. Кътакому роду должно отнести, въ матеріальномъ отношенім и замічтельные, грамматическіе труды: Кургановича (Gramatyka jezyka polskiego, 1841), Дешкъвича (Rozprawy o języku polsk., 1844), Строцинского (Gramatyka polska, 1847), Лазовского (Gramatyka języka polskiego, 1848), Жоховскаго (Mownia języka polsk., 1852). Вся цель ихъ состояла какъ будто единственно въ томъ, чтобы приготовить побольше рамокъ, въ которыя бы удобиве можво было втиснуть все разнообразіе формъ языка; при группировті этихъ формъ, при размъщении ихъ по рамкамъ они не считал необходимымъ вникать въ существенныя черты сходсты в различія, ограничиваясь однимъ внішнимъ подобіємъ, въ сліж ствіе чего чувствовали постоянную нужду делать новыя подрадъленія съ отдълами исключеній. Такая же отсталость, ас нею еще большій произволь и въ философскомъ воззрѣні в языкъ у Польскихъ ученыхъ. Стоитъ только прочесть сипа Каминьского и Езерского, чтобы вполив понять и подвитил. до какой степени господствуеть у нихъ исключительность умо-другаго слова, въ то время, когда наука о языкъ получила столь прочное основание въ истории и сравнении, когда стало дъють невозможнымъ пускаться въ отвлеченныя теоріи, лишевам всякой фактической основы, если только пускающійся не хочеть показать грубаго своего нев*жества въ дъл языкознавія в ръпительнаго неповиманія значенія и цъли самой науки. И между тымъ, прошло 10 лыть съ небольшимъ, какъ Польские

филологи объясняли слово wiadomość тыть, что w ja имьетъ свой dom: Каминьскій, въ Галичания, утверждаль, что слогь «је въ jestem есть первородъ слова, что въ немъ положены стмена встхъ предметныхъ понятій», и т. под., не сообразивъ, что је въ настоящемъ случав нечего само по себв не значитъ и значить не можетъ, что оно есть только насильственно оторванная часть отъ јез, яснаго въ полноте въ форме ксми, которое, въ свою очередь, образовалось изъ јаз, какъ последнее равилось изъ первобытнаго вида аз, уцфафилаго въ Санскритф въ формахъ: asmi, asti и др. Здесь же можно упомянуть и о повторенномъ въ 1852 году сближении, профессоромъ Рымаркъвичемъ, Греч. πέλου съ Польск. byłem и βαδιώ съ bede. — Въ такомъ свътъ представляется наибольшая часть современныхъ намъ филологовъ Польскихъ, съ тою только особенностію, что Философское направление въ последние годы значительно ослабъло, замънившись почти исключительно практическимъ составленіемъ грамматикъ и другихъ учебниковъ.

Но и между Польскими учеными явились люди съ инымъ взглядомъ на занятіе языкомъ и, согласно съ этимъ взглядомъ, представили опыты трудовъ своякъ. До какой степени взглядъ ихъ соотвётствуетъ современному пониманію филологіи и въ какой мёрё труды ихъ уясняютъ образованіе, развитіе и настоящее положеніе языка Польскаго, всего видиве будетъ изъ обзора этихъ трудовъ, по возможности краткаго. Въ настоящей статьё онъ тёмъ удобнёе, что число такихъ ученыхъ весьма не велико, труды же ихъ по языку ограничиваются болёе или менёе отдёльными замёчаніями, вообще очень небольшими, или монографическимъ изслёдованіемъ одной его стороны. Къ подобнымъ ученымъ принадлежатъ: Вишневскій, Мацёёвскій и Цегельскій.

Вишневскій, въ IV томѣ своей исторіи литературы Польской, въ отдѣлѣ четвертомъ, удѣлилъ дюжину страницъ на изображеніе состоянія языка Польскаго въ XIV—XV столѣтіяхъ, основываясь на древиѣйшихъ памятникахъ письменности Польской. Чуждый претензій на филологическія познанія, а между тѣмъ считая невозможнымъ, при столь подробномъ обзорѣ послѣдовательнаго развитія письменности, не коснуться хоть мелькомъ

вопроса о главивишемъ органв этой письменности, вопроса о языкъ, овъ ограничился исключительно фактами, избъгая всякаго ихъ толкованія и какихъ бы то ни было выводовъ. Имѣя въ виду то, что есть, а не то, что могло бы, пожалуй, и должно бы быть, въ подробивишей исторіи литературы Польской, явившейся въ последніе годы первой половины XIX века, мы не можемъ не пожальть, что авторъ, во-первыхъ, изъ довольно огромной массы особенностей древняго языка Польскаго позволилъ себв остановиться круглымъ числомъ на пяти только особенностяхъ, во-вторыхъ, что и изъ пяти особенностей нъкоторымъ дано совершенно ложное значеніе, я что, наконецъ, вътретьихъ, выпискою однообразныхъ примъровъ на какую-либо этимологическую форму, онъ далъ поводъ читателю дѣлать общее заключение о состояния этой формы въ указанное время, хотя, при соображеніи другихъ примеровъ, въ техъ же даже памятникахъ, это заключение должно или совершенно измѣниться или значительно ограничиться. При всемъ томъ, однакожь, считаемъ справедливымъ выразить и благодарность г. Вишневскому за то, что, понявъ важность исторического изученія языка, хотя и не усвоивъ надлежащаго кътому метода (чего едва ли основательно было бы и требовать отъ ученаго другой отрасли науки и воспитавшагося подъ другимъ направленіемъ), онъ добросовъстно собралъ факты, проведши ихъ въ одномъ случат на пространствъ цълыхъ четырехъ въковъ, именно для двойственнаго числа, и тъмъ нъсколько прояснилъ истинный взглядъ на состояніе языка въ первую пору памятниковъ и не въ немногомъ облегчилъ трудъ последующихъ изследователей старины языка Польскаго.

Въ иномъ видъ является достойный правовъдъ Славянскій, Мацъёвскій. Въ двухъ сочиненіяхъ, по сіе время, далъ онъ мъсто своимъ изслъдованіямъ о языкъ Польскомъ, въ его стров грамматическомъ: въ первый разъ, въ 1846 году, въ Pierwotn. dziejach Polski i Litwy (стр. 180—182); въ другой, въ 1852 году, въ Pismiennictwie Polsk. (томъ II, стр. 223—318). На первый взглядъ, въ обоихъ случаяхъ, Мацъёвскій выступаетъ съ полнымъ филологическимъ вооруженіемъ: множество собрано у него фактовъ, знакомъ онъ съ Боппомъ, съ Гриммомъ и др. филоло-

гами Европейскими, дълаетъ ссылки на Шафарика, на Миклошича, на Шлейхера. Чего бы, кажется, не доставало, чтобы очертить судьбу языка Польскаго, съ отдаленныхъ временъ до настоящихъ, со всею подробностію, съ ясностію и непограшительною точностію. Но что же вышло на самомъ дала? Насколько примаровъ, превосходно характеризующихъ взглядъ г. Мацъёвскаго на дъло и способъ его изслъдованія, надъюсь, достаточны будуть, чтобы смело определить место труду его въ ряду остальных визследованій по языку Польскому. Оставляя въ сторонъ замътки его, высказанныя въ 1846 году, слегка касающіяся носовыхъ звуковъ, шипящихъ и свистящихъ, шепелеватаго p (гг) и твердаго x (1), равно и оригинальные выводы. на основаніи одного признака, объ области въ древнюю пору языка Польскаго, обнимавшей, по мнвнію автора Pierwotnych Dziejów Polski i Litwy, не только земли всъхъ Славянъ Балтійскихъ, весь юго-востокъ Россіи, но даже переходившей и на ея центръ и отдаленный съверъ и съверо-востокъ, въ губерніи: Орловскую, Новгородскую, Архангельскую и Вятскую (стр. 188), мы остановимся на болбе важномъ для насъ, въ настоящемъ случать, на воззртни автора (во II томт его Исторія литературы) на грамматическое развитіе языка Польскаго. Повторяю, что для уясненія этого воззрѣнія достаточно весьма немного примъровъ.

Говоря о потерѣ двойственнаго числа въ языкѣ Польскомъ, г. Мацѣёвскій обвиняетъ въ этомъ съ одной стороны языкъ Латинскій, не знавшій этого числа, и къ которому приспособляли свой языкъ писатели Польскіе, съ другой — онѣмеченіе соплеменниковъ сосѣдей, давшихъ первый толчокъ къ потерѣ двойственнаго числа и у Поляковъ (Ріє́т. Pols. II, 256). Какъ полно отражается въ такомъ объясненіи все филологическое направленіе автора. Предметъ самъ по себѣ таковъ, что ничуть не превышаетъ познаній г. Мацѣёвскаго, и однакожь онъ не справился съ этими познаніями, не имѣя силы отрѣшиться отъ устарѣвшаго взгляда, придававшаго, придающаго и тутъ, столь огромное значеніе внѣшнимъ, чисто случайнымъ, воображаемымъ причинамъ; онъ не могъ не знать, что двойственное число погибло гораздо раньше въ нарѣчіи Русскомъ, никогда не только

не подчинявшемся, въ старину, языку Латинскому, а, напротивъ, уступавшемъ часто въ письменности Ц.-Славянскому, который, владвя двойственнымъ числомъ, долженъ бы былъ, по теорів г. Мацъёвскаго, содъйствовать сохраненію его какъ можно дольше и въ Русскомъ, по крайней мъръ до XVIII столетія; едва ли можно отвергать знаніе имъ и всесторонняго господства двойственнаго числа, продолжающагося по сіе время, исключительно въ нарвчіяхъ тёхъ Славянъ, которые болве всего подверглись сильному вліянію Німцевъ, именно Лужичанъ и Хорутанъ. Подобное же увлечение одною вившностио, безъ всякаго чаянія о томъ, что языкъ развивается органически самъ собою, высказалось и на страницахъ 263-264, гдъ авторъ даеть оть себя объяснение разнообразию окончаний родительнаго падежа словъ женскаго рода на я и ь. Находя въ памятникахъ XIV—XV стол. три окончанія: е, і (или у—ы) и еу, г. Мацвёвскій выводить особыя правила, хотя приведенные имъ же самимъ примъры изъ памятниковъ прямо показывають, что этихъ правилъ въ жизни вовсе не существовало и что онв обязаны единственно тому, кто высказаль ихъ. Еще резче выдается своеволіе въ толкованія, съ рѣшительнымъ уклоненіемъ необходимаго вниманія къ жизни языка въ народъ, при опредъленіи причины, по которой существительное puszcza, въ старину, имфло родительный падежъ на ey: puszczey, а не puszczy: потому, говоритъ г. Мацфевскій, чтобы не смішать этого слова съ повелительнымъ наклоненіемъ глагола puścić, которое въто время писалось также: puszczy (=нынвшн. puść). Какъ булто народъ, — а, конечно, форма сущ. puszczey была народною, потому что такія формы были въ свое время весьма употребительными и въ другихъ словахъ, какъ увидимъ ниже, — для образованія окончанія вътомъ или другомъ падежѣ непремыню долженъ былъ согласоваться съ правописаніемъ людей грамотныхъ и притомъ въ такой въкъ, когда каждый изъ последнихъ писалъ по своему, когда въ правописаніи не только не было единство, а, напротивъ, господствовала изумительная безпорядочность. Какъ же, спрашивается, развивался языкъ, когда письменъ вовсе не было, и какъ же, въ свою очередь, объяснить это непостижимое вліяніе одинаковости письма только, а не самато

произношенія, на изміненіе въ ціломъ народі формы для одного слова. Но, не углубляясь далеко въ значение исключительной власти народа на изм'тнение формъ въ языкъ, и съ точки зрѣния самого г. Мацъёвскаго чрезвычайно странно такое заключеніе. Видно, что онъ внимательно перечитываль памятники языка старо-Польскаго, и какъ же проскользнуло мимо его глазъ незамаченнымъ это множество случаевъ родительнаго на еу, что дало ему право считать съ этимъ окончаніемъ одно слово ри szcza? Съ другой стороны, въдь если повелительное отъ глагола риścić и писалось puszczy, то выговаривалось все-таки puści; читатель легко отличалъ выговоръ отъ правописанія, какъ утверждаетъ и самъ авторъ, говоря объ одномъ знакъ для носоваго эвука въ древности, и между темъ объ отличіи двухъ звуковъ въ произношении: przeto sądzić można, że w dawniejszém abecadle nie było może osobnych znaków na pisanie nosowych samogłosek, bo wiedziano o tem, gdzie wymawiać je należy, jak dziś wiedzą Rossyanie o tém, gdzie się spółgłoska l miękko lub grubo wymawiać (l, ł) powinna, chociaż w pisówni swojej nie mają na to znaku (Pierwot. Dziej. 180). Почему же родительный-то падежь puszczey вм. puszczy употреблялся въ отличіе отъ писавилагося только въ видъ ризиси повелительного наклоневія, тогла какъ выговариваться последнее все-таки должно было pusci? Самъ же г. Мацъёвскій, толкуя о старинномъ Польскомъ правописаніи, объявиль, что я выражалось посредствомъ sz, с посредствомъ cz (Piśm. II, 229, 237 — 38), отъ чего вмѣсто, puści м явилось на бумагь puszczy. Но достопочтенному автору Исторіи законодательствъ Славянскихъ привычніве было подчинять жизнь языка случайнымъ, не установившимся правиламъ правописанія и въ изміненіи формъ видіть соглалиеніе ніскольких грамотников, а не самобытное развитіе языка въ народъ. На страницъ 264-й онъ положительно и ясно высказываетъ свое митие. Мисто это очень ярко рисуеть степень филологического приготовления автора, чтобы не остановиться и на немъ. Вотъ оно: «Wiek XV-XVI chciał ową niepewność, co do odmiany przypadku drugiego i czwartego liczby pojedynczej (словъ жен. род. на я и ь), tudzież pierwszego liczby mnogiej, usuną ć. Po długich sprzeczkach zgodzono się

na to, że drugi przypadek zawsze się ma kończyć na i lub y (jeżeli przedostatnia sylaba wyrazu spółgłoską, podwójną lub pejedynczą hędzie). Удивительно, какъ г. Мацъёвскому представился погрфшающимъ противъ установившагося правила однаъ Янъ Остророгъ, писатель XVII въка, употребившій macierze вы. macierzy; тогда какъ окончание е въ родит. было въ большомъ ходу у всъхъ, безъ изъятія, писателей и того XVI въка, въ которомъ, будто бы, решено было употреблять окончанія і или у. Еще болбе удивительно, какъ такой ученый разрываетъ всякую связь между языками письменнымъ и народнымъ и далаетъ изъ перваго какой-то языкъ искуственный, устроивающійся соглашеніемо немногих в грамотвевь. Между твив, эта-то двойственность формы родительнаго, такъ ръзко обозначившаяся преимущественно въ XVI стольтіи, эта постепенная смыва древняго окончанія є посредствомъ новаго і или у служить дуч- і шимъ доказательствомъ полифишей зависимости языка письменнаго отъ народнаго. — Посмотримъ, какъ расправляется г. Мацъёвскій съ корнесловіемъ и на сколько отразилось въ немъ знакомство его съ Боппомъ, Гумбольдтомъ в Гриммомъ. При этомъ не можемъ скрыть удовольствія, что имбемъ случай, во одинаковости факта, сопоставить практическое воззрѣніе г. Мацъевскаго съ философскимъ Каминьскаго. Взглядъ послъдняго на значение существительнаго глагола jestem намъ исвъстенъ. Вотъ какъ толтуетъ образование его г. Мацъёвский, провода по всемъ лицамъ и числамъ. «Выражая первое лице существ. глагола, или jestem, древній Полякъ говориль jazmi, или я (еснь) мить (=ja mi); второе лице, или jesteś, передавалъ посредствомъ jazse, желая этимъ показать тому, съ къмъ говорилъ, что его n = ja) есть для себя (se); наконецъ, третье лице, или jest, составлялъ, выражая, что тоть (ten) или окъ (оп) снова ость себпь (sobie), что его я есть для себя своимъ. Двойственное число образовалъ придачею къ jazmi окончаній wa, ta, we, te: откуда, посредствомъ удаленія ті (потому что оно не было тутъ необходимымъ, будучи принадлежностію только единственнаго числа) и помъщенія вмісто него жа и пр., явились: jazwa, jazta, jeswe, jeste. Подобнымъ же образомъ составляль и множественное число, присоединяя къ jaz: my, le, s, изъ чего

образовались: jazmy, jazte, jazs» (Piśm. t. II, 283). Едва ди кто откроетъ, кромъ самого автора, и логическій смыслъ въ этомъ образованіи существительнаго глагола; а о несостоятельности грамматической нечего и говорить: она выставляется сама собою въ глазахъ даже неопытнаго филолога поразительнымъ произволомъ вставокъ и выбросокъ, явнымъ противоръчіемъ всемъ фактамъ исторіи языка не одного Польскаго, памятники котораго очень новы, но и вообще Славянскаго, и непростительнымъ опущениемъ изъ виду подобныхъ же фактовъ другихъ языковъ родственныхъ. Существительный глаголъ принадлежить къ числу немногихъ свойствъ, въ которыхъ наиболъе сохранилось несомивниаго близкаго родства въ общирномъ кругъ языковъ Индоевропейскихъ; изъ нихъ нъкоторые имъютъ памятники глубочайшей древности, а г. Мацъёвскому извъстно, что чъмъ древите памятникъ, тъмъ въ большей чистотъ являются въ немъ и первобытныя формы, а, следовательно, и надеживание ручательство въ непогращительномъ понимани происхожденія этихъ формъ. Къ чему оторваль онъ Польское не јеstem, образовавшееся уже въ довольно позднюю пору, а старинное iesm отъ Санскр. аз-ті, Греч. е́ с-ри (— є́рии— єїри), Литов. ез-ті и т. л., въ которыхъ, конечно, при всей быстрой способности своей объясиять разнообразныя явленія языка единственно отвлеченнымъ мышленіемъ, не рашился бы онъ признать соединенія двухъ мъстоименій и согласился бы съ извъстными ему филологами, что какъ въ родственныхъ языкахъ, такъ и въ Польскомъ iesm, первая половина содержитъ въ себъ корень глагола существительнаго аз, а не мъстоименіе Славинское язъ. — Но довольно о г. Мацъёвскомъ. Мы вовсе не намтрены рецензировать филологическихъ трудовъ его, а только желали показать его взглядъ на обработку языка Польскаго. Этотъ взглядъ, какъ, надъюсь, имбемъ право замътить, ни мало не поднялся надъ прежними филологами Польскими, занимавшимися составленіемъ грамматикъ и умозрительнымъ объясненіемъ этимологія; въ немъ нътъ и тыни направленія современныхъ двигателей науки языкознанія, хотя какъ будто и принимались они въ соображение при работахъ, совершавшихся подъ вліяніемъ этого взгляда. Вмівстів съ нимъ, и результаты работъ

отличаются прежинить же произволомъ заключеній, шаткостію и невърностію выводовъ, весьма часто противоръча наличныть фактамъ, предлагаемымъ самимъ авторомъ").

Монографическое сочинение г. Цегельского: о słowie вовkiem i konjugacyach jego coraz z wstepem krytycznym, Poznań. 1852, стоитъ въ Польской филологической литература раштельно особнякомъ по основательности знанія предмета, по съвременности обработки его и по желанію, соединенному въ нъкоторыхъ случаяхъ съ умѣньемъ, пользоваться плодами трудов дучнихъ филологовъ. Разборъ этого сочиненія въ «Извістіяхъ 2-го Отдел. Академін (том. III, Матер. для слев. и гран., стр. 361-62), написанный академикомъ Дубровскимъ, осюбождаеть насъ отъ необходимости останавляваться на немъ осьбенно, темъ более, что оно наслется одной линь части этимлогія грамматики, и притомъ въ видів опыта, какъ говорич самъ авторъ, и накъ бы въ доказательство только превосходети новаго метода, который желаеть онъ видьть скорье примыеннымъ въ трудахъ по языку у своихъ единоземцевъ. Съ свей стороны, мы можемъ пожальть, что ученый съ такимъ жисомъ сведеній, съ правильнымъ приготовленіемъ, какъ вилю, съ горячею любовію къ предмету, долженъ остановиться на ва-

^{*)} Да не покажутся, впрочемъ, упрекомъ замъчанія наши уважаемому г. Ма цъёвскому. Мы имъли дъло съ самою незначительною частью его общиризаних и, говоря вообще, драгоцівныхъ трудовъ, и притомъ съ частію самою для жего и спеціальною. Скаженъ болье, въ этой же части охотно соглашаенся выдать в оправданіе, достойное одного изъ трудолюбивъйшихъ ученыхъ Польскихъ мисто времени. Дъйствительно, что зависъло отъ г. Мацъёвскаго, онъ слъдаль: завъча непростительную холодность спеціалистовъ-единоземцевъ къ извъстиваниямъ взследованіямъ по языку иностраннымъ и именя случай коснуться развитія отечественнаго явына при обворъ литературы Польской, онъ почелъ долгонъ опексомиться съ нями и перечиталь ихъ, — это оченидно. Но быль ли онъ из семо усвоить ихъ возарвніе на языкъ и методъ обработки его, когда при вноголітивіз занятіяхъ г. Мацвевскаго, языкъ никогда не былъ ихъ предметомъ, а стариявыя о языка понятія юности, въ сладствіе обращенія даятельности уиственной в другую сторону, достигли той крапости и отверданія, за которыми если и не не возможенъ, то крайне труденъ пріемъ и усвоеніе повятій новыхъ, требув загчительнаго времени, которое, какъ видно, г. Мацьёвскій предночитаетъ сберечь мл завятій другинь, болье для него близвинь, чего оть души ему и желасьь.

чальномъ своемъ опыть и не принести той польвы, какой можно бы смісло ожидать от в него при дальнівниемъ занятій языкомъ Польскимъ. Во всякомъ случав, г. Цегельскій разсужденіемъ своимъ о глаголъ первый между Поляками ввелъ такъ удачно новъйшій методъ филологіи въ литературу Польскую, до него съ нимъ почти незнокомую, и указалъ надеживащий путь, по которому геравдо съ большимъ успёхомъ можетъ идти молодое покольніе въ взученіи своего языка. Одно замычаніе считаемъ для себя позволительнымъ сдёлать г. Цегельскому: онъ слишкомъ мало обратиль вниманія на исторію формъ глагольныхъ, почему, при объяснение настоящаго состоянія накоторыхъ наъ нихъ, невобъжно долженъ былъ допустить догадки, предположенія, а иногла и чистый произволь; между темь, при сопоставленіи съ объясняемою современною формою древиташаго ея вида, съ последовательнымъ его изменениемъ, дело обошлось бы безъ нихъ, вопросъ решился бы самъ собою гораздо проще и несомивнио вврно, какъ на своемъ месте и постараемся докавать это.

Приводя къ одному итогу сказанное нами о разработив языка Польскаго Поляками, въ последние годы, не можемъ не убъдиться, что она очень слаба и недостаточна. Разсматривать родной языкъ сравнительно съ нарѣчіями и языками родственными, - дело вполит еще новое, проявившееся въ одномъ опыть г. Цегельскаго; историческое изучение языка далеко еще не развилось, выразившись пока только въ подборѣ фактовъ на четыре-пять формъ изъ древнихъ памятниковъ въ трудъ г. Вищневскаго и въ безсвязномъ размъщени ихъ, хотя и въ значительнъйшемъ количествъ, съ видимымъ отсутствіемъ цъли подбора, въ исторіи письменности г. Мацъёвскаго. Говоры народные, столь необходимые для полноты взгляда на судьбу языка и столь важные для истиннаго пониманія нікоторых вего формъ, воясе не тронуты филологами Польскими: отсталость ихъ въ этомъ отношенія, соединенная съ какою-то упорною холодностью, изумительна, при внимательномъ и дъятельномъ изученів особенностей языка народнаго всеми остальными Славянами. Г. Мацевскій замѣтилъ и этотъ пробълъ и думалъ уничтожить, по крайней мъръ хоть несколько восполнить его въ последнемъ трудъ

своемъ, и отдълилъ особыя рубрики для провинціализмовъ у Кашубовъ, Силезцевъ, Малополянъ и Великополянъ; но тутъ читатель найдеть еще менье, чымь въ очеркы старо-Польскаго чазыка, правильнъе сказать, — онъ ничего не найдетъ, кромъ голыхъ выраженій, не скрипленныхъ почти ни однимъ фактомъ, а въ глазахъ человъка, знающаго свойства этихъ провивціализмовъ, зачастую и несправедливыхъ. Такимъ образомъ, одинъ современный литературный языкъ служитъ источнякомъ для языковъдцевъ Польскихъ, посвящающихъ главнымъ образомъ, какъ видъли, труды свои составлению по нему учебниковъ. Само собою понятно, что молодое покольніе, для котораго назначаются обыкновенно эти учебники, изучая по никъ языкъ свой, не достигають ни практической, ни ученой пользы. Склонять и спрягать оно съумбеть и безъ нихъ; а сознательное понимание законовъ языка требуетъ со стороны составителей грамматикъ именно тъхъ условій, важность которыхъ только что начала сознаваться, и то пока немногими учеными Польскими. Такъ, справедливый отзывъ Миклошича (Vergleich. Lautlehre, 1852, стр. X), высказанный въ 1852 году относытельно недостаточности и отсталости въ обработвъ Полякама своего языка, со всею силою долженъ быть повторенъ и въ 1858 году.

Посль этого, удивительно ли встрытить и между учеными Русскими людей, удылющихь, между прочимь, лолю занятій своихь Польскому языку, и не заслуживаеть ли благодарность г. Дубровскій, принявшій на себя трудь ограничить пробыль въ матеріалахъ Славянской филологіи, относящійся къ письменности старо-Польской, и помьстившій три статьи въ «Извыстіяхъ» Втораго Отдыленія Академіи, содержащія словарныя и грамматическія замычанія о Польскомъ языкь (см. т. І, Матер. для словаря, листъ XI; т. ІV, Прибавл. листъ XXVII; т. V, Прибавл. л. XXXVI). Тымь пріятные рышимость знакомаго съ Польскимъ языкомъ Академика, что онъ высказаль намыреніе изслыдовать особенности языка Польскаго сравнительно съ другими нарычіями Славянскими и въ особенности съ Русскимъ. Желая полнаго успыха г. Дубровскому, я, съ своей стороны, считаю не лишнимъ присоединить нысколько собственныхъ за-

мѣтокъ о томъ же предметѣ, на сколько позволяетъ мнѣ это сдѣлать внимательное чтеніе старо-Польской письменности и изданныхъ произведеній словесности народной Польской, присоединить притомъ такъ, чтобы присоединеніе было дополненіемъ, а также и поясненіемъ иногда не совсѣмъ ясно и очень коротко выраженныхъ замѣчаній г. Дубровскаго. Быть можетъ, мои замѣтки не останутся безъ пользы и для него въ будущихъ его трудахъ, которыхъ, конечно, онъ позволитъ ожидать любителямъ языка Славянскаго, обративъ его вниманіе на предметы доселѣ опущенные.

Переходя въ изложенію своихъ замітаній о языві Польскомъ, скажу предварительно вообще, что языкъ старо-Польскій, какимъ находимъ мы его въ памятникахъ XIV---XV стол., а также у писателей XVI даже XVII въковъ, представляетъ гораздо более чертъ, общихъ съ другими наречіями Славянскими того же времени, бывшихъ вмісті в остатками глубокой древности. При всей новости, отрывочности и скудности памятниковъ Польскихъ до XVI въка открывается много еще средствъ для опредъленія постепеннаго замиранія этихъ древнихъ свойствъ, ихъ удаленія изъ жизни языка и способа замъненія формами новыми. Народные говоры никакъ не могутъ быть покинуты въ этомъ случав изъ виду, какъ хранящіе въ себь не мало еще особенностей старины, часто весьма отдаленной, и темъ свидетельствующе о всеобщемъ употреблении ихъ нъкогда. При невнимательности къ нимъ Польскихъ филогоговъ, съ удовольствіемъ поблагодаришь г. Дубровскаго за на мфреніе ввести и ихъ въ кругь своихъ изследованій, чему опыты есть уже и въ напечатанныхъ имъ статьяхъ. Эти предварительныя мысли определяють и цель моихъ заметокъ: указать на видъ, въ какомъ встречаются некоторыя древнія свойства языка Славянскаго въ Польскомъ нарвчів, на способъ вхъ замівненія въ письменномъ нынішнемъ языкі и на степень, до какой уцфафан онф въ устахъ простаго народа. Нфтъ нужды

говорить, что матеріаломъ для предлежащихъ замѣчаній служили всѣ памятники первыхъ двухъ вѣковъ письменности Польской: ихъ такъ немного, по крайней мѣрѣ открытыхъ и обнародованныхъ до сего времени, что самое внимательное чтеніе и перечтеніе ихъ не можетъ затруднить изслѣдователя. Что же касается до литературныхъ произведеній послѣдующихъ столѣтій, XVI и XVII, то, конечно, далеко не всѣ приняты овѣ въ соображеніе; но едва ли можетъ препятствовать правильности взгляда, когда на столѣтіе придется пять-шесть писателей, прочитанныхъ съ главнѣйшею пѣлью подмѣтить послѣдовательное развитіе этимологической формы языка, которой только и намѣренъ я коснуться въ настоящее время.

Имъя въ виду эту последовательность развитія, я оставляю пока въ сторонъ вопросъ о звукахъ, потому что въ самыхъ первыхъ по времени памятникахъ Польскихъ они представляются вообще установившимися, съ теми же отличительными чертами, какія в теперь отдівляють Польское нарічіе отъ других в родственныхъ. Уже въ XIV столът. встръчаемъ исключительно в изъ смягченнаго d, c изъ смягченнаго t; ту же замѣну древнихъ в и в, какая существуеть и понына въ языка Польсковъ; древнее в, точно такъ же какъ и теперь, въбольшей части случаевъ, выражается черезъ и, съ господствующими досель взмівненіями; даже и позднівішая особенность нівкоторых вы рвчій Славянъ западныхъ, смягченіе г посредствомъ шепелемтаго ї господствуеть съ исключительною силою въ эпоху дренвишихъ памятниковъ, что очевидно доказывается правописаніемъ его посредствомъ га или га; и если относительно Чепскаго нарвчія можно положительно утверждать, что ї явилось въ немъ не ранъе XII—XIII вв., смънивши прежнее т (=ps). то для Польскаго, по отсутствію памятниковъ X — XIII стельтій, остается одно несомивинымъ, что въ XIV стол. было уже га всеобщимъ. То же савдуеть заметить и о другихъ звукахъ въ нарвчін Польскомъ.

Примъчаніе. Вишневскій (Hist. Lit. Pols. VI, 352). правда, говорить, что «шепелеватое га показалось на письм'є только въ XIV стол. и есть сл'ёды, что въ древнемъ Польскомъ язык'в повсюду оно употреблялось». Но, во-первыхъ, гя-га

или одно в вийсто рь попадается и гораздо рание въ Латинскихъ памятивкахъ съ Польскими словами, напр. подъ 1136 год. (Codex Raczyn. 2) ksan вм. krzan; во-вторыхъ, самъ же авторъ на предъвдущей страници утверждаетъ: cała epoka historyi języka polskiego od najdawniejszych czasów do początku XIV-go, z którego już mamy zabytky, jest kartą nie zapisaną.

Обращаясь такимъ образомъ въ формамъ этимологическимъ, въ склоненіи и спряженіи, я буду придерживаться общаго грамматическаго порядка.

1. Въ склонении а) именъ существительныхъ.

Слова женскаго рода, съ окончаніями я, ь, принявшія въ современномъ языкъ, подобно Русскому, для родительнаго падежа единственнаго числа окончаніе и, въ старину вполив сближались въ этомъ случав съ нарвијемъ старо-Славянскимъ, удерживая окончание носовое. Правда, примъровъ подъ рукою немного, но в вхъ достаточно для признанія господства этой формы въ древности, тъмъ скорве, когда изъ нея только возможно прямымъ образомъ объяснить в часто употребительную въ XIV-XVII вв. форму ва с. Однажды въ Псалтыръ Маргариты читаемъ: duszø mojey (стр. 38, столб. 2), что совершенно равняется старо-Слав. доуша, и также однажды у Шимоновича, савдовательно XVI-XVII стол.: dowiodły orpheowe rymy do łożnicę (Bibliot. kiesz. klassyk. polsk., стр. 98). Отсюда, съ часто попадающееся въ памятивкахъ XIV-XV стол.: szukal dusze mojey (Ilcaat. Maprap. 85, 1), they zemye (Statut. Wislic. Księgi Ustaw Polsk. Lelewel. Wilno. 1824, crp. 20), podług obiсzaya zemye (тамъ же, Stat. Mazow. стр. 144), у писателей XVI в., какъ напр. у Горинцкаго: do łożnice (Dzieje, изд. 1754, стр. 173), и оставшееся, хоть и очень редко, въ говоре народа (примъры у Дубровскаго). Подобное же явленіе, потеря носоваго окончанія и оставленіе одного е, видно, въ тёхъ же словахъ, и въ именит. и винит. множественнаго чесла, гдъ такимъ же образомъ должно быть древнее а. Такъ, въ томъ же псалтырь: i syaly sø rolye y sadzyly sø winnyce (65, 1), z lichw i z lichoti odkupy dusze gich (40, 2). Въ одно время съ окончаніемъ є въ большой силв жило и окончаніе еј, для родительнаго единственнаго. Примъровъ очень много и въ Исалт. Маргар., и въ письменности XV въка: а woley iego warg ne zdradził ies iego (Псалт. 11, 1), czudnoscz roley se mną iest (28, 2), z woley bozey (1449, Stat. Wisl., стр. 14, 18), s przytczey (тамъже, 23): не радко вводили его и писатели XVI в., какъ Кохановскій: niechaj słucham wolej twojej (изд. Бобровича, II, 16), tu troski nie panują, tu pracej nie znają (тамъ же, I, 191). Образованіе этой формы несколько странно, отделяясь особенностію своею отъ другихъ родственныхъ нарѣчій; во всякомъ случать, нельзя при этомъ не указать на родит. падежь женскаго рода прилагательныхъ, оканчивающихся постоянно на еј, и на соотвътствіе звука і, въ который перешли древнія окончанія родительнаго: е, е н еј въ поздићишее время, звуку у (=ы), произносимему во многихъ мъстахъ простымъ народомъ Чешскимъ какъ еј. Не можеть ли это обстоятельство служить отчасти свидетельствомъ, что и окончание родительнаго на еј, сравнительно съ е, явилось послъ въ языкъ, какъ е смънило древнъйшее е. Совывстное употребленіе трехъ окончаній (е, е, еј), въ простравство времени между XIV - XVII вв., доказываетъ лишь ту истину, что старина не разомъ исчезаетъ изъ языка, что она долго еще держится и съ смћинвшею ее новизною, хотя и устувая очевидно съ каждымъ полустолетиемъ преимущество последней. Авиствительно, окончание е есть уже величайшая выдкость въ эти столетія, попавіпаяся мив счетомъ два раза; окончанія е и еј видимо господствуютъ надъ і въ теченіе XIV и XV въковъ; съ конца XVI стольтія является въ письменности почти исключительно уже і. Несомивино поэтому, что форма на і (-у: wola — woli, praca — pracy) есть поздивишая, развившаяся по аналогія съ словами на а и вытёснившая совершенно кореннос окончание носовое, а потомъ и происпредпие наъ него е и еј. Въ этомъ отношеніи Польскій языкъ поступаль очень сходно съ состанимъ Русскимъ. Въ древнихъ памитникахъ последняго точно такъ же родительный единств., а съ нимъ именительный и винительный множ., въ словахъ женск. рода на п. оканчивался на я (= л) или е и только въ позднюю пору принялъ окончаніе и (о языкъ съвер. Рус. лът., стр. 63). Утрата носо-

ваго звука, въ окончаніяхъ словъ, объясняясь вообще развитіемъ языка Славянского сравнительно съ родственными, оправдываетси и ныившнимъ Польскимъ нарвчіемъ. Сътакою утратою обравовались, уже въ незапамятную пору, въ Славянск. языкъ родит. падежа на ъ, вместо древняго ак, отъ словъ на а, въ соответствіе а вле на отъ словъ на м; время прошедшее на хъ == съ вм. одж, или въ болве позднее время первое лице на $y-\omega$ вм. аж - јаж; въ говоръ современныхъ Поляковъ весьма часто не приходится уже слышать носоваго окончавія, особенно послів е: видно, какъ исчезаетъ ово болъе и болъе. Изъ предложеннаго объясненія родит. словъ женскаго рода и изъ представленныхъ прим'вровъ сама собою раскрывается несостоятельность правила г. Машвевскаго, будто первоначально существовало два оконча- $\mathbf{B}\mathbf{i}\mathbf{s}:\mathbf{i}(y)$ и e, будто первое употреблялось въ словахъ, оканчивающихся на гласный звукъ, предшествуемый однимъ согласнымъ, твердымъ или мягкимъ, при чемъ, для избѣжанія двусмысленности, і или у измінилось въ еу (= ey), какъ: pusczey вм. pusczy (a pracey, woley, przytczey и др.?); посавднее же нвилось будто въ томъ случав, когда оканчивалось слово на две согласныхъ твердыхъ или гласную, имеющую впереди также двв твердыхъ согласныхъ, какъ lsz (=ложь), dusza. Г. Мацъёвскій не обратиль вниманія и на то, что въдь только на письмъ Латинск. буквами двъ согласныхъ яг, въ произношения же одна, равная Кирилл. ш, ж, и притомъ объ не твердыя, а въ древнее время постоянно мягкія, требовавшія за собою гласныхъ тонкихъ или йотированныхъ и, ь, ы, ю (Pism. Polsk. II, 263).

Понимая вполнъ возможность образованія формы родит. на є вм. є, не будемъ удивляться и заямствованію новаго окончанія въ родит. словъ на я съ родительнаго словъ на а: ryby — ргасу (=woli). Языкъ въ своей исторіи представить много такихъ перенесеній одной формы на другую. Не говоря о подчиненіи формъ родит. падежа на и, отъ словъ на м, существительныхъ женскаго рода съ согласнымъ окончаніемъ, такъ называемыхъ словъ съ нарощеніемъ, какъ: krwie и krwi въ XVI стол. в krwi въ послёдующее время (а kto bronić ma krwie naszey. Łuk. Górnic. Dzieje, стр. 81 и др., и

74. 3AD. — KH. IV. — JABP.

туть же очень часто krwi); для примъра беремъ винятельный единственнаго числа словъ мужескаго рода.

Всв современныя нарвчія Славянскія, въ числе на польское, при словахъ одушевленныхъ предметовъ для винительнаго падежа употребляють форму родительнаго. Не такъ было въ древности, когда всь они съ такою же исплючительностию окановжьо и отр , умонаватинеми ондохоп йнанавнинив икваир быть въ Славянскомъ языкъ, по закону образованія этихъ падежей во всехъ языкахъ родственныхъ. Славянскія окончанія именительнаго z и b (=jz, следовательно, только мужескаго рода), соотвётствують въ родственныхъ языкахъ: Скр. с-с. Греч. с-с, Лат. и-в, Литовск. а-в; окончанія на согласныя не принялись въ языкъ Славянскомъ и, будучи отброшены въдругихъ случаяхъ, выброшены и въ именит. падежъ; авукъ же гласный первобытный $a = \Gamma$ реч. o = Aат. u въ первыхъ цамятникахъ письменности Славянской Кирилловской явился въ видь в, какъ ја въ видь в (=js); отсюда именительный: влъкъ, домь, мжжь, гвоздь и др. Такая потеря согласнаго окончанія въ языкъ Славянскомъ оправдывается и Латинскимъ языкомъ, по свидътельству Квинтилліана, уже въ 1-мъ въкъ по Р. Х. и даже ранбе, до Р. Х., употреблявшимъ, въ говоръ нареда, гласныя окончанія, съ потерею древняго и уцітавимаго въ письменности s-m; оправдывается и языками Итальянскимъ в ново-Греческимъ, давно забывшими согласныя въ существительныхъ. прилагательныхъ. Винительный падежь, удерживая ту же самую гласную, имфетъ признакомъ своимъ звукъ и = Греч. у: отсюда въ Скр. а-т, въ Греч. о-у, въ Лат. и-т, въ Лат. и-т; языкъ Славянскій, по тому же свойству отбросиль и ж винит. падежа, какъ с (= s) именительнаго, а следовательно и долженъ имъть винительный сходный съ именительнымъ. Это сходство жило и въ Польскомъ языкъ, какъ въ Псалт. Маргар.: sercae moie y czyalo moie weselila se iesta w bog sziwi (48, 2), ocranшись и теперь въ и которыхъ выраженіяхъ, напр.

> matki się nie bój, siadaj na koń mój (Wojc. Pieśn. ludu I. 39).

Съ этимъ свойствомъ обще-Славянскаго винительнаго падежа, въ словахъ мужеск. рода, первоначально всегда сходнаго

съ именительнымъ, а потомъ для словъ предметовъ одушевленныхъ смещавшагося съ родительнымъ, не возможно сравнивать исключительно въ Русскомъ наръчін развившейся особенности, сходства винительнаго падежа съ именительнымъ для словъ женскаго рода на а, встречающейся почти единственно при неопределенномъ наклонении, какъ въ пословиць: рука приложить и душа положить. (О времени появленія этой особенности въ памятникахъ древнихъ, равно и объ употреблении ся въ нын-вшнемъ Русскомъ языкъ, см. О языкъ съвер. Рус. лътописей, стр. 123 — 124). Эта особенность явыка Русскаго, чуждая ръшительно другимъ наръчіямъ соплеменнымъ, образовалась, какъ кажется мыв, инымъ путемъ, изъ древняго винительнаго. Подобно словамъ муж. рода, признакомъ винит. падежа и для словъ женскаго рода, въ древићишее время, былъ м, образовавшій съ окончаніемъ именительнаго а слогь ам: Скр. vidhavam, Гр. упрау, Лат. viduam и Слав. выдовам или, съ измѣненіемъ въ носовой гласный звукъ, въдовж. Произношение этого ж какъ ам или ан можетъ доказывать и Польскій языкъ по правописанію XIV-XV стол.; напр., въ Псалт. Маргар., и въ корняхъ, и въ окончаніяхъ словъ, не смотря на господство особаго знака для носоваго звука (в), не редко читается вместо него аж: blandzili, zamantek, poczantek, mansz, или: lichotan, duszan, slugan и т. п. Такъ, конечно, произносилось старо-Славянск. ж и въ Русск. языкъ прежде, чъмъ перешло оно въ чистый гласный звукъ у (-ю), подобно первому лицу настоящаго времени глаголовъ. Но, какъ въ Польскомъ языкв изъ родительнаго на е, въ словахъ женскаго рода, по выпадъ носоваго и, осталось донынь, хоть въ отрывкахъ, старое окончание $e \ (= ie)$, не смотря на то, что для современнаго родительнаго образовалось общее окончаніе i (-y), какъ въ прим'тр Π . II. Дубровскаго изъ Краковяковъ: dajże mi chusteczkę do mojej kieszenie; такъ и въ Русскомъ языкъ, съ уничтожениемъ въ винительномъ падежв въ произношении м (=и), осталась въ немъ въ одномъ случав тема слова, т. е. форма именительнаго падежа, хотя вообще и упрочилось окончаніе у (ю): этоть случай, когда винит. падежь зависить отъ глагола въ неопредбленномъ наклоненіи; онъ же есть и новый случай выпаденія конечнаго и, о которомъ сказали мы при родительномъ на ен — A. Форма венительнаго падежа на а, въ Русскомъ языкв, подтверждается и древне-Русскимъ и Чешскимъ причастіями, въ которыхъ очевиднвитимъ образомъ оправдывается мысль о выпадъ носоваго и.

Старобытное окончаніе причастія настоящаго дійствительнаго на ан (вм. ант), измінившись въ Старо-Славанск. послі коренныхъ согласныхъ въ м, какъ ведм, несм и др., въ върічін древне-Русскомъ; удерживавшемъ, безъ сомивнія, въ вору доисторическую ан, въ первыхъ произведеніяхъ инсьменности сохранило уже одно а: веда, неса, рыка и др. То же саме обнаружило и Чешское нарічіе (Шафар. Росатк. staročesk. mluwn., hlawa II), распространивши его и на причастіе отъ существительнаго глагола:

takž tu wše swé dobré děnie, mlad sa, činil k Bohu měnie....

или:

S túj sa, tak kterúz náhodú dwadcieti let nej jmě plodu (Отрыв. Легенды о св. Анн. Журн. Чешск. Муз. 1855, вып. 4, стр. 531, стях. 13, 20).

Полагаю умѣстнымъ остановиться на формѣ винительн. въдежа словъ женскаго рода на а, чтобы устранить возможнесть ложнаго пониманія мысли г. Дубровскаго, сопоставившаго со сходствомъ въ старину винительн. пад. муж. рода съ именьтельнымъ, и въ Польскомъ, и въ Древне-Русскомъ (прибавинъ и всѣхъ нарѣчій Славянскихъ), сходство тѣхъ же падежей для словъ женскаго рода на а: послѣднее есть исключительная принадлежность Русск. нарѣчія, совершенно невзвѣстная въ Польскомъ.

Именительный множественнаго числа владѣлъ для мужеск. рода тремя окончаніями: оюіє, і и є, а не однимъ оюіє, какъ утверждаетъ г. Вишневскій (Hist. lit. pols. VI, 354): wroblewe. dnowe, sødowe (Псалт. Марг. 40, 53, 75), dny — dni (dny iego yako kwyet polny tako otektezwel 59, 2), neprziyaczele (тамъ же. 86). Тутъ странно только поражаетъ отсутствіе смягченія тъхъ согласныхъ передъ і, которыя донынъ смягчаются, перехоля въ другой звукъ: sansyadi (Stat. Mazow. 135 стр.), abi stari sødi

пуевуві рожтагапі (тамъ же, 133). Вибсть съ винительнымъ единственнаго числа, хранилось долго древнее окончаніе и въ винительномъ множественнаго при предметахъ одушевленныхъ, смъненное въ послъдствіи, какъ и въ языкъ Русскомъ, окончаніемъ родительнаго; въ Памятникъ 1417 читаемъ: і łаwił gi i iego pacholiki (Pamiętn. Maciejow. II, 342); впрочемъ, для существительныхъ это уже ръдкій арханзмъ; въ прилагательныхъ увидимъ примъры болъе поздніе.

Въ дательномъ падежѣ множественнаго числа, въ сложенскаго рода, въ старину, замъчаемъ въ языкъ Польскомъ также более правильности и близости къ старо-Славян. наръчію, а сътъмъ вмъсть и къ остальнымъ наръчіямъ Славянскимъ, въ ихъ древнемъ видъ. Нынфшній языкъ Польскій сившаль въ дательномъ множественнаго оба рода, употребляя для обоихъ окончаніе мужескихъ словъ, от, такъ точно, какъ современный Русскій языкъ перенесъ окончаніе женскаго рода, амь, и на слова мужеск. рода, въ первомъ одинаково оканчиваютca: bog a kula — bogom и kulom, какъ и во второмъ: столамъ и водамь. Но какъ въ Русскомъ языкъ такое смъщение обнаружилось только въ поздивищую пору, не будучи всеобщимъ даже и въ XVI столътів, такъ и въ Польскомъ находимъ довольно часто еще различе въ окончании дательн. множеств. для словъ мужескаго и женскаго родовъ, по крайней мъръ, въ XIV — XV въковъ весьма часто первыя оканчиваются на от, последнія на ат.. Такъ, въ Исалт. Mapr.: nauczø liche drogam twim (29, 1), duszam swogim (44, 2), nauczy mø prawotam twogim (74, 2; 78, 1), polosz gospodne stroszø ustom mogym, a drzwy okolo stoyøcze wargam mogym (84, 2); pastucschkam sszø angel zyawyl (1442. Pieśń na boże narodzenie. Pamiętn. Macieijow. 11, 362), ku xangham praw (1449 Stat. Wisl., crp. 14), rzeczam, panyaam, slugam, wdowam, nyewyastham, dzewkam, szostram, starostam, sztrawam (тамъ же 15, 19, 58, 69, 73, 75, 129). Подобнаго употребленія дательн. множ. женскихъ словъ въ народномъ языкъ мнв не удалось встрътить ни разу; судя же по исключельному господству въ языкъ литературномъ XVI в. оковчанія от и для женскаго рода, должно заключать, что смішеніе родовъ произошло прежде чемъ въ Русскомъ языке. На-

прасно, следовательно, г. Мацерескій (Pism. poss. II. 260) считаетъ это окончание, ат, какъ бы особенностию и притомъ въ равной степени принадлежащею обониъ родамъ. Какъ въ другихъ наръчіяхъ, такъ и въ Польскомъ, что видно изъприведенныхъ примъровъ, въ древнее время строго отличались реды и въ дательномъ множественнаго числа. Пользуясь разкимъ и постояннымъ, въ свою пору, различемъ, мы позволимъ себъ сдълять при этомъ случат небольшое предположение относительно звуковаго значевія 5^{ра} въ именительномъ единственнаго числа. Окончаніе ме въ Славян. языкъ, въ дательн. множеств., справеданво приравнивается Санскритскому окончанію, въ томъ же падежь и числь, bhjas, гль bh вполнь соотвыствуеть Слав. м, а з отброшено въ последнемъ, какъ отброшенъ согласный звукъ въ окончаніяхъ и въ другихъ случаяхъ (о чемъ упомянули уже мы при именит. и винительн. единств. числа), остающееся а, какъ въ именит. единств., превращается въ в, что вифстф съ предшествующимъ ј составляетъ јъ == ь: отсюда очевидно, что правильнъйшее окончаніе для дат. внож. есть мь, а не мь. Этотъ признакъ дательнаго, bhjas — слав. мь, присоединяется для образованія падежа къ тем'в слова, равной Славян. именительному, при чемъ тематическое а, муж. и сред. родовъ, гуняруется въ é: vrikebbjas, civebbjas, между тыть а женское остается безъ измъненія: vidhavabhjas и др. Женскій родъ въ Славин, языкъ подобнымъ же образомъ не допускаетъ измъвенія а присоединеніемъ мь (=мь); вь мужескомъ, напротивъ, равно и въ среднемъ, вм. зра встричаемъ о: столом человъкомъ. Отсюда, полагаю, ижбемъ право заплючить, что окомчание ом явилось въ языкъ въ то время, когда тематическое в получило значение звука о; иначе, осли бы в равнялся Санскр.-Литовскому а, то и въ дательномъ множественнаго савдовало бы ожидать љив, какъ, въ следстве подобнаго, безъ всяваго сомивнія, равенства вра звуку а, образовалось окончание в въ предложномъ единственнаго и љас въ предлож. множественнаго. Съ утратою въ народъ вообще гласнаго значенія вра, и дательный множественнаго, подобно другимъ падежемъ, сталъ приравнивать слова различныхъ родовъ къ одному окончанію; такъ въ Русскомъ утвердились амь, въ Польскомъ от (= омь).

Польскій старый языкъ, при всей молодости памятниковъ, сохраниль и окончание ы въ творительномъ множественнаго. Случан попались ин в следующие: usti mogimi wolal iesm (Псал. Mapr. 36, 1), se dwema pomoczniki. (1417. Pamięt. Maciejow. II, 342), listi utwirdzil (Stat. Wisl. 1449, crp. 13), krotkimi a dostatecznimi.... slowi (тамъ же), synowe z oczczy (= oicy, тамъже, стр. 18), dwyemanaczczoma swyatky dobrymi (тамъже, 65), takymi slyachcziczi (Stat. Mazow. 138, 143), namyastky (тамъже, 146), dobrodzieystwy swemi obwiązała (Łuk. Górnic. Dzieje, стр. 124), bog sam usty swemi powiedział (тамъже, 156). Они не должны быть пройдены безъ вниманія, какъ новые факты, въ числъ уже многихъ, свидътельствующихъ о поръ ръшительнаго обособленія Польскаго языка далеко не такъ отдаленной, какъ иногда думаютъ. Но какъ въ нарвчіи Русскомъ форма эта перешла и на слова женскаго рода, даже на прилагательвыя имена, такъ и Польское наръчіе перенесло окончаніе ъ $(= u \mod \kappa, \imath, x)$ на прилагательныя уже въ XVI вѣкѣ, сколько можно судить по выраженію Яна Кохановскаго:

mając Pana obrońcę, upad ujrzę swema nieprzyjacielski oczema (II,195).

Современный говоръ народа, кажется безъ следа забыль это окончаніе, даже и въ примененія его къ прилагательнымъ.

Отличая, въ дательномъ и творительномъ падежахъ множественнаго, слова мужескаго рода отъ словъженскаго, Польскій языкъ, подебно Старо-Славянскому, Древне-Русскому и др., отличалъ ихъ и въ предложномъ надежѣ того же числа. Древнее окончаніе вате пепадается для мужескаго рода нерѣдко въ памятникахъ 15-го столѣтія, хотя въ тѣхъ же памятникахъ уже чаще является новое окончаніе ост, смѣненное окончательно въ XVI — XVII в. женскимъ аст: w ogrodzech (Stat. Wisl. 1449, стр. 12), ро wyelkych klopoczech (тамъ же, стр. 14), w sandrech, o pozwyech, o dambyech (тамъ же, 20, 23, 74); но въ те же время о ginszych członkoch (тамъ же, 10), ва połyoch, w pyenyądzoch, po thich dnyoch, o pewnych myessczczoch, w swegich popelnyczyeloch, w gayoch (тамъ же, 12, 15, 18. 22, 91, 25, 86), o słachczyczoch (Stat. Jageł, 130) przy dzye-

сzyoch, па wyeczoch (тамъ же, 166). Еще у Яна Колановскаго, следов. во второй половине XVI века, хоть изредка, встрѣчается окончаніе есh (= пахь), витьсто развившагося общаго для всъхъ родовъ окончанія ach: w zamcech nadzieje pokładał (1, 40). Въ настоящее время такимъ образомъ оканчиваются лишь не многія названія земель, какъ: w Wegrzech. w Niemczech, w Prusiech, we Włoszech. Принимая въ соображение сказавное нами о звуковомъ значении тематическаго в, въ вменительномъ падежф, не можемъ не подтвердить справедливости словъ нашихъ представленными только что примфрами для предложнаго падежа. Въ самомъ дълъ, равносильное значение в Санскритско-Литовскому а выразилось слишкомъ ясно въ общемъ древне-Славанскомъ окончании предложнаго падежа на пахо, чтобы сомниваться въ этомъ, потому что только ваъ него и возможна форма на въст. (Не забудемъ, что и въ предложномъ падежь въ языкъ Санскритскомъ, съ окончаніемъ šu, равнымъ Славянскому ж, неизобжно требуется въ муж. род в гунированые a въ ℓ : vrikėš $m=\epsilon$ вищьхь). Не менье ясно равенство значенія вра и звуку о, отразившееся на окончаніи дател. мужоскаго рода: оме и на предложномъ ожь. Наконепъ, потеря всякой гласности г^{ра} высказалась, въ позднъйшей жизни языка, также оченияно смешениемъ обонкъ родовъ въ обонкъ падежакъ. Таковъ последовательный переходъ звуковаго значенія древняго гласнаго в^{ра}. — Мъстный падежь, безъ слъда погибшій въ со-: временномъ языкъ Польскомъ, что, между прочимъ, въроятно, дало поводъ г. Мацъёвскому не замътить его и въ древнихъ памятиянсь (срв. Piśm. Pols. II, 259), хотя за 8 жыть мимоходомъ наменнулъ о существования его ивкогда г. Вишневский (Hist. lit. VI 354), употреблялся безъ предлога не только для обозначенія времени, какъ полагалъ послідній, но вообще для выраженія міста, хотя бы и при понятіях вотвлеченных вотв нѣсколько примъровъ изъ XV и начала XVI столътія: kasebdi sandza czanzą wynyach (въ винахъ) wząnthą lyecze dwye nyedzeli a zymye hoszm: (Stat. Wisl., crp. 17), wodze utonawszy (тамъ же, 46), wyesnye (Stat. Mazow. 138), snamynathich wyelikich roczech syedzanczich (тамъ же, 146).

Двойственное число въ именахъ существительныхъ господ-

ствовало столь же необходимо и сътекою же правильностію, въ древности, въ языкъ Цольскомъ, какъ жило оно самостоятельно въ Старо-Славянскомъ и живетъ по сіе время въ Хорутанскомъ и Лужникомъ нарвчіяхъ. И Польскій языкъ въ XIV - XVI в. строго отличаль въ именит., винит. и звательномъ падежахъ двойственваго числа окончание а, для словъ мужескаго рода, отъ e (== n), для женскаго съ срединиъ: coby dwa palia nie wlasły, dwa grosza z łanu (Вишнев. Hist. lit. VI, 355); dwie lyecze (Stat. Wisl., 39), nodze obye (1456, Pamiętn. Maciejow. II. 364), widać że było dalej dwie wojszcze ogromne (Kochan. III, 94, или: dwie wojszcze z sobą czynią obyczajem nowem (тамъже, 95); dwie szkodzie, przyczynie (у него же), dwie kozie (Szymon. Sielan. 1). Нельзя опустить изъвиду ранняго паденія двойственнаго числа для мужескаго рода въ то время, какъ женскій родъ удерживаль форму свою довольно обыкновенно и въ XVII стольтіи. Уже въ XV въкъ находимъ подобные случаи: dwa daby (Stat. Wisl., стр 74), dwa czlowyeky (Stat. Mazow. 135). Не забудемъ, что такое же приравнение, къ тому же времени, числительнаго два къ числительнымъ: три, четыре, распространилось было и въ Съверно-Русскомъ языкъ (о языкъ Съвер.-Рус. лътоп. 49-50), гдъ также попадаются примъры: два роги, два дворы, но тутъ удержалось оно не долго, будучи слышимо повынт въ народномъ говорт Южно-Русскомъ. Въ нарвчіи Польскомъ нынвышемъ также употребительно сочетаніе: dwa, trzy, cztery konie, stoły, okna. Паденіе двойственнаго числа въ именит., винит. и звательн. для женскаго рода произошло гораздо поэже; въ половинъ XVII сложьтія читаемъ въ надгробной проповъди Міяковскаго, при погребеніи Мышковской: dwie zgubie; въ проповіди Скробковича: dwie gwiaździe; и если въ концъ этого въка оно вышло изъ употребленія въ письменности, то въ устахъ простаго народа продолжало жить и после, по следующему свидетельству Войны: Ad dualem numerum transeo, (говорить онь, въ предисловін къ Compend. linguae polonicae institutio, 1690). Fateor hanc in vetustis probatissimorum scriptorum polonicorum extare monumentis; quia tamen nunc nonnisi apud rudiorem plebem in usu habetur, id circo visum mihi est superfluum esse, quid-

quam de illo hic in libello meo tradere. Какъ сейчасъ увидимъ, женское окончаніе двойственнаго для именит., винит. в звательн. падежей слышится и досель въ народь. Въ родительномъ и предложномъ для всекъ родовъ было общее окончание и: reku (Псалт. 84, 2; 85, 2), dwu lathu (1417, Pamiet. Maciejow. II. 346), dwu czaladzynu (Stat. Wisl. 31), dwu dzeszathu grzywyen (тамъ же, 81), se dwu rodu lepschu (Stat. Mazow. 136), we dwu wolu (Stat. Wisl. 29), we dwu nedzyelu (Stat. Mazow. 148), nakłoń, o panu. uszu swoich (Kochan. II, 142), i żywot swóy na waszyzh ręku ofiaruję (тамъ же. l. 200), Въ дательномъ и творительн. — от а, при чемъ Польской языкъ, поступая последовательно, согласно съ множественнымъ часломъ, перенесъ это окончаніе, собственно мужескаго рода, в на слова женскаго: medzi dwema zakonoma (Исалт. 37, 1), se dwyema paropkoma (Stat. Wislic. 1449, 29), se dwyema dzesthoma grzywyen (тамъ же, 40), dwyema przysyanszwykoma (Stat. Mazow. 144), dwyema lawnikoma wlostnima, dwyema swyatkoma lepschima albo znamyenitschima i starschima, obyema sfima panoma (тамъже, 145, 148); съ окончаніемъ от в, читается въ Псалтыр. Маргар. и слово плече: pleczoma swogima (53, 2), что у Кохановскаго обыкновение съ ета, какъ и осzema (I, 50, 182; II, 195 и др.). Дальше конца XVI въка формы родятельнаго и дательнаго надежей двойственнаго уже презвычайная радкость, по крайней марх мив не встратились ни резу. Начало паденія ихъ въязыка принадлежить не поэже второй половины XIV или первыхъ годовъ XV столетія, потому что подъ 1417 годомъ читаемъ: se dwema pomoczniki (Pamiętn. Maciejow. II, 342); въ спискъ статутъ Вислицкаго 1503 года: ze dwema pacholkami, тогда какъ въ древиванемъ спискъ 1449 года: se dwema paropkoma (стр. 29). Правда, всв случав употребленія двойственнаго относятся яз словань в ин сопровождаемымь числительнымь дос, или выражающимъ самямъ въ себъ двойственность, какъ: руки, очи, пои др.; тъмъ не менъе, это не можетъ говорить ин мало протвиъ господства въ Полькомъ языкъ двойственнаго числа въ старину, какъ формы столь же распространенной, какъ число единств. и множеств., и независимо отъ сопоставленія числительнаго об

или заключевія понятія двойственности въ самомъ словь: словомъ, госножства въ такой же силь и степени, какъ господствовало то въ Древне-Греческомъ или въ Старо-Славянскомъ. Это подтверждается сохраненіямъ двойственнаго числа, хотя и для одной формы, для именит. падежа, в въ народной словесности нынъшней, въ пъсняхъ Краковскихъ. Подлясья, и Мазовіи, и для двухъ формъ, именит, и дательн, падежей, въ говоръ Симезскомъ: jużci mej jabłoneczce dwie lecie, черезъ строку: jużci mej jabłoneczce trzy lata; u.m. skrobały się dwie babie (Wojcic. Pieś. Ludu. II, 176, 282); pojedziemy na wozie, zaprzężemy dwie kozie (Benunes. Hist. lit. VI, 354, прим. 476), Сплезим говорять: dwie oce, dwie nodze, dwie lecie, dwie słowie, гекота и др. (См. статьи пастора Фидлера: o języku dolaoszlązkich Polaków. Tydodnik Literacki. Poznań. T. 6, 1843, crp. 210 — 212). Въ употребленія двойственнаго въ другихъ частяхъ ръчи, особенно въ глаголахъ, мы увидимъ новое свидътельство развитости этой формы въ языкъ Старо-Польскомъ, оставившей въ нихъ гораздо болбе следовъ и въ современномъ языкъ народа. — Въ заключение замъчаний объ именахъ существительных упомянемъ, что съ удержаніемъ древнихъ окончаній въ падежахъ языкъ Польскій еще въ XVI стельтів удерживаль и сиягчение согласныхъ, требуемое этими окончаниями и сделавшееся въ последствій лишнимъ, при измененій ихъ или правильнъе смътении. Такъ, предложный единственнаго, вмъсто нынъ употребительного w wojsku, у Кохановского читается: w wojsce (III, 40); wojszcze, двойствен., и zamcech, предложный множественнаго, равный современному: zamkach, мы уже видъля; такъ точно и w Bodze, вм. w Bogu: nasza. usność zawżdy w Bodze (Kochan. II, 100).

б) Въ именахъ прилагательныхъ языка Старо-Польскаго можно также подмѣтить довольно еще свѣжіе остатки древности, большею частію вышедшіе уже азъ умотреблевія въ нынѣшнемъ языкѣ. Въ числѣ такилъ-то остатковъ рисуется и прилагательное въ формѣ неопредѣленной или одночленной, въ именит. муж. рода: ani iego oczecz (—ojciec) ne winowath Kassowij quitaciø (1386, Pamiętn. Maciejow. II, 332), sprawedliw (Stat. Mazow., стр. 138), gdi bil żyw (тамъ же, 146, 149), nie

był bych praw (Łuk. Górnic. Dzieje, crp. 117), pak bedzie żyw poty, poki trzeba (тамъ же, 119), dosyć na tym kiedy praw; аві niesie wady; ten z nieba widzi, kto krzyw, a kto prawy (Kochan. 1, 38, 117) и др. Въ теперешнемъ языкъ эта древняя форма перешла уже въ опредъленную, съ окончаниемъ у, за исключеніемъ развів выраженій, обративішихся, по значенію, въ нарічія, какъ: niewart i rożka tabaki (послов.), или употребляющихся съ неопредъленною формою для рифмы, напр. въ пословици: bedziesz bit, jako swięty Wit. Совершенное изгнавіе неопредленнаго прилагательнаго народомъ открывается особенно ярко въ пословицахъ, обыкновенно далве и вършве удерживающих формы древняго явыка, если только сами пословицы, по происхождению своему, древни. Такъ, нъкоторыя пословицы, запсанныя старыми писателями, удерживають вногда примательныя въ неопределенной еще форме, тогда какъ въ устаз народа онъ звучатъ уже съ опредъленною, напр., у Кохановскаю: Polak madr po szkodzie (I, 34). — Во множественномъ числь, въ падежѣ именительномъ, въ XVI въкъ, не встръчаемъ еще в шедшаго въ обычай въ поздвъйшую пору смягченія звука в (=sx) въ c :=s), передъ и (=i). У Яна Кохановскаго везы обычно: a wszyscy in szy, вм. insi, przodkowie na szy, вм. вазі, starszy вм. starsi и т. под. (I, 27, II, 38, 129). Равно в винтельный множест., муж. рода, не вполит еще смъшался съ редительнымъ въ XVI столетін, поддерживая ы для твердаго в с (BM. A) AJA MATRATO OKOHYAHIA: WSZYŁKI INSZE OCZYMA PIZEBOSI (Kohan I, 30), вм. нын тынго: wszystkich inszych.

Въ двойственномъ числѣ прилагательныя, включая сма причастія и мѣстоименія прилагательныя, потерпѣли болѣе вотерь и ранѣе, чѣмъ существительныя: мы видѣли, что существительныя еще въ XVI столѣтіи имѣли окончанія для всѣхътрехъ формъ и являлись въ двойственномъ почти постоянно, гдѣ толью оно требовалось по смыслу; тогда какъ прилагательныя, ве рѣдко рядомъ съ существительнымъ въ двойственномъ, прина котъ большею частію окончанія уже множественнаго; такъ go łėmі rękoma, smutnemi oczema (Kochan. I, 53, 182), па slicznych ręku, na waszych ręku (тамъже, 200, 211). Въформѣ родительнаго и предложнаго двойственнаго, прилагательныя

XVI, а за намъ в следующихъ вековъ пострадали сильнее, чёмъ въ именительномъ падежахъ. Въ Псалтыре Маргариты, следовлев XIV в., читаемъ еще не редко: геки тоји, геки тмоји (84. 2, 85, 2); у писателей XVI столетія она уже необыкновенная редкость, а въ говоре нынешнихъ Поляковъ ея уже не слышно вовсе. Между темъ какъ форма именит. и дательнаго и въ прилательныхъ XVI века не неупотребительны: рокі ја і она żума, і ја і она піе pragniemy do śmierci być rozdzielona, przed тојета ослета, ямета ослета, слагнета ослота (Косван. I, 49, 50, 152, 182; II, 195), хотя, на ряду съ формами двойственнаго, зачастую, въ то же время, какъ видели, гесполствовали и ормы иноскественнаго чесля. Языкъ народный современный не сохранилъ двойственнаго прилагательныхъ и для вменительнаго и дательнаго падежей, какъ окончательно забылъ ихъ для падежей родительнаго и предложнаго.

в) Въ местовменіяхъ существительныхъ личныхъ, двойственное число также жило въ XVI еще столетія, даже и въ XVII: nie ugrozi zazdrość nama (Kochan. 1, 29); przy tej rece bedziesz dobrze nama (Szymon. 78). Въ явыкъ нынъшнемъ сохранилась й редкая форма двойственнаго именит. падежа женскаго рода для перваго лица; въ одномъ изъ Краковяковъ: tak się też wej skrobiewa, bo nam słonko dogrzewa (Wojcic. II, 282 *). Окончаніе двойственнаго числа, нодобно языку Старо-Русскому, перенеслось и въ Польскомъ на такія числительныя, которыя по значенію своему не могуть уже допускать его, какъ въ одной изъ пъсень: jak się sowa dowiedziała, — sześćma koni zajechała (Wojcic. II, 335). Въ XV въкъ, въ следствіе ли вліянія Четскаго нарвчія, особенно господствованшаго въ письменности Польской въ это время, или какъ самобытное свойство языка Старо-Польскаго, общаго и съ другими родственными нарвчіями, находимъ употребление мъстоимения и, какъ личнаго, 3-го лица, и какъ относительнаго, равнаго Церк. Славянскому иже.

^{*)} Звукъ еј, въ шеј, вм. древняго в (ев), объясняясь легко свойствомъ, происхомденія в, могъ въ накоторыхъ случаяхъ утвердиться въ языка Польскомъ: такъ же, какъ въ иногихъ случаяхъ распространенъ въ нарачін Хорутавскомъ: срејда, мајсто, (= срвда, мосто).

Примъръ на первый случай вильли мы выше, въ выраженія: i ławił gi i iego pacholiki (1417 г.), а также въ Статуть Мазовенкомъ: acz chcząn gy otkupycz (стр. 139); на второй — читаемъ въ Статуть Вислицкомъ: gdy oblycze nasze oth thich person, я gych sąd składa... (стр. 77).

2. Въ спряжения.

Въглаголахъ нынвиній Польскій языкъ представляеть довольно оригинальныя особенности, ему исключительно передъ вевми нарвчіямя Славянскими принадлежащія. Мы постараеми ноказать новость происхожденія этихъ особенностей и близость, даже общность формъ Польскаго глагола, въ старину, съ другими родственными наръчіями, равно и следы въ письменнест старинной Польской, такихъ формъ древияго глагола Славинскаго, накія давнымъ давно погибли и въ Русскомъ языкі п въ другихъ Славянскихъ. Прежде всего поражаетъ въ Полскомъ глаголъ странность спраженія быти въ настоящемъ времени: jestem, jesteś, jest, jesteśmy, jesteście, są. Не таким было оно въ XIV — XV стол., сколько можно судить по Псамтырю Маргариты и другимъ памятникамъ: въ нихъ постояню, безъ исключенія, удерживаются формы Старо - Славянскія: jesm, jes, jest, jesmi вли чаще jesmy, jescie, są. Переходого отъ этого древняго вида спряженія къ новъйшему служить употребленіе настоящаго времени глагола быти въ: XV - XVI стольтів, образовавшееся въ следствіе отделенія признакать лиць и посредственного уже соединенія ихъ съ третьимълицемъ единственнаго и множественнаго чисель. Такимъ образомъ, въ когда самостоятельныя третьи дица сделались какъ-бы вречастіями настоящаго времени, сопровождавшими признаки перваго и втораго леца, обоихъ чиселъ, то есть: т и в единственнаго, śmy и ściе множественнаго. Отсюда и читаемъ: żem jest tu piękny; takem ja jest od ludzi wzgardzony; dgzieś jest; temu co żywiemy i cokolwiekeśmy są przypisać musiemy; jak słodkim są ście napojone weselem, и пр. (Kochan. I. 49. II, 51. III, 127 и др.); или: jam nie jest żadnym nieprzyjacielem (Luk. Gornic. Dzieje, crp. 37); poddaniśmy my są wierni twoi, gotowi gardła swe za cię położyć (тамъ-же, 26). Следовательно, форма спряженія явилась въ XVI стольтій уже такою: jam jest, tys

jest, on jest; myśmy są, wyście są, oni są. Нельзя не замітить при этомъ, что, при отдівленій признаковъ лицъ, во множественномъ числъ захвачено было и коренное глагольное в, отъ чего, вижето аналогическихъ съ единственнымъ числомъ формъ: my my są, wy cie są, произошли: myśmy są, wyście яа. Быть можетъ впрочемъ, и единственное число отбросило только для перваго и втораго лицъ коренной слогь ies, и тогда: jam jest и tyś jest являются уже сокращеніями изъ ja jesm jest, ty jeś jest. Какъ бы то ни было, но новъйшая форма, общеупотребительная въ современномъ Польскомъ язывъ для настоящаго времени, образовалась изъ формы XVI — XVII стольтій, только слитіемъ объихъ частей въ одно целое, при чемъ признави лицъ заняли заднее м'есто, и вм'есто яз во множественномъ чисать явилось jest для перваго и втораго лица: jestem, jesteś, jest, jesteśmy, jesteście, są. Uto jest u są XVI BEKA, въ первыхъ двухъ лицахъ обоихъ чиселъ, и jest во вобхъ лицахъ, кромъ 3-го единственнаго и множественнаго, въ ныпъшнемъ языкъ вполив уравнены причастіямъ, — это видно явъ вынъшняго прошедшаго того же глагола, которое образовано точно такимъ же образомъ: изъ причастія на ль (== 1) и признаковъ лицъ, развившихся въ свою очередь изъ сокращенія jesm и слъд.: kochałem, -łeś, kochaliśmy, -ście. Что и эта форма сложнаго прошедшаго есть произведение поздивишаго времени, доказывають тв же памятники, въ которыхъ, подобио настоящему времени, не попадается эта сокращенность, вывсто которой обыкновенно и постоянно употребляется полная сложная форма: porodził yesm, uczynił yes, yest и т. д. (Псалт. Maprap.), Micolay esszo yest zająl (1386, Pamięt. Maciejow, II, 339); possial iest, są bili, dali są (тамъ же, 1417, стр. 340), szmi uczynili (1449, Stat. Wisl., 13).

Примъчание. Отъ нашего объясненія образованія современного настоящаго времени глагола существительнаго и прошедшаго времени всёхъ другихъ глаголовъ, нёсколько отступаетъ г. Цегельскій. Вотъ какъ понимаетъ это дёло онъ. Отвёчая на предложенный собою вопросъ: откуда явились нынёшнія формы: jestem, jesteś, jest, jesteśmy, jesteście, и выразивши удивленіе стравному образованію вхъ, онъ говоритъ: «въ позднёйшую

пору, когда Поляки не чувствовали уже, что t въ формъ jest служить знакомъ третьяго лица, признали это jest за корень и инстинктивно видели себя побужденными составлять все другія лица изъ этого кория. Но что всего удивительные! Такъ какъ не сознавали уже и того, что окончанія: em, es, smy, scie суть только сокращенія глагола jesm и т. д., а отдільные знаки лицъ: m, я трудно было имъ произнести вследъ за корнемъ jest; то вытьсто того, чтобы образовать формы: jest-m, jest-ś. jest-my, jest-cie, они соединили вымышленный корень jest съ темъ же самымъ, только сокращеннымъ, глаголомъ јези. откуда и явились: jest-em, jest-eś, jest-eśmy, jest-eście. Что окончанія эти не суть признаки лицъ настоящаго времева, видно взъ окончаній множественнаго числа: smy, scie (какъ: byli-śmy, byli-ście), а не ту, сіе; еще очевидите изъ тога, что, какъ во времени прошедшемъ, такъ и въ этой форма, можемъ отделять окончанія ет, еб и присоединять ихъ къ другому выраженію, напр.: jam jest, któryś jest w niebiesiech. Во множественномъ числъ сдълать этого нельзя, потому что · форма jest не можетъ принимать признаковъ множественнага числа, какъ: byli-śmy и my śmy byli. Удивительная аномалы-(O słowie Polsk. i konjugacyach jego, стр. 44, прим. I). На тей же страниць, въ тексть, сльдующимъ образомъ объясимется составление прошедшаго времени: «О временахъ прошедшихъ должно замътить, что окончанія: ет, ея, яту, ясіе не суть только знаки лицъ, но совивщають въ себв съ знаками и села; другими словами, - онъ суть сокращенныя формы настоящаго времени глагола: jesm, jes, jeśmy, jeście; формы женскаго в средняго родовъ удержали изъ существительнаго глагола: jesm. јез только т и з, потому что а и о признаки родовъ причастія. Отделять следуеть такь:

był-em ,	była-m ,	było-m
był-eś ,	była-ś ,	było-ś
był,	była ,	było
byli-śmy ,	były-ś my ,	były-śmy
byli-ście ,	były-ście ,	był y-ście
byli ,	były	były».

Все различие въ предложенномъ нами выше объяснении и въ объяснения г. Цегельского заключается главнымъ образомъ въ различномъ пониманіи звука е, въ настоящемъ: jestem, jesteś, и въ прошедшемъ мужескаго рода: byłem, byłeś. Г. Цегельскій сливаеть е съ т и съ з и считаеть ихъ отрывкомъ глагола jesm, jeś, слъдовательно приравниваетъ формы: jestem, jesteś формамъ: jestjesm, jestjes; а формы: byłem, byłes формамъ: byłjesm, byłjeś. Я же признаю е вставленнымъ единственно для удобства произношенія, безъ всякаго отношенія его къ глаголу ' jesm, jeś, а звуки т и в признаками лицъ перваго и втораго. Последнее объяснение находить полное оправдание 1) въ историческомъ развитіи этой формы, 2) въ послівдовательности образованія другихъ родовъ, женскаго и средняго. Думаю, если бы г. Цегельскій вникнуль въ спряженіе существительнаго глагола въ XVI столътіи, или обратилъ бы вниманіе на употребленіе формъ его въ нынъшнемъ говоръ Силезцевъ, то едва ли бы не согласился съ нашимъ объяснениемъ. Въ самомъ дълъ, изъ спряженія XVI въка: jam jest, tyš jest видно ясно, что jest превратилось въ значение причастия, какъ указатель времени и числа, а признаками лицъ остались вообще глагольные признаки лицъ: т, в, принадлежащие въ древнее время всемъ глаголамъ и всъхъ родственныхъ языковъ: dadami, δίδωμι, дамь (= дами), dadasi, δίδωσι, даси и др. Отбросьте личныя мѣстоименія ја и ty, и, независимо отъ невозможности произнести m jest, s jest, дайте признакамъ глагольныхъ лицъ свое мѣсто, назади, и получите: jest-m, jest-s; трудность выговора уничтожается вставкою е: jest-e-m, jest-e-ś. Тамъ, гдъ личныя мъстоименія при глаголахъ вполив употребительны, какъ у Силезцевъ (по мивнію пастора Фидлера, въ следствіе вліянія Нъмецкаго языка, постоянно употребляющихъ я, ты, мы, вы), остались въ силъ и формы XVI стольтія: jam jest, tyś jest, myśmy są, или просто: my są. То же самое и въ сложномъ прошедшемъ времени. Составление его въ древне-Славянскомъ языкъ извъстно: прошедшее причастіе на -ль, -ла, -ло и вспомогательный глаголъ: ксмь; и въ древнихъ памятникахъ Польскихъ, XIV-XV вв., такъ только составлениде прошедшее и встръчаемъ. Въ XVI стольтіи, подобно настоящему времени, и

3

въ немъ находимъ отдъление лицъ: jam był, była. było; tyś był, była, było. Удалите личныя мъстовменія и туть, получите: był-m, była-m, było-m; był-ś, była-ś, było-ś. При удобстві выговора въ женскомъ и среднемъ родахъ, эти формы безъ измітненія живуть и доныні въ устахъ народа; въ мужескомъ же родъ встрътилось то же затрудненіе, какое принадлежитъ и настоящему времени, а потому и устранено такимъ же способомъ, т. е. вставкою е: był-е-т, był-е-ś. Въ противномъ случав, двиствительно, была бы удивительная аномалія, если бы, при однихъ и тъхъже условіяхъ, мужескій родъ образовался совершенно иначе отъ женскаго и средняго, и изумленіе г. Цегельскаго понятно, какъ скоро онъ въ мужескомъ родъ видитъ следы вспомогательнаго глагола, а въ женскомъ и среднемъ ихъ не отыскиваетъ. Поэтому несправедливо, полагаемъ мы, нападаетъ онъ и на г. Мацъёвскаго, представившаго въ въ очеркъ древняго языка Польскаго (Piśm. II, 288) форму прошедшаго мужеск. рода въ такомъ видъ: byłm, byłs, byłt, Правда, итть ея въ памятникахъ, но она составлена аналогически съ женскимъ и среднимъ родами върно. Особенно третье лице не можетъ нравиться г. Цегельскому, потому что оно прямо противоръчитъ его толкованию звука е при ти в въ настоящемъ jestem и въ прошедшемъ муж. на -łem: дъйствительно, если ет есть сокращение изъ језт, то почему же и третье лице не могло быть, напр., by l-et, сокращенное точно такъ же изъ był jest, какъ był-em изъ był jesm: въдь jest и до сихъ поръ существуетъ въ языкъ Польскомъ. Это о единственномъ числь. Что касается до множественнаго, то, выссто странной непоследовательности, которой удивляется при своемъ способъ возарѣнія на эту форму г. Цегельскій, мы видимъ въ немъ совершенно последовательное развитіе изъ стариннаго употребленія. Въ XIV-XV стольтіяхъ множественное число составлялось такимъ образомъ: my jeśmy, wy jeście, oni są; въ XVI, отчасти и въ XVII, за обратилось въ прачастіе множеств... какъ jest въ ту же пору для единственнаго числа, отсюда произошли формы: my śmy są, wy ście są, oni są; въ послъдующее время, яф сменилось для первыхъ двухъ лицъ посредствомъ jest, и, съ удаленіемъ мѣстоименій личныхъ, явились

выраженія: jestámy, jestácie; трудность выговора и здѣсь потребовала є: ješt-e-ámy, jest-e-ácie: тамъ, гдѣ этой трудности не было, не существуетъ и є: byli-ámy, byli-ácie. Третье лице осталось въ древнемъ своемъ видѣ, яҳ, но только для настоящаго времени, и то не всегда, забывшись совершенно въ прошедшемъ сложномъ, какъ забылось суть, вмѣстѣ съ другими лицами, и въ Русскомъ языкѣ.

Говоря о прошедшемъ времени, оставшемся въ вынъшнемъ языкв только въ сложной формв, изъпричастія и вспомагательнаго глагола, нельзя умолчать и объ очевидныйшихъ остаткахъ когда-то господствовавшаго въ Польскомъ языкѣ прошедшаго простаго, на хъ. Кромъ уже выраженія на bych, жившаго еще и у образцовыхъ писателей XVI стольтія, лучшимъ свидьтельствомъ существованія прошедшаго простаго вообще для всёхъ глаголовъ, и еще въ XIV в., служатъ примеры его употребленія въ древибищемъ Польскомъ памятникъ, въ Псалтыръ Маргариты. Правда, отмъченные мною примъры принадлежата третьему лицу множеств. числа, но это нисколько не можетъ говорить противъ необходимости этого прошедшаго и для остальныхъ лицъ. Примеры эти следующіе: usti swimi blogoslowachø a sercem swim poclinachø (34, 1), i we mne spewachø (38, 1), szukachø iego (45, 1), krew newinno potøpyachø (55, 1), chwalechø, przeciwo mne przisøgachø (58, 1). Yto ко времени Псалтыря Маргариты прошедшее простое уже отживало свой въкъ, ясно изъ повсюднаго употребленія прошедmaro сложнаго; только условное прошедше bych или abych жило еще по всъмъ лицамъ въ полной силь: bych, bys, by, bychwa, bychom, bychø (Псалт. Маргар.), abychom mogli (Stat. Wisl. стр. 10), abichom nyebily, abichom byli (тамъ же, 13, 20); даже прошедшее бъхъ показалось только однажды, и то наряду съ приведенными выше глаголами въ 3-мъ лицъ множественнаго: jeszcze karme gich bechø w uszczech gich (45, 1). Полнота жизни въ XIV въкъ условнаго прошедшаго дала ему возможность удержаться до XVI въка и явиться подъ перомъ писателей даже второй половины этого въка; но тутъ же оно и замерло, и тъ же самые писатели, которые употребляли его, обнаружили уже забвеніе къ нему, подставляя зачастую вмісто

bych — bym, авлая, следовательно, by условною частицею. подобно Русскому бы, а для опредъленія лица присоединяя къ ней признаки лицъ современнаго прошедшаго. Клёновичь, напр., современникъ Кохановскаго, никогда уже не употребляетъ bych, а всегда bym: kiedybym, skazałbym и др. (II, 197 etc.); между тъмъ Горницкій мыняеть иногда въ одномъ и томъ же выражения bych и bym: żebych pana prosił, spytałbych, и тутъ же: pytałbym y o to, pierweybych utopiła.... y obrałab ym.... niżb y ch (Dzieje, стр. 60, 76, 139). Что значеніе окончанія сћ забыто было и Кохановскимъ, писавшимъ нертако: bych, bychmy (вм. bychom Псалт. Маргар.: bychom chwalily 63, 2), что попадается неразъ въ спискъ Статута Васлицкаго 1503 года, выбсто by chom — списка 1449 (срава. стр. 20), bychwa (Kochan. II, 77; I, 34; III, 77, 116), види изъ перенесенія формы сһту на настоящее время, вмісто превильной śmy: mychmy jego nędzne są stworzenie (II, 165), i pomni, żechmy zemia i cień znikomy (II, 170), wszyscych my zgrzeszyli (тамъ же, стр. 175).

Примъчаніе. Нашедши въ книжкъ королевы Ядвиги выраженіе: iżbychom twemu jenaczkowi posłużyła, г. Цегельскій (стр. 48, прим. 2) заключаетъ, что окончание chom выбло также знакомъ перваго лица т, отпавшее въ единственномъ часлъ въ другихъ случаяхъ и сохранившееся во множественномъ числь: bychom или bychmy. Ho, a) bychom для перваго лица единственнаго числа есть единственный случай, сколько шев извѣстно, не только вообще въ письменности старо-Польской, но и въ самой книжкъ Ядвиги, гдъ неоднократно встръчается первое лице единств., и всегда въ формъ bych: yzbych prespyeczne przysla, a zasluzyla bych wydzyecz, yzbych grzechow spowyedala, yzbych szynaczka przyyala и др. (Вишневск. Hist. lit. I, 424, 426); б) г. Цегельскій, знакомый съ трудами Боппа, не обратилъ вниманія, что окончаніе жь (=ch) сміншло древнее со, нередко попадающееся въ памятникахъ Старо-Славянскихъ, которое вполнъ соотвътствуетъ аористному окончанію Санскр. и Греч. sam (σα). Образованіе изъ сам окончанія съ совершилось точно такъ же, какъ упомянутое нами образованіе именит. и винит. падежей: согласное окончаніе (=признакъ

перваго лица, M) погибло въ Славянскомъ языкѣ, а гласное α выразилось въ Кирилловскомъ алфавитѣ черезъ π ; но какъ во многихъ другихъ случаяхъ, напр, въ мѣстномъ или предложномъ падежѣ множ. числа, с превратилось въ x, такъ и изъ древняго окончанія аориста $c\pi$ явилось $x\pi$. Слѣдовательно, M, признакъ перваго лица, по мнѣнію г. Цегельскаго, въ bychom, не можетъ здѣсь имѣть и мѣста; онъ сталъ необходимъ съ потерею окончанія прошедшаго (=aoриста) $x\pi$. На этомъ основаніи рѣшаемся считать bychom въ молитвенной книжкѣ Ядвиги, въ вышеприведенномъ случаѣ, просто ошибкою писца, не болѣе.

Двойственное число въ глаголахъ выдержало долве прошедшаго простаго борьбу съ новизною, и, являясь, подобно двойственному въ другихъ частяхъ ръчи, совершенно обычною формою въ XIV столетіи, сохраняло свою правильность, хотя и не всегда последовательно и не такъ уже обще, въ XVI и XVII въкахъ, сберегии форму свою, а иногда и значение и въ современныхъ говорахъ народныхъ. Въ Псалтыр в Маргариты, настоящее время и причастіе прошедшаго съ вспомогательнымъ глаголомъ употребляются въ двойственномъ числѣ почти безъ погрѣшностей. Для перваго лица исключительное окончаніе wa. для втораго и третьяго ta: w domu boszem chodzyla ieswa s przilubenim (30, 2), pospolu nemądry i szalony zgineta; miloserdze i prawda przeydzeta (51, 2), ręce iego w koszu sluszile jesta (47, 2), omdlale iesta oczy moge (75, 1), usneszile jesta oczy moye (77, 1). Видно, что въ XIV въкъ не вполиъ забылось и различіе рода мужескаго отъ женскаго и средняго, хотя, какъ ясно изъ приведенныхъ примъровъ, только для одного причастія; роды глаголовъ уже сившались, принявъ одно окончаніе ша и ta. Вікть XV не представляеть никакого отличія: то же самое находимъ и у писателей XVI, даже XVII стольтій; и тутъ двойственное число употребляется правильно, какъ и въ XIV столетіи. Примеровъ множество. У Рея: gdy się rzuciwa do pługa (стр. 103, срв. 209, 214 и др. Mikołaja Reja z Nagłowic, Pisma wierszem. Krakow, 1848); у Кохановскаго: niechaj ci służywa, zmiękczywa, obaśwa, ruszwa, poczniew a się kwapić (I, 152, 183; II, 92, 95, 184; III, 116); obaśwa swych tajemnic sobie się zwierzała i do Pańskiego domu w miłości chadzała, bychwa poprawiać się miała, tym umysłem bychwa mogła oboje zalapić (тамъ же, II, 92; III, 77, 116) и др.; у Клёновича: u którego też nie długo będziewa, ćóż mawa, bracie, czynić dalej, już nie wiewa (I, 82; II. 36); у Шимоновача: говwa już raczej na sie (80). Но рядомъ съ правильностію, въ следствіе обнаружившагося колебанія въ языкв для этой формы, у тьхъ же писателей встръчаемъ и ръзкія погръщности. Такъ у Кохановскаго: i ja i ona nie pragniemy do śmierci być rozdzielona (1, 49), — примъръ разительный, какъ затемивлось чувство къ двойственному: въ одномъ и томъ же выражения причастіе правильно, въ двойственномъ, глаголъ же во множественномъ; у Клёновича: oba się z tamtej darmo kokoszycie, bo taistrę ludaszowę oba ponoszycie (II, 86). Понятно, что, при появившеся порчь двойственнаго въ XVI въкь, эта порча должи была отразиться сильные въ послыдующее время. И дыйстветельно, въ говорахъ нынфшнихъ Польскаго народа, замефчая окончанія ша и іа, съ значеніемъ двойственнаго, мы не находимъ уже и следовъ двойств. въ причастіяхъ, равно и въ прилагательныхъ, занимающихъ мъсто сказуемыхъ. Объ отличи родовъ, затерянномъ и въ XIV вѣкѣ, нечего и говорить. Окончанія же ша и ta, первое для перваго лица, второе для двухъ следующихъ, разстяны еще по всей земль Польской, въ атсняхъ Краковскихъ, Подлясья, Мазовецкихъ и Варшавскихъ: będziewa się smiać oboje (Wojcic. II, 211), tak się też wej skrobiewa (тамъ же, 282), pojedziewa w cudze kraje (I, 39, срв. 199), do domu się zabierajta, nocować tu nie będzieta (II, 43), podkóweczki dajta wognia (210); gdzie jedzieta? Do Warszawy. Co wiezieta? Backi (тамъ же, 283). 'Но, употребляясь, въ этихъ и подобныхъ случаяхъ, въ смысле двойственнаго числа, окончанія ша и са замінняють я множественное число; такъ напр. въ одной изъ песень Краковскихъ: da nam garniec wina, a drugi piwa, - co my się z kuraczkiem ochłodziwa: bośwa z kuraczkiem ranusieńko wstali (тамъ же, I, 268). Вообще, свойство это развито, кажется, съ особенною силою, въ говорѣ Краковскомъ, на сколько можно судить по пѣснямъ народнымъ и по повъсти Яна Грегоровича: Tomek mędrek, написанной во многихъ мъстахъ языкомъ простонароднымъ и

напечатанной въ Библіотект Варшавской (1853, zeszyt CLIII). Что же касается до окончанія та, распространеннаго и въ Малой и въ Великой Полыпъ, въ которомъ съ другими и П. П. Дубровскій видить двойственное число, то желательно бы было имъть побольше примъровъ, которые бы подтверждали такое мивніе. Сколько нашель я, то всв примвры на та принадлежатъ, по своему значенію, множественному числу, и въ окончаніи та должно, думаю, скорве видьть одно лишь сближеніе окончанія множественнаго ту сь двойственнымъ: olworz nam pani nowy dwór, boć ci niesiema wśzystek zbiór (Wojcic. I, 270); żebyśwa tam zajechali, kędyśma się obiecali (тамъ же, 11, 40). Находя, такимъ образомъ, одну изъ древивашихъ формъ древне-Славянского языка, двойственное число, хранящимся донын в въ наръчін Польскомъ, хотя со всеми признаками порчи и забвенія, нельзя опустить и сбереженія, какъ бы на намять, небольшею горстью Польскаго народа въ горахъ Карпатскихъ окончанія прошедшаго простаго на хъ, бывшаго, какъ видели, некогла въ употребленіи въ языкъ Польскомъ. Это окончаніе въ говоръ Подгалянъ служитъ до сихъ поръ признакомъ перваго лица въ прошедшемъ сложномъ, замъняя собою господствующее въ томъ же временя m (ж) въ устахъ прочихъ Поляковъ: это x, измѣненное, по свойству нарвчія Подгалянъ, въ к, какъ и въ другихъ словахъ, напр. dwok вм. dwoch (miała ja frajerzy aże dwok. Pieś. ludu Podhalan. Zejszner. стр. 57), присоединяется и къ мужескому и женскому родамъ, какъ и т, и такъ же свободно отавляется отъ глагола: dałabyk ci ja na łyszkę kapusty (тамъ же, 55), jabyk, ozweseliłbyk, pasałek owiezki (139), znalazłek; ino k sobie zobaczyła wianka w komorze (120); jeszcze jek (= jak = jam) nie słyszał tak dziewczęcia płakać, jak moja płakała, kie mię przyszli łapać (159).

Къ числу замътокъ о Польскомъ глаголъ считаю не лишнимъ присоединить и слъдующія, хотя очень ръдкія, тъмъ не менъе замъчательныя особенности для охарактеризованія прежней близости языка Польскаго къ наръчіямъ родственнымъ.

1. Окончаніе въ настоящемъ времени въ первомъ лицѣ множественнаго m, вмѣсто повсюднаго нынѣшняго my. Правла, древнѣйшее окончаніе мъ, вполнѣ соотвѣтствующее Санскр.

тая, Латинск. тия, Греческ. раб, съ незапамятныхъ уже поръ, сколько можно судить по первымъ произведеніямъ Старо-Славиской письменности, обнаружило переходъ свой въ мм, завиствуя послѣднее отъ мѣстоименія перваго дица, подобно двойственному первому лицу ва, вм. въ, по родству съ Скр. тая на та во второстепенныхъ временахъ; при всемъ томъ, вѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ Русское, до сихъ поръ удерживають древнее окончаніе мъ. Удержало его въ немногихъ примѣрахъ XV — XVI стол. и Польское нарѣчіе, какъ: nayduyem i wswyetlami (Stat. Mazow. 135), ieśli my zelżeni zostaniem, jeśli... przodkujemy (Luk. Górnic., стр. 21), или въ слѣд. стихахъ Ява Кохановскаго: tę jeżli wrócim i mężowi w ręce oddamy, możem siedzieć za pokojem (III, 45).

2. Сохраненіе, также въ нѣсколькихъ глаголахъ и также въ XIV — XVI въкахъ, признака повелительнаго наклененія и, обыкновенно выбрасываемаго въ современномъ язык в Польскомъ и необходимаго въ древнемъ видъ языка Сивянскаго, по родству повелительнаго Славянскаго съ жемтельнымъ наклоненіемъ родственныхъ языковъ, гат звукъ и является образовательнымъ, хотя при сочетания съ соединтельною гласною онъ и превращается въ ℓ (= ai = $C_{Jab. A}$), какъ въ Санскр., и въ ој, какъ въ Греческомъ языкъ. Отсюм: otewroci, нынып. odwróć (въ древныйшемъ переводы псымовъ, конца XIII или начала XVI стол.), kazny, нын. kazń (въ Декалогъ 1428 г. См. Прибавлен. къ Piśm. Maciejow.,), otworzycze mne wrota (Псалт. Марг. 70, 1), вм. нын. otwórzcie: przygarny mye, przywyedzy mye, гасzуидр. (Książka do nabozeństwa Jadwigi); karzy нын. karz (Kochan. I, 88), гасzу (у него же, III, 282) и др. Любопытно объяснение этого факта уг. Мацъёвскаго: Zdaje się nawet, że cyrylski alfabet naprowadził nas na kreskowanie spółgłosck, czyli że znak miękczenia rzeczonemu alfabetowi właściwy (tak zwane jerr, jerrczyk) dał nam pierwszą mysł, by zamiast pisać i (któregośmy do miękczenia spółgłosek w XII jeszcze aż do XV używali wieku) kreskować je raczej. Rękopisy najdawniejsze domysł nasz zamieniają w pewnik. (Piśm. II. 251). Такъ убъдительна кажется г. Мацъёвскому зависимость посльдовательнаго изміненія языка вы народі оты письменности. Онь

не хочетъ, значитъ, и думать, чтобы въ приведенныхъ случаяхъ і было звукомъ самостоятельнымъ, такъ и произносимымъ въ народъ; по его понятіямъ — это лишь знакъ для смягченія предыдушей согласной, вполнѣ равносильный Кирилловскому врю; знакомство Поляковъ съ последнимъ, въ свою очередь, изгнало изъ письменности Польской прежнее і, замізнивши его знакошъ -- надъ последнею согласною. А трудно ли было сообразить, съ одной стороны, то, что въ Старо-Славянскомъ и Русскомъ нартијяхъ, не смотря на туземность вря, все таки въ повелительномъ господствуетъ и, съ другой. — что, при всемъ знакомствъ съ времъ письменности Русской, говоръ парода Русскаго, при общемъ правиль для нъкоторыхъ глаголовъ оканчивать повелительное на ь, какъ: отстань, ударь и др., видимо склоняется къ врю и въ такихъ глаголахъ, которые донынъ въ письменномъ языкъ оканчиваются на и, какъ: подь, ходь, покажь и т. п. Точно также и въ язык Польскомъ было время, когда преобладало въ этомъ случат древнее и, общее нъкогда для всъхъ наръчій Славянскихъ, и потомъ постепенно стало сміняться на ј, что и начали обознать крескованьемъ конечной согласной. Представленные выше примъры, предлагая новый фактъ сближенія въ старину языка Польскаго съ соплеменными наръчіями, относятся уже къ эпохъ почти окончательнаго его забвенія, именно къ XV — XVI стол.

3. Весьма рѣдкое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи ci (= mu), вм. современнаго ć: by szø raczil szmilowaczy, nam grzesznym swø miloscz daczy (1408 г., Pamięt. Maciejow, II, 354), bogu chwalø daczy, sze wszemij szylami boga milowaczy (Bogarodz. спис. 1456, тамъ же, 365), alye racz nasz darowaczy nyebyeszkyem bydlyenym (hymn o S. Duchu; тамъ же, стр. 372), raczyl czyalo wszyaczy sz czyebye panno czysta (hymn o N. Pannie 1493, тамъ же, стр. 374); или у Кленовича:

więc żona w płacz na zajutrz i ubogie dzieci, hultaj się zgołościały niema gdzie podzieci:

или у него же:

boś się też w ogrodniczej ukazał postaci: kiedyś po męce twojej raczył z martwych wstaci. (Klon. II, 107, 124). Конечно, въ послѣднихъ примѣрахъ окончаніе сі неопредыленнаго наклоненія употреблено для рифмы; но и для рифмы не можетъ быть сдѣлано до такой степени насиліе языку, чтобы придумывать не бывалую въ немъ форму; и въ окончанія сі скорѣе должно допустить архаизмъ, введеніе кстати забывавшейся уже старой формы, чѣмъ для одного изъ образцовыхъ писателей золотаго вѣка словесности Польской предполагать непозвольтельную вольность поэтическую.

4. Причастіе прошедшаго времени дійствительнаго зама въ современномъ языкъ Польскомъ обратилось ръшительно в дъепричастие, получивъ общее для всъхъ родовъ и чиселъ оковчаніе wszy и szy; между тьмъ, еще въ XV стольтін доволью обыкновенно отличался муж. родъединственнаго числа оконъніемъ на w (= Ct. Слав. вв), какъ: przyszelw (= пришель, ucząw (= uciąw, Stat. Wisl. 81, 83), poyąw, wszetw (Stat. Jagełłoń. стр. 127, 131; срв. множ. число: wsszethwszy, съ 131), myaw, obacziw, poswaph, ostawiph, opusczyw (Stat. Mazow. 138, 139, 140, 148). Зайсь кстати замітить, что презнакъ причастія прошедшаго w (= Санскр. vas, жен. uszi) отвался и при коренномъ окончаніи глагола на согласную d, какъ в словахъ: przyszetw, w szetw, не отбрасывая его, какъ въ врѣчів Ст. Слав., письменно-Русскомъ и другихъ, и не изговы собою кореннаго d, какъ простонародный говоръ Рускії (шовъ, шовши). Выражение, приводимое Линде изъ Fundamenta wiary: wielka liczba w piekle chrześcian bezbożnie żywszychi bez pokuty umarłych, свидътельствуетъ, что не такъ давно номнилось и склоненіе этихъ причастій, сохранившееся повыві въ двухъ формахъ: by wszego, by wszemu. Говоря о причастіяхъ Польскихъ, считаю умістнымъ остановиться, по моему мифнію, на совершенно ложномъ понимавіи г. Цегельский образованія Польскаго дівепричастія и причастія настоящаю времени на ас, асу — аса — асе.

Указавии, на основаніи окончавія этой формы въ Скрит. ва ant, въ Греч. на юу (вм. сут), въ Лат. на ans — ens (вм. ants – ents), древнѣйшій видъ причастія настоящаго въ вменят. муж. рода съ окончаніемъ ant-s, г. Цегельскій (о słowie Polsk., стр. 51) задаетъ себѣ вопросъ: откуда образовалось Польское ас, въ

ant ли, черезъ смягченіе t въ c, или изъ поливишаго ant-s; хотя произношение ас и сближается какъ будто больше къ ant-s, но какъ звукъ с остается и въродит. падежѣ, то вопросъ рѣшается въ пользу смягченія t въ c, u, сл 1 довательно, происхожденія причастія на ас изъ ant. До сихъ поръ ошибки большой ність; погратность заключается только въ устраненія, при сравненія, древивёшихъ формъ языка Славянскаго и образованія въ немъ изъ причастій д'вепричастій, что и отнало у автора возможность объяснить надлежащимъ образомъ форму Польскаго причастія на ас. Но сабдующее замъчание не простительно. «Языкъ Старо-Славянскій, говорить онъ (на стр. 52, въ прим'ьч. І), оканчиваеть причастіе это уже на а, потерявши поливишій признакъ пі, подобно большей части нарічій новыхъ. Отсюда видимъ ясно, что не должно признавать языка Польскаго, какъ и нижакого Славянскаго, происходящимъ отъ Старо-Славянскаго; первый сохранилъ нерѣдко первобытныя формы еще въ чистъйшемъ видъ, чъмъ другіе, будто-бы старшіе діалекты. Старо-Славянскимъ называется онъ только потому, что на неме имъеме мы древныйшіе памятники литературные; Польскій одинаково старъ, иначе не могъ бы сохранить формъ болье первобытныхъ; но какъ произведенія письменности на номъ принадлежать позднъйшему времени, то первый и считается старшимъ. Мивие мое подтверждаетъ и Миклошичь во введеніи къ «Сравнительному звукоученію». Что существующія понынѣ нарѣчія Славянскія не происходять отъ Старо-Славянскаго, что по происхожденію своему они также древни, какъ и последнее, это слишкомъ очевидно, и доказывать подобную истину въ настоящее время былобы не извинительною отсталостію въ наукѣ Славянскаго языкознанія; равно несомивнию и то, что современныя нарвчія предлагають иногда формы, хоть, правда, и очень редко, въ боле древнемъ видъ, чъмъ самое Старо-Славянское наръчіе. Но что Старо-Славянское наръчіе называется такъ, будто только по древности памятниковъ своихъ, это положительно несправедливо. Г. Цегельскій ссылается на Миклошича; ежели для него важенъ авторитетъ этого трудолюбивъйшаго и полезнъйшаго филолога Славянскаго, то я привожу указанное имъ мъсто въ подлинникъ. На страницъ VII предисловія къ Vergleichende Laut-

lebre (Wien, 1852), вотъ какъ выразился Миклошичь о Старо-Славянскомъ наръчіи: «Diese Sprache bildet den Mittelpunkt slawischer Sprachforschung, weil sie, ohne gerade Mutter aller slawischen Sprachen zu sein, doch die älteste Form derselben, und in dieser für alle Töchter- und Schwestersprachen die tiefste Regel bewahrt hat». Дъло въ томъ, что нынъшнія наръчія хранять древитайшія формы въ самыхъ ртдкихъ обрывкахъ, совершенно заваленныхъ новъйшими видоизмъненіями; открыть ихъ между последними бываетъ часто крайне трудно самому опытному филологу; тогда какъ въ наръчіи Старо-Славянскомъ онъ представляются сами собою, будучи единственными и притомъ въ полной масст распространенными на весь составъ языка. Самая новизна, плодъ вліянія говора писца на поздній списокъ древнъйшаго памятника Старо-Славянскаго, выдълнется такъ 🗃 ръзко въ ряду формъ старобытныхъ, какъ ръзко выдаета остатокъ глубокой старины въ стров новвишихъ нарвчій, осебенно Польского. Польское-то наръчіе, именно, сколько извъстно оно мив въ старомъ его видь и въ новъйшемъ, менье вству остальных и представляеть не только древитивших (pierwotniejszych) формъ, чѣмъ Старо-Славянское, но и равныхъ по древности последнему. Г. Цегельскій во всемъ разряде глаголовъ Польскихъ открылъ одну такую форму, причастіе на ас. Конечно, принимая за окончаніе причастія Старо - Славянскаго нарвчія звукъ а, вм. поливійшаго nt, какъ то лелаеть г. Цегельскій, не трудно дойти и до признанія формы на ас, за древивашую, чемъ на а. Но посмотримъ, такъ ли это на самомъ леле и таково ли происхождение причастия Польского, какимъ вудитъ его авторъ О słowie Polskiem. — Коренное окончаніе причастія настоящаго времени въименительномъ падежћ муж. рода аль не удержалось въ целости ни въ одномъ Индо - Европейскомъ языкъ. Одинъ изъ нихъ, какъ Санскритскій, отбросилъ признакъ именительнаго падежа s и сохранилъ ant; языки Латикскій и Литовскій потеряли t, оставивши s: ans-ens, ans-ins, (хота п въ современномъ говоръ вообще и не слышится въ языкъ Литовскомъ, но оно постоянно обозначалось въ старыхъ печатныхъ книгахъ. См. Schleicher, Handbuch d. Litauisch. Spr.: стр. 93). Языкъ Греческій отбросиль и то и другое, и оканчи-

ваетъ причастіе оу; подобно последнему, образовалъ причастіе и древне-Славянскій языкъ, оканчивая его на а — ва (= an-jan). Носовое окончаніе ап съ отдаленныхъ поръ въ языкѣ Славянскомъ обнаружило переходъ въ ъ, отчего и въ причастіи настоящаго времени, въ первыхъ уже памятникахъ письменности, на ряду съ а -- на, встречаемъ для некоторыхъ глаголовъ и форму на ъ несъ, ведъ и т. п. Вотъ два окончанія причастія въ наръчи Старо - Славянскомъ; что же касается до а, приводимаго г. Цегельскимъ, то объ немъ нътъ и помину. Не думаемъ отвергать и его древность, но оно принадлежало и принадлежитъ другимъ нарвчіямъ, древне - Русскому, древне и ново-Чешскому. (Древне-Чешскій языкъ имѣлъ и окончаніе ъ, что видно изъ немногихъ остатковъ въ древнихъ памятникахъ, какъ: a wstany ot wečeře, zalkny sie duchem. См. Safar. Pocatk. staro-česke mluwnic. стр. 102). Въ нихъ это а является равносильнымъ Старо - Славян. ъ, будучи распространено, какъ и последнее, на глаголы съ согласнымъ окончаніемъ въ корић глагольномъ. Образованіе окончанія на а нами указано выше: опо утвердилось въ языкъ въ слъдствіе отпаденія носоваго и, въ древнемъ ан. - Отсюда видно, что кромъ Санскр. и Нъмец. языковъ, всъ остальные родственные, древняго вида, въ именит. муж. рода потеряли коренное $m \; (=t)$. Γ . Цегельскій хочетъ видіть сохраненнымъ его въ нынішнемъ Польскомъ языкъ, съ измъненіемъ въ $c \ (= \ \mathbf{u})$, даже предполагаетъ возможнымъ считать c развившимся изъ t-t-s (= ts), признака именительнаго падежа. Относительно невозможности последняго зам'єтимъ словами самого г. Цегельскаго, что Славянскій языкъ съ незапамятныхъ поръ покинулъ согласныя окончанія, а слъдоват. в ни въ какомъ случав не могъ служить для образованія Польскаго c; что же до перехода t въ c, то въ именит. муж. рода нътъ ни малъйшаго къ тому основанія; а звукъ і, самъ по себъ, существуетъ въ такой же силъ въ Польскомъ нарвяін, какъ и въ другихъ соплеменныхъ. Ясно, что надобно искать иное происхождение и въ окончании ас.

Коренное t, исчезнувъ въ именит. муж. рода, осталось въ женскомъ во всъхъ остальныхъ падежахъ, иногда съ измъненіемъ, согласно съ фонетическими законами языка. Въ Санскр.

женск, anti, въ Литовск. anti — inti, въ Латинск., какъ съ однимъ окончаніемъ, подобно муж. роду, въ Греч. оуба. Окончаніе женск. рода въ Греч. языкъ для насъ очень важно, объясняя и оправдывая видоизмёненіе той же формы въ Славян. языкі, Принявъ окончание ja вм. i (= u), Греч. языкъ долженъ бы имъть окончаніемъ для женскаго рода сутіа; но, по свойству смягченія m передъ j въ c, какъ γ въ ζ (срв. хрє́сот ω), μειζον в др.), въ силу такъ называемаго іотацизма, очтох перешло в очос; по столь же господствующему въ этомъ языкъ закону, и не терпимо передъ $\sigma (=c)$ и, выбрасываясь, удвоиваетъ прешествующую гласную, для поддержанія ея долготы, какъбым необходима въ древности передъ двумя согласными (quantita): отсюда явилась соба = обба. Это окончаніе простерлось и намі остальные падежи женскаго рода. Такое же явленіе замічаем и въ языкъ Старо-Славянскомъ. По участію, безъ всякаго ф мивнія, того же ј, и онъ, по своему фонетическому свойсти, столь твердо выдерживаемому во всехъ частяхъ языка, нифнилъ звукъ т въ шт и образовалъ окончание причастия въ выт ашти (= кашти), жити (= кжити). Въ другихъ нарвчіяхъ Савянскихъ т смягчается въ ч или ц; отсюда въ древне-Русскоп причастіе женскаго рода имбетъ форму: ячи — учи (= мч). въ древне-Чешскомъ: есі — исі. Польскій языкъ, сохранивий носовые звуки, долженъ былъ имъть его въ формъ: ест — аст.

Смягченіе т въ шт, ч, ц развилось и во всёхъ остальных падежахъ, не только женскаго, но и мужескаго рода съ среднять. Причина этого распространенія перехода т въ шт, въ муж в средн. родахъ, вопреки Санскрит., Греч. и Латинскому языкать (atas. ovtos, antis — entis), заключается въ стремленіи, издавна обнаружившемся въ языкѣ Славянскомъ, устранить склоненіе съ согласнымъ окончаніемъ и сблизить его съ гласнымъ. Такое стремленіе очевиднѣйшимъ образомъ выразилось и въ существительныхъ именахъ на м и м (= ан), получившихъ въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ склоненіе вполнѣ одинаковое съ словами мужескаго и женскаго родовъ на ь, даже изиѣнитешихъ м въ ь и въ именит. падежѣ, какъ: церковь (даже: церков, бровь, свекровь, камень и т. д., родит.: брови, свекрови, камяя и т. д., вмѣсто древнихъ: брове (= бръве), свекрове (= свекръве).

камене, формъ, совершенно равныхъ Санскр. bhruvas, svaçruvas, açmanas. Тоже случилось и съ согласнымъ окончаніемъ причастія: вмѣсто ожидаемаго родительнаго на мте — мте, жте — кте (= акте), мы встрѣчаемъ, при первомъ появленіи Славянскаго языка въ письменности: мшта — мшта (= мтја — мтја), жшта — кшта (= жтја — ктја), какъ: камня, ячменя и т. п. Относя все сказанное о причастій настоящаго времени къ Славянскому языку, хотя по четыремъ его нарѣчіямъ Старо-Славянскому, Русскому, Чешскому и Польскому, мы получимъ древнѣйшія формы его въ слѣд. видахъ:

	Именительный:		Родительный:
	мужескаго	эксенска во	мужескаго
СтарСлав.	-a -fa -th,	-ашти -жшти,	-ашта -жшта
Русск.	-я -а,	-ячи -учи,	-яча(=яща) -уча(=уща)
Чешск.	-е -а,	-eci -uci,	(въ неопредъленной
Польск.	-ę -ą,	-ęci -ąci,	формъ не встръчается.

Откуда же взялось причастіе г. Цегельскаго на ас? Съ древнихъ поръ, сколько извъстио по памятникамъ, наръчія Славянскія начали превращать причастіе въ неизмінную форму дівепричастія, при чемъ перемъшались и роды. Въ Русскомъ языкъ дылая относится одинаково и къ женскому роду, какъ, въ свою очередь, безъ различія, употребляется народомъ окончаніе учи ючи, а иногда: учь -- ючь, и для мужескаго. То же самое произошло и въ языкъ Польскомъ, что отчасти доказываетъ и причастіе, на во, только съ окончательною потерею древняго мужескаго признака: окончаніе асе родилось изъдревняго асі, формы женскаго рода, такъ же точно, какъ и современное Чешское оис, ic (wezouc, ližic и др.), изъ употребительныхъ еще въ XIV стольтін: оисе, ісе; какъ уже дьепричастіе, ас относится Поляками одинаково и къ мужескому роду. Изъ этой-то двепричастной формы образуется и причастіе опредфленное: асу-аса-асе. Возможно происхождение нынфшняго двепричастия на ас и изъ винит. падежа муж. рода древняго причастія. Принявши во всъхъ падежахъ склонение съ гласнымъ окончаниемъ, подобно существительнымъ: камъ, пламъ и др., имъющимъ винит. па-**Лежъ:** камень, пламень, и причастіе настоящаго времени на ак (= а — ы — ы), по тому же самому обстоятельству, оканчивало съ незапамятныхъ поръ винит. единственнаго на шть (ашть — ышть — жшть), Рус. чь, Чеш. с, сдъдовательно, и Польское с (ас). Но ни въ томъ, ни въ другомъ случать это ас не есть не можетъ быть формою первобытиващею, старшею, чти даже причастие Старо-Славянскаго нартчи; напротивъ, оно столь же ново, какъ Русския дъепричастия на я, ячи, учи — ючи, или Чешския на а, оис, и, и развилось уже въ эпоху распадения формъ изъ смътения родовъ, изъ забвения причастия, обратившагося п дъепричастие.

Я остановился на причастіи болѣе, чѣмъ, можеть быть слѣдовало; но къ этому побудило меня уваженіе къ добровътстному труду г. Цегельскаго и желаніе ясиѣе показать запчательную его погрѣшность, поставленную имъ подъ защим, какъ будто, сравнительнаго языкознанія.

Въ заключение замъчаний о глаголахъ упомянемъ о форм lyzat, встръчаемой въ выраженін Псалтыря Маргариты: pred nim padacz bødø murzinowe, a neprzyacele iego bødø lyzat zene (40,2). Своею единичностію въ письменности Польской, кажися, несомитьно можетъ говорить этотъ примтръ о томъ, что вы авился онъ въ Псалтыръ или въ следствіе ошибки писца, м по вліянію Славяно - Русскаго церковнаго оригинала, съ котораго, какъ по всему замътно, переписывался Псалтырь Полскій и въ которомъ могла, въ XIII — XIV стол., находити форма лизать. Такъ думать, полагаемъ, справедливве, чемъсчь тать, вмісті съ г. Цегельскомъ, форму lyzat древнимъ неопредъленнымъ наклоненіемъ, въ которомъ, по удаленія і (й), звуб t не успълъ еще претвориться въ с, какъ несправеданно согласиться съ нимъ на приравнение древняго неопредъленнаго на ти Санскритскому неопредъленному и Латинскому супинумъ ва tum: тому и другому соотвътствовала въ Древне - Славянском языкъ своя особенная форма на то (см. о Słow. Polsk. стр. 50).

Оставляя до другаго раза наблюденія свои надъ словообразованіемъ и звуками языка Польскаго въ старину, окончу настоящія замѣтки сближеніемъ съ развитіемъ Польскаго языка, нашего роднаго языка, Русскаго. Мысль, высказанная еще въ 1825 году ученымъ Чешскимъ, Юнгманномъ, о важ-

номъ значеніи XIV въка для нарычій Чешскаго и Словацкаго, какъ времени рішительнаго поворота этихъ нарічій къ новизнъ и взаимнаго ихъ отдъленія, нашедши примъненіе подъ перомъ одного изъ достойн вишихъ филологовъ Русскихъ и для остальныхъ наръчій Славянскихъ, съ особенною силою была направлена имъ на доказательство такого же значенія того же въка и для Русского языка. Отсюда явилась мысль, что и Русскій языкъ много, много 5 — 6 въковъ сему назадъ далеко не былъ такимъ по своимъ этимологическимъ формамъ, какимъ владбетъ имъ настоящее поколбніе, что и онъ, до XIV -- XV стольт., имълъ еще, хотя не всегда во всей полноть в въ надлежащей правильности, многіе изъ тъхъ формъ и звуковъ, какими такъ богато наръчіе Старо Славянское, какіе удержались разбросанно по современнымъ наръчіямъ Славянскимъ и о какихъ нътъ уже помину въ современномъ языкъ отечественномъ. Сомиъніе въ возможности такого быстраго превращенія языка, такого нертако безсладнаго забвенія древности съ одной стороны, съ другой, - одностороннее убъжденіе, что древніе памятники отечественные исключительно и безусловно писаны по церковно-славянски, образовало немало нев врующихъ въ родившуюся мысль и вызвало, хоть и голословныя, противоръчія. Теперь, передъ нашими глазами свойства стариннаго языка Польскаго, для котораго нельзя опираться на церковно-славянизмъ письменности и который точно такъ же открываетъ въ себъ не только въ XIV, но и въ XVI столетіи довольно древнейшихъ формъ, и въ склоненій и въ спряженій, или безъ сліда забытыхъ въ новійшемъ языкъ, или доживающихъ въ немъ въкъ свой въ немногихъ отрывкахъ. Если же возможно такое быстрое забвение древнихъ формъ въ Польскомъ языкѣ, равно и въ другихъ наръчіяхъ Славянскихъ, и замъненіе ихъ новъйшими, то почему же отвергать эту возможность для родственнаго имъ Русскаго языка, когда и старинная письменность Русская только подтверждаетъ эту возможность и ни въ чемъ ей не противор вчитъ? Существованіе отличительных в особенностей Русскаго языка, даже особенностей по его говорамъ, также не могло противорёчить древнимъ формамъ; и независимо отъ последнихъ, обра-

74. 8AH. — NH. IV. — AABP.

зованіе этих в особенностей могло начаться съ незапамятных поръ; одно другаго, въ этомъ случав, не исключаетъ. Будемъ же внимательные къ другимъ нарвчіямъ Славянскимъ: добросовъстное знакомство съ развитіемъ ихъ успъшные всего можетъ образовать истинный взглядъ и на развитіе нашего языка.

ИЗДАНІЯ

BTOPATO OTABAEHIA MMHEPATOPCKON AKAMEMIN HAJNA.

- Слеварь Щерковно-Славянскаго в Русскаго языка. СПб. 1847. 4 тома въ 40.
- 2. **Опыть Областияго Воликорусска**го Словаря. СПб. 1852. 1 т. 4⁰.
- 3. Өпытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка. СПб. 1832. 1 томъ. 8°. 2-е изд. 1853; 3-е изд. 1854.
- 4. Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдъденію Русскаго языка и Словесности за первое десятильтіе съ его учрежденія, составленные Академикомъ П. А. Плетневыж». СПб. 1852. 1 томъ. 80.
- 5. Навъстім Императорской Академіи Наукъ по Отдъленію Русскаго языка и словесности, издаваемыя подъ редакціей Академика И. И. Срезневскаго съ 1852 года. 40. Томы I— VI: 1832—1837. Экземпляры перваго тома всъ распроданы.
- Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій. Томы І—III. СПб. 1834. 40.
- 7. **Неторическім чтенія** о языкъ и словесности въ засъданіяхъ II-го Отлъленія Императорской Академіи Наукъ. Три книги. СПб. 1854—1857. 8°.
- 8. Митьма о новомъ изданіи Словаря. СПб. 1854. 8⁰. Въ продажѣ уже нътъ.
- 9. Ученыя Записки Втораго Отділенія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ И. И. Срезневскій. Т. 1—IV. Спб. 1834—1838. 89.
- Санскрито-Русскій Словарь. К. А. Косовича. Спб. 1854. 4⁰. Отпечатаны 1—3 тетради.
- Шамятники Великорусскаго наръчи. Спб. 1855. 8°.
- 12. Словарь Малорусскаго наръчія, составленный А. Аванасьевымъ-Чужбинскимъ. Спб. 1855. 4⁰. Тетраль 1-я.
- 13. Наследованіе о летопнен Якимовской. Составиль *П. А. Лавров*скій. СПб. 1853. 8⁰.
- Памяти Графа Сергія Семеновича З'варова, Президента Академін Наукъ. П. А. Плетнева. СПб. 1835.
- 15. Повъсть о Царсградъ, Чтеніе И. И. Срезневскаго. Спб. 1855.

- 16. **Мас. гідованія и зам'вчанія** о дрег нихъ памятникахъ Старославан ской литературы. СПб. 1836. 8³.
- Царетвованіе Екатерины І, Сечиневіе К. И. Арсеньеза. СП. 1856. 80.
- 18. Грамматика Русскаго дамы Академика М. В. Ломовосом, 1753 г. Издана П-мъ Отдыевсъ И м ператорской Академи Нуковъ воспоминаціє стольтія Русска грамматики. СПб. 1855. 80.
- 19. Ф древней Русской латония, какъ памятникъ литературном. Сочинение М. И. Сухомлина. 1856. 80.
- Шамятинки нартчія Зальбеких Древлянъ в Глинянъ. 4 н. Гильфердинга. 1856. 8°.
- Отчеты Н-му Фтафление Авасмін о филологическом путемствін по западным в краям Росін. Кандидата С. П. Микупулік. 1855—1856. 8°.
- 22. Русскій библіографическій укращень за 1855 годъ, 80.
- Обзоръ Русской дуковной литературы. 862 1720. Сочинен преосвященнаго Филарета, епскопа Харьковскаго. 1857. 80.
- Очеркъ литературней истерів старинныхъ монфатей и сызокъ Русскихъ. Соч. А. Пыракс. 1857. 8°.
- 25. Шамятинки и образцы вередато языка и еловесиета Русскихъ и Западныхъ Славать. Редакт. И. И. Срезнеескій, 1832—1856. 49.
- Древніе глаголическіе отрыта. Вайденные въ Прагъ. И. И. Сруневскаго. 1837.
- 27. Жожденіе за три моря Анваса Никитина въ 1466—1472 гг. Чте нія *И. И. Срезневскаго*. 1887.
- 28. Обозрѣніе пергаменных руковисей Новгородской Сооїнски библіотеки. Н. К. Купріаноч 1857.
- 29. Вънсина правительственныя правременть щаря Михана вседоровича. К. И. Арсеновеа. Спо. 1857.
- Задомицима в. к. Дмитрія Навенча и брата его Владиміра Аваревича. Чтеніе И. И. Сремевская-1838. 8°.

115

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DAGE TAMPED BELOW.

ALL TUD

TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DAGE TAMPED BELOW.

PARTIELL TUD

TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DAGE TAMPED BELOW.

ALL TUD

TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DAGE TAMPED BELOW.

TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DAGE TAMPED BELOW.

